СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Т. АКСАКОВА.

Томъ V.

ЗАПИСКИ ОБЪ УЖЕНЬѢ РЫБЫ.

МОСКВА.
Изданіе А. А. Карцева.
1896.

Типографія М. Г. Волчанинова, Кудринская улица, домъ Кирѣевой.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я написалъ записки объ уженьѣ рыбы для освѣженія моихъ воспоминаній, для собственнаго удовольствія. Печатаю ихъ для рыбаковъ по склонности, для охотниковъ, для которыхъ слова: «удочка и уженье» слова магическія, сильно дѣйствующія на душу. Я считаю, что мои записки могутъ быть для нихъ пріятны и даже нѣсколько полезны: въ первомъ случаѣ потому, что всякое сочувствіе къ нашимъ склонностямъ, всякій особый взглядъ, особая сторона наслажденій, иногда уясненіе какого-то темнаго чувства, не вполнѣ прежде сознаннаго,— могутъ и должны быть пріятны; во второмъ случаѣ потому, что всякая опытность и наблюденіе человѣка, страстно къ чему-нибудь привязаннаго, могутъ быть полезны для людей, раздѣляющихъ его любовь къ тому же предмету. — Уженье, какъ и другія охоты, бываетъ и простою склонностью и даже сильною страстью: здѣсь не мѣсто и безполезно разсуждать объ этомъ. Русская пословица говоритъ глубоко и вѣрно, что *охота пуще неволи*. Но едва ли на какую-нибудь человѣческую охоту такъ много и съ такимъ презрѣньемъ нападаютъ, какъ на тихое, невинное уженье. Одинъ называетъ его охотою празднолюбцевъ и лѣнтяевъ; другой — забавою стариковъ и дѣтей; третій—занятіемъ слабоумныхъ. Самый снисходительный изъ судей пожимаетъ плечами и съ сожалѣніемъ говоритъ: «я понимаю охоту съ ружьемъ, съ борзыми собаками — тамъ много движенія, ловкости, тамъ есть какая-то жизнь, что-то дѣятельное, даже воинственное. О страсти къ картамъ я уже не говорю; но удить рыбу, признаюсь, этой страсти я не понимаю...» Улыбка договариваетъ, это это просто глупо. Такъ говорятъ не только люди, которые, по

несчастію, родились и выросли безвыѣздно въ городѣ, подъ вліяніемъ искусственныхъ понятій и направленій никогда не живали въ деревнѣ, никогда не слыхивали о простыхъ склонностяхъ сельскихъ жителей и почти не имѣютъ никакого понятія объ охотахъ; нѣтъ, такъ говорятъ сами охотники — только до другихъ родовъ охоты. Послѣднихъ я рѣшительно не понимаю. Всѣ охоты: съ ружьемъ, съ собаками, ястребами, соколами, съ тенетами за звѣрьми, съ неводами, сѣтьми и удочкой за рыбою—всѣ имѣютъ одно основаніе. Всѣ разнородные охотники должны понимать другъ друга: ибо охота, сближая ихъ съ природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно намъ, отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. Противоестественное воспитаніе, насильственныя понятія, ложное направленіе, ложная жизнь—все это вмѣстѣ стремится заглушить мощный голосъ природы, и часто заглушаетъ, или даетъ искаженное развитіе этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человѣка, который былъ бы совершенно равнодушенъ къ такъ называемымъ *красотамъ природы*, то-есть: къ прекрасному мѣстоположенію, живописному далекому виду, великолѣпному восходу или закату солнца, къ свѣтлой мѣсячной ночи; но это еще не любовь къ природѣ: это любовь къ ландшафту, декораціямъ, къ призматическимъ преломленіямъ свѣта; это могутъ любить люди самые черствые, сухіе, въ которыхъ никогда не зарождалось или совсѣмъ заглохло всякое поэтическое чувство: за то ихъ любовь этимъ и оканчивается. Приведите ихъ въ таинственную сѣнь и прохладу дремучаго лѣса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте ихъ въ тихую, жаркую лѣтнюю ночь на берегъ рѣки, сверкающей въ тишинѣ ночного мрака, или на берегъ соннаго озера, обросшаго камышами; окружите ихъ благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, прохладнымъ дыханіемъ водъ и лѣсовъ, неумолкающими голосами ночныхъ птицъ и насѣкомыхъ, всею жизнію творенія: для нихъ тутъ нѣтъ красотъ природы, они не поймутъ ничего! Ихъ любовь къ природѣ внѣшняя, наглядная, они любятъ картинки, и то не надолго; смотря на нихъ, они уже думаютъ о своихъ пошлыхъ дѣлишкахъ и спѣшатъ домой въ свой грязный омутъ, въ пыльную душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовоніемъ загнившихъ прудовъ въ ихъ жалкихъ садахъ, или вечерними испареніями мостовой, раскаленной

дневнымъ солнцемъ... Но, Богъ съ ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня,—въ ней только можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, миръ, тишина, спокойствіе! Безъискусственность жизни, простота отношеній! Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, внѣшней дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ хлопотъ, безплодныхъ, безполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубью рѣки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря, или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются или неподвижно лежатъ наплавки ваши,—улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды! Природа вступитъ въ вѣчныя права свои, вы услышите ея голосъ, заглушенный на время суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всею пошлостью человѣческой рѣчи! Вмѣстѣ съ благовонным, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ, вдохнете вы въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и даже къ самому себѣ. Непримѣтно, мало-помалу, разсѣется это недовольство собою, эта презрительная недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, твердости воли и чистотѣ помышленій—эта эпидемія нашего вѣка, эта черная немочь души, чуждая здоровой натурѣ русскаго человѣка, но заглядывающая и къ намъ за грѣхи наши...

Но я увлекся въ сторону отъ своего предмета. Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ защиту уженья и нѣсколько словъ въ объясненіе моихъ записокъ. Начнемъ сначала: обвиненіе въ праздности и лѣни совершенно несправедливо. Настоящій охотникъ необходимо долженъ быть очень бодръ и очень дѣятеленъ; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесенье полдневнаго зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое вниманіе во время самаго уженья, пріискиванье удобныхъ мѣстъ, для чего иногда надо много ихъ перепробовать, много исходить, много изъѣздить на лодкѣ: все это вмѣстѣ не по вкусу лѣнивому человѣку. Если найдутся лѣнтяи, которые, не имѣя настоящей охоты къ уженью, а просто не зная, куда дѣваться, чѣмъ занять себя, предпочтутъ сидѣнье на берегу съ удочкой бѣганью съ ружьемъ по болотамъ, то неужели ихъ можно назвать охотниками? Чѣмъ виновато

уженье, что такіе люди къ нему прибѣгаютъ? Другое обвиненіе, будто уженье забава дѣтская и стариковская—также неосновательно: никто въ старости не дѣлался настоящимъ охотникомъ-рыболовомъ, если не былъ имъ смолоду. Конечно, дѣти почти всегда начинаютъ съ уженья, потому-что другія охоты менѣе доступны ихъ возрасту; но развѣ дѣти въ одномъ уженьѣ подражаютъ забавамъ взрослыхъ? Что же касается до того, что слабый старикъ, или больной, иногда не владѣющій ногами, можетъ удить, находя въ томъ нѣкоторую отраду бѣдному своему существованію, то въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ, драгоцѣнныхъ преимуществъ уженья предъ другими охотами. Остается защитить охотниковъ до уженья въ томъ, что будто оно составляетъ занятіе слабоумныхъ или, попросту сказать, дураковъ. Но, Боже мой, гдѣ же ихъ нѣтъ? За какія дѣла они не берутся? Въ какихъ умныхъ и полезныхъ предпріятіяхъ не участвуютъ? Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ остальные люди, занимающіеся одними и тѣми же дѣлами съ ними, были также глупы. Противъ нелѣпости такого обвиненія можно назвать нѣсколько славныхъ, историческихъ людей, которыхъ мудрено заподозрить въ глупости, и которые были страстными охотниками *удить рыбку*. Извѣстно, что нашъ знаменитый полководецъ, Румянцевъ, преданъ былъ этой охотѣ до страсти; извѣстенъ также и его отвѣтъ, съ притворнымъ смиреніемъ сказанный, на одинъ важный дипломатическій вопросъ: *это дѣло не нашего ума*; *наше дѣло рыбку удить*, *да городки пльнить*. Славный Моро, поспѣшая съ береговъ Мисиссипи на помощь Европѣ, возставшей противъ своего побѣдителя, не могъ проѣхать мимо уженья трески, не посвятивъ ему нѣсколькихъ часовъ, драгоцѣнныхъ для ожидавшаго его вооруженнаго міра — такъ страстно любилъ онъ эту охоту! Людовикъ-Филиппъ, человѣкъ, кажется, тоже умный, все время, свободное отъ дѣлъ государственныхъ, посвящалъ удочкѣ въ своемъ прелестномъ Нельи.

Теперь объяснимся о моихъ запискахъ: на русскомъ языкѣ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не напечатано ни одной строчки объ рыболовствѣ вообще, или объ уженьѣ въ особенности, написанной грамотнымъ охотникомъ, знающимъ коротко свое дѣло. На французскомъ и англійскомъ языкахъ есть много полныхъ сочиненій по этой части и еще болѣе маленькихъ книжекъ собственно объ уженьѣ. Въ Лондонѣ даже существуетъ общество охотниковъ до ловли рыбы удочкой, которое

систематически преслѣдуетъ эту охоту, совершенствуя ея во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя сочиненія объ этомъ предметѣ у Французовъ написаны очень живо и увлекательно. Но у насъ они не переведены, а еслибъ и были переведены, то могли бы доставить болѣе удовольствія при чтеніи, чѣмъ пользы въ примѣненіи къ дѣлу. Причиною тому разность въ климатахъ, въ породахъ рыбъ и ихъ свойствахъ. Въ этомъ случаѣ добросовѣстныя наблюденія рыболова-туземца, какъ бы ни были недостаточны, будутъ имѣть важное преимущество.

Все это вмѣстѣ рѣшило меня сдѣлать первый опытъ на русскомъ языкѣ. Охотниковъ до уженья много на Руси, особенно въ деревняхъ, и я увѣренъ, что найду въ нихъ сочувствіе. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *Трактатъ объ уженьѣ*, не *Натуральная исторія рыбъ*. Моя книжка ни больше, ни меньше, какъ простыя записки страстнаго охотника: иногда поверхностныя, иногда одностороннія и всегда неполныя, относительно къ обширности обоихъ предметовъ, сейчасъ мною названныхъ *).

С. А.

1847 годъ.

---

*) *Примѣчаніе къ 3-му изданію.* Я печатаю книжку мою третьимъ изданіемъ. Въ теченіи шести лѣтъ, постоянно продолжая удить, съ меньшимъ увлеченіемъ и большимъ вниманіемъ, я имѣлъ возможность, для второго изданія, сдѣлать много новыхъ наблюденій и сказать пространнѣе и полнѣе о томъ, о чемъ было сказано слишкомъ коротко, въ чемъ справедливо обвиняли меня нѣкоторые охотники; въ теченіи же послѣднихъ 3 лѣтъ, я почти ничего новаго прибавить не могъ.

С. Аксаковъ.

1856 годъ.

ЗАПИСКИ

ОБЪ

УЖЕНЬѢ РЫБЫ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ УДОЧКИ.

Вѣроятно, изъ всѣхъ родовъ рыболовныхъ снастей, одна изъ первыхъ была изобрѣтена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегамъ рѣки или моря для добыванія себѣ скудной пищи, или безпечно отдыхая подъ тѣнью крутого берега и растущихъ на немъ деревьевъ, примѣтилъ стаи рыбъ, плавающихъ около береговъ; видѣлъ, какъ голодныя рыбы жадно хватаютъ, падающихъ на поверхность водъ, разныхъ насѣкомыхъ и древесные листья, и, можетъ быть, самъ бросалъ ихъ въ воду, сначала забавляясь только быстрыми движеніями рыбъ. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы въ насѣкомыя спрятать что-нибудь, похожее на крючокъ (изъ кости, или крѣпкаго дерева) и привязать его на нитку, выдѣланную изъ звѣриныхъ жилъ, или волоконъ растеній, и что если рыба схватитъ и проглотитъ такую насадку, то крючокъ зацѣпитъ, и рыбу можно будетъ вытащить на берегъ. Такъ, вѣроятно, родилась удочка; почти такова она и теперь въ деревняхъ у крестьянскихъ мальчишекъ: загнутый крючкомъ гвоздь безъ шляпки, крючокъ изъ проволоки или булавки, привязанный на нитку, съ камешкомъ, вмѣсто грузила, и палочкою сухого дерева, или камыша вмѣсто наплавка... вѣдь это почти удочка ди-

каря. Впрочемъ, даже и у насъ, въ настоящемъ своемъ развитіи, у самыхъ взыскательныхъ охотниковъ, удочка строго сохранила всѣ первоначальныя основныя свои качества.

Слово удочка—названье общее. Она состоитъ изъ слѣдующихъ частей: удилища, лесы, поплавка или наплавка, грузила, поводка и крючка. Все это разсмотримъ мы внимательно, порознь и по порядку.

УДИЛИЩЕ.

Едва ли нужно говорить, что этимъ именемъ называется длинный прутъ или палочка, къ которой привязывается леса. Удилища бываютъ искусственныя и натуральныя: я рѣшительно предпочитаю послѣднія. Искусственное, складное удилище дѣлается изъ морского тростника (камыша) разной толщины, даже просто вытачивается изъ дерева, такъ что одно колѣнцо, будучи тонѣе, можетъ вкладываться въ другое, болѣе толстое; цѣлое удилище состоитъ изъ трехъ или четырехъ такихъ колѣнцевъ; всѣ они привинчиваются одно къ другому, или просто втыкаются одно въ другое; верхнее колѣнцо дѣлается изъ китоваго уса, или тонкой камышенки, съ маленькимъ проволочнымъ колечкомъ на верхнемъ концѣ для привязки лесы. Такія складныя удилища, хорошо отдѣланныя, съ набалдашникомъ и наконечникомъ, имѣютъ наружность толстой красивой палки; кто увидитъ ихъ въ первый разъ, тотъ и не узнаетъ, что это цѣлая удочка; но во 1-хъ, оно стоитъ очень не дешево; во 2-хъ, для большой рыбы оно неудобно и неблагонадежно: ибо у него гнется только верхушка, то-есть, первое колѣнцо, состоящее изъ китоваго уса или камышенки, а для вытаскиванія крупной рыбы необходимо, чтобы гибь постепенно проходила сквозь удилище, по крайней мѣрѣ до половины его; въ 3-хъ, его надобно держать всегда въ рукахъ, или класть на что-нибудь сухое, а если станешь класть на воду, что иногда неизбѣжно, то оно намокнетъ, разбухнетъ и даже современемъ треснетъ; къ тому же, размокшія колѣнца, покуда не высохнутъ, не будутъ свободно вкладываться одно въ другое; въ 4-хъ, все это надо дѣлать не торопливо и аккуратно—качества, противоположныя натурѣ русскаго человѣка: всякій разъ вынимать,

вытирать, вкладывать, свинчивать, развинчивать, привязывать и отвязывать лесу съ наплавкомъ, грузиломъ и крючкомъ, которую опять надобно на что-нибудь намотать, положить въ футляръ или ящичекъ и куда-нибудь спрятать... Не правда ли, что это утомительно и скучно? Точно такія складныя удилища подделываются у насъ изъ простого дерева; нѣтъ сомнѣнія, что послѣднія никуда не годятся. Во многихъ мѣстахъ употребляютъ удилища составныя: къ обыкновенному березовому или орѣховому удилищу прикрѣпляютъ верхушку изъ китоваго уса, или тонкаго можжевеловаго прута: но и здѣсь почти тѣ же неудобства: гибь будетъ также неровна и верхушка станетъ сгибаться только до того мѣста, гдѣ она привязана. Всего простѣе и лучше цѣльныя, натуральныя орѣховыя или березовыя удилища: послѣднія прочнѣе, и вездѣ скорѣе можно ихъ сыскать; говорятъ, что и вязовыя также хороши, но мнѣ не случалось ихъ употреблять. Весною, покуда листъ еще не распустился, а сокъ дерева уже бросился изъ корня вверхъ, и надулись почки на вѣтвяхъ,—всего благонадежнѣе срѣзывать удилища; впрочемъ, можно срѣзывать ихъ и во всякое время года. Надобно выбирать стволы тонкіе, длинные и прямые; тщательно обрѣзать всѣ сучечки, оставя главный стволъ неприкосновеннымъ во всю его длину, до самой послѣдней почки, при чемъ должно наблюдать, чтобы удилище не было тонко въ комлѣ; нижнюю половину, идущую къ рукѣ, надобно оскоблить, даже сострогать, если она слишкомъ толста, а верхнюю *непремѣнно* оставить въ кожѣ: нѣсколько такимъ образомъ приготовленныхъ удилищъ должно плотно привязать къ прямому шесту или доскѣ, и въ такомъ принужденномъ положеніи завялить, то-есть, высушить въ комнатѣ или на воздухѣ подъ крышей, гдѣ бы не брали ихъ ни дождь, ни солнце. Такое удилище, если не сломается отъ неосторожности, можетъ служить два и три года.

Выборъ и приготовленіе хорошаго удилища весьма важны. Прямизна и гибкость верхняго его конца необходимы для успѣшной подсѣчки; слѣдовательно, отъ хорошаго удилища зависитъ иногда количество выуженной рыбы, но верхъ его достоинства узнается только тогда, когда на тонкую лесу возьметъ крупная рыба. Тутъ-то можно полюбоваться, какъ на хорошемъ удилищѣ, согнувшемся до половины въ дугу, будетъ ходить на кругахъ огромная рыба до тѣхъ поръ, пока искусная рука рыбака утомитъ ее и подведетъ къ берегу, гдѣ

можно взять добычу другою, свободною рукой, или, что всегда благонадежнѣе, подхватить сачкомъ.

Всякому извѣстно, что такое сачокъ. Но вотъ какія качества долженъ имѣть онъ: 1) сачокъ долженъ быть легокъ; 2) ободокъ, къ которому прикрѣпляется сѣтка, лучше употреблять желѣзный, а чтобы ржавчина ее не переѣдала, можно обшивать ободокъ холстиной и къ ней уже пришивать сѣтку; 3) мѣшокъ изъ сѣтки—тонкій и не частый; 4) мѣшокъ этотъ долженъ быть не мелокъ, четверти въ три глубиною, для того, чтобы рыба не могла выпрыгнуть и чтобы даже можно было ее завернуть въ немъ.

ЛЕСА.

Лесою называется нитка, однимъ концомъ привязанная къ удилищу, а другимъ къ крючку. По большей части она свивается изъ волосъ конскаго хвоста; но есть лесы шелковыя, нитяныя и приготовленныя изъ какого-то индійскаго растенія [1]), прозрачностью совершенно похожаго на бѣлый конскій волосъ. Всѣ эти роды лесъ имѣютъ свои выгоды и невыгоды. Я предпочитаю первыя, и по прочности, и по удобству доставанія свѣжихъ конскихъ волосъ; не трудно найти искусника свить или ссучить изъ нихъ лесу какой угодно толщины, а всего лучше сплесть: плетеная леса прочнѣе, никогда не скручивается и не спутывается. Всего лучше умѣть это дѣлать самому. Лесы шелковыя и нитяныя въ Россіи не приготовляются на продажу, онѣ получаются изъ Англіи и Австріи; съ крючкомъ, наплавкомъ и грузиломъ онѣ продаются въ магазинахъ не менѣе 2 р. 50 к. асс.—цѣна слишкомъ высокая. Можно приготовлять ихъ дома: всякая женщина умѣетъ ссучить на рукахъ, или на маленькихъ колесахъ, на которыхъ спускаютъ тонкія бичевки, нѣсколько шелковинокъ или нитокъ (всего лучше конопляныхъ) какой угодно толщины и длины. Выгода такихъ лѣсъ состоитъ въ томъ, что онѣ, будучи безъ узловъ и не имѣя упругости, извиваются по движенію воды, разнообразятъ и представляютъ натуральнымъ, какъ-будто шевелящимся, видъ насаженнаго

---

1) Такъ думалъ я прежде по слухамъ; но теперь думаю, что это шелкъ-сырецъ, приготовляемый какимъ-нибудь особеннымъ способомъ.

червяка, или чего-нибудь другого; когда же насадка и конецъ шелковой зеленой лесы лежатъ на днѣ, то она совершенно походитъ на волокны длиннаго водяного моха, называемаго водянымъ шелкомъ. Должно признаться, что рыба беретъ на нихъ охотно; но за то онѣ довольно скоро перегниваютъ и нестерпимо путаются, что отнимаетъ много времени и ужасно надоѣдаетъ; обоимъ этимъ порокамъ можно нѣсколько помочь, проваривъ лесы въ растопленномъ воскѣ [1]), но отъ того онѣ отчасти потеряютъ свою, такъ сказать, зыблемость, составляющую приманку для рыбы. Что же касается до лесы изъ индійскаго растенія, тонкой, какъ конскій волосъ, то вся ея выгода состоитъ въ прозрачности и легкости; если насадка также легка (напр. мухи, кузнечики и проч.), то она стоитъ на всѣхъ глубинахъ воды и долго плаваетъ на поверхности, не погружаясь; но *зыблемости* шелковыхъ и нитяныхъ лесъ она не имѣетъ, и болѣе пригодна для уженья некрупной рыбы безъ наплавка, особенно въ водахъ прозрачныхъ, около полудня, когда рыба гуляетъ на поверхности воды. Такая леса (изъ индійскаго ли она растенія, или изъ сырца) сначала очень крѣпка, и съ помощью хорошаго удилища и осторожности можно на нее выудить рыбу въ четыре и даже въ пять фунтовъ; но она скоро мшарится, то-есть дѣлается шероховатою, мѣстами тонѣетъ; высыхая на солнцѣ, въ сгибахъ трескается въ длину, и для уженья хорошей рыбы дѣлается неблагонадежною, даже опасною. Говорятъ, что все это можно отвратить, вытирая ее до-суха всякій разъ послѣ уженья и вымазывая масломъ; но я, вѣрный моей русской безпечной природѣ, никогда этого не пробовалъ, и много разъ терялъ рыбу и удочку; я скажу объ этомъ подробнѣе въ статьѣ о поводкахъ [2]). И такъ обратимся къ лесамъ изъ конскихъ во-

---

[1]) Здѣсь опять должно сказать, что это не прочно: воскъ скоро сойдетъ, и леса начнетъ путаться по-прежнему; впрочемъ, воскъ можно подновлять.

[2]) Въ 1853 году привезли мнѣ въ подарокъ изъ Гавра много чудесныхъ лесъ, очень тонкихъ и полупрозрачныхъ, имѣющихъ въ то же время (покуда онѣ сухи) какую-то упругость и звонкость струны. Я употреблялъ ихъ цѣлый годъ, и долженъ сказать, что сначала онѣ удивительно крѣпки и могутъ выдержать самую крупную рыбу; но мѣсяца въ четыре, при ежедневномъ уженьѣ, перегниваютъ и требуютъ перемѣны. Намокнувъ, онѣ дѣлаются мягки, какъ шелкъ, но высохнувъ, опять получаютъ упругость; онѣ свиты изъ нѣсколькихъ, удивительно тонкихъ волоконъ, кажется, сырцовыхъ. Въ Гаврѣ называютъ ихъ американскими. Рыба беретъ на нихъ очень охотно. Можетъ быть, это волокна какого-нибудь американскаго растенія.

лосъ. Получаемыя изъ-за границы очень хороши, но за то и очень дороги, и не довольно разнообразны въ своей толщинѣ. Покупаемыя въ русскихъ лавкахъ обыкновенно ссучены не ровно и часто изъ старыхъ, уже не такъ прочныхъ, волосъ, что, впрочемъ, можно узнать по желтоватому цвѣту. И такъ всего лучше приготовлять ихъ дома.

Надобно выдернуть волосы изъ хвоста бѣлой [1]) лошади: выбрать самые длинные, ровные, бѣлые и прозрачные, и сучить, или вить изъ нихъ лесы какой угодно толщины: отъ двухъ, четырехъ, шести и до двадцати волосъ. Можно вить и сучить лесы цѣльныя, или съ колѣнцами. Цѣльныя, безъ сомнѣнія, лучше, но для приготовленія ихъ надобно гораздо болѣе умѣнья. Лесы съ колѣнцами дѣлаются очень просто. Берутся, напримѣръ, шесть конскихъ волосъ, одинаковой длины, выравниваются въ толщинѣ [2]), завязываются на концѣ обыкновеннымъ узломъ, раздѣляются поровну и сучатся, или вьются (какъ кто лучше умѣетъ) до самаго конца волосъ; потомъ опять завязывается обыкновенный узелъ: это называется колѣнцомъ. Колѣнцы связываются между собой уже двойнымъ *рыбачьимъ* узломъ, затягиваются какъ можно крѣпче, коротенькіе кончики подстригаются довольно плотно, и вотъ вамъ готова леса, какой угодно длины. Объяснить на словахъ свиванье цѣльной лесы довольно трудно; но разъ увидѣвши, какъ это дѣлается, перенять легко. Тутъ волосы употребляются разной длины и всучиваются или ввиваются одинъ за другимъ: какъ скоро приходитъ къ концу одинъ волосъ, то другой впускается на его мѣсто, а кончики обоихъ обстригаются такъ плотно, что даже непримѣтно, гдѣ волосы оканчивались и гдѣ вставлялись. Сдѣланныя такимъ образомъ лесы, по окончаніи каждаго уженья и въ продолженіе зимы сохраняемыя въ сухомъ мѣстѣ, если не будутъ изорваны насильственно, могутъ служить года три и болѣе, хотя бы весною, лѣтомъ и осенью удили на нихъ каждый день. Не нужно распространяться, какъ важна для охотника крѣпость лесы, которая преимущественно зависитъ отъ ея ровности. Лесы, плетеныя изъ волосъ, какъ обыкновенно заплетаются дѣвичьи косы, особенно хороши. Онѣ гораздо прочнѣе сученыхъ и витыхъ лесъ и никогда не путаются.

---

[1]) Приготовляются лесы и изъ черныхъ волосъ, но очевидно, что прозрачность бѣлыхъ волосъ, сливаясь съ водою, дѣлаетъ лесу непримѣтною для рыбы, слѣдовательно лучшею.

[2]) То есть: одна половина волосъ кладется комлемъ вверхъ, а другая внизъ.

НАПЛАВОКЪ.

Наплавкомъ называется небольшая, обыкновенно круглая или овальная палочка [1]), длиною и толщиною въ палецъ, изъ легкаго дерева или древесной коры осокоря, или изъ пробки, привязываемая къ лесѣ, въ какомъ угодно разстояніи отъ крючка. Величина наплавка должна зависѣть отъ толщины лесы, тяжести грузила, величины крючка и удилища. Если наплавокъ малъ — онъ тонетъ, если великъ — не встаетъ на глубинѣ, а это иногда бываетъ нужно. Наплавокъ имѣетъ два назначенія: первое, чтобы крючокъ съ насадкой плавалъ въ такомъ разстояніи отъ дна, какое нужно рыбаку, или лежалъ на днѣ, смотря по надобности; и второе, еще важнѣйшее, чтобы онъ показывалъ своимъ движеніемъ всякое прикосновеніе рыбы къ насаженному крючку, и наконецъ время, когда надобно подсѣчь (то есть, дернуть удилищемъ лесу) и вытащить на берегъ свою добычу. Слѣдовательно, всякое легкое, плавающее на водѣ вещество можетъ служить наплавкомъ. Наплавки приготовляются различнымъ образомъ: 1) Они вырѣзываются или вытачиваются изъ коры *осокори*, которая имѣетъ прекрасный темнокрасный цвѣтъ, очень легка и не намокаетъ въ водѣ. По-моему это самые лучшіе наплавки. 2) Можно ихъ дѣлать изъ всякаго сухого дерева: на одинъ обвостренный конецъ маленькой палочки, въ палецъ толщиною посрединѣ, плотно надѣвается нижняя половина гусинаго пера, а въ другой, обвостренный же, втыкается маленькая, изъ проволоки сдѣланная петелька для продѣванья лесы, другой конецъ которой (то-есть лесы) продѣвается сквозь колечко, вырѣзанное изъ пера и надѣваемое на перяной конецъ наплавка (колечко должно быть нѣсколько шире пера). 3) Вмѣсто дерева можно употреблять пробку: пропускаютъ сквозь нее тоненькую, деревянную палочку и потомъ обдѣлываютъ точно такъ же, какъ наплавки 2-го разряда. Есть еще наплавки, получаемые изъ-за границы, сдѣланные изъ одного гусинаго, толстаго пера, и устроенные точно такъ же, какъ сейчасъ описанные мною наплавки, но они при-

---

[1]) Впрочемъ, фигура наплавка — дѣло произвольное. Я видалъ наплавки очень искусно вырѣзанные изъ осокоря, представляющіе рыбу, птицу и даже человѣка; но вообще наплавокъ бываетъ въ среднѣ толще.

годны только для удочки наплавной, безъ грузила, ибо слишкомъ легки; притомъ толстый конецъ пера, въ которомъ утверждается петелька, обыкновенно заклеивается сургучомъ или особенною смолою; если вода, какъ-нибудь, туда проникнетъ, то наполнитъ пустоту пера, и наплавокъ будетъ тонуть: къ тому же они не видки на водѣ. Хотя осокоревые наплавки менѣе удобны для передвиганья, ибо каждый разъ надобно распустить двойную петлю лесы, которою затянутъ наплавокъ, за то они менѣе сложны и рѣже портятся; а у наплавковъ 2-го и 3-го разрядовъ проволочныя петельки часто выдергиваются, и перяныя колечки еще чаще трескаются. Колечки надобно имѣть запасныя, но надѣвать ихъ хлопотно: должно отвязывать лесу, если крючокъ и грузило, по величинѣ своей, сквозь перяное колечко пройти не могутъ. Можно также употреблять наплавки изъ зеленаго и сухого камыша особой породы, мягкаго, толстаго и ноздреватаго внутри; но онъ не проченъ и не вездѣ родится. Величина наплавка должна быть соразмѣрна съ цѣлымъ устройствомъ удочки, какъ я уже и сказалъ; а потому наплавокъ долженъ имѣть такую тяжесть, относительно къ этому общему устройству удочки, чтобы рыба, трогая и забирая въ ротъ насадку крючка, не почувствовала никакого препятствія.

ГРУЗИЛО.

Грузиломъ называется кусочекъ металла, почти всегда свинца (ибо онъ тяжелъ и мягокъ), прикрѣпляемаго къ лесѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ крючка, для его погруженія въ воду. Грузила бываютъ разной тяжести, смотря по величинѣ всей удочки и текучей или стоящей водѣ. Для самой маленькой удочки довольно одной небольшой дробинки; для средней — одной, двухъ или трехъ крупныхъ дробинъ, а для самой огромной употребляютъ небольшую пулю. Прикрѣпленіе грузила изъ свинца дѣлается слѣдующимъ образомъ: берется кусочекъ свинца такой величины, какой надобно, разбивается въ длинную узенькую пластинку и навертывается на лесу или поводокъ; а чтобы грузило не передвигалось, то легкимъ ударомъ молотка бока его сжимаются. Дробины прикрѣпляются еще простѣе: возьмутъ дробину или

пулю, разрѣжутъ ее до половины ножомъ, вложатъ въ это отверстіе лесу, и потомъ краюшки сколотятъ. Всегда надобно прикрѣплять грузило къ волосяной лесѣ повыше шелковаго поводка: ибо свинецъ скорѣе переѣдаетъ шелкъ, чѣмъ конскіе волосы. За неимѣніемъ дроби и пуль, можно сдѣлать грузило изъ всякаго кусочка свинца, о чемъ сейчасъ мною сказано, наблюдая только, чтобы фигура его была овальна: угловатое грузило скорѣе задѣнетъ за траву или шероховатое дно. Послѣ свинца всего лучше олово, а за неимѣніемъ того и другого, можно употребить и мѣдь и желѣзо: послѣднія привязываются иногда къ лесѣ особой ниткой.

КРЮЧОКЪ.

Безъ сомнѣнія, это важнѣйшая часть удочки: весь успѣхъ уженья зависитъ отъ доброты крючка. Лучшіе крючки англійскіе. Величина ихъ различна и раздѣляется на 12 нумеровъ [1]). При выборѣ ихъ надобно наблюдать слѣдующее: 1) Крючокъ долженъ быть хорошо закаленъ: недокаленный будетъ разгибаться, а перекаленный — ломаться; синій цвѣтъ, признакъ доброй закалки, легко поддѣлать, и потому всего лучше каждый крючокъ попробовать погнуть рукою. Въ случаѣ крайности, лучше брать крючки недокаленные: они будутъ разгибаться немного, а перекаленные будутъ ломаться; послѣдніе никуда не годятся. 2) Сгибъ крючка долженъ быть кругловатъ, не слишкомъ глубокъ и не мелокъ, широкъ, къ острому концу немного погнутъ набокъ. Жало должно быть остро, длинно, смотрѣть въ сторону. Выгода первыхъ двухъ качествъ не требуетъ поясненія, но выгоду послѣдняго — для чего конецъ крючка долженъ быть погнутъ немного въ бокъ — можно узнать только изъ опыта. Если вы будете удить на двѣ одинаковыя по величинѣ и устройству удочки, изъ которыхъ у одной жало крючка смотритъ на сторону, а у другой прямо по спинкѣ крючка, то увидите, что на вторую удочку будетъ втрое болѣе промаховъ, чѣмъ на первую. Безъ сомнѣнія, причина состоитъ въ томъ, что, при подсѣчкѣ, крючокъ съ жаломъ прямымъ

---

[1]) Это раздѣленіе прежнее. Теперь насчитывается множество нумеровъ, но я хорошенько ихъ не знаю.

удобнѣе выдергивается изо рта рыбы, не задѣвъ за какую-нибудь его сторону. 3) Зазубрина должна хорошо, но не круто, отдѣляться и крѣпко держаться въ разсѣчкѣ: ибо она не допускаетъ крючокъ выскользнуть назадъ изо рта подсѣченной рыбы. Крючки нерѣдко ломаются въ разсѣчкѣ, если она слишкомъ глубока. 4) Крючокъ не долженъ быть толстъ. Толстый крючокъ неудобенъ, потому что мелкая насадка (небольшой червь, кобылка, маленькая рыба и проч.) теряетъ на немъ свой натуральный видъ и сейчасъ умираетъ, и особенно потому, что крючокъ тонкій скорѣе пронзитъ губу. Еще труднѣе толстому крючку проколоть верхнюю часть рыбьяго рта, которая бываетъ очень жестка. 5) Спинка крючка не должна быть длинна: это также мѣшаетъ живости насадки, которая обыкновенно сбивается къ низу, и верхняя часть спинки остается ничѣмъ незакрытою. Это рыбу пугаетъ; но сверхъ того, если она и возьметъ насадку въ ротъ, что почти всегда дѣлается на ходу (кромѣ уженья со дна), то сейчасъ почувствуетъ твердую, не закрытую спинку крючка, и проворно выплюнетъ (выкинетъ назадъ) насадку. Въ этомъ всякій наблюдательный охотникъ можетъ убѣдиться собственными глазами, когда будетъ удить въ свѣтлыхъ водахъ. 6) Спинка крючка оканчивается лопаточкой, плечики которой должны быть широки и не остры, для того, чтобы завязка поводка или волосяной лесы не обрѣзывалась и держалась крѣпко; это послѣднее условіе очень важно. Завязка часто подрѣзывается внутри непримѣтно для глазъ, хотя бы заботливый рыбакъ всякій день осматривалъ свои удочки; дѣло идетъ хорошо, покуда беретъ небольшая рыба, но чуть взяла крупная, прощай и крючокъ и добыча.... Леса взвивается вверхъ, какъ-будто просто сорвалась рыба, огорченный охотникъ поспѣшно достаетъ свѣжаго червя, хочетъ насадить, и вмѣсто крючка видитъ перерѣзанный конецъ поводка или лесы, которымъ была она привязана... Тутъ послѣдуютъ заключенія: «рыба была такъ велика, что поводокъ не выдержалъ, откусила щука», и проч., а это вздоръ! При внимательномъ разсмотрѣніи окажется, что длина поводка или лесы не убавилась, а что она порвалась у самаго крючка, въ самой завязкѣ.

Обращаю особенное вниманіе охотниковъ-рыбаковъ на *привязку* крючка къ поводку или прямо въ лесѣ: отъ прикосновенія къ желѣзу и мокроты, привязка, то-есть, самый

узелокъ, часто перѣдается ржавчиной; для предохраненія отъ нея можно подъ привязку наматывать тонкую шелковинку, въ одинъ рядъ, но не болѣе, иначе привязка будетъ толста. Всего лучше осматривать крючки и ежедневно и внимательно: чуть появится желгизна около привязки—сейчасъ перемѣнить поводокъ. Хотя и волосяная леса подвергается дѣйствію ржавчины, но она долѣе ей противится.

ПОВОДОКЪ.

Поводкомъ называется особый небольшой *привязокъ* къ лесѣ, къ которому уже прикрѣпляется крючокъ. Поводки бываютъ: 1) изъ тонкой проволоки, мѣдной или желѣзной; 2) изъ басовыхъ и простыхъ толстыхъ струнъ; 3) изъ спинки гусинаго пера во всю его длину, очищенную отъ мякоти, и 4) изъ шелка. Первые три рода поводковъ употребляются для уженья щукъ, ибо по множеству и остротѣ зубовъ она перегрызаетъ, иногда въ одну секунду, всякія лесы: волосяныя, нитяныя и шелковыя; а послѣдній родъ поводковъ шелковыхъ почти никто не употребляетъ. Это собственно придумано у насъ въ домѣ однимъ старымъ рыбакомъ. Тридцатилѣтняя опытность моя и нѣсколькихъ охотниковъ, перенявшихъ эту выдумку, удостовѣрили меня въ ея несомнѣнной пользѣ. На удочку съ шелковымъ поводкомъ всякая рыба беретъ (по охотничьи: клюетъ) гораздо жаднѣе. Почти все, что было мною говорено о выгодахъ шелковой лесы, состоящихъ въ ея зыблемости, шелковый поводокъ имѣетъ въ себѣ, для чего онъ долженъ быть не короче шести вершковъ; а волосяная леса, къ которой онъ привязанъ, не путается и не гніетъ такъ, какъ цѣльная шелковая: разумѣется, всякій годъ раза четыре надобно перемѣнять поводки; но это не трудно. Еще выгода: шелковымъ поводкомъ гораздо крѣпче привязывается крючокъ, чѣмъ волосяною лесою; причина очевидная: упругость волосъ. Толщина поводка зависитъ отъ толщины лесы. На самую толстую лесу я обыкновенно навязываю поводокъ, ссученный изъ шести, на среднюю изъ четырехъ, а на маленькую изъ двухъ обыкновенныхъ шелковинокъ англійскаго шелка. Здѣсь разумѣется *маленькая* удочка, или *плотичная*, волоса въ четыре: для удочки наплавной поводокъ изъ двухъ

шелковинокъ будетъ тяжелъ. Шелкъ для поводковъ лучше употреблять зеленый, ибо онъ сходенъ цвѣтомъ съ травой; но въ случаѣ нужды, годится всякаго цвѣта. Хорошій шелкъ бываетъ такъ крѣпокъ, что на свѣжій поводокъ изъ *одной* шелковинки можно вытащить съ осторожностью рыбу въ пять фунтовъ: только такіе поводки, если удить постоянно, надобно перемѣнять разъ или два въ недѣлю.

Есть еще поводки, получаемые изъ-за границы, изъ индѣйскаго растенія или сырца-шелка съ прикрѣпленными уже крючками; они имѣютъ всѣ достоинства и пороки цѣлыхъ таковыхъ лесъ. Рыба беретъ на нихъ очень хорошо, но предупреждаю охотниковъ, чтобъ они не привязывали своихъ лесъ къ выписнымъ, волосянымъ поводкамъ за *петельку*, которая всегда у нихъ дѣлается, а связывали бы поводокъ съ лесою обыкновеннымъ рыбачьимъ узломъ. Индійскій волосъ на петелькѣ легко рвется, и потому я до нихъ не большой охотникъ. Я испыталъ это, къ несчастію, много разъ.—Леса въ одинъ конскій волосъ употребляется безъ поводка. Впрочемъ, можно и вовсе не употреблять поводковъ, а привязывать крючокъ прямо къ лесѣ, что и дѣлаютъ почти всѣ охотники.

УСТРОЙСТВО УДОЧКИ.

Какъ скоро всѣ части удочки у васъ будутъ изготовлены, то вамъ остается только устроить цѣлую удочку. Удочки бываютъ различной величины, смотря по своему назначенію: *маленькія* для мелкой рыбы: гольцовъ, пискарей, ершей, уклеекъ въ (Оренбургской губерніи ихъ называютъ сентявками и бѣлоглазками), ельцовъ, мелкихъ окуней и плотвы; *среднія*, болѣе другихъ употребительныя, для крупныхъ окуней, язей, головлей, лещей, линей и карасей; *большія* удочки назначаются для самой крупной рыбы: для породъ, сейчасъ мною поименованныхъ, достигающихъ иногда огромной величины, и особенно для породъ хищныхъ: для щукъ, жереховъ, сазановъ, судаковъ, карпій и лоховъ, или красуль. Разумѣется, это раздѣленіе произвольно, и, если удить въ водахъ, гдѣ водятся всѣ породы рыбъ, то легко можетъ взять огромная рыба на среднюю и даже на маленькую удочку; она любитъ иногда попроказить, и, не трогая

большія самыя лакомыя насадки, хватаетъ за пшеничное зернышко, кусочекъ хлѣба съ булавочную головку, или муху.... И страшно и весело бываетъ тогда рыбаку!... Горько, когда рыба сорвется, или порветъ лесу; за то какое счастіе, если на маленькую удочку вытащитъ онъ большого язя или головля! Вѣрно одно, что на большую удочку не возьметъ уже мелкая рыбка—по величинѣ насадки.

Итакъ, вы берете крючокъ, привязываете къ нему поводокъ; поводокъ привязываете къ лесѣ и сейчасъ прикрѣпляете къ ней грузило; если у васъ наплавокъ съ петелькой и перомъ, то надѣваете его съ другого конца лесы, и отмѣривши ее столько. чтобъ она была четверти двѣ или полторы длиннѣе удилища, привязываете ее двойною петлею къ тонкому его концу, къ самой верхушкѣ; а какъ вся леса должна быть всегда гораздо длиннѣе удилища, то остальную ея часть надобно плотно обвить около него, спускаясь сверху внизъ, и гдѣ леса кончится, тамъ привязывать ее гладенько къ удилищу восченой ниткой.

Теперь устроена у васъ удочка обыкновенная, всего болѣе употребляемая; но есть еще два рода удочекъ: *подонная* и *наплавная*, или *накидная*. Первая удочка, то-есть ея леса, бываетъ длиною до 8 аршинъ и болѣе; грузило ея состоитъ изъ пули и прикрѣпляется отъ $^3/_4$ до 1 аршина разстояніемъ отъ крючка, который обыкновенно берется изъ самыхъ крупныхъ нумеровъ, то-есть: перваго, второго и третьяго.—Такая удочка съ самой толстой лесой, волосъ въ тридцать, употребляется на большихъ и быстрыхъ рѣкахъ, безъ наплавка; леса привязывается къ маленькому и самому гибкому удилищу; а какъ ее нельзя закинуть обыкновеннымъ образомъ, то леса забирается кругами въ руку до самаго грузила, и такимъ способомъ крючокъ съ насадкой закидывается на большое разстояніе. Тутъ уже удилище всегда держится въ рукѣ и служитъ для указанія, что рыба взяла, для подсѣчки и для того только, чтобъ уводить и утомить рыбу, по большей части самую крупную; но она подтаскивается уже просто за лесу и вынимается рукою или сачкомъ. По большей части такое уженье производится по ночамъ и съ лодки. Я самъ видѣлъ, какъ рыбакъ удилъ такимъ образомъ на Москвѣ-рѣкѣ (въ 1827 году) огромнѣйшихъ головлей, фунтовъ по 9; онъ увѣрялъ меня, что головли иногда попадаются въ 14 фунтовъ.

Наплавная или накидная удочка устроивается изъ лесы

въ два и даже въ одинъ конскій волосъ, безъ грузила, наплавка и поводка. На длинную лесу навязывается самый маленькій крючокъ (№ 10, 11, 12), а она привязывается къ тонкому, легкому и гибкому удилищу. Насадка состоитъ изъ мухъ и самыхъ маленькихъ, красненькихъ червячковъ, называемыхъ *мотылями*, которыхъ я нигдѣ, кромѣ окрестностей Москвы, не видывалъ. Крючокъ почти не тонетъ, и рыба хватаетъ насадку на поверхности воды. Удить надобно на мѣстахъ быстрыхъ. Предпочтительно берутъ: ельцы, язики, головлики и уклейка. Разумѣется, удилище надобно держать въ рукѣ. Я не охотникъ ни до подонной, ни до накидной удочки. Особенно трудно закидывать послѣднюю. Обыкновенно удятъ на нее съ моста, или войдя въ воду по колѣни и глубже; въ такомъ только положеніи удобно ее закидывать по вѣтру: уженье безпокойное и требующее большого навыка. Чувство осязанія въ рукѣ дòлжно быть такъ развито, чтобы вѣрно указывало время подсѣчки: совсѣмъ тѣмъ на каждую рыбу придется по нѣскольку промаховъ. Подонная и наплавная — начало и конецъ всѣхъ удочекъ. Кстати здѣсь сказать, что вообще уженье безъ наплавка мнѣ не нравится не только потому, что оно безпокойно: ибо надобно постоянно держать удилище въ рукѣ; но главное потому, что уженье безъ наплавка много лишается своей прелести. Внимательное наблюденіе за движеніями наплавка, за различіемъ и значеніемъ этихъ движеній, ожиданіе, что сейчасъ потянетъ или утащитъ наплавокъ—все это вмѣстѣ составляетъ наслажденіе для охотника. Притомъ, есть такого рода клёвъ, гдѣ только глазами можно различить, когда надобно подсѣчь; а если судить по силѣ дерганья (безъ наплавка же иначе судить нельзя), то будешь безпрестанно ошибаться: станешь подсѣкать не во время и пропускать настоящее мгновеніе для подсѣчки, ту небольшую *потяжку*, которую никогда нельзя различить рукой.—Итакъ, удочки у насъ готовы всѣхъ сортовъ: надобно умѣть ихъ насадить, или какъ многіе охотники говорятъ—наживить...

НАСАДКА.

Насадкою называется все то, что для приманки рыбы насаживается на острый конецъ крючка, который, если насадка велика, прячется въ ней весь. Исчисляя многораз-

личные виды и роды насадокъ, я скажу объ умѣньѣ насаживать, ибо оно также разнообразно. Можно сдѣлать одно общее правило: жало крючка должно быть такъ скрыто въ насадкѣ, чтобъ его не было видно глазами и слышно осязаніемъ; чтобъ оно не укололо рта рыбы при самомъ первомъ ея прикосновеніи; но чтобъ въ то же время выходъ жала былъ свободенъ и чтобъ при подсѣчкѣ, или собственномъ движеніи рыбы (которая, взявши въ ротъ насадку, иногда вдругъ бросается въ сторону), жало мгновенно высовывалось и впивалось во внутреннія части рта рыбы.

1) Самая обыкновенная, вездѣ находимая въ навозѣ весной, лѣтомъ, осенью, употребляемая всѣми, насадка—есть красный *навозный червь*, называемый въ низовыхъ губерніяхъ *глистою*. Только въ серединѣ лѣта рыба беретъ на него не такъ охотно. На него клюютъ всѣ породы рыбъ, кромѣ жериха и щуки, но и тѣ иногда изволятъ имъ лакомиться, особенно щука. Разумѣется, на навознаго червячка, по его мелкости, обыкновенно беретъ мелкая и средняя рыба, но иногда хватаетъ и крупная. Краснаго червяка надобно насаживать, впуская жало въ его голову *); весь крючокъ долженъ быть въ немъ скрытъ; всего лучше, чтобы головка держалась на привязкѣ лесы, или на плечикахъ крючка, середина скрывала въ себѣ крючокъ и жало, а хвостъ изгибался на свободѣ. Такимъ образомъ червякъ, нигдѣ по бокамъ не прорванный, будетъ довольно долго живъ и сохранитъ свой натуральный видъ: и то и другое очень важно для приманки рыбы. Она весьма охотно хватаетъ за длинный хвостикъ; но для мелкой рыбы, особенно для плотвы, такая насадка неудобна: рыба схватитъ за длинный конецъ и наплавокъ утащитъ; рыбакъ дернетъ — и полчервяка безвредно останется во рту рыбы. Разумѣется, чѣмъ меньше удочка, тѣмъ меньше насаживается червякъ. Для большой рыбы на одинъ и тотъ же крючокъ насаживаютъ по нѣскольку навозныхъ червей, даже по десяти и болѣе, прокалывая ихъ поперегъ и спрятавъ жало въ одномъ изъ червей: это называется удить на *кучу глистъ*.

2) *Земляной червь*, фигурой совершенно сходный съ червякомъ навознымъ; онъ длиною бываетъ вершка въ три и даже

---

*) Иногда можно насаживать и съ хвоста, если мелкая рыба безпрестанно отрываетъ только одинъ хвостикъ. Особенно выгоденъ этотъ способъ насадки при уженьѣ ершей. Жало крючка скрывается тогда въ головѣ червяка.

четыре, а толщиною почти въ мизинецъ; цвѣта блѣдно-коричневаго, самые же крупные—коричневаго. Земляные черви насаживаются не совсѣмъ такъ, какъ навозные. Насадка дѣлается двумя способами: или проколоть червяка пониже головы пальца на полтора, весь крючокъ помѣстить въ остальной его части, а плечики крючка спрятать въ скважинѣ, или насаживать съ хвоста, отступя пальца на два и болѣе, острый конецъ крючка скрыть въ головѣ червяка, которая будетъ нѣсколько висѣть, а тупой—въ его серединѣ. Многіе предпочитаютъ второй способъ, утверждая, что рыба охотнѣе беретъ червяка съ головы; но я не могу вполнѣ съ этимъ согласиться. По моему замѣчанію, мелкая рыба жаднѣе беретъ червяка съ хвостика, а крупная, особенно окунь, какъ случится, и всего чаще поперегъ. Этой породы червей я не видывалъ въ Оренбургской губерніи, а здѣсь, около Москвы, ихъ очень много. Удочки надобно употреблять самаго большого размѣра. Язи, головли, лини и особенно окуни берутъ на этого червя очень хорошо; онъ имѣетъ и ту выгоду, что мелкая рыба его не трогаетъ.

Есть еще глиста или червякъ, тоже земляной. Онъ отличается отъ обѣихъ породъ червей, сейчасъ описанныхъ: онъ бѣлесоватъ, очень длиненъ, но не толстъ; тѣло его прахово и легко рвется; онъ пригоденъ для насадки среднихъ удочекъ. Обѣ породы земляныхъ червей не живутъ въ навозѣ, а въ землѣ. Вторыхъ можно вездѣ найти, а первыхъ—иногда очень трудно: въ сухое время они уходятъ глубоко въ землю, и только послѣ дождя вылѣзаютъ наружу, особенно ночью. Любимое ихъ мѣстопребываніе—рыхлыя гряды въ огородѣ: тамъ, послѣ дождя, можно запастись ими надолго; но для сбереженія надобно держать ихъ въ большомъ глиняномъ горшкѣ, засыпавъ сверху, вершка на два, обыкновенной землей; горшокъ должно ставить въ подвалъ, и на уженье брать червей понемногу. Такимъ образомъ можно сохранять ихъ нѣсколько дней, даже недѣлю, въ сильные жары.

3) Въ Москвѣ-рѣкѣ, въ рѣчкахъ, въ нее впадающихъ, и въ заливаемыхъ ею озерахъ, водится маленькій червякъ, называемый *мотыль*,—вѣроятно отъ того, что, состоя весь изъ крошечныхъ суставовъ, онъ мотается во всѣ стороны. Насаживать его очень хлопотно, ибо, какъ скоро вы его проколете, то изъ него вытечетъ красная влага и останется одна прозрачная кожица. Несмотря на то, туземные рыбаки умудряются насаживать мотылей на маленькія удочки: прокалывая

двухъ или трехъ поперегъ, въ четвертомъ искусно прячутъ жало. Всякая мелкая рыба клюетъ на нихъ очень охотно, именно лѣтомъ, когда плохо беретъ на червяка навознаго; но возня съ ними очень скучна.

4) Есть еще довольно большой, толщиною въ палецъ, длиною въ вершокъ, съ красною, жесткою головою, *бѣлый червь*, въ Симбирской губерніи называемый *сальникомъ*, а около Москвы, Богъ знаетъ почему, *угремъ*. Это гусеница навознаго жука. Онъ насаживается точно такъ же, только всегда съ головы, какъ и обыкновенный червь, съ тою разницею, что находящуюся въ нижней его части дрянь надобно слегка выдавить и червяка сполоснуть, а не то онъ въ водѣ скоро весь посинѣетъ и даже почернѣетъ. На него охотно берутъ крупные язи, окуни, особенно головли. Мелкихъ же сальниковъ, называемыхъ *молошниками*, насаживаютъ не выдавливая.

Всѣ породы червей надобно сберегать въ ящикахъ, деревянныхъ или металлическихъ, которые бы плотно задвигались и были наполнены землею, всегда влажною: излишняя мокрота и сухость равно имъ вредны; всего лучше такіе ящички, послѣ уженья, ставить на погребицу, или въ другое сырое и прохладное мѣсто.

5) Раки составляютъ во всякое время отличную насадку и приманку для рыбы въ тѣхъ водахъ, гдѣ они водятся; въ водахъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, рыба на нихъ не беретъ, но вѣроятно можно пріучить. Обыкновенно употребляютъ облупленныя, сырыя раковыя шейки, но можно употреблять и внутреннія стороны рака и его клещенки; жаль только, что эту превосходную насадку немилосердно треплетъ плотва, и гдѣ ея очень много, тамъ она выведетъ изъ терпѣнья всякаго терпѣливаго рыбака. Можно удить и на вареныхъ раковъ: рыба беретъ на нихъ хуже, но плотва не станетъ такъ сильно трепать и раздергивать эту насадку. Самый же лакомый кусокъ, на который съ жадностью бросается всякая крупная рыба, есть ракъ *линючій*. Всѣмъ извѣстно, что раки линяютъ, то-есть, перемѣняютъ свою скорлупу, лѣтомъ, въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцѣ *). Это время ихъ болѣзни, и потому они сидятъ въ норахъ, откуда надобно вытаскивать ихъ руками. Линючій ракъ тогда готовъ для насадки, когда можно съ него и со

---

*) Не утверждаю, но мнѣ сказывали, что въ иныхъ мѣстахъ раки линяютъ два раза въ годъ.

всѣхъ его частей, даже съ ножекъ, слупить осторожно старую жесткую скорлупу; подъ нею останется тонкая, молодая кожица, и онъ сдѣлается такъ нѣженъ и мягокъ, что самаго огромнаго рака можетъ заглотать и язь, и головль, и линь, у котораго ротъ очень малъ, относительно его величины. Всѣ роды большихъ рыбъ, не исключая и хищныхъ, до невѣроятности жадны до линючаго рака. Онъ насаживается цѣлый, исключая клешни, которыя составляютъ особую лакомую насадку. Сначала крючокъ продѣвается сквозь середину шейки, начиная съ ея конца, вдоль по кишечному каналу, и вынимается вонъ внизу, возлѣ первыхъ двухъ ножекъ, такъ что шейка остается продѣта поводкомъ; отступя на полпальца, крючокъ снова впускается весь во внутренность рака, и жало его выходитъ нѣсколько наружу возлѣ рачьихъ глазъ. Поводокъ легонько выправляется, и ракъ получаетъ свою естественную длину и фигуру. Эту насадку надобно дѣлать очень искусно: если вы прорвете гдѣ-нибудь молодую кожу, и жидкая внутренность рака выйдетъ наружу, то жадная и дерзкая плотва сейчасъ начнетъ щипать за прорванное мѣсто и совершенно испортитъ вашу насадку.

Клещенки или клешни у крупныхъ раковъ отрываютъ у самаго туловища, во всю ихъ длину, не повредивъ нигдѣ ни маленькаго кончика, очищаютъ отъ старой кожи и также осторожно насаживаютъ съ верхняго узкаго конца на крючокъ, который прячется въ самой клешнѣ при ея раздвоеніи: она расправляется на поводкѣ и имѣетъ видъ вытянутой длинной женской перчатки. На нее очень жадно беретъ рыба средней величины и даже крупная.

Если линючій ракъ уже прорванъ, то можно насаживать его по частямъ, то-есть: шейку особо, туловище разрѣзать вдоль пополамъ и каждую половинку употреблять также особо, наблюдая при насадкѣ общее правило. Эти половинки рачьяго туловища покрыты съ внутренней стороны какимъ-то мохомъ; большіе окуни жадно берутъ на нихъ. Уженье на такую насадку называется «уженьемъ на *рачій мошокъ*». Всѣ раковыя насадки надобно часто вынимать и осматривать, если наплавокъ не совершенно спокоенъ: онѣ легко портятся отъ прикосновенія мелкой рыбы, то-есть, жало крючка высовывается наружу.

Раковъ всего лучше имѣть живыхъ; но какъ это не всегда возможно (впрочемъ, раки живутъ безъ воды дня два и три),

то надобно очистить шейки и сохранять ихъ въ жаркое время на льду.

6) *Печеный хлѣбъ и хлѣбныя зерна.* Ржаной хлѣбъ, мягкій, умятый руками до степени липкаго тѣста, скатанный нѣсколько кругловатыми шариками, составляетъ также весьма употребительную насадку, особенно у крестьянъ, живущихъ по рѣкамъ, изобильнымъ рыбой. Величина шариковъ бываетъ различная, смотря по величинѣ крючка и рыбы, какую желаешь поймать: отъ мелкой горошенки до небольшого грецкаго орѣха. Всего охотнѣе беретъ на хлѣбъ плотва, но беретъ также и всякая другая рыба, исключая породъ хищныхъ, также ершей и гольцовъ. Хлѣбная насадка, кромѣ удобства ея приготовленія, имѣетъ двѣ выгоды: а) клёвъ на нее вѣрнѣе, ибо круглый кусочекъ хлѣба нельзя таскать съ мѣста на мѣсто безнаказанно, какъ это часто дѣлаетъ рыба съ хвостомъ насаженнаго червяка, и б) отъ васъ зависитъ, насадивъ большой кусокъ хлѣба, величиною съ грецкій небольшой орѣхъ, защитить тѣмъ себя отъ дерганья мелкой рыбы и ждать спокойно крупной, чего нельзя сдѣлать ни съ шейкой нелиняющаго рака, ни съ червякомъ. Можно удить на ситный и бѣлый хлѣбъ, но ржаной болѣе имѣетъ запаха, и рыба охотнѣе беретъ на него.

Хлѣбныя зёрна овса, ячменя, гороха, а всего лучше пшеницы, употребляются предварительно распаренныя въ горячей водѣ, отчего они дѣлаются крупными, мягкими и удобными для протыканія жаломъ крючка. Насаживаютъ по одному зерну, по два и по три, смотря по ихъ мягкости, величинѣ и по рыбѣ. Тутъ особенно надобно наблюдать, чтобы остріе крючка выходило свободно. На зёрна преимущественно ловится рыба заранѣе прикормленная. Рыба беретъ всякая, кромѣ породъ хищныхъ, и даже весьма крупная.

7) *Живецъ, животка*, или мелкая живая рыбка. На мелкую рыбку беретъ окунь, щука, шересперъ, или жерихъ, судакъ и головль. На рыбку беретъ охотно и налимъ, но только по ночамъ; на маленькіе кусочки изрѣзанной рыбки, поздно осенью, клюетъ плотва-красноперка. Рыбку обыкновенно насаживаютъ, впуская въ ея спинку острый конецъ крючка, отъ головки къ хвостику. Многіе охотники задѣваютъ крючкомъ за губу живца, и утверждаютъ, что этотъ способъ гораздо лучше, что насаженная такимъ образомъ рыбка ходитъ бойчѣе, долѣе живетъ и лучше приманиваетъ хищную рыбу. Все

это отчасти и правда, но не менѣе правда и то, что́ рыбка, задѣтая за губу, часто срывается сама и еще чаще отрывается, если схватитъ ее не самая крупная хищная рыба и не вдругъ всю заглотаетъ. Для насадки употребляются всѣ породы рыбъ, кромѣ хищныхъ; въ случаѣ крайности можно и ихъ употреблять, разумѣется, покуда онѣ очень малы; пискари же, гольцы и лошки во всѣхъ своихъ возрастахъ служатъ превосходными живцами. Мелкую рыбку для насадки надобно сохранять живою, что́ довольно трудно. Самый простой способъ—держать ее въ ведрѣ съ водою, которую перемѣнять какъ можно чаще, а всего лучше въ маленькой плетеной сажалкѣ, которая можетъ подлѣ васъ стоять, или плавать въ водѣ; но переносить эту сажалку съ мѣста на мѣсто неудобно.

8) *Кобылки, жуки, мухи.* Всѣ роды кобылокъ употребляются для уженья: отъ саранчи до кузнечика. Всего охотнѣе, какъ мнѣ случалось замѣтить, беретъ крупная рыба на большую зеленую кобылку, а средняя и мелкая—на сѣренькую, очень маленькую. Удить надобно съ легкимъ грузиломъ и не рано, а около полденъ, когда рыба гуляетъ по верху. Можно даже совсѣмъ снять грузило и пустить наплавокъ какъ можно мельче, иногда вершка въ три глубиною, обращая такимъ образомъ обыкновенную удочку въ наплавную. Всѣ породы насѣкомыхъ насаживаются однимъ способомъ: крючокъ впускается въ спинку отъ головки къ хвостику. Этотъ родъ уженья бываетъ успѣшнѣе въ водахъ чистыхъ и довольно быстро текущихъ, особенно въ рѣкахъ *степныхъ*, потому что въ степяхъ болѣе водится кобылки, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и рыба привыкла къ ней, часто попадающей въ воду.

Жуки употребляются для уженья такъ называемые *майскіе*, но въ средней полосѣ Россіи они появляются въ іюнѣ и держатся до половины іюля, и потому напрасно называются майскими. На нихъ берутъ язи и головли. При насадкѣ ихъ надобно наблюдать, чтобы верхнія, жесткія крылышки были приподняты и изъ-подъ нихъ торчали ихъ вторыя крылья, длинныя, мягкія и прозрачныя. Нѣкоторые охотники даже отрываютъ верхнія, жесткія крылья.

Обыкновенныя *мухи* составляютъ лакомую приманку для мелкой рыбы; она жадно беретъ на нихъ съ весны до осени, на удочку наплавную или накидную; изрѣдка беретъ рыба и порядочной величины, особенно головли.

Надобно, чтобы мухи и всякія насѣкомыя, употребляемыя для насадки, были свѣжія, живыя, для чего слѣдуетъ ихъ наловить передъ самымъ уженьемъ и посадить въ чистый, сухой, стеклянный пузырекъ, потому что въ мокромъ, или имѣющемъ какой-нибудь запахъ, онѣ тотчасъ перемрутъ.

Можно удить на коромысловъ, бабочекъ, летучихъ таракановъ, однимъ словомъ, на всѣхъ насѣкомыхъ и даже на улитокъ (слизней). Удятъ также всякую крупную и хищную рыбу на кусочки сырого мяса.

Я не употреблялъ самъ, но слыхалъ, что насаживаютъ крючки «*зеленью*», то-есть водянымъ цвѣтомъ, когда онъ сдѣлается довольно густъ.

За неимѣніемъ другой насадки, случилось мнѣ одинъ разъ (на рыбной рѣкѣ, *Демъ*, въ Оренбургской губерніи) попробовать насадить крючокъ кишечкой кулика, и рыба брала всякая!.. Я пробовалъ то же раза два въ другихъ мѣстахъ, и всегда съ успѣхомъ. Я ловилъ мелкую рыбу, потому что удилъ на тонкія кишечки, а на толстыя, можетъ быть, брала бы и крупная рыба.

И такъ у насъ готовы не только удочки, но и всякая насадка: надобно выбирать мѣста для уженья.

О ВЫБОРѢ МѢСТА.

Если вы случайно заѣдете, или постоянно живете на такой мѣстности, гдѣ на рѣкѣ есть мельница и прудъ — спѣшите туда: тамъ найдете вы самое разнообразное уженье и приволье въ выборѣ мѣста, о чемъ я буду говорить ниже. Я долженъ признаться, что пристрастенъ къ запруженной рѣкѣ. Видъ пруда и мельницы, стукъ ея снастей, шумъ падающей воды — приводятъ въ тихое и сладкое волненіе душу стараго рыбака. Чѣмъ-то дорогимъ прошедшимъ глядятъ воды и водяныя травы, шумятъ вертящіяся колеса, дрожитъ мельничный амбаръ и пѣнятся кипящія подъ нимъ волны! Кустами обросшая плотина, дорожки, протоптанныя прохожими, помольцами и хозяевами, переходы черезъ воду изъ жердочекъ—все говоритъ о чемъ-то давно знакомомъ, близкомъ сердцу. Гдѣ мельница — тамъ и рыба. Прудъ ея—притонъ и гульбище! Тамъ много всякой пищи, тамъ при-

вольно метать икру и выводиться маленькой рыбешкѣ. Около мельницы, во всѣ времена года, во всякую пору дня, охотникъ найдетъ и достанетъ рыбу. Въ раннюю весну, въ позднюю осень, въ дурную погоду—она держится больше въ материкѣ, въ верховьяхъ пруда; въ теплое время, въ лѣтніе жары—она гуляетъ по полямъ, въ травахъ и камышахъ; въ холодное ненастье—жмется по теченію материка къ теплой навозной плотинѣ; но особенно любитъ она держаться въ ямахъ, подъ спусками вешняка или подъ водяными колесами. Напрасно низвергающійся потокъ относитъ назадъ стаи мелкихъ рыбокъ; онѣ сторонкой безпрестанно возвращаются на самую быстрину, и хищныя породы рыбъ хватаютъ мелюзгу, обезсиленную борьбою съ стремленіемъ воды. Рыбакъ вскарабкается на мокрый лежень, на которомъ тяжело ходитъ мельничный валъ, и подъ навѣсомъ водяныхъ трубъ, обросшихъ зеленымъ мохомъ, подъ каплями и нитями просачивающейся воды, вздрагивая на своемъ мѣстѣ при каждомъ оборотѣ колеса—бросаетъ удочку, насаженную червякомъ, или всего лучше рыбкой, въ самую быстрину, въ волны и пѣну—и таскаетъ жадныхъ окуней и небольшихъ щукъ... Но сказавъ о мельницѣ, какъ о выгодномъ мѣстѣ въ частности, обращаюсь къ выбору мѣстъ для уженья вообще.

Выборъ мѣстъ бываетъ различенъ не только по времени года, но и по времени дня. Весною, пока вода еще нѣсколько мутна, рыба бродитъ зря, какъ говорятъ охотники, и клюетъ вездѣ, на всѣхъ глубинахъ: ибо берега рѣкъ еще не опредѣлились, не заросли по мѣстамъ густою осокой, аиромъ или камышомъ; еще не поднялись со дна водяныя травы, не всплыли лопухи; береговыя деревья и кусты не одѣлись листьями, не покрыли прозрачныя вóды тѣнью зеленаго навѣса, маня рыбу пищею во всякое время и прохладою въ полдень.

При раннемъ весеннемъ уженьѣ, которое можетъ иногда начинаться въ исходѣ апрѣля, когда въ рѣкахъ еще много воды и онѣ бѣгутъ быстрѣе обыкновеннаго—надобно грузило прибавить, чтобы крючокъ опускался какъ можно глубже, потому что удить приходится въ *натяжку*, то-есть, леса стремленіемъ воды будетъ натягиваться, и крючокъ не будетъ касаться дна, а это весной необходимо. Рыба жмется обыкновенно ко дну, къ берегамъ, особенно крутымъ, гдѣ теченіе потише. Мѣста надобно выбирать не мелкія и не слишкомъ

глубокія; крючокъ съ насадкой червя навознаго, или земляного (на хлѣбъ удить на быстрякахъ неудобно) отъ сильнаго теченія будетъ прибивать къ берегу, и потому должно такъ класть или втыкать удилище, чтобы насадка только касалась берега и чтобъ леса и наплавокъ не ложились на него; въ противномъ случаѣ они станутъ, при подсѣчкѣ, задѣвать за берегъ, а это никуда не годится: рыба, хватая играющую насадку съ набѣга, сейчасъ встрѣтитъ упоръ отъ задѣвшей лесы или наплавка и сейчасъ броситъ крючокъ, да и подсѣчка никогда не можетъ быть вѣрна: ибо рука охотника встрѣтитъ такое же препятствіе, и подсѣчка не можетъ сообщиться мгновенно крючку. Когда вода еще не совсѣмъ слила и не просвѣтлѣла, трудно достать раковъ, насѣкомыхъ еще никакихъ нѣтъ, и потому единственная насадка—черви; но какъ скоро рѣка войдетъ въ *межень* и образуются тихія мѣста, то на нихъ всякая нехищная рыба очень охотно станетъ брать на хлѣбъ.

Въ рѣкахъ не запруженныхъ, текущихъ вольно, собственною массою воды, обыкновенно выбираютъ для уженья *омуты*, то-есть глубокія мѣста, гдѣ вода вдругъ теряетъ свою быстроту, падая въ яму; потомъ, завертывая назадъ около берега, она встрѣчается съ верхнею, текучею струею, борется съ нею и наконецъ теряетъ свое стремленіе: изъ этой борьбы образуется тишина; въ такихъ тихихъ омутахъ постоянно держится рыба.

Лѣтомъ надо выбирать глубину умѣренную, дно песчаное, или хрящеватое (то-есть, состоящее изъ мелкихъ камешковъ), идущее отъ берега покато и отлого въ глубину; на такихъ мѣстахъ хорошо удить рано утромъ и поздно вечеромъ. Еще лучше, если вода аршина на два отъ берега проросла травою и накрылась ея листьями, какъ бы зеленымъ ковромъ. Тутъ много выгодъ для охотника. Тутъ есть для рыбы и пища и защита отъ яркаго солнца; а главное, тутъ не видно рыбака, сидящаго на берегу, и ловко ему положить свои длинныя удилища на травянистую ткань. Глубокія мѣста, обросшія круглыми, какъ тарелки, зелеными лопухами, представляютъ тѣ же выгоды. Мѣста, гдѣ деревья зелеными вѣтвями своими наклонились надъ водою, гдѣ гибкіе кусты омываютъ длинные листья свои въ прозрачныхъ струяхъ, тихо ропщущихъ отъ ихъ прикосновенія,—благонадежны для уженья не очень ранняго и не очень поздняго: ибо въ это время рыба, уже

поднявшись со дна, ходитъ на умѣренной глубинѣ и очень любитъ держаться около зелени листьевъ. Охотники хорошо это знаютъ, и на рѣкахъ и озерахъ, берега которыхъ совершенно голы, прибѣгаютъ къ хитрости, устроиваютъ искусственную зелень: срубаютъ вершину какого-нибудь молодого дерева (если оно мало, то два и три) или цѣлый кустъ тальнику, вербы, выбираютъ удобное для уженья мѣсто, и кладутъ ихъ на воду, погрузивъ до половины и воткнувъ нижніе, заостренные концы въ берегъ. Мелкая рыба не замедлитъ броситься къ зеленымъ листьямъ, а за ней придетъ и крупная. Дня въ два рыба привыкнетъ держаться около кустовъ, которые, впослѣдствіи, когда листья поблекнутъ, можно перемѣнять по ночамъ. Также поступаютъ и на большихъ рѣкахъ, гдѣ удятъ съ лодки, привязавъ къ ней связку вершинъ древесныхъ, или кустъ. Если мѣсто не такъ глубоко, то лодка стоитъ на *приколѣ*, то-есть, привязанная къ длинному колу, воткнутому во дно; если же глубоко, то лодка держится на веревкѣ съ камнемъ, опущеннымъ на дно.

Осенью, для уженья крупной рыбы, по утрамъ и вечерамъ, надобно выбирать самыя глубокія мѣста; но около полудня рыба уже не прячется отъ солнечнаго зноя, какъ лѣтомъ, подъ траву, кусты, тѣнь нависшихъ береговъ и даже тѣнь мостовъ; напротивъ, обрадовавшись теплотѣ солнечныхъ лучей, она стаями выплываетъ на поверхность воды, хватаетъ падающіе на нее увядающіе листья и всякихъ насѣкомыхъ. Тутъ надобно удить какъ можно мельче и предпочтительно на всякихъ насѣкомыхъ.

Есть осеннее уженье „нахлыстомъ", какъ выражаются рыбаки, котораго мнѣ не довелось испытать, — но которое, говорятъ, бываетъ очень удачно. Оно особенно выгодно и пріятно потому, что въ это время, другими способами уженья, трудно добывать хорошую рыбу; оно производится слѣдующимъ образомъ: въ маленькую рыбачью лодку садятся двое; плывя по теченію рѣки, одинъ тихо правитъ весломъ, держа лодку въ разстояніи двухъ-трехъ саженъ отъ берега; другой безпрестанно закидываетъ и вынимаетъ наплавную удочку съ длинной лесой, насаженную червякомъ, кобылкой (если онѣ еще не пропали), или мелкой рыбкой; крючокъ бросается къ берегу, къ травѣ, подъ кусты и наклонившіяся деревья, гдѣ вода тиха и засорена падающими сухими листьями: къ нимъ обыкновенно поднимается всякая рыба, иногда довольно круп-

ная, и хватаетъ насадку на ходу. Вѣроятно, вмѣстѣ съ сухими листьями падаютъ въ воду какія-нибудь насѣкомыя, и потому паденіе листьевъ привлекаетъ рыбъ. Я много разъ самъ наблюдалъ, какъ хватаетъ рыба упавшіе листья и уноситъ въ глубь: нѣкоторые листочки всплываютъ, а другіе пропадаютъ; можетъ быть, рыба глотаетъ тѣ изъ нихъ, которые еще зелены. Въ тихое время и на тихой водѣ, въ верховьяхъ прудовъ, гдѣ материкъ стоитъ наравнѣ съ берегами, обросшими лѣсомъ, листья застилаютъ воду иногда такъ густо, что трудно закинуть удочку, и если грузило легко, то крючокъ съ насадкой будетъ лежать на листьяхъ; разумѣется, надобно добиться, чтобы крючокъ опустился и наплавокъ всталъ; удить надобно всячески, то-есть и очень мелко и глубоко, потому что рыба иногда беретъ очень высоко, подъ самыми листьями, а иногда со дна. Это уженье имѣетъ одну невыгодную сторону: въ листьяхъ трудно разглядѣть наплавокъ; но за то рыба охотно и смѣло беретъ подъ лиственнымъ покрываломъ, и прозрачность осенней воды въ этомъ случаѣ помогаетъ успѣшному уженью: ибо рыба издалека видитъ упавшую въ воду насадку, а человѣка не видитъ. Берутъ по большей части окуни, средніе головли, язи и крупные ельцы. Впрочемъ, можетъ взять и всякая рыба. Пріятность этого уженья состоитъ въ томъ, что оно спокойно и что въ позднее осеннее время нельзя въ другихъ мѣстахъ выудить никакой порядочной рыбы, кромѣ хищной, а изъ-подъ листьевъ мнѣ случалось выуживать хорошихъ язей, головлей и очень крупную плотву: послѣдняя брала на хлѣбъ, а первые на крупныхъ земляныхъ червей.

Во всякое время года выгодны для уженья *перекаты* (мелкія мѣста рѣки), устья впадающихъ рѣчекъ и ручьевъ, ямы, выбитыя паденіемъ воды подъ мельничными колесами и вешняками. Перекаты, — проходное мѣсто рыбы, переплывающей изъ одного омута въ другой, скатывающейся внизъ, когда вода идетъ на убыль, и стремящейся вверхъ, когда вода прибываетъ, — перекаты всегда быстры, слѣдовательно удить надобно со дна и съ тяжелыми грузилами. Теченіе воды будетъ тащить и шевелить насадку на крючкѣ, и проходящая рыба станетъ хватать ее.

При устьяхъ впадающихъ рѣчекъ и ручьевъ всегда держится мелкая рыбешка, а около нея держатся всѣ породы хищныхъ рыбъ: щуки, жерихи, судаки, окуни и даже головли,

которые, несмотря на свою не хищную, повидимому, породу, очень охотно глотаютъ маленькихъ рыбокъ. Въ глубокихъ ямахъ, выбиваемыхъ паденіемъ полой воды подъ вешняками или скрынями, всегда водится много крупной рыбы. Подъ шумомъ воды, падающей съ мельничныхъ колесъ, также всегда стоитъ рыба, хотя и не такъ крупная.

Изъ всего этого не слѣдуетъ заключать, что только въ мѣстахъ, мною исчисленныхъ, должна клевать рыба. Гдѣ есть вода, тамъ она можетъ плавать, слѣдственно, и брать на удочку. Рыба пользуется этой свободой, и нерѣдко клевъ ея бываетъ такъ прихотливъ, что приводитъ въ недоумѣніе опытнаго рыбака.

До сихъ поръ мы говорили о рѣкахъ. О выборѣ мѣстъ въ небольшихъ рѣчкахъ и ручьяхъ, гдѣ ловятся на удочку форель (пеструшка), кутема и лохъ, нечего сказать особеннаго: такія мѣста, то-есть небольшіе омуточки или ямки, перемѣняются безпрестанно, и объ этомъ будетъ сказано въ статьѣ объ уженьѣ форели. Выборъ мѣстъ для уженья въ проточныхъ прудахъ, заросшихъ травою и камышами, имѣетъ свои особенности. Уженье въ ихъ материкѣ (материкомъ называется русло настоящей рѣки) есть уженье рѣчное. Тутъ нѣтъ выбора мѣстъ, зависящаго отъ положенія береговъ, ибо вода затопила ихъ и стоитъ выше земной поверхности на аршинъ, иногда и болѣе; тутъ надобно знать положеніе дна, замѣтивъ его при спускѣ полой воды, или, если этотъ прудъ намъ незнакомъ, ощупавъ дно рыбачьимъ лотомъ: лотомъ называется маленькая гиря, или большая свинцовая пуля, привязанная на длинный шнурокъ. Отлогое дно, идущее отъ берега въ глубину, твердое, не заросшее травою, не имѣющее задѣвовъ, безъ сомнѣнія, есть самое лучшее мѣсто; но здѣсь уженье производится уже съ лодки, или съ нарочно устроенныхъ для того мостковъ или плота. Для уженья *въ полояхъ*, то-есть въ разливѣ пруда, проросшаго травой и камышами, какъ это особенно бываетъ въ губерніяхъ черноземныхъ, надобно выбирать мѣстечки поглубже, не заросшія травой или камышемъ. Лѣтомъ вся рыба бросается туда, и полои дѣлаются единственнымъ и обильнѣйшимъ мѣстомъ для уженья, о чемъ мы поговоримъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Въ озерахъ, если берега ихъ обросли травою и кустами, выборъ мѣстъ для ловли удочкой во многомъ сходенъ съ выборомъ мѣстъ въ рѣкѣ. Въ копаномъ прудѣ берега и дно вездѣ одинаковы, и

потому можно удить, гдѣ угодно. Впрочемъ, всегда надобно соображаться съ привычками самой рыбы: гдѣ она больше держится, тамъ и удить. Опытъ лучшій указатель въ этомъ дѣлѣ.

Мѣста для уженья получаютъ особенныя достоинства отъ прикормки.

ПРИКОРМКА.

Прикормкою называются бросаемые въ воду хлѣбъ, хлѣбныя зерна, квасная гуща, червячки и вообще все то, что ѣстъ рыба. Много есть рыбаковъ-охотниковъ, которые цѣлый вѣкъ удятъ безъ прикормки и даже не находятъ въ ней большой пользы, но послѣднее несправедливо: прикормка дѣло великое, и не только доставляетъ обильнѣйшій ловъ, но даетъ возможность выуживать рыбу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безъ прикормки вы бы никакъ ее не выудили, и въ такое время года, когда эта порода рыбы перестала уже брать. Разумѣется, мы говоримъ о прикормкѣ постоянной, которую хорошо приготовлять слѣдующимъ образомъ: берутся хлѣбныя зёрна ржи, овса, пшеницы, или какія есть; прибавляются отруби, корки ржанаго хлѣба, особенно пригорѣлыя (рыба далеко слышитъ ихъ запахъ), все это кладется въ чугунъ, наливается водой и ставится въ жаркую печь, сутки на двое, такъ чтобы совершенно разопрѣло.

Прикормки бываютъ *временныя* и *постоянныя*. Временною прикормкою мы называемъ бросанье оной во время уженья, или съ вечера наканунѣ, или передъ самымъ уженьемъ. Можно бросать и червей и раковъ, расщипанныхъ въ куски. Постоянною называется опущеніе въ воду, на самое дно, мѣшка съ прикормкою, сейчасъ мною описанною; величина мѣшка произвольная, но весьма достаточно, если онъ будетъ четверти $2^1/_2$ въ длину и $1^1/_2$ въ ширину. Мѣшокъ долженъ быть сшитъ изъ рѣдинки, такъ чтобы не только просачивалась жидкость, но и зерна мѣстами высовывались. Мѣшокъ съ такою прикормкою, съ камнемъ для тягости, привязанный на веревочкѣ, опускается на самое дно въ избранномъ для уженья мѣстѣ. Мѣшокъ надобно класть недалеко отъ берега, такъ чтобы удочки ходили около него впереди, для того, чтобы подходящая къ прикормкѣ рыба прежде встрѣчала насаженные крючки. Мѣшокъ долженъ быть привязанъ шнуркомъ къ ма-

ленькому колышку, который втыкается въ берегъ, или подъ берегъ, такъ чтобы его нельзя было и примѣтить никому, и чтобы только хозяинъ могъ его отыскать. Шнурокъ нуженъ, во-первыхъ, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было перенести мѣшокъ съ прикормкою на другое мѣсто; и во-вторыхъ, для того, что если вы задѣнете за него удочкой, то можете вытащить мѣшокъ, и крючокъ отцѣпить, а безъ шнурка вы оторвали бы его. Задѣть можно при всей осторожности: сама рыба натащитъ. Мнѣ случилось одинъ разъ зацѣпить крючкомъ за мѣшокъ; я вытащилъ посредствомъ шнурка, и нашелъ, пришпиленную къ нему крючкомъ моей удочки, плотичку.

Постоянная прикормка должна лежать съ недѣлю, прежде чѣмъ начнется уженье; очень полезно, сверхъ того, побрасывать всякій день прикормки особо, горсти по двѣ, по утрамъ или вечерамъ. Если сдѣлать такую прикормку съ весны, сейчасъ, какъ сольетъ вода, покуда не выросла трава около береговъ и на днѣ рѣки, пруда или озера, и не развелись водяныя насѣкомыя, слѣдственно въ самое голодное для рыбы время, то можно такъ привадить рыбу, что хотя она и высосетъ прикормку изъ мѣшка, но все станетъ приходить къ нему, особенно, если поддерживать эту привычку ежедневнымъ бросаніемъ прикормки въ одно и то же время; разумѣется, уже въ это время предпочтительно надобно и удить.

Прикормка постоянная имѣетъ еще ту выгоду, что менѣе приманиваетъ мелкой рыбы, чѣмъ временная.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только можно, но и должно на *то* удить, *чѣмъ* прикормлена рыба, то-есть: на хлѣбъ и на распаренныя хлѣбныя зерна; но охотники рѣдко выдерживаютъ такую послѣдовательность и спѣшатъ предложить дорогимъ гостямъ вкуснѣйшія и любимѣйшія ими кушанья, какъ-то червей, раковъ и др. Въ оправданіе охотниковъ можно сказать то, что на хлѣбъ и на зерна нѣкоторыя породы рыбъ, особенно хищныхъ, совсѣмъ не берутъ; за что же рыбакъ добровольно лишитъ себя возможности ихъ выудить, лишится разнообразія добычи, столь пріятнаго всякому охотнику?

Дѣлаются хлѣбныя прикормки съ коноплянымъ масломъ, съ сыромъ; пришиваютъ къ мѣшку, завернувши въ тряпочку, маленькіе кусочки бобровой струи (даже привязываютъ ихъ къ крючкамъ): все это я пробовалъ, но никакой особенной пользы не видѣлъ; хлѣбомъ же, или квасною гущею съ ко-

нопляным маслом, по моему замѣчанію, скорѣе можно отвадить рыбу; я два раза испыталъ это очевидно на карасяхъ. Я увѣренъ, впрочемъ, что должна существовать такая лакомая пища для рыбы, которая имѣетъ силу непремѣнно собрать ее въ одно мѣсто: но покуда еще не сдѣлано этого важнаго открытія.

Хотя послѣ всего, мною сказаннаго, нельзя оспаривать, что постоянная прикормка очень выгодна для уженья; но, повторяю, есть охотники, которые предпочитаютъ уженье безъ прикормки. «Что за удовольствіе, говорятъ они, поймать рыбу, которая посредствомъ долговременной привычки сдѣлалась почти ручною, приваженною ѣсть кормъ, безъ всякаго опасенія, въ извѣстное время, какъ дворовая птица? Тутъ пропадаетъ искусство удить, тутъ почти равняется умѣющій съ неумѣющимъ рыбакомъ; тутъ не нужны ни трудъ, ни забота, ни безсонныя ночи. Нѣтъ, изучить, отгадать мѣстопребываніе, свойство и вкусъ осторожной, пугливой, вольной рыбы, привлечь и обмануть ее искусною насадкой, подстеречь ея прикосновеніе къ крючку—вотъ въ чемъ наслажденіе рыбака! Одна такая рыба стоитъ десяти прикормленныхъ!» Несмотря на то, что я много уживалъ съ прикормкой, продолжаю и теперь удить и защищаю ея выгоды, я долженъ признаться, что въ возраженіи противъ нея—много правды, если смотрѣть на уженье только съ его поэтической стороны.

ОБЪ УМѢНЬѢ УДИТЬ.

Нѣтъ, кажется, ничего проще, какъ взять удочку, насадить червячка или кусокъ хлѣба, закинуть въ воду и, когда погрузится наплавокъ, вытащить рыбу на берегъ. Все это правда, а не менѣе того и то правда, что существуетъ большое умѣнье удить рыбу. Для пріобрѣтенія вполнѣ этого умѣнья, надобно много опытности и даже нѣкоторыхъ особенныхъ способностей. Напримѣръ, нужны: ловкость въ рукахъ и искусство сохранять натуральный видъ червяка, рака и насѣкомыхъ, насаживаемыхъ на крючокъ; острое зрѣніе для наблюденія за движеніями наплавка, иногда едва примѣтными и вовсе непонятными для непосвященнаго въ таинство

уженья; нужно неразвлекаемое вниманіе, ибо клевъ рыбы, смотря по временамъ года и по насадкѣ, безконечно разнообразенъ; нужны смѣтливость и догадка... Вы уже смѣетесь, вы подумали, любезные читатели, что я хочу исчислять всѣ качества, необходимыя ружейному охотнику, о которыхъ напечатано въ «*Совершенномъ егерѣ*», и дойду наконецъ до «*острыхъ прямыхъ зубовъ*»? Хотя ихъ не худо имѣть каждому человѣку, но я скажу вамъ нѣчто другое. Настоящему рыбаку, охотнику-артисту, необходимо изученіе нравовъ рыбъ, а это самое трудное и темное дѣло, хотя рыбы живутъ и въ прозрачныхъ чертогахъ. Нравы ихъ должно отгадывать; данныхъ очень немного, и потому надобно имѣть и проницательность, и соображеніе, а сколько труда, безпокойства!.. Вечерняя и утренняя заря — наилучшее время для наблюденія нравовъ рыбъ, относительно ихъ пищи, а лѣтомъ, какъ говорится, заря съ зарей сходится... и такъ наблюдателю немного часовъ останется спать.

Если бы кто-нибудь вздумалъ спросить меня, хотя ради шутки: что я разумѣю подъ словами «*нравы рыбъ*»? то я отвѣчалъ бы, что подъ этими словами я разумѣю вообще природныя свойства рыбъ, то-есть: въ какихъ водахъ преимущественно любятъ жить такія-то породы рыбъ, что составляетъ ихъ любимую пищу, въ какое время года и въ какое время дня держится рыба въ такихъ-то мѣстахъ, и проч., и проч.

Надобно признаться, что мы очень мало знаемъ эту любопытную сторону натуральной исторіи въ *жизни* обитателей водъ. Все, что мнѣ случалось читать, весьма неудовлетворительно, а иногда и очевидно не вѣрно. Разсказы рыбаковъ по ремеслу, которые, впрочемъ, рѣдко и мало занимаются ловлею на удочку, конечно, могутъ быть очень полезны; но эти люди часто смотрятъ съ отвращеніемъ на свое ежедневное, трудовое занятіе, работу, доставляющую имъ скудный кусокъ насущнаго хлѣба. У нихъ нѣтъ любви къ своему дѣлу, слѣдовательно, не можетъ быть вниманія и наблюдательности образованнаго человѣка; но, повторяю, что разсказами ихъ очень можно воспользоваться. Говоря о каждой породѣ рыбъ отдѣльно, я скажу все то немногое, что знаю о ихъ нравахъ, также о клевѣ и способахъ удить. Предупреждаю моихъ читателей, что хотя все, мною сказанное, будетъ совершенная правда, но легко можетъ оказаться неудачнымъ и даже безуспѣшнымъ въ исполненіи. Не только въ разныхъ водахъ у

однѣхъ и тѣхъ же породъ рыбъ бываютъ разные вкусы и свойства, но въ одной и той же рѣкѣ нравы ихъ измѣняются съ теченіемъ времени. Вѣроятно это зависитъ отъ измѣненія свойствъ воды, береговъ, дна и обыкновеннаго рыбьяго корма. Напримѣръ: отъ усиленнаго народонаселенія, скотоводства, постройки мельницъ, вода дѣлается мутнѣе и теплѣе; берега теряютъ оброставшія ихъ прежде травы, въ разливахъ прудовъ выростаютъ новыя, свойственныя только водѣ мелкой и запруженной; породы рыбъ отчасти замѣщаются другими; рыба отъ сытнаго корма дѣлается не такъ жадна, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется ея клевъ. Итакъ, мнѣ остается сказать только объ однихъ общихъ правилахъ относительно умѣнья удить.

Первое). Важнѣйшее дѣло въ умѣньѣ удить — умѣнье хорошо устроить удочки: объ этомъ уже было говорено, но я повторю вкратцѣ: удилище должно быть прямо, гладко, легко, ловко для подсѣчки, конецъ его гибокъ; леса должна быть ровна и ссучена не круто. Крутая леса будетъ свиваться, наплавокъ станетъ вертѣться, крючокъ съ насадкою приподниматься кверху, и если въ этомъ положеніи возьметъ рыба, то, по большей части, случится промахъ. Это несносно на уженьѣ, и даже пугаетъ рыбу; такую лесу или надобно разсучить, что довольно хлопотно, или бросить. Узелки, которыми поводокъ привязанъ къ лесѣ и крючку, должны быть не велики, безъ махровъ; поводокъ долженъ итти отъ внутренней стороны крючка; крючокъ — хорошо загнутый, всегда острый: какъ скоро жало притупляется, сейчасъ перемѣнить крючокъ *); насадка свѣжая, живая, насажена искусно. Вся удочка должна быть соразмѣрна въ своихъ частяхъ, красива, даже изящна. Такая удочка—большая порука за успѣхъ.

Второе). Не менѣе важно умѣть пользоваться благопріятною погодою и временемъ дня. Самые драгоцѣнные часы для уженья—раннее утро. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время рыба голоднѣе, беретъ охотнѣе и смѣлѣе, потому что вода еще не такъ прозрачна, и что отъ того рыба заклевываетъ вѣрнѣе. Вечеромъ также рыба беретъ охотнѣе, чѣмъ въ продолженіе дня, особенно поздно вечеромъ: тогда и крупная рыба начнетъ смѣло ходить около береговъ, даже на мѣстахъ очень чистыхъ и мелкихъ, и хотя рыба ѣстъ во всякое время

---

*) Чтобы жало крючка не тупилось, надобно не втыкать его никогда въ удилище, что дѣлается весьма часто.

дня, но вечеромъ она жаднѣе ищетъ корма. Чѣмъ жарче погода, тѣмъ надобно удить ранѣе: среди лѣта, въ ясные знойные дни, едва блеснетъ бѣлая полоса на востокѣ, охотникъ долженъ быть на мѣстѣ уженья: мы разумѣемъ уженье крупной рыбы, и особенно на прикормленномъ мѣстѣ; покуда рыбакъ броситъ прикормку, разовьетъ и насадитъ старательно удочки, уже займется заря, начнутъ выскакивать пузыри со дна на поверхность воды отъ идущей со всѣхъ сторонъ рыбы, и клевъ наступаетъ немедленно. Онъ не продолжается долго, часовъ до шести. Какъ только солнце хорошенько обогрѣетъ и лучи его поглотятъ утреннюю прохладу, ступайте на другое мѣсто удить среднюю или мелкую рыбу, или ступайте съ своею добычею домой и ложитесь спать. Въ дождливую и прохладную погоду не нужно начинать удить такъ рано, особенно весной и осенью, даже можно удить почти цѣлый день.

Третье). Весьма также важно знать, въ какихъ мѣстахъ, въ какое время года и въ какую погоду держится рыба. Можно получить объ этомъ нѣкоторое понятіе, прочтя все написанное мною; но узнать настоящимъ образомъ этого нельзя по одному описанію; тутъ необходимо знаніе опытное, собственное наблюденіе. Иногда мѣсто и время кажется очень хорошо, со всѣми выгодами, а рыбы нѣтъ, или она не беретъ; иногда совсѣмъ наоборотъ: рыба клютъ и въ дурное время и на плохихъ мѣстахъ. Никакъ нельзя оспаривать, что у рыбы есть любимыя мѣста, повидимому, безъ всякой причины. Самые благопріятные дни для уженья—дни теплые, сѣрые, съ перепадающими дождями и особенно тихіе: при одномъ только уженьѣ окуней и плотвы, даже сильный вѣтеръ бываетъ иногда полезенъ. Въ знойные, безоблачные дни можно удить только рано поутру и поздно вечеромъ (о полдневномъ уженьѣ поговорю особо); но въ сѣрые, съ перепадающими дождями дни можно удить цѣлый день. Хотя иногда набѣжитъ туча съ грозой и съ сильнымъ вихремъ, съ частымъ и крупнымъ дождемъ, который забьетъ ваши наплавки подъ траву, въ шумныя брызги и пузыри изрубитъ гладкую поверхность воды, взмутитъ ее, если она не глубока, отнесетъ длинныя плетеницы травъ туда, гдѣ ихъ не бывало, такъ измѣнитъ положеніе мѣста уженья, что вы сами его не узнаете... Но туча пронеслась, влажная, парная теплота разливается въ воздухѣ, мгновенно наступаетъ глубокая тишина, все приходитъ въ порядокъ: круглые, зеленые лопухи медленно отплываютъ на свое прежнее мѣсто,

длинные листья прибрежной травы снова разстилаются широко надъ водою, и рыба, испуганная на время внезапнымъ возмущеніемъ стихій, съ новою жадностью бросается на ваши, между тѣмъ оправленные крючки. Теперь поговоримъ собственно о процессѣ уженья.

Четвертое). Охотникъ долженъ наблюдать возможную тишину и стараться, чтобы рыба его не видала, особенно, если вода свѣтла, мѣсто не глубоко и удочки закидываются недалеко отъ берега. На водѣ мутной, на значительной глубинѣ, также подъ шумомъ мельничныхъ колесъ, или падающей воды, и при далекомъ закидываніи удочекъ, можно наблюдать менѣе осторожности.

Пятое). Удочку должно закидывать, не шлепая по водѣ удилищемъ, всегда подальше, и потомъ привесть на то мѣсто, на которомъ вы назначаете держаться наплавку (не давъ крючку лечь на дно); закинутую же удочку никакъ не должно *подтаскивать* къ берегу; а если это нужно, то вынуть ее совсѣмъ и закинуть ближе: подтаскивая, сейчасъ задѣнешь за какую-нибудь неровность дна.

Шестое). Безъ надобности не должно часто вынимать удочки, особенно при уженьѣ крупной рыбы: этимъ можно испугать ее; но если безпрестанно дергаетъ мелкая рыба, то неминуемо должно часто вынимать и оправлять, или перемѣнять испорченную насадку; но дѣлать это слѣдуетъ осторожно и тихо.

Седьмое). Никогда не должно употреблять много удочекъ. Если вы удите со дна, можете закинуть три удочки, никакъ не болѣе, насадивъ ихъ разною насадкою, если она у васъ есть, и если мѣсто уженья просторно. При малѣйшемъ движеніи наплавка, надобно сейчасъ положить руку на удилище, не пошевеля его съ мѣста, чтобы въ ту же минуту, какъ скоро рыба погрузитъ наплавокъ, или значительно потащитъ въ сторону, можно было ее подсѣчь. Если наплавки ходятъ на вѣсу, то болѣе двухъ удочекъ употреблять не должно: ибо тутъ иногда, вслѣдъ за первымъ движеніемъ, мгновенно слѣдуетъ погруженіе наплавка. И лишнее число удочекъ будетъ мѣшать; если же вы удите мелкую рубу, которая беретъ часто посреди безпрестаннаго дерганья, то надобно удить на одну удочку и держать удилище въ рукѣ, иначе вы будете кидаться отъ одной удочки къ другой, и на обѣихъ пропускать время, благопріятное для подсѣчки.

Восьмое). Знаніе времени, поры для подсѣчки, безъ сомнѣ-

нія, всего важнѣе въ умѣньѣ удить; но сдѣлать общее правило, когда надобно подсѣкать, невозможно: ибо у всякой рыбы особый клевъ и особая подсѣчка, и та измѣняется по измѣненію характера клева и времени года; хотя о ней будетъ сказано при описаніи каждой рыбы отдѣльно, но это дѣло такъ важно въ умѣньѣ удить, что о немъ стоитъ поговорить особенно. Я слыхалъ всегда отъ старыхъ, опытныхъ рыбаковъ, что всего нужнѣе дать рыбѣ *заклевать хорошенько*, то-есть: проглотить насадку вмѣстѣ съ крючкомъ и утащить наплавокъ на дно. Я долго и слѣпо этому вѣрилъ; но впослѣдствіи, при собственномъ внимательномъ наблюденіи, убѣдился, что это правило никакъ нельзя принимать безусловно. Въ отношеніи къ рыбамъ хищнымъ оно вѣрно всегда, наплавокъ точно погружается; но въ отношеніи къ другимъ породамъ рыбъ, особенно некрупнымъ, это правило вредно: онѣ не проглатываютъ, а берутъ насадку въ ротъ и плывутъ въ сторону, очень часто не утаскивая наплавка; если встрѣтится какое-нибудь препятствіе (и оно встрѣтится непремѣнно отъ упора натягиваемой лесы), особенно если рыба услышитъ жесткую спинку крючка, а всего болѣе, если уколется его жаломъ, то она сейчасъ выброситъ насадку вмѣстѣ съ крючкомъ. Итакъ, *потяжка* наплавка, то-есть время, когда онъ поѣдетъ въ сторону, особенно при нѣкоторомъ наклоненіи нижняго конца— есть настоящая пора для подсѣчки. Подсѣкать должно всегда живо, но не слишкомъ сильно, всегда нѣсколько вверхъ и въ противоположную сторону той, куда рыба тащитъ наплавокъ. Это послѣднее правило еще нужнѣе соблюдать, когда удишь со дна.

Девятое). Какъ можно надобно стараться, чтобы не класть удилищъ на воду и не погружать ихъ концовъ въ воду. Если позволяетъ мѣсто, то можно легонько втыкать концы удилищъ въ берегъ, или класть ихъ на береговую высокую траву, или подставлять подъ нихъ рогульки, которыя заблаговременно можно воткнуть у берега въ воду, на мѣстахъ, гдѣ вы постоянно удите. Это чрезвычайно нужно для скорости и вѣрности подсѣчки. Въ такомъ лишь случаѣ необходимо класть удилища на воду, если она, по отмели, далеко проросла травою, такъ что удилище едва достаетъ ея края, а иногда и не достаетъ. При такомъ неудобномъ уженьѣ надобно тащить заклевавшую рыбу, если можно, прочь отъ себя, или прямо до самой поверхности воды, и потомъ выкинуть на берегъ.

Это дѣлается для того, чтобы рыба не запуталась въ травѣ, куда она (особенно крупная) сейчасъ бросается.

Десятое). Леса, отъ удилища до наплавка, особенно если она длинна, не должна слишкомъ много погружаться въ воду; она можетъ задѣть за что нибудь на мелкомъ днѣ у берега, и вы сдѣлаете промахъ.

Одиннадцатое). Не должно вытаскивать рыбу съ одного пріема, изъ всей силы: у мелкой рыбы вы станете рвать губы и забрасывать такъ далеко на берегъ, что иногда не скоро въ травѣ и найдете, даже потеряете; а съ крупной рыбой можете порвать лесу или сломать удилище. Надобно быстро подсѣчь, и если рыба не велика, то легонько ее вытащить; если же вы послышите большую рыбу, то, послѣ подсѣчки, которая должна быть довольно сильна, чтобы жало крючка могло вонзиться глубже, надобно дать ей свободу ходить на кругахъ, не ослабляя лесы, и не вдругъ выводить на поверхность воды, а терпѣливо дожидаться, когда рыба утомится и сдѣлается смирна; тогда, смотря по удобству берега, или подведя поближе, взять ее рукою подъ жабры, если берегъ крутъ,—или вытащить ее таскомъ, если берегъ пологъ, для чего надобно отбѣжать назадъ или въ сторону. Впрочемъ, это непростительная вина удить, не имѣя съ собою сачка въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можетъ взять крупная рыба. При вытаскиваніи крупной рыбы безъ сачка, увидѣвъ и услышавъ ее, надобно подводить къ берегу, особенно крутому, въ такомъ положеніи, чтобы голова рыбы и верхняя часть туловища были наружи и приподняты кверху: само собою разумѣется, что это можно сдѣлать съ толстой, крѣпкой лесою; въ противномъ случаѣ надобно долго водить рыбу сначала въ водѣ, потомъ на поверхности и подтаскивать ее къ берегу очень бережно, не приподымая уже головы рыбьей кверху, и потомъ взять ее рукою, но непремѣнно *въ водѣ.*

Двѣнадцатое). Если возьметъ очень большая рыба, и вы не умѣете, или не можете заставить ее ходить на кругахъ въ глубинѣ, если она бросится на поверхность воды и пойдетъ прямо отъ васъ, то надобно попробовать заворотить ее въ бокъ, погрузивъ удилище до половины въ воду; если же это не поможетъ, и напротивъ рыба, идя вверхъ прочь отъ васъ, начнетъ вытягивать лесу и удилище въ одну прямую линію, то бросьте сейчасъ удилище въ воду. Это одно спасеніе: если вы станете упорствовать, то потеряете и рыбу и

удочку: ибо безъ гиби, происходившей отъ конца удилища, леса непремѣнно и въ одну минуту порвется. Рыба утомится, плавая на брошенномъ вами удилищѣ, и прибьется или къ берегу, или запутается въ траву на мелкомъ мѣстѣ: тамъ можете вы удобнѣе взять ее руками.

Тринадцатое). При вытаскиваніи большой рыбы, никогда не должно брать рукой за лесу, хотя бы и казалось это очень удобнымъ: тутъ можетъ случиться та же потеря, о которой я сейчасъ говорилъ. Въ одномъ только случаѣ надобно прибѣгнуть къ этому средству: если у васъ переломится удилище очень высоко, тогда, нечего дѣлать, надобно поймать обломанный конецъ удилища и полегоньку подвесть рыбу къ мелкому мѣсту, или пологому берегу, и взявъ рукой за лесу на аршинъ или менѣе отъ рыбы, выволочь ее таскомъ на берегъ. Если же мѣсто глубоко и берегъ крутъ, то, подведя къ нему рыбу и придерживая на слаби лѣвою рукою за лесу— правою взять рыбу подъ жабры и выкинуть на берегъ, какъ уже и было мною сказано. Должно всегда помнить, что леса, особенно не толстая, только потому выдерживаетъ тяжесть большой рыбы, что она плаваетъ въ водѣ, что вода гораздо гуще воздуха, слѣдовательно лучше поддерживаетъ рыбу, и что гибкій конецъ удилища служитъ, такъ сказать, продолженіемъ лесы.

Четырнадцатое). Если рыба на удочкѣ запутается въ травѣ, то никакъ ее не тащить; напротивъ, ослабить лесу и дать рыбѣ свободу выпутаться самой изъ травы, что она почти всегда сдѣлаетъ: нужно только терпѣніе. Наплавокъ или леса сейчасъ вамъ покажетъ, что рыба пошла въ ходъ; тогда надобно проворно вывести ее на чистое мѣсто и далѣе поступать такъ, какъ я сейчасъ говорилъ. Если же по прошествіи долгаго времени рыба не отпутывается и слышно по рукѣ, что она крѣпко затянулась и задѣла на днѣ за корни травы или карягу, то надобно лѣзть въ воду и отцѣпить руками: тутъ сохранится иногда и удочка и рыба; или надобно достать длинный шестъ, вырѣзать на тонкомъ концѣ его углубленіе (родъ рогульки), и дойдя имъ по лесѣ до крючка и до корня травы, за которую онъ зацѣпилъ, легонько выврвать траву изъ дна, или отцѣпить отъ каряги; въ этомъ случаѣ рыбу уже трудно сохранить.

Пятнадцатое). Никогда не должно уходить съ мѣста, не попробовавъ поудить на удочки разной величины и разной

глубины, и на всѣ роды насадокъ, какія у васъ есть. Рыба бываетъ непостижимо своенравна и прихотлива; по крайней мѣрѣ такъ кажется намъ по нашему невѣдѣнію: сколько разъ со мной случалось, что на удочку, хуже другихъ устроенную, не на мѣстѣ лежащую, на одинъ и тотъ же обрывокъ червяка или рака безпрестанно брала хорошая рыба, тогда какъ наплавки другихъ удочекъ, во всемъ ее превосходящихъ, съ живою, лакомою насадкой, лежали неподвижно; такимъ указаніемъ пренебрегать не должно, и, не *мудрствуя лукаво*, совѣтую, оставя другія удочки, продолжать удить на ту, на которую беретъ; то-есть на *счастливую*, насаживая на нее не цѣлыхъ червей и раковъ, а небольшіе обрывки ихъ, и закидывая удочку на то же самое мѣсто. Кто знаетъ, можетъ быть положеніе дна такъ выгодно для лежанія насадки, что она видна со всѣхъ сторонъ?

Шестнадцатое). Хотя справедливо мнѣніе, признанное всѣми рыбаками, что рыба ходитъ высоко въ августѣ и сентябрѣ, а въ прочіе мѣсяцы ходитъ низко; но къ этому надобно прибавить, что состояніе погоды совершенно измѣняетъ ходъ рыбы. Если погода стоитъ жаркая и солнечная, то еще въ исходѣ іюля рыба поднимается высоко и держится подъ навѣсомъ травъ, преимущественно широколистныхъ, что продолжается въ августѣ и даже въ сентябрѣ — до наступленія холоднаго времени; впрочемъ, рыба опускается не столько отъ холодной погоды, какъ отъ дождей и сильныхъ вѣтровъ; вообще крупная рыба держится глубже мелкой. Итакъ, главнѣйшее правило состоитъ въ томъ, чтобы соображаться съ временами года и состояніемъ погоды: на дворѣ тепло, ясно и тихо—рыба гуляетъ вездѣ, даже по самымъ мелкимъ мѣстамъ (особенно вечеромъ), слѣдовательно тамъ и надобно ее удить; наступаетъ ненастье, особенно вѣтеръ—рыба бросается въ траву, прячется подъ берегами и кустами: должно искать ее тамъ; наступаетъ сильный холодъ—рыба становится на станы, то-есть раздѣляется по породамъ, собирается стаями и ложится на дно въ мѣстахъ глубокихъ: надобно преслѣдовать ее и тамъ, и удить очень глубоко. Такіе станы, извѣстные рыбакамъ, и зимою даютъ возможность, прорубя надъ ними проруби, удить рыбу, несмотря на стужу.

Кажется, я все сказалъ, что болѣе или менѣе составляетъ умѣнье удить, или къ нему относится. Говоря сколько можно вообще, я не могъ избѣгнуть и частностей, которыя неминуемо должны повториться въ своемъ мѣстѣ.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько также общихъ замѣчаній о «клёвѣ» и причинахъ неудачи въ уженьѣ, зависящихъ отъ характера самого рыбака.

Рыба не всегда клюетъ одинаково. Никакъ нельзя ручаться, чтобы превосходный клевъ вдругъ не измѣнился. У рыбаковъ существуютъ на этотъ счетъ разныя мнѣнія. Одни говорятъ, что рыба перестаетъ брать передъ ненастьемъ, что она *слышитъ* ненастье, и я считаю это мнѣніе справедливымъ. Много разъ случалось мнѣ замѣчать, что въ прекрасную погоду вдругъ рыба переставала брать, и почти всегда, черезъ сутки или ближе, наступало упорное ненастье, то-есть сильные, продолжительные дожди съ холоднымъ вѣтромъ. Я замѣчалъ также, что рыба потомъ привыкала къ дурному времени и начинала опять брать, хотя не такъ хорошо, какъ прежде; за сутки же до наступленія ведра, клевъ возстановлялся прежній. Другіе рыбаки убѣждены, что рыба отлично беретъ *«на молодую»* и очень плохо—на *«ущербъ мѣсяца»*. Съ этимъ согласиться я не могу, потому что мои наблюденія этого не подтверждаютъ. Вотъ положенія, выведенныя мною изъ многочисленныхъ опытовъ и не подлежащія сомнѣнію: 1) Рыба клюетъ жаднѣе, когда нѣтъ травы, и предпочтительно весной, сейчасъ по слитіи полой воды. 2) Чѣмъ жарче становится лѣтомъ, тѣмъ хуже клюетъ рыба, и въ сильные лѣтніе жары,—только самое раннее утро и поздній вечеръ могутъ дать рыбаку что-нибудь порядочное. 3) Въ серединѣ лѣта рыба очень неохотно клюетъ на *навознаго* червяка, а на хлѣбъ лучше, чѣмъ въ другое время года; всего же лучше — на рака, особенно линючаго. 4) Прохладная, не ярко-солнечная погода выгоднѣе для уженья лѣтомъ, потому что рыба менѣе гуляетъ и держится глубже на мѣстахъ, извѣстныхъ охотнику.

Никакъ нельзя спорить, что въ уженьѣ, какъ и вездѣ, многое зависитъ отъ счастья, и что есть счастливые рыбаки, также какъ есть счастливые игроки. Иначе мудрено будетъ объяснить ни на чемъ неоснованную удачу одного и ничѣмъ незаслуженную неудачу другого. Но какъ счастливый игрокъ, безъ умѣнья, нерѣдко остается въ проигрышѣ, такъ и счастливый рыбакъ, безъ умѣнья, выуживаетъ мало. Вездѣ надобны твердость, терпѣнье и умѣнье воспользоваться счастіемъ. Нетерпѣливый рыбакъ, раздосадованный тѣмъ, что у его сосѣда-рыбака, на дурномъ мѣстѣ, на грубо устроенную

удочку, на глупую, несвоевременную насадку, частехонько поклевываетъ рыба, а его удочки, мастерски устроенныя, поохотничьи насаженныя, лежетъ неподвижно, нерѣдко бросаетъ выгодное прикормленное мѣсто, переходитъ на другое, на третье, пропускаетъ удобное время, и возвращается домой съ пустыми руками; тогда какъ сосѣдъ, перейдя на оставленное имъ мѣсто, несмотря на плохія удочки и неумѣнье удить (отчего, разумѣется, онъ потеряетъ половину рыбы), возвращается домой съ полнымъ кошелемъ. Впрочемъ, это болѣе касается до характера, а не до умѣнья удить. Вообще не должно никогда гнѣваться на неудачу. Я много знавалъ рыбаковъ, у которыхъ, если сначала что-нибудь не удавалось, напримѣръ: запутывалась или зацѣплялась удочка, а всего хуже, если срывалась первая хорошая рыба, то они, разсердясь, и насаживать начнутъ дурно, и подсѣкать станутъ рано и слишкомъ рѣзко, да и удить бросятъ. Такимъ образомъ, будучи сами кругомъ виноваты, эти нетерпѣливые охотники обыкновенно обвиняютъ свое несчастіе.

Объ уженьѣ на крючки съ готовыми, искусственными насѣкомыми я ничего не могу сказать, потому что сколько разъ его ни пробовалъ, пробы были неудачны.

Уженье форели (пеструшки), кутемы и лоха, или красули, имѣетъ совсѣмъ особенный характеръ, если производится на быстрыхъ мелкихъ рѣчкахъ; въ верховьяхъ же прудовъ, тѣхъ же самыхъ рѣчекъ, въ которыхъ иногда водятся эти породы рыбъ, оно ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго уженья, ибо вода уже въ нихъ глубока и не совсѣмъ прозрачна. Удить форель въ рѣчкахъ незапруженныхъ и мелкихъ, слѣдовательно совершенно прозрачныхъ, надобно съ величайшею осторожностью: малѣйшій шумъ, человѣческая тѣнь, мелькнувшая на поверхности воды, мгновенно заставятъ спрятаться подъ берегъ или корни деревъ пугливую рыбу, изъ-подъ которыхъ она не выходитъ иногда по нѣскольку часовъ. Высмотрѣвъ издали удобное мѣсто*), надобно подкрадываться изъ-за кустовъ и, пропустивъ сквозь нихъ длинное, прямое удилище, на концѣ котораго навита леса безъ наплавка съ небольшимъ грузиломъ, крючкомъ и насадкою краснаго навознаго червя-

---

*) Удобными мѣстами считаются омуточки, ямки, гдѣ вода загертывается и бѣжитъ тише, и гдѣ форель выпрыгиваетъ иногда на поверхность, ловя червячковъ, падающихъ съ деревъ, мошекъ и другихъ насѣкомыхъ.

ка, тихонько развить лесу и опустить въ воду; если рыба васъ не увидитъ, то она схватитъ въ ту же секунду, иногда едва допуститъ червяка погрузиться въ воду. Если же вы опустите крючокъ, и рыба не беретъ немедленно, то значитъ: или ее нѣтъ, или вы ее испугали. Сейчасъ надобно итти на другое мѣсто. Для уженья выбираются по рѣчкѣ, какъ я уже сказалъ, небольшіе омуточки. На одномъ мѣстѣ никогда болѣе пяти, много шести рыбъ не выудишь. Иногда можно закидывать удочку, спрятавшись за крутыми берегами, густыми деревьями или кустами, *не пропуская сквозь нихъ удилища*: въ такомъ случаѣ леса должна быть подлиннѣе. Надобно признаться, что уженье рыбы довольно безпокойно и утомительно. Пеструшка и особенно лохъ, по словамъ нѣкоторыхъ охотниковъ, охотно берутъ на маленькую рыбку.

Пеструшка, хотя очень рѣдко, попадается иногда довольно большая; я не выуживалъ болѣе $2^1/_2$ фунтовъ; но достовѣрно знаю, что другіе рыбаки выуживали въ 5 фунтовъ и болѣе, Лохъ бываетъ огромной величины: я видѣлъ лоха въ 27 фунтовъ; онъ зашелъ, въ весеннее водополье, въ маленькій ручей, и былъ пойманъ недоткой. Въ небольшой рѣчкѣ и на малой глубинѣ возиться съ рыбой очень трудно. Водить неловко, изъ береговъ торчатъ корни, на берегахъ кусты и деревья, а лесы, по большей части, бываютъ нетолстыя, крючокъ небольшой, удилище негнуткое, а рыба самая бойкая... Бѣда да и только! При такихъ обстоятельствахъ мудрено избѣжать несчастной потери. Впрочемъ, очень крупная рыба рѣдко беретъ въ маленькихъ омуточкахъ, а болѣе въ верховьяхъ прудовъ, въ мѣстахъ глубокихъ; тамъ хорошему охотнику съ средними удочками, обыкновеннаго устройства, нечего бояться отчаянныхъ прыжковъ этой бѣшеной на удочкѣ рыбы, и драгоцѣнная добыча не уйдетъ отъ его сачка.

Уженье около полденъ, о которомъ я обѣщалъ сказать особо, въ жаркіе лѣтніе дни производится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ густая тѣнь покрываетъ воду, какъ-то: подъ мостами, плотами, нависшимъ берегомъ, толстыми пнями и карягами, нерѣдко торчащими въ водѣ, подъ густымъ навѣсомъ травъ, разстилающихся иногда надъ значительною глубиною. Особенно окуни любятъ стоять въ тѣни, и берутъ въ полдни довольно хорошо; иногда хватитъ язь и головль, даже на мелкопущенную удочку. Но только въ проточныхъ прудахъ, заросшихъ камышами и травами, полдневное уженье имѣетъ настоящее

значеніе. Лѣтомъ въ жаркій день, часовъ съ девяти утра, вся порядочная рыба уйдетъ изъ материка и чистыхъ мѣстъ разлива въ полои, проросшіе разными травами и зеленымъ густымъ лѣсомъ камыша, надъ которымъ возвышается уже палочникъ своими пуховыми темнокоричневыми султанами. Въ травахъ и камышахъ всегда бываютъ мѣстечки поглубже другихъ, которыя никогда не зростаютъ, и которыя называются «протоками». Вотъ тутъ-то надобно удить, разумѣется, на лодкѣ. Въ травѣ, около такихъ мѣстъ, въ надлежащемъ разстояніи, заблаговременно втыкаются колья, къ которымъ привязывается лодка для того, чтобы она не качалась. Тутъ непремѣнно нужны длинныя удилища, ибо лодка должна стоять не близко отъ мѣсто уженья, и удилища кладутся на траву. Въ камышахъ же не надобно кольевъ. Подогнавъ осторожно лодку къ незаросшему мѣсту, надобно стать къ нему бокомъ, такъ чтобы лодка и рыбакъ совершенно были спрятаны въ камышѣ, котораго горсти по двѣ съ обѣихъ сторонъ захватываются и подгибаются подъ себя: рыбакъ плотно сядетъ на нихъ, и лодка будетъ стоять неподвижно. Удилища должны лежать поперегъ лодки. По большей части, вода бываетъ не глубока; тѣмъ болѣе надобно тишины и осторожности въ движеніяхъ, особенно при вытаскиваніи рыбы, которая очень хорошо беретъ въ такихъ мѣстахъ, и очень крупная. Это уженье въ полояхъ имѣетъ особенную важность потому, что въ знойное лѣтнее время, кромѣ ранняго утра и поздняго вечера, и то на мѣстахъ прикормленныхъ, трудно выудить что-нибудь порядочное и въ материкѣ пруда, и въ его верховьѣ, и въ рѣкѣ; тогда какъ здѣсь добыча бываетъ иногда чрезвычайно изобильна и разнообразна. Весело смотрѣть на *кружокъ* [1], привязанный къ лодкѣ съ противоположной стороны, въ которомъ ходятъ крупные окуни, язи, головли, лини, лещи и даже щуки!

Но кромѣ сказанныхъ выше причинъ, полдневное уженье на лодкѣ имѣетъ, по крайней мѣрѣ для меня, своего рода, совершенно особенную прелесть. Для многихъ она покажется непонятною; для многихъ даже невыносимы палящіе лучи лѣтняго, полдневнаго солнца, которое, отражаясь въ водѣ,

---

[1]) *Кружкомъ* называется мѣшокъ изъ крѣпкой частой сѣти; въ середину его вставляется обручъ; нижній конецъ завязывается наглухо, а верхній собирается на крѣпкій шнурокъ, которымъ онъ и привязывается, къ чему случится.

дѣйствуетъ съ удвоенною силою: но я всегда любилъ и люблю жары нашего кратковременнаго лѣта... Пышетъ знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнетъ зеленый, какъ весенній лугъ, широкій прудъ, затканный травами, точно спитъ въ отлогихъ берегахъ своихъ; камыши стоятъ неподвижно. Материкъ и чистые отъ травъ протоки блестятъ, какъ зеркала: все остальное пространство воды сквозь проросло разновидными водяными растеніями. То яркозеленые, то темноцвѣтные листья стелются по водѣ, но глубоко ушли корни ихъ въ тинистое дно; бѣлыя и желтыя водяныя лиліи, цвѣтъ лопуховъ, попросту называемые кувшинчиками, и красные цвѣточки темной травы, торчащіе надъ длинными вырѣзными листьями,—разнообразятъ зеленый коверъ, покрывающій поверхность пруда. Какая роскошь тепла! Какая нѣга и льгота тѣлу! Какъ пріятна близость воды и возможность освѣжить ею лицо и голову! Рыбѣ также жарко: она какъ-будто сонная стоитъ подъ тѣнью травъ. Завидя лакомую пищу, только на мгновеніе лѣниво выплываетъ она на чистыя мѣста, пронзаемыя солнечными лучами, хватаетъ добычу и спѣшитъ подъ зеленые свои навѣсы.

Всякому рыбаку извѣстно, что нерѣдко случается задѣвать крючками удочекъ за неровное дно, берегъ, камни, травяные и древесные корни, торчащіе въ водѣ непримѣтно для зрѣнія, или вѣтви цѣлыхъ деревъ, нерѣдко въ ней лежащихъ. Много пропадаетъ отъ того крючковъ и даже лесъ, Избѣжать такихъ невзгодій нельзя, особенно если удишь въ водахъ неизвѣстныхъ; притомъ рыба, преимущественно окуни, именно въ такихъ крѣпкихъ мѣстахъ любитъ держаться, и попавшись на удочку, сама натаскиваетъ на задёвъ. Итакъ, для отдѣванія удочекъ всегда надобно имѣть гладкое желѣзное кольцо, вершка въ полтора въ поперечникѣ, въ 1 фунтъ или менѣе вѣса, привязанное на длинномъ, тонкомъ и крѣпкомъ шнуркѣ; продѣвъ въ него задній конецъ удилища задѣтой удочки, надобно дать кольцу свободу бѣжать внизъ сначала по удилищу, а потомъ по лесѣ, которую въ это время держать нѣсколько на слаби: кольцо, дойдя до крючка, отдѣнетъ его своею тяжестью [1]). За неимѣніемъ кольца, можно довольно

[1]) Я читалъ въ одной французской книжкѣ, что такое кольцо дѣлается съ двумя крючками, крѣпко припаянными къ внѣшней сторонѣ кольца, одинъ противъ другого, для того, чтобы, задѣвъ крючьями за корягу, за которую зацѣпилась удочка, можно было ее вырвать и тѣмъ спасти крючокъ.

успѣшно отдѣвать удочки шестомъ, точно такъ, какъ я говорилъ объ отдѣваньѣ въ травѣ рыбы. Но можетъ случиться, что нѣтъ ни кольца, ни шеста, и некому лѣзть въ воду, чтобы отцѣпить крючокъ — потеря его неизбѣжна; остается оторвать и сколько можно сохранить лесу; для этого нѣтъ другого средства, какъ навивать ее на удилище до тѣхъ поръ, пока она лопнетъ.

Никогда не должно спѣшить отдѣваніемъ зацѣпившейся удочки. Очень часто бываетъ, что ракъ затаскиваетъ крючокъ въ нору, а рыба—подъ берегъ. Удилище надобно положить, не натягивая лесы; нерѣдко случается, что черезъ нѣсколько времени удочка отцѣпится сама, то-есть, ее отцѣпитъ рыба или выпуститъ ракъ, или вымоетъ изъ берега водой.

Иногда удочки отцѣпляются диковиннымъ образомъ; но, безъ сомнѣнія, это дѣлаетъ рыба. Я видѣлъ своими глазами, какъ удочку, задѣвшую грузиломъ за крутой берегъ, отцѣпила плотва, дернувъ къ низу за крючокъ. Это и не мудрено; я видѣлъ, какъ крючокъ, воткнувшійся въ деревянную плаху очень крѣпко, потому что я нѣсколько разъ сильно дергалъ удочку, рискуя даже оторвать—былъ отцѣпленъ рыбой, которая, схвативъ насаженный крючокъ сзади и потянувъ внизъ, весьма легко сняла его съ дерева. Этого мало, я задѣлъ одинъ разъ крючкомъ на глубокомъ мѣстѣ, такъ крѣпко, что провившись болѣе часа, бросилъ удочку, чтобы не пугать рыбу и отдѣть послѣ. Черезъ полчаса я вижу, что вдругъ наплавокъ исчезъ, лесу натянуло, и тащитъ въ воду даже удилище; я схватилъ его и выволокъ большого окуня; насадка была раковая.

О РЫБАХЪ ВООБЩЕ.

Стихія рыбы—вода; назначеніе—плавать въ ней, для чего снабжена она многими плавательными перьями и ими же опушеннымъ хвостомъ. Для погруженія себя въ воду и стоянія на всѣхъ ея глубинахъ, имѣетъ она во внутренности своей пузырь, лежащій вдоль спинного хребта, наполненный воздухомъ и перетянутый на двѣ неравныя половинки: должно предположить, что посредствомъ сжиманья и разжиманья этого пузыря рыба погружается внизъ или поднимается вверхъ, Дальнѣйшія подробности внутренняго устройства рыбъ отно-

сятся уже къ натуральной исторіи. Я поговорю о томъ, какъ и гдѣ живутъ онѣ и какъ размножаются.

Трудно вообразить себѣ плодовитость рыбъ. Многія изъ нихъ имѣютъ такую мелкую икру и въ такомъ множествѣ, что еслибъ она оплодотворялась и выводилась вся, то каждая рыба производила бы ежегодно можетъ быть милліонъ себѣ подобныхъ, и для помѣщенія ихъ не достало бы воды на земной поверхности. Но не то выходитъ на дѣлѣ. Природа не даромъ снабдила такимъ изумительнымъ обиліемъ икры каждую рыбью самку: ибо кромѣ того, что икра нерѣдко остается неоплодотворенною, она истребляется каждую минуту, окружающими ее въ водѣ и живущими надъ водою въ воздухѣ, хищными врагами, для которыхъ служитъ лакомой пищей. Не могу опредѣлить, въ какомъ возрастѣ рыбьи самки начинаютъ *метать* или *бить икру*, способную къ принятію оплодотворенія, а моло́ки самцовъ—получаютъ способность оплодотворять; но то не подвержено сомнѣнію, что икру и моло́ки, черезъ годъ послѣ своего рожденья, ежегодно имѣютъ маленькія, молодыя рыбки, не достигшія и десятой доли своей природной величины. Каждая порода рыбы мечетъ икру въ свое опредѣленное время, такъ что эта операція производится почти круглый годъ [1]). Когда наступитъ пора [2]) и рыбьи самки почувствуютъ охоту или надобность выкинуть изъ себя, обременяющую ихъ, икру, а самцы — моло́ки, и тѣ и другіе собираются стаями; самцы тѣснятся вплоть за самками, даже смѣшиваются съ ними: первыя выпускаютъ икру, вторые обливаютъ ее молоками; за ними слѣдятъ другія породы рыбъ, преимущественно хищныя: щуки, окуни, судаки, жерехи, налимы и проч., и даже не называемыя хищными: головли и язи [3]). Всѣ они съ жадностью

---

[1]) Многіе охотники утверждаютъ, что нѣкоторыя породы рыбъ мечутъ икру по два раза въ годъ. Но я никакъ не могу съ этимъ согласиться. Хотя икра во внутренности рыбъ (одной и той же породы) бываетъ точно въ разное время года, но это только доказываетъ, что онѣ мечутъ икру въ разные сроки. Я убѣжденъ, что каждая рыбья самка мечетъ икру одинъ разъ въ годъ. Убѣжденье мое я основываю *на медленности*, съ какою икра растетъ въ рыбѣ: два раза въ годъ—некогда совершиться этому процессу.

[2]) Эту пору узнаетъ всякій, взглянувъ на пойманную въ то время рыбу, особенно взявъ ее руки. Кромѣ того, что она бываетъ необыкновенно толста, даже пузаста — изъ самокъ течетъ жидкая икра, а изъ самцовъ — бѣловатая слизь, похожая на молоко.

[3]) Я полагаю, что всѣ безъ исключенія породы рыбъ ѣдятъ всякую икру, даже собственную свою.

глотаютъ мелкія, какъ макъ, яички, опутанныя слизью, плавающія кучками, въ видѣ клочьевъ шерсти или паутинъ, держащіяся на поверхности и на всякой глубинѣ воды. Мечущіе икру и молоки самки и самцы, особенно первыя, стараются прижаться или удариться объ что нибудь жесткое; они трутся около береговъ и водяныхъ растеній, предпочтительно около камыша и лопуховъ, около подводныхъ карягъ, корней и камней. Нѣкоторыя породы, какъ-то: лещи, караси и плотва, выскакиваютъ безпрестанно изъ воды и шлепаются объ ея поверхность, чтобъ отъ движенія и толчковъ свободнѣе вытекала икра и молоки. Сидя тихо и смирно съ удочкой на берегу озера или рѣчного залива, проросшаго травами, а иногда притаясь въ лодкѣ въ густыхъ камышахъ пруда, я имѣлъ случай нерѣдко, хотя поверхностно, наблюдать любопытную картину *рыбьяго боя* [1]): при совершенной тишинѣ въ воздухѣ, поверхность воды волнуется, какъ-будто вѣтромъ, отъ вертящейся и прыгающей рыбы; брызги летятъ во всѣ стороны, и плескъ воды слышенъ издалека. Въ первый разъ я былъ очень удивленъ такимъ зрѣлищемъ. Я подошелъ съ ружьемъ къ небольшому озерку, кругомъ обросшему высокою и плотною гривою камыша, и вдругъ услышалъ какой-то странный шумъ воды; полагая, что онъ происходитъ отъ утиныхъ выводокъ, я осторожно вошелъ въ камышъ, по колѣни въ водѣ пробрался до его края, и увидѣлъ—настоящую рыбью пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдругъ догадался я, что значитъ такое явленіе, хотя слыхалъ о немъ. Впослѣдствіи нѣсколько разъ я имѣлъ случай наблюдать этотъ процессъ у лещей и особенно у карасей; но, при всемъ моемъ желаніи, разсмотрѣть его въ подробностяхъ я никакъ не могъ; пожиранье же икры другими рыбами я видѣлъ самъ, да и нахаживалъ ее часто въ желудкахъ пойманныхъ рыбъ.

1) Процессъ метанья или боя икры, даже этихъ трехъ породъ, сейчасъ мною названныхъ, наблюдать очень трудно, потому что онъ происходитъ, по большей части, въ травахъ или камышахъ, а главное потому, что рыба боится приближенія человѣка. Нѣкоторые рыбаки утверждаютъ, что не самцы гоняются за самками, а напротивъ самки за самцами, и всегда бываютъ гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ самцы, что первыя трутся около послѣднихъ, загоняютъ ихъ на мель, на густую траву, и когда самецъ обернувшись къ верху брюшкомъ, начнетъ изливать молоки—самки прямо въ эту оплодотворящую жидкость выпускаютъ свою икру. Я не беру на себя рѣшить, которое мнѣніе справедливѣе. Оплодотворенная икра, въ теплое, солнечное время, выводится черезъ 10, 12 и 14 дней.

Другія породы рыбъ, особенно *донныя*, то-есть: ходящія или плавающія обыкновенно по дну, какъ-то: ерши, пискари, гольцы, лини, а всего болѣе налимы, которые мечутъ икру около Святокъ,—при совершеніи этой операціи, вѣроятно, трутся около береговъ и подводныхъ карягъ или о хрящеватое, каменистое дно: послѣднее предположеніе доказывается тѣмъ, что именно на такихъ мѣстахъ, именно въ это время года, попадаютъ налимы въ морды или нероты. Выметываемая икра вышесказанными породами рыбъ, казалось бы, должна подвергаться меньшей гибели, потому что воды покрыты льдомъ, да и рыба зимою не плаваетъ вездѣ, а стоитъ по своимъ мѣстамъ; кажется, этихъ породъ должно бы разводиться гораздо болѣе другихъ; но этого никакъ нельзя сказать, особенно о налимахъ. Безъ сомнѣнія, есть другія причины, отъ которыхъ также пропадаетъ ихъ мелкозернистая, безчисленная икра.

И такъ при самомъ появленіи рыбьихъ яичекъ начинается ихъ истребленіе; оно продолжается до полнаго образованія мелкой рыбёшки, которая, будучи окружена тѣми же врагами, можетъ, по крайней мѣрѣ, прятаться отъ нихъ и спасаться проворствомъ своего плаванья и малостью роста. Кромѣ хищныхъ и нехищныхъ рыбъ, не мало также поѣдаетъ икру птица; самыя главныя истребительницы — утки, чайки и вороны: утки и чайки хватаютъ ее, плавающую въ водѣ, даже ныряютъ за ней; а вороны достаютъ ее сухопутно, ходя по берегамъ и по мелкой водѣ, преимущественно около травъ, куда икру прибиваетъ вѣтромъ, и гдѣ она, прилипнувъ къ осокѣ или камышу, на которые сплескивается волнами — часто обсыхаетъ и пропадаетъ даромъ. Должно предположить, что въ первый годъ или въ первые года рыба растетъ очень скоро: потому что послѣ вывода изъ икры, мелкой, какъ размоченный макъ, достигаетъ она въ одинъ мѣсяцъ величины овсянаго зерна въ шелухѣ. Я убѣдился въ этомъ собственными наблюденіями: о дальнѣйшемъ ростѣ рыбы, а также о долговѣчности ея, ничего положительнаго не знаю. Говорятъ и пишутъ, что щуки живутъ до 300 лѣтъ, а карпіи— болѣе ста, чему, какъ увѣряютъ печатно, были дѣланы несомнѣнные опыты, ибо въ пруды, которые никогда не сходятъ, но освѣжаются проточною водою или внутренними родниками, пускали маленькихъ щукъ и карпіи съ золотыми или серебряными кольцами, продѣтыми сквозь щечную кость, съ

означеніемъ на кольцахъ года: такихъ рыбъ ловили впослѣдствіи (разумѣется, уже потомки), и убѣдились по надписямъ годовъ въ ихъ долговѣчности.

Рыба имѣетъ болѣзни, которыя часто обнаруживаются черными пятнами по всему тѣлу; если эти пятна находятся только на поверхности кожи, то рыба переноситъ ихъ благополучно; но если чернота пойдетъ въ глубь и коснется внутреннихъ органовъ—рыба умираетъ. Около Москвы, въ рѣчкахъ, по большей части припруженныхъ, замѣчалъ я, что почти каждую осень на плотвѣ появляются черныя пятнышки; здѣшніе рыбаки увѣряли меня, что это происходитъ отъ осенней морзобитной травы, которою плотва питается, и что никакого вреда отъ того ей не бываетъ: кажется, это справедливо. Въ небольшихъ непроточныхъ прудахъ, въ которыхъ водятся караси въ большомъ изобиліи, нерѣдко случается, что они, особенно бѣлые, получаютъ сначала кровяныя, а потомъ черныя пятна, но я рѣдко замѣчалъ, чтобъ караси именно отъ нихъ снули. Я сначала думалъ, что пятна происходятъ отъ внутреннихъ причинъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи я наконецъ увидѣлъ, что они происходятъ отъ укушенія крошечныхъ зеленыхъ червячковъ, которые въ иные года, особенно въ жаркое и сухое лѣто, появляются въ стоячихъ водахъ въ невѣроятномъ множествѣ; они заползаютъ подъ чешую карасей и кусаютъ ихъ до крови: въ одной ранкѣ я нахаживалъ болѣе десятка червячковъ. Сверхъ того въ такихъ прудахъ водятся большіе, зеленоватые, водяные черви (вѣроятно, выростающіе изъ маленькихъ зеленыхъ), завертывающіе себя въ трубочку, какъ-будто склеенную изъ осоки,—водяныя ящерицы и жуки [1]). Всѣ они кусаютъ и портятъ бѣдныхъ карасей и препятствуютъ ихъ размноженію и полному росту; а сидящихъ въ плетеныхъ сажалкахъ или прорѣзяхъ даже совсѣмъ заѣдаютъ. Вдобавокъ, вся эта гадость беретъ на удочку, насаженную навознымъ червякомъ, и мнѣ часто случалось вытаскивать на крючкахъ этихъ отвра-

[1]) Водяные червяки имѣютъ способность выползать до половины изъ своихъ трубочекъ и прятаться въ нихъ совсѣмъ. Водяные жуки—плоскіе, каштановаго цвѣта, съ бѣловатыми по краямъ обводками; они проворно ползаютъ по землѣ и летаютъ быстро по воздуху: поднимаются прямо изъ воды и опускаются прямо въ воду. Мнѣ сказывали, что подмосковные крестьяне употребляютъ ихъ вмѣсто піявокъ. *Авт.*

Этотъ жукъ есть Dytiscus marginatus, L., а черви въ трубочкахъ—личинки *веснянки* (Phryganaea). *К. Р.*

тительныхъ гадинъ. Нигдѣ я не встрѣчалъ такого обилія и разнообразія этой подводной фауны, какъ около Москвы.

Иногда попадается снулая рыба безъ всякихъ наружныхъ и внутреннихъ признаковъ болѣзни; но кишки и пузырь оказываются какъ-будто сморщенными и нѣсколько высохшими.

Здоровье рыбы, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ хорошей воды и пищи. Всѣ охотники знаютъ, что въ одной водѣ рыба бываетъ жирна, вкусна и бойка, въ другой — тоща, безвкусна и вяла. Но какія качества воды и какая пища полезны или вредны для рыбы — мы рѣшительно не знаемъ. Вода дѣйствуетъ даже на цвѣтъ рыбы: не измѣняясь въ своихъ природныхъ пестринахъ и отмѣтинахъ, она измѣняется въ ихъ яркости или цвѣтности, единственно отъ пересадки изъ одной воды въ другую. Это дознано многими опытами: озерные караси, напримѣръ, по большей части бываютъ яркаго, темножелтаго или золотистаго цвѣта, а пересаженные въ копаные, глинистомутные пруды дѣлаются блѣдно-бланжевыми; окуни въ иныхъ рѣкахъ бываютъ очень темны и ярко-пестры, но посидѣвъ долго въ прудѣ, становятся свѣтлыми, бѣлесоватыми: точно то же дѣлается, болѣе или менѣе, и съ другими породами рыбъ.

Рыба очень нерѣдко задыхается зимой подъ льдомъ, даже въ огромныхъ озерахъ и проточныхъ прудахъ [1]: сначала, въ продолженіе нѣкотораго времени, показывается она въ отверстіяхъ прорубей, высовывая ротъ изъ воды и глотая воздухъ; но ловить себя еще не даетъ и даже уходитъ, когда подойдетъ человѣкъ; потомъ покажется гораздо въ большемъ числѣ и какъ-будто одурѣлая, такъ что ее можно ловить сакомъ и даже брать руками; иногда всплываетъ и снулая. Какъ скоро число прорубей будетъ значительно увеличено — рыба отдыхаетъ и скрывается. Это послѣднее обстоятельство произвело общую увѣренность, что рыба дохнетъ отъ недостатка прорубей, то-есть, отъ недостатка продушинъ, въ которыя могли бы вылетать спершіяся водяныя испаренія и могъ бы получаться свѣжій воздухъ. Это отчасти справедливо; но согласиться безусловно съ такимъ заключеніемъ нельзя, и вотъ почему: 1) Всѣ озера и пруды, и большіе и малые, не

[1] Изъ многихъ, мною самимъ видѣнныхъ, такихъ любопытныхъ явленій, самое замѣчательное случилось въ Казани около 1804 г.: тамъ сдохлось зимою огромное озеро „Кабанъ“; множество народа набѣжало и наѣхало со всѣхъ сторонъ: рыбу, какъ-будто одурѣлую, ловили всячески и нагружали ею цѣлые воза.

находящіеся близъ жилья человѣческаго, никогда не имѣютъ прорубей, потому что некому и не для чего ихъ дѣлать, не имѣютъ также и полыней, то есть, мѣстъ незамерзшихъ, бывающихъ, какъ извѣстно, только на рѣкахъ большихъ и быстротекущихъ: слѣдовательно, въ такихъ прудахъ и озерахъ не должна бы совсѣмъ водиться рыба, особенно въ изобиліи: опытъ показываетъ противное. 2) Въ прудахъ и озерахъ, находящихся въ селеніяхъ или близъ селеній, имѣющихъ постоянныя проруби для водопоя скота и другихъ надобностей, рыба въ иные года сдыхается подъ льдомъ при одинаковомъ числѣ прорубей. 3) Это сдыханье, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, случается не каждый годъ, а лѣтъ черезъ десять и болѣе. Итакъ изъ всего мною сказаннаго слѣдуетъ заключить, что есть какія-нибудь другія условія, при содѣйствіи которыхъ дохнетъ рыба подъ льдомъ, но что, независимо отъ этихъ причинъ, рыба отдыхаетъ, если будетъ увеличено сообщеніе воды съ атмосферическимъ воздухомъ, и что содержаніе большихъ прорубей, ежедневно вычищаемыхъ, не только на прудахъ не имѣющихъ теченія и озерахъ, но даже на прудахъ проточныхъ, и даже на тихихъ омутистыхъ рѣкахъ, покрывающихся сплошнымъ льдомъ, — для сохраненія здоровья рыбы весьма полезно.

Рыба снетъ иногда отъ примѣси вредныхъ постороннихъ веществъ, какъ-то: навозной жидкости со скотныхъ дворовъ и испорченной воды съ фабрикъ и металлическихъ заводовъ, если то и другое какъ-нибудь проникнетъ въ озеро или прудъ, преимущественно непроточный. Но на рыбу бываетъ повальный и внезапный моръ отъ причинъ совершенно неизвѣстныхъ. Въ послѣдній разъ мнѣ случалось видѣть такой моръ въ 1841-мъ году: я жилъ это лѣто въ подмосковномъ селѣ «Ильинскомъ»; отъ него, верстахъ въ трехъ, есть довольно большой, глубокій прудъ и мельница при деревнѣ «Оборвихѣ» на рѣчкѣ «Сомынкѣ»; всякой рыбы много водилось въ этомъ пруду, потому что въ немъ нельзя было ловить неводомъ и даже бреднемъ, по множеству подводныхъ каршей, карягъ и густой травы. Я ѣздилъ туда удить почти каждый день. Одинъ разъ (въ исходѣ іюля), подъѣзжая къ пруду, я увидѣлъ, что всѣ берега бѣлѣлись, точно по краямъ воды лежалъ снѣгъ; подошедъ ближе, я разсмотрѣлъ, что это была снулая рыба: окуни, плотва, язики, головлики и небольшіе щурята. Мельникъ сказалъ мнѣ, что моръ начался вчера. Въ

снулой рыбѣ не оказывалось никакихъ признаковъ болѣзни; крупные язи и огромныя щуки ходили по верху и кружились; крестьяне ловили ихъ и употребляли въ пищу безъ всякаго вреда. Замѣчательно, что лини, караси и ерши остались невредимы. Я сейчасъ попробовалъ удить изъ любопытства: рыба брала изрѣдка, но очень тихо и вяло, и выуженная казалась почти снулою. Моръ продолжался дней пять, и вдругъ прекратился. Черезъ нѣсколько дней клёвъ начался по-прежнему, и въ рыбѣ не было замѣтно никакого уменьшенія: въ окружныхъ водахъ рыба осталась совершенно здоровою. Очевидно, что это не была общая эпидемія и что причина ея была мѣстная, находившаяся только въ Сомынскомъ прудѣ, въ водѣ котораго, однако, никакой перемѣны я замѣтить не могъ. Мнѣ разсказывали крестьяне, что будто какой-то пьяный солдатъ, поссорившись съ мельникомъ въ кабакѣ, погрозилъ ему, и проходя мимо пруда, что-то въ него бросилъ. Предоставляя на произволъ каждаго читателя удовлетвориться или нѣтъ такимъ объясненіемъ, я съ своей стороны скажу, что намъ весьма еще малоизвѣстны какъ цѣлительныя, такъ и ядовитыя вещества, особенно травы, которыя знаетъ народъ. Одно вѣрно, что сомынскій моръ рыбы происходилъ не отъ дурмана, не отъ табаку, не отъ кукольванца: ибо дѣйствіе этихъ отравъ кратковременно и продолжается менѣе сутокъ. Эти отравы производятся слѣдующимъ образомъ: истертый въ мелкій порошокъ табакъ, дурманъ, а всего чаще кукольванецъ, ибо онъ несравненно сильнѣе, смѣшиваютъ съ печенымъ хлѣбомъ или сырымъ тѣстомъ и раскидываютъ небольшими кусочками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе держится рыба, которая съ жадностью ихъ глотаетъ. Черезъ часъ или менѣе, смотря по качеству и количеству отравы, рыба дѣлается пьяною, одурѣлою: выходитъ на мель, всплываетъ на поверхность воды, кружится, мечется, тычется въ берега, даже иногда выскакиваетъ на нихъ и особенно забивается въ камыши и травы, гдѣ они есть. Отравители, большею частью деревенскіе парни и мальчишки, нетерпѣливо дожидавшіеся этой потѣхи, съ громкими и радостными криками бѣгаютъ по берегамъ, по мелкой водѣ, поросшей травою, берутъ снулую и ловятъ руками засыпающую рыбу: для крупной употребляютъ и сачки. Хотя, въ сравненіи съ прежнимъ, это гибельное добываніе рыбы значительно уменьшилось, но, къ сожалѣнію, всѣ увѣрены, что отравленная такимъ образомъ рыба, даже снулая — служитъ безвред-

ною пищею для человѣка. Хотя трудно съ этимъ согласиться, но положимъ, что такая увѣренность справедлива, да для рыбы эта отрава очень вредна: та, которая наглоталась кукольванца много, умираетъ скоро, всплываетъ на верхъ, бываетъ собрана и съѣдена: но несравненно большая часть окормленной рыбы въ безпамятствѣ забирается подъ берега, подъ каряги и камни, подъ кусты и корни деревъ, въ густые камыши и травы, растущіе иногда на глубокихъ мѣстахъ—и умираетъ тамъ, непримѣченная своими отравителями, слѣдовательно *пропадаетъ совершенно даромъ*, и гніеніемъ портитъ воду и воздухъ. Я даже думаю, что вся рыба, окормленная кукольванцемъ и отдохнувшая, потому что мало съѣла отравы, непремѣнно должна долго хворать, терять способность къ достиженію полнаго роста и, можетъ быть, къ размноженію своего потомства. Я замѣчалъ, что гдѣ часто окармливали рыбу, тамъ она значительно уменьшалась, хотя число пойманной посредствомъ отравы ничего не значило въ сравненіи съ числомъ рыбы, какое вылавливали прежде ежегодно, въ той же водѣ, обыкновенными рыболовными снастями. Замѣчено также, что послѣ отравы кукольванцемъ рыба перестаетъ брать на удочки.

Хищныя породы рыбъ питаются мелкою рыбешкой; нехищныя—глотаютъ все, что ни попало: тѣмъ не менѣе питанье этихъ послѣднихъ—иногда дѣло загадочное. Въ прудахъ, озерахъ и рѣкахъ, поросшихъ и проросшихъ водяными травами и растеніями, рыба кормится ими и водящимися около нихъ водяными насѣкомыми и гадинами. Это понятно, и всѣ рыбаки знаютъ, что самую питательную пищу представляетъ рыбѣ молодой камышъ, первые побѣги котораго на вкусъ сладки. Если подойти тихонько къ пруду или озеру камышистому и травянистому и послушать внимательно, то удивишься, какой странный и неумолкаемый шумъ, даже чавканье, производитъ рыба, кушая траву. Но чѣмъ питается нехищная рыба въ большихъ рѣкахъ, текущихъ всегда въ берегахъ песчаныхъ, на которыхъ не растетъ ни одной былинки, дно которыхъ также песчано и чисто, и гдѣ очень мало водится водяныхъ насѣкомыхъ? Наконецъ, чѣмъ питается рыба въ деревянныхъ сажалкахъ, съ деревяннымъ дномъ, называемыхъ *прорѣзями* (потому что онѣ *прорѣзаны* или просверлены), въ которыхъ обыкновенно рыбаки держатъ пойманную рыбу иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, и никогда ее не кормятъ? На эти вопросы я отвѣчать удовлетворительно не умѣю. По-

неволѣ надобно согласиться съ мнѣніемъ рыбаковъ, которые говорятъ, что рыба, кромѣ всякой другой пищи, питается тиною, иломъ, землею, пескомъ и даже — одной водой. Пребыванье въ сажелкахъ безъ корма только этимъ и можно объяснить, допустивъ предварительно, что всякая вода содержитъ въ себѣ множество инфузорій, непримѣтныхъ для глаза человѣческаго, слѣдовательно: питательна для рыбы уже сама по себѣ.

Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься, — рыба также поднимается къ верху и идетъ противъ воды, сначала около береговъ: тутъ ловятъ ее во множествѣ саками. Когда же рѣки выступятъ изъ береговъ и разольются по поемнымъ мѣстамъ, рыба также разбредется по полоямъ, не переставая упорно стремиться противъ теченія воды. Это инстинктивное стремленіе бываетъ такъ сильно, что, не видавши, трудно повѣрить: несмотря на ужасную быстрину, съ которою летитъ спертая полая вода, вырываясь въ вешнякахъ или спускахъ, изъ переполненныхъ прудовъ, рыба доходитъ до самаго послѣдняго, крутого паденія воды и, не имѣя уже никакой возможности плыть противъ летящаго отвѣсно внизъ каскада—прыгаетъ снизу вверхъ; безпрестанно сбиваемыя силою воды, падая назадъ и нерѣдко убиваясь до смерти о деревянный помостъ или камни, новыя станицы рыбъ безпрестанно повторяютъ свои попытки, и многія успѣваютъ въ нихъ, то-есть попадаютъ въ прудъ. Во время весеннихъ разливовъ рыба заходитъ въ самыя вершины рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ; заходитъ въ такія мѣста, что трудно повѣрить, стоя на такомъ мѣстѣ лѣтомъ, чтобы тутъ ловили крупную рыбу крыленами или вятелями, ставя ихъ сначала по теченію, а потомъ противъ теченія воды. Но какъ скоро *дрогнетъ* вода, то-есть, пойдетъ на убыль, рыба поворачиваетъ назадъ, и съ такимъ же стремленіемъ скатывается внизъ, съ какимъ до сихъ поръ шла вверхъ, для чего немедленно бросается она изъ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, изъ разливовъ—въ материкъ. Нерѣдко случается однако, что, зайдя слишкомъ высоко или далеко въ луговые поймы, не находитъ она водяного пути для возвращенія въ рѣку и остается въ ямахъ и бокалдинахъ: если увидятъ люди, то поймаютъ ее, а если нѣтъ, и бокалдины высыхаютъ уединенно, рыба гибнетъ и достается на пищу воронамъ и разнымъ другимъ птицамъ — иногда и

свиньямъ. Рыба, застигнутая внезапно обмелѣніемъ водяныхъ сообщеній, въ ямахъ, или, по московски, въ бочагахъ, переходитъ иногда изъ одного въ другой *сухопутно*, прыгая по тому мокрому слѣду, гдѣ недавно бѣжала вода. Если же хотя крошечный ручеекъ останется, она перепрыгаетъ по немъ внизъ непремѣнно. Даже изъ копаныхъ сажалокъ или прудковъ, сквозь которые протекаетъ ручеекъ, рыба уходитъ этимъ самымъ способомъ, если только берега низки. Такія весеннія путешествія рыбы снизу вверхъ и обратно повторяются отчасти при всякой случайной, но значительной прибыли воды: при внезапномъ прорывѣ огромныхъ прудовъ и при *паводкахъ*, случающихся отъ сильныхъ и продолжительныхъ дождей[1]).

Не всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же температурѣ воды: для однѣхъ нужна чистая, быстрая и холодная вода, для другихъ—болѣе теплая, тихая и даже стоячая, имѣющая дно иловатое и тинистое. Я скажу объ этомъ поточнѣе въ описаніи рыбъ, а здѣсь означу только порядокъ, слѣдуя которому живетъ одна порода за другою почти во всякой рѣкѣ. Бо́льшая часть рѣкъ начинаются холодными, какъ ледъ, ключами; протекая на открытомъ воздухѣ, прогрѣваясь солнечными лучами, увеличиваясь разными притоками — онѣ постепенно теплѣютъ. Въ самой головѣ такихъ ключей или родниковъ живетъ форель, то-есть пеструшка, кутема и лохъ или красуля; за ними лошекъ, голецъ и налимъ. Потомъ появляются головль, плотва, окунь, щука и пескарь; далѣе—уклейки, ельцы, ерши, язи, судаки и жерихи, если вода велика; наконецъ — лещи, лини, карпіи и караси. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ породъ, какъ-то: гольцы и караси, могутъ жить и водиться въ водахъ самыхъ холодныхъ и самыхъ теплыхъ, въ самыхъ чистыхъ и въ самыхъ грязныхъ. Разумѣется, точность такого порядка иногда нарушается; но гдѣ же нѣтъ исключеній отъ причинъ и обстоятельствъ мѣстныхъ. И такъ всѣ породы рыбъ могутъ жить въ одной и той же рѣкѣ, если теченіе ея *продолжительно*, только однѣ выше, гдѣ вода холоднѣе и чище, а другія ниже, гдѣ вода теплѣе и мутнѣе: въ этомъ убѣдиться не трудно, изслѣдовавъ теченіе какой-нибудь порядочной рѣки. Въ водополье вода вездѣ одинакова: вездѣ мутна и холодна, и рыба, обыкновенно обитающая въ теплой, сравнительно, водѣ, под-

---

1) О причинахъ хода рыбы противъ теченія воды мы скажемъ ниже. *К. Р.*

нимается вверхъ до самыхъ холодныхъ ключей; но при возвращеніи назадъ, если случайно что-нибудь захватитъ ее въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вода для нея еще холодна, или, наоборотъ, скатится она слишкомъ низко, такъ что вода для нея окажется уже тепла — рыба или поднимется выше, или опустится ниже, только непремѣнно отыщетъ сродную ей температуру. Если не можетъ этого сдѣлать въ тотъ же годъ, по причинѣ прудовыхъ затворъ и рѣшетокъ, то непремѣнно сдѣлаетъ въ слѣдующую весну. Непреодолимость такого стремленія къ обычной температурѣ воды испытали многіе охотники, пробуя развесть у себя въ прудѣ тѣ породы рыбъ. которыя водились въ той же самой рѣкѣ, только нѣсколько верстъ пониже. Всѣ усилія оказались безполезными: сажали рыбу мелкую и крупную, днемъ и ночью, во всѣ времена года, держали сначала мѣсяца по два въ сажалкахъ, загороженныхъ въ томъ же пруду — ничто не помогало. Весной рыба поднималась вверхъ, такъ что ее ловили верстъ за 15 выше, и потомъ вся безъ остатка скатывалась внизъ. И такъ оставалось одно средство: заставить рыбу выметать икру въ той самой водѣ, гдѣ назначалось жить ея потомству, и оно иногда удавалось.

Въ проточныхъ небольшихъ родниковыхъ прудахъ, имѣющихъ всегда свѣжую и даже холодную воду, которые весной мало прибываютъ отъ полой воды и *никогда не уходятъ*, спуски которыхъ всегда загораживаются рѣшотками и верховья мелки—будетъ жить всякая рыба, хотя бы температура воды не сходствовала съ натурою рыбы, но будетъ только *жить*, а не *водиться:* даже не достигнетъ полной природной величины своей. Самый лучшій способъ, да и болѣе удающійся, къ разведенію извѣстныхъ рыбьихъ породъ въ проточныхъ и непроточныхъ прудахъ, въ которыхъ онѣ сами собой не держатся, или не заводятся, состоитъ въ слѣдующемъ: надобно ловить рыбу, которую желаешь развесть, передъ самымъ метаньемъ икры; на каждыхъ шесть икряныхъ самокъ отобрать по два самца съ молоками, посадить ихъ въ просторную сквозную огородку или сажалку, устроенную въ назначенномъ для того прудѣ; когда изъ выметанной въ свое время икры выведется рыбешка и нѣсколько подроститъ—загородку разобрать всю, и рыбу выпустить въ прудъ: старая уйдетъ, а молодая останется и разведется иногда, если температура воды не будетъ уже слишкомъ много разниться

съ тою, въ которой была поймана старая рыба. Точно такимъ образомъ разводятъ и раковъ [1]).

Я сейчасъ говорилъ о томъ, какъ иногда бываетъ трудно разводить нѣкоторыя породы рыбъ въ такой водѣ, гдѣ прежде ихъ не было; но за то сама рыба разводится непостижимымъ образомъ даже въ такихъ мѣстахъ, куда ни ей самой, ни ея икрѣ, кажется, попасть невозможно, какъ напримѣръ: въ степныхъ озерахъ, лежащихъ на большомъ разстояніи отъ рѣкъ, слѣдственно не заливаемыхъ никогда полою водою, и въ озерахъ нагорныхъ. Оренбургской губерніи въ Стерлитамацкомъ уѣздѣ есть на рѣкѣ Бѣлой нѣсколько, отдѣльно другъ отъ друга стоящихъ, горъ, очень высокихъ и видныхъ съ луговой стороны верстъ за сорокъ. Когда небо покрыто тучами, онѣ живописно бѣлѣютъ на темномъ горизонтѣ [2]). Не знаю, что теперь находится на ихъ вершинахъ: но лѣтъ 50 тому назадъ, на двухъ изъ нихъ были небольшія озера съ чистою и холодною водою, и въ одномъ озеркѣ, кажется, на горѣ Юракъ-Тау, водились караси, а можетъ быть и другая рыба. Какъ они могли попасть туда—объяснить трудно. Я зналъ также одинъ изъ такъ-называемыхъ въ Оренбургской губерніи *проваловъ* (круглыя, болѣе или менѣе глубокія ямы, имѣющія фигуру воронки), въ вершинахъ рѣки Ика; этотъ провалъ съ незапамятныхъ временъ, какъ и многіе другіе, съ весны сохранялъ долго снѣгъ, а лѣтомъ былъ совершенно сухъ, такъ что въ немъ, сверху по бокамъ, росла лѣсная малина. Вдругъ слышу, что онъ наполнился водою, а года черезъ два — что въ водѣ завелись караси: и въ томъ и въ другомъ явленіи я удостовѣрился своими глазами. Повторяю мой вопросъ: какъ могли попасть туда караси, когда озера съ карасями, самыя ближайшія, находились въ пяти верстахъ отъ провала? На-

---

[1]) Я имѣлъ случай убѣдиться, что раки могутъ жить въ густой тинѣ или въ рѣчномъ илѣ, глубиною на два аршина отъ земной поверхности. Одинъ разъ, въ исходѣ лѣта, при мнѣ чистили срубъ родниковаго колодца, глубиною слишкомъ въ два аршина, который весеннею полою водою поднимался и былъ до верху занесенъ землянымъ иломъ и тиной очень плотно; не знаю, почему онъ не былъ вычищенъ ранѣе. На полутора-аршинной глубинѣ, гдѣ пошла земля помокрѣе, начали попадаться крупные живые раки; ихъ выкидали десятка два, и они были отлично жирны и вкусны; и такъ, раки могутъ обходиться почти безъ воздуха.

[2]) Я недавно съ удовольствіемъ прочелъ нѣсколько строкъ объ этихъ горахъ въ статьѣ г. Авдѣева „Поѣздка на кумысъ“, напечатанной въ декабрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1852 года.

добно допустить извѣстное предположеніе, что птица (всего скорѣе чайка или ворона), проглотивъ гдѣ-нибудь рыбью оплодотворенную икру, залетаетъ потомъ въ такія мѣста, на такую воду, гдѣ прежде рыбы не водилось, выкидываетъ икру въ своемъ пометѣ и что пищеварительный сокъ птичьяго желудка, или зоба, не лишаетъ эту икру способности вывесть изъ себя маленькихъ рыбокъ. Такимъ только образомъ можно объяснить появленіе рыбы на горѣ «Юракъ-Тау» и въ «Искомъ провалѣ», хотя я и долженъ признаться, что такое объясненіе меня не вполнѣ удовлетворяетъ.

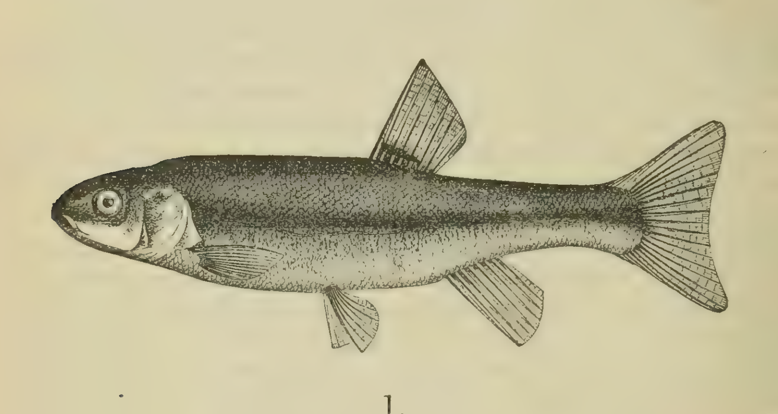
Рыба имѣетъ тонкій слухъ и острое зрѣніе, особенно форель; но, кажется, рыба вообще больше боится стука, чѣмъ вида человѣка или животнаго: по крайней мѣрѣ, скоро къ нимъ привыкаетъ: но къ звуку она чувствительна до невѣроятности; звукомъ можно ее оглушить до безпамятства, чему служитъ доказательствомъ всѣмъ извѣстное *глушеніе* рыбы ударами дубинки по тонкому осеннему льду. Рыбаки знаютъ, что на рыбу сильно дѣйствуетъ самый слабый звукъ. Кому изъ нихъ не случалось смирно стоять или сидѣть близъ закинутыхъ удочекъ, ожидая крупной рыбы, и видѣть, какъ мелкая, поднявшись вверхъ, покрываетъ и рябитъ всю поверхность воды около его наплавковъ? Вдругъ рыбакъ кашлянетъ или чихнетъ—и какъ брызги во всѣ стороны разсыплются серебряныя стайки мелкихъ рыбокъ, точно мгновенный дождь спрыснулъ воду; то же дѣлается отъ всякаго внезапнаго звука, или появленія щуки, большого окуня, жериха и другихъ хищныхъ рыбъ.

Почти всѣ молодыя рыбки, особенно нѣкоторыя изъ породъ не очень крупныхъ, такъ красивы, или, лучше сказать, такъ миловидны, рѣзвы и чисты, что народъ на югѣ Россіи употребляетъ слово *рыбка*, какъ слово ласки, нѣжности—въ похвалу красотѣ и прелести дѣвической. Оно нерѣдко встрѣчается въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ чувство любви, если не такъ глубоко, не такъ серьезно, какъ въ старинныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, за то нѣжнѣе, эстетичнѣе такъ сказать. Въ повѣсти Гоголя «Майская ночь или утопленница» молодой казакъ Левко, вызывая изъ хаты свою милую Галю разными нѣжными словами, между прочимъ говоритъ: «Сердце мое, *рыбка* моя, ожерелье! Выгляни на меня. Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую ручку свою...» Для великорусскаго крестьянина это слишкомъ нѣжно; но и онъ

очень любитъ смотрѣть на всякую рыбу въ водѣ, весело мелькающую на поверхности, сверкающую то серебряной, то золотой чешуей своей, то радужными полосами: иногда тихо, незамѣтно плавающую, иногда неподвижно стоящую въ рѣчной глубинѣ!.. Ни одинъ, отъ стараго до малаго, не пройдетъ мимо рѣки или пруда, не поглядѣвъ, какъ *гуляетъ вольная рыбка*, и долго, не шевелясь, стоитъ иногда пѣшеходъ-крестьянинъ, спѣшившій куда-нибудь за нужнымъ дѣломъ, забываетъ на время свою трудовую жизнь и, наклонясь надъ синимъ омутомъ, пристально смотритъ въ темную глубь, любуясь на рѣзвыя движенья рыбъ, особенно когда она играетъ и плещется, какъ она, всплывъ наверхъ, вдругъ крутымъ поворотомъ погружается въ воду, плеснувъ хвостомъ и оставя вертящійся кругъ на поверхности, края котораго, постепенно расширяясь, не вдругъ сольются съ спокойною гладью воды: или какъ она, однимъ только краешкомъ спинного пера разсѣкая поверхность воды, стрѣлою пролетитъ прямо въ одну какую-нибудь сторону, слѣдомъ за ней пробѣжитъ длинная струя, которая, раздѣляясь на двѣ, представляетъ странную фигуру расходящагося треугольника... Нужно ли говорить послѣ этого, что рыбакъ-охотникъ глядитъ на всякую рыбу еще съ большею, особенною любовью, а на крупную и почему-нибудь рѣдкую глядитъ съ восхищеніемъ, съ радостнымъ трепетомъ сердца! Не-охотникамъ, можетъ быть, покажутся смѣшны такія выраженія; я не буду тѣмъ оскорбляться - я говорю охотникамъ, и они поймутъ меня! Каждый изъ нихъ, достигнувъ старости, находитъ отраду въ воспоминаніи того живого чувства, которое одушевляло его въ молодости, когда съ удочкой въ рукѣ, забывая и сонъ и усталость, страстно предавался онъ своей любимой охотѣ. Онъ, вѣрно, съ удовольствіемъ вспоминаетъ это золотое время... И я помню его, какъ давнишній, сладкій и не совсѣмъ ясный сонъ; помню знойные полдни, берегъ, заросшій высокими, душистыми травами и цвѣтами, тѣнь ольхи, дрожащую на водѣ, глубокій омутъ рѣки, молодого рыбака, прильнувшаго къ наклоненному надъ водою древесному пню, съ повисшими внизъ волосами, неподвижно устремившаго очарованные глаза въ темно-синюю, но ясную глубь... И сколько рыбы кипѣло въ ней! Какіе язи, головли, окуни... И какъ замирало сердце юноши, какъ стѣснялось дыханье... Давно уже это было, очень давно! Молодые охотники и теперь испытываютъ то же,

и дай Богъ имъ надолго сохранить это живое, невинное чувство страстнаго рыбака.

Приступаю къ описанію породъ рыбъ мнѣ извѣстныхъ, которыя берутъ на удочку. Начну съ мелкой рыбы, никогда не достигающей значительной величины, потомъ скажу о породахъ крупныхъ, но не хищныхъ, очень рѣдко питающихся рыбою, и наконецъ о породахъ собственно хищныхъ, для которыхъ мелкая рыбешка составляетъ существенную и почти единственную пищу.



1.

ЛОШОКЪ.[1]) I) †).

Самое имя этой красивой рыбки указываетъ, что оно уменьшительное отъ имени рыбы «лохъ», и оно не даромъ дано ей [2]): красныя, черныя и бѣлыя крапинки, которыми она испещрена, очень похожи на крапины лоха или красули, достигающей огромной величины; но рыбка, о которой я говорю—самая маленькая рыбка: лошокъ въ два

---

1) Недавно я узналъ, что „лошки" называются въ Можайскомъ уѣздѣ „голопузкой", а въ Верейскомъ „свинобойкой". Вѣроятно, они водятся и въ другихъ губерніяхъ.

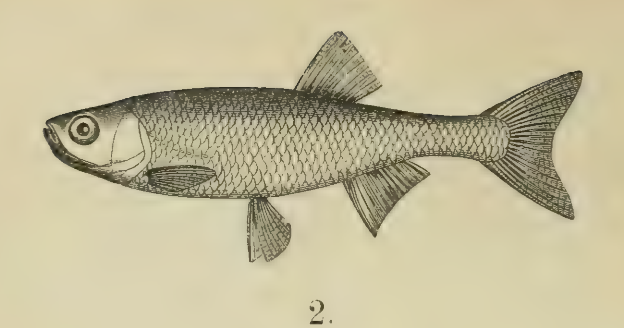
2) Это дѣйствительно молодая рыбешка лоха. Мы ничего не могли узнать положительнаго о присутствіи этой рыбки въ Московской губ. *К. Р.*

†) Подъ римскими цифрами обозначены мои примѣчанія, находящіеся въ концѣ книги. *Н. В.*

вершка—рѣдкость по величинѣ. Они водятся въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ, и всегда появляются большими стаями. Иногда въ омуточкѣ прозрачнаго ручья вдругъ видишь, что свѣтлое вездѣ дно покрыто чѣмъ-то чернымъ: это лошки, которые въ нѣсколько рядовъ стоятъ другъ на другѣ, и обыкновенно покрупнѣе внизу, а самые мелкіе сверху. Не трудно наловить ихъ сколько угодно *недоткой* изъ рѣдинки, частымъ сакомъ или *хребтугомъ* [1]), привязаннымъ двумя узкими боками къ двумъ палкамъ; но если не случится подъ руками и этихъ нехитрыхъ рыболовныхъ снастей, а есть небольшая удочка, то лошки станутъ безпрестанно брать на навознаго червяка (безъ хвостика вѣрнѣе) и простую муху: чѣмъ удочка меньше, тѣмъ лучше. Разумѣется, никто не станетъ удить лошковъ безъ особенной надобности; я самъ помню, что уживалъ ихъ только въ ребячествѣ; но они очень могутъ понадобиться, ибо составляютъ превосходную насадку для уженья окуней и всякой хищной рыбы средней величины. Я видѣлъ лошковъ только въ Оренбургской губерніи; тамъ водились они въ большомъ изобиліи и даже не въ маленькихъ рѣчкахъ, а въ такихъ, на которыхъ стояли мельницы постава на четыре, и я очень помню безчисленныя станицы лошковъ, лежащія на днѣ подъ мельничными водяными колесами. Но умножившееся народонаселеніе взмутило чистоту и прозрачность тамошнихъ прекрасныхъ рѣчекъ и ручьевъ, и лошковъ становится гораздо меньше. Жареные лошки на сковородѣ составляютъ вкусное блюдо: ихъ готовятъ не чищенныхъ, а выдавливаютъ руками и хорошенько промываютъ.

---

1) Хребтугомъ называется раскрытый мѣшокъ изъ рѣдники же, въ которомъ выдаютъ лошадямъ овесъ.



2.

ВЕРХОВКА. II).

Это также самая маленькая рыба: не больше лошка, только лошокъ круглъ, а она плоска. Верховка такъ похожа на уклейку [1]), что многіе считаютъ ихъ за одну и ту же рыбу, только въ разныхъ возрастахъ; но это несправедливо. Я знаю много рѣкъ въ разныхъ губерніяхъ, въ которыхъ изобильно водится уклейка, подъ именемъ *сентявки*, или *бѣлоглазки*, но въ которыхъ рѣшительно нѣтъ верховки. Имя дано ей по ея свойствамъ: она любитъ плавать на поверхности воды и часто ложится на бокъ, блестя на солнцѣ нѣсколько синеватою серебряною бѣлизною, точно какъ-будто всплыла уснувшая рыбка. Гдѣ много ея, тамъ она очень надоѣдаетъ: вертясь кругомъ удочки съ быстротою молніи, она безпрестанно трогаетъ и поталкиваетъ съ разбѣга ваши крючки, грузила, лесы и даже наплавки, особенно, если вы удите не со дна. Ее можно выудить только на самую маленькую удочку, насаженную на тоненькаго червячка, или на крошечный кусочекъ хлѣба, а всего скорѣе на муху; наплавокъ надобно пускать какъ можно мельче: она рѣдко его погружаетъ, но быстро тащитъ въ сторону... Она также пригодна только для насадки крючковъ на хищную рыбу, и только съ этой цѣлью можетъ удить ее рыбакъ. Около Москвы, во всѣхъ рѣкахъ и чистыхъ прудахъ, водится въ большомъ множествѣ, а въ Оренбургской губерніи ея нѣтъ. III).

---

[1]) Мы думаемъ, что это молодая рыбешка уклейки. Иногда ее называютъ *верховодомъ, верховодкою, верхоплавкою.* *К. Р.*

3.

ГОЛЕЦЪ [1]) IV).

Имя [2]) его происходитъ отъ свойства кожи: она гола: на ней нѣтъ никакой чешуи; она очень тонка и скользка, какого-то неопредѣленнаго цвѣта: сѣровато-желтоватаго, или бланжеваго съ неправильными, неясными пятнами, болѣе или менѣе темными. Въ одной и той же водѣ, одни гольцы бываютъ свѣтлѣе, а другіе гораздо темнѣе. Вообще въ рѣчкахъ и ручьяхъ они темнѣе, а въ прудахъ, особенно въ сажалкахъ, — желтѣе. Голецъ не выростаетъ длиннѣе трехъ вершковъ, и то большая рѣдкость: онъ совершенно круглъ и пузастъ; самые крупные бываютъ толщиною въ большой палецъ мужской руки; маленькій ротикъ его имѣетъ усы. Мечетъ икру въ апрѣлѣ. Отличительное свойство гольца состоитъ въ томъ, что онъ водится во всѣхъ водахъ, начиная отъ копанаго, тинистаго, нечистаго, теплаго лѣтомъ пруда до холоднаго и прозрачнаго, какъ ледъ, горнаго источника. Онъ первый съ форелью (если не прежде ея) появляется въ головѣ родниковъ, лежа иногда подъ самыми тѣми камнями, изъ-подъ которыхъ бьетъ дѣвственная струя воды. Вообще гольцы такъ

---

1) Cobitis taenia L.

2) Называется въ Великороссіи: *подкаменьщикъ*, на Алданѣ и Ковыми *моржогонъ*; на Ипутѣ *кружельчикъ*, *вертельчикъ*; иногда *малевка*, *мулевка*: въ южной Россіи *щиповка*, *сикъ*, *сиковки*, *саковка*, *сиковка*. Мы не увѣрены, что авторъ разумѣетъ здѣсь подъ именемъ *гольца*: подъ Москвою такъ называютъ молодыхъ вьюновъ (Cobitis fossilis L) V). *К. Р.*

мелки, что рѣдко кто-нибудь занимается собственно ихъ уженьемъ, да и клюютъ они въ рѣкахъ очень мало, но въ омуточкахъ ручьевъ и прудахъ, гдѣ иногда они разводятся до невѣроятнаго множества и берутъ безпрестанно, — по-моему, очень весело ихъ удить. Они исключительно клюютъ на одного навознаго червячка. Крючки надобно употреблять меньшаго разбора изъ среднихъ, потому что на маленькіе трудно и скучно насаживать безпрестанно, по необходимости выбирая самыхъ мелкихъ червяковъ: хвостики можно пускать короче; гольцы берутъ и вовсе безъ хвоста, хотя не такъ охотно, но за то гораздо вѣрнѣе, потому что голецъ клюетъ не съ разбѣга и не вдругъ заглатываетъ, а взявъ въ ротъ конецъ червяка, тихо плыветъ въ сторону; слѣдственно надобно подсѣкать немедленно, какъ скоро наплавокъ повезетъ въ бокъ или прямо. Удить надобно со дна. Гольцы, по мягкости своей кожи, служатъ лакомою насадкой для всѣхъ хищныхъ рыбъ, но и для человѣка они составляютъ самую вкусную пищу: уха изъ однихъ гольцовъ, осторожно вычищенныхъ, то-есть, не раздавя въ пузырькахъ желчи, такъ жирна и вкусна, что едва ли уступитъ ухѣ изъ налимовъ; жареные и маринованные гольцы превосходны. Они берутъ на удочку до сильныхъ морозовъ. Я слышалъ, будто гольцы такіе жадные пожиратели чужой икры, что въ небольшихъ прудахъ переводятъ породы другихъ рыбъ, въ чемъ я, однако, сомнѣваюсь.

4.

ПЕСКАРЬ [1] VI).

Имя его происходитъ явно отъ того, что онъ всегда лежитъ на песчаномъ днѣ. Хотя обыкновенно говорятъ *пискарь*, а не *пескарь*, но это единственно потому, что первое легче для произношенія. Впрочемъ многіе увѣрены, что эта рыбка должна называться *пискаремъ*, потому что, будучи сжата въ рукахъ человѣка, издаетъ звукъ, похожій на пискъ. Самый крупный пескарь не бываетъ длиннѣе $3^1/_2$ вершковъ и—толще большого пальца руки (и этой величины достигаетъ онъ рѣдко). Онъ брусковатъ и довольно ровенъ. Спинка и бока покрыты темносиними крапинками, а брюшко очень бѣловатое, серебристаго цвѣта. Пескарь очень красивая или миловидная и самая чистая рыбка. Пескари всегда собираются стаями, которыя иногда бываютъ невѣроятно многочисленны; водятся и въ малыхъ и въ большихъ рѣкахъ, преимущественно песчаныхъ. Про пескарей говорятъ рыбаки, что они мечутъ икру по нѣскольку разъ въ годъ; но это несправедливо. Вѣроятно, эту операцію производятъ они въ зимніе мѣсяцы. Будучи посажены въ пруды, размножаются

---

1) Cobitis barbatula L. Называютъ иногда *столбцомъ*; въ Малороссіи *авдюшка, ѣвдюшечка, авдотка, евдотка, евдюшка, удотка.* К. Р.

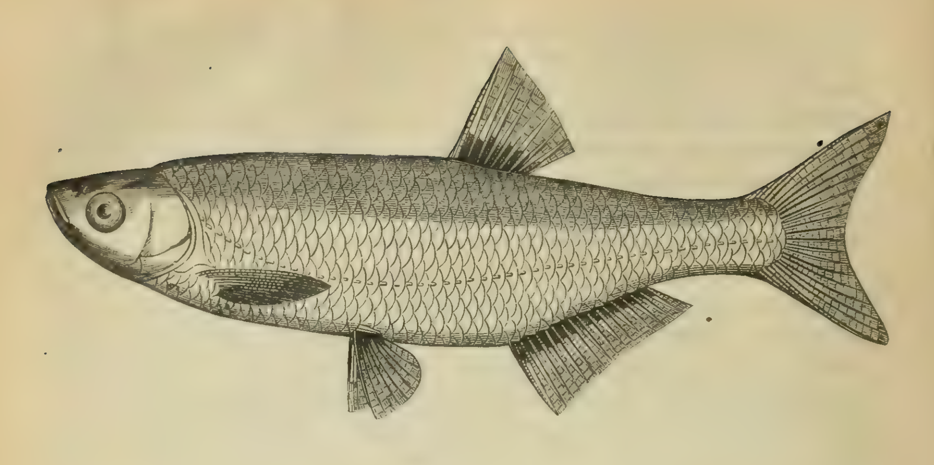
и въ нихъ изобильно, особенно, если вода чиста (иногда живутъ и въ нечистой, что, впрочемъ, рѣдкость); но въ маленькихъ прудкахъ они бываютъ мелки, а въ большихъ проточныхъ прудахъ и рѣкахъ необыкновенно крупны. Пескарей уже удятъ собственно для нихъ, и для многихъ охотниковъ это весьма пріятное уженье, ибо пескари, если клюютъ, то клюютъ безпрестанно и очень вѣрно; ихъ удятъ, привязывая даже по два и по три крючка на разныхъ поводкахъ къ одной и той же лесѣ, и они берутъ иногда вдругъ за всѣ три. Для уженья употребляется обыкновенный навозный червякъ; среднія удочки всего удобнѣе.

Въ продолженіе моего рыбачьяго поприща, я замѣтилъ въ уженьѣ пескарей неизъяснимую странность: въ рѣкахъ и проточныхъ прудахъ, особенно около кауза и вешняка, они клюютъ на удочку необыкновенно жадно; въ большихъ непроточныхъ прудахъ уже берутъ не такъ хорошо; а въ маленькихъ прудкахъ, или копаныхъ сажалкахъ не берутъ вовсе, хотя бы и водились въ нихъ во множествѣ; еще странность: въ послѣднихъ они берутъ иногда на хлѣбъ, а въ рѣкахъ — никогда. Мнѣ много случалось удить въ копаныхъ прудахъ, гдѣ водились только караси и пескари, и я много разъ имѣлъ случай видѣть, какъ крючки съ червячками лежатъ спокойно на днѣ, или мотаются между стаями пескарей, не обращая на себя ихъ вниманіе (причемъ нерѣдко выуживалъ я пескарей, задѣвая ихъ снаружи за бока), тогда какъ крючокъ, насаженный кусочкомъ хлѣба, едва коснется дна, то сейчасъ бываетъ ими окруженъ. Пескари до тѣхъ поръ его потрогиваютъ, поталкиваютъ, треплютъ, щиплютъ и сосутъ, пока онъ свалится съ крючка; если крючокъ и кусочекъ хлѣба очень малы, то иногда случалось и выудить пескаря. Такими продѣлками они ужасно мнѣ надоѣдали: ибо сами не клевали настоящимъ образомъ, а карасямъ мѣшали. Уженье пескарей начинается не рано весной, а когда вода сдѣлается совершенно свѣтла: оно продолжается до самой зимы. Они клюютъ во всякое время дня. Обыкновенно удятъ ихъ весной и лѣтомъ въ рѣкахъ на перекатахъ, на мѣстахъ мелкихъ, песчаныхъ, хрящеватыхъ, гдѣ вода течетъ довольно быстро и гдѣ можно увидѣть ихъ стаи, лежащія на днѣ. Уженье устраивается тремя способами: 1) Можно удить съ наплавкомъ и умѣренно тяжелымъ грузиломъ, пуская такъ глубоко, чтобы грузило было на вѣсу, а крючокъ тащился по

дну. Это хорошо при умѣренной быстротѣ теченія. 2) Можно удить безъ наплавка съ грузиломъ очень тяжелымъ, находящимся въ разстояніи двухъ и даже трехъ четвертей отъ крючка: грузило ляжетъ на дно, а леса съ червякомъ будетъ извиваться по теченію воды. Этотъ способъ наилучшій, особенно въ сильныхъ быстринахъ. 3) Можно удить вовсе безъ грузила, съ наплавкомъ, а лучше безъ наплавка, пусть вода несетъ крючокъ съ червячкомъ по своему произволу; по быстротѣ теченія, онъ не вдругъ коснется дна; но при его приближеніи пескари проворно подымаются кверху и хватаютъ крючокъ. Нигдѣ я не уживалъ пескарей въ такомъ множествѣ и такихъ крупныхъ, какъ въ Москвѣ-рѣкѣ. При наступленіи морозовъ, пескари сваливаются съ мелкихъ мѣстъ въ глубокія, гдѣ остаются на зиму. Тамъ они берутъ до тѣхъ поръ, пока крѣпкій ледъ покроетъ поверхность воды: удить должно *непремѣнно* со дна.

Пескарь беретъ живо и вѣрно; его подержка и утаскиванье видны по наплавку и слышны по руки; надобно подсѣкать его проворно; разумѣется должно удить на одну удочку и всегда держать удилище въ рукѣ. Онъ служитъ превосходною насадкою для хищной рыбы и самою здоровою пищею для человѣка. Уха изъ пескарей, какъ не жирная и легкая, обыкновенно предписывается докторами больнымъ; пескари, жареные въ сметанѣ, отлично вкусны.

Я уже сказалъ, что пескарей удятъ на два и даже на три крючка, привязанныхъ къ одной лесѣ, одинъ другого короче. Правда, если придется удить на мѣстѣ, гдѣ лежитъ огромная стая пескарей, — они берутъ жадно, и случается вытаскивать вдругъ по два и по три пескаря. Но я не люблю этого устройства удочекъ: онѣ ужасно путаются, и пригодны только для пескарей, которыхъ, если клевъ хорошъ, и на одинъ крючокъ наудишь множество. Французы большіе охотники до двойныхъ и тройныхъ удочекъ. Они употребляютъ ихъ для уженья крупной рыбы: крючки навязываютъ разной величины, привязки къ лесѣ пускаютъ также очень различной глубины, такъ что одинъ крючокъ лежитъ на днѣ, а другой виситъ на аршинъ отъ дна; разумѣется, и насадку употребляютъ разную. Такой способъ уженья получаетъ уже особый смыслъ. Я пробовалъ его, но безъ успѣха; двойная или тройная удочка не ловка, уродлива, чаще задѣваетъ, и рыба беретъ на нее неохотно.



5.

УКЛЕЙКА [1]) VII).

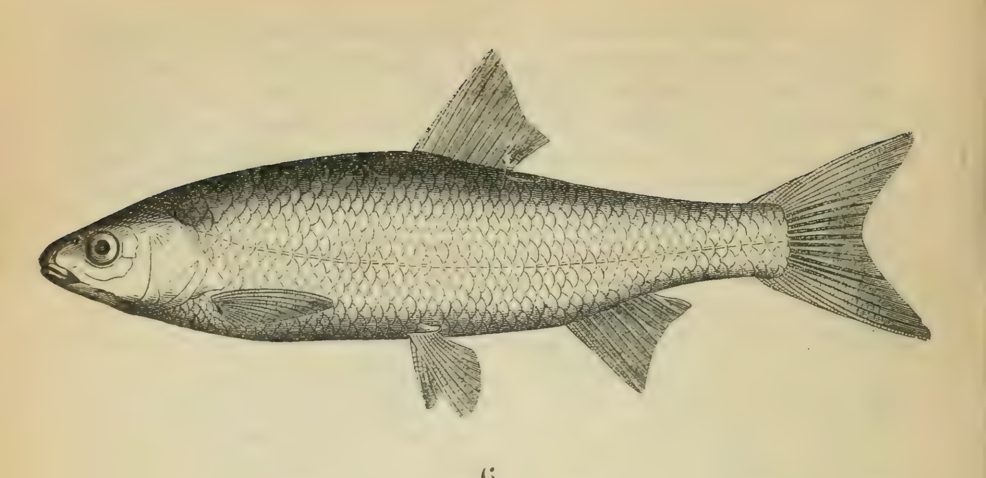
Я уже сказалъ, что верховка на нее совершенно похожа, только вчетверо ея меньше: также плоска, тонка, синевато-серебристаго цвѣта и бѣлоглаза; по этимъ-то двумъ послѣднимъ качествамъ называютъ ее въ Оренбургской губерніи *сентявкой* и *бѣлоглазкой.* Я никогда не видывалъ уклейки длиннѣе четверти и шире вершка. Отчего около Москвы называютъ ее *уклейкой*, добраться я никакъ не умѣю. Она водится въ большомъ количествѣ во всѣхъ чистыхъ водахъ, особенно въ рѣкахъ. Когда вы стоите надъ синею глубью рѣчного омута, или озера, и солнце сзади освѣщаетъ поверхность воды, то непремѣнно увидите на довольно значительной глубинѣ сверканье синевато-серебряныхъ полосъ, кругловатыми линіями, въ разныхъ направленіяхъ, пронзающихъ воду,—это уклейки.

Рѣдко случается, чтобъ охотникъ занимался ихъ уженьемъ; но что бы вы ни удили, только бы крючокъ былъ насаженъ навознымъ червякомъ, уклейка не оставитъ схватить

---

1) Aspius alburnus L. *Уклея.* На Волгѣ—*селява*, на Окѣ—*сикли*, на Камѣ—*вандышь, щеклейка*, у Яицкихъ казаковъ *конюхъ, гармакъ*; въ Малороссіи *себель, себеликъ, сибиль*; по Бугу *швія*, по Днѣпру большія—*селедка*, небольшія—*оселедчики*.

его, испортить, или попасть на удочку, при первомъ погруженіи крючка въ воду: разумѣется, это дѣлается тамъ, гдѣ уклейки очень много. Если же червякъ дойдетъ благополучно до дна. то она уже его мало трогаетъ. Уклейка очень надоѣдаетъ тѣмъ, что портитъ насадку червя, совсѣмъ не для нея назначаемую; впрочемъ, она бросается только на небольшого червя. Если кому угодно ее удить, то надобно употреблять маленькія удочки, наплавокъ пускать очень мелко, съ крошечнымъ грузиломъ, или даже безъ грузила; всего охотнѣе и вѣрнѣе беретъ она на мушку; на червяка съ хвостикомъ также клюетъ хорошо, но не такъ вѣрно, потому что часто хватаетъ только за свѣсившуюся половину червяка; безъ хвостика же клюетъ неохотно, а на хлѣбъ еще неохотнѣе. Клёвъ ея быстръ; она налетаетъ съ разбѣга и вдругъ утаскиваетъ наплавокъ въ сторону, иногда погружая его и въ воду; а если сама попадаетъ на крючокъ, что бываетъ нерѣдко, то натянетъ лесу и дернетъ даже за удилище, если вы не вдругъ подсѣчете. Для нея нѣтъ особенныхъ мѣстъ: она держится по всей рѣкѣ, но я замѣчалъ ее въ большомъ количествѣ въ мѣстахъ глубокихъ и тихихъ. Уклейка пригодна для насадки на всякую хищную рыбу, даже и на крупную, которую она можетъ приманить издали, кидаясь на крючокъ съ необыкновенною быстротою во всѣ стороны и сверкая блестящей бѣлизной своей. Уклейка никогда не бываетъ жирна, и потому не употребляется для ухи, но изжаренная въ сметанѣ и высушенная — а еще лучше прокопченая, какъ сельдь — очень хороша. Вообще вкусъ ея пріятнѣе вкуса мелкой плотицы. Уклейка клюетъ до поздней осени; но послѣ сильныхъ морозовъ—уже только въ глубокихъ омутахъ и со дна.



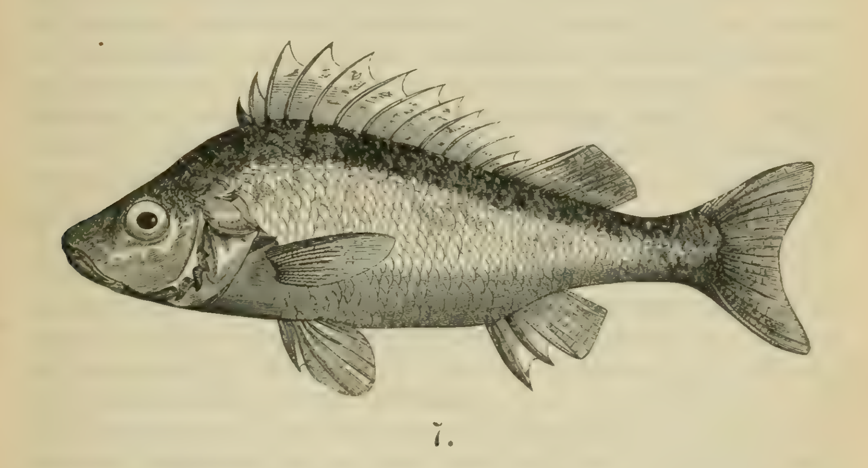
6.

ЕЛЕЦЪ [1]) VIII).

Рыба, неизвѣстная въ низовыхъ губерніяхъ, можетъ быть такъ названа потому, что впервые появилась въ извѣстной рѣкѣ *Ельцѣ*, на которой стоитъ городъ Елецъ. Блестящей серебряной чешуей своей она сходна съ уклейкой, но она бѣлѣе, не плоска, а брусковата; похожа складомъ на головля. Длиною бываетъ съ небольшимъ въ четверть, а толщиною пальца въ полтора; глаза, перья и хвостъ какого-то неопредѣленнаго сѣровато-сизаго цвѣта, а спинка потемнѣе. Вообще эта рыбка очень живая и красивая. Елецъ водится довольно изобильно во всѣхъ рѣкахъ Московской губерніи, также въ проточныхъ прудахъ и озерахъ, заливаемыхъ рѣчною весеннею водою, но въ небольшихъ, копаныхъ, несвѣжихъ прудахъ жить не можетъ. Онъ такъ же, какъ и уклейка, очень проворенъ въ своихъ движеніяхъ, но шире, бѣлѣе и ярче сверкаетъ въ глубинѣ; беретъ по большей части со дна, и охотнѣе держится на мѣстахъ неглубокихъ, быстрыхъ, хрящеватыхъ и каменистыхъ. Клюетъ довольно вѣрно; если со дна, то сначала ведетъ наплавокъ, не погружая: въ это время должно подсѣкать его; если же насадка не касается дна, то беретъ живо и совсѣмъ утаскиваетъ наплавокъ. Удить его

[1]) Leuciscus vulgaris, Flem. Въ Орловской губ.—*кленокъ*, въ Волынской—*кленекъ*, въ Малороссіи—*ялецъ, яльчикъ*. К. Р.

надобно на навознаго червяка, но крупные берутъ охотнѣе на земляного небольшого червя; говорятъ, что елецъ клюетъ и на хлѣбъ, но мнѣ никогда не случалось выудить ельца на хлѣбную насадку. Въ осень ельцы любятъ играть на солнцѣ, и въ это время надобно удить ихъ, навязывая наплавокъ очень мелко, спуская его иногда до самаго поводка; послѣ же сильныхъ морозовъ, въ октябрѣ, они берутъ только уже со дна, въ глубокихъ омутахъ. Средней величины ельцы пригодны для насадки на щукъ и большихъ налимовъ. Вкусъ ельца составляетъ нѣчто среднее между плотицей и уклейкой, слѣдовательно имѣетъ мало достоинства. Клевать начинаетъ очень рано, даже въ апрѣлѣ, когда вода въ рѣкахъ еще слишкомъ сильна и мутна.



7.

ЕРШЪ [1]). [IX].

Имя ерша, очевидно, происходитъ отъ его наружности; вся его спина, почти отъ головы и до хвоста, вооружена острыми, крѣпкими иглами, соединенными между собой тонкою, пестрою перепонкою; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и когда вытащишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной гребень

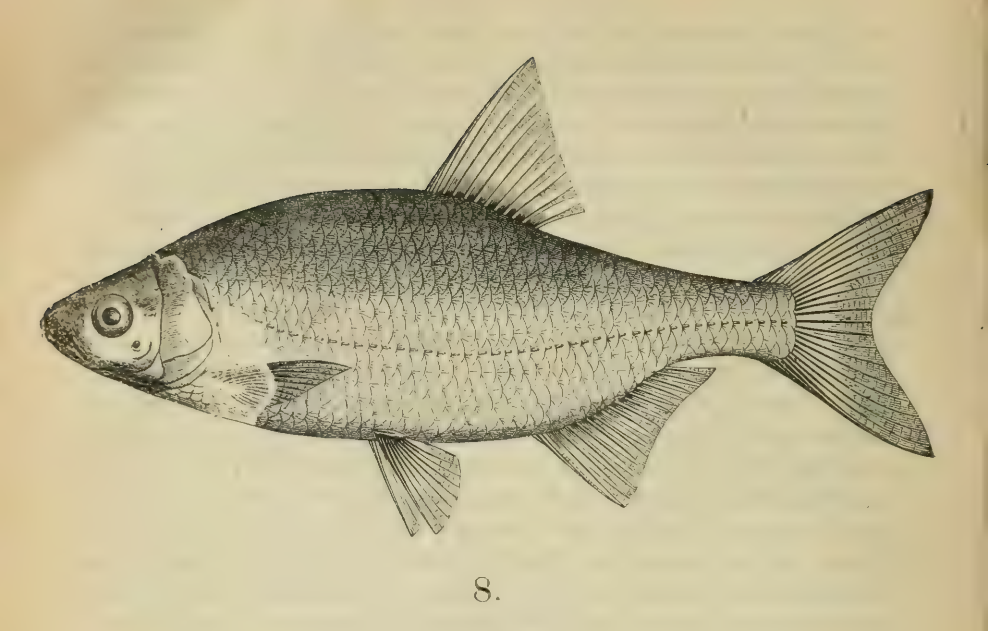
1) Acerina vulgaris, C. Имѣетъ одно названіе во всей Россіи. *К. Р.*

и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ его увидѣлъ человѣкъ. Ершъ, въ этомъ видѣ, быстро выхваченный изъ воды не покажется даже рыбой, а чѣмъ-то круглымъ и мохнатымъ; даже на подъемѣ онъ покажется тяжелѣе, чѣмъ другія рыбки, равной съ нимъ величины. Русскій народъ любитъ ерша; его именемъ, какъ прилагательнымъ, называетъ онъ всякаго невзрачнаго, задорнаго человѣка, который сердится, топорщится, ершится. Про ерша сочинилъ онъ, вѣроятно всѣмъ извѣстную, цѣлую сказку съ лубочными картинками своенародной фантазіи и иногда съ забавными созвучіями вмѣсто римѳъ. По моему, ершъ—лучшая рыбка изъ всѣхъ, не достигающихъ большого роста. Складомъ своимъ онъ совершенно сходенъ съ окунемъ, хотя никогда не питается рыбой. Въ рѣкахъ средней полосы Россіи онъ не бываетъ и четырехъ вершковъ длины, но въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: а самъ видалъ ихъ слишкомъ въ четверть длиною. Слыхалъ также объ огромныхъ сибирскихъ ершахъ x). Ершъ имѣетъ необыкновенно большіе, на выкатѣ темно-синіе глаза; отъ самой головы, какъ я уже сказалъ, идетъ у него жесткій гребень, почти въ вершокъ вышиною; онъ оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это мѣсто занято у него другимъ небольшимъ гребешкомъ, уже мягкимъ, похожимъ на обыкновенное плавательное рыбье перо; ершъ колется, какъ окунь, если взять его неосторожно; онъ весь пестрый, кромѣ брюшка, но пестрины какого-то темноватаго, неопредѣленнаго цвѣта; онъ весь блеститъ зеленовато-золотистымъ лоскомъ, особенно щеки; кожа его покрыта густою слизью въ такомъ изобиліи, что ершъ превосходитъ въ этомъ отношеніи линя и налима; хвостъ и верхнія перья пестроваты, нижнія перья бѣловато-сѣрыя. Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большемъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ или глинистыхъ, также и озерахъ, заливаемыхъ полою весеннею водою. Гдѣ ершей много и они крупны, тамъ уженье ихъ необыкновенно изобильно и пріятно; клюютъ только на краснаго навознаго червяка, и хотя не такъ охотно—на земляныхъ червей; разумѣется, для этого надобно отбирать самыхъ мелкихъ; удочки употребляются среднія. Ерши гораздо жаднѣе клюютъ со дна, чѣмъ на вѣсу, и потому въ такомъ только случаѣ не должно удить со дна, если оно травянисто или имѣетъ задѣвы.

Ерши очень рано весною начинаютъ клевать, и перестаютъ въ концѣ самой поздней осени. Если вы нападете на станичку, можете переудить бо̀льшую ихъ часть: насаживать можно червяковъ съ хвостами и безъ хвостовъ, не первое всегда лучше. Ерши берутъ и заклевываютъ вѣрно, безъ обмана, и почти всегда погружаютъ наплавокъ въ воду, но иногда ведутъ въ сторону, тряся его: нерѣдко, вынимая просто удочку, вытаскиваете ерша, который держалъ крючокъ во рту. Впрочемъ, это бываетъ иногда со всякой рыбой. Я нигдѣ не находилъ ершей въ такомъ множествѣ, какъ въ поемныхъ озерахъ около Москвы-рѣки: тамъ можно было ихъ выудить сколько угодно: двѣсти, триста и болѣе, зато крупные попадались рѣдко, отчего уженье теряло свою заманчивость. Ершей не употребляютъ для насадки, вѣроятно по причинѣ ихъ острыхъ вооруженій, которыя не нравятся хищнымъ рыбамъ, но для человѣка ершъ составляетъ превосходную добычу. Уха изъ ершей самая здоровая, питательная и вкусная пища, но всего лучше они, — особенно если крупны, — приготовленные на холодное подъ желе, которое бываетъ необыкновенно густо. По моему мнѣнію, ничто не можетъ сравниться съ деликатнѣйшимъ вкусомъ этого блюда.

Я всегда дорожилъ крупными ершами и отыскивалъ ихъ неутомимо. Но клевъ ихъ въ рѣкахъ очень капризенъ: иногда на мели, иногда — только въ глуби; сегодня клюютъ хорошо, завтра не клюютъ совсѣмъ. Ерши въ исходѣ апрѣля набиты икрой до безобразія, и въ маѣ ее мечутъ, послѣ чего клюютъ жаднѣе.

Теперь я поговорю о тѣхъ рыбахъ, которыя, родясь такими же крошками, какъ и тѣ, коихъ я уже описалъ, достигаютъ большой величины.



8.

ПЛОТИЦА [1]).

Очевидно получила свое имя отъ того, что она плоска. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ее называютъ *сорога* или *сорожнякъ*; происхожденіе этого названія объяснить не умѣю. Безъ сомнѣнія, это самая плодовитая и многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ большихъ и малыхъ, озерахъ, прудахъ проточныхъ и копаныхъ, если только вода довольно свѣжа, однимъ словомъ сказать, вездѣ водится плотва во множествѣ. Это такъ ее опошлило, что рыбаки совершенно ее не уважаютъ. Только тогда получаетъ она нѣкоторую значительность, когда начинаетъ вѣсить болѣе фунта. Я самъ видѣлъ плотицу въ четыре фунта, но старые рыбаки разсказывали мнѣ въ Оренбургской губерніи, что въ старину попадалась плотва въ семь фунтовъ: такую плотицу выудить уже очень пріятно. Плотица нѣсколько широка и кругловата, особенно крупная, плоска, чисто-серебристаго цвѣта, который къ спинкѣ становится темнѣе; глаза имѣетъ красные, или

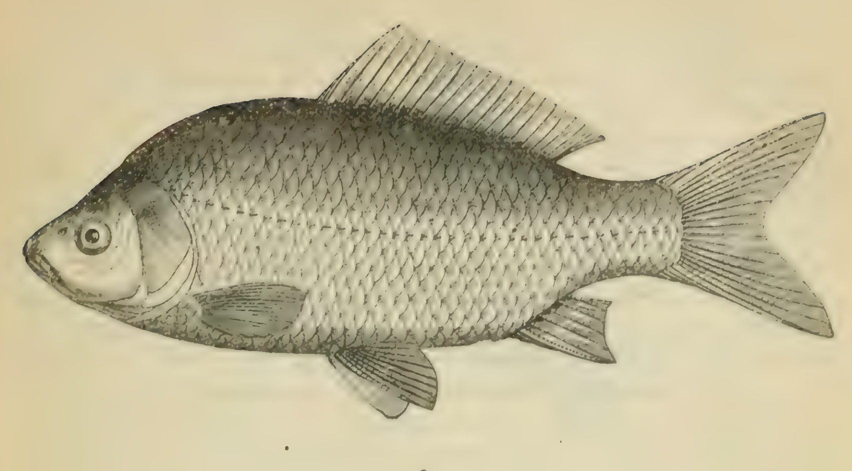
[1]) Leuciscus rutilus L. Въ Великороссіи — *плотва, плоть, сорожникъ*; у козаковъ—*серуха, серушка*; по Днѣпру—*библа, библица, библина, облина. К. Р.*

красно-коричневые и чѣмъ плотица больше, тѣмъ глаза становятся краснѣе; верхнія и нижнія перья темно-красноваты: чешуя довольно крупная. Съ увеличеніемъ роста, плотица становится шире и кругловатѣе; ротъ имѣетъ небольшой. Клевъ ея начинается съ самой ранней весны, даже тогда, когда полая вода не совсѣмъ слила и еще довольно мутна: однимъ словомъ, плотва первая начинаетъ и почти послѣдняя оканчиваетъ рыбій клевъ. Она жадно бросается на всякую насадку: на обыкновеннаго навознаго червяка, а крупная — даже на земляного, на хлѣбъ, на всякія распаренныя зерна, на раковыя шейки и на всякихъ насѣкомыхъ. Ее можно удить на всѣхъ мѣстахъ и на всякой глубинѣ; но крупная плотва клюетъ лучше и вѣрнѣе со дна, въ мѣстахъ глубокихъ и тихихъ, особенно на хлѣбъ: въ камышахъ же, полояхъ, въ мелкой водѣ, она беретъ на двѣ четверти аршина и даже менѣе отъ поверхности воды, особенно въ вѣтренное время. Въ водахъ, гдѣ водится большая рыба и гдѣ рыбакъ ее особенно имѣетъ въ виду, плотва нестерпимо надоѣдаетъ: отъ ея дерганья и тасканья нѣтъ никакой защиты; одно спасенье: огромные куски хлѣба, самый крупный земляной червь, непрорванный сальникъ и линючій ракъ, въ цѣлости насаженный на крючокъ. Я помню въ дѣтствѣ моемъ, когда Оренбургская губернія была еще гораздо менѣе населена и рѣки ея кипѣли всякой рыбой, особенно плотвой, какъ во множествѣ удили ее на кусочки кишекъ мелкихъ птичекъ, на травяные стебельки и на всякую дрянь. Но призирать плотву можно тамъ, гдѣ много другой лучшей рыбы. Мнѣ самому случалось жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ я былъ радъ и порядочной плотичкѣ, а какъ это можетъ случиться и съ другимъ охотникомъ, то и слѣдуетъ поговорить обстоятельнѣе объ ея уженьѣ. Клевъ плотвы безконечно разнообразенъ. Всего благонадежнѣе удить ее на кусочки хлѣба и на распаренныя пшеничныя зерна, но къ этому надобно ее пріучить, бросая прикормку, состоящую изъ того и другого. Мнѣ попадались рѣки, въ которыхъ плотва ни на что не брала, кромѣ червяка [1]) и то съ хвостомъ, а это клевъ самый невѣрный; не знаю чѣмъ объяснить такую странность, непри-

---

[1]) Одинъ почтенный охотникъ (С. Я. А.) сообщилъ мнѣ, что въ рѣкѣ „Нерѣ“, протекающей близъ г. „Вереи“, плотва, водящаяся во множествѣ, не беретъ совсѣмъ на удочку, такъ что въ иной годъ выудишь двѣ или одну плотицу.

вычкой ли къ хлѣбу и зерну, или изобиліемъ питательныхъ травъ и разныхъ водяныхъ насѣкомыхъ? Крупная плотва особенно любитъ брать рано утромъ. Надобно стараться пріучить ее клевать со дна; тутъ она утаскиваетъ и погружаетъ наплавокъ въ воду, а потому подсѣкать ее не трудно, но и только тутъ можно удить на двѣ удочки; если же вы удите на вѣсу, то надобно подсѣкать ту же минуту, какъ скоро она потащитъ наплавокъ и начнетъ его погружать. Плотва средняя, и особенно мелкая, рѣдко беретъ вѣрно: вниманіе, смѣтка, быстрота и ловкость подсѣчки тутъ необходимы. Удилище должно держать въ рукѣ. Нечего на это смотрѣть, что много будетъ промаховъ, за то много будетъ и рыбы. На мѣстахъ, гдѣ давно опущенъ мѣшокъ съ прикормкой, плотва очень привыкаетъ кушать распаренныя зерна и беретъ на нихъ безъ обмана. Тутъ можно ее наудить сколько угодно, насаживая на маленькую удочку одно или два зерна, разбухшей въ горячей водѣ, пшеницы, и всякій разъ пробуя — свободно ли выходитъ наружу жало крючка; впрочемъ, самая крупная плотва скорѣе возьметъ на куски умятаго хлѣба, величиною въ русскій небольшой орѣхъ. Для насадки червей надобно употреблять среднія удочки, а для хлѣбныхъ крошечныхъ шариковъ и пшеничныхъ зеренъ—маленькіе крючки. Мелкая плотва можетъ служить насадкой для хищной рыбы. Уха изъ нея не вкусна и часто пахнетъ травой; лучше ее жарить въ сметанѣ и сушить. Плотва некрупная клюетъ до глубокой осени, и даже зимою въ прорубяхъ; икру мечетъ въ іюнѣ.



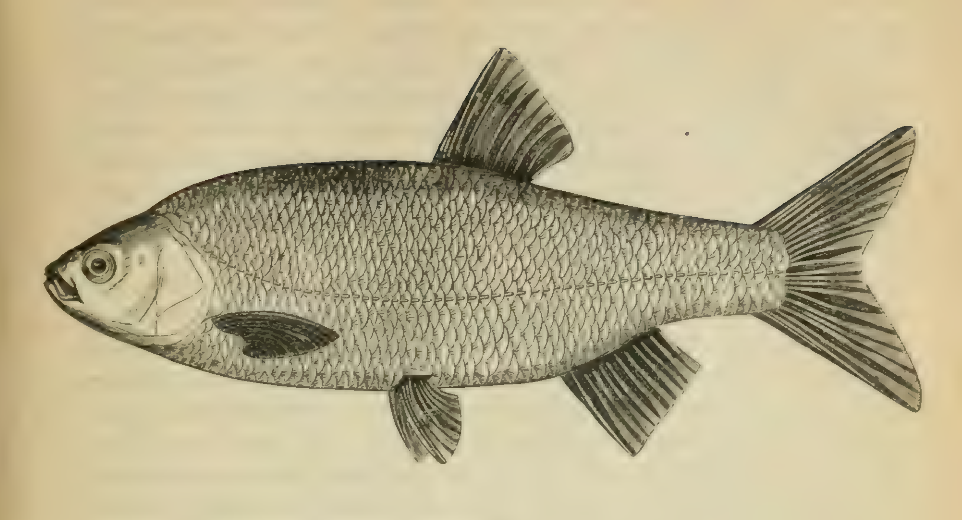
9.

КРАСНОПЕРКА [1]) XI).

Рыбаки называютъ ее *плотица-красноперка*, и такъ, по-видимому, не слѣдовало бы говорить о ней, какъ особой породѣ рыбы, но я нахожу между нею и обыкновенною плотицею существенное различіе, кромѣ различія цвѣта, которое, хотя не такъ ярко, встрѣчается и у другихъ рыбъ одной и той же породы. Красноперка гораздо шире обыкновенной плотицы; кругловатой своей фигурой и складомъ совершенно похожа на *подлещика*, покрыта чешуей желто-золотистаго блестящаго цвѣта; края этой чешуи какъ-будто оторочены золотисто-коричневой каемкой: перья, особенно нижнія, яркаго краснаго цвѣта, отъ чего она и получила свое имя, глаза коричневые; все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее одною изъ самыхъ красивыхъ рыбъ. Красноперка, вѣроятно, можетъ достигать такой же величины и такого же возраста, какъ и простая плотица. Икру мечетъ въ одно время съ нею. Одинъ разъ, при мнѣ, выудилъ рыбакъ красноперку (на раковую шейку) въ три съ половиною фунта; она была такъ красива, что мы долго любовались ею. Не вездѣ, гдѣ водится

1) Leuciscus erythrophthalmus L. Въ Москвѣ неизвѣстна. Мѣстами—*красница*. Въ Малороссіи *черемуха*, *черемухá*, *чернухá*. К. Р.

обыкновенная плотва, водится и красноперка; около Москвы никто про нее и не слыхивалъ XIII), да и въ Оренбургской губерніи, во многихъ рѣкахъ, прудахъ и озерахъ, изобилующихъ всѣми породами рыбъ, въ томъ числѣ и плотвой, нѣтъ ни одной красноперки, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ она водится во множествѣ; клевъ ея совершенно отличенъ отъ клева плотицы: она не теребитъ, не рветъ, не таскаетъ крючка, схвативъ за кончикъ червяка; красноперка или вовсе не беретъ, или беретъ вѣрно. Очень рѣдко выудишь ее въ рѣкѣ; но въ концѣ лѣта и въ началѣ осени удятъ ее съ лодки въ большомъ количествѣ въ полояхъ прудовъ, между травами, и особенно на чистыхъ мѣстахъ между камышами, также и въ озерахъ, весной заливаемыхъ тою же рѣкою; тутъ беретъ она очень хорошо на краснаго навознаго червяка, и еще лучше на распаренную пшеницу (на мѣстѣ прикормленномъ); на хлѣбъ клюетъ не такъ охотно, но къ концу осени сваливается она въ прудахъ въ глубокія мѣста материка, особенно около кауза, плотины и вешняка, и держится до сильныхъ морозовъ; здѣсь она беретъ на хлѣбъ и маленькіе кусочки свѣжей рыбы: обыкновенно употребляютъ для этого тутъ же пойманную плотичку, или другую мелкую рыбу; ужъ это одно свойство совершенно отличаетъ ее отъ обыкновенной плотвы. Мелкая красноперка очень хороша для насадки на хищную рыбу, потому что живуча и не скоро утомляется, ходя на большомъ крючкѣ. Вкусомъ мало отличается отъ обыкновенной плотвы. Для уженья на зерна, употребляются маленькія, а для червей и кусочковъ рыбы — среднія удочки. По необыкновенно-красивой наружности, потому что водится не вездѣ и клюетъ не всегда, даже появляется во множествѣ не всякій годъ—уженье красноперки несравненно выше уженья плотвы.



10.

ЯЗЬ [1]). XIII).

Не умѣю опредѣлить, откуда происходитъ его названіе. Язь, такъ сказать, уже капитальная рыба и занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ уженьѣ крупной рыбы, настоящемъ охотничьемъ уженьѣ, которое преимущественно привлекаетъ истиннаго рыбака. Тотъ уже не охотникъ, кто закидываетъ маленькую удочку на мелкую рыбу тамъ, гдѣ клюетъ крупная: лучше просидѣть или простоять нѣсколько часовъ, ничего не выудивъ, глядя на неподвижные наплавки, но ежеминутно ожидая богатой добычи, чѣмъ приняться за таскапье дрянныхъ плотичекъ и, можетъ быть, отогнать этимъ большихъ рыбъ. — Язи какъ-то рѣдко попадаются въ маломъ видѣ; по большей части они начинаютъ брать на удочку, достигнувъ порядочной величины; впрочемъ это замѣчаніе не вездѣ вѣрно [2]). Около Москвы, небольшихъ язей, фунтовъ до двухъ, называютъ *подъязиками*, но въ другихъ

---

1) Leuciscus idus L. Иногда *вязь*; небольшіе—*подъязики*; въ Петербургѣ большіе—*русскій карпъ*. *К. Р.*

2) Это замѣчаніе справедливо только въ отношеніи къ Оренбургской губерніи; около Москвы совсѣмъ напротивъ: мелкіе язики попадаются гораздо чаще.

мѣстахъ Россіи я не слыхивалъ такого подраздѣленія. Язи около четырехъ фунтовъ попадаются всего чаще, но бываютъ и въ девять фунтовъ. Самый большой язь, котораго мнѣ удалось выудить, вѣсилъ около семи фунтовъ. Язь довольно широкъ, но уже не кругловатъ и ровнѣе плотицы; иногда достигаютъ трехъ четвертей длины и двухъ вершковъ толщины, разумѣется въ спинѣ; хвостъ и нижнія перья имѣетъ красные, а верхнія—сизыя; глаза свѣтло-коричневые, покрытъ чешуей, которая около спины крупнѣе и темнѣе, по большей части серебристаго цвѣта; но попадаются изрѣдка язи, въ одной и той же рѣкѣ, желтовато-золотистые. Они водятся только въ водахъ чистыхъ: рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и большихъ озерахъ; икру мечетъ въ маѣ. Язи легко привыкаютъ къ прикормкѣ, особенно постоянной, и только при этомъ условіи можно выудить много крупныхъ язей въ одно утро, на одномъ и томъ же мѣстѣ; подъ словомъ *много*, я разумѣю какой-нибудь десятокъ. Съ начала весны язи охотно берутъ на куски умятаго хлѣба, величиною съ небольшой грецкій орѣхъ, потомъ на крупныхъ земляныхъ и на кучу навозныхъ червей или глистъ, также на раковыя шейки; въ началѣ и срединѣ лѣта — на линючихъ раковъ и на большого бѣлаго червя (сальника) [1]); попозднѣе—на кобылокъ, а осенью язи почти не берутъ; если и возьметъ какой-нибудь шалунъ, то уже не на большую насадку и удочку маленькую, мелко пущенную и насаженную на пшеничку, муху или тому подобную мелочь. Одного изъ самыхъ крупныхъ язей я выудилъ на большого зеленоватаго комара, особенной породы, на крошечную удочку: за то я водилъ его около часа. Настоящій клевъ язей – со дна; для уженья употребляются крючки большіе, если велика насадка, и средніе, если она мала. По слитіи полой воды, вслѣдъ за плотицей, сейчасъ начинаютъ брать язи; самый лучшій клевъ ихъ, по замѣчанію рыбаковъ, бываетъ въ то время, когда цвѣтетъ калина. Если вы удите безъ прикормки, *на ходу рыбы*, то надобно, выбравъ узкое мѣсто рѣки, одну удочку закинуть на середину, другую поближе, а третью у берега; если же удите на прикормленномъ и отлогомъ мѣстѣ, то выгоднѣе класть всѣ наплавки около травы, поближе къ берегу, а удилища—на траву. Безъ всякаго сомнѣнія, въ обоихъ случаяхъ, самое драгоцѣнное время

---

[1]) Это личинка *майскаго* жука (Melolontha vulgaris L.). *К. Р.*

для уженья язей—раннее утро. Тутъ они берутъ задолго до восхожденія солнца, такъ что, только сидя лицомъ къ зарѣ, и то наклонясь къ землѣ, можно различить наплавки. Только истинный охотникъ можетъ вполнѣ оцѣнить всю прелесть этого ранняго уженья... При торжественной тишинѣ, бѣлѣетъ востокъ и гонитъ на юго-западъ ночную темноту, предметы выступаютъ изъ мрака, яснѣютъ; но камыши стоятъ еще неподвижны, и поверхность водъ не дымится легкимъ паромъ: еще долго до солнца... Вдругъ начинаете вы слышать, сначала издали, бульканье подымающихся со дна пузырей: это воздухъ, выпускаемый чрезъ ноздри крупною рыбою... Это вѣрный знакъ, что идутъ язи.. Пузыри выскакиваютъ ближе, вы уже ихъ видите... Сейчасъ начнется клевъ... Язь беретъ вѣрно и прямо утаскиваетъ наплавокъ въ воду; подсѣчка должна быть скорая, рѣшительная, но не слишкомъ крѣпкая и не порывистая. Язь одна изъ сильныхъ рыбъ и на удочкѣ ходитъ очень бойко. Надобно осторожно, утомивъ напередъ, выводить его на поверхность воды и наблюдать, чтобы круги, которые онъ станетъ давать, были не слишкомъ широки: иначе ему будетъ легко, бросившись въ сторону, натянуть лесу и оборвать.

Большіе язи бываютъ очень жирны, и уха изъ нихъ довольно вкусна, но всего лучше приготовлять ихъ на холодное подъ соусомъ со сметаной и хрѣномъ; жаль только, что язь очень костливъ. Цвѣтъ его тѣла блѣдно-бланжевый.

Наибольшую часть крупной рыбы, выуженной мной въ теченіи всего рыболовнаго моего поприща, составляютъ язи; рѣка Бугурусланъ, на которой я выросъ, изобиловала въ то время преимущественно язями; головли переводились, а лещи еще не заводились. И такъ большіе язи были вожделѣнной добычей рыбака. Да и какъ славно брали они тогда на хлѣбъ, безъ всякой прикормки, по всей рѣкѣ, безъ исключенія. Только, бывало, и слышишь о порванныхъ лесахъ, разогнувшихся или переломленныхъ крючкахъ и удилищахъ. Разумѣется, язей таскали черезъ голову, какъ плотичекъ, —и такъ, мудрено ли, что выуживали четвертую часть изъ числа попадавшихся?..

Къ числу диковинныхъ случаевъ, видѣнныхъ мною на уженьѣ, можно причислить и слѣдующій: удилъ я одинъ разъ на берегу своего пруда (Оренбургской губерніи), а другой рыбакъ сидѣлъ на мосткахъ, устроенныхъ въ травѣ надъ са-

мымъ материкомъ, по серединѣ пруда. Вдругъ вижу я, что рыбакъ всталъ на ноги и началъ водить, повидимому, большую рыбу. Эта исторія продолжалась такъ долго, что я пришелъ въ большое удивленіе. Я попробовалъ спросить, но разстояніе было велико, и мы слышали только крикъ другъ друга, а словъ разслушать не могли. Мнѣ надоѣло смотрѣть на однообразныя движенія рыбака, и я занялся собственными удочками; изрѣдка я взглядывалъ на него и видѣлъ все одно и то же. Наконецъ, по крайней мѣрѣ черезъ часъ, увидѣлъ, что рыбакъ поспѣшно плыветъ на лодкѣ прямо ко мнѣ: онъ привезъ въ сачкѣ неотцѣпленнаго огромнаго язя (слишкомъ въ 5 фунтовъ) и пригласилъ меня посмотрѣть, какимъ манеромъ онъ попался на удочку. Въ самомъ дѣлѣ, это была диковинка: шелковый поводокъ (въ двѣ шелковинки) обернулся и захлеснулся за конецъ спинного плавательнаго пера, а крючокъ, насаженный червякомъ, нетронутый висѣлъ у язя съ боку. Я пробовалъ держать рыбу на вѣсу (а въ воздухѣ это несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ водѣ)—и рыба держалась крѣпко. Впослѣдствіи съ тѣмъ же рыбакомъ случилась другая исторія въ этомъ же родѣ, еще удивительнѣе, но я разскажу ее, говоря о щукѣ.—Сообщаю новость охотникамъ: въ прошломъ 1851-мъ году, ночью на 15-е сентября, попалъ мнѣ язь въ три фунта на крючокъ, насаженный карасемъ и поставленный на налимовъ, въ ямѣ подъ вешнякомъ. И такъ, язь можетъ взять и на рыбку.

11.

ГОЛОВЛЬ. [1]) XVI).

Хотя очевидно, что имя его происходитъ отъ большой головы, но она у него совсѣмъ не такъ велика, а если и кажется большей величины, чѣмъ у другихъ рыбъ, то единственно отъ того, что лобъ у головля очень широкъ и какъ-то сливается съ его брусковатымъ станомъ. Головль не такъ широкъ, какъ язь, длиннѣе его и гораздо толще въ спинѣ. По увѣренію многихъ рыбаковъ, достигаетъ до аршинной длины и до четырнадцати фунтовъ вѣсу; самъ же я не видывалъ головля болѣе девяти фунтовъ. Онъ гораздо красивѣе язя: чешуя крупнѣе и серебристѣе, а каждая чешуйка по краямъ оттѣнена тонкою, блестящею, коричневою каемой. Ротъ имѣетъ довольно большой, глаза темные; нижнія перья красноваты, а верхнія, особенно хвостъ, темно-сизаго цвѣта: такъ что, когда въ полдневный пригрѣвъ солнца рыба подымется со дна на поверхность воды, то сейчасъ отличишь головлей по темносинимъ, чернымъ почти хвостамъ. Головль любитъ воду чистую и свѣжую, водится даже въ такой холодной водѣ, въ которой язь не можетъ держаться, такъ что въ рѣкахъ всегда появляется вслѣдъ за породами форели. Даже не знаю,

---

1) Leuciscus dobula L. Въ Москвѣ у рыбаковъ *голавль*. Въ другихъ мѣстахъ—*головень*, (Новгородск. губ.)—*голубль*. *К. Р.*

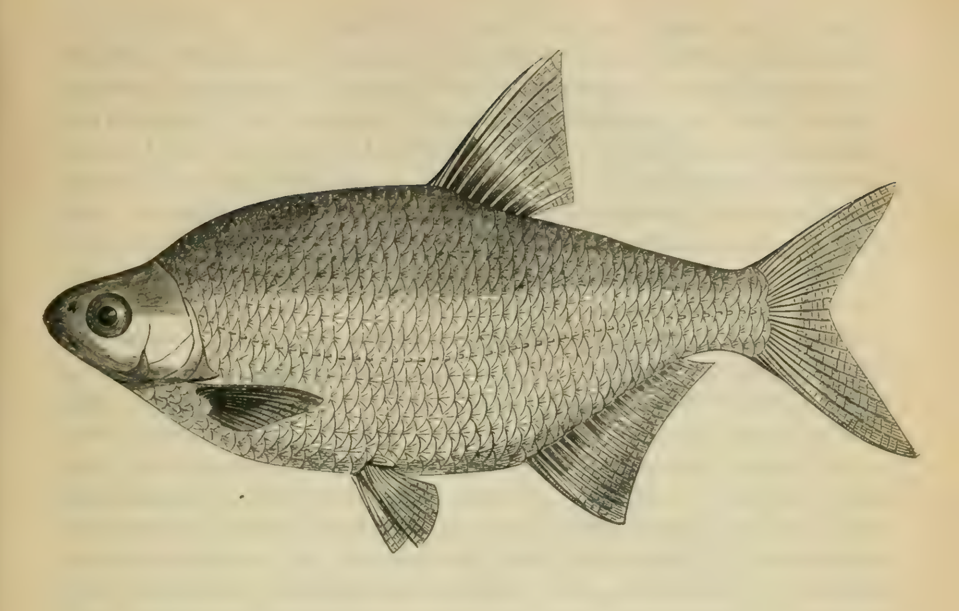
живетъ ли онъ въ большихъ озерахъ, но въ проточныхъ рѣчныхъ прудахъ размножается обильно: исключительно держится на песчаныхъ и хрящеватыхъ мѣстахъ, даже каменистыхъ; въ полояхъ головль рѣдкость: рѣка, материкъ въ прудѣ — вотъ его мѣсто. Онъ необычайно быстръ въ своихъ движеніяхъ, чему способствуетъ складъ его стана, которымъ нѣсколько похожъ на щуку. Не такъ легко прикармливается хлѣбными зернами и, вообще, осторожнѣе язя, но иногда беретъ на хлѣбъ; лучше любитъ червей и особенно сальника, раковыя шейки и цѣлыхъ линючихъ раковъ; самые большіе головли берутъ на рыбку, предпочтительно ночью, для чего и ставятъ на нихъ осенью, когда сдѣлается холоднѣе, крючки насаженные пискарями, гольцами, а по неимѣнію ихъ, уклейками и плотичками. Я уже упомянулъ объ уженьѣ головлей лѣтомъ, по ночамъ, съ лодки на длинныя лесы. Крупный головль, большею частью, беретъ со дна; клевъ его необыкновенно быстръ, и онъ почти всегда самъ себя подсѣкаетъ и потомъ стремительно выскакиваетъ наружу, мечется на удочкѣ, какъ бѣшеный, и выпрыгиваетъ иногда весь изъ воды. Рыбакъ долженъ стараться предупредить всѣ эти опасныя продѣлки и, угадавъ по быстротѣ движеній, что у него взялъ головль, не пускать его со дна наружу, пока онъ не утомится и не присмирѣетъ, иногда погружая для этого конецъ удилища въ воду. Нѣтъ рыбы его сильнѣе, бойчѣе, быстрѣе, неутомимѣе. Огромный головль на удочкѣ — великолѣпное зрѣлище! Самый опытный, искусный рыбакъ не безъ страха смотритъ на его быстрые, какъ молнія, неусмиряющіеся прыжки, и тогда только успокоится, когда подхватитъ сачкомъ. Головлей удятъ и безъ грузила и безъ наплавка, на наплавную удочку средней величины, насаживая на крючокъ кобылку, жучка, муху или навознаго червяка; это уженье производится на быстрыхъ теченіяхъ рѣки; попадаются преимущественно средніе головли и рѣдко крупные; впрочемъ, большого головля на такую лесу почти невозможно выудить. Хотя онъ сходенъ вкусомъ съ яземъ, но какъ-то чище, деликатнѣе. Уженье большихъ головлей я считаю первокласснымъ уженьемъ, какъ по осторожности, необыкновенной быстротѣ и бойкости ихъ, такъ и потому, что они берутъ рѣдко: поймать двухъ, трехъ крупныхъ головлей въ одно утро — богатая, даже великолѣпная добыча. Но отчего такъ рѣдко берутъ большіе головли, тогда какъ, вѣроятно, каждому охотнику случалось видать

ихъ гораздо болѣе, чѣмъ другой крупной рыбы—это разрѣшить я никакъ не могу. Головли всегда и вездѣ приводили меня въ отчаяніе: на рѣкахъ Оренбургской, Симбирской, Пензенской и Московской губерній. Всего обиднѣе видѣть ихъ, иногда гуляющихъ стаями въ полдень, по самой поверхности воды, иногда лежащихъ на каменистомъ или песчаномъ неглубокомъ днѣ рѣчного, какъ стекло прозрачнаго, переката! Подъ самый ротъ подводишь имъ всѣ любимыя насадки: раковъ, огромныхъ земляныхъ червей, жирнаго сальника, пескаря—все понапрасну! Точно и не видятъ! Иногда вдругъ одинъ пойдетъ, какъ будто понюхаетъ (и займется духъ отъ ожиданія у охотника), толкнетъ рыломъ насадку и отойдетъ прочь! Иногда случалось, что кусокъ опустился прямо на головля, лежащаго на днѣ, и что же? отодвинется немножко въ сторону и ляжетъ опять на песокъ, пошевеливая, какъ кормовымъ весломъ, чернымъ хвостомъ своимъ. Рыбаки обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что головли видятъ охотника и не берутъ изъ осторожности. Но Богъ знаетъ, справедливо ли это объясненіе: сторожкая пугливая рыба, увидѣвъ какую бы то ни было движущуюся фигуру, можетъ уплыть прочь, спрятаться—это понятно; но дальнѣйшихъ соображеній осторожности я не признаю: почему же головли берутъ рѣдко и въ глубокихъ мѣстахъ, въ водѣ непрозрачной, гдѣ рыбака рѣшительно не видно? Нѣтъ, тутъ должны быть другія причины, которыхъ мы не знаемъ.—Говоря о головлѣ, считаю не лишнимъ разсказать случай, служащій доказательствомъ, что никогда не должно брать рукою за лесу, вытаскивая большую рыбу, о чемъ я упомянулъ выше. Удилъ я одинъ разъ, послѣ обѣда, рано весною, въ верху большого пруда (то-есть въ материкѣ), заросшаго камышами. Я стоялъ на узкой стрѣлкѣ: такъ назывался мысъ, залитый съ трехъ сторонъ водою. Крупная рыба еще не начинала брать. Три мои большія удочки лежали неподвижно; наконецъ тронуло на бѣлаго червя (сальника); два раза стаскивало, въ третій разъ я какъ-то ловко подсѣкъ и вытащилъ головлика. Видя, что крупная рыба не беретъ, я откинулъ большую удочку, взялъ среднюю, въ 6 волосковъ, насадилъ маленькаго сальника и закинулъ. Не успѣлъ я положить удилища, какъ наплавокъ исчезъ... подсѣкаю—огромная рыба!.. Гибкое удилище согнулось въ кольцо до самой руки. Сначала, по быстротѣ прямолинейныхъ движеній, я подумалъ, что это щука;

но рыба не замедлила меня разувѣрить: огромный головль, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ, вылетѣлъ на поверхность воды и началъ свои отчаянные прыжки... Тонкая леса моя была такъ крѣпка, удилище такъ гнутко, я водилъ такъ осторожно, что черезъ полчаса головль утомился. Я подвелъ его къ берегу, чтобы подхватить сачкомъ, но сачокъ былъ *малъ* и *мелокъ*, рыба въ немъ не умѣщалась [1]). Между тѣмъ вдругъ головль сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и выскочилъ на густую осоку, которая свѣсилась съ берега и была поднята подтопившею его водою: стоило только осторожно взять головля рукой, или накрыть его сачкомъ и вытащить на берегъ таскомъ; но я, столь благоразумный и терпѣливый, можно сказать искусный рыбакъ, соблазнился тѣмъ, что рыба лежитъ почти на берегу, что надобно протащить ее, всего какую-нибудь четверть аршина, до безопаснаго мѣста, схватилъ за лесу рукою и только натянулъ ее — головль взметнулся, какъ бѣшеный, леса порвалась, и онъ перевалился въ воду... Я потерялъ такую драгоцѣнную для охотника, особенно въ такое раннее весеннее время, добычу, что буквально былъ въ отчаяніи, да и до сихъ поръ не могу вспомнить этой потери равнодушно, хотя впослѣдствіи утѣшалъ себя тѣмъ, что написалъ идиллію: «Рыбачье горе»...

---

[1]) Вотъ доказательство сказаннаго мною выше, что сачокъ всегда долженъ быть глубокъ и не малъ.



12.

ЛЕЩЪ [1]) xv).

Опредѣлить съ точностью происхожденіе его имени довольно трудно. Легко быть можетъ, что слова: лещедь, лещедка, произошли отъ одного корня съ именемъ леща, ибо у широкой и плоской лещеди есть съ нимъ нѣкоторое подобіе; лещедкой же называется расколотый пенекъ дерева, или сучка, въ который ущемляется все то, что надобно придавить, сдѣлать плоскимъ. Круглой, плоской, широкой своей фигурой лещъ отличается отъ всѣхъ другихъ рыбъ; голова у него небольшая, особенно кажется такою по ширинѣ склада; ротъ еще меньше относительно величины всего тѣла. Лещи бываютъ огромной величины и вѣсу: достигаютъ почти аршинной длины, двухъ четвертей ширины и, въ то же время, только до двухъ вершковъ толщины въ спинѣ. Я отъ многихъ слыхалъ, что лещи попадаются въ восьмнадцать фунтовъ, но самъ не видалъ больше двѣнадцати фун-

---

1) Abramis brama L. Иногда *лящь;* въ южной Россіи также *чебакъ.*

К. Р.

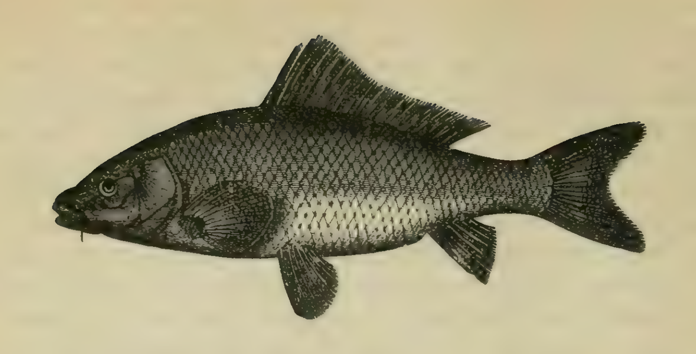
товъ. Они бываютъ желтовато-золотистаго и сѣровато-серебристаго цвѣта, но первые рѣдки; брюхо — бѣлое. Чешуя на нихъ крупная, хвостъ и перья сизые и очень небольшіе, глаза бѣлые съ темными зрачками. Фигура леща непріятна, она представляетъ что-то уродливое. Онъ не сноситъ воды холодной и появляется въ рѣкахъ послѣ всѣхъ рыбъ; преимущественно водится во множествѣ въ рѣкахъ тихихъ, глубокихъ, тинистыхъ, имѣющихъ много плесъ и заливовъ; особено любитъ большіе пруды и озера; икру мечетъ въ апрѣлѣ въ самое водополье. Я помню, что въ рѣка Бугурусланѣ, Оренбургской губерніи, когда она была еще мало заселена, сначала водилось много головлей и мало язей; потомъ разведось множество язей, а головлей стало мало; лещи же, сколько ихъ ни пускали въ прудъ, никакъ не разводилися, хотя верстъ двадцат ниже, гдѣ наша рѣка впадаетъ въ другую, именно въ *Насягай*, лещей было довольно. Теперь же, и въ прудѣ Бугуруслана, и по всей рѣкѣ, лещей развелось множество [1]). Очевидно, что прозрачная и необыкновенно холодная вода рѣки, отъ многихъ мельницъ и новыхъ поселеній, постепенно дѣлалась мутнѣе, теплѣе, такъ что наконецъ стали въ ней держаться лещи. Впрочемъ, былъ употребленъ для разведенія ихъ тотъ способъ, о которомъ я говорилъ въ статьѣ „о рыбахъ вообще". — Небольшіе лещи называются *подлещиками*. Иные считаютъ ихъ особою породою рыбы; но, по-моему, это несправедливо. Весной, едва рѣки начнутъ входить въ берега и воды проясняться,—какъ начинается самый жадный клевъ лещей, потому что они тощи, голодны послѣ изверженія икры и молóкъ, какъ и всякая рыба, а корму еще мало. Они берутъ на червяка навознаго и земляного, но всего охотнѣе на перваго. Впрочемъ ихъ можно прикормить хлѣбомъ и распаренными зернами; они хорошо берутъ на размоченный горохъ. Для уженья, если оно производится въ рѣкахъ, избираются мѣста тихія и глубокія, всего лучше заводи и заливы. Въ прудахъ и озерахъ можно выбирать мѣсто, какое угодно, но, разумѣется, глубокое, имѣющее гладкое покатое дно и удобный берегъ для вытаскиванія добычи. Въ нѣкоторыхъ водахъ они водятся въ такомъ изобиліи и съ весны клюютъ такъ охотно и вѣрно, что ихъ можно выудить невѣроятное количество. Я разумѣю

---

1) Эта перемѣна произошла черезъ сорокъ лѣтъ.

лещей среднихъ: очень крупные берутъ всегда рѣдко. Удить надобно со дна, на двѣ и на три удочки; лещъ беретъ тихо и ведетъ наплавокъ, не вдругъ его погружая: всегда успѣешь схватить удилище и подсѣчь. Удочки лучше употреблять большія, а крючки средніе, насаживая по нѣскольку червяковъ навозныхъ, или по одному, ибо лещъ беретъ безъ церемоніи на обѣ насадки. Первые его порывы на удочкѣ бываютъ очень сильны, но онъ скоро утомляется и всплываетъ наверхъ, какъ деревянный заслонъ: тутъ весьма удобно подвести его къ берегу, подхватить сачкомъ и даже просто взять рукою. Это я говорю о лещахъ средней величины, то-есть, около четырехъ фунтовъ. Но первыя движенія огромнаго леща, то-есть, фунтовъ около восьми, десяти, такъ порывисты и упорны, что надобно крѣпкую лѣсу, очень гнуткое удилище и много умѣнья и ловкости, чтобы выдержать ихъ благополучно. Вотъ для чего лучше употреблять удочки большого разбора. Говорю это по разсказамъ; я самъ мало уживалъ лещей и нетяжеле пяти фунтовъ. Многіе охотники страстно любятъ весенній клевъ лещей, который продолжается недѣли двѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, чѣмъ рыба больше, тѣмъ лестнѣе ее выудить, а потому и огромные лещи, которые берутъ не часто, представляютъ для охотника заманчивое уженье; но тасканіе лещей мелкихъ, то-есть подлещиковъ, вѣсомъ фунтовъ до двухъ, которые берутъ безпрестанно, до чрезвычайности вѣрно и однообразно, сейчасъ всплываютъ на верхъ и неподвижные вытаскиваются на берегъ, какъ деревянныя щепки,—по-моему совсѣмъ не весело: я пробовалъ такое уженье, и оно мнѣ не понравилось. Для меня гораздо пріятнѣе выудить леща, между многими другими рыбами, въ продолженіи лѣта и въ началѣ осени, когда уже онъ беретъ рѣдко.

Лещи бываютъ очень жирны, если хотите вкусны, но какъ-то грубо-приторны, а большіе—и жестки; впрочемъ изрѣдка можно поѣсть съ удовольствіемъ бокъ жаренаго леща, то-есть, ребра, начиненныя кашей: остальныя части его тѣла очень костливы.



13.

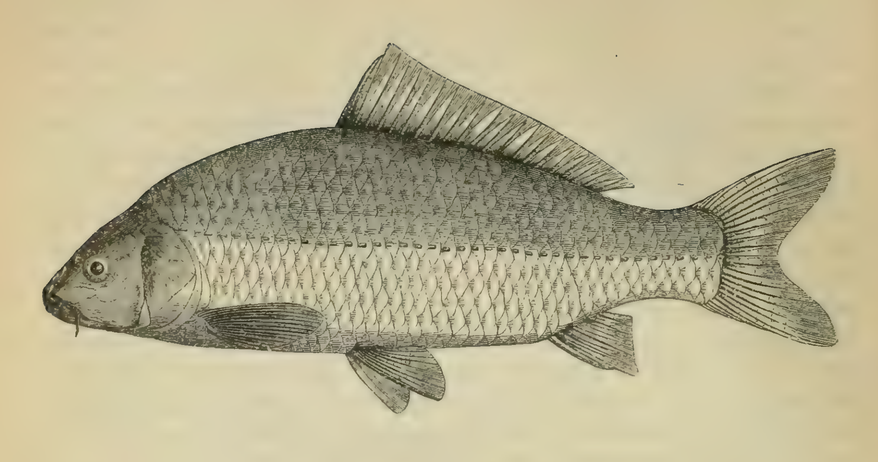
САЗАНЪ [1]).

Производства его имени сдѣлать не умѣю; ужъ полно русское ли оно? — Сазанъ очень красивая рыба, достигающая пудоваго вѣса. Прежде я не слыхивалъ, чтобъ сазаны водились въ рѣкахъ средней величины. Въ Оренбургскую, Симбирскую и другія низовыя губерніи обыкновенно ихъ привозили зимою въ значительномъ количествѣ съ большихъ рѣкъ и преимущественно съ Урала, въ который набиваются они съ взморья въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, что оно можетъ показаться баснословнымъ. Но лѣтъ двадцать тому назадъ, въ рѣкѣ Свіягѣ, протекающей подъ самымъ Симбирскомъ, вдругъ появились сазаны, сначала средней величины и крупные, а впослѣдствіи уже развелось и множество мелкихъ. Не утверждаю за вѣрное, но мнѣ сказывали, что въ верховьѣ этой самой рѣки у какого-то помѣщика былъ огромный прудъ, не уходившій лѣтъ сорокъ, въ которомъ онъ развелъ сазановъ (карпій) въ изобиліи; но вдругъ этотъ прудъ прорвало, сазаны ушли и распространились по всей рѣкѣ. Конечно, всего ближе было зайти сазанамъ изъ Волги, въ которую Свіяга впадаетъ; но почему же они не заходили прежде? Какъ бы то ни было, но появленіе сазановъ открыло новое превосходное уженье для Симбирскихъ рыбаковъ-охотниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ уже появились сазаны и въ

---

1) Смотри *Карпію* *К. Р.*

другихъ небольшихъ рѣкахъ Симбирской и даже Пензенской губерніи. [xvi]) Мнѣ самому удалось выудить нѣсколько сазановъ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ. Безъ сомнѣнія, они бойчѣе на удочкѣ всякой другой рыбы. Сазанъ беретъ тихо и везетъ наплавокъ съ возрастающей скоростью, не вдругъ погружая его въ воду; но какъ скоро вы его подсѣчете, онъ бросается съ невѣроятною быстротою прямо отъ васъ, діагонально поднимаясь къ верху и вытягивая въ прямую линію лесу и удилище. Не ожидая сначала такого маневра, я потерялъ нѣсколько сазановъ и крючковъ; довольно толстыя лесы въ одну минуту были порваны. Для уженья крупныхъ сазановъ употребляютъ удочки самаго большого размѣра и особенно крѣпкія лесы. Сазанъ клюетъ только на навознаго и земляного червяка. Самый лучшій клёвъ—весною. Сазанъ очень красивъ: онъ покрытъ необыкновенно-крупною, темно-желтозолотистою чешуей: кажется, будто по золотистому полю онъ весь усыпанъ гвоздиками, что напоминаетъ красивую чешую головля. Онъ довольно широкъ, при первомъ взглядѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ карасемъ, но горбатѣе, уже и длиннѣе его; около краевъ рта имѣетъ два толстые, короткіе и мягкіе уса, оканчивающіеся кругловатыми и плоскими головками. Сазана я рѣшительно признаю за одну и ту же рыбу съ карпіей по совершенному ихъ сходству во всемъ, хотя говорю о каждой особо. У большого сазана мясо нѣсколько грубо, а мелкіе сазаны очень вкусны.



14.

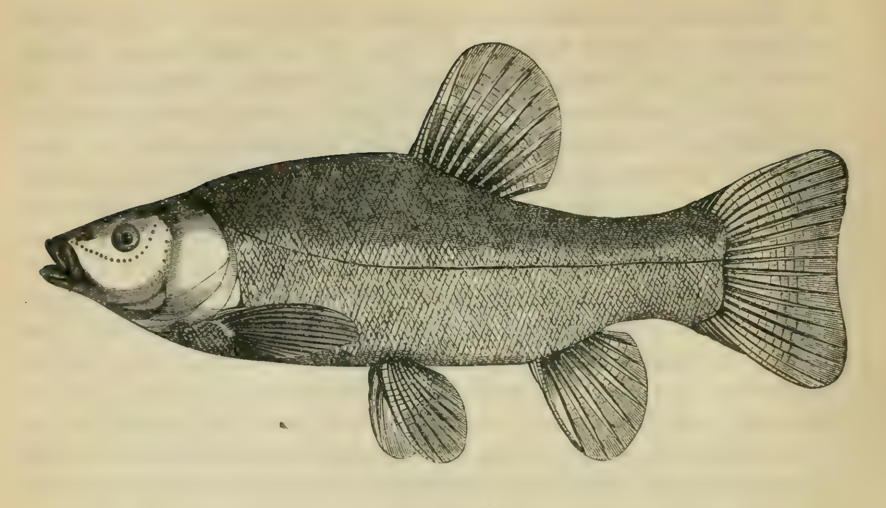
КАРПЪ, или КАРПІЯ [1]) XVII).

Карпъ имя иностранное, а карпія – передѣланное на русскій ладъ. Говоря о сазанѣ, я уже сказалъ, что онъ и карпія—одна и та же рыба, съ тою разницею, что карпія въ прудахъ имѣетъ цвѣтъ не яркій а сѣровато-грязный, и не достигаетъ такой огромной величины, какъ сазаны, водящіеся въ большихъ рѣкахъ и особенно въ ихъ устьяхъ, при впаденіи въ море: въ астрахани, напримѣръ, уловъ сазановъ бываетъ невѣроятно великъ, и замѣчателенъ какъ по множеству, такъ и по крупнотѣ ихъ. Въ самой Москвѣ много водилось карпій въ разныхъ прудахъ, особенно въ Прѣсненскихъ, и прудахъ Дворцоваго сада, который нынѣ принадлежитъ Кадетскому корпусу. Въ окрестностяхъ Москвы рѣдко найдешь хорошій прудъ, проточный или непроточный, все равно, лишь бы довольно большой, на которомъ бы не были разведены карпіи. Въ прудахъ долго нечищенныхъ и заглохшихъ тиной карпіи переводятся; нерѣдко дохнутъ они въ прудахъ и отъ того, что въ продолженіи долгихъ зимъ не заботятся о достаточномъ количествѣ ежедневныхъ прорубей, отъ чего вода сдыхается и портится.—Карпіи охотно клюютъ

---

[1]) Cyprinus carpio L. Въ южной Россіи *коропъ* и *сазанъ*. *К. Р.*

на земляного и навознаго червяка. На удочкѣ очень бойки и сильны, клюютъ больше со дна. Я не слыхивалъ, чтобъ около Москвы попадались карпіи въ рѣкахъ; пойманныя же въ прудахъ часто пахнутъ тиной, если дно въ нихъ тинисто. Впрочемъ, ихъ можно такъ же, какъ карасей, сажать въ прорѣзныя сажалки, въ проточную свѣжую воду: онѣ скоро потеряютъ запахъ тины и получатъ свой обыкновенный пріятный вкусъ. Карпіи, разводимыя въ прудахъ, легко пріучаются къ прикормкѣ въ назначенный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ: если во время ихъ кормленія звонить постоянно въ колокольчикъ, то онѣ такъ къ нему привыкнутъ, что станутъ собираться на звонъ колокольчика, даже и не въ урочное время. Вѣроятно, и другихъ рыбъ можно пріучить къ тому же. Въ Москвѣ есть еще люди, которые помнятъ эту продѣлку въ Нескучномъ саду, когда онъ принадлежалъ князю Шаховскому. Весьма недавно въ Прѣсненскихъ прудахъ водилось множество карпій очень крупныхъ; народъ любилъ кормить ихъ калачами. Въ самомъ дѣлѣ, это было забавное зрѣлище: какъ скоро бросятъ калачъ въ воду, то нѣсколько изъ самыхъ крупныхъ карпій (а иногда и одна) схватятъ калачъ и погрузятъ его въ воду; но, не имѣя возможности его откусить, скоро выпустятъ изо рта свою добычу, которая сейчасъ всплыветъ на поверхность воды; за нею немедленно являются и карпіи, уже въ бо̀льшемъ числѣ и съ большею жадностью и смѣлостью схватываютъ калачъ со всѣхъ сторонъ, таскаютъ, дергаютъ, ныряютъ съ нимъ, и какъ скоро онъ немного размокнетъ, то разрываютъ на куски и проглатываютъ въ одну минуту. Всѣ эти продѣлки провожалъ народъ громкими восклицаніями и хохотомъ. Мнѣ не удавалось удить много ни сазановъ, ни, такъ называемыхъ, карпій, но по разсказамъ охотниковъ должно заключить, что это уженье, особенно въ рѣкахъ или большихъ прудахъ, очень пріятно, добычливо и требуетъ въ то же время умѣнья, осторожности и сачка: ибо крупная карпія — самая бойкая, сильная и неутомимая рыба.



15.

ЛИНЬ [1]) XVIII).

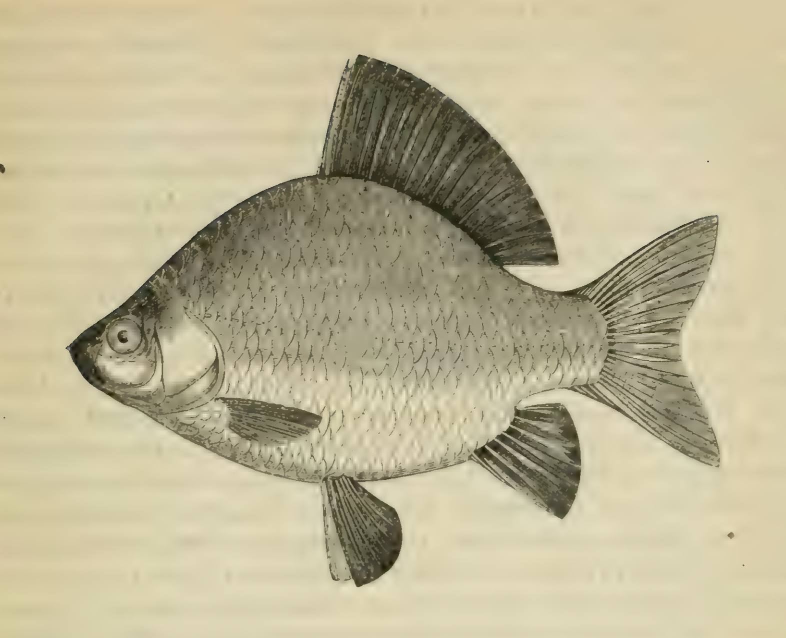
Хотя можно имя его произвесть отъ глагола *льнуть*: потому что линь, покрытый липкою слизью, льнетъ къ рукамъ; но я рѣшительно полагаю, что названіе линя происходитъ отъ глагола *линять:* ибо пойманный линь, даже въ ведрѣ съ водою или кружкѣ, особенно если ему тѣсно — сейчасъ полиняетъ, и по всему его тѣлу пойдутъ большія, темныя пятна, да и вынутый прямо изъ воды имѣетъ цвѣтъ двуличневый, линючій. Безъ сомнѣнія, народъ замѣтилъ такую особенность линя и далъ ему характерное имя. Линь складомъ своего стана нѣсколько схожъ съ яземъ, только немного шире, толще его и какъ-то четвероугольнѣе; онъ покрытъ мельчайшею чешуей темно-зеленаго, золотистаго цвѣта, которую трудно разглядѣть простыми глазами; онъ весь какъ будто обмазанъ густою слизью, глаза имѣетъ маленькіе, ярко-красные: хвостъ и перья толстые, мягкіе и темные; ротъ небольшой. Линь достигаетъ значительной величины; увѣряютъ, что лини бываютъ въ четырнадцать фунтовъ вѣсомъ, но я не видывалъ линя болѣе восьми фунтовъ. Надобно сказать, что я

---

1) Tinca vulgaris, C. Во всей Россіи называется одинаково. *К. Р.*

не совсѣмъ вѣрю большой величинѣ и вѣсу многихъ рыбъ, о которыхъ разсказываютъ рыбаки и охотники; часто они судятъ по глазомѣру и по рукѣ, и очень ошибаются. Вотъ, напримѣръ, лини: сколько я ихъ переудилъ въ жизнь мою, сколько видѣлъ выуженныхъ другими, или пойманныхъ разными рыболовными снастями; какъ бы мнѣ не встрѣтить, хотя одного, если не въ четырнадцать, то хоть въ десять или двѣнадцать фунтовъ? — Видѣнный и взвѣшенный мною на безмѣнѣ, восьми-фунтовый линь былъ длиною въ двѣ четверти съ вершкомъ, но за то чрезвычайно толстъ. Лини клюютъ на хлѣбъ, на земляныхъ и навозныхъ червей, на раковыя шейки и на линючихъ, небольшихъ раковъ: имъ трудно заглатывать крупныхъ. Самый клевъ линей въ рѣкахъ (правильнѣе сказать: въ заливахъ рѣкъ, и то въ самыхъ тихихъ, и то рано весною), озерахъ и прудахъ начинается сейчасъ по слитіи вешнихъ водъ; лѣтомъ они берутъ уже въ однихъ прудахъ, то есть: въ ихъ травянистыхъ полояхъ и верховьяхъ, изрѣдка даже въ материкѣ пруда; но въ рѣкѣ незапруженной, лѣтомъ, уже ни за что линя не выудишь. Въ Оренбургской губерніи я уживалъ линей и помногу, въ сентябрѣ, даже при небольшихъ морозахъ, по глубокимъ мѣстамъ въ полояхъ пруда, обросшихъ кругомъ травою; но около Москвы этого клева не существуетъ: какъ скоро похолодѣетъ, всѣ лини изъ заливовъ и травъ уйдутъ, а въ материкѣ не берутъ. Линь хорошо водится въ рѣкахъ тихихъ, тинистыхъ и травянистыхъ; холодной воды не любитъ, но всего больше размножается въ проточныхъ прудахъ, озерахъ и даже въ прудахъ непроточныхъ, небольшихъ. Рыбаки говорятъ, что лини мечутъ икру два раза въ годъ: въ мартѣ и августѣ. Нисколько того не утверждая, я замѣчу, однако, что лучшій клевъ линей бываетъ въ апрѣлѣ и сентябрѣ, какъ-будто послѣ метанья икры. Заводи, заливы, полои, непремѣнно поросшіе травою,—вотъ любимое мѣстопребываніе линей; ихъ надобно удить непремѣнно со дна, если оно чисто; въ противномъ случаѣ, надобно удить на-вѣсу и на нѣсколько удочекъ; они берутъ тихо и вѣрно: по большей части, наплавокъ безъ малѣйшаго сотрясенія, непримѣтно для глазъ, плыветъ съ своего мѣста въ какую-нибудь сторону, даже нерѣдко пятится къ берегу—это линь; онъ взялъ въ ротъ крючокъ съ насадкой и тихо съ нимъ удаляется; вы хватаете удилище, подсѣкаете, и жало крючка пронзаетъ какую-нибудь часть его

мягкаго, тѣснаго, какъ бы распухшаго внутри рта: линь упирается головой внизъ, поднимаетъ хвостъ кверху, и въ такомъ положеніи двигается очень медленно по тинистому дну, и то, если вы станете тащить; въ противномъ случаѣ онъ способенъ пролежать камнемъ нѣсколько времени на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда вы почувствуете, что линь очень великъ, то не надобно торопиться и тащить слишкомъ сильно: можно переломить крючокъ, если онъ воткнулся въ лобковую кость его рта и пришелся на взломъ: держите лесу слегка въ натяжку и дожидайтесь, когда линь рѣшится ходить: тогда начинайте водить, и водите долго, ибо онъ очень силенъ и не скоро утомляется; берегитесь травы: онъ сейчасъ въ нее бросится, запутается и готовъ оставаться тамъ нѣсколько часовъ. Далѣе поступайте такъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ большою рыбою. Линь очень рѣдко срывается, развѣ порвется леса или сломится крючокъ. Уженье линей на мелкихъ мѣстахъ, посреди густыхъ водяныхъ травъ, что случается очень часто, требуетъ особенной ловкости и умѣнья: запутавшись, завертѣвши лесу за траву,—линь вдругъ останавливается неподвижно; разумѣется, тащить не должно; но если рыбакъ, ожидая времени, когда линь придетъ въ движеніе, опуститъ удилище и будетъ держать лесу слишкомъ наслаби, то иногда линь съ такою быстротою бросается въ сторону, что вытянетъ лесу въ прямую линію и сейчасъ ее порветъ (разумѣется, линь большой); а потому совѣтую удить въ травахъ на лесы самыя толстыя, крѣпкія и употреблять удилища не слишкомъ гибкія. По своей мягкости и живучести, маленькіе линьки служатъ отличной насадкой на хищную рыбу. Уха изъ линей густа и питательна, имѣетъ вмѣстѣ особенный, довольно пріятный, сладимый вкусъ; но всего лучше ихъ сушить въ сметанѣ. Лини часто пахнутъ тиной, отъ чего легко ихъ избавить, посадивъ въ плетеневую сажалку и поставивъ недѣли на двѣ въ проточную воду. Въ сажалкѣ надобно кормить ихъ печенымъ хлѣбомъ, отъ чего они скоро разжирѣютъ.



16.

КАРАСЬ [1]). XIX).

Самая плодовитая и вездѣ во множествѣ водящаяся рыба. Складомъ своимъ широкъ и кругловатъ; фигура его составляетъ средину между красноперкой и лещомъ, то есть онъ шире красноперки и уже леща; покрытъ чешуей серебрянаго или золотого цвѣта. И бѣлые, и желтые караси (какъ называютъ ихъ безъ церемоніи рыбаки) живутъ иногда въ одной и той же водѣ вмѣстѣ. Въ небольшихъ копаныхъ прудахъ во множествѣ попадаются караси средняго, переходнаго отъ бѣлаго къ желтому, какъ-будто розоваго цвѣта: вѣроятно это помѣсь. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что караси желтые нѣсколько круглѣе и перья имѣютъ красныя, особенно нижнія; у бѣлыхъ же они сѣровато сизыя.

---

1) Различаютъ два вида карасей: 1) *желтаго золотого, широкаго* или *круглаго*, или *озернаго* (Carassius vulgaris, Nils.) и 2) *серебрянаго, бѣлаго, продолговатаго рѣчного* (Carassius gibelio, Bl.). *К. Р.*

Вообще карась—складная и красивая рыба, преимущественно золотой. Многіе увѣряли меня, что караси бываютъ въ десять и даже двѣнадцать фунтовъ, но я долго этому не вѣрилъ. Переудивши въ жизнь мою неизсчетное множество карасей, я ни одного не выудилъ тяжеле двухъ съ половиною фунтовъ. Помню я въ дѣтствѣ моемъ, какъ тянули неводами заливныя озера по рѣкѣ Бѣлой (это было тогда, когда Оренбургская губернія называлась еще Уфимскою), какъ съ трудомъ вытаскивали на зеленый берегъ, туго-набитую рыбой, *мотню* [1]), какъ вытряхивали изъ нея цѣлый возъ большихъ щукъ. окуней, карасей и плотвы, которые распрыгивались во всѣ стороны; помню, что иногда удивлялись величинѣ карасей, взвѣшивали ихъ потомъ, и ни одинъ не вѣсилъ болѣе пяти фунтовъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прислалъ мнѣ зимой въ Москву одинъ пріятель (Ѳ. И. В.) нѣсколько мерзлыхъ карасей, пойманныхъ въ Костромской губерніи; всѣ они были необыкновенной величины, или, лучше сказать, толщины, потому что карась, достигнувъ двухъ четвертей съ небольшимъ длины, начинаетъ рости только въ толщину; одинъ изъ обывателей Чухломскихъ водъ вѣсилъ девять фунтовъ! Вотъ было бы весело поймать такого карася-исполина на удочку! И такъ, почему же не быть карасямъ и въ двѣнадцать фунтовъ? Живя въ Оренбургской губерніи, я и не слыхивалъ объ уженьѣ карасей. При изобиліи всякой крупной рѣчной рыбы, конечно, никакой охотникъ не станетъ думать о карасяхъ. Я познакомился съ ними по необходимости, проводя лѣтнее время гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Москвы. Тутъ вездѣ есть копаные пруды, иногда очень большіе и глубокіе, поддерживаемые открывшимися на днѣ родниками и отъ того всегда имѣющіе хорошую воду; карасей разведено почти вездѣ множество, и я волею-неволею полюбилъ это уженье. Караси начинаютъ брать весною позднѣе другой рыбы; надобно, чтобъ теплота воздуха и весенніе лучи солнца прогрѣли воду и тѣмъ подняли карасей съ тинистаго дна, изъ глубокихъ ямъ, куда они забиваются на зиму. Если очень холодно, то въ началѣ сентября перестаютъ брать; а если тепло, то берутъ до октября. Всего охотнѣе караси клюютъ на красныхъ навозныхъ червяковъ, или глистъ, но берутъ и на земляныхъ чер-

---

1) Мотнею называютъ остроконечный длинный мѣшокъ, находящійся въ срединѣ невода.

вей и на хлѣбъ: къ послѣднему надо ихъ пріучить, бросая куски хлѣба для прикормки. Я выудилъ одинъ разъ неожиданно желтаго карася на раковую шейку, предназначенную для линя; и такъ караси могутъ брать и на рака. Ежели въ прудѣ водятся и бѣлые и желтые караси, то на хлѣбъ будутъ брать преимущественно желтые, а на червяка—бѣлые: исключенія довольно рѣдки. Если же и возьметъ на хлѣбъ бѣлый карась, то уже почти всегда не маленькій. Странность необъяснимая, потому что бѣлый карась точно такъ же ѣстъ хлѣбную прикормку, какъ и желтый. Хотя караси, по большей части, водятся въ озерахъ и копаныхъ прудахъ, и рѣдко попадаются въ заливахъ проточныхъ прудовъ, но никакъ нельзя сказать, что они не живутъ въ рѣкахъ. Я очень часто замѣчалъ, что въ рѣкѣ карасей повидимому нѣтъ, а во всѣхъ озеркахъ и заводкахъ, наливающихся припруженною водою этой же самой рѣки, вездѣ есть караси. Они разводятся въ невѣроятномъ количествѣ въ самыхъ нечистыхъ водахъ, и первые годы растутъ очень скоро, какъ и всякая рыба. Но, живя въ водахъ нечистыхъ, слѣдовательно теплыхъ, караси точно также могутъ жить въ водѣ самой холодной. Вотъ какое тому доказательство видѣлъ я самъ: въ двухъ верстахъ отъ меня, въ мордовской деревушкѣ «Киватское», была прорванная мельничная плотина, брошенная болѣе десяти лѣтъ; противъ того мѣста, гдѣ былъ прежде вешнякъ, всегда стояла, полная съ краями, глубокая яма воды, студеной какъ ледъ, изъ которой вытекалъ ручеекъ: несомнѣнный признакъ, что въ ямѣ былъ родникъ. Почти всякій день проѣзжалъ я на охоту съ ружьемъ мимо этого мѣста. Одинъ разъ, возвращаясь съ охоты, въ исходѣ іюня, вижу я кучу народа около вышесказанной ямы. Я зашелъ посмотрѣть, что тутъ дѣлаютъ. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что нѣсколькими бреднями ловили въ ямѣ карасей, и уже поймали болѣе воза. Караси были всѣ желтые, всѣ одинаковой средней величины. Ловившіе рыбу дрожали отъ холода, несмотря на жаркое время. Никогда никому не входило въ голову, чтобъ въ этой ямѣ могла держаться рыба, особенно караси: мальчишки увидѣли плавающія по верху темныя тучи какой то рыбы и разсказали о томъ въ деревнѣ.

Клевъ карасей чрезвычайно неодинаковъ; иногда они берутъ безпрестанно и очень вѣрно: тронутый наплавокъ даетъ около себя одинъ или нѣсколько кружковъ и отправ-

ляется въ сторону, но погружается рѣдко; тутъ довольно времени схватить удилище и подсѣчь; тутъ можно удить на нѣсколько удочекъ и разложить спокойно свои удилища на чемъ случится; но иногда, въ томъ же самомъ пруду, караси начнутъ клевать до того осторожно, или, лучше сказать, невѣрно, что надобно удить на одну удочку и держать удилище въ рукѣ, потому что должно уловлять, посреди трогань я и поталкиванья, малѣйшую потяжку наплавка; промаховъ будетъ не мало, но иначе ничего не выудишь; въ этомъ случаѣ гораздо вѣрнѣе удить на хлѣбъ. Впрочемъ, иногда караси берутъ только на хлѣбъ, иногда только на червей. Перемѣну въ характерѣ клева я объясняю тѣмъ, что покуда держатся около удочекъ караси средніе, ровные, то клевъ продолжается вѣрный; когда же привалятъ стаи мелкихъ карасей (вотъ почему не годится бросать много прикормки), то начнется одно пустое троганье и поталкиванье, такъ что порядочный карась долженъ протѣсняться сквозь кучу мелкихъ и не можетъ взять тихо и спокойно, а беретъ также урывками, хватая за хвостъ червяка, слѣдственно также невѣрно. Впрочемъ, и то надобно сказать, что когда въ небольшомъ прудѣ выужено значительное количество карасей, да у числа, вдвое бо̀льшаго, прорваны, оторваны [1]) или поранены губы, то и карась, какъ онъ ни простъ, долженъ сдѣлаться осторожнымъ.

Для хлѣбной насадки надобно употреблять удочки маленькія, а для червяка — среднія. Очень ранняго вставанья по утрамъ не нужно. Въ лѣтніе жаркіе и красные дни, какъ скоро сядетъ солнце, караси начинаютъ ходить около береговъ; въ это время и удочки надобно закидывать какъ можно ближе къ берегу. Въ полдень же они подымаются наверхъ и черными большими пятнами, какъ пролитая смола, то темнѣе, то свѣтлѣе, тихо передвигаются съ мѣста на мѣсто по поверхности воды; тутъ надобно пускать наплавки какъ можно мельче, ибо въ это время караси берутъ очень мало со дна. Крупные караси—я разумѣю карасей около двухъ фунтовъ—попавъ на удочку, довольно бойко бросаются въ сторону, вертя и головой и всѣмъ тѣломъ и виляя хвостомъ; я предполагаю, что у самыхъ большихъ карасей этотъ маневръ можетъ быть

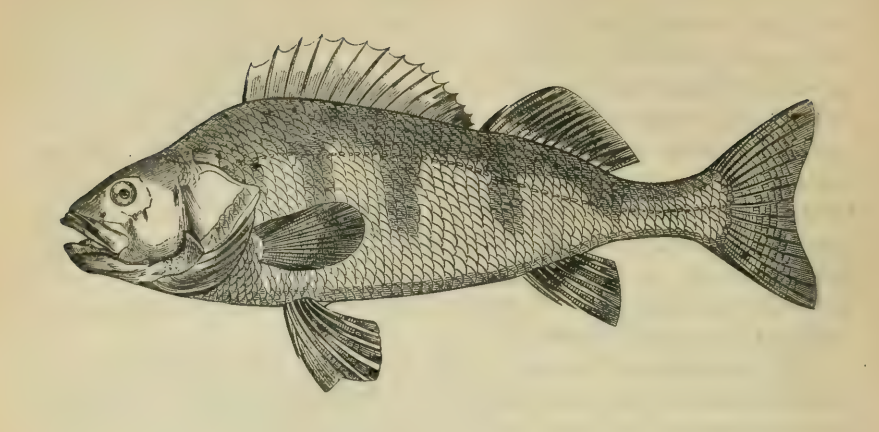
---

[1]) Отъ сильной подсѣчки нерѣдко совсѣмъ отрываются у карасей (и у всякой мелкой рыбы) губы, которыя, точно какъ колечко, держатся на кожицѣ, вытягиваясь въ нужномъ случаѣ на подобіе небольшого хоботка.

опасенъ, и потому надобно стараться сейчасъ повернуть карася въ сторону, не давая натянуть лесы; карась скоро утомляется и всплываетъ на верхъ бокомъ, какъ лещь. Сушеные и особенно жареные въ сметанѣ караси — превосходнѣйшее блюдо; но какъ они живутъ въ прудахъ; то вкусъ ихъ зависитъ отъ качества воды, и они часто пахнутъ тиной. Впрочемъ, если такихъ карасей насажать въ плетеную сажалку и опустить въ чистую, проточную воду, то черезъ двѣ, много черезъ три недѣли, они потеряютъ непріятный вкусъ и слѣлаются очень хороши. Карась самая живущая рыба, и потому мелкіе карасики служатъ отличною насадкою для всякой крупной, хищной рыбы.

Двѣ послѣднія породы рыбъ: линь и карась, имѣютъ особенный характеръ, имъ только свойственный. Ихъ можно назвать *тинистыми*, ибо они только тамъ разводятся въ изобиліи, гдѣ вода тиха и дно ея покрыто тиной. Тина — ихъ атмосфера; на зиму они рѣшительно въ нее забиваются и остаются живы даже тогда, когда въ жестокія безснѣжныя зимы, въ мелкихъ прудахъ и озерахъ, вся вода вымерзаетъ и только остается на днѣ мокрая, тинистая грязь.

Теперь я приступаю къ описанію хищныхъ рыбъ.



17.

ОКУНЬ [1]) XX).

Ужъ право и не знаю, откуда произвести его имя. Не происходитъ ли оно отъ глагола *окунать:* ибо окунь всегда окунаетъ, то-есть, погружаетъ въ воду наплавокъ, и даже не одинъ разъ, если кусокъ, имъ заглатываемый, слишкомъ великъ?... но я нисколько не стою за такое словопроизводство.

Послѣ плотвы, окунь самая многочисленная порода рыбы. Въ рѣкахъ, озерахъ, въ прудахъ проточныхъ и даже непроточныхъ, лишь бы вода была свѣжа, — онъ разводится изобильно. Окунь довольно широкъ станомъ, горбоватъ, покрытъ чешуей зеленоватаго, нѣсколько золотистаго цвѣта; на спинѣ имѣетъ гребень съ острыми иглами, и между имъ и хвостомъ плавательное перо; хвостъ и особенно нижнія перья красные, брюшко бѣловатое, глаза желтые съ черными зрачками; поперекъ всего тѣла лежатъ пять полосъ, что дѣлаетъ его пестрымъ и вообще очень красивымъ. На щекахъ, покрывающихъ его жабры, онъ имѣетъ по одной иглѣ, которыми очень больно колется, если его возьмешь неосторожно; большой ротъ и широкое горло показываютъ способность глотать большіе куски, несоразмѣрные даже съ его ростомъ, и обличаютъ хищную

---

[1]) Perca fluviatilis, L. Во всей Россіи называется одинаково. *К. Р.*

его породу. Окунь достигаетъ значительной величины и особенно вѣса. По разсказамъ людей, впрочемъ достовѣрныхъ, бываютъ окуни въ двѣнадцать фунтовъ; но я видѣлъ только въ восемь фунтовъ, и то мерзлыхъ, привозимыхъ съ Урала. Самъ я выудилъ окуня въ три съ половиною фунта, и тяжеле его живыхъ не видывалъ. Въ длину окунь не выростаетъ много, что я особенно замѣтилъ, сравнивая восьмифунтового окуня, который былъ двухъ четвертей съ половиною длины и четыре вершка ширины, съ окунемъ въ три съ половиною фунта: въ длинѣ не было такой большой разницы, какой слѣдовало бы ожидать. Но за то окунь растетъ въ толщину, которая простирается въ спинѣ до двухъ съ половиной вершковъ. Окуни начинаютъ клевать весною, какъ только прояснится вода, и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вода покроется льдомъ, даже берутъ зимой въ прорубяхъ; впрочемъ, я никогда не пробовалъ зимняго уженья. Въ исходѣ апрѣля окуни полны икрой, которую мечутъ въ маѣ. Выметавъ икру, начинаютъ они брать жаднѣе. Самый богатый клевъ окуней—въ августѣ и въ началѣ сентября, когда отъ легкихъ морозовъ вода сдѣлается чище, прозрачнѣе, и имъ будетъ не такъ удобно ловить мелкую рыбу [1]). Почти всѣ охотники очень любятъ уженье окуней и многіе предпочитаютъ его всѣмъ другимъ: во-первыхъ, потому, что окуни клюютъ часто, и если подойдетъ стая окуней (а осенью они собираются стаями), то ужъ немногіе изъ нихъ пойдутъ прочь, не хвативъ предлагаемой пищи; во-вторыхъ, потому, что они берутъ жадно и вѣрно, даже до того, что большею частью совсѣмъ проглатываютъ насадку; и наконецъ, въ-третьихъ, потому, что уженье ихъ не требуетъ осторожности. Окунь не только не боится шума и движенья воды, но даже бросается на нихъ, для чего палкой или толстымъ концомъ удильника нарочно мутятъ воду по дну у берега, ибо это похоже на муть, производимую мелкой рыбешкой. Средніе окуни чаще берутъ на-вѣсу, а крупные—со дна, если оно чисто. Съ весны надобно удить на червей, лѣтомъ — на раковыя шейки и линючихъ раковъ, и особенно на большія линючія раковыя клешни, которыя окуни очень любятъ; къ

[1]) Должно замѣтить, что это не вездѣ такъ. Около Москвы, напримѣръ, во второй половинѣ августа, клёвъ значительно уменьшается. Впрочемъ, здѣшнія рѣчки, отъ безпрестанныхъ мельницъ или фабрикъ, находятся постоянно въ подпрудѣ, и характера рѣкъ, текущихъ самобытно, то-есть, массою собственной, ненакопленной воды,—не имѣютъ.

осени же до самой зимы, всего лучше удить на маленькихъ рыбокъ; если же ихъ нѣтъ, что часто случается, то надобно поймать плотичку или какую-нибудь нехищную рыбку, изрѣзать ее на кусочки, крупные или мелкіе, смотря по рыбѣ, какая беретъ, и по величинѣ удочки, и насаживать ими крючки. Впрочемъ, окунь не разборчивъ и клюетъ почти всегда на всѣ вышеименованные насадки, даже на кусочки сырого мяса; на крупныхъ же земляныхъ червей окуни берутъ очень жадно во всякое время года [1]). Выгоднѣйшее время для уженья, безъ сомнѣнія, утро; но въ раннемъ вставаньѣ, до солнца, нѣтъ надобности. По утрамъ должно удить на мѣстахъ чистыхъ, открытыхъ, или *около* травъ; въ полденъ, напротивъ (разумѣется въ лѣтніе жары), окунь любитъ стоять въ тѣни, въ карягахъ подъ кустами, подъ навѣсомъ травъ и лопухами; слѣдовательно надобно удить въ *самыхъ* травахъ; вечеромъ же окунь опять ходитъ по мѣстамъ чистымъ и открытымъ. Если окуни берутъ не часто, то можно удить и на три удочки, изъ которыхъ одну, большого размѣра, насадивъ крупной насадкой, положить на дно, а двѣ пустить на-вѣсу. Если же окуни берутъ безпрестанно, то и съ двумя удочками трудно управиться. Тутъ уже дѣло не въ томъ, чтобы успѣть подсѣчь, а въ томъ, чтобы окуни не слишкомъ далеко заклевывали и не утаскивали удилищъ совсѣмъ въ воду. Далекое заклевыванье отнимаетъ много времени при доставаніи крючка, портитъ поводокъ и рыбу, отъ чего она сейчасъ умираетъ. Какъ скоро окунь повезъ наплавокъ или погрузилъ въ воду, сейчасъ надобно его вытаскивать. Окунь никогда не хватаетъ, не рветъ насадки съ разбѣга, съ размаха, какъ то дѣлаютъ многія нехищныя рыбы: клевъ его рѣшителенъ, серьезенъ, добросовѣстенъ, ибо никогда не обманчивъ. Я имѣлъ случай много разъ наблюдать его въ прозрачныхъ водахъ: завидя добычу, крупный окунь прямо бросается къ ней, сначала быстро, но чѣмъ ближе, тѣмъ медленнѣе приближаясь, разѣваетъ ротъ и, почти коснувшись губами куска, вдругъ останавливается неподвижно и, не дѣлая движенія ртомъ, какъ-будто потянетъ въ себя воду: крючокъ съ насадкой исчезаетъ, а окунь продолжаетъ плыть, какъ ни въ чемъ не бывало, увлекая за собой и лесу, и наплавокъ, и даже удилище. Ловя живую рыбу, онъ поступаетъ

---

1) Около Москвы, сколько я ни пробовалъ удить на кусочки рыбы или мяса,—окуни у меня никогда не брали.

иначе: стремительно бросается за нею и хватаетъ ее на бѣгу. Окунь почти никогда не срывается; промахи случаются также очень рѣдко. Правда, бываетъ иногда клевъ, который можетъ привести въ заблужденіе неопытнаго рыбака, ибо безпрестанно какая-то рыба утаскиваетъ наплавокъ, и безпрестанно промахи слѣдуютъ одинъ за другимъ; видя всякій разъ, что конецъ червяка оторванъ, охотникъ сначала считаетъ это шалостью ельцовъ или плотвы, хотя характеръ клева чисто окуневый. Между тѣмъ, посреди множества промаховъ, иногда вытаскиваетъ онъ порядочныхъ окуней, и убѣждается, что и окуни иногда шалятъ, обманываютъ, клюютъ невѣрно. Обвиненіе несправедливое. Всѣ сіи продѣлки происходятъ отъ самыхъ маленькихъ окуней, которые грѣшатъ невольно: ибо не могутъ заглотать ни длиннаго червяка, ни толстой раковой шейки; какъ же скоро подойдетъ окунь покрупнѣе, то сейчасъ возьметъ вѣрно, и рыбакъ его вытащитъ; чтобъ убѣдиться въ этомъ, надобно взять маленькую удочку, насадить маленькаго червячка и сейчасъ будетъ выуженъ крошечный окунишка. Если охотникъ не захочетъ дожидаться подхода окуней покрупнѣе, которымъ мелкіе сейчасъ уступятъ добычу, то надобно перейти на другое мѣсто, ибо стая окунишекъ, на которую онъ напалъ, не отстанетъ цѣлый день отъ его удочекъ.

Безспорно, что крупныхъ окуней удить весело (объ огромныхъ нечего и говорить), но я долженъ признаться, что частый клевъ окуней среднихъ и мелкихъ такъ однообразенъ, такъ вѣренъ, вытаскиванье ихъ такъ просто, что все это вмѣстѣ иногда можетъ такъ же наскучить, какъ и тасканье подлещиковъ. Искусство удить тутъ почти исчезаетъ, а съ нимъ— и весь интересъ уженья. Я знаю, что за это возстанутъ на меня многіе охотники, ибо клевъ окуней считаютъ лучшимъ, но я говорю откровенно свое мнѣніе. Большіе окуни очень упористы и сильны, и покуда не будутъ утомлены, ни за что наверхъ не выходятъ; для нихъ употребляются удочки большого размѣра, и несмотря на то, надобно ихъ вытаскивать осторожно; хотя огромный окунь не кидается быстро во всѣ стороны, но за то, стараясь упираться головою въ берегъ или дно, такъ круто поворачивается, что можетъ порвать и крѣпкую лесу.

Извѣстно, что окуни составляютъ превосходное и самое здоровое кушанье: приготовленные на холодное, а еще лучше печеные въ чешуѣ, они имѣютъ отличный вкусъ, и вдоба-

вокъ совсѣмъ не костливы. Уха изъ нихъ также очень хороша.

Отличительное свойство окуней—жадность, въ чемъ развѣ только щука можетъ съ ними равняться; уженье *на блесну*, о которомъ я поговорю особо, служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Я разскажу два убѣдительные примѣра этой жадности, случившіеся со мной. Въ одно прекрасное, лѣтнее утро, на большомъ озерѣ, называемомъ по-татарски: Кіишки [1]), таскалъ я плотву и подлещиковъ; вдругъ вижу, что на отмели, у самаго берега, выпрыгиваетъ изъ воды много мелкой рыбешки; я зналъ, что это происходитъ отъ преслѣдованія хищной рыбы; но видя, что возня не прекращается, пошелъ посмотрѣть на нее поближе. Что же я увидѣлъ? на отмели, острымъ угломъ вдавшейся въ берегъ, не глубже двухъ вершковъ, большая стая порядочныхъ окуней ловила мелкую рыбу, которая отъ неизбѣжной погибели выскакивала даже на сухой берегъ; окуни такъ жадно преслѣдовали свою добычу, что сами попадались на такую мель, съ которой уже прыжками добирались до воды поглубже: я даже поймалъ трехъ изъ нихъ руками. Не смотря на мое присутствіе, окуни не переставали гонять и ловить рыбу; я сбѣгалъ за своей удочкой и, насаживая мелкую рыбешку, лежавшую на берегу, и закидывая въ самую середину стаи, выудилъ тридцать хорошихъ окуней. Другой случай еще поразительнѣе: въ ненастную вѣтренную погоду пришелъ я удить окуней у мельничнаго кауза [2]), между сваями, его окружающими; едва только закинулъ я среднюю удочку, насаженную на раковую шейку, какъ пошелъ проливной дождь, отъ котораго я спрятался подъ крышею пильной; дождевая туча еще не пронеслась, какъ я услышалъ крикъ зовущаго меня мельника; я поспѣшно бросился къ нему, и вижу, что онъ возится съ моей удочкой, на которую взяла большая рыба; но я не успѣлъ прибѣжать во-время: мельникъ стоялъ съ однимъ удилищемъ

---

[1]) „Кіишки" по-русски значитъ длинный. Это озеро находится въ 30 верстахъ отъ губернскаго города Уфы и въ полуверстѣ отъ рѣки Бѣлой, съ которой сливается весною; разумѣется, Русскіе называютъ его и сидящую на немъ деревню: „Кишки".

[2]) Я уже сказалъ, что каузъ около Москвы называютъ „дворецъ". Не происходитъ ли это названье отъ слова „дверца", то есть, маленькая дверь, поднимающаяся для протока воды на колесо? Можетъ быть сначала говорили „дверецъ", а потомъ, для удобства произношенія, стали говорить „дворецъ".

и лесой, оборванной выше наплавка... Какъ ни досадна была эта услужливость, отъ которой я потерялъ большую рыбу и прекрасно устроенную удочку, но дѣлать нечего; я развернулъ другую большую удочку, насадилъ кучу глистъ и раковую шейку и закинулъ: черезъ минуту наплавокъ исчезъ, и я вытащилъ славнаго окуня, фунта въ два, у котораго изъ рта висѣла и другая, сейчасъ оторванная имъ длинная леса и съ наплавкомъ. Оба случая, теперь описанные и иногда разсказанные мною не-охотникамъ, не-рыбакамъ, нерѣдко возбуждали лукавыя улыбки, въ которыхъ ясно выражалось, что мои разсказы годятся въ извѣстную книжку: «Не любо, не слушай, а лгать не мѣшай»; но иногда ничего нѣтъ невѣроятнѣе истины и мудренѣе дѣйствительности.

Вотъ и еще разсказъ, не менѣе сомнительной вѣроятности для неохотниковъ; я знаю, Симбирской губерніи въ Корсунскомъ уѣздѣ, одинъ глубокій прудъ, весь состоящій изъ запруженнаго сильнаго родника, называемаго «Бѣлый ключъ». Вода была превосходная, такъ что въ ней жили насаженные головли и даже стерляди. Въ пруду развелось такое множество окуней и пескарей, что уженье вышло отличное и *диковинное*: рыбакъ закидывалъ удочку на червяка, сію минуту проглатывалъ его пескарь и, въ непродолжительномъ времени, проглатывалъ пескаря окунь. Сначала это былъ сюрпризъ для охотника, но потомъ мы всѣ пользовались такимъ удобствомъ, то-есть, самопроизвольной насадкой пескарей, и кто хотѣлъ удить именно окуней, тотъ не снималъ только съ крючка попавшагося пескаря.—Говоря о насадкѣ живцовъ за губу, я сказалъ о выгодахъ и невыгодахъ такой насадки. Всякій, кто поудилъ бы одинъ часъ въ прудѣ «Бѣлаго ключа», убѣдился бы вполнѣ въ справедливости сказаннаго мною о невыгодѣ такого способа: это была именно насадка за губу; окуни брали безпрестанно, но вытаскивались менѣе, чѣмъ на половину. Я тутъ же пробовалъ насаживать въ спинку, и ни одинъ окунь не срывался.

Въ прошедшемъ 1853 году, въ исходѣ іюля, у одного рыбака взялъ окунь на земляного червя (чего онъ не замѣтилъ), а на окуня щука, которую онъ и вытащилъ. Замѣчательно, что щука не могла проглотить окуня, хвостъ котораго торчалъ изъ ея рта.

18.

ЩУКА [1]) xxi).

При всемъ моемъ усердіи, не могу доискаться, откуда происходитъ имя щуки. Эта рыба по преимуществу хищная: длинный брусковатый станъ, широкія хвостовыя перья для быстрыхъ движеній, вытянутый впередъ ротъ, нисходящій отъ глазъ въ видѣ ткацкаго челнока, огромная пасть, усѣянная внизу и вверху сплошными, острыми, скрестившимися зубами [2]), изъ коихъ не вырвется никакая добыча, широкое горло, которымъ она проглатываетъ насадку толще себя самой,—все это вмѣстѣ даетъ ей право называться царицею хищныхъ рыбъ, обитающихъ въ прѣсныхъ водахъ обыкновенныхъ рѣкъ и озеръ. Я разумѣю здѣсь только тѣ породы рыбъ, которыя называются *бѣль*, въ противополож-

---

1) Esox lucius, L. Во всей Россіи называется одинаково. *К. Р.*

2) Щука мѣняетъ зубы ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ. Я къ удивленію моему узналъ объ этомъ очень недавно.

ность чему всѣ другія породы, какъ-то осетры, севрюга, бѣлорыбица и проч., называются *красная рыба*. Щука имѣетъ большіе, темные, зоркіе глаза, которыми издалека видитъ свою добычу; она покрыта чешуей, испещрена вся пятнами и крапинами темнозеленоватаго цвѣта; брюхо имѣетъ бѣлое, хвостъ и плавательныя перья зеленовато-сѣрые съ темными извилистыми каемками. Я слыхалъ, что щука можетъ жить очень долго, до ста лѣтъ (то же разсказываютъ и даже пишутъ о карпіи); въ чемъ, будто, удостовѣрились опытами, пуская небольшихъ щурятъ съ замѣтками на хвостѣ, или перьяхъ, въ чистые, проточные пруды, которые никогда не уходили, и записывая время, когда пускали ихъ; слыхалъ, что будто щуки выростаютъ до двухъ аршинъ длины и до двухъ съ половиною пудъ вѣсу; все это можетъ быть и правда, но чего не знаю, того не утверждаю [1]). Самая большая щука, какую мнѣ удалось видѣть, вѣсила одинъ пудъ и пятнадцать фунтовъ; длиною она была аршинъ и семь вершковъ; шириною въ спинѣ и бокахъ въ четверть аршина, но за то, почти во всю длину, была равной квадратной толщины. Щука преимущественно питается рыбой и всякой водяной гадиной; она по алчности своей глотаетъ даже лягушекъ, крысъ и утятъ, отъ чего большую щуку называютъ *утятницей*. Щука водится только въ водахъ чистыхъ и появляется въ рѣкахъ вмѣстѣ съ плотвою и окунями, и вмѣстѣ съ ними дохнетъ, если вода въ прудѣ или озерѣ отъ чего-нибудь испортится. Она мечетъ икру въ самомъ началѣ апрѣля, а иногда, если весна ранняя, въ исходѣ марта. Гдѣ много всякой мелкой рыбы, тамъ и щуки

---

[1]) Послѣ выхода моей книжки первымъ изданіемъ, случилось мнѣ прочесть въ „Охотничьей книгѣ" г-на Левшина, напечатанной въ 1812 году (часть 4-я, стран. 487-я), любопытное извѣстіе о долговѣчности щукъ; выписываю его съ совершенною точностью: „Когда вычищали пруды близъ Москвы, въ Царицынѣ, чему прошло съ небольшимъ 20 лѣтъ, — то между прочаго, при пересаживаніи рыбы въ сажалки, поймана была щука около трехъ аршинъ длиною и въ полъ-аршина шириною, съ золотымъ кольцомъ, продѣтымъ въ щечную кость близъ жабръ, съ надписью на ономъ: „*Посадилъ Царь Борисъ Ѳедоровичъ*". По тогдашнему исчисленію щукѣ сей оказывалось болѣе 200 лѣтъ. — Леманъ утверждаетъ, что 1497-го года, въ Хейльброкѣ поймана была въ одномъ озерѣ щука 19 футовъ (семи аршинъ слишкомъ), и по надписи на мѣдномъ кольцѣ, на ней бывшемъ, оказалось, что въ озеро сіе посажена она была Цесаремъ Фридерихомъ II, въ 1230 году; слѣдственно въ сей водѣ жила она 267 лѣтъ. Вѣсу въ ней было 8 пудъ 30 фунтовъ; она отъ старости почти вся побѣлѣла". — Предоставляю читателямъ повѣрить, на сколько имъ угодно, справедливости такихъ разсказовъ.

разводятся и держатся во множествѣ; большею частью ловятъ ихъ на жерлицы, о чемъ я поговорю впослѣдствіи. Щука очень охотно беретъ на удочку, крючокъ которой насаженъ какою-нибудь мелкой рыбкой, для чего поводокъ употребляется металлическій, или изъ простой басовой струны, о чемъ говорено выше, но клюетъ также на рака и даже изрѣдка на червяка; клевъ ея иногда очень быстръ, и какъ скоро она схватитъ насадку, то наплавокъ мгновенно исчезаетъ изъ глазъ; но случается, что она схватитъ рыбку, не проглотивъ ее, тихо поведетъ наплавокъ въ сторону, нисколько не погружая его. Щука нерѣдко беретъ на простыя удочки, закинутыя совсѣмъ не для нея; разумѣется, сейчасъ, какъ ножницами, перекусываетъ самую толстую лесу, или поводокъ, что иногда бываетъ очень досадно. Только въ одномъ случаѣ можно вытащить щуку на удочку съ обыкновенномъ поводкомъ: если крючокъ зацѣпитъ за край губы, и ей нельзя будетъ достать зубами до лесы; но такіе счастливые случаи очень рѣдки. Щукъ не нужно удить со дна; напротивъ, приманка будетъ гораздо виднѣе, если насаженная на крючокъ рыбка станетъ ходить аршина на полтора глубины. Вообще уженье на рыбку рѣдко производится со дна; съ весны щуки берутъ мало на жерлицы, лѣтомъ же попадаютъ онѣ около травъ, въ которыхъ обыкновенно стоятъ, подстерегая мелкую рыбу, но всего лучше удить ихъ осенью [1]): во-первыхъ, потому, что вода сдѣлается

---

[1]) Это говорится про Оренбургскую губернію: тамъ величайшая рѣдкость, если щука возьметъ даже лѣтомъ или осенью на бѣлаго червя (сальника); хотя рѣдко, но иногда беретъ она на раковую шейку; на земляного же и навознаго червя—никогда. Около Москвы совсѣмъ напротивъ: особенно рано весной, выметавъ икру (и особенно въ рѣкѣ Ворѣ, Дмитровскаго уѣзда), щуки берутъ очень часто, не только на земляного, но даже на маленькаго навознаго червяка. Это было бы не трудно объяснить тѣмъ, что подмосковныя рѣчки слишкомъ сильно вылавливаются и что въ нихъ мало мелкой рыбы, отчего щуки голодны; но я долженъ сказать, что здѣсь гораздо чаще берутъ онѣ на червяка, чѣмъ на жерлицы или удочки, насаженныя рыбками, преимущественно весной: слѣдовательно, этого вопроса иначе нельзя разрѣшить, какъ предположеніемъ, что здѣшнія щуки имѣютъ особенный вкусъ къ червямъ. Въ прошедшемъ 1853-мъ году уженье началось очень рано, и мнѣ удалось поймать нѣсколько небольшихъ щукъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: всѣхъ на маленькія удочки и всѣхъ на червяка. Одну изъ нихъ выудилъ я на поводокъ изъ *одной шелковинки!* Берегъ былъ крутой, я удилъ безъ товарища, и принужденнымъ нашелся выкинуть щуку (въ $1^1/_2$ фунта) на довольно высокій берегъ. Крошечный крючокъ она проглотила, но шелковинка въ самомъ зѣвѣ захлеснулась за костяную оконечность верхней губы, отъ чего не попала на зубы; рыба вытаскивалась бокомъ и казалась вдвое тяжеле. Рыбаки понимаютъ, что это очень рѣдкій и счастливый случай.

свѣтлѣе, и щуки издалека видятъ приманку, и во-вторыхъ. потому, что водяныя травы отъ морозовъ опадутъ, щукамъ сдѣлается не такъ удобно прятаться и не такъ ловко ловить мелкую рыбешку: въ это время онѣ голодны и жадны. Рыбаки разсказываютъ слѣдующую хитрость щуки: она становится на мели, головою внизъ по теченію воды, и хвостомъ мутитъ илъ на днѣ, такъ что муть совсѣмъ закрываетъ ее отъ мимо плывущихъ рыбокъ, на которыхъ она бросается, какъ стрѣла, лишь только онѣ подплывутъ близко: самъ я такихъ штукъ не видѣлъ. Уженье щукъ очень веселое, потому что, какъ скоро вы закинете удочку, и по близости есть щука, то она не замедлитъ явиться; равно и потому, что нерѣдко берутъ щуки очень большія. Хотя на удочкѣ онѣ очень бойки и въ движеніяхъ быстры, но какъ-то не упористы, а ходки, и на поворотахъ повадливы: вѣроятно брусковатая, челнообразная фигура ихъ тому причиной; небольшія щуки, фунтовъ до трехъ, довольно легко выкидываются на берегъ, даже безъ сачка; разумѣется, леса должна быть толстая и поводокъ здоровый; равнаго съ нею вѣсу окунь покажется гораздо тяжеле. Присутствіе щукъ легко можно угадать по внезапному прекращенію клева плотвы и другой некрупной рыбы, и еще вѣрнѣе по выпрыгиванью изъ воды мелкой рыбешки, которая, какъ дождь, брызжетъ во всѣ стороны, когда щука съ быстротою стрѣлы пролетитъ подъ водою. Выудивши щуку, много двѣ, на одномъ мѣстѣ, надобно перейти на другое, на третье мѣсто, и такъ далѣе; то же должно сдѣлать, ежели пройдетъ съ полчаса, и щуки не берутъ: это вѣрный знакъ, что ихъ нѣтъ по близости. Нѣкоторые охотники страстно любятъ уженье щукъ и предпочитаютъ его всѣмъ другимъ уженьямъ; не раздѣляя этого мнѣнія, я понимаю его причину. Для кого не скучно переходить съ мѣста на мѣсто, а напротивъ скучно сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, напрасно ожидая клева порядочной рыбы; кто любитъ скорое рѣшеніе: будетъ или не будетъ брать; кто любитъ повозиться съ рыбой проворной, живой, быстрой въ своихъ движеніяхъ, которая выкидываетъ иногда необыкновенные, неожиданные скачки—тому уженье щукъ и вообще хищныхъ рыбъ должно преимущественно нравиться.

За щуками, особенно небольшими, водится странная продѣлка: по недостатку мѣста, гдѣ бы можно было спрятаться, щука становится возлѣ берега, плотины, древеснаго пня, тор-

чащаго въ водѣ, сваи или жерди, воткнутой во дно, и стоитъ иногда очень близко къ поверхности воды, цѣлые часы неподвижно, точно спящая, или мертвая, такъ что не вдругъ ее примѣтишь; даже мелкая рыба, безъ опасенія, около нея плаваетъ; цѣль очевидна, но инстинктивную эту хитрость она простираетъ до неразумнаго излишества. Стоящихъ въ такомъ очарованномъ положеніи щукъ и щурятъ не только стрѣляютъ изъ ружей [1]), но даже бьютъ, или, правильнѣе сказать, глушатъ дубинами, какъ глушатъ всякую рыбу по тонкому льду [2]); даже наводятъ на нихъ волосяной силокъ, навязанный на длинной лутошкѣ, и выкидываютъ на берегъ. Я имѣлъ случай убить изъ ружья, стоящую въ такомъ положеніи, щуку въ девять фунтовъ. Мало этого, при моихъ глазахъ, мой товарищъ-рыбакъ, сидѣвшій и удившій со мною въ одной лодкѣ, крѣпко привязанной къ кольямъ, примѣтивъ щуку, стоящую подъ кормою лодки, схватилъ ее рукою... она вѣсила слишкомъ два фунта. Алчность щукъ не имѣетъ предѣловъ: онѣ нерѣдко кидаются на такихъ рыбъ, или утятъ, которыхъ никакъ заглотать не могутъ, изъ чего выходятъ презабавныя явленія: добыча, будучи сильнѣе вцѣпившагося въ нее врага, таскаетъ его по водѣ за собою. Я самъ видѣлъ, какъ оперившійся совсѣмъ утенокъ, или лучше сказать молодая утка, съ ужаснымъ крикомъ отъ испуга и боли, хлопая по водѣ крыльями, и даже нѣсколько приподымаясь съ воды, долго билась со щукой, которая впилась въ заднюю часть ея тѣла; видѣлъ также, какъ большой язь таскалъ за собой небольшую щуку, схватившую его за хвостъ. Но я разскажу два случая, еще болѣе доказывающіе непомѣрную жадность щуки: рыбакъ, стоявшій возлѣ меня на плотинѣ огромнаго пруда, вытаскивая небольшую рыбу, вдругъ почувствовалъ на удочкѣ такую тяжесть и упорство, что едва не выронилъ изъ рукъ удилища.

---

[1]) Всякую рыбу, стоящую неглубоко въ водѣ, можно застрѣлить изъ ружья. Надобно только взять въ соображеніе уголъ паденія дроби, и мѣтить не въ самую рыбу, а дальше или ближе. Уголъ отраженія дроби (всегда равный углу паденія) будетъ зависѣть отъ того, какъ высокъ берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ.

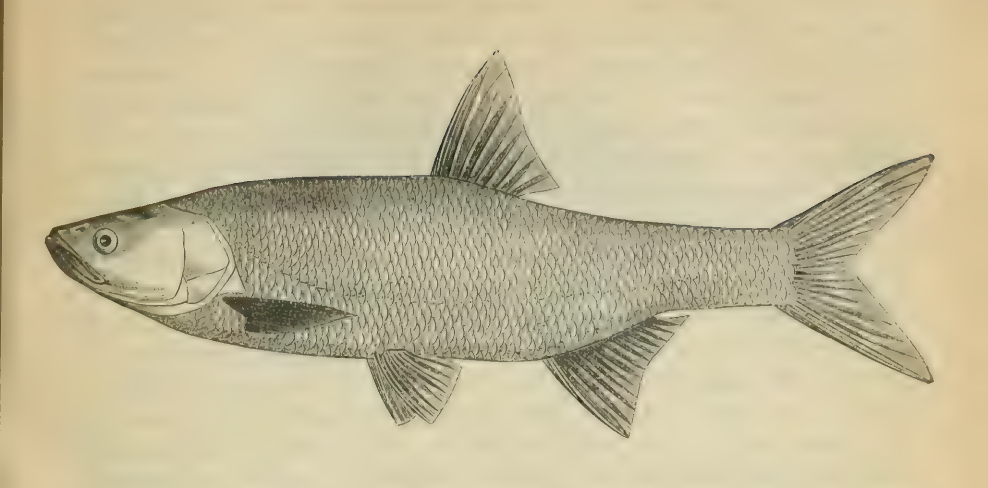
[2]) Какъ только вода въ прудѣ или озерѣ покроется первымъ тонкимъ и прозрачнымъ льдомъ, способнымъ поднять человѣка, ходятъ съ дубинками, по мѣстамъ не очень глубокимъ. Замѣтя близко ко льду высоко стоящую рыбу, сильно ударяютъ дубинкою надъ ея головою—рыба оглушится (впадетъ въ обморокъ) и взвернется вверхъ брюхомъ: проворно разбиваютъ тонкій ледъ и берутъ рыбу руками, покуда она не очнулась.

но принявъ это за неожиданное движенiе какой-нибудь средней рыбы, сталъ тащить съ большею силою и выволокъ на плотину порядочную щуку. Каково было наше удивленiе, когда мы увидѣли, что за крючокъ взяла обыкновенная плотичка, а за нее уцѣпилась щука, не касаясь крючка, и такъ крѣпко вонзила свои зубы, что надобно было палкой разжать ей ротъ! Другой случай былъ со мной недавно, а именно въ половинѣ сентября 1845 года: пришелъ я удить окуней, часу въ восьмомъ утра, на свою мельницу; около плотины росла длинная трава; я закинулъ удочку черезъ нее въ глубокой материкъ, насадивъ на крючокъ земляного червя; только-что я положилъ удилище на траву и сталъ развивать другую удочку, какъ наплавокъ исчезъ, и я едва успѣлъ схватить удилище; вынимаю— поводокъ перегрызенъ; я зналъ, что это щука, и сейчасъ закинулъ другую удочку; черезъ нѣсколько минутъ повторилась та же исторiя, но я успѣлъ подсѣчь и началъ уже водить какую-то большую рыбу, какъ вдругъ леса со свистомъ взвилась къ верху: поводокъ опять оказался перегрызенъ; явно, что и это была щука, и уже большая, ибо я почти ее видѣлъ. Не имѣя съ собой поводка для щукъ, что было очень досадно, я закинулъ третью удочку, насаженную также на земляного червя, но уже держалъ удилище въ рукѣ, въ готовности подсѣчь щуку при первомъ движенiи наплавка; такъ и случилось: едва наплавокъ сталъ наклоняться, я проворно подсѣкъ и свободно вытащилъ небольшую щуку, которая также откусила у меня поводокъ, но уже на плотинѣ. Дома, когда стали эту щуку чистить, чтобы сварить къ столу, нашли у ней въ глоткѣ, кромѣ послѣдняго, и первый мой крючокъ съ отгрызеннымъ поводкомъ. И такъ это была щука, взявшая у меня въ первый и третiй разъ, ибо вторая, съ которою я довольно возился, была вдвое больше выуженной щуки; но какова же жадность, что ни боль отъ крючка въ горлѣ, ни шумъ отъ возни со второю щукою, не могли отогнать первую! Я очень хорошо знаю, что подробное описанiе такихъ случаевъ можетъ быть интересно только для настоящихъ и страстныхъ охотниковъ, но именно для нихъ я и пишу. Для нихъ также долженъ я сказать, что въ томъ же году я выудилъ щуку въ три съ половиною фунта на одинъ волосъ изъ индѣйскаго растенiя или сырца. Со мной не было сачка, потому что я удилъ мелкую рыбу, и я долженъ былъ посылать за нимъ домой, и такъ, около получаса, щука, проглотившая да-

леко крючокъ, билась и металась на одномъ волоскѣ и не могла перегрыть его. Хотя я не охотникъ до этого выписного волоса, но долженъ признать превосходное его качество въ этомъ отношеніи. Щука средней величины, пойманная весною (тогда называютъ ее *щукою съ голубымъ перомъ*), и даже лѣтомъ, и сваренная на холодное прямо изъ воды, а не снулая, составляетъ не дурное блюдо.

Щука беретъ иногда очень поздно осенью, по ночамъ со дна, на крючки, поставленные на налимовъ, и, разумѣется, насаженные рыбкой.

Говоря объ язяхъ, я разсказалъ, какъ пятифунтовый язь былъ выуженъ за спинное перо; но тотъ же охотникъ выудилъ щуку въ 18 фунтовъ за перо хвостовое, проколотое крючкомъ. Хотя леса была толстая и крѣпкая, но рыбакъ, видя, что рыба попала огромная, что поворотить ее невозможно и что леса вытягивается въ прямую линію,—бросилъ удилище. Щука гуляла съ нимъ по широкому пруду, погружая даже удилище совсѣмъ въ воду; рыбакъ плавалъ за нею въ лодкѣ; какъ скоро рыба останавливалась, онъ бралъ удилище въ руки и начиналъ водить; какъ скоро натягивалась леса прямо — бросалъ удилище. Такимъ образомъ, утомляя рыбу *нѣсколько часовъ* сряду, рыбакъ вывелъ ее на поверхность, какъ сонную или одурѣлую, и подхватилъ сачкомъ. Онъ долго не зналъ, съ какой рыбой возится, и увидѣлъ, что это щука, только тогда, когда она въ первый разъ всплыла наверхъ. Честь и слава искусству и долготерпѣнію охотника!



19.

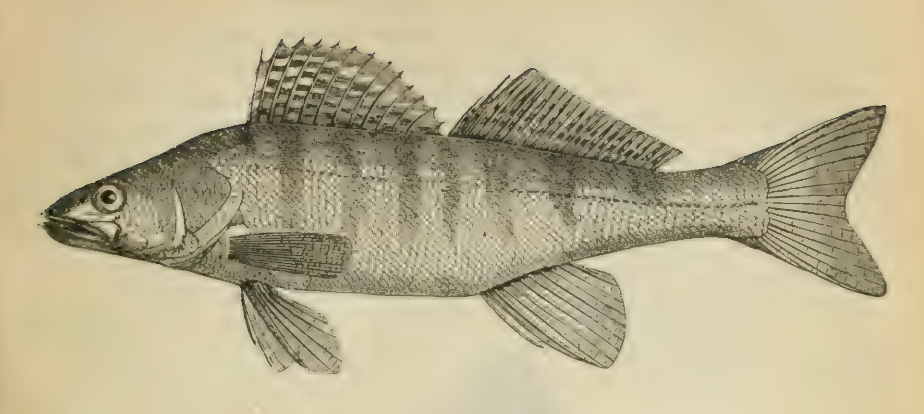
ЖЕРИХЪ, ШЕРЕСПЕРЪ [1]). xxii).

Эта хищная рыба во всѣхъ низовыхъ губерніяхъ называется *жерихъ*, а около Москвы *шересперъ*. Первое имя, вѣроятно, происходитъ отъ глагола *жировать*, то-есть играть, прыгать, что весьма соотвѣтствуетъ свойствамъ этой рыбы: ибо она очень любитъ выпрыгивать изъ воды и плескаться на ея поверхности изъ одного удовольствія, а не для преслѣдованія добычи; второе же имя должно происходить отъ того, что жерихъ, выскакивая изъ воды, расширяетъ свои плавательныя и безъ того весьма широкія перья и гребень. Я слышалъ также и даже читалъ, что эту рыбу называютъ *конь*: названье тоже приличное по ея скачкамъ. Я буду употреблять первое имя для удобства произношенія и потому, что употребленіе его гораздо обширнѣе. Жерихъ длиненъ, похожъ на язя своимъ станомъ, но уже его, и цвѣтомъ крупной чешуи гораздо бѣлѣе, серебристѣе, кромѣ спины, которая темнѣе язевой; онъ имѣетъ ту особенность, что нижняя губа его рта длиннѣе верхней; верхняя какъ-будто имѣетъ выемку, а нижняя похожа своимъ образованіемъ на загнутый къ верху

---

1) Aspius rapax, Ag. *Шерехъ*, въ Южной Россіи *бѣлизна*, *бѣлезна*, *белестъ*.
К. Р.

птичій носъ и входитъ въ выемку верхней части рта. Такимъ образомъ, ротъ жериха представляетъ нѣсколько клювъ хищной птицы въ обратномъ положеніи. Хвостъ его и верхнее перо очень тверды и широки, цвѣтомъ сѣрые, а нижнія перья красноватыя; глаза сѣрые, зрачки темные; ротъ довольно великъ, но не огроменъ. Нижняя часть тѣла бѣлая. Жерихъ не водится въ маленькихъ рѣчкахъ, но любитъ рѣки большія, или по крайней мѣрѣ многоводныя, глубокія и быстрыя, живетъ также и въ большихъ, чистыхъ озерахъ, питается всякими водяными насѣкомыми, мелкою рыбою, и на нее только беретъ на удочку; клевъ его чрезвычайно быстръ, и на удочкѣ ходитъ онъ необыкновенно бойко; онъ выростаетъ длиною въ аршинъ, и вѣсомъ бываетъ въ восемнадцать фунтовъ. Говорятъ рыбаки, что жерихи бываютъ въ тридцать фунтовъ; но я этого не утверждаю. Икру мечутъ въ исходѣ апрѣля и въ началѣ мая. Безъ сомнѣнія, уженье жериховъ одно изъ лучшихъ, интереснѣйшихъ для охотника; но, къ сожалѣнію, я очень мало знакомъ съ нимъ, и не могу сообщить дальнѣйшихъ подробностей объ этой замѣчательной рыбѣ. Я видалъ, что рыбаки удятъ ихъ на рыбку, на быстринахъ, на вѣсу, аршина въ полтора глубины. Любимое мѣсто жериховъ – глубокія водоемины подъ вешняками или спусками, гдѣ вода кипитъ и клубится безпрестанно, когда два или три запора подняты, что на сильныхъ рѣкахъ дѣлается постоянно. Въ пѣнѣ, шумѣ и брызгахъ прядаютъ вверхъ и шлепаются эти *водяные кони*, и туда рыбакъ бросаетъ свою прочноустроенную удочку съ тяжелымъ грузиломъ. Жерихъ, приготовленный прямо изъ воды на холодное, составляетъ прекрасное блюдо.



20.

СУДАКЪ [1]) XXIII).

Съ этою превосходною рыбою для стола я еще менѣе знакомъ, какъ рыбакъ; но знаю, что она беретъ на удочку.—Судаки выростаютъ до огромной величины; вѣсъ ихъ простирается до полупуда и болѣе. Живутъ въ большихъ рѣкахъ, проточныхъ озерахъ и прудахъ, но предпочтительно любятъ быструю и свѣжую воду рѣки. Судакъ имѣетъ ротъ вытянутый, длинный; рѣдкіе, но толстые и крѣпкіе зубы и довольно большой языкъ, чтó даетъ ему нѣкоторое право, по моему мнѣнію, причисляться къ роду форелей. Станомъ онъ брусковатъ и похожъ на щуку, но немного шире ея: нижняя половина его тѣла и брюха — серебристо-бѣлаго цвѣта, а спина и верхнія стороны боковъ—сѣроваты; поперекъ всего тѣла лежатъ двѣнадцать неясныхъ полосъ темносиняго, не яркаго цвѣта; глаза имѣетъ довольно большіе, желтоватые, зрачки темные. Въ рѣкахъ, гдѣ водится много судаковъ, они берутъ охотно на удочку, насаженнýю рыбкой. Судакъ, очевидно, хищная рыба; онъ попадаетъ на жерлицы и крючки, такъ же, какъ щука, но преимущественно ночью съ весны до половины лѣта. Живые, не истомленные долгимъ сидѣньемъ въ прорѣзяхъ, судаки составляютъ лакомое и здоровое блюдо; это необходимая принадлежность хорошаго стола,

---

[1]) Lucioperca sandra, C. Въ Малороссіи иногда *сула*. *К. Р.*

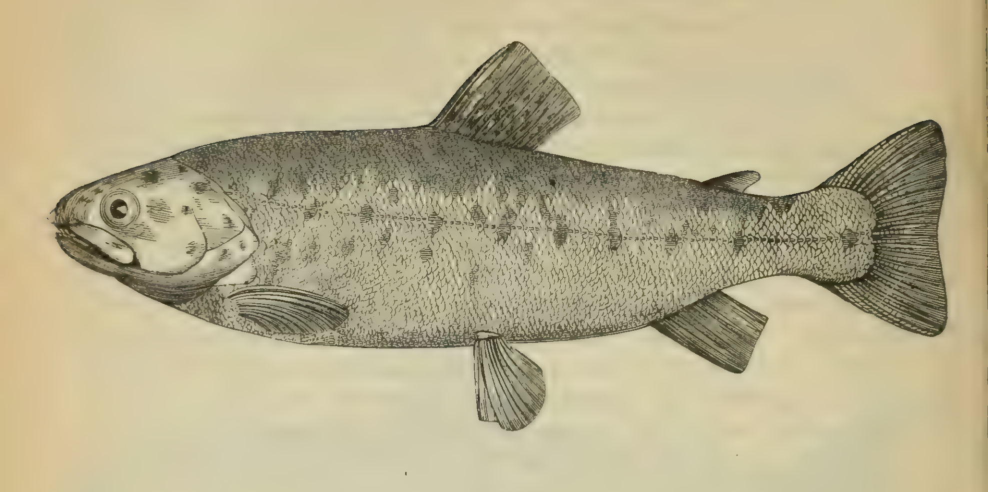
вслѣдствіе чего иногда бываютъ очень дороги; но зато мерзлыхъ судаковъ въ Москву и ея окрестности навозятъ такое множество, что они къ концу зимы дѣлаются иногда чрезвычайно дешевы, то-есть, рублей по шести ассигнаціями за пудъ. Для постниковъ это драгоцѣнная рыба: вкусна, даже перемерзлая, здорова, не костлива, на все пригодна, не приѣдается и дешева. Однимъ словомъ—это постная говядина.

21.

ЛОХЪ, КРАСУЛЯ. xxiv).

Эта превосходная порода рыбы во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ второе имя, которымъ зовутъ его въ Оренбургской губерніи. Иногда употребляютъ и названіе «красной рыбы», вѣроятно, по желтовато розовому цвѣту ея тѣла и, можетъ быть, по краснымъ крапинамъ, которыми она испещрена; но не должно смѣшивать красулю съ собственно такъ называемою *красною рыбою*, или семгой: послѣдняя отличается отъ первой болѣе широкимъ станомъ, сѣровато-бѣлымъ цвѣтомъ чешуи и большею краснотою тѣла; она живетъ преимущественно въ большихъ рѣкахъ. Красуля принадлежитъ къ породѣ форели и вмѣстѣ съ нею водится только въ чистыхъ, холодныхъ и быстрыхъ рѣкахъ, даже въ небольшихъ рѣчкахъ или ручьяхъ, и въ новыхъ, незагаженныхъ навозомъ, прудахъ, на нихъ же устроенныхъ, но только въ глубокихъ

и чистыхъ; станъ ея длиненъ, брусковатъ, но шире щучьяго: она очень красива; вся, какъ и форель, испещрена крупными и мелкими, черными, красными и бѣлыми крапинами; хвостъ и перья имѣетъ сизые; нижнюю часть тѣла бѣловато-розоваго цвѣта; ротъ довольно большой; питается мелкою рыбой, червяками и разными насѣкомыми, падающими въ воду снаружи и въ ней живущими. Красуля достигаетъ огромной величины; мнѣ принесли однажды красулю, пойманную въ маленькой рѣчкѣ, куда она зашла по мутной, весенней водѣ: она вѣсила двадцать-семь фунтовъ и была уже нѣсколько брюхаста. — При уженьѣ форели, обыкновенно на краснаго червяка, попадаются иногда и красули, но это бываетъ рѣдко, потому что онѣ берутъ преимущественно на рыбку; большею частью ловятъ ихъ разными рыболовными снастями, бьютъ по ночамъ острогою и даже стрѣляютъ изъ ружей, подкарауливая, когда красули, по мелкимъ каменистымъ перекатамъ, въ красные лѣтніе дни, всегда около полденъ, перебираются изъ одного омута въ другой. Эта послѣдняя необыкновенная охота особенно въ употребленіи у Оренбургскихъ Татаръ, живущихъ по берегамъ Большого и Малаго Зая, протекающихъ и сходящихся въ одну рѣку въ Бугульминскомъ уѣздѣ. Проѣзжая изъ Бугульмы въ Казань, на одной станціи, знакомый мнѣ ямщикъ, татаринъ, попросилъ у меня на нѣсколько зарядовъ пороху и крупной дроби; я охотно далъ ему и того и другого, но спросилъ: какую птицу онъ стрѣляетъ. Татаринъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ стрѣляетъ рыбу, именно лоховъ. Разумѣется, я разспросилъ обо всѣхъ подробностяхъ этой необыкновенной охоты и даже самъ сходилъ посмотрѣть мѣста по Малому Заю, на которыхъ онъ стрѣлялъ красуль, водящихся въ этой рѣкѣ въ большомъ изобиліи: берега были высоки и удобны для того, чтобъ за ними притаиться, а перакаты такъ мелки, что и небольшую рыбку не трудно было застрѣлить.—Во всю мою жизнь я выудилъ только одну красулю на маленькаго, навознаго червяка, фунта въ три вѣсомъ, но и та чрезвычайно бойко ходила на удочкѣ; можно предположить, что очень трудно возиться съ большою красулей. Вкусъ ея превосходенъ. Она имѣетъ довольно большой языкъ, какъ и всѣ три породы форелей.



22.

ФОРЕЛЬ, ПЕСТРУШКА [1]). XXV).

Въ Оренбургской губерніи водилась она въ чрезвычайномъ изобиліи во всѣхъ ручьяхъ и рѣчкахъ, ибо всѣ они были студены лѣтомъ, какъ ледъ, и прозрачны, какъ горный хрусталь. Но набѣжавшее отвсюду разнородное и разноплеменное народонаселеніе, впрочемъ далеко еще не заселившее этого чудеснаго края, поизмяло его роскошные луга и помутило свѣтлыя воды. Теперь форели водится гораздо менѣе, но все еще много. Въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ, мнѣ извѣстныхъ, она осталась въ ихъ верховьяхъ, до первой мельницы. Простой народъ и не знаетъ слова *форель*; онъ называетъ эту прелестную рыбу: *пестрякъ*, а въ собирательномъ: *пеструшка*,—имя самое приличное, ибо она вся испещрена черными, красными и бѣлыми крапинами. Станомъ, складомъ, пестротою кожи, однимъ словомъ: всѣмъ, она такъ похожа на красулю, что можно почесть ихъ за одну и ту же рыбу; но пеструшка кажется шире и площе красули и гораздо пестрѣе; разсказываютъ, что она бываетъ огромной величины, до пятнадцати фунтовъ вѣса; но я плохо этому

---

1) Salmo fario, L. *К. Р.*

вѣрю, и думаю, что смѣшиваютъ съ нею красуль, которыхъ мелкими я никогда не встрѣчалъ; признаюсь, я не чуждъ сомнѣнія, что пестрякъ и красуля одна и та же рыба, только въ разныхъ возрастахъ. Я самъ видѣлъ пестряка въ семь фунтовъ, убитаго острогою. Это избіеніе всѣхъ родовъ форели, противное истинному охотнику до уженья, какъ и всякая ловля рыбы разными снастями, производится слѣдующимъ образомъ: въ темную, осеннюю ночь отправляются двое охотниковъ, одинъ съ пукомъ зажженной лучины, таща запасъ ея за плечами, а другой съ острогою; они идутъ вдоль по рѣчкѣ и тщательно осматриваютъ каждый омутокъ, или глубокое мѣсто, освѣщая его пылающей лучиной; рыба обыкновенно стоитъ плотно у берега, прислонясь къ нему или къ древеснымъ корнямъ; примѣтивъ красулю, пестряка, кутему или налима, охотникъ съ острогой заходитъ съ противоположной стороны, а товарищъ ему свѣтитъ; ибо стоя на берегу, подъ которымъ притаилась спящая рыба, ударить ее неловко, да и не видно. Рыбакъ съ острогою, осторожно, соблюдая возможную тишину, погружаетъ по немногу въ воду свой нептуновскій трезубецъ и, доведя его на четверть разстоянія до спины рыбы, проворно вонзаетъ въ нее зазубренныя иглы остроги. Точно такимъ образомъ бьютъ и всякую другую рыбу въ прудахъ, озерахъ и рѣчныхъ заливахъ, разъѣзжая на лодкѣ, съ тою разницею, что огонь разводится на желѣзной рѣшеткѣ, прикрѣпляемой къ носу лодки желѣзною же рукояткой; тутъ иногда добываютъ такой величины щукъ, какихъ нельзя поймать и удержать никакою другою рыболовною снастью. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ я охотно допускаю острогу.

Я говорилъ выше объ уженьѣ форели по рѣчкамъ; повторяю, что никогда не былъ до него большимъ охотникомъ; но я много удилъ пеструшки и кутемы, и съ большимъ наслажденіемъ, въ верховьяхъ чистыхъ прудовъ, гдѣ вода, не затопляя береговъ, стоитъ наравнѣ съ ними, образуя иногда очень глубокій, слѣдовательно и не совсѣмъ прозрачный материкъ. Тутъ можно удить со дна на двѣ удочки и класть удилища на берегъ, не наблюдая особенной осторожности и тишины; тутъ клевъ пеструшки уже не имѣетъ необыкновенной своей быстроты, и можно успѣть схватить удилище, когда наплавокъ начнетъ шевелиться и погружаться. Это уженье самое веселое и заманчивое, особенно, если есть надежда на крупную форель

и кутему. Самые большіе пестряки, мною выуженные, вѣсили около трехъ фунтовъ, но и тѣ очень бойко ходили на удочкѣ, и сачокъ былъ очень нуженъ. Я особенно люблю это уженье; тутъ нѣтъ надобности перемѣнять часто мѣста, и можно просидѣть цѣлое утро спокойно, со всѣми удобствами, съ трубкой, съ сигаркой, на одномъ мѣстѣ. Въ жаркое лѣтнее время надобно удить рано, а въ холодное — цѣлый день. Я всегда удилъ на среднія удочки, на обыкновеннаго навознаго или земляного червяка, по большей части со дна, но многіе охотники удятъ мелко и на рыбку; можетъ быть, послѣдняя насадка лучше, ибо въ желудкѣ пеструшки часто находятъ мелкую рыбешку. Къ сожалѣнію, мнѣ не случалось этого попробовать.—Пеструшка такъ нѣжна, что лѣтомъ и пяти минутъ не проживетъ въ ведрѣ съ холодною водою; покуда удишь, можно сохранить ее живою въ *кружкѣ*, но домой всегда приносишь или привозишь ее снулою, хотя бы мѣсто уженья было въ самомъ близкомъ разстояніи: отъ того она много теряетъ своего деликатнаго, единственно ей только свойственнаго вкуса. Обыкновенно готовятъ пеструшку снулую и не нахвалятся ея вкусомъ; но гастрономъ, желающій вполнѣ оцѣнить достоинство форели, долженъ отвѣдать ухи, сваренной изъ форели, только-что пойманной на берегу рѣки, или изъ привезенной въ бочкѣ со льдомъ [1]). Пеструшка превосходна также приготовленная на холодное, равно жареная и сушеная въ сметанѣ.

Пеструшка идетъ позднею осенью очень хорошо въ морды. Она беретъ и зимой на удочку въ прорубяхъ; даже ночью удятъ ее съ фонаремъ, наводя лучь огня прямо въ прорубь.— Я самъ видѣлъ, какъ крестьянскіе мальчики ловили некрупную пеструшку, протыкая дубинками тонкій осенній ледъ и опуская въ пробитое отверстіе нитку съ крючкомъ, насаженнымъ навознымъ червякомъ; нитка привязывалась посрединѣ къ небольшой палочкѣ, которая клалась поперекъ отверстія, такъ что рыба, попавъ на крючокъ, никакъ не могла утащить палочку въ воду. Наставивъ много такихъ удочекъ по рѣчнымъ омуточкамъ, мальчики ходили взадъ и впередъ по рѣчкѣ и

---

1) Если нельзя довезть пеструшку живую до кухни, то лучшее средство къ сохраненію ея вкуса — заколоть ее, завернуть въ траву и поливать въ тѣни холодною водою (обложить льдомъ—еще лучше). Всякая рыба теряетъ вкусъ, когда заснетъ, потому что истомится, умирая въ ведрѣ, и, вѣроятно, выпуститъ нѣсколько желчи.

осматривали свои рыболовныя снасти: попавшуюся рыбку снимали, а сдернутый червякъ замѣняли новымъ.

Несмотря на то, что пеструшка самая пугливая, сторожкая рыба и самая быстрая въ своихъ движеніяхъ—ее ловятъ руками (также кутему и налимовъ): ибо она любитъ втискиваться между карягами и корнями деревъ, залѣзать подъ камни и даже въ норы. Я уже говорилъ о ловлѣ всякой рыбы руками, которая въ большомъ употребленіи около Москвы.

23.

КУТЕМА. xxvi).

Я нигдѣ не видывалъ этой рыбы, кромѣ Оренбургской губерніи. Хотя имя ея звучитъ по-русски, но это слово, какъ я слышалъ, чувашское и значитъ: *свѣтлая, блестящая.* Я рѣшительно причисляю ее къ роду форелей. Во-первыхъ потому, что гдѣ водится пеструшка, тамъ непремѣнно живетъ кутема, и гораздо въ большемъ количествѣ; во-вторыхъ потому, что она имѣетъ языкъ, и въ-третьихъ потому, что она совершенно сходна съ форелью устройствомъ своихъ костей, всѣми своими нравами и превосходнымъ вкусомъ. Складомъ своего стана она нѣсколько

пошире пеструшки, хотя, относительно, довольно толста въ спинѣ; цвѣтомъ вся сизо-серебряная, плавательныя перья и хвостъ имѣетъ также сизые съ легкимъ отливомъ розово-лиловаго цвѣта; оттѣнокъ этотъ примѣтенъ, если посмотрѣть къ свѣту на ея перья и спину, которая нѣсколько темнѣе нижней части тѣла, совершенно бѣлой. Кутема, по единогласному мнѣнію туземцевъ и по собственному моему наблюденію, не выростаетъ длиннѣе двухъ четвертей и не вѣситъ болѣе двухъ съ половиною, много трехъ фунтовъ; хотя она также любитъ чистую и холодную воду, но нѣсколько менѣе взыскательна на этотъ счетъ, чѣмъ пеструшка. Когда на дикой, чистой, вольной рѣчкѣ, или ручьѣ, сдѣлаютъ первую мельницу и запрудятъ воду плотиной изъ свѣжаго хвороста и земли, пригнетя сверху нѣсколькими пластами толстаго дерна, взодраннаго плугомъ, то въ первые годы въ этомъ пруду, чистомъ и прозрачномъ какъ стекло, живутъ пеструшка, красуля и кутема. Такой прудъ бываетъ чудно хорошъ! особенно въ тихое время, по зарямъ утреннимъ и вечернимъ, когда сверкающее зеркало воды, подобно огромному куску льда, неподвижно лежитъ въ зеленыхъ, потемнѣвшихъ берегахъ. Наклонясь къ зарѣ, увидишь выпрыгивающихъ на гладкую поверхность воды кутему и пеструшку, какъ-будто розово-серебряныхъ отъ блеска зари: онѣ ловятъ разныхъ мошекъ и другихъ крылатыхъ насѣкомыхъ, толкущихся надъ тихою водою и нерѣдко падающихъ въ нее. Въ такомъ прудѣ, отдаленномъ отъ селенія, куда навозъ возить далеко, и плотина котораго поддерживается дерномъ и землею—могутъ долго водиться всѣ эти три превосходныя породы форели. Въ послѣдствіи времени, когда хворостъ перегніетъ, плотина осядетъ, на мельничномъ дворѣ накопится навозъ, а дѣвать его некуда, потому что тамъ пашни не унаваживаютъ, тогда этимъ навозомъ (и даже деревенскимъ, если прудъ не слишкомъ отдаленъ) начнутъ усыпать плотину; онъ сообщитъ водѣ свой запахъ, и пеструшка не станетъ жить въ прудѣ, а удалится въ верхъ рѣки; кутема же остается въ немъ нѣсколько времени. Когда же вода еще болѣе испортится, то и кутема пропадетъ. Она беретъ на удочку охотнѣе пеструшки, такъ что ее всегда выудишь вдвое больше, Что касается до уженья этой рыбы, то оно совершенно одинаково съ уженьемъ пеструшки, и потому я не стану говорить о немъ особенно.

Вотъ всѣ породы рыбъ, которыя берутъ на удочку и водятся въ водахъ тѣхъ губерній, въ которыхъ мнѣ случалось жить, слѣдственно и удить. Это небольшой клочекъ въ отношеніи къ безконечному пространству нашей Руси, и много есть породъ рыбъ, неизвѣстныхъ мнѣ даже по имени, и способовъ уженья, незнакомыхъ мнѣ по опыту, отъ чего записки мои очень неполны. Предоставляю другимъ вознаградить этотъ недостатокъ. Я считаю однако не лишнимъ поговорить о двухъ породахъ рыбъ, которыя, хотя не берутъ на удочку во время обыкновеннаго дневного уженья, но попадаютъ на крючки или обыкновенныя удочки, если ихъ ставить на ночь. — Нельзя также пройти молчаніемъ раковъ: раки вполнѣ заслуживаютъ вниманія рыбака; они играютъ важную роль въ уженьѣ; охотнику необходимо знать, когда, гдѣ и какъ можно доставать ихъ. Надобно также сказать кое-что и о тѣхъ способахъ рыбной ловли, которыхъ хотя нельзя назвать уженьемъ, но которые ближе къ нему, чѣмъ къ ловлѣ другими снастями: я разумѣю блесну, крючки и жерлицы. Рыбы, о которыхъ я хочу поговорить, называются *налимъ* и *сомъ*.

НАЛИМЪ [1]) XXVII).

Налимъ водится и въ маленькихъ родниковыхъ рѣчкахъ и во всѣхъ большихъ рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и озерахъ, имѣющихъ хорошую, свѣжую воду. Онъ принадле-

---

[1]) Lota vulgaris C. Въ Малороссіи *мень*, *менёкъ*, *мантусъ* (Орл в. губ.), *ментусъ* (на Волыни), *калека* (по Ипути). *К. Р.*

житъ также къ породѣ хищныхъ рыбъ, ибо преимущественно питается мелкою рыбешкою; фигура его совсѣмъ особенная и не совсѣмъ пріятная: отъ головы, съ довольно большимъ и широкимъ ртомъ и однимъ усомъ, торчащимъ изъ-подъ нижней губы, сейчасъ начинается бѣлесоватое брюхо, которое у большихъ налимовъ бываетъ кругло и велико; отъ брюха станъ его сплющивается и оканчивается длиннымъ, плоскимъ, извилистымъ плесомъ, опушеннымъ, до небольшого кругловатаго хвоста, сплошнымъ, мягкимъ, плавательнымъ перомъ. Налимъ не имѣетъ чешуи, а покрытъ слизью, такъ что его трудно удержать въ рукахъ; онъ весь мраморный: по темно-зеленому желтоватому полю испещренъ черными пятнами; глаза имѣетъ темные; нѣкоторые налимы бываютъ очень темны, а другіе очень желты. Я не видалъ налима болѣе пятнадцати фунтовъ, но говорятъ, что онъ достигаетъ тридцати фунтовъ. Хотя я только отъ одного рыбака слышалъ, что онъ выудилъ налима, но судя по тому, что позднею осенью и въ началѣ зимы налимъ беретъ со дна на обыкновенныя удочки, насаженныя рыбкою или кускомъ рыбы, и поставленныя около береговъ на ночь,—его очень можно выудить, если удить ночью; но въ это время года никто не станетъ удить по ночамъ [1]). Уха изъ однихъ налимовъ (даже безъ бульона изъ ершей), живыхъ непремѣнно, особенно если положить побольше печенокъ и молокъ, до того хороша, что, по моему мнѣнію, можетъ соперничать съ знаменитой стерляжьей ухой. Изъ уваженія къ такому высокому качеству и по невозможности удить налимовъ, я допускаю и даже люблю ловлю ихъ *мордами*, по-заволжски, или *неротами*, по-московски. Она производится слѣдующимъ образомъ:

На перекатахъ рѣки, въ которой водятся налимы, загораживаются *язы*, то есть: вся ширина рѣки или только та сторона, которая поглубже, перебивается нетолстыми сплошными кольями, четверти на двѣ торчащими выше водяной поверхности, сквозь которые можетъ свободно течь вода, но не можетъ пройти порядочная рыба: въ этой перегородкѣ оставляются ворота, или пустое мѣсто, въ которое вставляется

[1]) Недавно я убѣдился, что налимъ можетъ взять на удочку и въ день: при мнѣ одинъ рыбакъ выудилъ налима въ два фунта на земляного червя, весною, въ спущенномъ прудѣ. Налимы берутъ также весною на крючки, сейчасъ по слитіи полой воды.

морда [1]) (или нерóтъ), крѣпко привязанная по срединѣ къ длинной палкѣ: если отверзтая ея сторона четыре-угольная, то ее можно вставить между кольями очень плотно; если же круглая (что, по-моему, очень дурно), то дыры надобно заткнуть вѣтками сосны или ели, а за неимѣніемъ ихъ, какими-нибудь прутьями. Всего необходимѣе, чтобъ морда лежала плотно на днѣ. Зимой, особенно въ сильные морозы, преимущественно около святокъ, выходятъ налимы изъ глубокихъ омутовъ, въ которыхъ держатся цѣлый годъ, и идутъ вверхъ по рѣкѣ по самому дну, приискивая жесткое, хрящеватое или даже каменистое дно, о которое они трутся для выкидыванія изъ себя икры и молокъ: такимъ образомъ, встрѣтивъ перегородку, сквозь которую пролѣзть не могутъ, и отыскивая отверстіе для свободнаго прохода, они неминуемо попадутъ въ горло морды. Иногда вваливаются такіе огромные налимы, что даже непонятно, какъ они могли пролѣзть въ узкое отверстіе, будучи почти вдвое его объемистѣе. Это объясняется тѣмъ, что вся толщина налима состоитъ въ брюхѣ, которое, по мягкости своей, удобно сжимается, и тѣмъ, что налимъ покрытъ необыкновенною слизью. Всего выгоднѣе загораживать язы на устьяхъ рѣчекъ, впадающихъ въ главную рѣку. Налимы идутъ всегда́ по ночамъ, и днемъ никогда въ морды не попадаются. Въ наши долгія жестокія зимы очень пріятно, послѣ снѣжной вьюги, свирѣпствовавшей иногда нѣсколько дней, особенно иногда послѣ оренбургскаго бурана, когда утихнетъ мятель и взрытыя ею снѣжныя равнины представятъ видъ моря, внезапно оцѣпенѣвшаго посреди волненія,— очень весело, при блескѣ яркаго солнца, пробраться по занесеннымъ также язамъ, которые иногда не вдругъ найдешь подъ сугробами снѣга, разгресть ихъ лопатами, разрубить ледъ пешнями и топорами, выкидать его плоскимъ сакомъ или лопатой и вытащить морду, иногда до половины набитую налимами. Изрѣдка, особенно къ великому посту, попадаются окуни, плотва и раки. — Налимы берутъ осенью на крючки, привязанные на толстую лесу, или шнурокъ, безъ наплавка, насаженные цѣлою рыбкою или кускомъ свѣжей рыбы. Такіе крючки ставятъ на ночь, насадку опускаютъ на дно у самаго

---

[1]) *Мордою* называется, сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ, круглый мѣшокъ; задній конецъ его завязывается наглухо, а въ переднемъ, имѣющемъ видъ раскрытаго кошелька, устроивается горло на подобіе воронки, такъ что рыбѣ войти можно свободно, а выйти нельзя.

берега, иногда же по срединѣ рѣки, и шнурокъ привязываютъ къ колышку или къ древесному сучку; но объ этомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ подробнѣе. Попадаютъ такіе налимы, что отрываютъ толстые шнурки; очевидно, что лучше привязывать ихъ къ кусту или сучку дерева (только не ольховому: ибо онъ сейчасъ переломится или оторвется отъ ствола), которое имѣетъ гибь. Уха изъ налимовъ, пирогъ съ налимьими печенками... такія блюда, превосходный вкусъ которыхъ извѣстенъ всѣмъ.

СОМЪ [1]) XXVIII).

Сомъ фигурой своей очень похожъ на налима, но ротъ его, или, правильнѣе сказать, пасть, шире, безобразнѣе; голова еще болѣе сливается съ туловищемъ, то-есть, брюхомъ; онъ гораздо отвратительнѣе налима и какъ-то похожъ на огромнаго головастика. Я слыхалъ, что сомы бываютъ чудовищной, баснословной величины, что проглатываютъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Они водятся только въ большихъ рѣкахъ, преимущественно въ тихихъ, тинистыхъ и глубокихъ. Вкусъ сомовій грубъ и непріятенъ, но его плесо, или хвостъ, весь состоящій изъ позвоночной кости и жира, имѣетъ превосходный вкусъ: кулебяка съ какою-нибудь красною свѣжепросольною рыбой и доброй начинкой, проложенная внутри

---

1) Silurus glaris, L. *К. Р.*

ломтиками свѣжаго сомовьяго жира, который весь въ печи растаетъ и напитаетъ собою и начинку и корку—объяденье! Сомовъ ловятъ на огромные крючки, или крючья—величина которыхъ иногда бываетъ не менѣе пожарнаго багра, съ соразмѣрною зазубриною,—привязывая ихъ на крѣпкія веревки и насаживая большихъ рыбъ, огромные куски мяса, ощипанныхъ вполовину куръ, утокъ и даже маленькихъ поросятъ; насаживаютъ также говяжью и баранью требуху; но на чистую мясную насадку сомъ беретъ охотнѣе. Я слыхалъ также, что гдѣ водится сомовъ много, тамъ удятъ ихъ на огромныя удочки, насаживая и большихъ лягушекъ.

РАКИ. xxix).

Хотя ракъ ни рыба, ни мясо, но лучше и того и другого. Пословица: *на безрыбьѣ и ракъ рыба* на этотъ разъ несправедлива. Но, кромѣ своего высокаго гастрономическаго достоинства, раки, какъ я уже сказалъ, играютъ очень важную роль въ уженьѣ: ибо служатъ самою лучшею насадкою для всѣхъ рыбныхъ породъ, особенно линючіе, которыхъ въ это время года ничто замѣнить не можетъ. Раки водятся почти во всѣхъ рѣкахъ, проточныхъ прудахъ и даже иногда въ озерахъ; но слишкомъ холодной воды и теплой, особенно несвѣжей и нечистой, сносить не могутъ. Въ рѣкахъ большихъ и песчаныхъ раки бываютъ очень крупны, но не вкусны и водятся въ маломъ количествѣ; но въ небольшихъ рѣчкахъ, особенно въ губерніяхъ черноземныхъ, водятся въ невѣроятномъ множествѣ, такъ что даже мѣшаютъ удить, — особенно послѣ линянья, когда они бываютъ худы и голодны: на чтó бы вы ни насадили ваши крючки, хотя бы на раковыя шейки, едва они коснутся дна, какъ раки бросятся со всѣхъ сторонъ, схватятъ клешнями и ртами свою добычу и поползутъ съ нею въ нору. Сначала будешь ошибаться, что это беретъ большая рыба, станешь давать имъ волю заклевывать, отъ чего иногда очень не скоро освободишь крючокъ изъ норы; потомъ скоро примѣнишься къ ихъ клеву и не станешь давать имъ затаскивать крючки. Какъ скоро ракъ повезетъ наплавокъ, то надобно сейчасъ потихоньку вынимать удочку: иногда вытащишь и рака; но какое же тутъ уженье хорошей рыбы, если на-

добно вынимать безпрестанно удочки? Когда крючки ходятъ на-вѣсу и не близко къ берегу, то раки будутъ брать менѣе; всего жаднѣе бросаются они на рыбку, навозныхъ и земляныхъ червей и хлѣбъ. Одно вѣрное спасеніе отъ раковъ: полои и разливы прудовъ, гдѣ ихъ мало и гдѣ они не трогаютъ никакой насадки, вѣроятно отъ того, что не ползаютъ по тинѣ. Впрочемъ, не вездѣ они нападаютъ на удочки. Мнѣ случалось удить во многихъ рѣкахъ, въ которыхъ водились раки, и никогда ни одинъ изъ нихъ не трогалъ моихъ удочекъ. — Ихъ ловятъ кругами и рачнями. Первое есть ничто иное, какъ обручъ деревянный или желѣзный, подшитый сѣтью; на серединѣ его прикрѣпляется камень для тяжести и кусокъ мяса, рыбы или хлѣба: первыя — чѣмъ вонючѣе, тѣмъ лучше. Такой кружокъ привязывается, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, тремя равной длины веревочками, которыя всѣ три опять привязываются къ довольно толстой веревкѣ (кружокъ имѣетъ видъ привѣшенной къ потолку люстры); длина этой веревки зависитъ отъ глубины воды; она въ свою очередь опять прикрѣпляется къ длинной палкѣ. Нѣсколько такихъ раколовныхъ снастей закидываются по мѣстамъ глубокимъ, тихимъ и крутоберегимъ, поближе къ берегу, гдѣ всегда бываетъ множество рачьихъ норъ; черезъ полчаса на каждомъ кружкѣ будетъ сидѣть и кушать по нѣскольку раковъ; остается легонько вынимать кружки и собирать добычу. Устройство, такъ называемой въ Оренбургской губерніи, *рачни* точно такое же, какъ и кружка̀, съ тою разницею, что вмѣсто обруча и сѣтки употребляются старые лапти (осметки): это простѣе и удобнѣе. Такихъ рачень легко надѣлать десятка три. Внутри каждаго лаптя (съ привязаннымъ къ нему камнемъ или набитаго глиной для скорѣйшаго погруженія) должно прикрѣпить лычкомъ кусокъ какого-нибудь мяса, рыбы, если случится, а если нѣтъ ни того, ни другого, то корку хлѣба; рачни раскидать по рѣкѣ, саженяхъ въ пяти одна отъ другой. Когда раколовъ закинетъ послѣднюю рачню, то возвращается къ первой, и черезъ полчаса начинаетъ вынимать рачни по порядку; на каждой будетъ сидѣть по два и по три рака; вынимать надобно осторожно и тихо до поверхности воды, и потомъ проворно выкинуть на берегъ. Въ рѣкахъ, изобильныхъ раками, въ нѣсколько часовъ можно такимъ образомъ поймать не одну сотню раковъ.

Въ рѣкахъ очень быстрыхъ, или мелкихъ, такой способъ

неудобенъ и потому ловятъ раковъ руками, отыскивая ихъ въ норахъ, подъ корягами и камнями.

Въ тинистыхъ прудахъ и озерахъ раки живутъ не въ норахъ (потому что для устройства норъ требуется жесткій грунтъ), а въ тинѣ; на круги и рачни они нейдутъ, и потому ловить ихъ нѣтъ другихъ средствъ, какъ частымъ бредешкомъ или недоткой, вытаскивая на берегъ какъ можно болѣе тины, а вмѣстѣ съ ней—и раковъ.

Ночью раки ползаютъ по отмелямъ около самыхъ береговъ, влѣзаютъ и на берегъ (вѣроятно, отыскивая корму). Ходя по такимъ мѣстамъ съ горящей лучиной, ловятъ раковъ руками.

Наконецъ есть еще способъ, и довольно забавный, доставать раковъ; но для этого необходимо, чтобы вода была очень прозрачна. Надобно взять довольно длинную, не сухую палку, расщепить ее съ одного конца и вставить въ расщепъ клинушекъ, чтобъ края палки не сходились вершка на полтора. Запасшись такимъ орудіемъ, надобно выбрать мѣсто умѣренно-глубокое, гдѣ водится болѣе раковъ, и у самаго берега бросить на дно какого-нибудь мяса, кишки, требуху или хоть умятаго хлѣба; раки сейчасъ поползутъ къ корму со всѣхъ сторонъ; тогда расщепленную палку бережно погрузить въ воду, и наводя тихонько на рака, какъ можно къ нему ближе, вдругъ воткнуть развилки въ дно: ракъ попадетъ между ними и увязнетъ вверху расщепа. Кажется, штука простая, а надобно очень примѣниться, и сначала промаховъ будетъ множество. Если раковъ въ рѣкѣ много, то и этимъ способомъ можно наловить ихъ довольно.

Въ іюнѣ и въ іюлѣ раки линяютъ и сидятъ больные въ норахъ, а рачихи также въ норахъ высиживаютъ икру: и тѣхъ и другихъ необходимо доставать руками. Рачихи линяютъ позднѣе раковъ. Желая поймать линючаго рака, некрупные налимы забиваются въ ихъ норы, и деревенскіе мальчики, доставая раковъ, нерѣдко ловятъ налимовъ руками.

КРЮЧКИ И ЖЕРЛИЦЫ.

Ставленье крючковъ и жерлицъ, о которомъ я упоминалъ не одинъ разъ, дѣлается слѣдующимъ образомъ. Большого сорта *крючки*, и даже средніе, на толстыхъ лесахъ, или

крѣпкихъ шнуркахъ съ грузиломъ, если вода быстра, — насаживаются рыбкою, опускаются на дно рѣки, пруда или озера, предпочтительно возлѣ берега, около корней и карягъ, и привязываются къ воткнутому въ берегъ колу, удилищу или кусту. Рыба на крючки попадается ночью; ихъ начинаютъ ставить осенью, когда сдѣлается холодно и пойдутъ морозы; эту ловлю продолжаютъ во всю зиму на такихъ рѣкахъ, которыя не мерзнутъ, или покрываются тонкимъ льдомъ [1]). Попадаются налимы, головли, судаки и щуки. Для предосторожности не худо употреблять крючки съ поводками изъ проволоки или струны, безъ чего щука непремѣнно перегрызетъ и самый толстый шнурокъ: ибо она, хотя рѣдко, беретъ и на крючокъ, со дна.—Жерлицы ставятся для однѣхъ только щукъ. Это тотъ же крючокъ, только рыбку надобно насаживать живую въ спинку (наилучшій способъ насадки: животку пришивать бокомъ къ крючку) и пускать ее не глубже, какъ на одинъ аршинъ, для чего длинная бичевка, или шнурокъ, всегда съ металлическимъ поводкомъ, наматывается на рогульку и ущемляется въ нарочно сдѣланный расколъ одного изъ ея рожковъ; сама же рогулька коротко и крѣпко привязывается къ длинному рычагу, который другимъ заостреннымъ концомъ своимъ втыкается въ наклоненномъ положеніи въ берегъ или неглубокое дно; на крупныхъ щукъ обыкновенно насаживаютъ окуней, и не маленькихъ. Щука, проглотивъ насадку, размотаетъ шнурокъ съ рогульки во всю его длину, и, если хорошо забрала, будетъ ходить цѣлый день и ни за что не сорвется. Жерлицы ставятся преимущественно въ прудахъ и озерахъ, въ мелкихъ мѣстахъ около травъ и камышей. Для ставленья и выниманья жерлицъ нужна лодка, потому что всего лучше ставить ихъ въ разливахъ прудовъ. Щуки попадаютъ и днемъ, но чаще ночью. Для большихъ щукъ обыкновенные крупные крючки не годятся, потому что слишкомъ тонки и малы. Огромная щука такъ сильна и станетъ такъ кидаться и метаться, что крючокъ, хотя бы задѣлъ за ея желудокъ, называемый рыбаками *кутырь*, непремѣнно прорветъ его и выскочитъ вонъ. Для этой ловли приготовляются особенные толстые крючки, и они-то называются жерлицами. Мнѣ не одинъ разъ случалось вынимать щукъ съ вывороченнымъ, какъ чулокъ, куты-

[1]) Про зимнюю ловлю на крючки я только слыхалъ; но мои попытки были всегда неудачны. Самый лучшій ловъ около 1-го октября, если есть морозы, а если нѣтъ, то позднѣе.

ремъ, то-есть, желудкомъ, а щуки были еще живы и бойко ходили. На такія жерлицы попадаются и огромные окуни, даже изрѣдка налимы (разумѣется, въ глубокую осень), если шнурокъ размотается съ рогульки и насадка опустится на дно или прислонится въ водѣ къ берегу: ибо налимъ на вѣсу ни подъ какимъ видомъ не беретъ. Лучшее время для ловли щукъ на жерлицы—конецъ лѣта и первая половина осени: весною и въ позднюю осень онѣ берутъ мало, двойныя жерлицы, то есть съ двумя крючками, по моимъ опытамъ, всегда оказывались неудобными.

Я небольшой охотникъ до жерлицъ: стоитъ ли заниматься однѣми щуками, когда и безъ нихъ всякая рыба беретъ на удочку? Но ставленье крючковъ осенью на налимовъ—очень любилъ и теперь люблю, и потому поговорю подробнѣе объ этой ловлѣ. Кромѣ того, что налимъ драгоцѣнная по вкусу рыба, и что ее въ это время года ничѣмъ другимъ не достанешь, ставленье крючковъ потому пріятно, что начинается тогда, когда прекращается уженье; замѣняя его нѣкоторымъ образомъ, оно можетъ служить единственной отрадой страстному рыбаку, огорченному лишеньемъ любимой забавы на цѣлое полгода! Крючки имѣютъ значительную выгоду въ томъ, что ихъ можно ставить скрытно, такъ что никто, кромѣ хозяина, не увидитъ и не найдетъ ихъ; а это обстоятельство очень важно, если ловля производится на бойкихъ мѣстахъ, гдѣ много шатается народа: рѣдко кто не полюбопытствуетъ посмотрѣть поставленную снасть, если ее увидитъ; а много найдется и такихъ людей, которые будутъ нарочно приходить и вынимать вашу добычу. Да и посмотрѣвшій изъ одного любопытства, ужъ непремѣнно закинетъ крючокъ дурно: не туда и не такъ, какъ надобно; если же насаженная рыбка подбилась, какъ-нибудь, подъ берегъ, зашла за пенекъ, или задѣла за карягу, то, вынимая ее безъ всякой осторожности, незваный гость навѣрное задѣнетъ, стащитъ насадку на бокъ или оторветъ совсѣмъ. Для избѣжанья такихъ помѣхъ, можно привязывать шнурокъ къ колышку (который втыкается плотно въ дно рѣки у берега и покрытъ водою на четверть и болѣе), даже къ карягѣ или къ таловому пруту: тальникъ часто растетъ надъ водою и очень крѣпкоъ. Это можно такъ хитро устроить, что воръ, знающій навѣрное, гдѣ поставлены крючки—не найдетъ ихъ. Въ мѣстахъ, безопасныхъ отъ посѣтителей, можно ставить крючки на удилищахъ и съ наплав-

ками; послѣднее пріятно потому, что, подходя, рыбакъ издали уже видитъ: взяла на крючокъ рыба или нѣтъ, и куда затащило наплавокъ, а также и потому, что на удилищѣ веселѣе поводить и вытащить рыбу. Ставить надобно не на глубокихъ, а около глубокихъ мѣстъ; также около карягъ, корней и крутыхъ береговъ, на крѣпяхъ, какъ говорятъ рыбаки. Впрочемъ, иногда налимы берутъ на серединѣ рѣки, на чистомъ и гладкомъ днѣ, а потому надобно ставить разными манерами. Для насадки можно употреблять всякую мелкую рыбу, кромѣ ершей, окуней и щурятъ: живую или снулую — для налима это все равно; я даже считаю, что снулая лучше: живая можетъ спрятаться подъ траву и забиться подъ каряги, такъ что налимъ ее не увидитъ. Я предпочитаю плотичку, за ея бѣлизну, всѣмъ другимъ насадкамъ, но рыбаки считаютъ, что всего лучше небольшіе карасики, увѣряя, что они мягче и слаще другой рыбы и *живущи*; послѣднее совершенно справедливо, но, по моему замѣчанію, налимы и другія хищныя рыбы берутъ на нихъ не такъ охотно. Можно насаживать на крючки куски мяса, облупленныхъ до половины раковъ и небольшихъ лягушекъ: гдѣ много налимовъ, тамъ берутъ они на все. Всякимъ насадкамъ всего вреднѣе живые раки: гдѣ ловятся они во множествѣ, тамъ очень мѣшаютъ этой ловлѣ: объѣдаютъ насадку и затаскиваютъ въ нору крючокъ, откуда его не скоро вытащишь. Раки нападаютъ на свою добычу болѣе днемъ, и потому на день крючки надо вынимать очень рано поутру и ставить какъ можно позднѣе вечеромъ. Крючки нужны не столько большіе, сколько толстые: ибо гдѣ водятся огромные налимы, тамъ можетъ ввалиться иной въ полпуда; онъ замотаетъ *бичевку* или шнурокъ, разумѣется крѣпкій, за карягу и такъ сильно рвется, что иногда выворачиваетъ кутырь такъ же, какъ щука, и потому тонкій крючокъ можетъ прорвать желудокъ.

БЛЕСНА.

Ближе всѣхъ подходитъ къ обыкновенному уженью *блесна*. Если хотите — это настоящее уженье, съ тою разницею, что рука охотника, въ которой онъ держитъ лесу блесны, служитъ вмѣсто удилища; впрочемъ, я не знаю,

почему не употреблять коротенькаго удилища? Имъ также ловко будетъ подергивать и потряхивать насадку. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ: на обыкновенную лесу прикрѣпляется металлическая, блестящая рыбка, у которой съ боку припаянъ крючокъ (иногда по крючку съ обѣихъ сторонъ); иногда крючокъ торчитъ изъ рта искусственной рыбки; рыбакъ садится въ лодку и, пуская ее вдоль по теченію рѣки, бросаетъ одну или двѣ блесны, на которыхъ искусственныя рыбки кажутся плавающими; жадные окуни, а иногда и щуки, хватаютъ съ розмаху, плывущихъ за лодкою, искусственныхъ рыбокъ и попадаются на крючки. Эта ловля производится осенью, когда вода дѣлается чиста. Я никогда не уживалъ на блесну; но видалъ, какъ удятъ другіе. Я встрѣчалъ страстныхъ охотниковъ до этой ловли, но мнѣ она никогда не нравилась; можетъ быть потому, что я не охотникъ до уженья съ лодки, плывущей по глубокимъ мѣстамъ... надо признаться я люблю твердую землю, берегъ, а жидкаго пути—боюсь.

Впрочемъ, можно ловить блесной или *блеснить*, какъ говорятъ охотники, зимой въ прорубяхъ, а осенью съ берега на мѣстахъ глубокихъ, у самаго берега, причемъ необходимо надобно часто потряхивать и подергивать за лесу, чтобъ искусственная рыбка сколько можно казалась похожею на настоящую. Блеснить съ берега и въ проруби не такъ удобно; что же касается до уженья зимой, то въ зимнюю стужу у меня пропадаетъ охота удить.

ПОЛАЯ ВОДА

и

ЛОВЛЯ РЫБЫ ВЪ ВОДОПОЛЬЕ.

Одно изъ любимыхъ удовольствій русскаго народа — смотрѣть на разливъ полой воды. «Рѣка тронулась»... передается изъ устъ въ уста, и все село, отъ мала до велика, выхлынетъ на берегъ, какова бы ни была погода, — и долго, долго стоятъ пестрыя, кое-какъ одѣтыя толпы, смотрятъ, любуются, сопровождая каждое движеніе льда своими предположеніями или веселыми возгласами. Даже въ городахъ, напримѣръ въ Москвѣ, когда тронется мелководная Москва-рѣка, всѣ ея берега и мосты бываютъ усыпаны народомъ; одни смѣняются другими, и цѣлый день толпы зрителей, перевѣсившись черезъ перилы мостовъ, черезъ рѣшотки набережной, глядятъ—не наглядятся на свою пополнѣвшую Москву-рѣку, которая въ водополь дѣйствительно похожа на порядочную рѣку. Въ самомъ дѣлѣ, видъ большой тронувшейся рѣки представляетъ въ это время года не только величественное, но странное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ-будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, проложенныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили, ѣздили и скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованье, и вдругъ — широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго, снѣжнаго про-

странства — пошевелилась, откололась и пошла... пошла со всѣмъ, что на ней находилось въ то время, съ обледенѣвшими прорубями, навозными кучами, вехами и почернѣвшими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми! Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухимъ, но грознымъ и зловѣщимъ шумомъ и скрипомъ, плыветъ снѣжная, ледяная, безконечная, громадная змѣя. Скоро начинаетъ она трескаться и ломаться, и выпираемыя синія ледяныя глыбы встаютъ на-дыбы, какъ-будто сражаясь одна съ другою, треща и сокрушаясь и продолжая плыть. Потомъ льдины становятся мельче, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ: рѣка прошла!... Освобожденная изъ полугодового плѣна, мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ края береговъ и разливается по лугамъ. Такое зрѣлище представляетъ рѣка большая: но мелкія рѣки, очищаясь отъ льда исподволь, *проходятъ* незамѣтно; только въ полномъ своемъ разливѣ, обогащенныя водою сосѣднихъ овраговъ и лѣсовъ, затопивъ низменныя окрестности, образовавъ острова и протоки тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало, — веселятъ онѣ нѣсколько времени взоры деревенскихъ жителей. За то мельничные проточные пруды и спускъ полой воды въ вешняки, представляя искусственные водопады, вознаграждаютъ быстротой, шумомъ и пѣной падающихъ водъ скудность ихъ объема.

Вскрытіе рѣки, разливъ воды, спускъ пруда, заимка — это событіе въ деревенской жизни, о которыхъ не имѣютъ понятія городскіе жители. Въ столицахъ, гдѣ ледъ на улицахъ еще въ мартѣ сколотъ и свезенъ, мостовые высохли и облака пыли, при нѣсколькихъ градусахъ мороза, отвратительно носятся сѣвернымъ вѣтромъ, — многіе узнаютъ загородную весну только потому, что въ клубахъ появятся за обѣдомъ сморчки, которыхъ еще не умудрились выращивать въ теплицахъ... но это статья особая, и до насъ не касается.

Въ продолженіе водополья, рыболовство, по небольшимъ рѣкамъ, производится особеннымъ образомъ, о которыхъ я и намѣренъ говорить. Какъ скоро рѣка прошла, но еще не выступала изъ береговъ, сейчасъ начинается *первая* ловля рыбы «наметкой», которая есть ничто иное, какъ всѣмъ извѣстный, глубокій сакъ съ мотней, то-есть мѣшокъ, похожій на вытянутый колпакъ изъ частой сѣтки, но не круглый, и пришитый къ деревянной, трехъугольной рамѣ, крѣпко утвержденной на длинномъ шестѣ. Извѣстно, что во время прибы-

вающей полой воды рыба идетъ вверхъ. Покуда рѣка не разлилась — она держится около береговъ, а когда вода разольется по поймамъ —рыба также разбредется по полоямъ. И такъ, береговой ловъ наметкою продолжается весною только до тѣхъ поръ, покуда рѣка не вышла изъ береговъ, и повторяется тогда, когда начнетъ вода вбираться въ берега. Этотъ ловъ повторяется всякій разъ, когда рѣка отъ проливныхъ дождей прибудетъ и сравняется съ берегами; чѣмъ мутнѣе, грязнѣе вода, тѣмъ лучше. Наметки бываютъ *одиночныя* (поменьше) и *двойныя* (побольше); съ одиночною можетъ управляться одинъ сильный человѣкъ, а съ двойною—непремѣнно двое. Быстрое теченіе затрудняетъ ходъ рыбы, сноситъ ее внизъ, а потому она жмется предпочтительно къ тѣмъ мѣстамъ берега, гдѣ вода идетъ тише: на этомъ основанъ ловъ наметкой. Рыбакъ, стоя на берегу, закидываетъ наметку (сѣтка которой сейчасъ надувается водою) какъ можно дальше, опускаетъ бережно на дно, легонько подводитъ къ берегу и, прижимая къ нему плотно, но не задѣвая за неровности, вытаскиваетъ наметку отвѣсно, противъ себя, перехватывая шестъ обѣими руками, чѣмъ ближе къ сѣткѣ, тѣмъ проворнѣе. Очевидно, что тутъ, кромѣ ловкости, надо много силы: быстрое теченіе сноситъ наметку внизъ, для чего иногда нужно конецъ шеста положить на плечо, чтобъ на упорѣ легче было прямо погрузить наметку въ воду: ибо наметка должна итти прямо поперекъ рѣки и разомъ всѣми тремя сторонами рамы прикоснуться къ стѣнамъ берега, чтобъ захватить стоящую возлѣ него рыбу. Если какъ-нибудь теченіе воды наметку заворотитъ и она бокомъ или краемъ ударится въ берегъ—рыба отъ бебега бросится въ противную сторону, испугаетъ и увлечетъ за собою всю другую рыбу, около стоявшую, хотя бы она и не видала, отчего происходитъ тревога, и, въ такомъ случаѣ, здѣсь поймать уже нельзя ничего. Мутность воды мѣшаетъ рыбѣ видѣть приближеніе рыболовной снасти, и наметка загребаетъ, такъ-сказать, въ свой кошель всякую рыбу, которая стояла у берега на этомъ мѣстѣ. Обыкновенно попадаются: щучки, окуни, ерши, плотва, по большей части мелкая; но иногда захватываются другія породы рыбъ, довольно крупныя. Въ рѣкахъ и рѣчкахъ, изобильныхъ рыбою, крутоберегихъ, узкихъ, особенно въ верховьяхъ большихъ прудовъ, въ эту пору года можно и наметкой наловить множество рыбы. Весело вытряхивать на снѣгъ или на оттаявшій берегъ тяжелую

наметку, нагруженную въ мотнѣ рыбою, разнообразіе которой особенно пріятно. Тутъ и щука—голубое перо, и полосатый окунь, и пестрый ершъ, до того уродливо полный икрою, что точно брюшко и бока его набиты угловатыми камешками. Тутъ и многіе другіе золотистые, серебристые, проворные, красивые, давно невиданные охотникомъ, жители водяного царства!

Но вотъ лѣтняя теплая туча засинѣла на югозападномъ краѣ горизонта, брызнули дождевыя капли... громъ... и полился дождь... Пора обмыть землю, выходящую изъ-подъ снѣга, опутанную тенетниками или паутинами, пора растопить и согнать послѣдніе, снѣжные, обледенѣлые сугробы! Тронулись большіе овраги, подошла лѣсная вода, бѣгутъ потоки, журчатъ ручьи со всѣхъ сторонъ въ рѣку, и—рѣка выходитъ изъ береговъ, затопляетъ низменныя мѣста, и рыба, оставляя безполезные берега, бросается въ полой. Наметка уже не годится: пришла пора употреблять другія рыболовныя снасти. Эти снасти: *морды*, или верши, вятели[1]), хвостуши. Морда (нѣротъ или наротъ — по-московски, или верша—по-тульски) есть ничто иное. какъ плетеный изъ ивовыхъ прутьевъ, круглый продолговатый мѣшокъ. или боченокъ, похожій фигурою на растопыренный колпакъ; задняя часть его кругловата и крѣпко связана, къ самому хвосту прикрѣпленъ камень, а передняя раскрыта широко, четвероугольною квадратною рамою, въ аршинъ и даже въ аршинъ съ чертвертью въ квадратѣ[2]). Внутри этой отверзтой стороны выплетено, изъ прутьевъ же, горло въ видѣ воронки, для того чтобы рыбѣ войти было удобно, а назадъ выйти нельзя.

Для ставленья мордъ въ полую воду приготовляются мѣста заранѣе, въ *межень*, какъ говорится. Извѣстно, по какимъ низменностямъ будетъ разливаться вода, а потому на ложбинахъ, небольшихъ долочкахъ и въ неглубокихъ овражкахъ, всегда на ходу рыбы, набиваются колья и заплетаются плетнемъ, шириною отъ одной сажени до двухъ и болѣе, смотря по мѣстности, поверхъ котораго и сквозь который вода проходитъ, но рыба, кромѣ малявки, то-есть самой мелкой, сквозь пройти не можетъ. Въ серединѣ этого плетня остав-

---

1) Или вентели, которые въ Можайскомъ уѣздѣ называются „жохами".

2) Около Москвы плетутъ нѣрота круглые, но это неудобно: они не плотно ложатся на дно и вставляются въ язы, и дыры надо затыкать *лапникомъ*, то-есть вѣтвями ели.

ляются одни, иногда двое, воротъ или дверей (въ аршинъ или аршинъ съ четвертью шириною), въ которыя вставляются морды, прикрѣпленныя къ шестамъ; два хода, или отверстія, оставляются иногда для того, чтобы можно было ставить одну морду по теченію, а другую противъ теченія воды: рыба идетъ сначала вверхъ, а потомъ, дойдя до края разлива, возвращается назадъ и будетъ попадать въ морды въ обоихъ случаяхъ. Когда же вода пойдетъ на убыль, то всѣ морды и другія снасти въ этомъ родѣ ставятся противъ ската воды, то-есть противъ теченія. Мѣста въ полояхъ между кустами, устья ручейковъ, суходоловъ и вообще всякое углубленіе земли, сравнительно съ прочею мѣстностью, считаются самыми выгодными мѣстами. Въ такія морды съ загородками попадаетъ всякая рыба безъ исключенія, не только крупная, но и мелкая, потому-что сквозь плетеный неротъ не можетъ пролѣзть и плотичка. Морды или нероты ставятъ и безъ плетней, даже безъ шестовъ, на однѣхъ веревкахъ; но это уже не весенній ловъ.

Вятиль, вентель или крылена, какъ зовутъ его въ низовыхъ губерніяхъ, фигурою—совершенно длинная морда, только вмѣсто прутьевъ, на основаніи деревянныхъ обручей, обтянута частой сѣткой, и сверхъ того, по обоимъ бокамъ раскрытой передней части, имѣетъ крылья или стѣнки изъ такой же сѣтки, пришитыя концами къ кольямъ; задняя часть или хвостъ вятиля также привязанъ къ колу, и на этихъ-то трехъ главныхъ кольяхъ, втыкаемыхъ плотно въ землю, крылена растягивается во всю свою ширину и длину. Ее ставятъ по залитымъ водою мѣстамъ, предпочтительно тихимъ, имѣющимъ ровное дно. Названіе крылена очень выразительно, потому-что боковыя ея стѣнки изъ сѣти, замѣняющія плетень около морды, имѣютъ видъ растянутыхъ крыльевъ: общая фигура снасти представляетъ разогнутую широко подкову. Крылены имѣютъ ту выгоду, что для нихъ не нужно приготовлять мѣстъ заранѣе, набивать колья и заплетать плетни, что ихъ можно ставить вездѣ и переносить съ мѣста на мѣсто всякій день: ибо если рыба въ продолженіе сутокъ не попадаетъ, то это значитъ, что тутъ нѣтъ ей хода; но зато на мѣстахъ, гдѣ вода течетъ глубоко и быстро, вятель или крылену нельзя ставить, потому-что ее можетъ снести сильнымъ теченіемъ и можетъ прорвать, если по водѣ плывутъ какія-нибудь коряги, большіе сучья, или вымытые изъ берега корни деревъ. Морду

можно поставить на узкомъ и на довольно глубокомъ мѣстѣ (заранѣе приготовленномъ), потому-что рыба идетъ по дну; но крылена становится не глубже полутора аршина, а иногда и гораздо мельче, притомъ на мѣстахъ пологихъ и широкихъ, гдѣ бы могли растянуться ея крылья. И морду и крылену можно ставить съ лодки, хотя это и не такъ ловко; но русскіе люди не боятся простуды (за что нерѣдко дорого расплачиваются) и обыкновенно бродя по водѣ, иногда по горло, становятъ свои рыболовныя снасти. Морда утверждена, то-есть: крѣпко привязана въ двухъ мѣстахъ снаружи къ шесту, который проходитъ по серединѣ отверстой стороны, и, будучи длиннѣе, вершка на три, нижняго края морды, плотно втыкаются въ дно. Крылена привязана къ тремъ главнымъ кольямъ и еще къ двумъ, такъ-сказать вспомогательнымъ, находящимся по срединѣ крыльевъ, имѣющихъ въ длину каждое до двухъ и болѣе аршинъ; два вспомогательные колышка, поменьше главныхъ, служатъ крыльямъ для лучшаго растягиванья и сопротивленья теченію воды. Всѣ пять кольевъ крѣпко втыкаются въ мягкое дно.—Въ крылены попадается, также какъ въ морды, всякая рыба, иногда въ такомъ количествѣ и такая крупная, что сѣтка разрывается или даже выскакиваютъ колья, на которыхъ утверждена крылена.—Въ водополь очень ловко перебивать нѣсколькими вятелями какой-нибудь значительный заливъ воды въ узкомъ его мѣстѣ. Крылены ставятъ одну возлѣ другой плотно, крыло съ крыломъ, наблюдая, чтобъ одна крылена стояла по теченію или ходу воды, а другая напротивъ, очевидно съ тою цѣлью, чтобы рыба—впередъ ли, назадъ ли идетъ она—попадала въ разставленныя снасти.

Хвостуша уже названіемъ своимъ показываетъ, что должна имѣть длинный хвостъ. Это родъ морды; она также сплетена изъ прутьевъ, только не похожа фигурой своей на боченокъ, имѣющій въ серединѣ болѣе ширины, на который похожа морда. Хвостуша отъ самаго передняго отверстія, ко-которое дѣлается и круглымъ, и овальнымъ, и четвероугольнымъ,—все идетъ къ хвосту уже и связывается внизу тамъ, гдѣ оканчиваются прутья, кончики которыхъ не обрубаютъ; бока хвостуши въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, смотря по ея длинѣ, переплетаются вокругъ поперечными поясами изъ такихъ же гибкихъ прутьевъ, для того, чтобы вдоль лежащіе прутья связать плотнѣе и чтобы рыба не могла раздвинуть

ихъ и уйти. Хвостуша всегда бываетъ длиннѣе морды, и прутья для нея употребляемые -- потолще; къ хвосту ея, и также къ двумъ концамъ нижней стороны, привязываются довольно тяжелые камни, для погруженія и плотнаго лежанья хвостуши на днѣ, ибо она ничѣмъ другимъ на немъ не утверждается; къ тому же ставится всегда на самомъ быстромъ теченіи, или, лучше сказать, паденіи воды, потому-что только оно можетъ захлестать, забить рыбу въ узкую часть, въ хвостъ этой простой снасти, гдѣ, по тѣснотѣ, рыбѣ нельзя поворотиться и выплыть назадъ, да и быстрина воды мѣшаетъ ей сдѣлать поворотъ. Мнѣ случалось видѣть хвостушки, до того полныя рыбами, что заднія или послѣднія къ выходу не умѣщались и до половины были наружи. Самое выгодное мѣсто для ставленья хвостушъ—крутой скатъ воды, и самое выгодное время — спускъ мельничныхъ прудовъ, когда они переполнятся вешнею водою, особенно если русло, по которому стремится спертый потокъ, покато. Я живо помню эту ловлю въ моемъ дѣтствѣ: рыбы въ рѣкѣ, на которой я жилъ, было такое множество, что теперь оно кажется даже самому мнѣ невѣроятнымъ; вешняка съ заторами не было еще устроено, въ которомъ можно поднимать одинъ запоръ за другимъ и такимъ образомъ спускать постепенно накопляющуюся воду. Вешнякъ запружали на-глухо, когда сливала полая вода; а весной, когда прудъ наливался какъ полная чаша и грозилъ затопить плотину и прорвать, раскапывали заваленный вешнякъ. Вода устремлялась съ яростью и размывала прошлогоднюю запрудку до самаго дна, до материка. Сильная покатость мѣстоположенія умножала водную быстрину, и я видалъ тутъ такую ловлю рыбы хвостушами, какой никогда и нигдѣ не видывалъ послѣ. Во всю ширину теченія, въ разныхъ мѣстахъ, вколачивали заранѣе крѣпкіе колья; къ каждому, на довольно длинной веревкѣ, привязывалась хвостуша, такъ, чтобы ее можно было вытаскивать на берегъ не отвязывая. Впрочемъ, иногда веревка оканчивалась глухой петлей и надѣвалась на колъ. Рыба, которая шла сначала вверхъ, доходя до крутого паденія воды, отбивалась стремленіемъ ея назадъ, а равно и та, которая скатывалась изъ пруда внизъ по теченію (что всегда бываетъ по большей части ночью), попадала въ хвостуши, которыя хотя не сплошнымъ рядомъ, но почти перегораживали весь потокъ. Рыбы вваливалось невѣроятное множество и такъ скоро, что люди, закинувъ сна-

сти, не уходили прочь, а стояли на берегу, и отъ времени до времени, черезъ полчаса, или много черезъ часъ, входили по поясъ въ воду, вытаскивали до половины набитые хвостуши разной рыбой, вытряхивали ее на берегъ и вновь закидывали свои простыя снасти. На берегу была настоящая ярмарка: крикъ, шумъ, разговоры, бѣготня; куча бабъ, стариковъ и мальчишекъ таскали домой лукошками, мѣшками и подолами всякую рыбу; разумѣется, не мало было и простыхъ зрителей, которые совѣтовали, помогали и шумѣли гораздо болѣе настоящихъ рыбаковъ. Все это довершалось ревомъ падающей воды, съ шумомъ, пѣной и брызгами разбивающейся о крѣпкое дно и колья съ привязанными хвостушами. Много попадалось очень крупныхъ головлей, язей, окуней, линей (фунтовъ по семи) и особенно большихъ щукъ. Я самъ видѣлъ, какъ крестьянинъ, съ помощью товарища, вытащилъ хвостушу, изъ которой торчалъ хвостъ щуки: вѣсу въ ней было одинъ пудъ пять фунтовъ. Не могу понять, какъ такая огромная и сильная рыба не выкинулась назадъ? Должно предположить, что стремленіе воды забило ея голову въ узкій конецъ хвостуши, гдѣ она ущемилась между связанными прутьями и гдѣ ее захлестало водой; сверхъ того, натискавшаяся по бокамъ щуки другая рыба лишала ее возможности поворотиться. Хвостуши, оставляемыя на ночь, то-есть часовъ на шесть, набивались рыбою только на четверть, не вровень съ краями; но сверху обыкновенно была мелкая плотва: вѣроятно крупная рыба выскакивала.

Во время самаго разлива полой воды, щуки мечутъ икру и выпускаютъ молоки; въ продолженіе этой операціи онѣ ходятъ по верху одна за другою, иногда по нѣскольку штукъ. Замѣтивъ мѣста, около которыхъ онѣ трутся—всегда въ травѣ или кустахъ по полоямъ,—охотникъ входитъ тихо въ воду и стоитъ неподвижно съ боку рыбьяго хода, съ готовою острогою, и когда щуки подплывутъ къ нему близко,—бьетъ ихъ своимъ нептуновскимъ трезубцомъ, который имѣетъ, однако, не три, а пять и болѣе зубцовъ или иглъ съ зазубринами. Въ это же время стрѣляютъ щукъ изъ ружей крупною дробью, потому-что щуки ходятъ высоко, и не только спинное перо, но и часть спины видна на поверхности. И острогой, и ружьемъ добываютъ иногда такихъ огромныхъ щукъ, какія рѣдко попадаются рыбакамъ въ обыкновенныя рыболовныя снасти, и если попадаются, то снасти не выдерживаютъ.

ОХОТА СЪ ОСТРОГОЮ.

Охота съ острогою можетъ доставить много удовольствія особенно потому, что производится въ позднюю осень, когда рыба уже перестала клевать: слѣдственно первой, лучшей изъ рыболовныхъ охотъ—уже не существуетъ; да и другими способами, въ это время года, ловить уыбу неудобно. Не меньшее преимущество этой охоты состоитъ въ томъ, что острогою бьется крупная рыба, какъ-то: щуки, сомы, жерихъ, судаки и проч., достигающіе иногда такой величины, что обыкновенныя рыболовныя снасти ихъ не удержатъ: я разумѣю бредни, небольшіе невода, сѣти и вятили. Надобно еще прибавить, что эта охота бываетъ ночью, и весь короткій, осенній день остается свободнымъ для охотника, и онъ можетъ заниматься всякими другими охотами, существующими въ позднее, осеннее время года. Охота съ острогою имѣетъ въ себѣ даже много поэтическаго, и хотя люди, занимающіеся ею, повидимому не способны принимать поэтическихъ впечатлѣній, но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ, понимаютъ ихъ безсознательно, говоря только, что «ѣздить съ острогою весело!»

Охота острогою требуетъ трехъ условій: темной ночи, свѣтлой воды и совершенно тихой погоды: первымъ двумъ условіямъ всегда удовлетворяетъ осень, то-есть: ночи дѣлаются длинны и темны, а вода отъ морозовъ становится совершенно прозрачною; третьяго условія—тишины, надо выжидать. Охота производится на лодкѣ небольшой, но и не маленькой: лодка должна быть легка, ходка, но не качка и не вертлява и довольно глубока. Къ кормѣ ея, на прочной, желѣзной рукояткѣ, придѣлывается желѣзная же четвероугольная рѣшотка, около аршина въ квадратѣ, на которой долженъ горѣть постоянный огонь, яркій, но спокойный, для чего нужно имѣть въ лодкѣ порядочный запасъ мелко наколотыхъ, сухихъ, березовыхъ дровъ. Рѣшотка, посредствомъ изогнутой, кверху рукоятки, должна быть выше кормы, чтобы хорошо освѣщать воду, до дна. Бой рыбы острогою можетъ производиться только въ водахъ тихихъ или стоячихъ: на прудахъ, озерахъ и на большихъ затонахъ, или заливахъ рѣкъ порядочной величины, но не быстро текущихъ. Въ темную осеннюю ночь (чѣмъ темнѣе, тѣмъ лучше), но тихую и не дождливую, садятся двое охотниковъ въ лодку: одинъ на кормѣ съ весломъ, а другой съ

острогою почти посрединѣ, немного поближе къ носу; двѣ запасныя остроги кладутся въ лодку: одна обыкновенной величины или нѣсколько поболѣе, а другая очень большая для самой крупной рыбы, съ длинною, тонкою, но крѣпкою бичевкою, привязанною за желѣзное кольцо къ верхнему концу остроги. Вѣроятно всѣмъ извѣстно, что острога имѣетъ фигуру столовой вилки, только съ короткими зубьями, которыхъ числомъ бываетъ отъ пяти до семи; каждый зубъ или игла бываетъ не короче четырехъ вершковъ и оканчивается зазубриной, точно такою, какая дѣлается на концѣ рыболовнаго крючка, для того, чтобы проколотая острогою рыба не могла сорваться; желѣзная острога прикрѣпляется очень прочно къ деревянному шесту, крѣпкому, гладкому, сухому и легкому, длиною въ сажень и даже въ полторы, но никакъ не длиннѣе, потому-что рыбу приходится бить не болѣе какъ на трехъ-аршинной глубинѣ, а по большей части на двухъ аршинной и менѣе. Трехъ-аршинную глубину воды огонь озаряетъ неясно, да и дѣйствовать острогою, чѣмъ глубже вода, тѣмъ тяжеле и труднѣе: и глазъ и рука становятся невѣрны. Попасть въ рыбу острогою, кажется, дѣло не хитрое; но не всякій къ нему способенъ: кромѣ вѣрнаго глаза и вѣрной сильной руки, надобно имѣть много сметки и ловкости. Даже человѣкъ, имѣющій всѣ эти качества и получившій подробныя наставленія отъ опытнаго бойца, сначала будетъ ошибаться, и, не попадая въ настоящее мѣсто, станетъ попадать близко къ хвосту или въ конецъ рыбьей головы, или будетъ совершенно промахиваться. Самое главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы отгадать мѣру разстоянія: пунктъ, съ котораго тихое, медленное опущеніе остроги—должно мгновенно перейти въ быстрый ударъ. Эту мѣру можно приблизительно положить отъ полуторы до двухъ четвертей отъ рыбы. Острога опускается въ воду не прямо надъ рыбою, не отвѣсно, потому-что въ этомъ положеніи шестъ остроги и рука человѣческая закрыли бы рыбу, и умѣтить въ нее было бы невозможно. И такъ, острога опускается сначала мимо рыбы и, когда подойдетъ къ ней такъ близко, что надобно уже ударить,—осторожно переносится на цѣль и направляется противъ рыбьей спины. Самымъ лучшимъ ударомъ считается тотъ, который угодитъ въ спину, не далѣе, какъ пальца на три отъ головы. Такой ударъ лишаетъ возможности крупную рыбу сильно биться и возиться на острогѣ, что непремѣнно случится, если острога

попадетъ близко къ хвосту или къ концу рыла; въ обоихъ этихъ случаяхъ большая рыба легко можетъ сорваться и, несмотря на жестокія раны, отъ которыхъ впослѣдствіи уснетъ,— можетъ уйти и лишить охотника богатой добычи. Даже ударъ въ самый лобъ, случающійся очень рѣдко, если не убьетъ рыбу на-повалъ, даетъ ей возможность и возиться, и сойти съ остроги. Правящій весломъ долженъ быть также мастеръ своего дѣла, потому-что управленіе лодкою во время плаванья за рыбою съ острогою совсѣмъ не то, что плаванье на лодкѣ въ обыкновенное время; даже весло нужно другое: нѣсколько пошире, похожее на деревянную лопатку, но въ то же время—самое легкое и сподручное. Лодка должна подвигаться впередъ ровно, тихо и безъ всякаго волненія водяной поверхности; весло никогда не вынимается изъ воды и всѣ повороты, всѣ движенія производятся подъ водою, подобно тому, какъ производитъ ихъ, своими веслообразными лапами, гусь, лебедь и вся водоплавающая птица. Чтобы дать болѣе ясное и болѣе полное понятіе объ этой охотѣ, я опишу со всѣми подробностями одну изъ моихъ самыхъ замѣчательныхъ добычливыхъ поѣздокъ съ острогою, въ которой я, по молодости моихъ лѣтъ, былъ только зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицемъ.

Длинны, темны становились осеннія ночи; морозы прохватили, остудили воду, осадили на дно водяныя травы: шмару, плесень и всякую плавающую на поверхности дрянь; отстоялась и свѣтла стала вода въ полояхъ и заливахъ нашего широкаго пруда. Уже нѣсколько времени поговаривали охотники, что «пора ѣздить съ острогою», собирались и наконецъ собрались; взяли и меня съ собою. Время стояло самое благопріятное, то-есть: было темно, слегка морозно и совершенно тихо. Развели огонь на рѣшоткѣ, уложили въ лодку все нужное, усѣлись безъ шума, оттолкнулись отъ берега и поплыли по полоямъ. Огонь ярко освѣщалъ только небольшое, кругловатое пространство около рѣшотки; даже носъ лодки освѣщался уже слабо; кругъ свѣта скоро поглощался мракомъ, и еще темнѣе, чернѣе казалась ночь, охватившая насъ со всѣхъ сторонъ. Казалось, безграничное пространство воды окружало насъ; въ густомъ мракѣ не видно было ни камышей, ни плотины, ни береговъ; одна лодка плыла въ свѣтломъ кругѣ. Я сидѣлъ спиной къ огню; лицо и весь образъ рыбака съ острогою, молодого и крѣпкаго человѣка,

сидящаго противъ меня, были ярко освѣщены. Когда же я оглядывался на стараго рыбака съ весломъ, освѣщаемаго и даже подогрѣваемаго сзади, то онъ представлялся черною фигурою, образомъ безъ лица, рисовавшимся на огненномъ кругѣ; при всякомъ поворотѣ лодки или движеніи гребца, свѣтъ обливалъ его то слѣва, то справа и, казалось, заглядывалъ ему въ лицо. Видъ съ берега на плавающую съ огнемъ лодку по водѣ—также очень живописенъ. Какъ очарованная, до половины ярко освѣщенная, какъ-будто предводимая пламенемъ, двигалась лодка безъ шума и, повидимому, безъ движенія, безъ участія сидящихъ въ ней какихъ-то призраковъ.

Скоро стала попадаться намъ спящая мелкая рыба, стоявшая или, лучше сказать, лежавшая на днѣ, по маленькимъ ямкамъ и впадинамъ; охотники не обращали на нее вниманія; меня же очень занимало разсматриваніе тинистаго прудового дна, освѣщеннаго огнемъ. Вдругъ снималась пелена съ другого неизвѣстнаго міра съ его разными почвами, неровностями, растеніями и спящими обитателями!... Мнѣ заранѣе приказано было сидѣть смирно и громко не говорить, и я только шопотомъ или пальцемъ указывалъ на рыбу, мимо которой мы проѣзжали и которая казалась мнѣ довольно большою и стоющею удара остроги. Я ошибался, потому что рыба въ водѣ, особенно ночью, при огненномъ освѣщеніи, кажется гораздо крупнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Молодой рыбакъ, державшій въ рукѣ острогу, положа ее поперекъ лодки, не слушалъ меня и только трясеніемъ головы или отрывистымъ шопотомъ: «это все дрянь, сидите смирно»,—отвѣчалъ на мои знаки и слова. Наконецъ поплыли мы по протоку: такъ называлось извилистое, длинное протяженіе, пересѣкавшее діагонально почти весь прудъ, никогда не зароставшее травою; вѣроятно это былъ когда-нибудь материкъ рѣки, старица, какъ его называютъ, если онъ не затопленъ водою: можетъ быть также, что это былъ овражекъ, по которому нѣкогда бѣжалъ ручей. Глубина протока иногда достигала сажени, но большею частью простиралась отъ полутора до двухъ аршинъ, и, несмотря на то, была вдвое глубже окружавшихъ его полоевъ. Протокъ имѣлъ подъ водою свои собственные берега, оброставшіе густыми, водяными травами въ лѣтнее время, разстилавшимися по водяной поверхности; теперь, побитыя сверху морозами, онѣ опустились и лежали по дну грядами, наклонясь въ одну сторону. Въ этомъ-то протокѣ начала по-

падаться намъ крупная рыба: «придержи» — шепнулъ главный рыбакъ; лодка пріостановилась, острога скользнула въ воду, шла сначала медленно, потомъ быстро вонзилась, и черезъ нѣсколько секундъ былъ осторожно вытащенъ огромный язь по крайней мѣрѣ фунтовъ въ шесть, увязшій въ зубьяхъ остроги; зазубрины такъ въѣлись въ тѣло язя, что даже руками не вдругъ его сняли. Вторая добыча попалась — окунь такой величины, какого въ нашемъ пруду ни прежде, ни послѣ не лавливали. Къ сожалѣнію, тогда не взвѣшивали рыбу, и я не могу положительно сказать, сколько вѣсилъ этотъ окунь; но, конечно, въ немъ было болѣе пяти фунтовъ. Потомъ стали попадаться средніе язи и окуни, которыхъ набили десятка полтора. Вытащили также нѣсколько очень крупныхъ плотицъ. Изрѣдка наѣзжали на щукъ, отъ трехъ до семи и до десяти фунтовъ (говоря примѣрно), которыхъ также убили штукъ пять, не считая мелкихъ: щукамъ не давали пощады и били всякаго щуренка, котораго только могли зацѣпить зубья остроги. Такое озлобленіе на щукъ происходило отъ того, что онѣ слишкомъ развелись и безъ сомнѣнія поѣдали множество мелкой рыбы. Щуки стали попадаться намъ чаще по заливамъ, около камышей и предпочтительно въ озеркахъ, кругомъ обросшихъ камышами, и также въ отлогихъ впадинахъ, которыя оканчивались материкомъ рѣки. Не должно думать, что рыбакъ убивалъ всякую рыбу, которая намъ попадалась; напротивъ, нѣкоторыя были такъ чутки, что уходили при одномъ приближеніи лодки, а другія уходили по большей части въ то время, когда направлялась въ нихъ острога. Надобно также замѣтить, что при вытаскиваніи порядочной рыбы нельзя было обойтись безъ нѣкотораго шума и движенія воды, и потому много уходило рыбъ, которыя стояли и спали по близости. Наконецъ выплыли мы на материкъ и, поднявшись довольно далеко вверхъ, поворотили узкимъ, но глубокимъ заливомъ опять въ камышъ, и только стали входить въ круглое широкое озеро, какъ рыбакъ подозрилъ щуку огромной величины, стоявшую между двумя затопленными кочками, невдалекѣ отъ сплошной гряды камыша. Сердце у меня замерло, когда онъ, положа свою острогу, взялъ изъ лодки самую большую. Я понялъ, что это значитъ. Шопотомъ и знаками указалъ онъ своему товарищу мѣсто, на которое должна была направиться лодка. Тихо наплыли мы на спящую рыбу, которая показалась мнѣ толстою и длин-

ною деревянною плахою, или вершиной бревна, лежащаго на днѣ. Съ удвоенною осторожностью направилъ рыбакъ свой трезубецъ или, правильнѣе сказать, семизубецъ, долго наводилъ и мѣтилъ и наконецъ ударилъ изо-всѣхъ силъ, проворно приподнялся на ноги, придавилъ, что есть мочи, острогу, и оттолкнулъ отъ себя... вода точно закипѣла подъ нами, лодка зашаталась отъ толчка и волненія, и я очень испугался, хотя глубина была не больше двухъ аршинъ и хотя тогда я боялся воды менѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Повернувшись и сильно взволновавъ воду, щука бросилась сначала какъ стрѣла, но потомъ пошла тише; шестъ въ наклоненномъ положеніи до половины торчалъ изъ воды: собственная тяжесть и крѣпкая бичевка, привязанная къ верхнему концу, склоняли его на бокъ. Щука шла прямо изъ озера въ матерڅкъ рѣки. Держа въ рукахъ конецъ бичевки, молодой рыбакъ уже громкимъ и веселымъ голосомъ сказалъ: «попалась, утятница! давно я до тебя добирался!» но другой рыбакъ отвѣчалъ почти сердито: «ну, ну погоди радоваться. Веревку-то не выпусти изъ рукъ». Въ самомъ дѣлѣ, веревка стала натягиваться, рыбакъ замоталъ ее за руку, и мы поплыли вслѣдъ за щукою, увлекаемые ею. Сойдя въ материкъ, она сначала не одинъ разъ погружала въ воду весь, слишкомъ четырехъ-аршинный шестъ, но потомъ начала утомляться: металась, всплывала наверхъ, пыталась бросаться въ камышъ, чтобы вырвать изъ себя острогу, но напрасно: рыба видимо изнемогала. Рыбакъ черезъ нѣсколько времени, не менѣе какъ черезъ полчаса, подтащилъ къ себѣ за бичевку верхній конецъ шеста, взялъ его въ обѣ руки, всталъ на ноги и опять притиснулъ; но щука уже не бросилась такъ быстро, какъ въ первый разъ, а сдѣлала небольшое движеніе саженъ на шесть впередъ, побилась, остановилась и совершенно затихла. Протащивъ щуку саженъ пять на бичевкѣ, рыбаки рѣшились поднять ее и положить въ лодку. Мы вошли въ извѣстный уже читателямъ протокъ, устье котораго было отъ насъ въ нѣсколькихъ саженяхъ. Оба рыбака, не безъ труда, общими силами вытащили страшно огромную рыбу и ввалили ее въ лодку, не вынимая остроги; она была еще жива, разѣвала ротъ, но не шевелилась. Шестъ положили ко мнѣ на плечо; я придерживалъ его обѣими руками, чтобы онъ не свалился въ воду и не мѣшалъ плыть. Молодой рыбакъ также взялъ весло, сѣлъ на носъ лодки, и мы полетѣли какъ стрѣла къ мельничному каузу.

Тамъ мы позвали мельника и, съ помощію его и засыпки, выгрузились на плотину. Между тѣмъ набѣжали помольщики изъ мельничнаго амбара, разглядѣли, при свѣтѣ зажженной лучины, славную добычу, и раздались громкія восклицанія удовольствія и удивленія. Между помольцами случился одинъ очень малаго роста, и сейчасъ посыпались на него шутки: «Ну, Гришка, говорилъ одинъ, очень высокій ростомъ; хорошо, что щука-то тебя не видала. Ты лѣтось вѣдь купался здѣсь: зглонула бы она тебя, какъ утенка, и поминай какъ звали— пропалъ бы ты безъ вѣсти!» — «Нѣтъ, нѣтъ, подавилась бы, возразилъ другой, все ноги бы остались видны! Что ты на него больно нападаешь, онъ все покрупнѣе утенка....» И громкій хохотъ заглушалъ на время шумъ падающей воды и мельничныхъ колесъ. Между тѣмъ вытащили острогу изъ уснувшей щуки, и мы съ торжествомъ понесли всю рыбу домой. Мнѣ сказывалъ на другой день мельникъ, что помольщики долго не спали, дивились, смѣялись и толковали о диковинной щукѣ, которая, при свѣтѣ горящей лучины, показалась имъ просто чудовищемъ. Что касаетя до меня, то съ самой той минуты, какъ началась возня со щукой, я былъ въ какомъ то забытьи, смѣшанномъ (должно признаться) съ нѣкоторымъ страхомъ. Только дома, когда внесли щуку въ комнату, положили на рогожу и окружили свѣчами, чтобы лучше разглядѣть,—я опомнился и вполнѣ предался шумной радости молодого рыбака. Настоящіе виновники побѣды были неразговорчивы, хотя выпили по доброму стакану вина; но за то я за нихъ разсказывалъ долго и громко всѣ малѣйшія подробности только-что совершившагося событія, ссылаясь на нихъ и заставляя подтверждать слова мои. Плохо спалось мнѣ эту ночь! Впечатлѣнія были такъ живы и противоположны, что произвели сильное волненіе въ моей крови. Щука, со всею обстановкою ея убіенія, грезилась мнѣ безпрестанно, да и въ самомъ дѣлѣ—было отъ чего взволноваться! Если бъ это случилось со мной въ порѣ зрѣлаго возраста, когда охота къ рыбной ловлѣ была уже развита во мнѣ вполнѣ, если бъ это случилось даже теперь со мною – кажется, впечатлѣніе было бы еще сильнѣй. По молодости, я не могъ тогда достаточно оцѣнить важность столь замѣчательнаго происшествія въ исторіи рыболовства, особенно если взять въ соображеніе, что щука, достигающая такихъ размѣровъ многими десятками лѣтъ, а можетъ быть и сотнею годовъ, чрезвычайно рѣдко попа-

дается въ столь незначительныхъ водахъ, какъ нашъ прудъ и рѣка,—и еще рѣже становится добычей рыбаковъ. У насъ это былъ единственный случай, который до сихъ поръ еще не повторился. Надобно только представить себѣ, каковы были первыя движенія и порывы этой страшной рыбы! Покуда она не вышла въ материкъ, гдѣ могла погрузиться глубоко, она производила такое волненіе, что, если бъ мы не находились отъ нея въ нѣсколькихъ саженяхъ, то лодка могла бы опрокинуться. Охотники знаютъ по опыту, что въ ночное время, даже стоя на берегу, невольно вздрогнешь, когда поворотится или плеснется вблизи обыкновенная крупная рыба, которая не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ описываемою мною щукою. Но на небольшой лодкѣ, довольно тяжело нагруженной, на порядочной глубинѣ, на кажущемся безграничномъ пространствѣ воды, въ непроницаемой темнотѣ, кромѣ небольшого освѣщеннаго круга, безпрестанно ожидая отчаянныхъ порывовъ водяного чудища, которое возило и поворачивало нашу ладью во всѣ стороны... признаюсь, сердце замираетъ отъ одного воспоминанья, и въ старости можно отказаться отъ вторичнаго участія въ такой поэтически рыбачьей сценѣ!...

Щуку разсмотрѣлъ я подробно на другой день. Мѣрою она была слишкомъ полтора аршина безъ хвостоваго пера и очень толста. Всѣхъ удивляла необыкновенная ширина ея лба, на которомъ были расположены какіе-то узоры сѣраго цвѣта, казавшіеся выпуклыми и сѣдыми. Рыбаки говорили, что она очень стара и что у ней лобъ *поросъ мохомъ*; когда разѣвали ей пасть, то по истинѣ страшно было смотрѣть на ея двойные, острые зубы, крупные и мелкіе; горло у ней было такъ широко, что она безъ всякаго затрудненія могла проглотить старую утку. Ужъ много лѣтъ замѣчали ея присутствіе въ нашемъ пруду и, конечно, много утятъ, и дикихъ и домашнихъ, переглотала она на своемъ вѣку. Къ сожалѣнію, эта рѣдкая щука не была взвѣшена, и я не могу сказать опредѣлительно объ ея тяжести; но, судя по сравненію со щукой въ одинъ пудъ и пять фунтовъ, которую я видѣлъ нѣсколько лѣтъ послѣ [1]), щука, убитая острогою, должна была вѣсить около двухъ пудовъ.

Впослѣдствіи мнѣ случалось не одинъ разъ ѣздить съ

---

1) Я упоминалъ объ этомъ въ моихъ „Запискахъ объ уженьѣ рыбы“, стр. 141. Эта щука попала въ хвостушу весною, въ полую воду.

острогою и самому бить рыбу; но никакой замѣчательной добычи намъ не попадалось, да и надо признаться, что я этого дѣла былъ не мастеръ. Одинъ только разъ, тотъ же самый охотникъ привезъ съ нижняго соколовскаго пруда (на томъ же Бугурусланѣ, восемью верстами ниже) огромнаго налима, котораго убилъ также острогою, въ материкѣ подъ карягами, стоявшаго такъ глубоко, что онъ едва могъ достать его самою большою острогою. Въ немъ было вѣсу около тридцати фунтовъ, и печенки его не укладывались на обыкновенной тарелкѣ. Это случилось въ самую позднюю осень, когда мелкіе полои уже покрыты были льдомъ.

Острогой бьютъ щукъ и другую крупную рыбу въ то время, когда она мечетъ, *бьетъ* икру, выражаясь по-рыбачьи. Въ эту пору особеннаго своего состоянія рыба ходитъ стаями и нерѣдко поднимается такъ высоко, что верхнія перья бываютъ видны на поверхности воды: рыбакъ, стоя неподвижно въ камышѣ, по колѣни и даже по поясъ въ водѣ, или на берегу, притаясь у какого-нибудь куста, сторожитъ свою добычу и вонзаетъ острогу въ подплывающую близко рыбу. Въ глубокихъ ямахъ, подъ вешняками, крупная рыба любитъ итти противъ падающей воды, всплываетъ иногда довольно высоко и упорно держится въ неподвижномъ положеніи, уткнувъ голову въ хворостъ и всякій лѣсъ, которымъ обыкновенно бываетъ устлано дно спуска, подъ деревяннымъ его поломъ или помостомъ. Рыбакъ по большей части мельникъ, потому-что это ему сподручно, подкарауливъ или замѣтивъ высоко стоящую рыбу, подкрадывается съ острогою и выхватываетъ иногда славнаго язя, головля, окуня или жериха. Все это бываетъ очень пріятною, случайною добычею; но не можетъ назваться настоящею *охотою съ острогою*.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ.

Я уже говорилъ въ своихъ «Запискахъ объ уженьѣ рыбы» о необыкновенной жадности щукъ и разсказалъ нѣсколько истинныхъ происшествій, подтверждающихъ мое мнѣніе. Вотъ еще два случая въ томъ же родѣ. Первый изъ нихъ такъ невѣроятенъ и похожъ на выдумку, что нельзя не улыбнуться, слушая его описаніе. Я даже не рѣшился бы разсказать его

печатно, если бы не имѣлъ свидѣтеля, И. С. Тургенева, вовсе не охотника до рыбной ловли, который на ту пору былъ у меня въ деревнѣ. Въ исходѣ мая 1854 года, были поставлены на ночь обыкновенныя удочки съ крѣпкими лесами и крючками, насаженными рыбкою и земляными червями: ибо днемъ окуни брали мало, а по ночамъ попадались довольно крупные. На одну изъ такихъ удочекъ съ червякомъ взялъ небольшой окунь и проглотилъ крючекъ въ кутырь; на окунь взяла и заглотала также небольшая щучка или щуренокъ, а его схватила поперекъ большая щука, слишкомъ въ пять фунтовъ, и такъ увязила зубы въ своей добычѣ, что рыбакъ безъ всякой осторожности вытащилъ ее изъ воды, никакъ не подозрѣвая, чтобы крючокъ не вонзился въ ея жабры; но когда онъ разглядѣлъ эту диковинную штуку, то поспѣшилъ принесть щуку къ намъ. Она, вися на воздухѣ, не разжала зубовъ своихъ дорогой (разстояніе было съ полверсты), и мы съ Тургеневымъ сами отворили ей ротъ и потомъ произвели слѣдствіе надъ окунемъ и щуренкомъ, который, взявъ на окуня, какъ на насадку, самъ сдѣлался въ свою очередь насадкою. Поводокъ былъ обыкновенный, то-есть шелковый, и щуренокъ легко бы его перегрызъ; но должно предположить, что окунь, который былъ для него нѣсколько великъ, такъ расперъ ему пасть или горло, что онъ не могъ сжать рта, и что именно въ этомъ положеніи схватила его поперекъ большая щука, отъ чего ротъ щуренка разинулся больше. Когда намъ принесли эту тройную добычу—щуренокъ оказался давно уснувшимъ и даже остомѣвшимъ; большая щука была совершенно здорова и даже не оцараплена.

Послѣ этого событія, уже почти не стоитъ разсказывать, что въ томъ же году щука схватила пескаря, посаженнаго, вмѣстѣ съ другими рыбками, въ кружокъ, [1] шагахъ въ десяти отъ меня, крѣпко вцѣпилась зубами въ сѣтку и подняла такой плескъ, что, услыхавъ его, мальчикъ, бывшій со мною на уженьѣ, подошелъ къ кружку и, увидѣвъ эту продѣлку, вытащилъ кружокъ и щуку на берегъ. Мы также принуждены были разжать ей палкой ротъ, чтобъ она выпустила сѣтку: въ щукѣ вѣсило около трехъ фунтовъ и сѣтка оказалась перегрызенною.

---

[1]) Мѣшокъ изъ сѣтки особеннаго устройства, о которомъ я говорилъ въ моихъ „Запискахъ объ уженьѣ рыбы“.

Перегрызенная щукою сѣтка кружка объяснила мнѣ происшествіе, которое случилось со мной года два тому назадъ (тогда неясно понятое мною), и которое кстати разсказать теперь рыбакамъ-охотникамъ, для предупрежденья ихъ отъ подобныхъ невзгодъ. Не помню хорошенько мѣсяца, но вѣроятно въ началѣ августа, потому-что погода стояла еще жаркая, поѣхалъ я удить въ верховье Репеховскаго пруда на рѣчкѣ Ворѣ. Неизмѣнный мой товарищъ-рыбакъ всталъ ранѣе меня и былъ давно уже на мѣстѣ. Когда я пріѣхалъ, онъ показалъ мнѣ пять славныхъ окуней и только-что выуженнаго имъ щуренка, которые ходили въ кружкѣ. Черезъ полчаса кружокъ понадобился, чтобы посадить въ него выуженнаго мной окуня; но каково было наше удивленіе и досада, когда, вытащивъ кружокъ, мы увидѣли, что въ немъ остался только одинъ снулый окунь, какъ нарочно небольшой, а четырехъ большихъ и щуренка въ кружкѣ не оказалось. Разсмотрѣвъ его хорошенько, мы нашли дыру, въ которую ушла вся живая рыба. Кружокъ былъ новый и мы не знали, какъ объяснить это происшествіе: думали, что попались гнилыя нитки, или что щуренокъ перегрызъ сѣтку. Клевъ былъ противъ обыкновенія очень удаченъ, окуни брали крупные, и мы вознаградили свою потерю. Тѣмъ не менѣе, товарищу моему очень было жаль своихъ крупныхъ окуней. Теперь же, послѣ нападенія щуки на кружокъ, сейчасъ описаннаго мною, понятно, что не щуренокъ перегрызъ сѣтку, а вѣроятно большая щука схватила снаружи котораго-нибудь изъ окуней, прорвала нѣсколько петель и, не задѣвъ за нихъ зубами, ушла, испугавшись шумнаго и сильнаго плеска остальной рыбы (который мы слышали, но кружка не посмотрѣли), и что нѣсколько окуней и щуренокъ воспользовались прорѣхою и отправились опять гулять въ Ворю. Нравоученіе этого разсказа состоитъ въ томъ, что щукъ лучше не сажать въ кружокъ, хотя прежде я дѣлывалъ это часто безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, и что кружокъ, опущенный въ воду съ пойманною рыбою, надобно внимательно осматривать при каждомъ сильномъ плескѣ рыбы.

НОВЫЯ ОХОТНИЧЬИ ЗАМѢТКИ.

Весною 1855 года, послѣ выхода этой книжки, случилось мнѣ собственными глазами увидѣть то, о чемъ я прежде даже и не слыхивалъ, и что рыбакамъ по ремеслу должно быть непремѣнно извѣстно. Я узналъ, что щуки ежегодно, въ маѣ мѣсяцѣ, перемѣняютъ зубы. Охотникъ, занимавшійся исключительно ловлею щукъ на жерлицы и сообщившій мнѣ это извѣстіе, показалъ мнѣ нѣсколько пойманныхъ имъ щукъ, у которыхъ старые зубы, ослабѣвъ въ своихъ корняхъ, потеряли всякую упругость, сдѣлались мягки, повисли и лѣзли какъ волосы, когда я слегка потиралъ внутренность щучьяго рта моими пальцами въ обыкновенной перчаткѣ. Изъ-подъ старыхъ, еще не выпавшихъ зубовъ, торчали уже новые, тонкіе и острые, но еще мягкіе. Вотъ въ это-то время щуки, ловя рыбу, нерѣдко только портятъ ее, а удержать по слабости зубовъ не могутъ, и вотъ отчего, именно въ это-то время года, часто случается рыбакамъ видѣть рыбъ, хватанныхъ щуками. Разумѣется, дѣло идетъ о рыбѣ нѣсколько покрупнѣе; мелкую же щуки могутъ глотать и вовсе безъ помощи зубовъ. Насадка на жерлицахъ, также въ эту пору, часто бываетъ измята и даже не прокушена до крови.

Хотя я зналъ, что кошки ѣдятъ рыбу, но никогда не слыхалъ и не видалъ, какъ онѣ производятъ эту охоту. Третьяго мая, 1855 года, сидѣлъ я очень тихо на берегу небольшого проточнаго пруда, гдѣ брали окуни и лини. Около противоположнаго берега, уже обросшаго травою, била икру плотва и для того выбрасывалась въ траву у самаго берега. Вдругъ я вижу, что большая пестрая кошка осторожно подкрадывается, ползетъ и прячется, растянувшись въ самой береговой травѣ. Такъ всегда поступаютъ кошки, выжидая своей добычи. Я сталъ смотрѣть пристально. Плотва продолжала метать икру и выкидываться на траву—кошка бросилась, схватила одну плотичку и унесла ее во рту. Я указалъ на эту продѣлку садовнику, который не далеко отъ меня копался въ своихъ грядахъ; онъ нисколько не удивился, а напротивъ разсказалъ мнѣ, что рано по утрамъ, когда еще нѣтъ на-

роду, всякій день выходитъ на этотъ промыселъ кошекъ шесть и болѣе, располагаются по удобнымъ мѣстамъ вдоль берега, и ловятъ рыбу.

Недавно я узналъ отъ одной достовѣрной особы, что въ Калужской губерніи, на рѣкѣ Окѣ, производится съ большимъ успѣхомъ слѣдующее уженье. Въ іюнѣ мѣсяцѣ появляется, всего на недѣлю, по берегамъ Оки, великое множество бѣленькихъ бабочекъ (названіе ихъ я позабылъ). xxx) Рыбаки устроиваютъ на пескахъ гладкія *точки* и зажигаютъ на нихъ небольшіе костры съ соломой; бабочки бросаются на огонь, обжигаются и падаютъ; ихъ сметаютъ въ кучки и собираютъ цѣлыми четвериками. Обгорѣлыхъ бабочекъ крѣпко сминаютъ съ хлѣбомъ или тѣстомъ, и шариками этой смѣси насаживаютъ крючки. Рыба беретъ на такую насадку съ необыкновенной жадностью, и очень крупная: язи, головли, лещи и даже окуни и судаки. Такимъ образомъ, въ самое пустое время, выходитъ славное и добычливое уженье. Должно замѣтить, что окуни и судаки на хлѣбъ никогда не берутъ — слѣдовательно вся приманка заключается въ бабочкахъ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

ХОДЪ РЫБЫ

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ ВОДЫ.

Статья К. Ф. Рулье. [1])

Или нѣтъ инстинкта, или въ немъ есть смыслъ.

Авторъ «*Записокъ объ уженьѣ рыбы*», говоря вообще о рыбахъ, на стр. 52, рисуетъ прекрасную картину одного изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ образѣ жизни рыбъ — ихъ хода въ опредѣленное время противъ теченія воды. Стремленіе это даже у рыбъ нашей полосы бываетъ такъ сильно, что превышаетъ всякое вѣроятіе: преодолѣвая

---

1) Считаемъ обязанностію указать на тѣ источники, которыми мы пользовались въ замѣткахъ нашихъ, приложенныхъ къ частному описанію рыбъ настоящаго сочиненія: это не только обязанность и благодарность, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ читателю порукою того, какую степень довѣрія онъ можетъ имѣть къ этимъ примѣчаніямъ. Они касаются научнаго систематическаго опредѣленія и народныхъ названій, подъ которыми одна и та же рыба извѣстна въ разныхъ губерніяхъ. И то и другое заимствовано у спеціалистовъ своего дѣла, разумѣется, во-первыхъ, у вѣчно новаго и доселѣ еще мало оцѣненнаго Палласа (его Zoographia Russo-Asiatica vol. III). Потомъ у профессора Черная (Фауна Харьковскаго Учебнаго Округа), у проф. Кесслера (Естественная Исторія Кіевскаго Учебнаго Округа, выпускъ 6, 1836), у Д. С. Тарачкова, преподавателя въ Орловскомъ Бахтинскомъ Кадетскомъ Корпусѣ (въ собственноручныхъ запискахъ).

возможныя препятствія весьма часто съ опасностью жизни, рыба съ устья рѣки идетъ въ верхніе ключи ея, любящая глубь уходитъ на поля, гдѣ въ другое время коситъ косарь; нѣтъ силъ остановить, нѣтъ и видимой причины, вызывающей явленіе: рѣка въ половодье повсюду одинаково холодна и мутна, и казалось бы всѣ мѣста на этой рѣкѣ равно привольны, и конечно всего менѣе именно тѣ, куда заходитъ рыба противъ обыкновенія, гдѣ становится не только легкою добычею хищника и человѣка, но весьма часто и безъ того умираетъ сама по себѣ.

Въ какой связи находится это явленіе съ организацiею и жизнію рыбы? Что вызываетъ его, какое приволье доставляетъ оно самой рыбѣ? На эти вопросы желаемъ обратить вниманіе человѣка, отыскивающаго смыслъ въ видимыхъ явленіяхъ.

По счастію, въ этомъ вопросѣ мы имѣемъ капитальный трудъ глубоко уважаемаго академика Бера; [1]) собрано также нѣсколько фактовъ при опытахъ искусственнаго рыбоводства. [2])

Начнемъ съ замѣчанія, что упоминаемое явленіе не есть исключительная принадлежность одной какой-либо полосы или только прѣсноводныхъ рыбъ; напротивъ, оно общее явленіе, и съ особенною силою отражается на морскихъ рыбахъ, идущихъ въ опредѣленное время въ прѣсныя воды. Всѣмъ извѣстенъ ходъ красной рыбы изъ Каспія, величайшаго материковаго озера, въ изливающіяся въ него съ сѣвера рѣки; съ нимъ тѣсно связанъ бытъ Уральскихъ казаковъ и чрезъ нихъ общее продовольствіе красною рыбою въ Россіи; но въ сѣверныхъ странахъ и рѣкахъ Россіи — вотъ гдѣ останавливались въ изумленіи передъ этимъ явленіемъ. Всѣ путешественники упоминаютъ о томъ, что для метанія икры рыба идетъ изъ Сѣвернаго, Камчатскаго и Охотскаго морей въ рѣки въ такой массѣ, что буквально не только наполняетъ собою рѣку, но, не умѣщаясь въ ней, ложится пластами на берега, и не только служитъ достаточнымъ продовольствіемъ притекающимъ сюда инородцамъ на полгода ихъ жизни, но, упитавъ и летящаго и бѣгущаго хищника,

---

[1]) О чемъ смотри довольно пространную статью С. А. Усова, съ многими политипажами (въ *Вѣстникѣ Естеств. Наукъ*, 1856).

[2]) Bull. d. l'Acad. d. sc. d. S. Pétersb. 1853, № 17, 18.

нерѣдко еще гніеніемъ своимъ заражаетъ воздухъ на дальнія пространства; наступаетъ зима, прикроетъ снѣжнымъ саваномъ животныхъ, пластами лежащихъ на землѣ, и долженствующихъ плавать въ водѣ; сниметъ весеннее солнце зимній покровъ и вновь обнажатся рыбы, не ушедшія въ море — новая пища для хищника, новая пища для испареній. Таковы между прочимъ картины, упоминаемыя Палласомъ, Врангелемъ, Стеллеромъ, Крашенинниковымъ, Эрманомъ и другими.

Очевидно съ этимъ ходомъ тѣсно связана жизнь особи плывущей, но столь же тѣсно связано съ нимъ и размноженіе ея — ея *нерестъ* [1]).

Вообще замѣчено, что рыба мечетъ икру въ мѣстахъ менѣе глубокихъ, нежели тѣ, въ которыхъ обыкновенно держалась: ни одна рыба для того не уходитъ изъ мелкихъ мѣстъ въ глубь. Извѣстно также и другое общее правило, – что рыба кладетъ яйца въ мѣстахъ, гдѣ теченіе воды гораздо сильнѣе, нежели въ мѣстахъ ея обыкновеннаго пребыванія. Оба эти явленія получили только недавно смыслъ, когда обратили вниманіе на то, что яйца рыбъ вообще чрезвычайно медленно развиваются (въ 6 недѣль родится щенокъ на свѣтъ, а это время иногда едва достаточно для того, чтобы выклюнулся зародышъ изъ яйца рыбъ), и на зависимость быстроты развитія яйца отъ температуры, такъ что, смотря по ея различію, одно и то же яйцо можетъ развиться нѣсколькими недѣлями раньше и позже! [2]) Много также объяснили и наблюденія надъ весьма сильнымъ дыханіемъ яицъ рыбы. Извѣстно, что всѣ животныя дышатъ, что, извергая нѣкоторые газы, они потребляютъ изъ воздуха кислородъ; дышатъ и животныя и ихъ яйца (если куриное яйцо покрыть непроходимымъ для воздуха лакомъ, оно не развивается), но дышатъ они въ различной степени — клеёкъ лягушекъ нуждается въ

[1]) Авторъ „Записокъ“ употребляетъ другіе термины, которые извѣстны и въ Москвѣ. Обращаемъ вниманіе на выраженіе нерестъ — и глаголъ нереститься. Въ первый разъ мы его встрѣтили у пр. Кесслера, какъ терминъ, употребляемый въ Малороссіи, потомъ у г. Малышева (Запис. Вольн. Эк. Общ. 1856, № 29), какъ выраженіе на Уралѣ извѣстное; въ Областномъ Академическомъ Словарѣ указаны слѣдующія выраженія: *нáростъ* (течка животныхъ, Псков. губ.), *наростоваться* (о рыбахъ метать икру, Тверской губ.); въ Москвѣ *наростаться* и *роспиться* (о курахъ); *растъ* въ Оренб. г. (Зап. Оренб. руж. охот.) о ягодахъ.

[2]) См. опыты Катрефажа и наблюденія, приводимыя въ книгѣ „Die künstliche Fischerzeugung nach den Erfahrungen der Fischzuchtanstalt des Central-Comité Von D. Fraas. München. 1854“.

немъ мало, яйцо рыбъ чрезвычайно сильно. Потому-то чѣмъ болѣе или слизи, или посторонних веществъ лежитъ на этихъ яйцахъ, тѣмъ болѣе дыханіе затруднено. У большей части рыбъ зрѣлыя яйца или лежатъ совершенно раздѣльно, или весьма малыми комочками; изъ рѣчныхъ рыбъ у одного окуня 3 — 4 яичка лежатъ тесьмою и, сплочиваясь со многими другими, образуютъ родъ ткани, которая, повисая на прибрежныхъ травушкахъ, омывается протекающею водою, постоянно приносящею новый, свѣжій воздухъ и слѣдовательно новую пищу [1]) для дыханія. То же происходитъ и съ яйцами, которыя посредствомъ слизи комочками или чаще раздѣльно пристаютъ къ подводнымъ прибрежнымъ тѣламъ, къ песчаному грунту и проч. Вотъ значеніе слизи, покрывающей раздѣльное яйцо, приставанія его къ тѣламъ подводнымъ, протекающей стремительно волны воды и песчанаго ложа—всѣ они вмѣстѣ способствуютъ дыханію яйца: въ тинистыхъ водахъ мечетъ только та рыба, которая живетъ въ ней, и которая извѣстна своею живучестію, медленнымъ дыханіемъ своимъ, какъ напр. карпія, линь, особенно карась. Искусственное рыбоводство показало, что главнѣйшее условіе при развитіи искусственно оплодотворенныхъ яицъ есть извѣстная степень быстроты омывающей воды; нѣтъ примѣра, чтобы излишняя быстрота вредила развитію, что постоянно дѣлаетъ недостатокъ ея; рыбы тинистыя требуютъ для развитія своего извѣстнаго теченія и не умираютъ отъ слишкомъ сильнаго: карась, какъ говоритъ авторъ «*Записокъ*», живетъ и въ стоячей водѣ и текучей, даже родниковой (стр. 97), а карпія въ сильной и быстрой рѣкѣ становится сазаномъ, т. е, изъ рыбы въ нѣсколько вершковъ становится рыбою гораздо большею (стр. 9о).

Есть и другая существенная потребность омыванія яицъ водою—то смываніе съ нихъ всего посторонняго къ нимъ пристающаго, на нихъ развивающагося и ихъ окончательно истощающаго, т. е. плесени, гриба [2]) и низшихъ клѣтчатыхъ растеній, дрожалокъ [3]); эти микроскопическія растенія развиваются и размножаются посредствомъ мельчайшихъ клѣто-

---

[1]) Извѣстно, что рыба дышетъ тѣмъ кислородомъ, который, какъ часть атмосфернаго воздуха, примѣшанъ механически къ водѣ, а не тѣмъ, который входитъ въ химическій составъ ея.

[2]) Septomitus clavatus.

[3]) Synedra angustata, S. palea, S. acicularis, S. parvula, S. Vaucheriae Meredion circulare.

чекъ только въ совершенно покойной водѣ, и какъ внѣшніе паразиты, или тунеядцы, какъ грибы на деревѣ, какъ мюскардинъ на шелковичномъ червѣ, окончательно истрачиваютъ организмъ въ нѣсколько разъ ихъ большій.

Итакъ, и для того, чтобы рыба могла жить, и для того, чтобы она могла отложить яйцо, и для того, чтобы то яйцо могло развиться и молодая рыбешка, выклюнувшись, пользоваться солнечнымъ пригрѣвомъ на мелководномъ мѣстѣ,— для всего того нужно, чтобы рыба въ извѣстное время шла противъ теченія воды, туда, гдѣ ей самой, можетъ, придется сложить кости свои, но гдѣ потомству пріютъ. Прожила рыба, потѣшилась временнымъ привольемъ и можетъ поплатиться за него, если нужно, жизнію; назначеніе особи выполнено, потомство обезпечено, колесо пущено въ ходъ и будетъ катиться, пока рыба будетъ итти противъ теченія въ опредѣленное время.

И пойдетъ она; ея ходомъ управляетъ не прихоть или произволъ, и не безсмысленный инстинктъ, а то, чему нѣтъ исключеній, чему нѣтъ случая, что всѣмъ управляетъ въ животномъ царствѣ—повиновеніе законамъ текущей необходимости.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ управляться такое непреодолимое стремленіе хода помимо видимыхъ опасностей? Разсчетомъ на свое приволье и на приволье потомства? — пришлось бы допустить въ рыбахъ разсчета больше, нежели въ существахъ, съ которыми мы и не смѣемъ даже ихъ сравнивать. Повиновеніемъ слѣпому инстинкту? — пришлось бы употреблять слова безъ смысла, или отыскивать его тамъ, гдѣ его не содержится. Что нибудь одно: или нѣтъ инстинкта, или есть смыслъ въ немъ [1]). Ежели есть, такъ поищемъ: не найдемъ ли указаній на него.

Конечно, отыскивать причины этого существеннаго явленія должно или въ той средѣ, въ которой живетъ рыба, или въ самой рыбѣ, или въ той и другой вмѣстѣ. Эти условія должны непремѣнно влiять на тѣ отношенія, на тѣ явленія взаимнаго общенія, въ которыхъ находится среда къ рыбѣ и обратно. Главнѣйшее явленіе ихъ взаимнаго общенія есть, конечно, дыханіе. Итакъ, во время хода рыбы противъ тече-

---

1) См. нашу статью: *Мыльный пузырь*, въ Вѣстникѣ Естеств. Наукъ, годъ 1856, № 1.

нія нѣтъ ли въ водѣ и рыбѣ временныхъ измѣненій, а потому временныхъ потребностей для послѣдней, которыя могли бы вызвать ходъ рыбы?

«Весною, при наступленіи водополья, какъ скоро вода сдѣлается мутна, рѣки начнутъ прибывать и подниматься, рыба также поднимается кверху и идетъ противъ воды», говоритъ авторъ «Запис. объ ужен.» стр. 52. *Мутность воды*—вотъ временное измѣненіе въ половодье. Эта мутность, мѣшая необходимо удобному проницанію воздуха изъ воды въ жабры рыбы, наполняя тончайшіе листочки ихъ посторонними тѣлами, необходимо затрудняетъ и дыханіе, которое совершается только при свободномъ движеніи жаберъ и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ вода чище и чѣмъ она омываетъ чаще жабры новою волной. Мутная вода тяжелѣ чистой и слѣдовательно тяжестію своею подавляетъ движеніе жаберъ. Затруднено дыханіе, и, чтобы не задохнуться, рыба чувствуетъ настоятельную необходимость итти противъ теченія, потому что тогда смѣняется чаще волною волна, и чего нѣтъ въ одной волнѣ относительно воздуха, то пополнится слѣдующею. Съ другой стороны, такъ какъ жаберные листы прикрѣплены къ дужкамъ переднимъ, а не заднимъ концомъ, то опять-таки рыба обращается къ сильно текучей, тяжелой жидкости не заднимъ, а переднимъ концомъ жаберъ, т. е. ртомъ, которымъ она и кромѣ того можетъ удобнѣе избѣгать крупныхъ постороннихъ тѣлъ, несомыхъ рѣкою. Пойди рыба по теченію, т. е. обратись она противъ теченія жаберною щелью, свободный задній конецъ жаберъ легко можетъ подавиться и отворотиться къ пасти сильнотекучею, тяжелою водою. Есть, кажется, и второстепенныя причины, какова напр. та, что въ сильнотекучей тяжелой водѣ всѣ движенія рыбы, идущей по теченію воды, были бы парализованы: легче тѣлу свободно плавающему удержаться, идя противъ теченія, нежели по теченію—по крайней мѣрѣ опытно извѣстно, что на перелетахъ своихъ птицы, бытро летающія, летятъ противъ вѣтра (только тяжело летающія иногда по вѣтру), и рѣчной пароходъ, эта могучая и быстрая рыба, всего охотнѣе идетъ наперерѣзъ теченію, подъ угломъ къ нему, а ежели захочетъ остановиться въ опредѣленномъ мѣстѣ, то непремѣнно спустится ниже его и пойдетъ противъ теченія. То же каждому изъ насъ случалось видѣть при переправѣ въ лодкѣ черезъ рѣку.

Вотъ причины со стороны воды; есть также причины въ самой рыбѣ, вызывающія потребность хода противъ теченія. Онѣ необходимо одного характера съ предъидущими, т. е. такія, которыя въ рыбѣ временно затрудняютъ дыханіе ея; таково именно время образованія, накопленія и окончательнаго выростанія икры въ самкѣ и молокъ въ самцахъ. Будучи въ обыкновенное время, не въ *ярину* [1]), мало замѣтны, молоки и особенно икра до того разростаются, что занимаютъ большую долю брюшной полости, подступая переднимъ концомъ подъ самое горло: рыба дѣйствительно дѣлается *чреватою*, и, давя временною тяжестію на брюшные сосуды и воздушный пузырь, она тѣмъ вдвойнѣ и сильно затрудняетъ свое дыханіе; одно затрудненіе должно окупиться выгодою съ другой стороны — и вотъ чреватая рыба идетъ противъ воды, и, конечно, всего стремительнѣе самка, и только за нею ярующій самецъ. Можетъ быть, и вещества, отлагаемыя изъ крови для образованія икры и молокъ, требуютъ усиленнаго окисленія тѣлесныхъ соковъ: это было бы новое химическое условіе потребности хода противъ теченія.

Какъ со стороны воды, такъ и со стороны рыбы есть второстепенныя условія,—это, кажется, облегченіе изверженія икры и молокъ при усиленномъ дыханіи и давленіи воды на внутренности, лежащія въ передней части груди: извѣстно по крайней мѣрѣ, что животныя и человѣкъ для облегченія и для совершенія усиленнаго механическаго труда стараются сильнѣе вдохнуть и удержать въ себѣ на время воздухъ. Можетъ быть также треніе брюшкомъ по хрящеватому дну, по твердому берегу, облегчаетъ выметку икры и молокъ: въ искусственномъ оплодотвореніи икры, такое постепенное поглаживаніе отъ горла къ хвосту по животику рукою употребляется съ полнымъ успѣхомъ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что есть рыбы, которыя и во время нереста идутъ противъ теченія только въ моменты самаго метанія икры; таковъ между прочимъ налимъ, о которомъ авторъ говоритъ (стр. 125 и слѣд.), что онъ мечетъ икру зимою, около Святокъ, особенно въ сильные морозы, выходитъ изъ глубокихъ омутовъ, въ которыхъ держался цѣлый годъ,

---

[1]) Позволяемъ себѣ употребить этотъ терминъ и о рыбахъ, хотя онъ употребляется въ народѣ только о пчелахъ: это время *течки* для однихъ животныхъ, *токованья* для другихъ, *нереста*, *метанья икры* и *боя* для рыбы.

и идетъ *вверхъ по рѣкѣ* по самому дну, пріискивая жесткое, хрящеватое и даже каменистое дно, о которое трется для выкидыванія икры и молокъ. Въ это время легко ловить налимовъ въ морды, въ которыя вваливаются иногда рыбы такой огромной величины, что даже трудно понять, какъ онѣ могли пролѣзть въ узкое отверстіе (главная толщина налима въ брюхѣ и онъ покрытъ необыкновенною слизью). Тотъ, кто хочетъ ловить налимовъ, да помнитъ главное правило, что морды должно ставить отверстіемъ по теченію. Налимы всегда идутъ по ночамъ и днемъ никогда въ морды не попадаются.

Итакъ вотъ двѣ существенныя причины хода рыбы противъ теченія въ опредѣленное время; кто вспомнитъ, какъ животному мучительны опасенія задохнуться, кто вспомнитъ, на что отваживается утопающій человѣкъ и какъ не особенно сильнымъ арканомъ можно мгновенно усмирить необузданно ярящагося звѣря, тотъ пойметъ, съ какимъ стремленіемъ должна мчаться рыба въ данное время противъ теченія. На то достаточно и одной причины, со стороны ли воды или рыбы; тамъ же, гдѣ соединятся двѣ причины, онѣ естественно дѣйствуютъ сильнѣе одной: вотъ почему щука, нерестящаяся въ половодье, обнаруживаетъ обыкновенно, въ нашей полосѣ по крайней мѣрѣ, самое сильное покушеніе течь къ верховью и закраинамъ водополья.

Остается одно — почему не всѣ рыбы одинаково стремительно, не въ одно время и не во всѣхъ мѣстностяхъ равно настойчиво идутъ противъ теченія. На все это отвѣты подготовлены предъидущимъ. Естественно, что рыба, живущая въ холодной водѣ (поглощающей кислорода относительно больше, нежели теплая), а потому нуждающаяся въ болѣе сильномъ дыханіи, и по вынутіи изъ воды почти мгновенно засыпающая (отчего и такъ быстро измѣняется вкусъ), каковы форель, кутема и вообще виды форелей (семги, Salmones вообще), обнаруживаетъ явленія описаннаго хода во всей красѣ [1]), и почему вообще всѣ сѣверныя рыбы, между которыми на первомъ планѣ стоятъ различные виды семги, собратья по роду форели, были особенно наблюдаемы вышеупомянутыми лицами: Палласомъ, Беромъ и пр. Понятно также, что явленія хода тѣмъ будутъ рѣзче, чѣмъ весна, лѣто и т. д. развива-

---

1) У нѣкоторыхъ къ этому времени шире расщепляется ротъ и отворачиваются кнаружи челюсти, очевидно отъ усилій шире раскрывать ротъ.

ются дружнѣе, и, слѣдовательно, вызываютъ таковое же развитіе икры и молокъ въ рыбахъ. Вотъ, наконецъ, почему крайне развитыя явленія хода противъ теченія суть существенная печать полярныхъ странъ: клеймо ихъ — дружное развитіе временъ года и ростъ органическихъ тѣлъ, какъ сказочныхъ богатырей не по днямъ, а по часамъ.

II.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ВИДОВЪ РЫБЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ „ЗАПИСКАХЪ ОБЪ УЖЕНЬѢ РЫБЫ“

С. Т. Аксакова.

Статья Н. Варпаховскаго.

Многіе любители рыбной ловли умѣютъ такъ же хорошо узнавать рыбъ, отличать одни виды рыбъ отъ другихъ, какъ и С. Т. Аксаковъ, который, изучивъ жизнь почти всѣхъ рыбъ, наиболѣе часто служащихъ добычей рыболововъ-удильщиковъ, описываетъ ее такъ картинно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣрно. Многіе рыболовы знаютъ отлично рыбъ, водящихся въ ихъ мѣстности, знаютъ хорошо и образъ ихъ жизни, но знанія ихъ остаются, такъ сказать, мертвыми знаніями, которыми они не дѣлятся съ другими любителями.

Нѣкоторые рыболовы предполагаютъ, что наблюденія ихъ неинтересны... Но это невѣрно!

Не только жизнь и привычки рыбъ далеко еще неизвѣстны, но мы не знаемъ пока съ достаточною полнотой, гдѣ какія рыбы водятся. При такой скудости нашихъ знаній имѣетъ большое значеніе и представляетъ интересъ всякое вѣрно сдѣланное наблюденіе, всякое вѣрное указаніе о рыбахъ.

Но можно ли ручаться за вѣрность наблюденія, когда не знаешь вѣрно, надъ чѣмъ производишь наблюденія? Какъ дѣлать указанія, не зная рыбъ и ихъ названій? Но, скажутъ, вѣдь, названія рыбъ извѣстны каждому рыболову! Да, мѣстныя названія рыбъ извѣстны многимъ, но онѣ понятны далеко не для всѣхъ; да притомъ одна и та же рыба имѣетъ нѣсколько мѣстныхъ названій, часто очень разнообразныхъ. А развѣ не случается, что различныхъ въ сущности рыбъ называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ?

Между тѣмъ для каждаго вида рыбы есть свое названіе, принятое въ зоологіи—наукѣ, изучающей животныхъ. [1]) Такія названія латинскія, а для многихъ видовъ есть соотвѣтствующія имъ установившіяся русскія названія. Но какъ опредѣлить названія рыбъ? Какъ и чѣмъ отличаются одни виды рыбъ отъ другихъ? Вотъ объ этомъ-то я и хочу сказать нѣсколько словъ, примѣняясь только къ видамъ, упоминаемымъ въ этой книгѣ; хочу указать на то, какъ принято различать одни виды рыбъ отъ другихъ, какіе признаки имѣютъ значеніе при опредѣленіи рыбъ. При этомъ я не могу вдаваться въ подробности и умолчу объ анатомическихъ признакахъ, но остановлюсь на признакахъ наружныхъ, наиболѣе доступныхъ.

Позволяю себѣ надѣяться, то дополненія мои не нарушатъ впечатлѣнія отъ чтенія «Записокъ объ уженьи рыбы» и, можетъ быть, принесутъ хотя и небольшую пользу.

Большая часть рыбъ покрыта чешуйками очень разнообразной величины и формы, лежащими черепицеобразно одна на другой въ опредѣленномъ порядкѣ. Почти у всѣхъ рыбъ на каждой сторонѣ тѣла находится узенькая, ясно замѣтная полоска, носящая названіе *боковой линіи* (бок. лин.), которая образуется изъ ряда чешуекъ, имѣющихъ каждая отверстіе или трубочку. Боковая линія начинается отъ задняго конца головы, обыкновенно отъ верхняго края жабернаго отверстія, и идетъ по бокамъ тѣла къ срединѣ хвостового плавника въ различномъ направленіи. Эта боковая линія служитъ навѣрно органомъ осязанія кожи. Число чушуекъ, образующихъ боковую линію, для различныхъ видовъ рыбъ различно, но для особей одного и того же вида болѣе или менѣе постоянно и колеблется въ извѣстныхъ предѣлахъ. Точно также опредѣленное число рядовъ чешуй бываетъ расположено между боковой линіей и основаніемъ спинного плавника и между боковой линіей и основаніемъ брюшныхъ плавниковъ. Чѣмъ больше отдѣльныя чешуйки у какого-либо вида, тѣмъ меньше, конечно, ихъ будетъ въ боковой линіи, тѣмъ меньше рядовъ чешуй будетъ подъ и надъ боковой линіей. Это важное для опредѣленія рыбъ число чешуй пишется (для плотвы, напримѣръ), такъ: $41\frac{VIII}{III-IV}44$, что обозначаетъ, что въ боковой линіи, въ данномъ случаѣ у плотвы (Leuciscus rutilus, Linn.), бываетъ у различныхъ особей отъ 41 до 44 чешуекъ, а рядовъ чешуй надъ бок. лин. 8 и подъ бок. лин. отъ 3 до 4.

У нѣкоторыхъ рыбъ бок. линія бываетъ не полная, т. е. не доходитъ до основанія хвостового плавника, а оканчивается гдѣ-нибудь по бокамъ туловища. У верховки (Leucaspius delineatus, Heck.), напр., она проходитъ не болѣе какъ по 12 чешуйкамъ. У многихъ рыбъ на головѣ не бываетъ чешуекъ, а у нѣкоторыхъ она покрыта ими.

У всѣхъ описываемыхъ далѣе рыбъ, есть плавники, служащіе для

1) Отдѣлъ зоологіи, занимающійся изученіемъ рыбъ, носитъ названіе *ихтіологіи*.

плаванія, одни изъ которыхъ парные, а другіе непарные, одиночные. Парные плавники—*грудные* (гр.), находящіеся по бокамъ тѣла, вблизи головы и *брюшные* (бр.), помѣщающіеся непосредственно за грудными (у окуня, напр.), или передъ ними (у налима), или находятся почти по срединѣ туловища на брюхѣ (у всѣхъ карповыхъ).

Непарные плавники—*спинной* (сп.) на спинѣ, *подхвостовой* или *заднепроходный* (пдхв.), находящійся за заднепроходнымъ отверстіемъ между брюшными плавниками и одиночнымъ *хвостовымъ*. Спинной и подхвостовой плавники бываютъ то одиночные, цѣльные, то раздѣлены на двѣ и даже на три части, а хвостовой то раздѣленъ выемкой на 2 части, то закругленъ.

Всѣ плавники состоятъ изъ двоякаго рода лучей, соединенныхъ между собой перепонкой. Одни изъ лучей членистые, мягкіе, вѣтвистые, а другіе костистые, жесткіе, колючіе, называющіеся простыми. Мягкій или вѣтвистый лучъ состоитъ изъ одной цилиндрической косточки при основаніи, къ которой сверху примыкаетъ двѣ, изъ которыхъ каждая поддерживаетъ двѣ меньшія и т. д. Число лучей въ плавникахъ важно при опредѣленіи рыбъ, почему ихъ необходимо считать. Для каждаго плавника пишется отдѣльно число простыхъ и вѣтвистыхъ лучей такимъ образомъ, что впереди обозначается число простыхъ лучей, затѣмъ проводится вертикальная линія, за которой обозначается число мягкихъ лучей. У плотвы, напримѣръ, (Leuciscus rutilus, Linn.), въ спинномъ плавникѣ 3/10 лучей, т. е. 3 луча простыхъ (изъ нихъ передній очень малъ, второй едва больше $1/2$ третьяго) и 10 вѣтвистыхъ. Въ подхвостовомъ же плавникѣ у ней 3/10—11 лучей, т. е. вѣтвистыхъ лучей у нѣкоторыхъ особей бываетъ 10, а у другихъ 11. Написанное число лучей и чешуй носитъ названіе формулы и выражается (для плотвы, напр.), слѣдующимъ образомъ:

Сп. 3/10. Пдхв. 3/10—11. Гр. 1/14—16. Бр. 2/8,

$$\text{Бок. лин. } 41\frac{\text{VIII}}{\text{IV}}44$$

У однѣхъ рыбъ челюсти, а иногда и всѣ кости, принимающія участіе въ образованіи рта, бываютъ усажены зубиками, у другихъ же (карповыя) зубы находятся на нижнеглоточной кости. Число и форма глоточныхъ зубовъ у карповыхъ рыбъ служатъ для опредѣленія рода рыбы. Открывши немного жаберную крышку, мы увидимъ жабры; за послѣдней жаброй находятся глоточные зубы, прикрытые мышцами, очистивъ которые, надо вынимать глоточные зубы щипчиками осторожно, чтобы не сломать. Зубы у рыбы смѣняются новыми черезъ неопредѣленные промежутки времени и только у карповыхъ рыбъ наблюдается періодическая ежегодная смѣна ихъ.

Взаимныя отношенія частей тѣла очень важны при опредѣленіи рыбъ. Длина рыбы измѣряется отъ конца рыла до конца хвостового плавника; наибольшая высота тѣла измѣряется отъ спины до брюха и

приходится у большинства рыбъ передъ началомъ спинного плавника; длина головы измѣряется отъ конца рыла до конца жаберной крышки.

Послѣ этихъ указаній, перехожу къ описанію рыбъ.

Рыбы изъ семейства карповыхъ (Cyprinidae), представителемъ котораго можетъ служить карпъ (Cyprinus carpio, Linn., рис. стр. 90), отличаются по своему виду тѣмъ, что тѣло ихъ болѣе или менѣе сжато съ боковъ и покрыто гладкой чешуей, чаще всего крупной, а рѣдко мелкой. Голова никогда не бываетъ покрыта чешуей. Спинной плавникъ одинъ. Ротъ небольшой и совершенно беззубый. Есть глоточные зубы, находящіеся за жабрами на нижнеглоточныхъ костяхъ. Брюшные плавники далеко отодвинуты отъ грудныхъ. Прежде краткаго описанія отдѣльныхъ видовъ этого семейства, прилагаю табличку для опредѣленія вида рыбъ этого семейства. Опредѣливши видъ по этой табличкѣ, необходимо однако провѣрить опредѣленіе по прилагаемому краткому описанію.

A. Ротъ съ усиками.

I. Съ 2 усиками { чешуя мелкая (до 100); тѣло толстое . . . 1. Tinca vulgaris, Cuv.
чешуя крупная (до 45); тѣло почти цилиндрическое 2. Gobio fluviatilis, Rond. }

II. Съ 4 усиками . . . . 3. Cyprinus carpio, Linn.

B. Ротъ безъ усиковъ.

I. Спинной плавникъ съ длиннымъ основаніемъ и не менѣе какъ съ 20 лучами . . . . 4. Carassius vulgaris, Nilss.

II. Спинной и подхвостовой плавники съ короткимъ основаніемъ; въ первомъ не болѣе 12, а въ послѣднемъ не болѣе 14 лучей.

a) чешуя очень мелкая; на брюхѣ отсутствуетъ . . . . 5. Phoxinus laevis, Agass.

b) чешуя крупная; наибольшая высота тѣла составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла:

α) поперечникъ глаза содержится въ ширинѣ лба отъ $2^1/_2$—3 разъ 6. Squalius cephalus, Linn.

β) поперечникъ глаза содержится въ ширинѣ лба $1^1/_2$ раза . 7. Squalius leuciscus, Heck.

c) Наибольшая высота тѣла составляетъ $^1/_4$—$^2/_7$ длины всего тѣла:

α) длина головы составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла . . 8. Scardinius erytrophthalmus, Linn.

β) длина головы составляетъ около $^1/_6$ длины всего тѣла. { чешуй въ бок. лин. отъ 55—60. 9. Idus melanotus, Heck.
чешуй въ бок. лин. отъ 40—45. 10. Leuciscus rutilus, Linn. }

III. Спинной плавникъ съ короткимъ основаніемъ, а подхвостовой съ длиннымъ и не менѣе какъ съ 16 лучами.

a) Боковая линія полная и немного вогнута къ брюху:

α) чешуй въ боковой линіи болѣе 60	въ подхв. плавн. лучей 3/14—18. 11. Aspius rapax, Lesk.
	въ подхв. плавн. лучей 3/37—41. 12. Abramis ballerus, Linn.
β) чешуй въ боковой линіи менѣе 60	въ подхв. плавн. лучей 3/24—26. 13. Abramis sopa, Pall.
	въ подхв. плавн. лучей 3/40—37. 14. Abramis brama, Linn.
	въ подхв. плавн. лучей 3/16—20. 15. Alburnus lucidus, Heck.

b) Боковая линія ломаная и идетъ близко къ брюху . . . .
16. Pelecus cultratus, Linn.

c) Боковая линія не полная (идетъ не далѣе 12 чешуи) . . .
17. Leucaspius delineatus, Heck.

1. Линь. *Tinca vulgaris*, Cuv. (Рис. стр. 92).

Сп. 4/8—9; Пдхв. 3—4/6—7; Гр. 1/15—17; Бр. 2/8—9.

$$\text{Бок. лин. } 95 \frac{XXX-XXXII}{XX-XXII} 100.$$

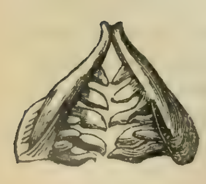
Тѣло линя толстое; высота его составляетъ около $^1/_4$ длины всего тѣла; длина головы почти равна высотѣ тѣла. Ротъ снабженъ усиками, находящимися въ углахъ его. Глаза маленькіе, такъ что поперечникъ ихъ содержится въ длинѣ головы до 6 разъ. Спинной и подхвостовой плавники закруглены и имѣютъ короткое основаніе. Чешуя очень мелкая.

Глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, съ лѣвой стороны 4, а съ правой 5, т. е. (4/5).

2. Пескарь. *Gobio fluviatilis*, Rond. (Рис. стр. 63).

Сп. 3/7; Пдхв. 3/6; Гр. 1/13—16; Бр. 2/6—8.

$$\text{Бок. лин. } 40 \frac{V-VI}{IV-V} 44.$$



Тѣло пескаря круглое, почти цилиндрическое; высота его содержится въ длинѣ всего тѣла отъ $5^1/_2$ до 6 разъ. Длина головы составляетъ около $^2/_9$ длины всего тѣла; поперечникъ глаза въ длинѣ головы содержится отъ 4—5 разъ. Въ углахъ рта находится 2 усика, которые достигаютъ не далѣе половины глаза. Спинной и подхвостовой плавникъ съ короткимъ осно-

ваніемъ. Чешуя крупная. Надъ боковой линіей находятся довольно крупныя то черноватыя, то синеватыя пятна, которыя иногда сливаются между собой. Спинной и хвостовой плавники испещрены темно-бурыми пятнышками.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны то 7, то 8; они расположены въ два ряда; во внутреннемъ всегда 5, т. е. (3—5/5—3) или (2—5/5—2).

3. Карпъ. *Cyprinus carpio*, Linn. (Рис. стр. 90).

Сп. 3—4/17—22; Пдхв. 3/5; Бр. 2/8—9; Гр. 1/14—16.

$$\text{Бок. лин. } 35\frac{\text{V—VI}}{\text{V—VI}}39.$$

Тѣло болѣе или менѣе сжато съ боковъ и высота его нѣсколько меньше $^1/_3$ длины всего тѣла. Длина головы равняется почти $^1/_5$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ около $^1/_6$ длины головы. Ротъ большой съ 4 длинными усиками, изъ которыхъ 2 находятся на верхней губѣ, а 2 по угламъ пасти. Спинной плавникъ имѣетъ длинное основаніе, а подхвостовой короткое; передній лучъ въ томъ и другомъ плавникѣ костяной и толстый, зазубренный на задней сторонѣ. Чешуя крупная.

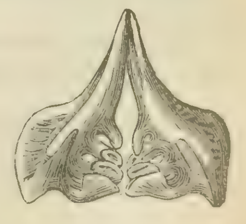
Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны по 5, изъ которыхъ 3 въ одномъ продольномъ ряду, а 2 другихъ въ одиночку, т. е. (1—1—3/3—1—1).

Карпъ представляетъ много разностей, какъ по складу тѣла, такъ и по цвѣту.

4. Карась. *Carassius vulgaris*, Nilss. (Рис. стр. 95).

Сп. 3—4/16—18; Пдх. 3/6—7; Бр. 2/7—8; Гр. 1/12—15.

$$\text{Бок. лин. } 32\frac{\text{VI—VIII}}{\text{VI—VIII}}34.$$



Тѣло сжато съ боковъ: высота его составляетъ $^2/_5$ длины всего тѣла. Длина головы равняется приблизительно $^1/_2$ высоты тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ около $^1/_5$ длины головы. Ротъ безъ усиковъ. Спинной плавникъ съ длиннымъ основаніемъ, подхвостовой съ короткимъ; оба имѣютъ передній лучъ костяной, зазубренный. Чешуя крупная.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны 4, расположенныхъ въ одинъ рядъ, т. е. (4/4).

Представляетъ много разностей, какъ напр., извѣстны продолговатый карась, серебряный и т. д.

5. Гольянъ. *Phoxinus laevis*, Agass. (Рис. стр. 61).

Сп. 3/7; Пдхв. 3/7; Гр. 1/15; Бр. 2/8.

$$\text{Бок. лин. } 80 \frac{XVIII}{XIV} 90.$$

Тѣло толстое, почти цилиндрическое. Высота его составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла. Длина головы почти равна высотѣ тѣла. Поперечникъ глаза содержится въ длинѣ головы около 4 разъ. Спинной и подхвостовой плавники съ короткимъ основаніемъ. Чешуя очень мелкая. На брюхѣ ея не бываетъ. Боковая линія рѣдко бываетъ полной; обыкновенно продолжается только до средины тѣла.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны 6 или 7; они расположены въ 2 ряда; во внѣшнемъ 2, а во внутреннемъ то 4, то 5, т. е. (2—4/4—2) или (2—5/4—2).

Отличается пестротой цвѣтовъ: бока туловища зеленовато-желтые съ металлическимъ золотистымъ блескомъ, брюхо красноватое, плавники желтоватые, а брюшные и подхвостовой имѣютъ красное основаніе. Цвѣта бываютъ особенно яркими во время нереста.

6. Головль. *Squalius cephalus*, Linn. (Рис. стр. 81).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/8—9; Бр. 2/8; Гр. 1/16—17.

$$\text{Бок. лин. } 43 \frac{VII}{III—IV} 46.$$

Наибольшая высота тѣла, почти равная длинѣ головы, составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла. Голова толстая, пасть широкая, нижняя челюсть косо направлена кверху; лобъ широкій. Поперечникъ глаза содержится въ длинѣ головы отъ 5—$6^1/_2$ разъ, а въ ширинѣ лба отъ $2^1/_2$—$2^4/_5$. Спинной плавникъ имѣетъ короткое основаніе. Чешуя крупная.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны по 7; они расположены въ 2 ряда—во внутреннемъ 5 и 2 во внѣшнемъ, т. е. (2—5/5—2).

7. Елецъ. *Squalius leuciscus*, Heck. Рис. стр. 68).

Сп. 3/7; Подхв. 3/8—9; Гр. 1/16—17; Бр. 2/8.

$$\text{Бок. лин. } 48 \frac{VIII}{IV} 52.$$

Наибольшая высота немного сжатаго съ боковъ тѣла равняется около $^1/_5$ длины всего тѣла. Длина головы составляетъ $^1/_6$ длины всего тѣла. Ротъ небольшой.

Поперечникъ глаза немного меньше $^1/_4$ длины головы содержится въ ширинѣ лба $1^1/_2$ раза.

Глоточные зубы какъ у головля.

8. Красноперка. *Scardinnius erytrophthalmus*, Linn. (Рис. стр. 75).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/10 —11; Гр. 1/14—15; Бр. 2/8.

Бок. лин. $40 \dfrac{\mathrm{VII—VIII}}{\mathrm{IV}} 42$.

Тѣло сжато съ боковъ, такъ что наибольшая его высота составляетъ $^1/_3$ —$^1/_4$ длины всего тѣла. Длина головы немного менѣе $^1/_5$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ $^2/_9$ — $^2/_7$ длины головы. Нижняя челюсть довольно круто заворочена кверху. Брюхо между основаніемъ брюшныхъ плавниковъ и подхвостовымъ образуетъ выдающееся ребро. Расположенныхъ въ 2 ряда глоточныхъ зубовъ 8; во внутреннемъ 5 и во внѣшнемъ 3, т. е. (3—5/5—3).

9. Язь. *Idus melanotus*, Heck. (Рис. стр. 77).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/9 —10; Гр. 1/16—17; Бр. 2/8.

Бок. лин. $56 \dfrac{\mathrm{IX—X}}{\mathrm{IV—V}} 60$.

Тѣло толстое и сжатое съ боковъ; наибольшая высота его составляетъ около $^1/_4$ длины всего тѣла. Длина головы содержится въ длинѣ всего тѣла до 6 разъ. Ротъ небольшой, нѣсколько обращенный кверху. Поперечникъ глаза заключается въ длинѣ головы отъ $4^1/_2$ до 6 разъ. Лобъ широкій.

Спинной и подхвостовой плавники имѣютъ основаніе короткое и у обоихъ почти равное. Чешуя мелкая.

Восемь глоточныхъ зубовъ расположены въ два ряда—во внутреннемъ 5, а во внѣшнемъ 3, т. е. (3—5/5—3).

10. Плотва. *Leuciscus rutilus*, Linn. (Рис. стр. 72).

Сп. 3/10; Подхв. 3/10—11; Гр. 1/14—16; Бр. 2/8.

Бок. лин. $41 \dfrac{\mathrm{VIII}}{\mathrm{IV}} 44$.

Тѣло значительно сжато съ боковъ и наибольшая высота его содержится въ длинѣ всего тѣла отъ $3^1/_2$ до 4 разъ. Длина головы составляетъ около $^1/_6$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза содержится

въ длинѣ головы 4—$4^1/_2$ раза, а въ ширинѣ лба отъ $1^1/_2$ до $1^2/_3$ раза.

Длина основанія подхвостового плавника равняется наибольшей его высотѣ.

Глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, съ лѣвой стороны 6, рѣдко 5, съ правой 5, рѣдко 6, т. е. (6/5) или (5/6).

11. Шересперъ. *Aspius rapax*, Leske. (Рис. стр. 113).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/18—14; Гр. 1/16—18; Бр. 2/8.

Бок. лин. 65 $\frac{\text{XI—XII}}{\text{IV—V}}$ 71.

Наибольшая высота тѣла содержится въ длинѣ тѣла около 5 разъ. Голова большая, кпереди заостренная. Длина ея равняется наибольшей высотѣ тѣла, т. е. составляетъ около $^1/_5$ всей длины тѣла. Ротъ направленъ кверху. Пасть широкая; глаза небольшіе и поперечникъ ихъ составляетъ $^1/_6$—$^1/_8$ длины головы.

Спинной остроусѣченный плавникъ короткій, подхвостовой удлиненный. Брюхо между брюшными плавниками и заднепроходнымъ образуетъ тупое выдающееся ребро. Чешуя мелкая.

Съ каждой стороны восемь глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ 2 ряда—во внутреннемъ 5, а во внѣшнемъ 3, т. е. (3—5/5—3).

Изъ лещей наиболѣе распространены слѣдующіе три вида:

12. Лещъ-синецъ. *Abramis ballerus*, Linn.

Сп. 3/8; Пдх. 3/37—41; Гр. 1/16—17; Бр. 2/8.

Бок. лин. 69 $\frac{\text{XIV—XV}}{\text{IX—X}}$ 71.

Тѣло сильно сжато, такъ что наибольшая высота его составляетъ нѣсколько болѣе $^1/_4$ длины всего тѣла; длина головы содержится въ длинѣ всего тѣла немного болѣе 5 разъ, а поперечникъ глаза составляетъ $^1/_4$—$^1/_3$ длины гол. Ротъ обращенъ немного кверху; рыло заострено. Длина основанія подхвостоваго плавника составляетъ $^2/_5$ длины тѣла. Чешуя очень мелкая.

13. Лещъ-клепецъ. *Abramis sopa*, Pall.

Сп. 3/8; Пдх. 3/37—40; Гр. 1/16—18; Бр. 1/8.

Бок. лин. 51 $\frac{\text{X—XI}}{\text{VII—VIII}}$ 53.

Наибольшая высота сильно сжатаго тѣла составляетъ около $^2/_7$, а

длина головы около $^1/_6$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ не менѣе $^1/_3$ длины головы. Рыло толстое и закругленное; ротъ полуобращенъ книзу. Чешуя крупная.

14. Лещъ. *Abramis brama*, Linn. (Рис. стр. 85).

Сп. 3/9; Пдх. 3/24—26; Гр. 1/15—17; Бр. 2/8.

Бок. лин. $50 \frac{XII-XIV}{VII-VIII} 55$.

Тѣло леща сильно сжато, такъ что высота его составляетъ около $^1/_3$ части всей длины. Длина головы содержится въ длинѣ тѣла около 6 разъ, а поперечникъ глаза составляетъ отъ $^1/_6$ до $^2/_9$ длины головы. Ротъ полуобращенъ книзу. Спинной плавникъ высокій, косвенно усѣченный, съ короткимъ основаніемъ, которое въ $2^1/_2$ раза менѣе высоты перваго луча. Подхвостовой плавникъ имѣетъ очень длинное основаніе. Верхняя лопасть хвоста замѣтно короче нижней. Между брюшными плавниками и заднепроходнымъ брюхо образуетъ острое ребро.

Глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, съ каждой стороны по 5, т. е. (5/5).

Лещи часто смѣшиваются съ густерой (*Blicca bjorkna*, Art.), которая характеризуется слѣдующими признаками.

Сп. 3/8; Пдхв. 3/20—24; Гр. 1/14—16; Бр. 2/8.

Бок. лин. $45 \frac{IX-X}{VI} 49$.

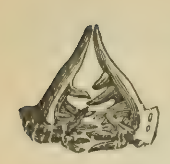
Тѣло сильно сжато съ боковъ, такъ что наибольшая высота его составляетъ $^1/_3$ длины его. Длина головы составляетъ около $^1/_6$ длины тѣла. Глаза большіе и поперечникъ ихъ содержится въ длинѣ головы около 3 разъ и немного только меньше ширины лба.

Въ отличіе отъ лещей у густеры находится съ каждой стороны 7 глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ два ряда, во внѣшнемъ ряду 2 и во внутреннемъ 5, т. е. (2—5/5—2).

15. Уклейка. *Alburnus lucidus*, Heck. (Рис. стр. 66).

Сп. 2/8—9; Пдхв. 3/16—20; Гр. 1/14—16; Бр. 2/8.

Бок. лин. $46 \frac{VIII-IX}{IV} 50$.



Удлиненное тѣло сильно сжато съ боковъ; наибольшая высота его равняется приблизительно $^1/_5$ длины всего тѣла. Длина головы, нѣсколько меньшая высоты тѣла, содержится въ длинѣ всего тѣла отъ 5 до $5^2/_3$ раза. Поперечникъ глаза составляетъ около $^2/_7$ длины головы. Нижняя челюсть длиннѣе верхней и сильно заворочена кверху.

Спинной плавникъ короткій, а подхвостовой длинный и длина его основанія почти равна длинѣ головы. Брюхо между брюшными и подхвостовымъ плавникомъ образуетъ острое ребро.

Чешуя нѣжная съ сильнымъ металлическимъ блескомъ.

Глоточныхъ зубовъ, расположенныхъ въ два ряда, по 7 съ каждой стороны; во внутреннемъ ряду 5, во внѣшнемъ 2, т. е. (2—5/5—2). Иногда впрочемъ бываетъ (2—4/4—2) и (2—5/4—2).

16. Чехонь. *Pelecus cultratus*, Linn.

Сп. 3/7; Пдхв. 3/27—29; Гр. 1/15—16; Бр. 2/7.

$$\text{Бок. лин. } 108\ \frac{\text{XIV}-\text{XV}}{\text{IV}-\text{V}}\ 115.$$

Тѣло длинное и сплющенное, спина прямая, а брюхо выпуклое и на всемъ своемъ протяженіи образуетъ острое ребро. Наибольшая высота тѣла, почти равная длинѣ головы, содержится въ длинѣ всего тѣла нѣсколько больше 6 разъ. Поперечникъ глаза составляетъ около $^2/_7$ длины головы. Нижняя челюсть длиннѣе верхней. Длина серповидныхъ грудныхъ плавниковъ составляетъ $^1/_4$ часть длины всего тѣла. Боковая линія извилистая.

Глоточныхъ зубовъ съ каждой стороны по 7 и они расположены въ два ряда (2 - 5/5—2).

17. Верховка. *Leucaspius delineatus*, Heck. (Рис. стр. 60).

Сп. 3/8; Пдхв. 3/10—13; Гр. 1/14—15; Бр. 1/8.

$$\text{Бок. лин. } 45\ \frac{\text{VI}}{\text{IV}}\ 50.$$

Наибольшая высота тѣла составляетъ $^1/_5$ длины всего тѣла. Длина головы почти равняется наибольшей высотѣ тѣла. Нижняя челюсть сильно заворочена кверху. Брюхо между брюшными плавниками и подхвостовымъ острое. Поперечникъ глаза заключается въ длинѣ головы отъ $3^1/_3$—$3^1/_2$ раза.

Число глоточныхъ зубовъ бываетъ непостоянно. Обыкновенно они расположены въ два ряда—на лѣвой сторонѣ во внутреннемъ 4, а во внѣшнемъ 1, на правой же во внутреннемъ ряду 5, а во внѣшнемъ 2,

т. е. (1 – 4/5 – 2); но число зубовъ бываетъ и (1 – 4/5) или (4/5—1) или даже только (4/5).

Окунь можетъ служить представителемъ семейства окуневыхъ (Percidae). Рыбы этого семейства характеризуются продолговатымъ, болѣе или менѣе сжатымъ съ боковъ тѣломъ, покрытымъ чешуйками, которыя на заднемъ краю зазубрены. Челюсти, а также нерѣдко и другія кости во рту усажены мелкими зубами, среди которыхъ иногда находятся и болѣе крупные. Нѣкоторыя изъ костей, образующихъ жаберныя крышки, на заднемъ краѣ бываютъ то съ большими, то съ мелкими зубчиками. Брюшные плавники, состоящіе изъ 1 жесткаго и 5 суставчатыхъ лучей, находятся подъ грудными плавниками. Спинныхъ плавниковъ то два, то одинъ, но въ обоихъ случаяхъ съ значительнымъ числомъ колючихъ лучей.

А. Спинныхъ плавниковъ два:

1) Щеки не покрыты чешуей и зубы на челюстяхъ не одинаковой длины . . . . 1. Lucioperca sandra, Cuv.

2) Щеки покрыты чешуей и всѣ челюстные зубы одинаковой длины. 2. Perca fluviatilis, Linn.

B. Спинный плавникъ одинъ; въ боковой линіи 37—40 чешуй . . 3. Acerina cernua, Linn.

1. Судакъ. *Lucioperca sandra*, Cuv. (Рис. стр. 115).

Перв. спин. 1/14. Втор. спин. 1/20—22. Подхв. 2/11; Бр. 1/5; Гр. 15.

$$\text{Бок. лин. } 80\ \frac{XII - XIV}{XVI - XX}\ 90.$$

Наибольшая высота тѣла содержится въ длинѣ всего тѣла отъ 5—6 разъ, а длина головы нѣсколько больше 4 разъ. Поперечникъ глаза составляетъ около $^1/_6$ длины головы и почти равняется ширинѣ лба. Рыло удлиненное и довольно острое. Между мелкими зубами на челюстяхъ есть и довольно большіе. Щеки не покрыты чешуей. Спинныхъ плавниковъ два и они, то отдѣлены другъ отъ друга небольшимъ промежуткомъ, то бываютъ соединены перепонкою. На бокахъ туловища находятся сѣровато-бурыя пятна, которыя образуютъ отъ 8 до 10 поперечныхъ полосокъ.

Съ судакомъ часто смѣшиваютъ берша (*Lucioperca volgensis*, Pall.), водящагося только въ рѣкахъ Каспійскаго и Чернаго морей, который характеризуется слѣдующими признаками:

Перв. сп. 13; Втор. сп. 2/22. Подхв. 2/9. Гр. 15. Бр. 1/5.

$$\text{Бок. лин. } 80\ \frac{X}{XVII - XVIII}\ 90.$$

Наибольшая высота тѣла берша, почти равная длинѣ головы, содержится въ длинѣ всего тѣла $4^1/_4-4^1/_3$ разъ. Поперечникъ глаза составляетъ около $^1/_5$ длины головы.

Рыло у берша короче и шире, чѣмъ у судака. Всѣ зубы почти одинаковой длины. Щеки покрыты чешуями.

2. Окунь. *Perca fluviatilis*, Linn. (Рис. стр. 100).

Перв. спин. 13—16. Втор. сп. 1/13—14. Подхв. 2/8—9. Гр. 14. Бр. 1/5.

$$\text{Бок. лин. } 60\,\frac{\text{XII—IX}}{\text{XII—XV}}\,68.$$

Тѣло сжато съ боковъ, такъ что наибольшая высота его, нѣсколько только превышающая длину головы, составляетъ $^1/_3-^1/_4$ всей длины тѣла. Поперечникъ глаза содержится въ длинѣ головы около 5 разъ. На челюстяхъ мелкіе зубы. Щеки почти сполна покрыты чешуей. Спинныхъ плавниковъ два. На бокахъ тѣла отъ 5 до 9 черныхъ поперечныхъ полосокъ, а на концѣ перваго спинного плавника большое черноватое пятно.

3. Ершъ. *Acerina cernua*, Linn. (Рис. стр. 69).

Сп. 12—14/11—14; Подхв. 2/5—6; Гр. 13; Бр. 1/5.

$$\text{Бок. лин. } 37\,\frac{\text{VI—VII}}{\text{X—XII}}\,40.$$

Тѣло продолговатое и высота его, равная длинѣ головы, составляетъ около $^2/_9$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза составляетъ $^1/_4$ часть длины головы и равняется ширинѣ лба. Рыло тупое, короткое. Мелкіе челюстные зубы почти одинаковой длины. Бока тѣла сѣрозеленаго цвѣта съ черноватыми пятнышками. Спинной плавникъ одинъ, но состоитъ изъ двухъ частей—въ передней части 12—14 колючихъ, а въ задней 11—14 мягкихъ лучей.

Рыбы лососевыя (Salmones) отличаются своимъ болѣе или менѣе сжатымъ съ боковъ тѣломъ. Чешуя сравнительно мелкая и на головѣ ея никогда не бываетъ. Какъ челюсти, такъ языкъ и нѣкоторыя другія кости во рту бываютъ усажены зубами. Между настоящимъ спиннымъ плавникомъ и хвостомъ, ближе къ послѣднему, находится еще небольшой жировой плавникъ безъ лучей.

1. Форель. *Trutta fario*, Linn. (Рис. стр. 118).

Сп. 3—5/9—11; Пдхв. 2—4/7—9; Гр. 1/12—13; Бр. 1/8.

$$\text{Бок. лин. } 115\,\frac{\text{XXIV—XXX}}{\text{XXIII—XXX}}\,130.$$

Наибольшая высота тѣла содержится въ длинѣ всего тѣла отъ $4^1/_2$—$4^3/_4$ разъ, а длина головы отъ $4^1/_2$ до 5 разъ. Глаза большіе и поперечникъ ихъ содержится въ длинѣ головы отъ $4^1/_2$—$4^2/_3$ раза. Задніе углы пасти приходятся почти противъ задняго края глазъ. Спинной плавникъ съ короткимъ основаніемъ. Бока туловища бываютъ желтоватые и буровато-зеленые; на нихъ бываютъ разсѣяны кругловатыя то черныя, то красныя пятнышки, имѣющія часто голубую каемку.

2. Харіусъ. *Thymallus vulgaris*, Nilss.

Сп. 5—8/14—17; Подхв. 4/9—11. Гр. 1/14—15; Бр. 1/10.

$$\text{Бок. лин. } 84\frac{\text{VII}}{\text{VII}}86.$$

Наибольшая высота тѣла содержится въ длинѣ всего тѣла около 5 разъ, длина же головы $5^1/_2$—$5^2/_3$. Ротъ небольшой и съ боковъ едва простирается до передняго края глаза. Спинной плавникъ съ длиннымъ основаніемъ, которое въ 2 раза длиннѣе основанія подхвостового плавника.

Цвѣтъ очень пестрый, бока туловища свѣтлосѣрые съ продольными буроватыми полосками; брюхо серебристобѣлое. Парные плавники бываютъ красные или желтые; непарные фіолетовые съ темными полосками или пятнышками; особенно пестрымъ и красивымъ представляется спинной плавникъ.

Рыбы семейства вьюновыхъ (Cobitidae) имѣютъ удлиненное, то цилиндрическое, то сжатое съ боковъ, тѣло, покрытое мелкими, едва замѣтными чешуйками. Ротъ беззубый. Мягкія губы съ усиками, которыхъ бываетъ отъ 6—10. Жаберныя отверстія очень малы. Хвостовой плавникъ закругленъ.

A. Ротъ окруженъ 10 усиками . . . 1. Misgurnus fossilis, Linn.
B. Ротъ окруженъ 6 усиками:
  1) Тѣло почти цилиндрическое, такъ что высота его едва только больше толщины . . . . 2. Nemachilus barbatulus, Linn.
  2) Тѣло сжато съ боковъ, такъ что высота его въ 2 раза больше толщины . . . . 3. Cobitis taenia, Linn.

1. Вьюнъ. *Misgurnus fossilis*, Linn.

Сп. 3/5—6; Подхвост. 3/5; Гр. 1/9—10. Бр. 2/5.

Высота тѣла на переднемъ концѣ почти цилиндрическаго, а на заднемъ сжатаго съ боковъ, равна длинѣ головы и содержится въ длинѣ всего тѣла отъ 7—$8^1/_2$ разъ.

Поперечникъ глаза составляетъ не болѣе $^1/_7$ длины головы и равняется $^1/_2$ ширины лба. На верхней губѣ находится 6 усиковъ, а на нижней 4. Чешуя, особенно на спинѣ и брюхѣ, очень мелкая.

2. Голецъ. *Nemachilus barbatulus*, Linn. (Рис. стр. 61).

Сп. 3/7; Подхв. 3/5; Гр. 1/10—12; Бр. 1/6—7.

Высота довольно короткаго и почти цилиндрическаго тѣла немного только больше толщины тѣла и содержится въ длинѣ всего тѣла отъ 6—7 разъ. Длина головы составляетъ около $^1/_5$ длины всего тѣла. Поперечникъ глаза, содержащійся въ ширинѣ лба $1^1/_2$—2 раза, составляетъ $^1/_6$—$^1/_7$ длины головы. Только на верхней губѣ 6 усиковъ, изъ которыхъ 4 сближены между собой, а 2 крайніе находятся въ углахъ пасти.

Чешуей покрыты только бока туловища, тогда какъ спина и брюхо голыя.

3. Щиповка. *Cobitis taenia*, Linn.

Сп. 3/7; Подхв. 3/5; Гр. 1/6—8; Бр. 1/5.

Высота удлиненнаго и сильно сжатаго съ боковъ тѣла въ 2 раза больше толщины его и составляетъ $^1/_7$—$^1/_8$ длины всего тѣла. Длина же головы содержится въ длинѣ всего тѣла немного менѣе 6 разъ. Поперечникъ глаза, едва меньшій ширины лба, равняется $^1/_6$—$^1/_7$ длины головы. Усиковъ 6 и они коротки.

Остается еще три вида—щука, налимъ и сомъ,—изъ которыхъ каждый относится къ особому семейству—щука къ сем. щуковыхъ (Esocidae), налимъ къ сем. тресковыхъ (Gadidae) и сомъ къ сем. сомовыхъ (Siluridae). Я не прилагаю описанія этихъ видовъ, такъ какъ въ прѣсныхъ водахъ Россіи водятся изъ каждаго семейства только по одному означенному виду, очень хорошо извѣстному всѣмъ рыболовамъ.

Можетъ быть кто-нибудь надумаетъ собирать и сохранять рыбъ, составлять изъ нихъ коллекціи, почему мнѣ кажется не лишнимъ будетъ упомянуть о способѣ сохраненія рыбъ, который очень простъ. Пойманную рыбу кладутъ на день или на два въ слабый спиртъ (даже въ обыкновенную водку), а затѣмъ перекладываютъ ее въ крѣпкій спиртъ градусовъ въ 75, въ которомъ она уже и сохраняется. Для того, чтобы спиртъ не испарялся, необходимо банки покрѣпче закупоривать.

Оканчивая мои описанія, я укажу, что въ нихъ не упоминается объ очень многихъ русскихъ рыбахъ. Но цѣль моя заключалась въ томъ, чтобы на этихъ немногихъ описаніяхъ указать способы опредѣленія рыбъ, что, можетъ быть, возбудитъ въ комъ-нибудь желаніе подробнѣе ознакомиться съ рыбами, и я былъ бы радъ, еслибы настоящая моя статья могла быть, такъ сказать, преддверіемъ къ такому ознакомленію. Но при опредѣленіи рыбъ могутъ встрѣтиться затрудненія. Какъ разрѣшить ихъ?

Въ С.-Петербургѣ есть Зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ, директоръ котораго академикъ А. А. Штраухъ съ большой энер-

гiей собираетъ животныхъ русской фауны. Вотъ въ этотъ-то музей можно смѣло посылать рыбъ для опредѣленiя. [1]) Указавъ на то, что намъ не вполнѣ еще извѣстны русскiя рыбы и что распространенiе многихъ изъ нихъ далеко еще не выяснено, я имѣлъ въ виду указать на Зоологическiй музей Академiи, куда можно посылать сохраненныхъ въ спирту рыбъ (обозначивъ ихъ мѣстонахожденiе), которыя, съ одной стороны, будутъ приняты съ благодарностью, а съ другой, послужатъ пополненiемъ матерiала для описанiя русскихъ рыбъ.

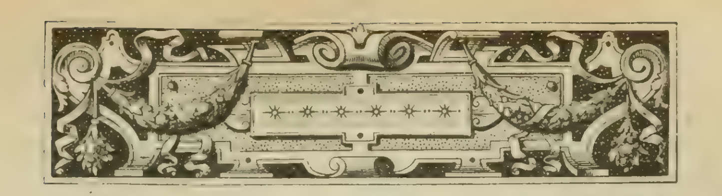
Если хоть одинъ только любитель-рыболовъ пришлетъ въ музей изъ своей мѣстности рыбъ—въ даръ ли музею, или для опредѣленiя—я сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ за трудъ, потраченный при составленiи настоящей статьи.

А можетъ быть такихъ любителей найдется и не одинъ!...

С.-Петербургъ.
Апрѣль, 1886 г.

---

1). Это тѣмъ болѣе удобно, что посылки (до одного пуда вѣсомъ), адресованныя на имя Академiи Наукъ, принимаются во всѣхъ почтовыхъ учрежденiяхъ безплатно.



III.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ „ЗАПИСКАМЪ ОБЪ УЖЕНЬѢ РЫБЫ“.

Н. Варпаховскаго.

I) Лошокъ не «молодая рыбешка лоха», о которомъ пишетъ авторъ далѣе (№ 21, стр. 116), а самостоятельный видъ, названіе котораго *гольянъ* (*Phoxinus laevis*, Agass.). Гольянъ водится почти во всей Россіи и въ большей части Сибири.

Называютъ его въ разныхъ мѣстахъ различно: *гольянъ*, *золотавка*, *песочникъ*, *синецъ*, *красавка* (въ Московской губ.), *казачекъ*, *скоморохъ*, *камергерчикъ*, *голопузка*, *пестрякъ*.

Нерестуетъ (мечетъ икру) въ первой половинѣ мая.

II) С. Т. Аксаковъ совершенно правильно считаетъ верховку и уклейку за различныхъ рыбъ. Верховка (*Leucaspius delineatus*, Heck.) мѣстами называется—*овсянка*, *малявка*, *синявка*.

III) Восточнѣе Казанской губерніи верховка и до сихъ поръ еще не найдена. Въ значительномъ количествѣ водится на югѣ Россіи, а на сѣверѣ ея совершенно нѣтъ.

IV) Голецъ (*Nemachilus barbatulus*, Linn.) называется еще въ Малороссіи *вьюнокъ*, *авдюшка*, *авдотка*, *удотка*. С. Т. Аксаковъ пишетъ про гольца, а не про щиповку (*Cobitis taenia*, Linn.). К. Ф. Рулье указываетъ въ примѣчаніи на названія, относящіяся къ щиповкѣ, а не къ гольцу.

Гольцы распространены по всей Россіи.

V) Вьюна (*Misgurnus fossilis*, Linn.) можно отличить отъ гольца между прочимъ потому, что у вьюна ротъ окруженъ 10 усиками, а у гольца только 6.

VI) Пескарь—*Gobio fluviatilis*, Rond. Носитъ еще названія: *пескозобъ*, *столбецъ*, *песчаникъ*, *пискань* (на Уралѣ). Примѣчаніе К. Ф. Рулье за исключеніемъ словъ—«называютъ иногда столбцомъ»—относится къ гольцу (*Nemachilus barbatulus*, Linn.). Пескарь распространенъ во всей Россіи.

Нерестуетъ въ маѣ и выпускаетъ икру не сразу, а черезъ нѣкоторые промежутки времени, такъ что весь нерестъ продолжается иногда все лѣто.

VII) *Alburnus lucidus*, Heck. Кромѣ приведенныхъ названій употребляются еще—*башклея*, *шеклея*, *дергунецъ*, *баклея*. Распространена по всей Россіи, но въ Сибири ея нѣтъ.

Нерестуетъ въ маѣ и даже іюнѣ.

VIII) Елецъ (*Squalius leuciscus*, Heck.) водится во всей Россіи и въ Западной Сибири, при чемъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи онъ встрѣчается рѣже, чѣмъ въ сѣверныхъ и среднихъ, гдѣ онъ очень многочисленъ.

Нерестуетъ въ средней Россіи въ срединѣ апрѣля, вообще одной изъ первыхъ рыбъ, нерестующихъ весной.

IX) Ершъ (*Acerina cernua*, Linn.) называется еще мѣстами—*кострикъ*, *ногтикъ* (по Днѣпру), *бирючекъ* (Ростовъ), *ершъ озерный* (Калачъ). Водится во всей Россіи и въ большей части Сибири.

Нерестуетъ въ сѣверной и средней Россіи въ маѣ.

X) Ерши изъ озеръ Сибири и Приуралья достигаютъ длины до 14 дюймовъ и вѣсятъ до $1^1/_2$ фунта.

XI) *Scardinius erytrophthalmus*, Linn. — *красноперка*, *плотва красноперая*, *красноглазка*, *краснокрылка*. Распространена по всей Россіи. Впрочемъ, повидимому, обыкновеннѣе въ юго-западной и южной Россіи, чѣмъ въ среднихъ губерніяхъ. Сѣверная граница ея распространенія въ Россіи съ точностію не опредѣлена—она не доходитъ до Онежскаго озера и до сихъ поръ еще неизвѣстно, водится ли она въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое и Ледовитое море.

Нерестуетъ въ маѣ и въ началѣ іюня.

XII) Въ Московской губерніи красноперка водится въ значительномъ количествѣ, но авторъ совершенно вѣрно указываетъ на странное распространеніе этой рыбы, такъ какъ относительно всей Россіи можно сказать, что красноперка въ ней распространена «мѣстами»—въ одномъ мѣстѣ она очень обыкновенна и многочисленна, въ другомъ же или совершенно отсутствуетъ, или составляетъ большую рѣдкость.

XIII) Язь (*Idus melanotus*, Heck.) водится во всей Россіи и Западной Сибири. Въ большемъ количествѣ, повидимому, встрѣчается въ среднихъ и восточныхъ губерніяхъ, чѣмъ въ южныхъ.

Нерестуетъ на югѣ въ концѣ марта и началѣ апрѣля, въ среднихъ губерніяхъ въ срединѣ и концѣ апрѣля.

XIV) *Squalius cephalus*, Linn. Кромѣ приведенныхъ именъ онъ носитъ еще названія—*головель*, *головачъ*, *головня*, *головъ*, *оголовъ*, *кленъ*

(по Днѣстру). Рыба эта наиболѣе обыкновенна въ средней Россіи. Какъ распространена она на сѣверѣ, съ точностію не опредѣлено и неизвѣстно, водится ли она въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое и Ледовитое море. По Кесслеру, ее нѣтъ даже въ Онежскомъ озерѣ.

Нерестуетъ въ среднихъ губерніяхъ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, а на югѣ въ первой половинѣ апрѣля.

XV) Распространеніе благороднаго леща (*Abramis brama*, Linn.) очень обширно; онъ встрѣчается въ Россіи повсемѣстно, хотя на сѣверѣ болѣе рѣдокъ, чѣмъ на югѣ, а въ Сибири и совершенно отсутствуетъ.

Нерестуетъ въ средней и сѣверной Россіи въ началѣ мая, а на югѣ во второй половинѣ апрѣля.

XVI) Въ настоящее время въ Сурѣ карпы водятся въ Пензенской губерніи; въ юговосточной части Симбирской они уже очень рѣдки, а въ остальномъ теченіи и совершенно отсутствуютъ. Въ Свіягѣ въ предѣлахъ Казанской губерніи карпа нѣтъ и навѣрно онъ живетъ только въ верховьяхъ этой рѣки, въ Симбирской губерніи.

XVII) Названіе *карпъ*, *карпія* (*Cyprinus carpio*, Linn.) употребительно чаще въ среднихъ губерніяхъ Россіи; на Волгѣ же и на Уралѣ извѣстенъ подъ киргизскимъ названіемъ—сазана. Хотя карпъ распространенъ по всей Россіи, но въ средней и западной онъ рѣдокъ и навѣрно разведенъ искусственно. Нѣтъ карпа въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое и Балтійское моря и въ Ледовитый океанъ. Въ Каспійскомъ, Аральскомъ, Азовскомъ и въ малосоленыхъ участкахъ Чернаго моря водится во множествѣ и входитъ во время нерестованія въ рѣки, впадающія въ нихъ, но поднимается вверхъ по разнымъ рѣкамъ на различную высоту. Во многихъ притокахъ этихъ рѣкъ находится на постоянномъ жительствѣ.

XVIII) Линь (*Tinca vulgaris*, Cuv.) населяетъ стоячія воды, преимущественно тинистыя озера и пруды главнымъ образомъ средней и южной Россіи. Живетъ ли онъ въ бассейнахъ рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море и Ледовитый океанъ, съ достовѣрностію пока неизвѣстно.

Нерестуетъ во второй половинѣ мая и первой іюня.

XIX) Въ настоящее время признаютъ только одинъ европейскій видъ карасей (*Carassius vulgaris*, Nilss.) со значительнымъ числомъ разностей или разновидностей. Распространенъ во всей Россіи.

Нерестуетъ на югѣ въ началѣ мая, на сѣверѣ въ концѣ мая и началѣ іюня, а въ средней Россіи въ срединѣ мая.

XX) Окунь (*Perca fluviatilis*, Linn.). Распространенъ во всей Россіи и Сибири. Хотя обыкновененъ повсемѣстно, но на сѣверѣ встрѣчается рѣже. На сѣверѣ нерестуетъ въ срединѣ мая, въ средней полосѣ Россіи въ началѣ мая и концѣ апрѣля, а на югѣ въ мартѣ.

XXI) Щука (*Esox lucius*, Linn.), живущая какъ въ рѣкахъ, такъ и озерахъ, распространенная по всей Россіи, нерестуетъ съ разливомъ рѣкъ.

XXII) Жерехъ (*Aspius rapax*, Linn.) носитъ еще названія—*конь*, *коняга*, *гонецъ*, *хаюзъ* (въ низовьяхъ Камы), *сватъ*, *фатъ*, а

мѣстами даже *бѣлорыбицы*, за которую и продается неопытнымъ. Водится во всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское, Азовское, Черное, Нѣмецкое и Балтійское моря, а въ рѣкахъ, изливающихся въ Бѣлое и Ледовитое моря, его нѣтъ.

Нерестуетъ на югѣ въ концѣ марта, а въ среднихъ губерніяхъ въ апрѣлѣ.

XXIII) Судакъ или судокъ (*Lucioperca sandra*, Cuv.) населяетъ большія рѣки и озера, принадлежащія къ бассейнамъ Чернаго, Каспійскаго, Аральскаго и Азовскаго морей. На сѣверѣ Россіи не водится, и только въ небольшомъ количествѣ встрѣчается въ рѣкахъ Балтійскаго моря.

Нерестуетъ обыкновенно въ маѣ.

XXIV) Подъ названіемъ *лоха* и *красули* по нѣкоторыхъ притокахъ Камы извѣстна форель (*Salmo fario*, Linn.). Навѣрно и авторъ пишетъ тоже про обыкновенную форель, но утверждать этого нельзя въ виду отсутствія изслѣдованій.

XXV) Форель (*Salmo fario*, Linn.) живетъ въ небольшихъ, быстрыхъ рѣчкахъ сѣверо восточной и сѣверо-западной Россіи, на Кавказѣ и въ Крыму. Въ среднихъ губерніяхъ Россіи она распространена не повсемѣстно.

Нерестуетъ во второй половинѣ сентября и въ октябрѣ.

XXVI) *Thymallus vulgaris*, Nilss. На сѣверѣ Россіи носитъ названіе *харіусъ*, а на востокѣ употребляется башкирское названіе *кутема*. Водится харіусъ во многихъ холодныхъ и быстро текущихъ рѣчкахъ главнымъ образомъ сѣверной и сѣверо-восточной Россіи.

Нерестуетъ въ маѣ.

XXVII) Налимъ (*Lota vulgaris*, Cuv.). Распространенъ во всей Россіи, но въ рѣкахъ, впадающихъ въ Бѣлое и Балтійское моря, онъ водится въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ рѣкахъ Каспійскаго и Чернаго моря. Въ низовьяхъ же всѣхъ большихъ рѣкъ вообще рѣдокъ.

Нерестуетъ во второй половинѣ декабря и въ первой января.

XXVIII) Сомъ (*Silurus glanis*, Linn.) не встрѣчается въ нашихъ сѣверныхъ рѣкахъ, рѣдокъ въ рѣкахъ Балтійскаго моря и водится въ значительномъ количествѣ въ рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское и Черное моря.

Нерестуетъ въ концѣ апрѣля и началѣ мая.

XXIX) Изъ всѣхъ рѣчныхъ раковъ, встрѣчающихся въ Россіи, долгоногій ракъ (*Astacus leptodactylus*, Eschh.) имѣетъ самое обширное распространеніе.

XXX) Эти «бѣленькія бабочки» навѣрно *поденки* (Ephemera). Мнѣ самому приходилось наблюдать ловлю этихъ насѣкомыхъ для уженья на р. Сурѣ. Слухъ, что «идетъ *метла*» (мѣстное названіе поденки), собиралъ очень много рыболовозовъ на берега рѣки; и тамъ и сямъ зажигались небольшіе костры, къ которымъ въ несмѣтномъ количествѣ, на собственную гибель, слетались поденки...

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

ОХОТНИКА

О РАЗНЫХЪ ОХОТАХЪ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Мои «Записки объ уженьѣ рыбы» и особенно «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» были такъ благосклонно приняты читающей публикой, что я рѣшился написать и напечатать все, что́ знаю о другихъ охотахъ, которыми я нѣкогда съ горячностью занимался. Кромѣ удовлетворенія собственной потребности—есть что-то невыразимо-утѣшительное и обольстительное въ мысли, что, передавая свои впечатлѣнія, возбуждаешь сочувствіе къ нимъ въ читателяхъ, преимущественно охотникахъ до какихъ-нибудь охотъ. Вотъ причина, заставляющая меня писать: я признаюсь въ ней откровенно, а равно и въ желаніи, чтобы книжка моя имѣла такой же успѣхъ, какъ и прежнія мои охотничьи записки.

С. А.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Охота, охотникъ!... что такое слышно въ звукахъ этихъ словъ? что таится обаятельнаго въ ихъ смыслѣ, принятомъ, уважаемомъ въ цѣломъ народѣ, въ цѣломъ мірѣ, даже не охотниками?... «Ну, это ужъ его охота, ужъ онъ охотникъ», говорятъ, желая оправдать или объяснить — почему такъ неблагоразумно или такъ странно поступаетъ такой-то человѣкъ, въ такомъ-то случаѣ... и объясненіе всѣмъ понятно, всѣхъ удовлетворяетъ! Какъ зарождается въ человѣкѣ любовь къ какой-нибудь охотѣ, по какимъ причинамъ, на какомъ основаніи?... Ничего положительнаго сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспитаніемъ, возбуждается примѣромъ окружающихъ; но мы часто видимъ, что сыновья, выросшіе въ домѣ отца-охотника, не имѣютъ никакихъ охотничьихъ склонностей, и что, напротивъ, дѣти людей ученыхъ, дѣловыхъ ex professo, никогда не слыхавшіе разговоровъ объ охотѣ, —дѣлаются съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ страстными охотниками. Итакъ, расположеніе къ охотѣ нѣкоторыхъ людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть не что иное, какъ врожденная наклонность, безсознательное увлеченіе. Такая мысль всего убѣдительнѣе подтверждается, по моему мнѣнію, наблюденіями надъ деревенскими мальчиками. Сколько разъ случалось мнѣ замѣчать, что многіе изъ нихъ не пройдутъ мимо кошки или собаки, не толкнувъ ее ногой, не лукнувъ въ нее камнемъ или палкой, тогда-какъ другіе, напротивъ, защищаютъ бѣдное животное отъ обидъ товарищей, ч ув-

ствуютъ безотчетную радость, лаская его, раздѣляя съ нимъ скудный обѣдъ или ужинъ: изъ этихъ мальчиковъ непремѣнно выйдутъ охотники до какой-нибудь охоты. Одинъ, услышавъ охотничій рогъ или лай гончихъ, вздрагиваетъ, измѣняется въ лицѣ, весь превращается въ слухъ, тогда-какъ другіе остаются равнодушны,—это будущій псовый охотникъ. Одинъ, услыхавъ близкій ружейный выстрѣлъ, бросается на него, какъ горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своихъ товарищей, — это будущій стрѣлокъ. Одинъ кладетъ приваду изъ мякины, ставитъ волосяные силья или настораживаетъ корыто и караулитъ воробьевъ, лежа гдѣ-нибудь за угломъ, босой въ одной рубашенкѣ, дрожа отъ дождя и холода, — это будущій птицеловъ и звѣроловъ. Другихъ мальчиковъ не заставишь и за пряники это дѣлать. Чѣмъ объяснить такія противоположныя явленія, какъ не врожденнымъ влеченіемъ къ охотѣ?— Обративъ вниманіе на зрѣлый возрастъ крестьянъ, мы увидимъ то же. Положимъ, что между людьми, живущими въ праздности и довольствѣ, ребячьи фантазіи и склонности, часто порождаемыя желаніемъ подражать большимъ людямъ, могутъ впослѣдствіи развиться, могутъ обратиться въ страсть къ охотѣ, въ года зрѣлаго возраста; но мы найдемъ между крестьянами, и всего чаще между небогатыми, которымъ некогда фантазировать, некому подражать, — страстныхъ, безумныхъ охотниковъ: я знавалъ ихъ много на своемъ вѣку. Кто заставляетъ, въ осенніе дождь и слякоть, таскаться съ ружьемъ (иногда очень не молодого человѣка) по лѣснымъ чащамъ и оврагамъ, чтобъ застрѣлить какого-нибудь побѣлѣвшаго зайца? Охота. Кто поднимаетъ съ теплаго ночлега этого хвораго старика и заставляетъ его на утренней зарѣ, въ туманѣ и сырости, сидѣть на мокромъ берегу рѣки, чтобъ поймать какого-нибудь язя или головля? Охота. Кто заставляетъ этого молодого человѣка, отлагая только на время неизбѣжную работу, или пользуясь полдневнымъ отдыхомъ, въ палящій жаръ, искусаннаго въ кровь лѣтнимъ оводомъ, таскающаго на себѣ застрѣленныхъ утокъ и всѣ охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, безъ сомнѣнія, одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно.

Оттѣнки охотниковъ весьма разнообразны, какъ и сама природа человѣческая. Нѣкоторые охотники, будучи страстно привязаны предпочтительно къ одной охотѣ, любятъ однако,

хотя не такъ горячо, и прочіе роды охотъ. Другіе охотники, переходя съ дѣтскихъ лѣтъ постепенно отъ одной охоты къ другой, предпочитаютъ всегда послѣднюю всѣмъ предъидущимъ; но совершенно оставляя прежнія охоты, они сохраняютъ теплое и благодарное воспоминаніе о нихъ, въ свое время доставлявшихъ имъ много наслажденій. Есть, напротивъ, третій разрядъ охотниковъ *исключительныхъ*: они съ дѣтства до конца дней, постоянно и страстно, любятъ какую-нибудь *одну* охоту, и не только равнодушны къ другимъ, но даже питаютъ къ нимъ отвращеніе и какую-то ненависть. Наконецъ, есть охотники четвертаго разбора: охотники до всѣхъ охотъ безъ исключенія, готовые заниматься всѣми ими вдругъ, въ одинъ и тотъ же день и часъ. Такіе охотники въ настоящемъ, строгомъ смыслѣ слова — ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дѣла они не бываютъ. По большей части они дѣлаются добрыми товарищами другихъ охотниковъ.

Не разбирая преимуществъ одного рода охотниковъ передъ другими, я скажу только, что принадлежу ко второму разряду охотниковъ. Въ ребячествѣ началъ я съ ловли воробьевъ и голубей на ихъ ночевкахъ. Несмотря на всю ничтожность такой дѣтской забавы, воспоминаніе о ней такъ живо въ моей памяти, что, признаюсь, и на шестьдесятъ-четвертомъ году моей жизни не могу равнодушно слышать особеннаго, торопливаго чиликанья воробья, когда онъ, при захожденіи солнца, скачетъ взадъ и впередъ, перепархиваетъ около мѣста своего ночлега, какъ-будто прощаясь съ Божьимъ днемъ и свѣтомъ, какъ-будто перекликаясь съ товарищами, — и вдругъ нырнетъ подъ застреху или жолобъ, въ щель соломенной крыши или въ дупло стараго дерева. — Отъ ловли воробьевъ на ночевкахъ перешелъ я къ ловлѣ другихъ мелкихъ птичекъ волосяными сильями, натыканными въ лубокъ; къ ловлѣ конопляными необмолоченными снопами, опутанными веревочкой съ сильями, и наконецъ къ ловлѣ разными *лучками* изъ сѣтки. Потомъ пристрастился я къ травлѣ перепелокъ ястребами и къ ловлѣ перепелокъ сѣтью на дудки. Все это, на нѣкоторое время, замѣнила удочка; но въ свою очередь и она была совершенно замѣнена ружьемъ. Единовластное владычество ружья продолжалось половину моего вѣка, тридцать лѣтъ; потомъ снова появилась на сценѣ удочка, — и наконецъ старость, а болѣе слабость зрѣнія, хворость и лѣность окончательно сдѣлали изъ меня исключительнаго рыбака. Но я сохраняю живое, благодарное

воспоминаніе обо всѣхъ прежнихъ моихъ охотахъ, и мои статьи о нихъ служатъ тому доказательствомъ.

Всѣ охоты, о которыхъ я упоминалъ: съ ружьемъ, съ борзыми собаками, съ ястребами и соколами, съ тенетами и капканами за звѣрями, съ сѣтьми, острогою и удочкой за рыбою, и даже съ *поставушками*, за мелкими звѣрками — имѣютъ своимъ основаніемъ ловлю, добычу; но есть охоты, такъ-сказать, безкорыстныя, которыя вознаграждаются только удовольствіемъ: слушать и видѣть, кормить и разводить извѣстныя породы птицъ и даже животныхъ; такова, напримѣръ, охота до пѣвчихъ птицъ и до голубей. Первыя, по крайней мѣрѣ, веселятъ слухъ охотниковъ пѣніемъ; но вторыя и этого удовольствія доставить не могутъ: иногда только услышишь ихъ голосъ, то-есть глухое воркованье. Но я знавалъ страстныхъ охотниковъ до голубей всѣхъ возможныхъ породъ: бормотуновъ, двухохлыхъ, турмановъ, мохноногихъ горлицъ и египетскихъ голубей. Эти охотники проводили цѣлые дни на голубятнѣ, особенно любуясь на голубей мохноногихъ, у которыхъ мохры, то-есть перья, выросшія изъ ногъ, до трехъ вершковъ длиною, торчали со всѣхъ сторонъ и даже мѣшали имъ ходить. Теперь рѣдко встрѣтишь охотниковъ до этихъ сортовъ голубей; но въ городахъ и столицахъ еще водятся охотники до голубей *чистыхъ* или *гонныхъ*, особенно до турмановъ, гоньба которыхъ имѣетъ свою красоту. Быстро носясь кругами въ высотѣ, стая гонныхъ или чистыхъ голубей то блеститъ на солнцѣ яркой бѣлизной, то мелькаетъ темными пятнами, когда залетитъ за облако, застѣняющее стаю отъ солнечныхъ лучей. Турманы имѣютъ особенное свойство: посреди быстраго полета вдругъ свертывать свои крылья и падать внизъ, перевертываясь безпрестанно, какъ птица, застрѣленная высоко на-лету; кувыркаясь такимъ образомъ, можетъ быть саженъ десять, турманъ мгновенно расправляетъ свои легкія крылья и быстро поднимается на ту же высоту, на которой кружится вся стая. Такія продѣлки очень живописны. Всякій посмотритъ нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ на эту живую картину; но охотники съ увлеченьемъ смотрятъ на нее по нѣскольку часовъ сряду, не давая садиться усталымъ голубямъ на родимую крышу ихъ голубятни.

Содержаніе не-пѣвчихъ птицъ и даже нѣкоторыхъ изъ породъ дичи въ большихъ клѣткахъ или садкахъ имѣетъ уже особаго рода прелесть, которая можетъ быть понятна только

людямъ, имѣющимъ склонность къ наблюденіямъ надъ живымя твореніями природы: это уже любознательность.

Несмотря на увлеченіе, съ которымъ я всегда предавался разнаго рода охотамъ, склонность къ наблюденію нравовъ птицъ, звѣрей и рыбъ никогда меня не оставляла и даже принуждала иногда, для удовлетворенія любопытства, — жертвовать добычею, что для горячаго охотника не шутка.

Воспоминаніе обо всемъ этомъ доставляетъ мнѣ теперь живѣйшее наслажденіе, и подѣлиться моими воспоминаніями съ охотниками всѣхъ родовъ—сдѣлалось моимъ постояннымъ желаніемъ. Можетъ быть, мой примѣръ возбудитъ и въ другихъ такое же желаніе. Сколько есть опытныхъ охотниковъ на Руси, кругъ дѣйствія которыхъ былъ несравненно обширнѣе моего! Сколько любопытныхъ свѣдѣній и наблюденій могли бы сообщать они! Кромѣ того, что изданіе такихъ свѣдѣній и наблюденій составило бы утѣшительное, отрадное чтеніе для охотниковъ, оно было бы полезно для естественныхъ наукъ. Только изъ спеціальныхъ знаній людей, практически-изучившихъ свое дѣло, могутъ быть заимствованы живыя подробности, недоступныя для кабинетнаго ученаго.

ОХОТА СЪ ЯСТРЕБОМЪ

ЗА ПЕРЕПЕЛКАМИ.

„Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею „доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, „да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія. „Избирайте дни, ѣздите часто, напускайте, добывайте, не лѣниво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычу“.

„О славные мои совѣтники и достовѣрные и премудрые охотники! Радуйтеся и веселитеся, утѣшайтеся и наслаждайтеся сердцами своими, добрымъ и „веселымъ симъ утѣшеніемъ въ предъидущія лѣта!“

(Древ. Росс. Вивліоѳика, ч. III, книга Урядникъ Сокольничья Пути).

Хотя содержаніе сей статьи положительно объясняется ея названіемъ, но я хочу предварительно сказать нѣсколько словъ о ястребахъ вообще. Всѣ хищныя птицы, высшаго, средняго и даже низшаго разряда, могутъ быть раздѣлены на двѣ породы: соколиную и ястребиную. Принадлежащія къ первой, ловятъ свою добычу, устремляясь, *падая* на нее съ высоты, для чего имъ необходимо подняться на извѣстную мѣру вверхъ. Принадлежащія же къ породѣ ястребиной, напротивъ, ловятъ свою добычу *въ угонъ*, то-есть находясь съ ней въ одинаковомъ горизонтальномъ положеніи, гонятся за ней, и, по рѣзвости своего полета, догоняютъ. У насъ рѣчь идетъ о послѣднихъ. — Ястреба раздѣляются, по ихъ величинѣ, на три рода. Самые большіе, достигающіе величины крупной индѣйки, называются *гусятниками*, потому-что *берутъ*, то-есть ловятъ

дикихъ гусей. Такими ястребами, попадающимися довольно рѣдко, можно травить зайцевъ и даже лисицъ. Я имѣлъ одного такого ястреба уже двухъ осеней, котораго, какъ диковинку, привезъ моему отцу одинъ башкирецъ. Онъ разсказывалъ, что затравилъ имъ двухъ лисъ, чему очень можно было повѣрить, судя по силѣ и жадности птицы. Я прошу позволенія у читателей разсказать судьбу этого ястреба: онъ былъ чисторябый, то-есть свѣтлосѣрый, и такъ тяжелъ, что и сильный человѣкъ не могъ его долго носить на рукѣ. Башкирцы охотятся съ такими ястребами, а чаще съ беркутами, всегда верхомъ, и возятъ ихъ на палкѣ, которая придѣлывается къ сѣдельной лукѣ. По несчастію, этотъ рѣдкій ястребъ жилъ у насъ очень недолго. Мы затравили имъ только двухъ бѣляковъ, которыхъ сошли по первой октябрской порошѣ, и для опыта затравили русскаго гуся, привыкшаго хорошо летать. Вотъ какъ было это сдѣлано: стая дворовыхъ гусей повадилась ежедневно ходить пѣшкомъ на господское гумно, стоявшее на довольно высокой горѣ; накушавшись досыта и находя неудобнымъ и затруднительнымъ сходить внизъ съ крутой горы съ полными зобами, которые и на ровномъ мѣстѣ перетягиваютъ ихъ впередъ,—гуси обыкновенно слетали съ горы и опускались прямо на житный дворъ. Въ урочное время, я поставилъ охотника съ ястребомъ за хлѣбною кладью, у самаго того мѣста, гдѣ гуси должны были слетать съ горы, а самъ зашелъ сзади и погналъ гусей, которые, ковыляя и падая, дошли до спуска съ горы и поднялись; ястребъ бросился, свалился съ однимъ гусемъ и, къ общему нашему удовольствію, сладилъ съ нимъ безъ всякаго труда. Мы не дали ястреба въ обиду другимъ гусямъ (безъ чего они бы забили его крыльями и защипали бы своими носами) и накормили на добычѣ до отвалу. Несмотря на то, что эта славная хищная птица жила у насъ только двѣ недѣли, съ ней случилось диковинное приключеніе: была у насъ лѣтняя кухня на острову, въ которой давно уже перестали готовить; въ эту кухню, на толстой колодкѣ, стоявшей по срединѣ кирпичнаго пола, сажали на ночь этого большого ястреба. Охотникъ, которому былъ онъ отданъ на руки, приходитъ однажды поутру и видитъ, что ястребъ, привянный должникомъ къ колодкѣ, стащилъ ее съ мѣста, сидитъ распустивъ крылья въ углу и держитъ въ когтяхъ огромную сову, еще живую. Испугавшись, не испортила ли она ястреба, охотникъ прибѣжалъ сказать объ этомъ мнѣ; мы съ отцомъ

пришли немедленно и нашли ястреба въ томъ же положеніи. Съ большимъ трудомъ вынули изъ его когтей очень большую, почти бѣлую сову, которая тутъ же издохла; на ястребѣ никакихъ знаковъ поврежденія не оказалось. Еслибъ я не самъ видѣлъ этотъ диковинный случай—я бы не вдругъ ему повѣрилъ: кухня была заперта; кромѣ трубы, которая оказалась не закрытою, другого отверстія въ кухнѣ не было; должно предположить, что сова попала въ кухню черезъ трубу для дневки, и что она залетѣла недавно, на самомъ разсвѣтѣ; но какъ поймалъ ее ястребъ, привязанный на двухъ-аршинномъ должникѣ—придумать трудно; во всякомъ случаѣ, жадность, злобность и сила ястреба удивительны. Я даже былъ увѣренъ, что никакой ястребъ не кинется и не возьметъ совы, особенно большой, потому-что она сама вооружена длинными острыми когтями. Охотники наши думали, что сова сама напала на ястреба, но такое предположеніе невѣроятно. Черезъ нѣсколько дней послѣ приключенія съ совой, наступила оттепель, снѣгъ совершенно сошелъ, сдѣлался отличный узеркъ, и я послалъ охотника съ ястребомъ верхомъ поискать въ наѣздку русаковъ, которые тогда совершенно выцвѣли; а самъ поѣхалъ стрѣлять тетеревовъ. Охотникъ, поѣздивъ нѣсколько времени по горамъ и полямъ, и не найдя нигдѣ зайцевъ, сдѣлалъ соображеніе, что они всѣ лежатъ въ лѣсу; а какъ на бѣду онъ взялъ съ собой ружье, то, подъѣхавъ къ лѣсу, привязалъ въ опушкѣ лошадь къ дереву, посадилъ ястреба на толстый сучокъ, должникъ привязалъ къ сѣдлу, а самъ отправился стрѣлять въ лѣсъ зайцевъ. Очевидно, что все это было сдѣлано крайне глупо, и вотъ какія вышли послѣдствія: лошадь вѣроятно чего-нибудь испугалась, оторвала поводъ, стащила ястреба съ сучка и ускакала; только къ вечеру воротилась она домой. Несчастный ястребъ былъ еще живъ, но съ вытянутыми и вывихнутыми ногами; черезъ сутки онъ издохъ... Такъ жалостно и совершенно даромъ погибла эта рѣдкая хищная птица. Я видѣлъ потомъ еще двухъ ястребовъ-гусятниковъ: оба были меньше моего и гораздо темнѣе перомъ.

Второго рода ястреба (вдвое менѣе первыхъ) называются *утятниками*, потому-что ими обыкновенно травятъ утокъ. Надобно сказать правду, что охота съ большими ястребами, гусятниками и утятниками,—охота пустая и мало добычливая, особенно съ послѣдними. Для травли ястребами необходимо условіе, чтобы птица поднималась близко, иначе они не мо-

гутъ ее догнать; утки же всегда сидятъ на водѣ или на берегу воды, въ которую сейчасъ могутъ броситься, а ястреба никакой плавающей птицы на водѣ не берутъ и брать не могутъ. Итакъ, травля утокъ производится по маленькимъ рѣчкамъ или ручьямъ и озеркамъ, находящимся на высокихъ берегахъ, для того, чтобъ охотникъ могъ подойти очень близко къ уткѣ, не будучи ею примѣченъ, и для того, чтобъ летъ ея продолжался не надъ водою; если же ястребъ схватитъ утку и она упадетъ съ нимъ въ воду, то рѣдко можно найти такого жаднаго ястреба, который не бросилъ бы своей добычи: ибо всѣ хищныя птицы не любятъ и боятся мочить свои перья, особенно въ крыльяхъ, и вымочивши какъ-нибудь нечаянно, сейчасъ распускаютъ ихъ какъ полузонтикъ и сидятъ въ укромномъ мѣстѣ, пока не высушатъ совершенно. Очевидно, что травля утокъ, безъ особенной, удобной мѣстности, невозможна. Иногда травятъ утятниками молодыхъ тетеревовъ, но для того необходимо, чтобы выводка находилась въ чистомъ полѣ; травить же въ рѣдколѣсьѣ неудобно, потому-что ястребъ можетъ убиться объ дерево, что онъ самъ по инстинкту такъ боится, что, бросившись за тетеревенкомъ и увидя передъ собой даже рѣдкія деревца, сейчасъ возьметъ кверху или возьметъ въ сторону. Притомъ *помѣшавшійся* молодой тетеревъ летитъ очень проворно, и ястребъ догонитъ его только въ такомъ случаѣ, если онъ поднимется очень близко. Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что травля утокъ и тетеревовъ не можетъ быть добычлива. Совсѣмъ другое представляетъ охота за перепелками съ мелкими ястребами третьяго разряда, которые и называются *перепелятниками*; объ нихъ и объ охотѣ съ ними поговорю я подробно.

Я уже сказалъ, что ястреба-гусятники большая рѣдкость, такъ что немногимъ охотникамъ удавалось видѣть ихъ на волѣ; утятники попадаются чаще, а перепелятниковъ деревенскіе жители видятъ по нѣскольку разъ въ день, или по крайней мѣрѣ замѣчаютъ эффектъ, производимый появленіемъ или присутствіемъ ястреба-перепелятника, котораго часто глазами и не увидишь. Эффектъ состоитъ въ томъ, что вся дворовая и около дворовъ живущая птица закричитъ всполошнымъ крикомъ и бросится или прятаться, или преслѣдовать воздушнаго пирата: куры поднимутъ кудахтанье, цыплята съ жалобнымъ пискомъ побѣгутъ скрыться подъ распущенныя крылья матерей-насѣдокъ, воробьи зачирикаютъ особеннымъ

образомъ и какъ безумные попрячутся куда ни попало, — и я часто видѣлъ, какъ дерево, задрожавъ и зашумѣвъ листьями, будто отъ внезапнаго крупнаго дождя, мгновенно прятало въ свои вѣтви цѣлую стаю воробьевъ; съ тревожнымъ, пронзительнымъ крикомъ, а не щебетаньемъ, начнутъ черкать ласточки по-соколиному, налетая на какое-нибудь одно мѣсто; защекочутъ сороки, закаркаютъ вороны и потянутся въ ту же сторону—однимъ словомъ: поднимется общая тревога; и это навѣрное значитъ, что пробѣжалъ ястребъ и спрятался гдѣ-нибудь подъ повѣтью, въ овинѣ, или сѣлъ въ чащу зеленыхъ вѣтвей ближайшаго дерева. Иногда такъ и не увидишь ястреба. Онъ переждетъ тревогу, весьма ему невыгодную, потому что она предупреждаетъ о немъ тѣхъ птицъ, которыя могли бы сдѣлаться его добычей, да вѣроятно надоѣдаетъ и пугаетъ его весь этотъ пискъ, крикъ, шумъ и преслѣдованье,—переждетъ и улетитъ! Но я всегда любилъ такія явленія общей суматохи, всегда стерегъ вылетъ ястреба изъ его убѣжища, и часто видалъ, какъ онъ, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнетъ и скроется въ кустахъ уремы или въ ближайшемъ лѣсу.

Все, что́ я стану говорить о наружномъ видѣ ястребовъ-перепелятниковъ, объ ихъ выкармливаньѣ, вынашиваньѣ и проч., совершенно прилагается и къ двумъ первымъ родамъ. Перепелятники, перомъ свѣтлосѣрые, называются *чисторябыми*; они бываютъ посвѣтлѣе и потемнѣе. Оренбургскіе охотники приписываютъ это различіе въ перѣ (то есть въ цвѣтѣ ястребиной *крыши*) вліянію деревъ, на которыхъ они вывелись, и потому свѣтлыхъ называютъ *березовиками*, а темныхъ—*дубовиками*. Ястреба коричнево-пестрые называются краснорябыми, ихъ гнѣзда всегда находятся на ольхахъ, а потому ихъ зовутъ *ольшняками*. Надобно замѣтить, что они мельче другихъ ястребиныхъ породъ. Хотя странно приписывать цвѣтъ перьевъ птицы тому дереву, на которомъ она вывелась, и хотя я всегда плохо этому вѣрилъ, но я долженъ сознаться, что нѣсколько опытовъ, сдѣланныхъ мною самимъ, подтверждаютъ мнѣніе охотниковъ. — Самка перепелятника (какъ у всѣхъ хищныхъ птицъ) гораздо больше и сильнѣе *чеглика*, то-есть самца, который для травли не употребляется, по своей малосильности и стомчивости. Я пробовалъ воспитывать и вынашивать перепелятниковъ-чегликовъ: они въ выноскѣ гораздо понятнѣе и повадливѣе самокъ. Я травилъ ими во-

робьевъ и всякихъ мелкихъ птичекъ, даже перепелекъ; но чегликъ-перепелятникъ такъ слабосиленъ, что легкую перепелку не *угонитъ*, а съ сытой старой едва сладитъ и нерѣдко выпускаетъ ее изъ когтей. Поршковъ перепелиныхъ онъ ловитъ хорошо и то не помногу. Поймавъ штукъ пять, шесть, онъ уже и ихъ не догоняетъ, и даже не летитъ съ руки, на которую присядетъ, если очень усталъ. Чегликовъ-утятниковъ употребляютъ иногда для травли перепелокъ; но это имѣетъ свои неудобства: для перепелки онъ слишкохъ силенъ, и, поймавъ ее, не вдругъ опускается на землю. Въ книгѣ: «Урядникъ Сокольничья Пути» Царя Алексѣя Михайловича, которую всякій охотникъ долженъ читать съ умиленіемъ, между прочимъ сказано: «Добровидна же и копцова добыча и летъ. По сихъ доброутѣшна и привѣтлива правленныхъ (то-есть вынашенныхъ) ястребовъ и челиговъ (то-есть, чегликовъ; иногда называются они тамъ же «чеглоками») ястребьихъ ловля; къ водамъ рыщеніе, ко птицамъ же доступаніе». Изъ сихъ немногихъ строкъ слѣдуетъ заключить: 1) что копцовъ вынашивали, и что ими травили, чего я и другіе мнѣ извѣстные охотники никакъ добиться не могли, и признали ихъ къ ловлѣ неспособными. 2) Что *ястребьи челиги*, то-есть ястребиные чеглики, употреблялись для охоты точно также, какъ и самки; но должно думать, что это были ястреба большіе, а не перепелятники. Послѣднее доказывается словами: «*къ водамъ рыщеніе*», а равно и тѣмъ, что перепелокъ никогда около Москвы, въ достаточномъ числѣ для охоты, не бывало, да и быть не могло. Слѣдственно рѣчь идетъ о травлѣ утокъ, вѣроятно, мелкихъ чирковъ, къ чему чеглики-утятники могутъ быть пригодны.

Ястреба вьютъ или кладутъ свои гнѣзда въ лѣсу изъ мелкихъ прутиковъ, на толстыхъ деревьяхъ, всегда на одномъ изъ главныхъ сучковъ и близъ самаго древеснаго ствола; самки кладутъ по четыре, а чаще по три яйца; во всякой выводкѣ есть одинъ чегликъ. Охотники заранѣе осматриваютъ лѣса, особенно тѣ мѣста, гдѣ выводились прежде ястреба, и по разнымъ признакамъ знаютъ навѣрное, гдѣ именно находится гнѣздо; но близко къ нему, до вывода молодыхъ, не подходятъ, потому что самка броситъ яйца. Время выемки ястребовъ изъ гнѣздъ зависитъ отъ охотника: кто изъ нихъ не скучаетъ уходомъ за маленькими ястребятами, для корма которыхъ нужно мясо мелко рубить, тотъ вынимаетъ моло-

дыхъ въ пушку; такіе ястребята ручнѣе, и вынашивать ихъ легче; но многіе охотники утверждаютъ, что они бываютъ тупѣе, то-есть не такъ жадны, рѣзвы и сильны, какъ ястребята оперившіеся, которыхъ ловить уже приходится силомъ на длинной лутошкѣ, потому-что когда человѣкъ взлѣзетъ на дерево — они распрыгаются по сучьямъ. Хотя я выкармливалъ ястребятъ разныхъ возрастовъ, но какъ это случалось въ разные годы, то я какъ-то не замѣчалъ разницы въ ихъ качествахъ; но что касается до *слетковъ*, то-есть до молодыхъ ястребовъ, слетѣвшихъ съ гнѣздъ, заловившихъ на волѣ и пойманныхъ потомъ въ *кутню*, [1]) то я утвердительно могу сказать, что они гораздо лучше гнѣздарей, но за то и вынашивать ихъ гораздо труднѣе. Вынутыхъ ястребятъ сажаютъ въ просторную клѣтку изъ прутиковъ или изъ сѣтки, а если они очень малы, то сначала кладутъ въ круглое лукошко, въ которомъ они, какъ въ гнѣздѣ, станутъ сидѣть смирно, плотно прижавшись другъ къ другу; даже кормятъ ихъ изъ рукъ рубленымъ свѣжимъ мясомъ какихъ-нибудь птицъ: голуби и воробьи считаются самою здоровою пищею, которою можно скоро поправить слишкомъ исхудавшихъ ястребовъ, *натѣлить*, говоря по-охотничьи. Впрочемъ, можно давать баранину, говядину, телятину и зайчатину, если она случится. Когда ястреба подростутъ, то дается каждому, чтобы они не дрались между собою, по особому куску мяса, всегда одинъ разъ въ сутки, и, если это мясо будетъ птичье, то непремѣнно съ перьями и костями. Изобильный кормъ, особенно парнымъ мясомъ только-что убитой птицы,—самое вѣрное средство выростить хорошихъ ястребовъ: они будутъ *родны* (велики), сильны, выведутъ перья ровно, отъ чего летаютъ рѣзвѣе и поспѣваютъ ранѣе къ охотѣ. Я знавалъ такихъ охотниковъ, у которыхъ ястреба не только получали кормъ неточно, несвоевременно, но дня по два иногда постились. У такихъ ястребовъ всегда бываютъ на стволахъ хвостовыхъ перьевъ пережабины бѣлова-

---

[1]) Кутнею называется длинная клѣтка изъ сѣтки, разгороженная на 3 отдѣленія или клѣтки же: въ средней сидятъ живые воробьи для приманки, а двѣ боковыя имѣютъ спускныя дверцы также изъ сѣтки, которыя поднимаются и настораживаются какъ въ чепкахъ. Молодой ястребъ (слетокъ), увидѣвъ воробьевъ, бросается къ нимъ черезъ которую-нибудь боковую клѣтку, тронетъ сторожекъ, дверца опустится—и ястребъ пойманъ. Иногда попадаются и старые ястреба, но очень рѣдко.

таго цвѣта, и самыя перья какъ-будто помяты, надломлены и взъерошены: эти знаки называются *заморами*. Если ихъ много—ястребъ тупъ на лету. Въ клѣткѣ надобно сдѣлать нашестки или поставить колодки для ночевки и отдѣльнаго сидѣнья ястребятъ послѣ корма: послѣднее нужно для того, чтобы они какъ-нибудь не подрались между собою и не помяли полныхъ пищею зобовъ, что бываетъ для нихъ иногда даже смертельно. Зобъ просиживается часовъ въ восемь, то-есть пища разлагается и спускается изъ зоба въ кишки, послѣ чего складывается ястребами такъ-называемая *погадка*, которая есть нечто иное, какъ перышки, косточки и жилки, все неудобосваримое изъ проглоченнаго мяса, свернувшееся въ продолговатый, овальный сверточекъ, извергаемый ежедневно хищными птицами ртомъ. Когда ястребъ *скинулъ погадку*, можно итти съ нимъ въ поле на охоту: до совершенія же этой операціи, даже вольныя хищныя птицы, какъ утверждаютъ охотники, ничего не ловятъ и не ѣдятъ. Нужно также, чтобы въ клѣткѣ постоянно стояло корытце съ водой, ежедневно перемѣняемой; въ жары ястреба часто пьютъ и купаются, что способствуетъ ихъ здоровью, чистотѣ и скорой переборкѣ перьевъ. Хотя въ гнѣздѣ и на сучьяхъ выводнаго дерева нечего имъ пить и негдѣ купаться, но слетѣвшіе съ гнѣздъ и старые ястреба любятъ и то и другое во время лѣтняго зноя.

Наконецъ пришло время, обыкновенно въ половинѣ или исходѣ іюля, *поднимать* и *вынашивать* ястребовъ. Вечеромъ, когда довольно смеркнется, охотникъ осторожно влѣзаетъ въ клѣтку и бережно беретъ, вдругъ обѣими руками, спящаго ястреба, который спитъ всегда, поджавъ одну ногу со сжатыми въ кулачекъ пальцами, а голову завернувъ подъ крыло. При поимкѣ неспящаго ястреба днемъ, непремѣнно были бы помяты его перья и самъ бы онъ напугался. Охотникъ вытягиваетъ ему ноги, складываетъ ровно крылья, выправляетъ хвостовыя перья, и, оставя на свободѣ одну голову, спеленываетъ его въ платокъ, нарочно для того сшитый вдвое, съ отверстіемъ для головы, плотно обвиваетъ краями платка и завязываетъ слегка снуркомъ или тесемкой; въ такомъ положеніи носитъ онъ на ладони спелененнаго гнѣздаря, по крайней мѣрѣ часа два, и непремѣнно тамъ, гдѣ много толпится народа; потомъ, развязавъ сзади пеленку, надѣваетъ ему на ноги *нагавки* съ *опутинками*, которыя привязываются обык-

новенною петлею къ *должнику* [1]), наглухо прикрѣпленному къ кожаной рукавицѣ или перчаткѣ съ правой руки, на которой всегда будетъ сидѣть выученный ястребъ. Въ это же время прикрѣпляютъ къ ястребу бубенчикъ, въ чемъ хотя нѣтъ необходимости, но что на охотѣ бываетъ очень полезно. Дутый мѣдный бубенчикъ, величиною съ крупный русскій орѣхъ или нѣсколько побольше, но круглый, звонкій и легкій, пришпиливается въ хвостѣ, для чего надобно взять ястреба въ обѣ руки, а другому охотнику разобрать бережно хвостъ на двѣ равныя половинки, и, отступя на вершокъ отъ рѣпицы, проколоть одно изъ среднихъ хвостовыхъ перьевъ по срединѣ обыкновенной мѣдной булавкой; на нее надѣть за ушко бубенчикъ, острый конецъ воткнуть въ другое среднее сосѣднее перо и вогнать булавку до самой головки; она будетъ такъ крѣпко держаться, что точно вростетъ въ перо;

---

[1]) *Нагавками* или *обносцами* называются суконныя или кожаныя, но подшитыя тоненькимъ суконцемъ, онучки, шириною въ большой палецъ, которыми обертываютъ просторно, въ одну-рядь, ноги ястреба; на онучкахъ, то-есть, нагавкахъ, нашиты *опутинки*, плетеныя тесемочки, волосъ въ тридцать, длиною четверти въ полторы; каждая опутинка нижнимъ концомъ своимъ продѣвается въ петельку, пришитую къ нагавкѣ, затягивается и держится крѣпко и свободно на ногѣ. *Должникъ*—тонкій ремень или, пожалуй, снурокъ, аршина въ полтора длиною, наглухо пришитый къ охотничей рукавицѣ. Должникъ устроенъ довольно затѣйливымъ образомъ: другой конецъ его прикрѣпляется къ желѣзному прутику, вершка въ $2^1/_2$ длиною; прутикъ просовывается весьма свободно въ круглое отверстіе костяной дощечки, просверленной на срединѣ (длиною вершка въ два, а шириною въ палецъ), и держится въ дощечкѣ на широкой шляпкѣ, какая бываетъ у большого гвоздя; къ обоимъ концамъ косточки прикрѣпленъ своими концами ремешекъ (въ четверть длиною), вытянутый по срединѣ кверху; онъ составляетъ острый трехугольникъ, которому основаніемъ служитъ дощечка; къ верхнему острому углу ременнаго трехугольника привязываются простою петлею обѣ опутинки: стоитъ дернуть за ихъ концы—петля развяжется и ястребъ можетъ летѣть.—Само собою разумѣется, что охотничьи названія всѣхъ *уборовъ* хищныхъ птицъ могутъ называться различно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и что уборы эти бываютъ роскошны и бѣдны. Драгоцѣнная книга Царя Алексѣя Михайловича, глаголемая „Урядникъ: новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути“, показываетъ, какъ великолѣпно убирали соколовъ и кречетовъ: „и мало понововя, подсокольничій молвитъ: *начальные, время наряду и часъ красотѣ.* И начальные емлютъ со стола нарядъ: первый, Парфентій, возметъ клобучекъ, по бархату червчатому шитъ серебромъ съ совкою нарядною; вторый, Михей, возметъ колокольцы серебряны позолочены; третій, Леонтій, возметъ обнасцы и должикъ (должникъ) тканые съ золотомъ волоченымъ. И уготовавъ весь нарядъ на рукахъ, подошедъ къ подсокольничему, начальные сокольники наряжаютъ кречета“. Очевидно, что колокольцы (бубенчики) всякій разъ, когда нужно, привязывались къ ногамъ ловчихъ птицъ.

иногда ушко бубенчика отломится, а булавка останется навсегда. Прежде охотники привязывали бубенчикъ къ ногѣ; но этотъ способъ несравненно хуже: бубенчикъ будетъ безпрестанно за что-нибудь задѣвать и какъ разъ сломается; когда же ястребъ съ перепелкой сядетъ въ траву или въ хлѣбъ, то звука никакого не будетъ; а бубенчикъ въ хвостѣ, какъ скоро ястребъ начнетъ щипать птицу, при всякомъ наклоненіи головы и тѣла станетъ звенѣть и даетъ о себѣ знать охотнику, въ чемъ и заключается вся цѣль. — Потомъ охотникъ идетъ въ самое темное мѣсто, въ какой-нибудь сарай или хлѣвъ, бережно снимаетъ всю пеленку и старается посадить ястреба на свою правую руку, защищенную отъ его когтей рукавичкой. Эта минута самая трудная; иногда долго нельзя усадить ястреба, и требуется много ловкости и сноровки, чтобы онъ, бившись и вися на опутинкахъ, не тронулъ, то-есть не вытянулъ ногъ, отъ чего ястреба навсегда остаются слабыми. Иногда гнѣздарь, смирный и привычный къ человѣку, наскучившій принужденнымъ положеніемъ въ пеленкѣ и боящійся въ темнотѣ летать (къ чему онъ и не привыкъ къ клѣткѣ)—съ разу садится на руку; разумѣется, не то бываетъ съ слеткомъ, какъ сказано будетъ ниже. Какъ скоро ястребъ усядется на рукѣ, то надобно стоять смирно и оставаться съ полчаса въ томъ же темномъ мѣстѣ; потомъ растворить двери, отъ чего сдѣлается свѣтлѣе, и ястребъ непремѣнно станетъ слетать съ руки; когда же онъ успокоится, охотникъ потихоньку выходитъ на вольный воздухъ и ходитъ съ своимъ ученикомъ по мѣстамъ уединеннымъ и открытымъ. Передъ солнечнымъ восходомъ сонъ начнетъ одолѣвать ястреба, и онъ сдѣлается смирнѣе; тутъ можно поступать смѣлѣе: поглаживать его, поправлять крылья, которыя онъ цѣлыя сутки держитъ въ распущенномъ положеніи (не подбираетъ), и потягивать полегоньку за хвостъ, чтобы онъ крѣпче держался когтями за руку охотника и не дремалъ. Часовъ въ 7 утра можно посадить ястреба на колодку въ безопасномъ мѣстѣ и дать ему отдохнуть часа два, а чтобы онъ не скоро заснулъ и не крѣпко спалъ, то надобно его раза три вспрыснуть водою: ястребъ не заснетъ до тѣхъ поръ, пока не провянутъ перья, которыя онъ безпрестанно будетъ прочищать и перебирать своимъ носомъ. Охотникъ также можетъ соснуть въ это время. Послѣ короткаго отдыха, котораго слеткамъ никогда въ первый день не даютъ, потому-что они гораздо упря-

мѣе и крѣпче, надобно взять ястреба на руку и носить до вечера, выбирая мѣста, гдѣ меньше толкается народу: внезапное и быстрое появленіе новаго человѣка всегда пугаетъ и заставляетъ слетать съ руки молодыхъ ястребовъ; особенно не любятъ они, если кто-нибудь подойдетъ сзади. Вынашивая гнѣздаря, смирнаго и привычнаго къ человѣку, не нужно его слишкомъ вымаривать, а потому можно передъ вечеромъ дать ему соснуть еще часика полтора. Во вторую ночь продолжается та же исторія, какъ и въ первую; на другой день, если ястребъ уже привыкаетъ хорошо сидѣть на рукѣ и если онъ не очень сытъ (то-есть не жиренъ), то можно къ вечеру предложить ему мясо. Хотя рѣдко, но случается, что на другой день вечеромъ ястребъ-гнѣздарь, который не ѣлъ уже полтора сутокъ, да и въ предъидущій день былъ кормленъ очень мало,—станетъ ѣсть, сидя на рукѣ у охотника: въ такомъ случаѣ можно его *подкормить*, то-есть, покормить немного, дать третью часть противъ обыкновеннаго. На третій день ястребъ сдѣлается гораздо смирнѣе: безсонница и голодъ отнимутъ у него ту врожденную энергію дикости, которую еще не совсѣмъ истребила клѣтка. Вечеромъ надобно его начать *вабить* и заставить *перейти* на руку. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: ястреба надобно на что-нибудь посадить, не отвязывая должника, потомъ взять кусокъ свѣжаго мяса, показать сначала издали и потомъ поднести ему подъ носъ, и когда онъ захочетъ схватить его клевомъ, то руку отдернуть хотя на четверть аршина, и кускомъ мяса (вабиломъ) [1]) поматывать, а самому почмокивать и посвистывать (что́ называется *вабить*, то-есть звать, манить). Ястребъ сначала будетъ вытягивать шею то на одну, то на другую сторону и наклоняться, чтобъ достатъ кормъ, но, видя, что это невозможно, рѣшится перелетѣть или хотя перескочить съ своего мѣста на манящее его вабило въ рукѣ охотника; этотъ маневръ надобно повторить до трехъ разъ, и всякій разъ вабить дальше, такъ чтобы въ третій — ястребъ перелетѣлъ на сажень; тутъ надо покормить его побольше, потомъ посадить часа на два въ уединенное мѣсто, и вообще накормленнаго ястреба носить очень бережно, наблюдая, чтобы

---

[1]) Обыкновенно для вабила употребляется крыло какой-нибудь птицы (всего лучше голубиное), оторванное съ мясомъ: охотнику ловко держать въ рукѣ папоротку крыла, которое не должно быть ощипано.

онъ, слетѣвъ съ руки, не ударился о что нибудь и не помялъ зоба. На четвертый день ястребъ, начавъ съ сажени, перейдетъ на руку разстояніе въ десять и двадцать саженъ: въ такомъ случаѣ слѣдуетъ покормить еще побольше, въ полсыта. Охотникъ продолжаетъ на слѣдующіе дни прежнюю выноску, и наконецъ въ семь или восемь дней птица сдѣлается такъ смирна и ручна, что охотникъ, вабившій съ каждымъ днемъ все дальше и дальше, — въ положенный часъ кормленія, посадивъ ястреба на заборъ или на крышу, самъ уйдетъ изъ виду вонъ, и только свистнетъ особливымъ позывомъ, котораго звукъ трудно передать буквами, похожимъ нѣсколько на слогъ *пфу*, — какъ ястребъ сейчасъ прилетитъ и явится на рукѣ охотника. Впрочемъ, иногда даже и гнѣздарь, нѣсколько упрямый, не вдругъ привыкаетъ *сейчасъ* летѣть на свистъ и голосъ охотника, а сначала начнетъ оглядываться направо и налѣво, какъ-будто прислушиваясь, потомъ начнетъ кивать головой, вытягивать шею и присѣдать, что почти всегда дѣлаетъ птица, когда собирается съ чего-нибудь слетѣть; вотъ, кажется, сію секунду полетитъ, совсѣмъ ужъ перевѣсился впередъ... и вдругъ опять принимаетъ спокойное положеніе и даже начинаетъ носомъ перебирать и чистить свои правильныя перушки. Но бываетъ иногда, что посреди такихъ занятій, вовсе безъ приготовленій, ястребъ внезапно слетаетъ съ мѣста, замахавъ сначала проворно крыльями; потомъ, увидѣвъ охотника, онъ быстро опускается и бѣжитъ низомъ, то-есть плавно плыветъ, стелется, какъ ласточка надъ землей... воробьи зачиликаютъ и попрячутся, сороки защекочутъ, куры закудахчутъ, а ястребъ, подбѣжавъ вплоть къ охотнику, вдругъ взмоетъ кверху и вцѣпится въ вабило, которое охотникъ успѣлъ уже укоротить, такъ что только маленькій кусочикъ мяса остался наружѣ. — Срокъ и строгость выноски зависятъ отъ понятливости и покорности ястреба и также отъ крѣпости или слабости его силъ. Иногда попадается и гнѣздарь, особенно поднятый поздно, столь упрямый, что и въ десять дней не добьешся отъ него полнаго повиновенія, тогда какъ другого на шестой день можно притравить, а на седьмой итти съ нимъ въ поле. Въ выноскѣ ястреба нужна строгая точность, неослабное вниманіе, а главное—нескучливость. Напримѣръ: ястребъ упрямится, не идетъ на руку иногда два часа съ ряду, тогда какъ наканунѣ черезъ такое же разстояніе перешелъ скоро и сегодня долженъ былъ пе-

рейти еще скорѣе и дальше; скучливому охотнику надоѣстъ стоять на одномъ мѣстѣ, махать рукой и понапрасну звать ястреба, онъ самъ подойдетъ поближе и—испортитъ все дѣло: на завтрашній день ястребъ захочетъ еще большаго сокращенія разстоянія, и переломить его упрямство еще труднѣе; онъ очень памятливъ, и впослѣдствіи, когда выносится совсѣмъ и станетъ ходить на руку отлично хорошо, вдругъ вспомнитъ, что его когда-то побаловали, заупрямится безъ причины и совершенно неожиданно. Выноска должна происходить безъ всякой уступки: не идетъ на руку—не давать ѣсть, не давать спать; если ястребъ худъ и слабъ, то лучше просто покормить на рукѣ или въ садкѣ, но никакъ не уменьшать разстоянія въ переходѣ на руку. Вообще выноска—дѣло довольно трудное, и лѣнивому человѣку будетъ не по вкусу. Спать приходится весьма немного. Хорошо, когда есть другой благонадежный охотникъ, которому можно поручить и довѣрить ястреба на время, а самому часокъ, другой уснуть; но надо быть осторожному въ выборѣ помощника; мнѣ нерѣдко случалось видѣть, какъ спитъ охотникъ, присѣвъ къ забору, и спитъ ястребъ, сидя у него на рукѣ, тогда какъ ястребу не слѣдовало въ это время даже и дремать. Можно утвердительно сказать, что едва ли третья часть ястребовъ вынашивается хорошо. Единовременный кормъ самымъ свѣжимъ мясомъ и сбереженіе сытой птицы—также дѣло хлопотливое, и также утвердительно можно сказать, что всѣ ястреба погибаютъ рановременно отъ неосторожности и недосмотра охотниковъ.

Слетка вынашивать всегда гораздо труднѣе, а если попадется прошлогодній ястребъ, и охотникъ захочетъ, за неимѣніемъ другихъ, его непремѣнно выносить, то это требуетъ много времени, хлопотъ и безпокойствъ, да и неблагонадежно. Такой ястребъ не можетъ ловить отлично хорошо уже потому, что его всегда надо держать въ черномъ тѣлѣ, слѣдовательно нѣсколько слабымъ, а *изъ тѣла* (то-есть сытый, жирный) онъ ловить не станетъ и при первомъ удобномъ случаѣ улетитъ и пропадетъ.

Слетокъ вынашивается точно такъ же, какъ и гнѣздарь, только строже, точнѣе и долѣе. Обращаю вниманіе господъ охотниковъ на послѣднее обстоятельство: чѣмъ долѣе вынашивается ястребъ до начала травли, тѣмъ лучше, тѣмъ благонадежнѣе въ будущемъ. Чтобъ выносить скоро, надобно усмирить

ястреба безсонницей и голодомъ, выморить его, а это иногда такъ ослабляетъ силы всего организма, что послѣ ничѣмъ нельзя возстановить его: тогда какъ продолжительная носка даетъ возможность выучить ястреба сытаго, полнаго силъ, вкоренить въ него ученье одной привычкой, которая гораздо вѣрнѣе насильственной покорности отъ голода и безсонницы; даже въ продолженіе травли, все свободное отъ охоты время, кромѣ пятичасового сна, надобно носить ястреба на рукѣ постоянно, особенно слетка. Удивительно, какая разница между слетками и гнѣздарями! Я пробовалъ кормить послѣднихъ такимъ отличнымъ кормомъ, всегда парнымъ, какого лучше, особенно въ такомъ изобильѣ, не могла доставать мать своимъ ястребятамъ; пойманный слетокъ далеко не бывалъ такъ сытъ, какъ поднимаемый на руку гнѣздарь, но между тѣмъ всегда слетокъ оказывался какъ-то глаже, чище перомъ, складнѣе, рѣзвѣе и жаднѣе гнѣздаря. У послѣдняго глаза бываютъ бѣлесовато-мутнаго цвѣта, безъ всякаго выраженія, а у слетка глаза живые, яркожелтые, *наигранные*, по выраженію охотниковъ, то-есть зоркіе и блестящіе. Правда, впослѣдствіи и гнѣздарь наиграетъ глаза: они пожелтѣютъ и получатъ нѣкоторый блескъ, но никогда не сравняются съ глазами вольнаго ястреба.—Возвращаюсь къ дѣлу. Итакъ, ястребъ, какой бы онъ ни былъ, выношенъ совершенно, то-есть ходитъ на руку отлично, даже безъ вабила, на одинъ свистъ; надобно его притравить: дать ему поймать птицу и накормить до отвалу, на первой пойманной имъ добычѣ. Слетка не нужно притравливать, развѣ для того, чтобъ онъ бралъ птицу покрупнѣе; для гнѣздаря же это самое важное дѣло; если въ клѣткѣ онъ не поваженъ щипать птицу въ перьяхъ, то иногда, будучи уже выношенъ хорошо, не вдругъ бросится на живую птицу, даже не посмотритъ на нее: такого ястреба съ перваго разу не притравишь; но если въ садкѣ ему давали иногда птицъ въ перьяхъ и живыхъ воробьевъ или другихъ птичекъ, то притравить его легко. Охотники увѣряютъ, что притравливать надобно всегда на крупную птицу, и что такой ястребъ-перепелятникъ будетъ жаднѣе и станетъ брать вольныхъ крупныхъ птицъ, какъ-то: утокъ-чирятъ, не крупныхъ тетеревятъ, дуппельшнеповъ, галокъ, сорокъ и голубей. Я въ этомъ сомнѣваюсь, и хотя самъ всегда притравливалъ ястребовъ голубями, и нѣкоторые мои ястреба точно брали поименованныхъ мною птицъ; но, кажется, это происходило отъ врожденной злобности и отъ крѣ-

пости въ ногахъ и пальцахъ, а не отъ первоначальной притравы, потому-что не всѣ, а только рѣдкіе бывали такъ жадны и сильны; притомъ другіе охотники притравливаютъ обыкновенно перепелками, а ястреба выходятъ отличные и даже иные берутъ дичь и птицу покрупнѣе.

Выношеннаго ястреба, пріученнаго видѣть около себя легавую собаку, притравливаютъ слѣдующимъ образомъ: охотникъ выходитъ съ нимъ на открытое мѣсто, всего лучше за околицу деревни, въ поле; другой охотникъ идетъ рядомъ съ нимъ (впрочемъ можно обойтись и безъ товарища); незамѣтно для ястреба вынимаетъ онъ изъ кармана или изъ *вачика* [1]) голубя, предпочтительно молодого, привязаннаго за ногу тоненькимъ снуркомъ, другой конецъ котораго привязанъ къ рукѣ охотника: это дѣлается для того, чтобы задержать полетъ голубя и чтобъ, въ случаѣ неудачи, онъ не улетѣлъ совсѣмъ; голубь вспархиваетъ, какъ-будто нечаянно, изъ-подъ самыхъ ногъ охотника; ястребъ, опутинки котораго заблаговременно отвязаны отъ должника, бросается, догоняетъ птицу, схватываетъ и падаетъ съ добычею на землю; охотникъ подбѣгаетъ и осторожно помогаетъ ястребу удержать голубя, потому-что послѣдній очень силенъ, и гнѣздарю одному съ нимъ не справиться; нужно придержать голубиныя крылья, и потомъ, не вынимая изъ когтей, отвернуть голубю голову. Тутъ надобно дать полную свободу ястребу: пусть онъ возится и управляется съ добычей, какъ ему угодно, лишь бы мѣсто было гладко; онъ ощиплетъ самъ перья съ голубя и, проглотивъ сначала голову и шею, изорванныя въ кусочки охотникомъ, наѣстся до отвала, такъ-что перестанетъ рвать мясо. Тогда охотникъ, взявъ осторожно ястреба на руку, относитъ его домой, сажаетъ на колодку и не трогаетъ до утра, чтобы онъ могъ выспаться хорошенько. Если притравленіе или притрава совершилась удачно, то повторять ее не нужно; если же, напримѣръ, ястребъ бросился, но не схватилъ голубя, или схватилъ, но не удержалъ, то надобно повторить притраву и добиться, чтобъ ястребъ взялъ птицу хорошо. Въ случаѣ притравы успѣшной, на другой день послѣ обѣда, когда жаръ посвалитъ, охотникъ идетъ съ ястребомъ въ поле въ сопро-

---

[1]) Вачикъ — холщевая или кожаная двойная сумка; въ маленькой сумкѣ лежитъ вабило, безъ котораго никакъ не должно ходить въ поле, а въ большую кладутъ затравленныхъ перепелокъ.

вожденіи собаки, непремѣнно хорошо дрессированной, то-есть, имѣющей крѣпкую стойку и не гоняющейся за взлетѣвшею птицею; послѣднее качество собаки необходимо, особенно для гнѣздаря, который еще не вловился: если собака кинется на него, когда онъ схватитъ перепелку и свалится съ ней въ траву, то ястребъ испугается, броситъ свою добычу, и трудно будетъ поправить первое впечатлѣніе. И такъ охотникъ выходитъ въ поле, имѣя въ вачикѣ *непремѣнно* вабило; собака пріискиваетъ перепелку, останавливается надъ ней, охотникъ подходитъ какъ можно ближе, поднимаетъ ястреба на рукѣ какъ можно выше, кричитъ *пиль*, собака кидается къ перепелкѣ, она взлетаетъ, ястребъ бросается, догоняетъ, схватываетъ на воздухѣ и опускается съ ней на землю. Повторяется вчерашняя исторія, то-есть, ястребъ накармливается до-сыта. На третій день начинается настоящая травля, но въ самомъ умѣренномъ числѣ: болѣе осьми и много десяти перепелокъ травить не слѣдуетъ. Притомъ и возни съ ястребомъ будетъ много; въ каждую перепелку онъ такъ вкогтится, что не вдругъ отнимешь, потому что надобно это дѣлать бережно, отоптавъ кругомъ траву, чтобъ не помять перья у ястреба, и вотъ какимъ образомъ: лѣвою рукою должно закрыть пойманную перепелку отъ глазъ ястреба, вмѣстѣ съ его ногами, а правою рукою — отгибать когти, для чего нужно сначала разогнуть пріемный передній коготь, и потомъ задній, тогда разогнутся остальные сами собою. Иной ястребъ такъ сердитъ, что когда разогнуть когти на обѣихъ его ногахъ и отнимутъ добычу, то онъ сожметъ пальцы въ кулачекъ, такъ что они замрутъ и долго иногда остаются въ этомъ судорожномъ состояніи. Отнявъ перепелку, охотникъ, за спиною у себя, отрываетъ ей голову, кладетъ къ себѣ въ вачикъ, и шейку съ головкой показываетъ ястребу, который и вскакиваетъ съ земли на руку охотника, который, давъ ему клюнуть раза два теплаго перепелинаго мозжечка, остальное прячетъ въ вачикъ и отдаетъ ястребу послѣ окончанія охоты. Охотникъ даетъ время ястребу опомниться, оправляетъ его, растопыренныя отъ злости, крылья, и когда онъ перестанетъ когтить руку и совсѣмъ успокоится, заставляетъ собаку пріискать новую перепелку: гдѣ ихъ много, особенно около просяницъ, тамъ попадаются онѣ на всякомъ шагу. Если собака пріищетъ выводку поршковъ (перепелятъ), то ихъ травить не надо; во-первыхъ, они подростутъ и къ осени можно ихъ затравить *въ порѣ*, и во-вто-

рыхъ, такая легкая добыча балуетъ молодого ястреба. Одного перваго поршка непремѣнно затравишь, потому-что не знаешь, надъ какой перепелкой стоитъ собака; но потомъ надобно ее отозвать отъ перепелиной выводки и отвесть въ сторону: затравленный поршокъ пойдетъ на кормъ ястреба.—Съ каждымъ днемъ увеличивается число затравленныхъ перепелокъ, и наконецъ травля продолжается отъ выхода охотника въ поле вплоть до ночи. Мнѣ разсказывали, что въ старые годы охотники затравляли по сту перепелокъ, но самъ я болѣе пятидесяти не принашивалъ; впрочемъ другіе, неутомимые охотники, травили и въ мое время до семидесяти штукъ въ одно поле, въ числѣ которыхъ находилось иногда до десяти коростелей, особенно къ осени, когда они изъ болотъ всѣ выбѣгаютъ въ поля и опушки. Коростеля беретъ не всякій молодой ястребъ, потому-что коростель кричитъ, когда его догоняютъ; крикъ его похожъ на огрызанье хорька или на щекотанье сороки. Если гнѣздарь не возьметъ его съ перваго раза, то уже не будетъ брать никогда. Слетокъ же крику дергуна не боится.

Бывало, въ иной вечеръ охотники съ четырьмя ястребами приносили болѣе двухъ-сотъ перепелокъ. Это цѣлый ворохъ. За позднимъ временемъ, некогда и темно было чистить и щипать птицу, потому всѣхъ перепелокъ раскладывали на большомъ лубкѣ, заранѣе прилаженномъ на льду въ погребѣ. Это дѣлалось сколько для того, чтобы невыпотрошенная дичь не испортилась, столько же и для того, чтобы она хорошенько охолодѣла. Теплую, жирную перепелку щипать невозможно, потому-что съ выдернутыми перышками будетъ отставать и прорываться кожа, растянутая жиромъ до необыкновенной тонины. На другой день, рано поутру, въ прохладной западной тѣни погреба начиналась шумная работа: повара потрошили, а всѣ дворовыя и горничныя дѣвушки и дѣвочки, пополамъ со смѣхомъ, шутками и бранью, щипали перепелокъ; доставалось тутъ охотникамъ, которыхъ въ шутку называли „побродяжками“, за ихъ многочисленную добычу, безъ шутокъ надоѣдавшую всѣмъ, потому-что эту пустую работу надобно было производить осторожно и медленно, не прорывая кожи, за чѣмъ строго смотрѣла ключница. Перепелокъ сушили, коптили, а всего болѣе солили. Сначала употребляли въ пищу свѣжихъ, въ пастетахъ, соусахъ и жареныхъ на сковородѣ въ сметанѣ; но скоро онѣ, по своей приторности, такъ надоѣдали, что ни-

кто не могъ смотрѣть на нихъ безъ отвращенія. — Число затравленныхъ перепелокъ зависѣло не отъ числа пріисканныхъ собакою, а отъ силы ястреба и, главное, отъ того, что поймавъ перепелку, онъ иногда слишкомъ злобится, когтитъ, не даетъ отнять своей добычи, и время уходитъ даромъ: впрочемъ, у молодого ястреба это добрый знакъ. Травля тогда бываетъ вполнѣ успѣшна, когда ястребъ немедленно выпускаетъ изъ когтей перепелку, какъ скоро охотникъ наложитъ на нее руку. Это послѣднее дѣлаетъ только ястребъ старый, пересидѣвшій зиму въ садкѣ; впрочемъ, и молодой гнѣздарь къ концу осени уже перестаетъ сердиться или, лучше сказать, упрямиться, и легко уступаетъ свою добычу охотнику.

Живо воображая себѣ эту охоту теперь, съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ удивленіемъ вспоминаю, какъ я увлекался ею въ ребячествѣ, и какіе страстные охотники были до нея мои товарищи, люди пожилые и даже старики! Въ другихъ губерніяхъ, напримѣръ въ Курской, травля перепелокъ составляетъ промыселъ однодворцевъ; но въ Оренбургской губерніи, кажется, и до сихъ поръ никто не охотится за ними для выгодъ денежныхъ. Тогда у насъ было три охотника, я четвертый; соревнованіе кипѣло горячее: чей ястребъ лучше и кто затравитъ перепелокъ больше! Бывало, не знаешь, что дѣлать отъ нетерпѣнія, отъ ожиданія, когда жаръ посвалитъ и можно будетъ ѣхать въ поле. Охотники не позволяютъ травить въ жаркіе дни часовъ до пяти по-полудни, утверждая, что ястребъ залѣнится и заиграетъ. Это точно иногда бываетъ. Въ такомъ случаѣ, если ястребъ какъ-нибудь улетитъ совсѣмъ и черезъ нѣсколько дней будетъ пойманъ, надобно продержать его нѣкоторое время въ садкѣ, чтобы онъ забылъ свой побѣгъ, и потомъ вынашивать вновь, хотя не такъ уже строго. Впрочемъ, и собакѣ искать, и охотнику ходить, конечно, въ жаръ тяжело; но въ дни сѣренькіе, или къ осени, уже прохладные, какъ скоро ястребъ скинетъ погадку, можно хоть съ утра итти съ нимъ въ поле. Травишь, бывало, до ночи, и всякій разъ ропщешь, что скоро садится солнышко и рано наступаютъ сумерки! По захожденіи солнца перепелки сидятъ уже не такъ крѣпко, летятъ шибче, поднимаются отъ земли выше и перемѣщаются дальше; ястребъ же утомился, ловитъ не жадно, и нерѣдко случается, что онъ не догоняетъ перепелокъ легкихъ, то-есть не такъ разжирѣвшихъ, *чекушъ*, какъ ихъ называютъ охотники, потому-что онѣ на лету кричатъ похоже на слоги:

чекъ, *чекъ*, *чекъ*,—не догонитъ, повернетъ назадъ и прямо сядетъ на руку охотника или на его картузъ, если онъ не подставитъ руки. Это называется: «ястребъ ходитъ на руку съ оборотомъ».—Нечего дѣлать, надо возвращаться домой; сядешь на охотничьи дрожки и ѣдешь шагомъ, кормя дорогой ястреба и пересчитывая въ умѣ затравленныхъ перепелокъ. Замѣчательно, что этотъ счетъ никогда не бываетъ вѣренъ: какъ не считаешь аккуратно—всегда ошибаешься, хоть одной штукой, а иногда двумя и тремя.—Безъ сомнѣнія, главное удовольствіе въ охотѣ доставляетъ рѣзвость, ловчивость ястреба и доброе чутье и вѣжливость легавой собаки. Они такъ свыкаются между собою, что это удивительно: ястребъ такъ умѣетъ различать поискъ собаки, что по ея движеніямъ и по маханью хвостомъ знаетъ, когда она близко добирается до перепелки, особенно понимаетъ стойку собаки: онъ уже не спускаетъ съ нея глазъ, блестящихъ какой-то пронзительною ясностью, весь подберется, присядетъ, наклонится впередъ и готовъ броситься каждое мгновеніе. Ястребъ уже совершенно не боится приближенія собаки, не слетаетъ съ нашеста или колодки, когда она подходитъ, и часто подъ самымъ ея рыломъ щиплетъ пойманную добычу. Если ястребъ безъ бубенчика, и свалится съ перепелкой въ высокую траву или нежатый хлѣбъ, то для скорѣйшаго отысканія его обыкновенно употребляютъ собаку, и она, найдя ястреба, который притаится и приляжетъ въ травѣ, сдѣлаетъ стойку и начнетъ махать хвостомъ отъ удовольствія; если же охотникъ далеко, и ее не видитъ въ густомъ хлѣбѣ, то начинаетъ лаять. Если ястребъ такъ свыкается съ собакой, то еще болѣе привыкаетъ къ своему хозяину: у другого охотника онъ долго не будетъ такъ ловить и особенно ходить на руку, какъ у того, кто его выносилъ и охотился съ нимъ сначала. Когда перепелки жирны, а ястребъ рѣзовъ и силенъ, то можно не подходить очень близко къ найденной перепелкѣ, а велѣть собакѣ издали испугать ее: тогда на дальнемъ разстояніи можно дольше любоваться рѣзвостью ловчей птицы. Иные горячіе охотники крикомъ поощряютъ въ это время своего ястреба, какъ псовые охотники собакъ: «Эхъ, милый! ну,—ну,—ну, подцѣпи; не промахнись!» и пр. и пр. Про лихого ястреба говорятъ, что онъ какъ пуля догоняетъ перепелку.

Самая богатая, добычливая травля перепелокъ бываетъ во второй половинѣ августа, и, смотря по погодѣ, иногда въ

началѣ сентября, перепелки превратятся въ жиръ, отяжелѣютъ, и пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, падаютъ на землю; даже не видя ястреба, поднимаются неохотно, а завидя его, лежатъ такъ плотно, что мнѣ случалось брать ихъ руками; невѣжливая и поваженная къ тому собака переловитъ много такихъ перепелокъ. Съ особенною жадностью охотишься, бывало, въ началѣ сентября, потому-что каждый день ожидаешь перемѣны въ погодѣ и начала *пропаданья* перепелокъ: никакъ нельзя сказать, что онѣ отлетаютъ,—онѣ именно пропадаютъ съ каждымъ днемъ. Это всегда случается при наступленіи холоднаго ненастья, особенно съ сѣвернымъ вѣтромъ или морозомъ. Первое уменьшеніе гораздо значительнѣе и замѣтнѣе, а потомъ съ каждымъ днемъ травишь менѣе и спустишься штукъ на шесть, на пять. Тутъ всѣ охотники обыкновенно бросаютъ травлю; но я продолжалъ ее упорно; ѣздилъ и ходилъ цѣлые дни по всѣмъ любимымъ мѣстамъ исчезающихъ перепелокъ, какъ-то: по широкимъ межамъ, которыя въ Оренбургской губерніи бываютъ въ сажень ширины, поросшимъ густою травою и мелкимъ кустарникомъ чилизника, бобовника и вишенника, по залежамъ, начинающимъ лужать и зарастающимъ круговинами необыкновенно мягкою и густою шелковистою травкою; также по жнивью, зазеленѣвшему по мѣстамъ длинными полосами казульки, жабры и череды, а всего лучше около нежатаго просяница, брошеннаго за малостью урожая. Не одинъ десятокъ верстъ проѣдешь и исходишь, бывало, чтобы затравить одну перепелку... наконецъ нѣтъ ни одной, на другой день то же — надобно посадить ястреба на зимнюю квартиру.

Пороки ястребовъ бываютъ слѣдующіе: часто случается, что молодой ястребъ *охватывается* и проносится мимо перепелки, или даже садится за ней на траву, а перепелка, особенно легкая, пробѣжавъ немного, быстро поднимается и возьметъ большой передъ; ястребъ же, оправившись, если и погонится за ней, то уже не догонитъ; иногда даже схватитъ повидимому перепелку на-лету и вмѣстѣ съ нею упадетъ на землю: охотникъ подбѣгаетъ и находитъ, что ястребъ держитъ въ когтяхъ траву или какой-нибудь прутикъ, а перепелки и слѣдъ простылъ. Это показываетъ или горячность, которую охотники выражаютъ словомъ *обзарился*, или — слабость въ ногахъ; первое пройдетъ отъ опытности, а второе, если не происходитъ отъ худобы случайной, бываетъ неисправимо. Ху-

добу же поправить легко: стоитъ дня два поменьше травить, побольше кормить парнымъ мясомъ и побольше давать спать, однимъ словомъ—понатѣлить ястреба. Иногда бываетъ совсѣмъ противное: ястребъ плохо ловитъ отъ лѣни, отъ того, что жиренъ; такого, разумѣется, слѣдуетъ повыморить: поменьше кормить, побольше носить и не давать много спать. У сильныхъ ястребовъ, даже у несытыхъ, встрѣчается иногда особенный недостатокъ: они *носятъ*—говоря по-охотничьи, то-есть, поймавъ перепелку, не сейчасъ опускаются на землю, а летятъ съ нею саженъ пятьдесятъ, а иногда сто, и потомъ опускаются; это очень скучно и утомительно. Для избѣжанья такого невзгодья, подлѣпляютъ у ястреба воскомъ, въ самыхъ корняхъ, пріемные когти, чтобъ они сдѣлались короче, и чтобъ ястребъ, опасаясь, что перепелка вырвется, сейчасъ опускался съ нею въ траву. Наконецъ попадаются ястреба просто глупые, тупые, не рѣзво летающіе, лѣнтяи и ротозѣи; они по большей части слабосильны, и такихъ надо выпускать на волю. Хорошаго ловца можно узнать съ перваго взгляда: на рукѣ онъ сидитъ бодро и весело, перо лежитъ у него гладко, головка маленькая, спина широкая, станъ круглый, посадка стопкой, ноги здоровыя и крѣпкія, но не длинныя, емь большая, пальцы твердые, когти острые, умѣренно-круглые (не хорошо, когда они пологи; еще хуже, если слишкомъ круто загнуты), глаза живые и пронзительные. Вѣрной примѣтой считается, что ястребъ хорошъ,—если у него на хвостѣ находится семь «черней», то-есть семь поперечныхъ темныхъ полосъ. Всѣ противоположные признаки изобличаютъ ястреба посредственнаго или плохого.

Травля ястребами-перепелятниками другой дичи, кромѣ перепелокъ и коростелей, весьма незначительна и обыкновенные охотники ею не занимаются, развѣ представится очень благопріятный случай самъ собою. Но я любилъ эти опыты и пробовалъ травить жадными перепелятниками тетеревятъ, которыхъ они берутъ очень хорошо, если выводка захвачена въ чистомъ полѣ и если тетеревята малы, а какъ скоро зайдутъ за полтетерева, то такихъ уже догнать не могутъ, да и не удержатъ; дупелей также берутъ хорошо, если они очень жирны и поднимаются изъ-подъ самаго рыла собаки; но если чуть подальше, то не догоняютъ. Я затравилъ въ продолженіе моей охоты съ ястребами одного жирнаго осенняго вальдшнепа совершенно нечаянно, думая, что собака ищетъ по коростелю въ

лѣсной опушкѣ; затравилъ двухъ чирковъ и одного болотнаго молодого кулика; голубей русскихъ перетравилъ множество, а также галокъ и сорокъ; но только два ястреба изъ нѣсколькихъ десятковъ ловили у меня отлично послѣднихъ трехъ птицъ. По мнѣнію охотниковъ, ихъ потому беретъ не всякій ястребъ, что голубь очень силенъ, галка черна, а сорока щекочетъ и больно дерется клювомъ и ногами. Первая и послѣдняя—причины справедливыя и весьма уважительныя: но точно ли не нравится черный цвѣтъ ястребу — утверждать не могу. Вся хитрость состоитъ въ томъ, что ястребу надобно нечаянно, изъ-за чего нибудь, близко налетѣть на этихъ птицъ; въ противномъ случаѣ онъ ихъ не догонитъ. Одинъ охотникъ при мнѣ травилъ сорокъ, даже зимой, старымъ ястребомъ, но вотъ какимъ образомъ: онъ выбрасывалъ кости и всякій соръ подъ самымъ окошкомъ своей избы, сороки налетали, а онъ поднималъ тихонько оконницу, подносилъ ястреба, который, возрясь въ сорокъ, бросался и захватывалъ которую-нибудь почти на мѣстѣ. Этотъ охотникъ, въ продолженіе всей зимы, почти ежедневно травилъ такимъ образомъ сорокъ и кормилъ ими ястреба, который оставался совершенно здоровъ, начиналъ линять очень рано, въ началѣ мая, и совершенно поспѣвалъ къ травлѣ еще въ концѣ іюня мѣсяца: очевидно, что мясо сорокъ хищнымъ птицамъ здорово. Во время линянья надобно ястреба посадить въ садокъ, хорошо кормить и не трогать. Ястреба могутъ жить у добраго и попечительнаго охотника по нѣскольку лѣтъ; годъ отъ года становятся они перомъ свѣтлѣе, бѣлесовѣе и наконецъ сдѣлаются какъ-будто сѣдые. У меня не жили ястреба болѣе двухъ зимъ и всегда погибали отъ какого-нибудь недосмотра; одинъ изъ нихъ улетѣлъ во вторую зиму и не воротился: я полагаю, что онъ какъ-нибудь погибъ, потому-что былъ очень ручёнъ и большой пискунъ. Надобно замѣтить, что нѣкоторые гнѣздари пищатъ, когда проголодаются, а другіе — никогда.

Я помню у одного охотника ястреба шести осеней; это была чудная птица: бралъ все, что ни попало, даже грачей; въ разное время поймалъ болѣе десяти вальдшнеповъ; одинъ разъ вцѣпился въ сѣрую дикую утку (полукрякву) и долго плавалъ съ ней по пруду, несмотря на то, что утка ныряла и погружала его въ воду; наконецъ она бросилась въ камышъ, и ястребъ отцѣпился; утокъ-чирятъ ловилъ при всякомъ удобномъ случаѣ; въ шестое лѣто онъ сталъ не такъ рѣзокъ, и умеръ на седьмую зиму внезапно, отъ какой-то болѣзни; онъ

былъ такъ уменъ, что, идя въ поле, охотникъ не бралъ его на руку, а только отворялъ чуланъ, въ которомъ онъ сидѣлъ,—ястребъ вылеталъ и садился на какую-нибудь крышу; охотникъ не обращалъ на него вниманія и отправлялся куда ему надобно; черезъ нѣсколько времени, ястребъ догонялъ его и садился ему на голову или на плечо, если хозяинъ не подставлялъ руки; иногда случалось, что онъ долго не являлся къ охотнику, но, подходя къ знакомымъ березамъ, мимо которыхъ надо было проходить (если итти въ эту сторону), охотникъ всегда находилъ, что ястребъ сидитъ на деревѣ и дожидается его; одинъ разъ прямо съ дерева поймалъ онъ перепелку, которую собака спугнула нечаянно, потому-что тутъ прежде никогда не бывало перепелокъ. У этого ястреба можно было взять изъ когтей птицу совершенно живую и неповрежденную и посадить въ садокъ на зиму, что̀ часто и дѣлали; только охотникъ накладывалъ руку на пойманную имъ перепелку, какъ ястребъ выпускалъ ее изъ когтей и отпрыгивалъ въ сторону. Повидимому, въ немъ уже не было собственной жадности, и онъ ловилъ такъ, по привычкѣ, или какъ бы для удовольствія своего хозяина. Можно себѣ представить, что съ такой умной птицей удовольствіе травли несказанно увеличивалось. Вѣроятно на слѣдующій годъ ястребъ сталъ бы ловить еще тупѣе, но любопытно было бы наблюдать его старость и постепенный упадокъ силъ. Несмотря на то, что охотникъ его былъ человѣкъ самый простой и грубый, онъ плакалъ о своемъ лихомъ посѣдѣломъ ловцѣ, и всегда говорилъ: «нѣтъ, мнѣ ужъ не нажить такого ястреба.»

ПРИЛЕТЪ ДИЧИ
И
НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ ПТИЦЪ,

ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Предлагаю мои охотничьи замѣтки о прилетѣ дичи, съ 1811-го по 1826-й годъ включительно, кромѣ 1812-го, 1816 и 1821-го годовъ. Первые восемь лѣтъ я жилъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, что нынѣ Самарская; а послѣдніе пять—въ Белебѣевскомъ уѣздѣ, который и теперь составляетъ часть Оренбургской губерніи. Числа прилета птицы записывались тѣ, въ которыя поднимали дичь *съ земли*, или когда видѣли ее сидящую на водѣ и деревьяхъ, а не тѣ, въ которыя видѣли птицу пролетающую въ вышинѣ. Пролётъ не то, что прилётъ; пролётъ совершается почти всегда ночью, или по зарямъ, всегда высоко, и свѣдѣнія о немъ бываютъ иногда слишкомъ неточны. Прилетъ значитъ появленіе птицы на мѣстахъ ея обыкновеннаго жительства.

1811-й годъ.

(ВЪ БУГУРУСЛАНСКОМЪ УѢЗДѢ).

Мѣсяцъ мартъ.

14. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи.
21. Скворцы.

22. Жаворонки.
25. Дрозды.
27. Пиголицы. Гусей и лебедей видѣли гораздо ранѣе.
30. Появились по рѣкѣ и по материку пруда нырки.

Апрѣль.

10. Съ этого дня началась дружная весна; птица летѣла всякая.
10. Поднялъ вальдшнепа.
12. Появились бекасы и кулички-травники.
13. Утки всѣхъ крупныхъ породъ и кулички-зуйки.
16. Чирки.
18. Болотные кулики.
20. Кроншнепы и дупиельшнепы.
22. Гаршнепы.
25. Стрепета и журавли.

Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда осенью, сначала на дрожкахъ, а потомъ на саняхъ, продолжалась до 27-го ноября и прекратилась за углубленіемъ снѣга.

1813-й годъ.

Февраль.

28. Нашелъ двухъ крохалей или гагаръ на родниковомъ озеркѣ, которое не мерзло и зимой. Должно заключить, что это были утки зимовыя, потому-что въ мартѣ не было совсѣмъ прилета птицы, кромѣ грачей, которые показались 18-го.

Апрѣль.

2. Съ этого числа, по ночамъ и по зарямъ начался валовой пролетъ дичи, особенно утокъ; но на мѣстахъ около рѣки, въ разстояніи десяти верстъ, я нигдѣ не могъ найти даже одной птички.
6. Наконецъ явились необыкновенно запоздавшіе клинтухи и скворцы.
7. Пиголицы, дрозды большіе и малые, а къ удивленію моему, поручейники и черныши. Тепла было очень мало, а потому мало и проталинъ; не смотря на то

8. Показались бекасы, которымъ сидѣть было совсѣмъ негдѣ.
9. Появились нырки по рѣкѣ стаями, чего никогда не бываетъ; они показываются всегда парами или въ одиночку. Началось тепло.
12. Вездѣ шатались травники. Поднялъ въ саду вальдшнепа. Появились всѣ породы утокъ.
14. Показалось множество мелкихъ куличковъ.
15. Дуппельшнепы.
19. Кроншнепы.
21. Гаршнепы.
26. Журавли.
30. Стрепета.

Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда продолжалась до 30-го ноября.

1814-й годъ.

Мартъ

Прилетъ птицъ ранній.

8. Прилетѣли грачи.
12. Клинтухи.
20. Пиголицы.
22. Жаворонки.
25. Скворцы, дрозды и нырки.
27. Гуси, лебеди, крупныя утки, даже витютины, всегда прилетающія поздно.
30. Красноножки или щеголи и травники.
31. Вдругъ вездѣ появились вальдшнепы.

Апрѣль.

3. Показались болотные и степные кулики и всѣ мелкіе кулички.
5. Бекасы.
10. Дупели.
12. Гаршнепы.
15. Горлинки.
22. Журавли и стрепета.

1815-й годъ.

Мартъ.

Прилетъ птицъ начался еще ранѣе.

3. Показались грачи.

9. Клинтухи по всѣмъ гумнамъ.

13. Не только нырки, но всѣ крупныя породы утокъ.

Воды, то-есть весеннихъ лужъ, не было нигдѣ, и потому всѣ утки садились по рѣкѣ, мало замерзавшей и зимою, и я никогда не убивалъ столько утокъ, даже въ апрѣлѣ, сколько убилъ въ этомъ году, въ мартѣ. Дни стояли красные, а по ночамъ морозы. Настъ образовался довольно крѣпкій, и ходить по немъ было очень ловко и легко, какъ по паркету.

17. Прилетѣли жаворонки: но гдѣ они сидѣли, неизвѣстно, потому-что проталинъ не было.

19. Оказались вальдшнепы, дрозды и скворцы.

23. Убилъ бекаса, но потомъ они не появлялись до 3-го апрѣля.

26. Гуси, лебеди и журавли.

Апрѣль.

1. Дружная весна. Явились витютины и мелкіе кулички всѣхъ родовъ.

3. Болотные кулики.

5. Кроншнепы.

7. Дуппельшнепы и гаршнепы вмѣстѣ.

10. Снѣгъ сошелъ. Вездѣ по полямъ показалось множество стрепетовъ. Два раза выпадалъ потомъ снѣгъ съ морозами и вѣроятно погибло много птицъ.

Въ 1816 году я воротился въ деревню уже къ осени. Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда была необыкновенно добычлива и продолжалась до 7-го декабря.

1817-й годъ.

Февраль.

28. Показались клинтухи на гумнахъ и свиристели. Клинтуховъ было очень много.

Мартъ.

6. Прилетѣли грачи.
7. Убилъ на рѣкѣ малаго рода гагару. Клинтухи попадались вездѣ, но до 4-го апрѣля никакой прилетной птички не было, кромѣ жаворонковъ, прилетѣвшихъ на Благовѣщеніе. Время стояло холодное и проталинъ не было.

Апрѣль.

4. Показались пиголицы.
5. Дрозды большіе и малые. Начало сильно таять.
9. Черные кулички и зуйки.
10. Бекасы, витютины, нырки, гуси и видѣли лебедей.
11. Вальдшнепы, дупельшнепы, травники и другіе мелкіе кулички.
15. Крупныя породы утокъ.
17. Болотные кулики.
18. Кроншнепы и чирки во множествѣ.
20. Гаршнепы.
22. Болотные коростели (погоныши).
26. Журавли, которые впрочемъ летѣли уже давно, и стрепета. Стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда продолжалась до 20-го ноября.

Прилетъ горлинокъ, погонышей, кречетокъ, курухтановъ болотныхъ и сивокъ рѣдко отмѣчался въ моихъ запискахъ, а прилета луговыхъ коростелей, перепелокъ и болотныхъ куръ — нѣтъ совсѣмъ. Это значитъ, что они прилетали или оказывались поздно, когда я уже переставалъ записывать прилетъ дичи.

1818-й годъ.

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
25. Клинтухи, жаворонки и скворцы.
28. Нырки.
31. Дрозды и чибисы. Большой дроздъ-рябинникъ былъ застрѣленъ мною зимой въ январѣ, въ верхней уремѣ рѣки Бугуруслана, гдѣ она мѣстами не мерзла.

Апрѣль.

2. Бекасы.
3. Кулички-травники.
4. Гуси (одного убилъ), черные кулички и зуйки.
6. Крупныя утки и болотные кулики.
7. Дуппельшнепы.
9. Витютины, чирята и всѣ породы мелкихъ куличковъ.
11. Гаршнепы
13. Кроншнепы и озимыя куры (сивки).
25. Рѣчные кулики и курухтаны. Долго стояли холода и выпадалъ снѣгъ при морозахъ.

Май.

2. Появились журавли на поляхъ.
6. Стрепета.
20. Погоныши.

Осенью 31-го августа и 2-го сентября было много, въ сравненіи съ другими годами, пролетныхъ щеголей или красноножекъ. Стрѣльба съ подъѣзда тетеревовъ продолжалась только до 11-го ноября, по множеству выпавшаго снѣга.

1819-й годъ

Мартъ.

19. Прилетѣли грачи.
22. Клинтухи.
26. Жаворонки и скворцы.
29. Пиголицы и дрозды.

Апрѣль.

2. Показались кряковныя утки.
5. Нырки. Было 13 градусовъ морозу.
8. Вальдшнепы, въ кустахъ около рѣки.
9. Болотные кулики.
10. Бекасы.
11. Дуппельшнепы и гаршнепы вмѣстѣ, большими высыпками, по размокшимъ луговинамъ. Кроншнепы и малые дрозды.

12. Черные кулички и зуйки, утки-шилохвости и сѣрыя.
14. Кулички-травники, утки-чирята и пиголицы, опоздавшія очень много противъ обыкновенія.
19. Витютины и горлинки.
21. Журавли и сивки.
23. Стрепета.
30. Высыпки турухтановъ.

1820-й годъ.

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
22. Клинтухи, жаворонки, скворцы, нырки и кряковныя утки.
23. Большіе дрозды и гуси.
26. Пиголицы.
30. Бекасы.

Апрѣль.

2. Журавли и лебеди (одного убилъ).
3. Черные кулички и зуйки.
4. Травники.
8. Чирята и всѣ другія крупныя и мелкія утки; дупельшнепы и болотные кулики.
13. Гаршнепы и красноножки.
16. Всѣ мелкіе кулички.
19. Кроншнепы и стрепета.
22. Витютины и журавли.
28. Болотные коростели или погоныши.

1822-й годъ.

(Въ Белебеевскомъ уѣздѣ).

Мартъ.

12. Прилетѣли грачи.
22. Скворцы, клинтухи, и видѣлъ гусей.
24. Жаворонки.

Апрѣль.

6. Пиголицы.
8. Болотные кулики, кроншнепы, нырки, дрозды большіе и малые.

10. Бекасы и дуппельшнепы вмѣстѣ. — Близко болотъ отъ меня не было, и вся прилетная птица оказывалась по лужамъ на прошлогоднихъ жнивахъ.
11. Чирки, клинтухи и кулички-травники.
13. Гаршнепы, тоже по жнивѣ и лужамъ.

16-го апрѣля выпалъ снѣгъ въ поларшина глубиною и не сходилъ трое сутокъ; какъ только показались проталины, то на нихъ свалилась всякая птица: болотная, водяная, степная и лѣсная. Такъ что я билъ на одной и той же проталинѣ: витютиновъ, утокъ и куликовъ.

26. Появились сивки или озимыя куры.

Май.

4. Вдругъ оказались вездѣ стрепета.
9. Кречетки. — Подъѣздъ къ тетеревамъ продолжался до 8-го ноября.

1823-й годъ.

Мартъ.

15. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи.
27. Жаворонки.
28. Пиголицы.
30. Скворцы и дрозды.

Апрѣль.

1. Убилъ чернаго дрозда, какого никогда не видали въ Белебеевскомъ уѣздѣ.—Появились дрозды малаго роду.
4. Кряковныя утки, крохали и нырки.
9. Бекасы и витютины.
11. Кроншнепы и болотные кулики.
12. Дуппельшнепы и чирята.
13. Гаршнепы.
15. Вальдшнепы.
20. Стрепета.
24. Озимыя куры и погоныши.
26. Журавли.

Май.

3. Кречетки.—Подъѣздъ къ тетеревамъ прекратился 20-го октября, по глубинѣ рано выпавшаго во множествѣ снѣга.

1824-й годъ.

Мартъ.

11. Прилетѣли грачи.
20. Клинтухи и крупныя утки. Видѣли лебедей.
21. Скворцы и дрозды.
23. Пиголицы. До 4-го апрѣля птица не показывалась за стужей. Весны и признака не было.

Апрѣль.

4. Дружная весна, и въ одинъ день я увидѣлъ всю птицу: всякихъ утокъ, журавлей, болотныхъ и степныхъ куликовъ, травниковъ, чернышей и бекасовъ.
7. Показались вальдшнепы во множествѣ.
8. Дупели и гаршнепы.
15. Стрепета и кречетки.
29. Озимыя куры.
30. Погоныши.

Октября 18-го я убилъ бекаса въ степи, около большой лужи, когда уже лежалъ и шелъ сильный снѣгъ, котораго 19-го октября выпало столько, что подъѣздъ къ тетеревамъ прекратился. Въ этотъ же годъ снѣгъ засталъ стрепетовъ еще не улетѣвшихъ, и я отыскивалъ ихъ по слѣдамъ, какъ куропатокъ.

1825-й годъ.

Мартъ.

22. Прилетѣли грачи.
28. Клинтухи и жаворонки.
30. Скворцы и пиголицы.

Апрѣль.

1. Гуси.
3. Кроншнепы и травники. Видѣлъ пару пролетѣвшихъ бекасовъ.
4. Утки всѣхъ родовъ и дрозды.
5. Лебеди и болотные кулики.
8. Бекасы показались на мѣстахъ.

10. Дупели и гаршнепы вмѣстѣ, высыпками.
14. Журавли.

Это былъ замѣчательный прилетъ: самыя раннія, первыя четыре прилетныя птицы появились очень поздно; но за то вся остальная птица прилетѣла ранѣе другихъ годовъ, такъ что 14-го апрѣля была вся уже дома, кромѣ стрепетовъ, кречетокъ и озимыхъ куръ, которыя очень запоздали.

Май.

10. Кречетки.
12. Стрепета.
14. Сивки или озимыя куры. Подъѣздъ къ тетеревамъ продолжался до 5-го ноября.

1826-й годъ.

Мартъ.

Прилетъ самый поздній, хотя время стояло обыкновенное.

28. Прилетѣли грачи.

Апрѣль.

7. Скворцы и жаворонки.
10. Дрозды.
12. Пиголицы.
16. Нашелъ всю птицу прилетѣвшую вдругъ, какъ то: вальдшнеповъ, дупелей, бекасовъ, и гаршнеповъ, кроншнеповъ, болотныхъ куликовъ, травниковъ и утокъ всѣхъ породъ; остальная птица появилась опять послѣ долгаго промежутка.

Май.

4. Явились стрепета, кречетки и озимыя куры.
10. Болотные коростельки или погоныши.

Объ отлетѣ дичи у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ замѣтокъ. Причина очевидная: я съ жаромъ занимался охотой и не записывалъ постоянно убыли въ породахъ дичи, хотя не могъ не замѣтить ее. Скажу однако вообще, что птица — пропа-

даетъ въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ концѣ августа, иногда и въ половинѣ, улетаютъ кроншнепы (всегда прежде всѣхъ), болотные кулики и всѣ породы мелкихъ куличковъ; за ними клинтухи и витютины, а горлинки прежде ихъ. Потомъ дуппельшнепы, за ними бекасы и наконецъ гаршнепы и вальдшнепы. Изъ утиныхъ породъ—ранѣе улетаютъ чирки, но утки держатся до ноября. Гуси начинаютъ летѣть въ исходѣ августа, но держатся иногда, независимо отъ летящихъ, до половины сентября. Отлетъ журавлей бываетъ въ иные года очень ранній и тянется очень долго. Мнѣ случалось замѣчать летящихъ журавлей въ исходѣ іюля и въ исходѣ сентября: это два мѣсяца!—Народная примѣта, что ранній отлетъ журавлей значитъ раннюю зиму, не всегда сбывается.

ЛОВЛЯ ШАТРОМЪ

ТЕТЕРЕВОВЪ И КУРОПАТОКЪ.

Вѣроятно, двѣ трети тетеревовъ и сѣрыхъ куропатокъ (особенно послѣднихъ), потребляемыхъ въ Россіи въ огромномъ количествѣ, крыты шатрами. Хотя эту охоту положительно можно назвать *добычливою*, въ промышленномъ значеніи этого слова, но въ скучное безконечное зимнее время, въ отдаленной деревнѣ, за отсутствіемъ всѣхъ другихъ охотъ, можно и ею заняться съ удовольствіемъ. Я знавалъ многихъ людей, большихъ охотниковъ «крыть тетеревовъ и куропатокъ». Я самъ съ ранней молодости горячо имъ сочувствовалъ и много ѣзжалъ со стариками, несмотря ни на какую погоду, не только крыть уже приваженную птицу, но даже разставлять привады,—что вѣроятно не многимъ можетъ понравиться. Эта охота имѣетъ свои тонкости, свое знанье дѣла, свое умѣнье, свои удачи и неудачи, слѣдственно имѣетъ свой интересъ.

Шатромъ называется сѣть, связанная изъ суровыхъ, посконныхъ и преимущественно конопляныхъ крѣпкихъ нитокъ. Эта птицеловная снасть представляетъ подобіе колпака или воронки, или, всего ближе — островерхой палатки, *шатра*, отчего и названа очень вѣрно этимъ послѣднимъ именемъ. Квадратныя ячейки шатровой тетеревиной сѣти имѣютъ въ поперечникѣ, вверху шатра, одинъ вершокъ, а внизу—полтора вершка; эта ширина необходима для того, чтобы накрытая птица могла свободно просунуть голову и шею до самыхъ крыльевъ; чтобъ, обманутая этой свободой, она постоянно

пробивалась, лѣзла впередъ, а никакъ не вздумала вынуть голову назадъ и выбѣжать изъ-подъ шатра. Цѣнкость сѣтки зависитъ отъ тонины нитокъ и ширины петель или ячеекъ. Чѣмъ нитки тоньше, а петли шире, тѣмъ лучше: само собою разумѣется, что нитки не должны рваться, а сквозь ячейки не должна пролѣзать птица. Величина шатра можетъ быть произвольная; но, по большей части, окружность его, когда шатеръ поставленъ и растянутъ, бываетъ въ десять саженъ.

Охотникъ, занимающійся ловлею шатромъ, еще съ осени наблюдаетъ за тетеревами и знаетъ: много ли ихъ, гдѣ они предпочтительно держатся и куда летаютъ кормиться. Какъ скоро выпадетъ порядочный снѣгъ, онъ ставитъ привады именно на тѣ мѣста, куда тетерева повадились летать за кормомъ. Привада состоитъ изъ нѣсколькихъ овсяныхъ необмолоченныхъ сноповъ, воткнутыхъ въ снѣгъ стоймя, разумѣется, кистями кверху, и непремѣнно изъ кучи какой-нибудь соломы, сложенной копною въ четырехъ или пяти саженяхъ отъ привады: эта куча соломы впослѣдствіи преобразится въ шалашъ, въ которомъ будетъ сидѣть охотникъ, когда придетъ время крыть тетеревовъ. Разставивъ нѣсколько такихъ привадъ, охотникъ, дня черезъ два, начинаетъ ихъ осматривать, наблюдая слѣдующія предосторожности: 1-е) Онъ осматриваетъ привады на лошади, въ санкахъ, а не пѣшкомъ, и преимущественно въ полдень, когда тетерева уже побывали на кормовыхъ мѣстахъ и улетѣли на такія, гдѣ они обыкновенно отдыхаютъ, сидя на деревьяхъ, или на землѣ, если снѣгъ еще мелокъ. 2-е) Такъ какъ иногда случается, что тетерева полднюютъ недалеко отъ привадъ, то надобно приближаться къ нимъ весьма осмотрительно, то-есть, не подъѣзжать прямо къ привадѣ, не вылѣзать изъ саней и не подходить къ ней, а проѣхать мимо поближе (ибо человѣка, ѣдущаго на саняхъ, тетерева не боятся), такъ чтобъ можно было разглядѣть: бываютъ тетерева на привадѣ или нѣтъ? 3-е) Если слѣдовъ тетеревиныхъ много и снопы растрепаны, обиты и обдерганы, то надобно ихъ оправить и прибавить свѣжихъ; но если тетерева сидятъ близко, то-есть въ виду, то ни подъ какимъ видомъ на приваду не ходить и даже не останавливаться. Оправку старыхъ сноповъ и прибавку новыхъ можно сдѣлать на другой день; а если опять тетерева будутъ сидѣть недалеко, то сдѣлать все это рано поутру, то-есть на зарѣ, до ихъ вылета, или поздно вечеромъ, когда

они сядутъ на ночевку. Въ свѣтлыя, мѣсячныя ночи оправляютъ привады даже по ночамъ; впрочемъ, многіе охотники дѣлаютъ это всегда на утренней зарѣ, для того, чтобы къ прилету тетеревовъ привады находились въ хорошомъ видѣ: это имѣетъ свою полезную сторону. Въ снѣжную, буранную (по-оренбургски) погоду необходимо каждый день ѣздить на привады и отряхивать снопы отъ снѣга, чтобъ они были виднѣе и приманчивѣе. Необходимо также отряхивать снѣгъ съ копны соломы для того, чтобы тетерева привыкли постоянно видѣть будущій шалашъ.

Если привада стоитъ недѣли двѣ, не посѣщаемая тетеревами, и даже по близости ихъ не видно, то надобно ее перенесть на другое мѣсто; какъ же скоро на нѣкоторыхъ привадахъ тетерева начнутъ ѣсть, то всѣ другія около нихъ слѣдуетъ уничтожить совершенно и закидать снѣгомъ, чтобъ онѣ тетеревовъ не развлекали въ разныя стороны. Ходъ тетеревовъ на привады загадочное дѣло! Въ иной годъ идутъ очень хорошо, а въ другой очень плохо; бываютъ года, что нейдутъ совсѣмъ: такъ что гдѣ крыли въ зиму паръ по двѣсти — не покроютъ и двухъ десятковъ. Иногда это можно объяснить случайнымъ изобиліемъ кормовъ (если хлѣбъ остался въ полѣ несжатымъ), малоснѣжностью зимы, отсутствіемъ сильныхъ морозовъ; [1]) но иногда нѣтъ ни одной изъ вышесказанныхъ причинъ, тетеревовъ много, а тетерева нейдутъ на привады, да и только! Не одинъ разъ видалъ я, какъ большія тетеревиныя стаи сидятъ кругомъ привады и щиплютъ себѣ тощія березовыя почки или ольховыя шишки, поглядываютъ умильно на желтыя кисти овсяныхъ сноповъ и — не приближаются къ нимъ! Мало этого: изъ стаи въ паръ сорокъ, два или три тетерева всякій день слетятъ на приваду и ѣдятъ овсяныя зерна досыта, а всѣ другія только смотрятъ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ удивительнѣе, что тетерева имѣютъ, всѣмъ охотникамъ извѣстное, баранье свойство: куда полетѣлъ и гдѣ сѣлъ одинъ—туда полетятъ и тамъ сядутъ всѣ. На этомъ-то основаніи, для большаго привлеченья тетеревовъ, сначала къ

---

1) Въ малоснѣжныя зимы, хлѣбныя жнивы и озими иногда до февраля мало бываютъ покрыты снѣгомъ, и тетерева по привычкѣ продолжаютъ летать на нихъ, для отыскиванья корма. Въ теплыя же зимы, по мнѣнію охотниковъ, тетерева мало ѣдятъ и довольствуются одними древесными почками. Въ обоихъ случаяхъ, они не собираются въ большія стаи. Что холодъ возбуждаетъ аппетитъ у всѣхъ животныхъ—это дѣло извѣстное.

привадѣ, потомъ подъ шатеръ, употребляютъ тетеревиныя чучела; въ первомъ случаѣ ставятъ ихъ на длинныхъ шестахъ *около* привады; а въ послѣднемъ на снопы, лежащіе на самой привадѣ. Иногда такая приманка бываетъ очень полезна.

Привада, на которой ѣдятъ постоянно тетерева, получаетъ понемногу свой окончательный видъ, то-есть: въ серединѣ привады становится шестъ, аршина въ три вышиною, на которомъ будетъ держаться сѣть; около него, правильнымъ кругомъ, набиваются колышки, каждый четверти въ полторы, къ которымъ будутъ привязаны веревочками нижніе подборы шатра,—и, наконецъ, куча соломы превращается въ шалашъ, въ которомъ могли бы помѣститься два человѣка. Если, послѣ всѣхъ этихъ добавленій, сдѣланныхъ не вдругъ, а постепенно, чтобъ измѣненіемъ вида привады не испугать тетеревовъ, станутъ они ежедневно и смѣло ѣсть кормъ — слѣдуетъ немедленно крыть птицу. День для сего выбирается не снѣжный и не вѣтреный: снѣгъ заноситъ приваду, налипаетъ на сѣть и можетъ даже повалить шатеръ, а вѣтеръ качаетъ его и также можетъ уронить; и то и другое обстоятельство, особенно послѣднее (то-есть качка шатра), пугаетъ тетеревовъ и они подъ шатеръ не пойдутъ; однимъ словомъ: чѣмъ морозъ сильнѣе и погода тише, тѣмъ лучше. На зарѣ, задолго до вылета тетеревовъ съ ночевки, охотникъ съ товарищемъ являются на привадѣ и разставляютъ шатеръ: узкимъ концомъ надѣваютъ его на шестъ, подложивъ подъ самый узелъ верхушки небольшую круглую дощечку; нижніе подборы или края привязываются тонкими и крѣпкими веревочками къ колышкамъ (которыхъ бываетъ до двадцати), шатеръ растягивается во всѣ стороны и совершенно представляетъ фигуру круглой, островерхой, огромной палатки. Нижніе края сѣти поднимаются отъ поверхности снѣга (нѣсколько утоптаннаго) четверти на двѣ, чтобъ тетеревамъ было свободно и не страшно подходить подъ шатеръ. Къ шесту, на которомъ держится верхушка шатра, въ самомъ низу, привязана веревка, протянутая въ шалашъ: она засыпается слегка снѣгомъ, чтобъ ее не было видно. Шестъ, до того времени крѣпко воткнутый острымъ концомъ своимъ въ снѣгъ или землю, тогда обрубается гладко и устанавливается на меленькой дощечкѣ, для того, чтобы, дернувъ за веревку, легко было его уронить и мгновенно накрыть тетеревовъ упавшею на нихъ сѣтью. Устроивъ

все хорошенько и затрусивъ свои слѣды, дощечку и веревку на самой привадѣ мякиной, а около нея снѣгомъ, — охотникъ съ товарищемъ садятся въ шалашъ, затыкаютъ входъ изнутри соломой и, притаясь, смирно дожидаются прилета тетеревовъ.

Долго тянется зимній разсвѣтъ и долго царствуетъ глубокая тишина. Скучно и душно сидѣть въ темномъ шалашѣ. Наконецъ свѣтъ проникаетъ въ его скважины, и на дворѣ наступаетъ *бѣлый день*, какъ говорится; послышится карканье воронъ и щекотанье сорокъ; потомъ *заскрипятъ* снигири и зазвенятъ пронзительно голоса зеленыхъ и голубыхъ синицъ (бѣсковъ — по-оренбургски), также привыкшихъ кормиться около привады. Какъ, бывало, обрадуешься голосу живой твари! Но вотъ зардѣлся юго-востокъ, солнце готово выкатиться изъ-за горы; наступило время прилета тетеревовъ на приваду, которое, впрочемъ, иногда можетъ замедлиться отъ разныхъ причинъ. Вдругъ прошумѣлъ сильный вѣтеръ... стая тетеревовъ пронеслась надъ шалашемъ и разсѣлась около него по деревьямъ, а если ихъ нѣтъ по близости (что бываетъ на привадахъ полевыхъ), то по снѣгу; даже садятся иногда на шалашъ и на шатеръ. [1]) Вотъ самая интересная минута! Видъ шатра такъ иногда поражаетъ тетеревовъ, что они, посидѣвъ нѣсколько минутъ на деревьяхъ, или побродя по снѣгу около привады, — вдругъ улетаютъ, какъ-будто чѣмъ испуганные; иногда остаются довольно долго, но не подходятъ подъ шатеръ; иногда подойдутъ два-три тетерева (вѣроятно посмѣлѣе другихъ) и досыта наѣдятся, а всѣ остальные или смотрятъ, или клюютъ древесныя почки, точь-въ-точь, какъ это бываетъ съ первоначала, или въ такіе года, когда нѣтъ хода тетеревамъ на привады. Впрочемъ, такіе случаи — отступленіе отъ обыкновеннаго порядка. По большей части тетерева, привыкшіе безъ опасенія ежедневно наѣдаться на привадѣ, не смущаются видомъ шатра и, осмотрѣвшись, черезъ нѣсколько минутъ, одинъ за другимъ, всѣ пойдутъ подъ шатеръ. Тогда охотникъ сильно дергаетъ за веревку, шестъ падаетъ, съ нимъ вмѣстѣ падаетъ сѣть, и—тетерева покрыты.

---

[1]) Однажды при мнѣ тетеревъ сѣлъ на верхушку шалаша, провалился ногами и сталъ биться: охотникъ принужденъ былъ схватить его за ноги и протащить въ шалашъ, чтобъ онъ хлопаньемъ крѣпкихъ своихъ крыльевъ не перепугалъ тетеревовъ.

Это дѣйствіе называется: „уронить шатеръ". Охотникъ съ товарищемъ выскакиваютъ изъ шалаша и, если тетеревовъ очень много и они, взлетывая, поднимаютъ на себѣ сѣть высоко, такъ что нижніе тетерева, не успѣвшіе запутаться, выбѣгаютъ изъ-подъ шатра и улетаютъ,—охотники бросаются на шатеръ, опускаютъ его къ низу и придерживаютъ нижніе подборы до тѣхъ поръ, пока всѣ покрытые тетерева увязнутъ въ ячейкахъ сѣти. Тогда колютъ ихъ въ голову перьями, тутъ же выдернутыми изъ крыльевъ, или простымъ желѣзнымъ гвоздемъ, или заостренной, крѣпкой деревянной палочкой, которыми запасаются заранѣе. Чуваши, Мордва и Татары, въ Оренбургской губерніи, очень усердно занимающіеся ловлею тетеревовъ шатрами, съ покрытыми управляются безъ церемоніи, то-есть: не колютъ, а бьютъ ихъ палками. Если тетеревиная стая съ перваго раза покрыта не вся, что по большей части бываетъ, то приваду надобно оправить: перья всѣ собрать, утоптанный и окровавленный снѣгъ заметать свѣжимъ и положить новыхъ овсяныхъ сноповъ. Иногда случается, что остальные тетерева, часть которыхъ была покрыта, черезъ нѣсколько времени опять станутъ прилетать на приваду и ѣсть кормъ, такъ что въ одну зиму, на одной и той же привадѣ, кроютъ тетеревовъ раза три; но иногда, послѣ перваго покрытія, уже не одинъ тетеревъ на приваду не прилетитъ. Замѣчательно, что оставшееся, иногда небольшое число тетеревовъ, посѣщая по-прежнему приваду, нерѣдко приводитъ съ собою новую тетеревиную стаю.

Важною помѣхою въ приваживаніи тетеревовъ бываютъ большіе ястреба и орлы; они ловятъ тетеревовъ и часто угоняютъ далеко съ привады; если это повторится нѣсколько разъ, то тетерева совсѣмъ бросаютъ приваду, хотя бы и привыкли къ ней. Въ такомъ случаѣ, самое лучшее средство — застрѣлить ястреба или орла, по крайней мѣрѣ ранить. Для этого надобно поставить недалеко отъ шалаша чучелу, сдѣланную изъ настоящей тетеревиной кожи съ перьями, привязавъ ее крѣпко къ присадѣ (то-есть къ длинному шесту). Орелъ или ястребъ, повадившійся летать на приваду, принявъ чучелу за настоящаго тетерева, вцѣпится въ нее, и охотникъ, карауливший хищника въ шалашѣ, можетъ легко застрѣлить его.

Все до сихъ поръ сказанное мною относится къ тетеревинымъ привадамъ въ началѣ зимы, которыя становятся иногда на хлѣбной жнивѣ, даже въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса; но когда выпадаетъ много снѣгу и глубокіе сугробы совершенно закроютъ самую высокую жниву, тетерева перестанутъ летать въ поля и постоянно держатся около лѣсныхъ мѣстъ и даже въ серединѣ лѣсовъ, по небольшимъ полянамъ; тогда и привады переносятся именно на такія поляны и на лѣсныя опушки. Въ буранныя зимы тетерева скоро сваливаются въ уремы, [1]) что *обыкновенно* бываетъ въ концѣ зимы: тамъ для нихъ теплѣе и сытнѣе; охотники и тамъ преслѣдуютъ тетеревовъ своими привадами и, несмотря на изобиліе ольховыхъ шишекъ, соблазняютъ овсяными снопами. Ловля шатромъ производится тѣмъ же порядкомъ.

Если почему-нибудь уже приваженные тетерева не прилетятъ именно въ то утро, когда шатеръ поставленъ и охотникъ сидитъ въ шалашѣ, или прилетятъ, но подъ шатеръ не пойдутъ, то нѣкоторые охотники шатра не снимаютъ и оставляютъ его до слѣдующаго утра, а иногда и на нѣсколько дней, будто бы для того, чтобы тетерева къ шатру присмотрѣлись, а въ самомъ дѣлѣ изъ лѣни; но я слыхалъ отъ самыхъ опытныхъ охотниковъ, что этого никогда дѣлать не должно. Не говоря уже о томъ, что шатеръ можетъ упасть отъ многихъ причинъ и закрыть приваду, а если упадетъ въ присутствіи тетеревовъ, то непремѣнно ихъ напугаетъ, — шатра не должно оставлять потому, что онъ весь опушится инеемъ и скроетъ совершенно приваду отъ глазъ тетеревовъ. Къ этому должно прибавить, что лежащій на снѣгу шатеръ очень часто портятъ мыши.

Должно сдѣлать общее замѣчаніе, что курочки идутъ на приваду и подъ шатеръ гораздо скорѣе и охотнѣе косачей; это вѣроятно происходитъ оть того, что курочки вообще смирнѣе. Если стая состоитъ изъ однѣхъ курочекъ, то ее привадить къ корму и покрыть несравненно легче; самыя упорныя и осторожныя бываютъ стаи изъ однихъ косачей; среднее между ними составляютъ стаи смѣшанныя, въ которыхъ курочки всегда первыя слетаютъ на приваду и под-

1) Мнѣ случилось одинъ разъ видѣть свалившихся тетеревовъ въ ольшняковую урему по рѣкѣ Усень (Оренбургской губерніи Белебеевскаго уѣзда), въ такомъ множествѣ, что только своимъ глазамъ можно было повѣрить. Это случилось въ половинѣ ноября.

ходятъ подъ шатеръ: за ними, иногда очень не скоро, послѣдують и косачи.

Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ растетъ сосна, и гдѣ водятся вмѣстѣ съ простыми, полевыми тетеревами глухари или глухіе тетерева, — кроютъ и ихъ также простыми тетеревиными шатрами, только всегда въ маломъ числѣ. Обыкновенно глухари прилетаютъ на привады вмѣстѣ съ полевыми тетеревами, увлекаясь ихъ примѣромъ; одни же они никогда на приваду не пойдутъ, особенно если летаютъ отдѣльною стаей. Одинъ охотникъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, занимаясь крытьемъ тетеревовъ болѣе десяти лѣтъ и видя, что глухари, прилетая иногда къ привадѣ вмѣстѣ съ простыми тетеревами, никогда на нее не шли, а сидѣли въ близкомъ разстояніи на деревьяхъ, преимущественно на соснахъ, ломая крѣпкими своими носами молодые лѣтніе побѣги, называемые погонцами,—вздумалъ употребить эти погонцы для приманки глухарей; онъ нарубилъ верхнихъ побѣговъ съ молодыхъ сосенъ и натыкалъ ихъ на привадѣ, около овсяныхъ сноповъ. Догадка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: глухари стали опускаться на приваду и, кушая сначала сосновыя верхушки, стали потомъ ѣсть и овесъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ постоянно втыкать сосновые побѣги на привадахъ, если замѣчалъ глухарей въ числѣ простыхъ тетеревовъ. Въ иной годъ удавалось ему, въ разное время, покрыть въ продолженіе зимы до двухъ десятковъ глухарей; но никогда болѣе трехъ въ одинъ разъ онъ не крывалъ. Я не могу сказать положительно, существуетъ ли гдѣ-нибудь въ Россіи крытье шатромъ собственно однихъ глухихъ тетеревовъ? Если существуетъ, то для нихъ нуженъ шатеръ большаго размѣра, вязанный болѣе широкими петлями, изъ нитокъ болѣе крѣпкихъ и толстыхъ, потому что стая глухарей, паръ въ двадцать,—разорвутъ или оторвутъ отъ кольевъ обыкновенный тетеревиный шатеръ.

Для куропатокъ, напротивъ, приготовляется шатеръ гораздо меньшаго объема: въ окружности саженъ въ шесть; сообразно этому уменьшенію, ячейки вяжутся поуже и нитки употребляются потоньше. Впрочемъ, фигура шатра, его устройство, постановка и весь процессъ ловли—одинъ и тотъ же. Привады кладутся также въ поляхъ, въ началѣ зимы, куда съ осени повадились прилетать куропатки, и потомъ на гумнахъ, куда загонятъ ихъ глубокіе снѣга и мятели. Куропа-

точьи привады дѣлаются не изъ сноповъ, а изъ хлѣбной мякины всякаго рода: насыпается кругъ мякины, сажень въ поперечникѣ, и во всѣ стороны отъ этого круга, въ видѣ расходящихся лучей, проводятся дорожки изъ той же мякины; длина ихъ произвольная, и можно сказать, чѣмъ они будутъ длиннѣе, тѣмъ лучше. Какъ скоро хоть одна куропатка изъ стаи, бѣгающей всегда въ разсыпную, нападетъ на мякинную дорожку, то сейчасъ побѣжитъ по ней и закричитъ призывнымъ крикомъ, похожимъ на куриное кудахтанье; въ одну минуту вся стая сбѣжится и прямо по дорожкѣ отправится на приваду, которую всю разроетъ и выклюетъ. Куропатки очень просты или глупы, какъ выражаются охотники. Если разъ побываютъ онѣ на привадѣ, то на другой же день можно поставить шатеръ и покрыть ихъ всѣхъ *до одной.* Если же, какимъ-нибудь образомъ, нѣсколько куропатокъ выбѣгутъ изъ-подъ шатра и улетятъ, то завтра непремѣнно прилетятъ опять, подбѣгутъ подъ шатеръ и будутъ покрыты.

ВЫНИМАНЬЕ ЛИСЯТЪ.

Во многихъ губерніяхъ нашихъ существовало обыкновеніе, и теперь существуетъ, вынимать или доставать изъ норъ лисятъ, выкармливать ихъ и, когда они выростутъ и выкунѣютъ, что бываетъ не ранѣе половины декабря, — воспользоваться ихъ шкурками. Лисьи шкурки, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, имѣютъ разныя цѣны; въ Оренбургской губерніи онѣ продавались отъ шести до десяти рублей ассигнаціями, въ то время, о которомъ я пишу, то-есть около 1808-го года; слѣдовательно, это было прибыльно, потому-что деньги тогда были дороже теперешняго. Но кромѣ выгодъ денежныхъ, добыванье лисятъ полезно, какъ истребленіе хищныхъ звѣрей, которые сильно переводятъ всякую дичь и домашнихъ птицъ. Вотъ какъ производилось это добыванье въ старые годы, и вѣроятно также производится теперь: въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда лисята ранняго помета выростутъ съ обыкновенную кошку, отправляются охотники для отысканія лисьихъ норъ, разумѣется, по мѣстамъ болѣе или менѣе имъ извѣстнымъ, удобнымъ для укрыванія лисы съ лисятами. Такія мѣста бываютъ по скатамъ горъ и долинамъ, поросшимъ полевыми кустарниками, иногда по крутымъ оврагамъ, покрытымъ мелкими древесными побѣгами, но *не лѣсомъ*: по крайней мѣрѣ я не видывалъ, чтобы лиса пометала дѣтей *въ настоящемъ лѣсу*; можетъ быть она знаетъ по инстинкту, что на открытыхъ мѣстахъ безопаснѣе жить ея дѣтямъ, что приближеніе всякой опасности виднѣе и что они, въ случаѣ надобности, могутъ ту же минуту спрятаться въ нору. Если охотникъ отправляется на поискъ одинъ, то непремѣнно долженъ ѣхать верхомъ, а если охотниковъ двое, то могутъ итти пѣшкомъ. Въ первомъ случаѣ это нужно потому, что лиса, одаренная отъ природы самымъ тонкимъ чутьемъ, не боится только кон-

скаго слѣда и не броситъ своей норы, когда побываетъ на ней человѣкъ верхомъ на лошади; во второмъ случаѣ, необходимо быть двоимъ охотникамъ потому, что. найдя нору съ лисятами, одинъ долженъ остаться для караула, а другой воротиться домой за лопатами, заступами, мѣшкомъ или кошелемъ, за хлѣбомъ для собственной пищи и за какимъ-нибудь платьемъ потеплѣе, для ночного времени и на случай дождя, ибо для поимки лисятъ надобно оставаться въ полѣ иногда нѣсколько дней. Если же человѣкъ пѣшкомъ побываетъ на норѣ и уйдетъ, то лиса, хотя бы на это время была въ отсутствіи, воротясь, услышитъ чутьемъ слѣды недобраго гостя и непремѣнно уведетъ лисятъ въ другое скрытное мѣсто, сначала неподалеку отъ перваго, какъ-будто для того, чтобъ удостовѣриться: случайно ли заходилъ человѣкъ на ея нору, или съ недобрымъ умысломъ? Какъ скоро въ тотъ же или на другой день опять появится человѣкъ на норѣ — лиса уводитъ дѣтей дальше; если же, напротивъ, никто не приходитъ—лиса возвращается съ своими лисятами и поселяется попрежнему въ своей норѣ. Лиса рѣдко вырываетъ нору сама въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть норы сурочьи или барсучьи; собственная нора лисы всегда очень не глубока, коротка и довольно широка: двоимъ работникамъ не трудно разрыть ее въ одинъ день и переловить лисятъ; барсучья нора—почти тоже; но совсѣмъ другая исторія съ норами сурочьими. Сурки живутъ семьями, штукъ по пяти и болѣе. Чѣмъ многочисленнѣе семейство и чѣмъ больше живетъ на одномъ мѣстѣ, тѣмъ больше норъ и поднорковъ (то-есть: заднихъ выходовъ, употребляемыхъ только въ случаѣ особенной надобности), тѣмъ глубже и обширнѣе ихъ подземельные закоулки, и тѣмъ выше и шире становится сурчина или бугоръ земли, выгребаемый изъ норъ при ихъ копаньѣ и ежегодной разчисткѣ. Разрыть такую сурчину, со всѣми ея подземными помѣщеніями,—тяжкая работа, требующая много времени и рукъ. Послѣ разныхъ опытовъ, охотники придумали способъ, какъ доставать лисятъ, не разрывая норы, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что лиса предварительно истребляетъ семейство сурковъ и потомъ занимаетъ ихъ нору; можетъ быть это и случается, за неимѣньемъ норъ пустыхъ, старыхъ, брошенныхъ сурками; но я всегда находилъ лисятъ въ старыхъ сурочьихъ норахъ, очевидно разчищенныхъ *нѣсколько*, а пе-

вполнѣ, уже самою лисою, которой не нужно много мѣста для временнаго помѣщенія. Безъ сомнѣнія, лисѣ не трудно сладить съ суркомъ, но трудно его поймать; онъ вѣчно сидитъ надъ самой норой и при всякомъ шорохѣ прячется въ нее, а нора бываетъ очень длинна, глубока и мѣстами узка, такъ что лисѣ тѣсно лазить для преслѣдованія сурка и даже не пролѣзть безъ разчистки по всѣмъ ея закоулкамъ. Впрочемъ, я не считаю невозможнымъ, что лиса, замышляя временное помѣщеніе будущему семейству, въ продолженіе весны переловитъ сурковъ, подстерегши ихъ поодиночкѣ при выходѣ изъ норы. Барсучью нору можетъ занять лиса, разумѣется, только брошенную хозяиномъ, потому-что барсукъ злобенъ и ей не сладить съ нимъ. Нору, въ которой живетъ лиса съ лисятами, узнать не трудно всякому, сколько-нибудь опытному охотнику: лазъ въ нее угладенъ и на его бокахъ всегда есть волосья и пухъ отъ влѣзанья и вылѣзанья лисы; если лисята уже на возрастѣ, то не любятъ сидѣть въ подземельѣ, а потому мѣсто кругомъ норы утолочено и даже видны лежки и тропинки, по которымъ отбѣгаютъ лисята на нѣкоторое разстояніе отъ норы; около нея валяются кости и перья, остающіяся отъ птицъ и звѣрковъ, которыхъ приноситъ мать на пищу своимъ дѣтямъ, и наконецъ самый вѣрный признакъ — слышенъ сильный и противный запахъ, который всякій почувствуетъ, наклонясь къ отверстію норы. Лиса по необходимости должна безпрестанно отлучаться отъ дѣтей, когда перестанетъ кормить ихъ своимъ молокомъ. Ей нужно не только самой питаться, но и доставать пищу лисятамъ, а потому она въ норѣ почти не живетъ: принесетъ какого-нибудь звѣрка или птицу, притащитъ иногда часть падали [1]), которую волочитъ по землѣ, не имѣя силы нести во рту, и, отдавъ дѣтямъ, снова отправляется на добычу. Многіе охотники своими глазами наблюдали такія явленія. Въ эту трудную пору лиса бываетъ такъ худа, какъ скелетъ, кожа на ней виситъ и шерсть вся въ клочьяхъ. По большей части лиса приноситъ дѣтямъ зайцевъ и зайчатъ, тетеревятъ и тетеревиныхъ матокъ: видно, эту дичь ей легче доставать; впрочемъ, таскаетъ тушканчи-

---

[1]) Около норы часто находятъ кости бараньи, телячьи и даже кости коровъ и лошадей.

ковъ, [1]) сусликовъ и даже молодыхъ сурковъ, куръ, гусей, утокъ и всякихъ другихъ дворовыхъ и дикихъ птицъ безъ исключенія.

Удостовѣрясь по вышесказаннымъ мною признакамъ, что лисята точно находятся въ норѣ, охотники съ того начинаютъ, что, оставя одинъ главный выходъ, всѣ другія норы и подпорки забиваютъ землей и заколачиваютъ деревомъ наглухо; главную нору, ощупавъ ея направленіе палкой на сажень отъ выхода, пробиваютъ сверху четвероугольной шахтой (ямой, называемый «подъямокъ»), дно которой должно быть глубже норы, по крайней мѣрѣ на два аршина; четырехъ-угольныя стѣнки этой шахты, имѣющей, въ квадратномъ поперечникѣ, около полутора аршина, должны быть совершенно отвѣсны и даже книзу нѣсколько просторнѣе, чѣмъ кверху, для того, чтобы лисята, попавъ въ этотъ колодезь или западню, никакъ не могли выскочить. Пересѣченную шахтою нору соединяютъ мостикомъ изъ тоненькихъ прутиковъ или сухихъ бастылинъ, закрывъ ихъ мелкою травою и засыпавъ легонько землей; верхъ ямы закрываютъ плотно прутьями и травой, чтобы свѣтъ не проходилъ. Когда выгоняемый голодомъ и вызываемый завываньемъ и лаемъ матери лисенокъ ступитъ на этотъ мостикъ, считая его продолженіемъ дна норы, то сейчасъ провалится, и выскочить изъ подъямка уже никакъ не можетъ; онъ начнетъ сильно визжать и скучать, такъ-что охотникъ услышитъ и вынетъ его, а мостикъ поправитъ и опять насторожитъ: черезъ нѣсколько времени попадетъ другой, и такимъ образомъ переловятъ всѣхъ лисятъ, которыхъ бываетъ до девяти. Если они уже велики, то иногда приходится вымаривать ихъ съ недѣлю. Въ продолженіе этой ловли, или, вѣрнѣе сказать, подстереганья лисятъ, охотники наблюдаютъ большую осторожность; ночью всегда остаются двое и попеременно не спятъ: ночью лиса бываетъ такъ смѣла, что подходитъ на нѣсколько саженъ къ человѣку, особенно когда услышитъ голосъ попав-

---

1) Тушканчикъ—земляной зайчикъ, величиною вчетверо менѣе обыкновеннаго зайца. Сидя на заднихъ лапкахъ у своей норы, по зорямъ утреннимъ и вечернимъ и даже ночью, онъ громко свищетъ. Этотъ свистъ далеко бываетъ слышенъ въ тихомъ воздухѣ. Зиму онъ проводитъ въ норѣ, вѣроятно въ такомъ же снѣ или оцѣпенѣніи, какъ и сурокъ, вмѣстѣ съ которыми появляется весною. Я пробовалъ держать тушканчиковъ въ клѣткахъ и ящикахъ съ прорѣзными отверстіями, но они не ѣли травы, имъ въ изобиліи предлагаемой, и скоро умирали.

шагося въ западню лисенка, и, если караульный заснетъ, она отроетъ который-нибудь изъ поднорковъ и уведетъ лисятъ, что̂ случалось не одинъ разъ и въ мое время съ сонливыми караульщиками. Многіе охотники говорятъ, что при лисятахъ бываютъ отецъ и мать, то-есть самецъ и самка. Мнѣ сказывали даже, что одинъ глупый охотникъ застрѣлилъ близко подошедшую лису (шкура ея, въ это время года, никуда не годится), и что это былъ самецъ; но я сомнѣваюсь въ вѣрности разсказа, судя по ихъ *течкѣ*, сходной съ течкою собакъ, у которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, отцы не имѣютъ ни малѣшаго чувства къ дѣтямъ, никогда ихъ не знаютъ и вообще терпѣть не могутъ маленькихъ щенятъ и готовы задавить ихъ.

Пойманныхъ лисятъ сажаютъ въ лисятникъ (нарочно для того построенную амбарушку), съ крѣпкимъ поломъ, потолкомъ и толстою дверью: въ противномъ случаѣ лисята какъ разъ прогрызутъ отверстіе и всѣ уйдутъ. Кормятъ ихъ всякимъ мясомъ, даже дохлой скотиной, хлѣбомъ, творогомъ, а за неимѣніемъ всего этого — овсянкой, какъ борзыхъ собакъ.

Я помню, когда былъ еще ребенкомъ, что насъ одолѣвали грачи, переселившіеся изъ сосѣдней рѣчной уремы въ садовыя березовыя рощи и губившіе ихъ безжалостно; чтобы отогнать эту докучливую птицу, всякій день раззоряли гнѣзда грачей и приносили по нѣскольку десятковъ грачатъ, которыхъ отдавали лисятамъ; это было лакомство для нихъ, и они съ жадностью съѣдали, каждый лисенокъ—по пяти и болѣе грачатъ. Помню также, что по множеству ловимой рыбы, бросали лисятамъ мелкую плотву и щурятъ, и что они кушали ихъ съ большимъ аппетитомъ.

Въ одномъ осьми-аршинномъ лисятникѣ болѣе десяти или двѣнадцати лисятъ держать не годится: когда сдѣлается холодно, они начнутъ жаться въ кучу, отъ чего нижнимъ и среднимъ бываетъ такъ жарко, что шерсть на нихъ подопрѣваетъ. Несмотря на видимую дружбу во время холода, лисята бываютъ очень недружны и злобны между собой: жестоко грызутся за кормъ и, въ случаѣ голода, пожираютъ другъ друга. Лисятникъ надобно содержать въ чистотѣ и сухости, если охотникъ хочетъ получить хорошія шкуры: лѣтомъ и осенью ежедневно чистить и усыпать полъ пескомъ, а когда выпадетъ снѣгъ, то всякій день накидывать свѣжаго снѣга, о который они трутся и лучше выцвѣтаютъ, или выкуниваютъ. Сытые лисята очень живы и рѣзвы; они любятъ играть и пры-

гать по лавкамъ, которыя нарочно для того устроиваютъ въ лисятникѣ; они весьма похожи на щенятъ-выборзковъ, только въ первомъ своемъ возрастѣ, покуда не сложились, покуда не распушились ихъ хвосты и покуда безцвѣтные, молочные, какъ называютъ охотники, глаза ихъ не загорѣлись тѣмъ фосфорическимъ блескомъ, отъ котораго свѣтятся они въ темную ночь и во всякомъ темномъ мѣстѣ. Не-охотникъ, невидавшій лисятъ прежде, съ перваго взгляда не различитъ лисенка отъ обыкновеннаго щенка-выборзка; но, всмотрѣвшись пристально, по выраженію даже молочныхъ глазъ, можно узнать, что это дикій и въ то же время хищный звѣрь.

При одиночномъ воспитаніи лисенка, постоянно между людьми и домашними животными, дикость его постепенно уменьшается, и онъ можетъ сдѣлаться совершенно ручнымъ; но это требуетъ безпрестанныхъ заботъ и попеченій, чтобы лисенокъ не ушелъ сначала, покуда еще не привыкъ; притомъ его не должно кормить мясною пищею и особенно сырымъ мясомъ. Многіе охотники утверждаютъ, что лису можно перевоспитать и совершенно обратить въ дворную собаку. Я не дѣлалъ такихъ опытовъ, но слыхалъ о нихъ отъ людей достовѣрныхъ. Въ этомъ даже нельзя сомнѣваться: всѣмъ извѣстно, что знаменитый Бюффонъ воспиталъ двухъ лисъ, которыя ходили подъ ружьемъ, какъ легавыя собаки.

Я очень любилъ разсматривать и наблюдать лисятъ въ узкія и длинныя отверстія лисятника (какія дѣлаются въ конюшняхъ), которыя нарочно вырубаются, высоко отъ пола, для свободнаго протока воздуха, безъ чего въ лисятникѣ, лѣтомъ, было бы очень жарко и душно. Когда лисята сыты, они играютъ между собой, точно какъ щенята: прыгаютъ, гоняются другъ за другомъ, прячутся по угламъ и подъ лавками, притворяются спящими, и вдругъ бросаются на того, который нечаянно подойдетъ къ нимъ; подкрадываются одинъ къ другому ползкомъ и соединяютъ въ своихъ пріемахъ и ухваткахъ, вмѣстѣ съ собачьимъ, что-то кошачье. Если лисята голодны, то ссорятся и грызутся безпрестанно; если кормъ получатъ только нѣкоторые, то всѣ остальные бросятся отнимать; если каждому лисенку дано по куску хлѣба, мяса или по птицѣ, то всѣ разбѣгутся въ разныя стороны, и который съѣстъ проворнѣе свою добычу, тотъ кинется отбивать у другого, не доѣвшаго своего участка. Когда кормъ дается общій, въ корытѣ, то поневолѣ ѣдятъ вмѣстѣ, но безпрестанно огры-

заясь другъ на друга. Лисята очень прожорливы и трудно ихъ накормить до отвала; до живыхъ птицъ весьма лакомы, и прежде чѣмъ начнутъ ѣсть, перегрызаютъ имъ крылья, а потомъ шею, что дѣлаютъ даже и съ мертвыми птицами; очевидное доказательство слѣпого инстинкта, который не умѣетъ различать живыхъ птицъ отъ мертвыхъ и употребляетъ ненужную предосторожность.

Будучи въ ребячествѣ безотчетно-страстнымъ охотникомъ до всякой ловли, я считалъ, бывало, большимъ праздникомъ, когда отпускали меня на лисьи норы: я много разъ ночевывалъ тамъ, и часто не спалъ до восхода солнца, замѣняя караульщика. Тутъ я наслушался, какими разными голосами, похожими на сиплый лай и завыванье собакъ, манитъ лиса своихъ лисятъ, и какъ они, въ отвѣтъ ей, также скучатъ и слегка взлаиваютъ. Лиса безпрестанно бѣгаетъ кругомъ норы и пробуетъ манить дѣтей, то громко, то тихо. Какъ скоро взойдетъ солнце, она удаляется. Должно признаться: что ни малѣйшее чувство жалости не входило мнѣ тогда ни въ сердце, ни въ голову. Впрочемъ, это всегда такъ бываетъ: мальчикъ-охотникъ—существо самое безжалостное въ отношеніи къ звѣрямъ и птицамъ. Оставя въ сторонѣ охоту, уже непонятную въ зрѣломъ возрастѣ, я не могу однако вспоминать безъ живого удовольствія, какъ хороши были эти ночевки въ полѣ, послѣ жаркаго дня, въ прохладномъ ночномъ воздухѣ, напоенномъ ароматами горныхъ, степныхъ травъ, при звучномъ боѣ перепеловъ, крикахъ коростелей и посвистываньяхъ тушканчиковъ и сурковъ. Какъ сладко дремалось передъ солнечнымъ восходомъ и потомъ какъ крѣпко спалось подъ кожаномъ, или ергакомъ, короткій мѣхъ котораго серебрился утренней росою!...

ЛОВЛЯ МЕЛКИХЪ ЗВѢРКОВЪ.

Когда послѣ долгой, то мокрой, то морозной осени, въ продолженіе которой всякій звѣрь и звѣрокъ вытрется, выкунѣетъ, то-есть, шкурка его получитъ свой зимній видъ, сдѣлается крѣпковолосою, гладкою и красивою. когда заяцъ-бѣлякъ, горностай и ласка побѣлѣютъ какъ кипень, а спина побѣлѣвшаго и мѣстами пожелтѣвшаго, какъ воскъ, русака покроется пестрымъ ремнемъ съ завитками, когда куница, порѣчина, хорекъ, или хорь, потемнѣютъ и заискрятся блестящею осью, когда, послѣ многихъ замерзковъ, выпадетъ наконецъ настоящій снѣгъ и ляжетъ пороша—тогда наступаетъ лучшая пора звѣроловства. О капканной ловлѣ я стану говорить особо. Куницъ ловить мнѣ не удавалось, потому-что ихъ водилось очень мало въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я живалъ и охотился; но хорьковъ, горностаевъ и ласокъ я лавливалъ разными поставушками, и объ этой-то охотѣ, также горячо любимой мною въ ребячествѣ и ранней молодости, доставлявшей мнѣ, въ свою очередь, много радостныхъ минуть, хочу я разсказать молодымъ, преимущественно деревенскимъ, охотникамъ.

Видъ земли, покрытой первымъ снѣгомъ, послѣ грязной, гнилой, осенней погоды, надоѣвшей даже горячимъ псовымъ охотникамъ, [1]) веселитъ сердце каждаго. Все сдѣлается сухо, бѣло, чисто и опрятно; безчисленные звѣрковые и звѣриные слѣды, всякихъ формъ и размѣровъ, показываютъ, что и звѣри обрадовались снѣгу, что они прыгали, играли большую часть долгой ночи, валялись по снѣгу, отдыхали на немъ въ раз-

[1]) Извѣстно, что псовые охотники проводятъ въ отъѣзжихъ поляхъ цѣлые мѣсяцы. Мокрая и сырая погоды считаются выгодными для этой охоты; но иногда такъ надоѣдаютъ охотникамъ, что они радуются сильнымъ морозамъ, дѣлающимъ неудобною псовую охоту съ гончими и борзыми собаками.

ныхъ положеніяхъ, и потомъ, послѣ отдыха, снова начинали сначала необыкновенно сильными скачками свою неугомонную бѣготню, которая наконецъ получила уже особенную цѣль — доставленіе пищи проголодавшемуся желудку. Съ полночи звѣрокъ уже не рѣзвится, не *жируетъ* около однихъ и тѣхъ же мѣстъ, а рыщетъ тамъ, гдѣ скорѣе можетъ встрѣтить какую-нибудь добычу, для чего пробѣгаетъ иногда значительное пространство. Внимательное разсматриванье, неутомимое преслѣдованіе звѣрковыхъ слѣдовъ раскрываетъ наблюдательному охотнику все, что звѣрки дѣлали ночью; дневной свѣтъ объясняетъ, выводитъ наружу всѣ тайны ночной темноты. Для меня это имѣло особенный интересъ, и я нерѣдко жертвовалъ разсчетами добычливаго охотника, удовлетворяя любопытству наблюдателя. Идя по слѣду ласки, я видѣлъ, какъ она гонялась за мышью, какъ лазила въ ея узенькую снѣговую норку, доставала оттуда свою добычу, съѣдала ее и снова пускалась въ путь; какъ хорекъ или горностай, желая перебраться черезъ родниковый ручей или рѣчку, затянутую съ краевъ тоненькимъ ледочкомъ,—осторожными укороченными прыжками, необыкновенно растопыривая свои мягкія лапки, доходилъ до текучей воды, обламывался иногда, попадался въ воду, вылѣзалъ опять на ледъ, возвращался на берегъ и долго катался по снѣгу, вытирая свою мокрую шкурку; послѣ чего нѣсколько времени согрѣвался необычайно широкими прыжками, какъ будто преслѣдуемый какимъ-нибудь врагомъ; какъ норка или порѣчина, бѣгая по краямъ рѣки, мало замерзавшей и среди зимы, вдругъ останавливалась, бросалась въ воду, ловила въ ней рыбу, вытаскивала на берегъ и тутъ же съѣдала... Все это совершенно ясно разсказывали звѣрковые слѣды опытному глазу молодого охотника.

Начинаю съ ловли хорька, который гораздо больше, хищнѣе и неутомимѣе горностая и ласки. Хорекъ есть не что иное какъ полевая или каменная куница. Названіе каменной придается ему нѣкоторыми натуралистами потому, что онъ любитъ жить въ каменныхъ, опустѣлыхъ зданіяхъ и развалинахъ; впрочемъ, хорекъ живетъ иногда въ фундаментахъ и подвалахъ жилыхъ каменныхъ строеній и даже въ подвалахъ и погребахъ деревянныхъ домовъ и крестьянскихъ избъ. Всего чаще онъ только посѣщаетъ ихъ по ночамъ для отысканія себѣ добычи и нерѣдко залѣзаетъ въ курятники и голубятни. Величиною онъ бываетъ нѣсколько меньше и тоньше лѣсной

куницы, которая далеко превосходитъ его достоинствомъ своего пушистаго и осистаго мѣха; шерсть на хорькѣ коротка и жестка; лѣтомъ она бываетъ желтовато-бураго цвѣта, а зимою темная, какъ на соболѣ и на куницѣ. Хорьки живутъ по полямъ въ норахъ и въ нихъ выводяхъ дѣтей, числомъ отъ трехъ до четырехъ; вѣроятно, зимою земляныя лѣтнія норы заносятся снѣгомъ, и тогда хорьки живутъ въ снѣжныхъ норахъ или подъ какими-нибудь строеніями: мнѣ случилось одинъ разъ найти постоянное, зимнее жилье хорька подъ толстымъ стволомъ сломленнаго дерева; онъ пролѣзалъ подъ него сверху, въ сквозное дупло. Не одинъ разъ находилъ я также хорька въ снѣжной норѣ на большомъ разстояніи отъ человѣческаго жилья. Хорекъ, равно какъ горностай и ласка, вполнѣ хищный звѣрокъ; онъ ловитъ всякихъ птицъ, дикихъ и дворовыхъ, во время ихъ сна на ночевкахъ, нападаетъ даже на гусей, какъ увѣряютъ охотники; въ случаѣ же нужды питается также крысами и мышами. Хорекъ злобенъ до невѣроятности, и въ крайности не только огрызается, но бросается даже на собаку. Огрызаніе его сопровождается звуками, похожими на щекотанье сороки. Хорекъ никогда не ходитъ, не бѣгаетъ, [1]) а прыгаетъ, скачетъ, становясь обѣими лапками вмѣстѣ, отъ чего слѣдъ его издали можетъ показаться лисьимъ нарыскомъ, когда лиса спокойно идетъ тихимъ шагомъ; обыкновенные прыжки хорька бываютъ около полуторы четверти, а если онъ чѣмъ-нибудь испуганъ, то скачки его достигаютъ до двухъ четвертей и болѣе. Ловятъ хорьковъ маленькими капканами и самострѣлами. Капканы становятся на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ непремѣнно долженъ пройти хорекъ, вылѣзая или влѣзая въ свою нору, или пролѣзая сквозь какое-нибудь отверстіе въ курятникъ, подвалъ, голубятню, куда онъ повадился ходить за своей добычей. Самострѣлы становятся непремѣнно надъ отверстіемъ хорьковой норы, когда онъ застигнутъ въ ней охотникомъ, потому-что хорекъ можетъ попасть въ самострѣлъ, только вылѣзая изъ норы. Самострѣлъ довольно замысловатое орудіе и трудно получить объ немъ понятіе безъ рисунка. Это нечто иное, какъ натянутый лукъ со стрѣлою, которая, вмѣсто копья, оканчивается довольно широкою лопаточкою; лопаточка ходитъ въ пазахъ длинной рамки, вдѣланной прочно въ средину лука́, и, будучи спущена, плотно и

[1]) Точно также горностай и ласка.

крѣпко прижимается силою тетивы къ краю рамки. Настороженный самострѣлъ накладывается на выходъ изъ норы, и хорекъ не можетъ изъ нея вылѣзть, не тронувъ сторожка, утвержденнаго поперекъ открытаго отверстія рамки; какъ скоро сторожекъ соскочитъ, тетива спускается и стрѣла мгновенно прищемляетъ звѣрка.

Горностай и ласка могутъ быть причислены къ одному роду. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что горностай вдвое толще и вершка на три длиннѣе ласки; фигура, всѣ стати, нравы и цвѣтъ шерсти у нихъ совершенно одинаковы, кромѣ того, что у горностая кончикъ хвоста черный. Оба эти звѣрка лѣтомъ имѣютъ шкурку рыжевато-бурую, которая кажется тогда даже пестрою, а зимой—бѣлую, какъ снѣгъ; оба хищной породы и питаются мясомъ; оба имѣютъ, съ перваго взгляда, очень граціозную наружность; но, всмотрѣвшись хорошенько въ очертаніе ихъ рта, вооруженнаго частыми и острыми зубами, особенно въ ихъ маленькіе, безцвѣтные глазки,—почувствуешь, что они принадлежатъ къ злобной и кровожадной породѣ звѣрей. Особенно ласка, будучи слишкомъ длинна и тонка, и потому изгибая свою спинку дугою, когда останавливается, – напоминаетъ, какъ-то, изгибающуюся змѣю. Вѣроятно горностай также хищенъ и злобенъ, какъ хорекъ и ласка, что и подтверждается охотниками-звѣроловами; но мнѣ не удавалось видѣть своими глазами доказательствъ его хищности; кровожадности же хорька и особенно ласки я много видѣлъ удивительныхъ опытовъ. [1]) Хорекъ, забравшись въ курятникъ или утиный хлѣвъ, или въ голубятню, никогда не удовольствуется одною жертвою, а всегда задушитъ нѣсколько куръ, утокъ или голубей. Онъ обыкновенно прокусываетъ шею у своей добычи, напивается крови, оставляетъ ее, кидается на другую, и такимъ образомъ умерщвляетъ иногда до десятка птицъ; мясо ихъ остается нетронутымъ; но у многихъ бываютъ головы совсѣмъ отъѣдены и даже двѣ, три изъ нихъ куда-то унесены; Иногда же я находилъ куръ, у которыхъ черепъ и мозгъ были съѣдены. Если хорекъ заѣдаетъ по одной или не болѣе двухъ птицъ, что случается довольно рѣдко, то уже непремѣнно уноситъ ихъ головы. Довольно трудно объяснить, отъ

---

[1]) Я разсказалъ въ „Запискахъ ружейнаго охотника“ о невѣроятной жадности и смѣлости ласки, подымающейся съ тетеревомъ на воздухъ и умерщвляющей зайца въ снѣжной норѣ.

чего происходитъ у хорька такая разница въ числѣ жертвъ и въ способѣ употребленія въ пищу своей добычи. Я слыхалъ отъ охотниковъ, что одни молодые хорьки отгрызаютъ головы у птицъ и выѣдаютъ мозгъ, а старые пьютъ только кровь, и что, будучи умнѣе молодыхъ, они умерщвляютъ только по одной или по двѣ штуки, для того, чтобы долѣе пользоваться добычей. Но такому мнѣнію противорѣчатъ самые эти признаки; то-есть, если старый хорекъ пьетъ только кровь заѣденныхъ имъ птицъ и умерщвляетъ не болѣе одной или двухъ, не касаясь ихъ мяса, то отъ чего же я всегда находилъ, что если умерщвлена одна или двѣ птицы, то головы ихъ непремѣнно отгрызены и унесены? И такъ, надобно искать другого объясненія.

Горностаевъ и ласокъ рѣдко ловятъ самострѣлами, потому что рѣдко попадаются ихъ норы. Для ловли этихъ маленькихъ звѣрковъ употребляютъ *плашки* и *стульчики*. Плашка дѣйствительно есть ничто иное, какъ плаха, то есть половина бревна, въ отрубѣ вершковъ четырехъ или пяти, расколотаго посрединѣ. Отрубокъ такой плахи, въ аршинъ или нѣсколько болѣе длиною, гладко вытесанный съ плоской стороны, накладывается на такую же плаху и пригоняется къ ней плотно; потомъ верхняя плаха поднимается на четверть или на полторы и, по извѣстному всѣмъ способу, настораживается сторожкомъ, къ которому привязана прикормка или приманка: опаленная мышь, какая-нибудь птичка или кусокъ ветчиннаго сала съ кожей, также опаленнаго на огнѣ для того, чтобы запахъ прикормки былъ слышнѣе. Задній конецъ плахи имѣетъ продолбленную, продолговатую дыру, сквозь которую проходитъ колышекъ, крѣпко утвержденный въ нижней плахѣ; это сдѣлано съ цѣлью, чтобы задній конецъ верхней плахи не могъ соскочить; разумѣется, верхняя плаха поднимается и опускается на немъ свободно. Звѣрокъ, почуявъ лакомую пищу, подходитъ и хватаетъ ее зубами, сторожекъ соскакиваетъ, верхняя плаха падаетъ и придавливаетъ его.

Стульчикомъ называются двѣ палочки, всегда изъ сырого тальника, каждая слишкомъ аршинъ длиною, которыя кладутся крестъ-на-крестъ и связываются крѣпкою бичевкою; потомъ концы ихъ сгибаются внизъ и также связываются веревочками, такъ что всѣ четыре ножки отстоятъ на четверть аршина одна отъ другой, отъ чего весь инструментъ получаетъ фигуру

четвероножника, связаннаго вверху плотно; во внутренніе бока этихъ ножекъ набиваются волосяные силья, разстояніемъ одинъ отъ другого на полвершка; въ самомъ верху стульчика, въ крестообразномъ его сгибѣ, должна висѣть такая же приманка, какую привязываютъ къ сторожку плахи; приманка бываетъ со всѣхъ сторонъ окружена множествомъ настороженныхъ сильевъ; звѣрокъ, стараясь достать добычу, полѣзетъ по которой-нибудь ножкѣ и непремѣнно попадетъ головой въ силокъ; желая освободиться, онъ спрыгнетъ внизъ и повиснетъ, удавится и запутается въ сильяхъ даже всѣми ногами. Впрочемъ случается иногда, что онъ сначала попадаетъ лапкой, и въ такомъ случаѣ онъ отгрызетъ силокъ. Плашка и стульчикъ становятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ много замѣчено горностаевыхъ и ласкиныхъ слѣдовъ, и гдѣ они отыскиваютъ себѣ добычу. Ласку, извѣстную истребительницу мышей въ гумнахъ съ хлѣбомъ и въ хлѣбныхъ амбарахъ, никогда не должно около нихъ ловить. Ласка, по своему тонкому и длинному стану, имѣетъ возможность пролѣзать въ мышиныя норки, въ самыя узенькія щели и даже въ хлѣбныя клади и копны, а потому мышамъ нѣтъ отъ нея спасенья.

Разставя съ вечера нѣсколько такихъ поставушекъ, на разсвѣтѣ надобно ихъ обойти и всѣ собрать, а въ сумерки, оправивъ все какъ слѣдуетъ и положивъ свѣжей приманки, разставить вновь по другимъ мѣстамъ, какія охотникъ сочтетъ болѣе удобными. Эта охота можетъ продолжаться всю зиму, разумѣется, на лыжахъ, и кромѣ тѣхъ ночей, когда идетъ сильный снѣгъ или *крутитъ буранъ*, выражаясь по-оренбургски. Въ буранную погоду такъ занесетъ поставушки, что ихъ на другой день и не отыщешь. Мнѣ нерѣдко случалось терять мои звѣроловные снаряды, потому что часто съ вечера бываетъ тихо и поставушки поставишь, а къ утру подымется такая мятель, что и самому нельзя носа показать. Впрочемъ, простое устройство этихъ снастей даетъ возможность въ одинъ день замѣнить потерянныя новыми.

Кажется, что можно найти привлекательнаго въ этой охотѣ? Но именно въ томъ состоитъ тайна всѣхъ охотъ, что ихъ нельзя объяснить и опредѣлить. То, что покажется неохотнику смѣшно, скучно и нелѣпо,—горячитъ, тревожитъ и радостно волнуетъ сердце охотника. Я самъ съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ горячо нѣкогда охотился за маленькими звѣрками. Разставивъ десятка полтора

разныхъ поставушекъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ добыча казалась вѣроятною, воротясь поздно домой усталый, измученный отъ ходьбы на лыжахъ—не вдругъ заснешь, бывало, воображая, что можетъ быть въ эту минуту хорекъ, горностай или ласка попала въ какую-нибудь поставушку, попала какъ-нибудь неловко и потому успѣетъ вырваться въ продолженіе зимней, долгой ночи. Рано проснешься поутру, одѣнешься задолго до свѣта и съ тревожнымъ нетерпѣніемъ дожидаешься зари; наконецъ пойдешь, и къ каждой поставушкѣ подходишь съ сильнымъ біеніемъ сердца, издали стараясь разсмотрѣть, не спущенъ ли самострѣлъ, не уронена ли плашка, не запутался ли кто-нибудь въ сильяхъ, и когда въ самомъ дѣлѣ попалась добыча, то съ какой, бывало, радостью и торжествомъ возвращаешься домой, снимаешь шкурку, распяливаешь и сушишь ее у печки, и потомъ повѣсишь на стѣну у своей кровати, около которой въ продолженіе зимы набиралось и красовалось иногда десятка три разныхъ шкурокъ.

Я ничего не сказалъ о ловлѣ норокъ, потому-что мнѣ не удавалось самому ловить ихъ; но я видѣлъ, какъ добывали ихъ другіе охотники: они ставили по берегамъ рѣкъ, на которыхъ много было норкиныхъ слѣдовъ, маленькіе капканы, для чего разрывали небольшую ямку въ снѣгу, а если снѣгъ мелокъ, то въ пескѣ или землѣ берега; въ первомъ случаѣ, капканъ засыпался слегка снѣгомъ, а въ послѣднемъ—сухими листочками. Недавно увѣряли меня, что норка питается не одною рыбою, а кушаетъ и мясо. Норку застали очень рано поутру у кухни и гнались за нею до рѣки, въ которую она будто бы бросилась и нырнула. Изъ этого вывели заключеніе, что норка приходила къ кухнѣ, стоящей на довольно большой горѣ, не для ловли рыбы. Я нѣсколько усумнился и говорилъ объ этомъ съ самымъ опытнымъ звѣроловомъ, который тридцать лѣтъ ловилъ норокъ капканами и знаетъ наизусть образъ ихъ жизни. Онъ увѣряетъ, что видѣли хорька вмѣсто норки, который вѣроятно бросился не въ рѣку, а подъ берегъ, гдѣ у него была нора; норка же, по его увѣренію, никогда къ человѣческому жилью не подходитъ.

КАПКАННЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ.

Ловля звѣрей капканами распространена по всей Россіи, кромѣ губерній южныхъ, гдѣ снѣгу бываетъ мало или вовсе не бываетъ. Я стану говорить собственно объ Оренбургскомъ краѣ и сосѣдственныхъ ему губерніяхъ на сѣверъ. Въ этихъ мѣстахъ рѣдко можно найти деревушку, въ которой бы не было хотя одного капканщика; во многихъ же большихъ селеніяхъ, почти въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ есть охотникъ, а иногда и два. Капканами ловится преимущественно заяцъ, потомъ лиса и волкъ. Я слыхалъ, что въ Вятской и Пермской губерніяхъ ловили прежде огромными капканами медвѣдей и россомахъ: но больше я ничего не знаю объ этой интересной охотѣ. И такъ, обращаюсь къ знакомому мнѣ предмету.

Я не стану описывать простого, всѣмъ извѣстнаго механизма капкановъ. Они бываютъ двухъ сортовъ: большіе и малые, круглые и четвероугольные, волчьи и заячьи; первые почти втрое больше послѣднихъ. Лиса обыкновенно ловится заячьими капканами; собственно же для нея особенной снасти, средней величины, не знаю почему, не дѣлаютъ, а это было бы не дурно; иногда попадается лиса и въ волчьи капканы. Я видалъ маленькіе капканчики для мелкихъ звѣрковъ, но ихъ надобно было дѣлать на заказъ. Теперь ихъ стали приготовлять больше.

Волковъ и лисъ добываютъ слѣдующимъ образомъ: еще съ осени, по-голу, не позже половины октября, на открытыхъ мѣстахъ около большого лѣса, или въ мелкомъ лѣсу, въ перелѣскахъ, вообще гдѣ чаще видаютъ лисъ и волковъ,— кладутъ притравы, то-есть: бросаютъ ободранную лошадь или корову, для того, чтобъ волки и лисы заблаговременно привыкли ихъ кушать; впрочемъ для этого пригодна всякая па-

даль или дохлая скотина. Какъ скоро привада будетъ съѣдена, то вмѣсто нея кладутъ другую, и если зима становится поздно, то случается положить и третью. Когда выпадетъ снѣгъ порядочной глубины, то-есть, четверти въ полторы или двѣ, и волки, продолжая ходить на притраву, почти всегда по однимъ и тѣмъ же слѣдамъ, набьютъ тропы—наступаетъ время ставить капканы. Это случается, по большей части, около зимняго Николы. Надобно замѣтить, что волки ходятъ на притраву цѣлымъ обществомъ, или выводками, которые отъ трехъ и четырехъ простираются до восьми и девяти штукъ, а лиса—всегда въ одиночку. Звѣроловъ заранѣе объѣзжаетъ верхомъ всѣ мѣста около привады или притравы; осматриваетъ волчьи и лисьи тропы и назначаетъ мѣста, гдѣ ставить капканы; потомъ, также верхомъ, отправляется для ихъ постановки. Ѣздить верхомъ потому необходимо, что только конскаго слѣда звѣрь не боится; охотники увѣряютъ, что если подъѣдешь къ привадѣ на саняхъ и, еще хуже, подойдешь пѣшкомъ, то волки и лисы перестанутъ ходить на притраву. И такъ, звѣроловъ, взявъ съ собою нѣсколько капкановъ, отправляется верхомъ на свой промыселъ. Не доѣзжая шаговъ ста до притравы, онъ привязываетъ лошадь гдѣ-нибудь къ дереву или кусту, беретъ одинъ изъ капкановъ и деревянную лопаточку, которая служитъ ему единственнымъ орудіемъ для произведенія всѣхъ работъ, какъ мы увидимъ послѣ. Обувь охотника должна быть чиста и не издавать никакого запаха, навознаго или дегтярнаго, и потому лучше употреблять свѣжіе незаношенные лапти и онучи, чѣмъ сапоги; руки и рукавицы или варишки звѣролова также должны быть чисты. Подойдя къ мѣсту, то-есть къ тропѣ, охотникъ, наклонясь какъ можно дальше впередъ, но не становясь обѣими ногами вмѣстѣ, очерчиваетъ лопаточкой четвероугольникъ на самой бойкой тропѣ, такъ, чтобы тропа приходилась по срединѣ, бережно снимаетъ пластъ снѣга почти до самой земли и, сохраняя по возможности фигуру волчьихъ слѣдовъ, кладетъ пластъ снѣга позади себя, на свой собственный слѣдъ; на очищенномъ мѣстѣ, котораго величина должна быть соразмѣрна величинѣ снасти, онъ ставитъ капканъ съ его полотномъ, разводитъ дуги, настораживаетъ ихъ, и потомъ достаетъ, также позади себя, чистаго снѣгу и бережно съ лопаточки засыпаетъ имъ капканъ, такъ, чтобы снѣжная поверхность была совершенно ровна; и на этомъ пушистомъ снѣгу, угломъ или концомъ

рукоятки той же лопаточки, искусно выдѣлываетъ тропу волчьихъ слѣдовъ, копируя снятый имъ съ этого мѣста слѣдъ. Все это надо такъ мастерски устроить, чтобы острое зрѣніе звѣря ничего не могло замѣтить, и тонкое его чутье ничего не могло услышать; однимъ словомъ, чтобы мѣсто, съ поставленнымъ капканомъ и поддѣланною на немъ волчьей тропою, было совершенно похоже на окружающую его мѣстность. Потомъ охотникъ начинаетъ отступать задомъ, становясь ногою въ свой прежній слѣдъ и засыпая его, по мѣрѣ отступленія, также свѣжимъ, пушистымъ снѣгомъ; отойдя такимъ образомъ саженъ двадцать и болѣе, онъ возвращается къ своей лошади, уже не засыпая своихъ слѣдовъ; садится опять верхомъ, ставитъ другой капканъ, третій, и даже гораздо болѣе, смотря по числу волчьихъ тропъ и слѣдовъ, идущихъ къ притравѣ съ разныхъ, иногда противуположныхъ сторонъ. Я знавалъ такихъ мастеровъ ставить капканы, что безъ удивленія нельзя было смотрѣть на поддѣланныя ими звѣриныя тропы и засыпанные собственные слѣды. Вся работа производилась при моихъ глазахъ лопаточкой, и на другой день я самъ не узнавалъ и не находилъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были поставлены капканы. Точно такимъ же образомъ ставятъ заячьи капканы на лисьихъ тропахъ, проложенныхъ къ притравѣ или къ какому-нибудь другому мѣсту, куда лиса повадилась ходить за своей добычей; предосторожности наблюдаются тѣ же. Въ старину, какъ разсказывали мнѣ тоже старые охотники, къ волчьимъ капканамъ привязывали веревку съ чурбаномъ или рычагомъ для того, чтобы попавшійся волкъ, задѣвая ими за кочки, кусты и деревья, скорѣе утомлялся и не могъ уходить далеко; но потомъ этотъ способъ былъ совершенно оставленъ: ибо, кромѣ хлопотъ зарывать въ снѣгъ веревку и чурбанъ, они оказывались безполезными; волкъ перегрызалъ веревку—и охотники начали ставить капканы, на волковъ и лисъ, ничего къ нимъ не привязывая. Впослѣдствіи, по примѣру *верховыхъ* [1]) охотниковъ, ввели въ употребленіе капканы съ желѣзной цѣпью и якоремъ, и это много облегчило отыскиванье и убой попавшагося звѣря; впрочемъ, капканы заячьи (они же и лисьи) ставятся безъ всякой привязки, отъ чего лисы иногда довольно далеко уходятъ и тѣмъ утомляютъ

---

[1]) Верховыми называются тѣ охотники, которые живутъ въ верховьяхъ Волги.

охотниковъ. Волкъ попадаетъ всегда одной ногой; лиса же изрѣдка двумя; это случается, когда она прыгаетъ, скачетъ, а не бѣжитъ рысью или не идетъ тихой ходою. Лисъ часто ловятъ на заячьихъ тропахъ, потому-что онѣ слѣдятъ зайцевъ и ловятъ ихъ, какъ борзыя собаки. Заячьи капканы на зайцевъ становятся точно также на тропахъ, но нѣсколько съ меньшими предосторожностями. Заячій слѣдъ поддѣлывается иногда отрубленной и высушенной заячьей лапкой, но по большей части тою же лопаточкой. Заяцъ попадаетъ довольно часто двумя ногами, а изрѣдка и тремя; бываютъ примѣры, что заяцъ умудряется попасть лапкой и рыльцомъ; одинъ разъ мнѣ случилось видѣть, что заяцъ попалъ въ капканъ одною переднею и одною заднею ногой: это еще мудренѣе. Вообще зайцы не уходятъ далеко съ капканами, хотя бы попали одною заднею ногой.

Бывали примѣры, что если волки ходятъ на приваду стаей, и одинъ изъ нихъ попадетъ въ капканъ, то всѣ другіе бросаются на него, разрываютъ въ куски и даже съѣдаютъ, такъ что на большомъ, утолоченномъ и окровавленномъ пространствѣ снѣга останется только лапа въ капканѣ да клочки кожи и шерсти: это особенно случается около святокъ, когда наступаетъ извѣстное время течки. Если волкъ попадетъ заднею ногою, то уноситъ капканъ дальше; но если переднею и высоко, то уходитъ не далеко. Пойманнаго въ капканъ волка, особенно безъ цѣпи и якоря, [1]) иногда бываетъ трудно убить и еще труднѣе взять живьемъ; отчаянное положеніе волка приводитъ его въ бѣшенство, и тогда онъ дѣлается опаснымъ. Смѣлость и горячность многихъ охотниковъ въ такихъ случаяхъ по истинѣ изумительны! Съ дубинкой или палкой въ рукѣ, охотникъ, всегда одинъ, преслѣдуетъ звѣря иногда по нѣскольку верстъ: задыхаясь отъ усталости, обливаясь пóтомъ, онъ нерѣдко бросаетъ шапку, рукавицы, тулупъ, и въ одной рубахѣ, не смотря на сильный морозъ, не отстаетъ отъ волка и не даетъ ему вздохнуть; онъ старается загнать звѣря въ лѣсъ, потому-что тамъ онъ задѣваетъ капканомъ за пеньки и деревья и иногда такъ завязнетъ въ нихъ, что не можетъ пошевельнуться съ мѣста; тогда охотникъ уже смѣло

---

[1]) Въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ многіе охотники до сихъ поръ ставятъ волчьи капканы безъ всякой привязки; доставать цѣпь и якорь хлопотливо и дорого.

бросается на свою добычу и нѣсколькими ударами по головѣ убиваетъ волка; но никогда не должно приближаться къ нему на чистомъ мѣстѣ. Много бываетъ примѣровъ, что даже по рѣдколѣсью волкъ въ капканѣ, преслѣдуемый близко охотникомъ, выбравши какую-нибудь полянку, вдругъ оборачивается назадъ, бросается на охотника и наноситъ ему много жестокихъ ранъ, даже на груди и на шеѣ: въ такомъ опасномъ случаѣ надобно зарѣзать волка ножомъ, который не худо имѣть охотнику на своемъ поясѣ. Въ лѣсу волкъ не можетъ этого сдѣлать. Онъ будетъ цѣпляться капканомъ за деревья, да и охотникъ можетъ прятаться отъ него за всякимъ стволомъ большого дерева. Замѣчательно, что многіе охотники спасались въ самыхъ отчаянныхъ случаяхъ отъ нападающаго волка—вдругъ крикнувъ на него грознымъ голосомъ: «Прочь! куда ты? пошелъ назадъ, ступай своей дорогой!...» или что-нибудь подобное. Я слышалъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ, старыхъ и опытныхъ охотниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что употребленіе капкановъ съ цѣпью и якоремъ очень много способствуетъ безопасности охотника; но волка, попавшаго въ капканъ, взять живьемъ—это уже другая исторія. Это не то, что звѣрь, загнанный въ степи до такой усталости, что едва переводитъ дыханіе (о чемъ будетъ разсказано послѣ): съ такимъ волкомъ можетъ человѣкъ дѣлать что ему угодно. Живого волка въ капканѣ берутъ двое и даже трое охотниковъ: утомивъ предварительно и потомъ нагнавъ волка близко, одинъ изъ охотниковъ просунетъ длинный рычагъ подъ дугу капкана, прижметъ къ землѣ и такимъ образомъ совершенно остановитъ звѣря; другой бросаетъ ему на шею мертвую петлю и затягиваетъ, а третій сзади хватаетъ волка за уши; тогда первый охотникъ, бросивъ рычагъ, связываетъ волку ротъ крѣпкой веревочкой, или надѣваетъ намордникъ и завязываетъ позади головы на шеѣ. Послѣ того можно вести или тащить его на веревкѣ куда угодно. Живыхъ волковъ добываютъ для травли собаками.

Очень странно, что волкъ почти никогда не отвертываетъ, не отрываетъ своей ноги, завязшей въ капканѣ, несмотря на отчаянныя усилія, которыя онъ для того употребляетъ. Онъ нарочно задѣваетъ капканомъ за дерево или кустъ, мечется и вертится во всѣ стороны; даже зайцу иногда удается оторвать ногу, а лисѣ очень часто. Лиса, будучи вообще смирною въ капканѣ, какъ разъ переломитъ ногу въ са-

момъ томъ мѣстѣ, гдѣ она сжата капканными дугами, потомъ перетретъ кожу и, оставивъ свою лапу въ капканѣ, всегда повыше перваго позвонка, — преблагополучно уходитъ. Псовымъ охотникамъ случалось затравливать лисъ о трехъ ногахъ, которыя, по ихъ словамъ, бѣжали очень рѣзво.

Зайцевъ капкапами ловятъ великое множество, по большей части бѣляковъ, но довольно добывается и русаковъ. Тропъ русачьихъ нѣтъ, потому-что они живутъ по открытымъ степямъ и горамъ, гдѣ никакіе кусты и деревья не заставляютъ ихъ ходить по одному и тому же мѣсту; но за то русаки иногда имѣютъ довольно постоянныя денныя лежки въ выкопанныхъ ими небольшихъ норахъ, въ снѣжныхъ сугробахъ или въ норахъ сурочьихъ: тутъ натаптываются нѣкоторымъ образомъ такія же тропы, какъ и въ лѣсу, и на нихъ-то ставятъ капканы; но по большей части ловятъ русаковъ на крестьянскихъ гумнахъ, куда ходятъ они и зимою кушать хлѣбъ, пролѣзая для того, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, сквозь прясла гуменнаго забора, или перескакивая черезъ него, когда онъ почти до верху занесенъ снѣгомъ. На этихъ-то прыжкахъ, или пролѣзаньяхъ сквозь прясла, всего вѣрнѣе ставить капканы. Если около гуменъ находится по близости болотистая урема или лѣсъ, то и бѣляки посѣщаютъ гумна, отъ чего дѣлаются очень жирны; но никогда не могутъ сравняться съ русаками, которые до того отъѣдаются, что матерые имѣютъ вѣсу до тридцати пяти фунтовъ.

Само собою разумѣется, что чѣмъ больше поставлено капкановъ, тѣмъ больше попадетъ зайцевъ; но должно признаться, что это работа хлопотливая и медленная, такъ что въ короткій зимній день трудно поставить болѣе пятнадцати капкановъ. Жестокіе оренбургскіе бураны такъ иногда заносятъ ихъ, что привычный и замѣтливый глазъ хозяина не вдругъ найдетъ мѣсто, гдѣ были поставлены его снасти: иногда охотникъ даже теряетъ ихъ и находитъ уже весной, да и то не всегда.

Заячьими капканами ловятъ норокъ по берегамъ рѣкъ. Изрѣдка ловятъ и куницъ, ставя капканы на толстыхъ древесныхъ сучкахъ и пришивая, для прикормки, кусокъ какого-нибудь мяса къ полотну капкана; куница, попавъ въ него, падаетъ вмѣстѣ съ нимъ на снѣгъ, и охотникъ сейчасъ найдетъ ее по слѣду.

Во время оттепели и мокраго снѣга капкановъ не ставятъ, потому-что снѣгъ прилипаетъ къ снастямъ и пружины ихъ оттого дѣйствуютъ слабо; послѣ же мятели или выпавшаго снѣга всѣ снасти надобно осмотрѣть и вновь переставить.

Когда снѣгъ углубѣетъ, то заячьи капканы ставятъ на лыжахъ; но къ волчьимъ и лисьямъ капканамъ, то-есть къ мѣстамъ, на которыхъ они ставятся, на лыжахъ не подходятъ. Лыжи необходимы для преслѣдованія попавшаго волка, если снѣгъ уже глубокъ.

Хотя я хаживалъ на эту охоту только за зайцами и всегда съ опытными мастерами, но никогда не умѣлъ ставить хорошо капканы, и въ мои снасти какъ-то звѣрь мало попадалъ. У меня не доставало терпѣнія для отчетливой медленной работы, требующей много времени и аккуратности, и я долженъ признаться, что ходьба по снѣгу пѣшкомъ или на лыжахъ, въ зимнюю стужу, мнѣ не очень нравилась. Но обходить поставленные капканы и вынимать попавшуюся добычу я очень любилъ.

ГОНЬБА ЛИСЪ И ВОЛКОВЪ.

Я упомянулъ въ своихъ «Запискахъ ружейнаго охотника» о томъ, что по первому снѣгу, довольно глубокому, добычливые охотники, въ Оренбургской губерніи, заганиваютъ, верхомъ на лошадяхъ, лисъ и волковъ и убиваютъ ихъ безъ помощи собакъ и огнестрѣльнаго оружія. Эта охота, которая можетъ быть производима только въ открытыхъ поляхъ или степяхъ, безъ сомнѣнія многимъ вовсе неизвѣстна; а кто и слыхалъ о ней, тотъ также не имѣетъ настоящаго понятія о сущности дѣла, если оно не было сообщено ему участникомъ въ охотѣ или, по крайней мѣрѣ, самовидцемъ. Я разскажу все, что знаю: что видѣлъ своими глазами и что слыхалъ отъ опытныхъ, настоящихъ охотниковъ.

Какъ скоро, въ началѣ зимы, выпадетъ такъ называемая «густая пороша», то-есть: выпадетъ снѣгъ глубиною отъ полуторы до двухъ съ половиною четвертей,—наступаетъ удобное время для гоньбы звѣря, потому-что глубина снѣга лишаетъ его возможности долго бѣжать, а для лошади рыхлый снѣгъ, въ двѣ четверти, ничего не значитъ. Для успѣшной охоты достаточно двухъ верховыхъ, а болѣе трехъ уже и не нужно. Въ случаѣ необходимости, даже одинъ охотникъ на доброй лошади, если мѣстность удобна, можетъ загнать не одну лису, несмотря на краткость осенняго или зимняго дня; но волка загнать одному охотнику почти невозможно; примѣры бываютъ—за то считаются великою рѣдкостью. Цѣль этой охоты состоитъ въ томъ, чтобы гнаться за звѣремъ верхомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ, выбившись изъ силъ, не въ состояніи будетъ сдѣлать ни одного прыжка,—и тогда убить его арапникомъ, дубинкой или взять его живьемъ. Преимущественно успѣхъ зависитъ отъ легкости, нестомчивости и неспотыкливости ло-

шади и отъ крѣпости силъ и ловкости охотника. Другое, не менѣе важное условіе успѣха состоитъ въ томъ, чтобъ снѣгъ былъ ровенъ, рыхлъ и пушистъ: какъ скоро сдѣлаются хотя маленькіе *удулы*, [1]) или осадка, или настъ — гоньба невозможна: тогда, если не вездѣ, то по мѣстамъ, снѣгъ будетъ поднимать звѣря, а лошадь, напротивъ, станетъ вездѣ проваливаться и даже рѣзать себѣ ноги. Хотя это добыванье звѣря очень утомительно, но я видалъ много страстныхъ охотниковъ, большею частью изъ простого народа, предпочитавшихъ гоньбу травлѣ звѣрей борзыми собаками. [2]) Быстрая скачка на рѣзвой лошади, по необозримому пространству, за убѣгающимъ хищнымъ звѣремъ, сильно разгорячаетъ охотника и онъ приходитъ въ какое-то вдохновенное состояніе, въ самозабвеніе. Вольною птицей носясь по полямъ и долинамъ, по горамъ и оврагамъ, охотникъ безвредно мчится по такимъ неудобнымъ и даже опаснымъ мѣстностямъ, по какимъ онъ не вдругъ бы рѣшился скакать въ спокойномъ состояніи духа. Охотники любятъ такія минуты волненія, да и кто же не любитъ сильныхъ впечатлѣній?...

Въ гонкѣ лиса гораздо слабѣе волка. Волкъ можетъ бѣжать безъ отдыха отъ десяти до пятнадцати верстъ; за то, остановившись, онъ падаетъ совершенно обезсиленный, ткнется рыломъ въ снѣгъ, и съ нимъ можно дѣлать что угодно: ему надо много времени, чтобы отдохнуть. Лиса напротивъ заганивается на двухъ, много на трехъ верстахъ; даже на одной верстѣ высунется у нея языкъ, она начнетъ оглядываться, искать возможности какъ-нибудь прилечь, чтобъ отдохнуть хотя на одну минуту, и если это будетъ удаваться ей, то силы ея подкрѣпятся, она снова пускается въ бѣгъ и саженъ сто бѣжитъ очень рѣзво. Прятаться она такая мастерица, что во

[1]) Удуломъ называется, въ Оренбургской губерніи, снѣгъ, сметаемый, придуваемый вѣтромъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ, отъ чего образуются крѣпкія, снѣжныя возвышенности и даже бугры.

[2]) Я знаю, что никто изъ псовыхъ охотниковъ не согласится съ этимъ; знаю, что они смотрятъ съ презрѣніемъ на гоньбу звѣрей, что они хотятъ ихъ травить, а не добывать, хотятъ любоваться рѣзвостью, поимчивостью собакъ, и проч. и проч. Все это справедливо; но о вкусахъ въ охотѣ спорить не должно; скажу только, что продолжительной, упорной скачки несравненно больше въ гоньбѣ, чѣмъ въ травлѣ, что въ гоньбѣ охотникъ дѣйствуетъ самостоятельнѣе, обходясь безъ помощи собакъ и ружья, и что, по словамъ многихъ, въ то же время псовыхъ охотниковъ, гоньба за звѣремъ въ одиночку горячитъ больше травли.

всякомъ овражкѣ или кустикѣ такъ плотно заляжетъ, что охотникъ можетъ проскакать мимо и дастъ ей время перевесть духъ.

Охота производится слѣдующимъ образомъ: какъ скоро ляжетъ густая пороша, двое или трое охотниковъ, верхами на добрыхъ не задушливыхъ коняхъ, [1]) вооруженные арапниками и небольшими дубинками, отправляются въ поле, разумѣется, рано утромъ, чтобы вполнѣ воспользоваться короткимъ осеннимъ днемъ: наѣхавъ на свѣжій лисій нарыскъ или волчій слѣдъ, они съѣзжаютъ звѣря; когда онъ поднимается съ логова, одинъ изъ охотниковъ начинаетъ его гнать, преслѣдовать неотступно, а другой, или другіе охотники, если ихъ двое, *мастерятъ,* то-есть, скачутъ стороною, не допуская звѣря завалиться въ островъ (отъемный лѣсъ), если онъ случится по близости, или не давая звѣрю притаиться въ крѣпкихъ мѣстахъ, какъ-то: рытвинахъ, овражкахъ, сурчинахъ и буеракахъ, поросшихъ кустарникомъ. Охотники иногда пересѣкаютъ ему путь, иногда заѣзжаютъ на встрѣчу, зная заранѣе по мѣстности, куда побѣжитъ звѣрь, и нерѣдко поворачиваютъ его такъ, что иногда лиса, особенно волкъ, кружится на одномъ и томъ же пространствѣ, пробѣгая его нѣсколько разъ взадъ и впередъ. Впрочемъ, это дѣлается преимущественно съ волкомъ, который можетъ пробѣжать большое разстояніе; съ лисой же надобно только наблюдать, чтобъ она не залегла гдѣнибудь и не отдохнула. Лошадь того охотника, который гонитъ звѣря по пятамъ, по всѣмъ извилинамъ и поворотамъ его бѣга, разумѣется, должна гораздо скорѣе устать, и тогда товарищъ его смѣняетъ: первый начинаетъ мастерить, а второй гнать. Въ отношеніи къ волку надобно наблюдать слѣдующее правило: какъ скоро онъ начнетъ бѣжать тише, такъ что не трудно смять его лошадью, не должно подскакивать къ нему слишкомъ близко. Матерой или старый волкъ, не лишенный еще силъ, можетъ кинуться на лошадь; бывали примѣры, что волкъ бросался на шею лошади и жестоко ее ранилъ своими клыками, даже кусалъ за ноги охотника. Въ такомъ случаѣ, не теряя присутствія духа и времени, надобно прибѣгнуть къ арапнику или дубинкѣ. Волкъ боится даже *лучка*, какъ говоритъ народъ, то-есть: боится, когда человѣкъ замахнется на него, какъ-будто хочетъ *лукнуть*, бросить что-нибудь, и рѣдко

[1]) Въ Оренбургской губерніи много есть лошадей, выведенныхъ отъ башкирскихъ матокъ и заводскихъ жеребцовъ; эта порода отлично хороша вообще для охоты и въ особенности для гоньбы за звѣремъ.

случается, чтобъ волкъ въ первое мгновеніе не отскочилъ отъ человѣка. [1]) Удара арапникомъ или дубинкой будетъ достаточно, чтобъ усталый и напуганный звѣрь пустился опять на утекъ. Въ отношеніи же къ лисѣ никакъ не должно полагаться на то, что она приляжетъ и какъ-будто растянется на снѣгу, а надобно сейчасъ попробовать поднять ее хлопаньемъ арапника; потому-что въ то время, какъ охотникъ, подскакавъ къ ней, бросится съ лошади, лиса вскочитъ и сначала побѣжитъ очень проворно, освѣженная минутнымъ отдыхомъ, чѣмъ выиграетъ передъ у охотника и можетъ куда-нибудь спрятаться. Вообще брать загнанную лису живьемъ надобно осторожно: она кусается гораздо чаще, чѣмъ волкъ.—Наконецъ преслѣдуемый звѣрь утомится совершенно, выбьется изъ силъ и ляжетъ окончательно, или вѣрнѣе сказать, упадетъ, такъ что приближеніе охотника и близкое хлопанье арапникомъ его не поднимаетъ; тогда охотникъ, наскакавъ на свою добычу, проворно бросается съ сѣдла и дубинкой убиваетъ звѣря; если же нужно взять его живьемъ, то хватаетъ за уши или за загривокъ поближе къ головѣ и, съ помощью другого охотника, который немедленно подскакиваетъ, надѣваетъ на волка или лису *намордникъ*, родъ уздечки изъ крѣпкихъ бичевокъ; звѣрь взнуздывается, какъ лошадь, веревочкой, свитой пополамъ съ конскими волосами; эта веревочка углубляется въ самый зѣвъ, такъ что онъ не можетъ перекусить ее, да и вообще кусаться не можетъ; уздечка крѣпко завязывается на шеѣ, близъ затылка, и соскочить никакъ не можетъ; уздечка, разумѣется, привязана къ веревкѣ, на которой можно вести звѣря или тащить куда угодно. Живыхъ лисъ и волковъ достаютъ для того, чтобы притравливать на нихъ молодыхъ собакъ, которыя иногда не берутъ этихъ звѣрей: волка—потому, что онъ силенъ и жестоко кусается, а лису—потому, что она отыгрывается отъ молодыхъ собакъ, которыя по неопытности принимаютъ ее за такую же, какъ онѣ, собаку и начинаютъ съ нею играть; лиса же, при первой удобной мѣстности, отъ нихъ скрывается и уходитъ; разумѣется, эта хитрость не обманетъ старыхъ вловившихся собакъ.

Есть такіе ловкіе охотники, которые въ одиночку загониваютъ лису и приводятъ ее живую на веревкѣ. При такой одиночной охотѣ, загнавъ лису, надобно лѣвою рукою держать ее за уши, а правою надѣть на нее намордникъ.

---

[1]) Многіе звѣроловы съ этимъ не согласны.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О
О СУЕВѢРІЯХЪ И ПРИМѢТАХЪ ОХОТНИКОВЪ.

Извѣстное дѣло, что охотники-простолюдины — всѣ безъ исключенія суевѣрны, суевѣрны гораздо болѣе, чѣмъ весь остальной народъ, и, мнѣ кажется, не трудно найти тому объясненіе и причину: постоянное, по большей части уединенное, присутствіе при всѣхъ явленіяхъ, совершающихся въ природѣ, таинственныхъ, часто необъяснимыхъ и для людей образованныхъ и даже ученыхъ, — непремѣнно должно располагать душу охотника къ вѣрѣ въ чудесное и сверхъестественное. Человѣкъ не любитъ оставаться въ неизвѣстности: видя или слыша что-нибудь необъяснимое для него очевидностью, онъ создаетъ себѣ фантастическія объясненія и передаетъ другимъ съ нѣкоторою увѣренностью; тѣ, принимая ихъ съ теплою вѣрою, добавляютъ собственными наблюденіями и заключеніями — и вотъ создается множество фантазій, иногда очень остроумныхъ, граціозныхъ и поэтическихъ, иногда нелѣпыхъ и уродливыхъ, но всегда оригинальныхъ. Я увѣренъ, что охотники первые начали созиданіе фантастическаго міра, существующаго у всѣхъ народовъ. Первый слухъ о лѣшемъ пустилъ въ народъ, вѣроятно, лѣсной охотникъ; водяныхъ дѣвокъ или чертовокъ [1]) замѣтилъ рыбакъ; волковъ-оборотней открылъ звѣроловъ. Я уже гово-

---

[1]) Въ Оренбургской, а равно Казанской и Симбирской губерніяхъ, народъ не знаетъ слова „русалка“.

рилъ въ моихъ «Запискахъ ружейнаго охотика», что въ большихъ лѣсахъ, пересѣкаемыхъ глубокими оврагами, въ тишинѣ вечернихъ сумерекъ и утренняго разсвѣта, въ безмолвіи глубокой ночи, крикъ звѣря и птицы и даже голосъ человѣка измѣняются и звучатъ другими, какими-то странными, неслыханными звуками; что ночью слышенъ не только тихій ходъ лисы или прыжки зайца, но даже шелестъ маленькихъ звѣрковъ. Весьма естественно, что какой-нибудь охотникъ, застигнутый ночью въ лѣсу, охваченный чувствомъ непреодолимаго страха, который невольно внушаетъ темнота и тишина ночи, услыхавъ дикіе звуки, искаженно повторяемые эхомъ лѣсныхъ овраговъ, принялъ ихъ за голосъ сверхъестественнаго существа, а шелестъ приближающихся прыжковъ зайца—за приближеніе этого существа. Крикъ филина и маленькихъ совъ особенной породы, которыхъ онъ слыхалъ, можетъ быть, и прежде, но который не походилъ на слышимые имъ теперь звуки въ лѣсу,—не могъ ли показаться ему и хохотомъ, и стономъ, и воемъ, и чѣмъ угодно? Если же онъ, дрожа и потѣя отъ страха, но подавляемый усталостью, какъ нибудь засыпалъ, или хотя задремывалъ, то безъ сомнѣнія грезилъ во снѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ полонъ и волнуемъ на-яву; дремота даже могла придать болѣе опредѣленности образу неизвѣстнаго существа. Съ первыми лучами солнца, отыскавъ дорогу и возвращаясь домой, онъ чувствовалъ себя какъ-будто изломаннымъ, исщипаннымъ, и увидя свое тѣло, покрытое пятнами, онъ легко могъ приписать ихъ щипанью или щекотанью того же сверхъестественнаго существа. Бѣдняка искусали крупные лѣсные муравьи или другія насѣкомыя; но такое простое объясненіе не приходитъ ему въ голову. А какъ событіе происходило въ лѣсу, то и даетъ онъ имя лѣшаго его таинственному обитателю. Дома разсказываетъ онъ свою чудную повѣсть, показываетъ красныя и синія пятна на своемъ тѣлѣ; воображеніе разскащика и слушателей воспламеняется, дополняетъ картину—и лѣшій или лѣсовикъ получаетъ свое фантастическое существованіе! Постепенно укрѣпляясь въ народномъ вѣдѣніи и вѣрованіи, принимаетъ онъ опредѣленный образъ и черты, иногда очень подробные и разнообразные.

Вода, преимущественно большая, въ позднія сумерки и ранній разсвѣтъ, особенно въ ночное время, производитъ на человѣка такое же дѣйствіе невольнаго страха, какъ и дре-

мучій лѣсъ. Внезапное движеніе и плескъ воды, тогда какъ производящей его рыбы или звѣря, за темнотою, хорошенько разглядѣть нельзя, могло напугать какого-нибудь рыбака, сидящаго съ удочкой на берегу или съ сѣтью на лодкѣ. Шумъ и движеніе въ камышѣ или осокѣ, производимые уткой съ утятами, даже прыгающими лягушками, — могли показаться устрашенному воображенію чѣмъ-то похожимъ на движеніе существа несравненно большаго объема. Выпрыгнувшая изъ воды на берегъ или спрыгнувшая съ берега въ воду порѣчина, мелькнувшая неяснымъ, темнымъ призракомъ, могла отразиться въ его воображеніи чѣмъ-то похожимъ на образъ человѣческій. У *страха глаза велики*, говоритъ пословица, и почему же круглому, тупому рылу сома, высунувшемуся на поверхность воды и быстро опять погрузившемуся — не показаться за человѣческую голову, которая всплывала на одно мгновенье? Почему остроконечный носъ и голова щуки или жериха не могли показаться локтемъ руки или какимъ-нибудь человѣческимъ членомъ? Точно также, какъ разсказывалъ лѣсной охотникъ о своихъ ночныхъ страхахъ и видѣніяхъ въ лѣсу, разсказываетъ и рыбакъ, въ своей семьѣ, о томъ, что видѣлъ на водѣ; онъ встрѣчаетъ такую же вѣру въ свои разсказы, и такое же воспламененное воображеніе создаетъ таинственныхъ обитателей водъ, называетъ ихъ русалками, водяными дѣвками или чертовками, дополняетъ и украшаетъ ихъ образы и отводитъ имъ законное мѣсто въ мірѣ народной фантазіи; но какъ жители водъ, то-есть рыбы — нѣмы, то и водяныя красавицы не имѣютъ голоса. [1]) Нельзя ли такимъ образомъ объяснить происхожденіе и другихъ народныхъ суевѣрій? Впрочемъ, изслѣдованіе этого интереснаго предмета до меня не касается. Я упомянулъ о немъ только для того, чтобы объяснить, отъ чего охотники суевѣрнѣе другихъ людей.

Вѣроятно, на основаніи такихъ суевѣрныхъ понятій, развилось множество примѣтъ и вѣра въ колдовство, которыми заражены болѣе или менѣе всѣ охотники-простолюдины. Въ Оренбургской губерніи, которая извѣстна мнѣ болѣе другихъ, я замѣтилъ странное явленіе: колдуновъ тамъ довольно, особенно между Мордвами и Чувашами, но суевѣрныхъ примѣтъ

---

[1]) Такъ утверждаетъ по крайней мѣрѣ народъ въ Оренбургской губерніи.

очень мало; разумѣется, это отразилось и на охотникахъ. [1]) Вѣра ихъ въ колдовство, относительно охоты, состоитъ въ томъ, что колдуну приписывается умѣнье заговаривать ружья и всякія звѣроловныя и рыболовныя снасти. Заговоренное ружье или будетъ осѣкаться, какъ бы ни были хороши кремень и огниво, или будетъ бить такъ слабо, что птица станетъ улетать, а звѣрь — уходить, несмотря на полученныя раны; или ружье станетъ бить просто мимо, отъ разлетающейся во всѣ стороны дроби. Въ заговоренныя снасти звѣрь не пойдетъ, а если пойдетъ и попадетъ, то онѣ его не удержатъ. Само собою разумѣется, что колдунъ можетъ произвести и противное тому дѣйствіе, то-есть: пули и дробь станутъ непремѣнно попадать въ цѣль и наносить смертельныя раны; рыба, звѣрь и птица повлекутся невѣдомою силою въ сѣти и снасти и, попавшись, никакъ не освободятся. Ружейные охотники и звѣроловы, ходящіе за краснымъ звѣремъ, всегда обращаются къ колдуну, если онъ есть гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ и пользуется славой; они даютъ ему заговаривать или наговаривать на пули, картечь и жеребья, а также и на свои снасти, преимущественно на капканы. Колдуны средней руки, признавая себя не довольно знающими, чтобы производить вышесказанныя дѣйствія, берутся заговаривать ружья и снасти только для предохраненія ихъ отъ заговора другого колдуна, болѣе ихъ искуснаго, и охотники считаютъ это необходимымъ.

Увѣренность въ недобромъ глазѣ, какой бываетъ у нѣкоторыхъ людей, преимущественно старухъ и стариковъ, въ способности ихъ «сглазить» или «озѣпать», очень укоренена въ охотникахъ. Они вѣрятъ этой силѣ безусловно и не только сами боятся встрѣчи съ такими людьми, особенно при выходѣ на охоту, но берегутъ отъ нихъ собакъ и ястребовъ, даже прячутъ ружья и всякія звѣроловныя и рыболовныя снасти.

Независимо отъ вѣры въ колдовство, охотники имѣютъ много примѣтъ, которыя бываютъ общими, а иногда исклю-

---

[1]) Нельзя ли объяснить отсутствіе многихъ суевѣрныхъ примѣтъ Оренбургской губерніи сводностью, разнохарактерностью русскаго народонаселенія, утонувшаго, такъ сказать, въ населеніи туземномъ, состоящемъ изъ Башкиръ, Татаръ, Мордвы, Чувашъ и прочихъ? Отъ взаимнаго столкновенія переселенцевъ изъ разныхъ губерній, какъ между собою, такъ и между туземными инородцами, не могли ли потеряться завозныя суевѣрія и примѣты?

чительными, принадлежащими лично одному какому-нибудь охотнику. Общими дурными примѣтами считаются:

1) Встрѣча съ людьми недоброжелательными, по большей части имѣющими будто бы *дурной глазъ*, съ людьми насмѣшливыми (озорниками), вообще съ женщинами и въ особенности съ старухами. Выходя на какую бы то ни было охоту, охотникъ внимательно смотритъ впередъ и, завидя недобрую встрѣчу, сворачиваетъ съ дороги и сдѣлаетъ обходъ стороною или переждетъ, спрятавшись гдѣ-нибудь на дворѣ, такъ чтобы идущая старая баба, или недобрый, или ненадежный человѣкъ—его не увидѣлъ. Если какая бы то ни была женщина, непримѣченная охотникомъ, неожиданно перейдетъ ему поперекъ дорогу, охотникъ теряетъ надежду на успѣшную охоту. нерѣдко возвращается домой и черезъ нѣсколько времени отправляется уже совсѣмъ въ другую сторону, по другой дорогѣ. Женщины знаютъ эту охотничью примѣту, и потому благонамѣренныя изъ нихъ, завидя идущаго охотника, ни за что не перейдутъ ему дорогу, а дождутся, пока онъ пройдетъ или проѣдетъ. Замѣчательно, что эта примѣта до дѣвицъ не касается.

2) Встрѣча съ пустыми телѣгами или дровнями не предвѣщаетъ также успѣшной охоты; тогда какъ, напротивъ, полный возъ хлѣба, сѣна, соломы или чего бы то ни было считается добрымъ предзнаменованіемъ.

3) Крикъ ворона, филина и совы, если охотникъ услышитъ его, идя на охоту, не предвѣщаетъ успѣха.

4) Если кто-нибудь скажетъ охотнику, идущему стрѣлять: «принеси крылышко», звѣролову — «принеси шерстки или хвостикъ», а рыбаку—«принеси рыбьей чешуйки», то охотникъ считаетъ, что охота его въ этотъ день не будетъ удачна. Вышеприведенными мною словами часто дразнятъ охотниковъ нарочно, такъ, ради шутки, за что они очень сердятся и за что нерѣдко больно достается шутникамъ.

Для противодѣйствія дурнымъ встрѣчамъ и предзнаменованіямъ. считается довольно вѣрнымъ средствомъ: охотнику искупаться, собаку выкупать, а ястреба вспрыснуть водою.

5) Есть еще примѣта у нѣкоторыхъ рыбаковъ съ удочкою, что въ ведро, куда предполагается сажать свою добычу, не должно наливать воды до тѣхъ поръ, покуда не выудится первая рыба. Впрочемъ, эта примѣта далеко не общая.

6) Дробины или картечи, вынутыя изъ тѣла убитой птицы

или звѣря, имѣютъ въ глазахъ охотниковъ большую важность: они кладутъ такія дробины или картечи, по одной, въ новые заряды и считаютъ, что такой зарядъ не можетъ пролетѣть мимо.

7) Почти всѣ охотники имѣютъ примѣту, что если первый выстрѣлъ будетъ промахъ, если первая рыба сорвется съ удочки, или ястребъ не поймаетъ первой птицы, то вся охота будетъ неуспѣшна. Это обстоятельство случается нерѣдко съ охотниками запальчивыми, особенно ружейными, не имѣющими даже никакихъ примѣтъ, и случается по причинѣ самой естественной: охотникъ разгорячится, а горячность поведетъ за собой нетерпѣніе, торопливость, невѣрность руки и глаза, несоблюденіе мѣры и — неудачу. Все это обыкновенно приписывается первому промаху. Но вотъ странность: я зналъ одного славнаго ружейнаго охотника, уже не молодого, у котораго была примѣта, что если первый выстрѣлъ будетъ пудель, то охота будетъ задачна и добычлива. Я много разъ бывалъ съ нимъ на охотѣ и долженъ сказать, что опытъ, къ моему удивленію, всегда подтверждалъ его странную примѣту. Этотъ охотникъ добродушно увѣрялъ меня, что нѣсколько разъ пробовалъ нарочно промахнуться первымъ выстрѣломъ, но что въ такомъ случаѣ примѣта оказывалась недѣйствительною. Эта примѣта уже личная, и служитъ только новымъ доказательствомъ, какъ сильно вліяніе мысли на тѣлесныя наши дѣйствія.

Примѣты личныя, или частныя, неисчислимы и не заслуживаютъ особеннаго вниманія, и потому я о нихъ распространяться не стану; разскажу только одинъ забавный примѣръ. Я зналъ старика-охотника, весьма искуснаго стрѣлка, извѣстнаго мастера отыскивать птицу тогда, когда другіе ее не находятъ: онъ ни за что въ свѣтѣ не заряжалъ ружья, не увидѣвъ напередъ птицы или звѣря, отъ чего первая добыча весьма часто улетала или уходила безъ выстрѣла. Этотъ охотникъ былъ увѣренъ, что если зарядитъ ружье дома, или идучи на охоту, то удачи не будетъ; онъ ссылался на множество случившихся съ нимъ опытовъ, но мнѣ не удалось повѣрить его словъ на дѣлѣ.

Ни на что такъ часто не жалуются ружейные охотники, какъ на легкоранность своихъ ружей, которая будто, по временамъ, безъ всякой причины появлялась въ ихъ ружьяхъ, бившихъ прежде крѣпко и сердито. По большей части это

приписывается вредному дѣйствію знахарей, которые портятъ ружья заговорами и естественными средствами. Заговоръ можетъ быть пущенъ даже по вѣтру, слѣдовательно отъ него нѣтъ защиты, и лѣкарства надобно искать у другого колдуна; но если ружье испорчено тѣмъ, что внутренность его была вымазана какимъ-нибудь секретнымъ составомъ (въ существованіи такихъ секретовъ никто не сомнѣвается), отъ котораго ружье стало бить слабо, то къ исправленію этой бѣды считается вѣрнымъ средствомъ змѣиная кровь, которою вымазываютъ внутренность ружейнаго ствола и даютъ крови засохнуть. Нѣкоторые охотники кладутъ змѣю въ стволъ заряженнаго ружья, притискиваютъ шомполомъ и выстрѣливаютъ, послѣ чего оставляютъ ружье на нѣсколько часовъ на солнцѣ или на горячей печкѣ, чтобы кровь обсохла и хорошенько въѣлась въ желѣзо. Вообще змѣиная кровь считается благонадежнымъ средствомъ, чтобы ружье било крѣпко. Впрочемъ, это можно отнести скорѣе къ суевѣрію, чѣмъ къ примѣтамъ.

Въ заключеніе я долженъ признаться, что внезапная легкоранность ружей не одинъ разъ смущала меня въ продолженіе многолѣтней моей охоты; это же необъяснимое обстоятельство случалось и съ другими знакомыми мнѣ охотниками. Я упомянулъ въ моихъ «Запискахъ ружейнаго охотника» о томъ, что ружья начинаютъ очень плохо бить тетеревовъ, когда наступаютъ, въ концѣ осени или въ началѣ зимы, сильные морозы; но тамъ причины очевидны, хотя сначала могутъ быть не поняты. Здѣсь совсѣмъ другое дѣло: иногда вдругъ посреди лѣта ружье перестаетъ бить, или бьетъ такъ слабо, что каждая птица улетаетъ. Я приходилъ отъ того въ недоумѣнье, въ большую досаду; искалъ причинъ и не находилъ; но я никогда не приписывалъ этого колдовству, слѣдовательно не прибѣгалъ и къ помощи колдуновъ, даже не пробовалъ змѣиной крови. По неволѣ я вѣшалъ испортившееся ружье на стѣну и бралъ другое. Черезъ нѣсколько времени, привычка къ любимому ружью заставляла меня попробовать, не возвратился ли къ нему прежній бой? И дѣйствительно прежній бой возвращался. Сначала я счелъ это просто чудомъ, но потомъ привыкъ и постоянно лѣчилъ появлявшуюся легкоранность въ моихъ ружьяхъ—вѣшаньемъ ихъ на стѣну для отдохновенія. Что это такое было? Отъ какихъ невѣдомыхъ причинъ происходило это явленіе? — не знаю; но въ дѣйствительности его ручаюсь.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ.

Часто случается въ охотѣ, что именно того не находишь, чего ищешь, и наоборотъ: получишь драгоцѣнную добычу тамъ, гдѣ объ ней и не помышляешь. Много разъ ѣзжалъ я съ другими охотниками на охоту за волками съ живымъ поросенкомъ, много разъ караулилъ волковъ на привадахъ, много разъ подстерегалъ тѣхъ же волковъ изъ-подъ гончихъ, стоя на самомъ лучшемъ лазу изъ острова, въ которомъ находилась цѣлая волчья выводка, — и ни одного волка въ глаза не видалъ? Но вотъ что случилось со мной въ молодости; это было въ 1811 году, 21-го сентября. Поѣхалъ я рано утромъ стрѣлять тетеревовъ и вальдшнеповъ. День былъ пасмурный и по временамъ моросилъ мелкій дождь. Я убилъ трехъ вальдшнеповъ и пять тетеревовъ, которые еще не состарились, мало садились и не долго сидѣли на деревьяхъ, да къ тому же и вѣтеръ сгонялъ ихъ. Проѣздивъ часовъ до одиннадцати и возвращаясь домой, я хотѣлъ выстрѣлить во что-нибудь, чтобы разрядить ружье, заряженное середней утиной дробью, то-есть четвертымъ нумеромъ. Нѣсколько разъ подъѣзжалъ я къ беркуту (степной орелъ), необыкновенно смирному, который перелеталъ съ сурчины на сурчину; два раза подъѣзжалъ я въ мѣру, но ружье осѣкалось (оно было съ кремнемъ); наконецъ, у самой деревенской околицы, вздумалъ я завернуть на одно маленькое, родниковое озерцо, въ которомъ мочили конопли и на которомъ всегда держались утки. Только-что я своротилъ съ дороги и сталъ спускаться къ уремѣ, какъ вдругъ кучеръ мой, какъ-то оглянувшись назадъ, закричалъ: «волки, волки!» и осадилъ лошадей. Я обернулся: два волка неслись прямо на насъ за двумя молодыми собаками, которыя были со мной на охотѣ. Я сидѣлъ верхомъ на дрожкахъ, но проворно перекинулся назадъ лицомъ къ

запяткамъ, снялъ ружье, висѣвшее у меня за спиной, и развязалъ платокъ, которымъ былъ обернутъ замокъ, потому-что шелъ мелкій дождичекъ. Въ самую эту минуту, передній волкъ, гнавшійся по пятамъ за собакой, наскакавъ на самыя дрожки, отпрыгнулъ и шагахъ въ двадцати остановился, почти бокомъ ко мнѣ. Я мгновенно прицѣлился и выстрѣлилъ: волкъ взвизгнулъ, подпрыгнулъ отъ земли на аршинъ и побѣжалъ прочь, другой пустился за нимъ; собаки спрятались подъ дрожки; лошади почуяли волковъ и подхватили было насъ; но кучеръ скоро ихъ удержалъ. Волки исчезли въ небольшомъ, но крутоберегомъ вражкѣ, называющемся и теперь «Антошкинъ врагъ». Остановивъ лошадей, я зарядилъ поскорѣе своего испанца (такъ называлось мое любимое ружье) картечью, зарядъ которой какъ-то нашелся у меня въ патронташѣ, и поскакалъ вслѣдъ за волками. Шагахъ въ пятидесяти, въ глубинѣ вражка, одинъ волкъ лежалъ, повидимому, мертвый: а другой сидѣлъ подлѣ него: увидѣвъ насъ, онъ побѣжалъ прочь и, отбѣжавъ саженъ сто, сѣлъ на высокую сурчину. Я, удостовѣрившись, что стрѣленый волкъ точно издохъ, легъ подлѣ него во вражкѣ, а кучеру велѣлъ уѣхать изъ виду вонъ, въ противоположную сторону; я надѣялся, что другой волкъ подойдетъ къ убитому, но напрасно: онъ вылъ какъ собака, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, но ко мнѣ не приближался. Я вышелъ изъ моей засады, кликнулъ кучера и попробовалъ подъѣхать къ волку; но онъ, не убѣгая прочь, держался въ дальнемъ разстояніи. Дѣлать было нечего, я остановился, положилъ ружье на одно изъ заднихъ колесъ и выстрѣлилъ: мѣра была шаговъ на полтораста. Вѣроятно картечь слегка задѣла волка, потому-что онъ сдѣлалъ прыжокъ и скрылся. Я воротился къ убитому волку. Все это время я былъ въ какомъ-то забытьѣ, тутъ только опомнился и пришелъ въ такой восторгъ, какого описать не умѣю и къ какому можетъ быть способенъ только двадцатилѣтній горячій охотникъ. Убить волка, поѣхавъ стрѣлять вальдшнеповъ и тетеревовъ, возвращаясь домой, у самой околицы, безъ всякихъ трудовъ, утиной дробью, изъ ружья, которое передъ тѣмъ осѣкалось два разъ сряду... только охотники могутъ понять всѣ эти обстоятельства и оцѣнить мою тогдашнюю радость! И какой волкъ! Самый матерой, даже старый! Трудно было взвалить убитаго звѣря на дрожки, потому-что лошади не стояли на мѣстѣ, храпѣли и шарахались, слыша волчій духъ; но наконецъ кое-какъ я перевалилъ волка поперекъ

дрожекъ и привезъ въ торжествѣ домой мою добычу. Полдеревни и вся дворня сбѣжались на такое зрѣлище, потому-что мы съ кучеромъ кричали какъ сумасшедшіе и звали всѣхъ смотрѣть застрѣленнаго волка. Разсказавъ не менѣе ста разъ, всѣмъ и каждому, счастливое событіе, со всѣми его подробностями, я своими руками стащилъ волка къ старому скорняку и заставилъ при себѣ снять съ него шкуру. Я положилъ волку 24 дробины подъ лѣвую лопатку. Волкъ былъ необыкновенно великъ и сытъ; въ одной его ногѣ нашли два желѣзныхъ жеребья, давно заросшія въ тѣлѣ. Очевидно, что онъ былъ стрѣленъ. Желудокъ его оказался туго набитъ свѣжимъ свинымъ мясомъ вмѣстѣ съ щетиной. По справкѣ открылось, что въ это самое утро эти самые волки зарѣзали молодую свинью, отбившуюся отъ стада. И теперь не могу я понять, какъ сытые волки, въ такое раннее время осени, середи дня, у самой деревни, могли съ такою наглостью броситься за собаками и набѣжать такъ близко на людей. Всѣ охотники утверждали, что это были *озорники*, которые *озоруютъ* съ жиру. Въ лѣтописяхъ охоты, конечно можно назвать этотъ случай однимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ.

СТРАННЫЕ СЛУЧАИ НА ОХОТѢ.

Нѣкоторыя изъ случайностей ружейной охоты, разсказанныя мною въ моихъ охотничьихъ запискахъ, какъ-то: улетѣвшій селезень-широконоска, лежавшій мертвымъ нѣсколько часовъ въ ящикѣ охотничьихъ дрожекъ, тетерева, улетавшіе съ разбитыми задами и висящими изъ нихъ кишками, и пр. и пр. — могли показаться, особенно не-охотникамъ, неправдоподобными, потому-что охотники имѣютъ репутацію людей, любящихъ *красное словцо*. Но, не убоясь такой репутаціи, я разскажу, преимущественно для охотниковъ, еще нѣсколько случаевъ, которые покажутся также невѣроятными, хотя они буквально справедливы.

Выстрѣлилъ я однажды въ кряковнаго селезня, сидѣвшаго въ кочкахъ и травѣ, такъ что видна была одна голова, и убилъ его на-поваль. Со мною не было собаки, и я самъ побѣжалъ, чтобы взять свою добычу; но, подходя къ убитой птицѣ, которую не вдругъ нашелъ, увидѣлъ прыгающаго бекаса съ переломленнымъ, окровавленнымъ крыломъ. Должно предположить, что онъ таился въ травѣ около кряковнаго селезня, и что какая-нибудь боковая дробинка попала ему въ косточку крыла.

Точно также, выстрѣливъ съ поперека въ летящаго бекаса, шагахъ въ сорока отъ меня, я далъ промахъ; бекасъ крикнулъ, наддалъ и понесся еще быстрѣе; но въ то же время я увидѣлъ, что шагахъ въ двадцати далѣе летѣвшаго бекаса, по направленію выстрѣла, подпрыгиваетъ дуппельшнепъ съ переломленнымъ крыломъ: собака бросилась и принесла мнѣ его живого. Этотъ случай гораздо удивительнѣе перваго: дуппельшнепъ долженъ былъ подвернуться подъ дробинку въ той самой точкѣ, гдѣ дробинка, пролетѣвъ гораздо далѣе, коснулась земли.

Вотъ еще случай, весьма замѣчательный и въ то же время служащій убѣдительнымъ доказательствомъ, что смертельно раненыя птицы очень далеко улетаютъ сгоряча и гибнутъ

потомъ даромъ, и что необходимо пристально наблюдать, если позволяетъ мѣстность, каждую птицу, въ которую выстрѣлилъ охотникъ. Въ послѣднее время моей охоты я строго наблюдалъ это правило и нерѣдко получалъ иногда добычу, которая ускользнула бы у другого охотника.

Дикіе гуси рѣдко посѣщали нашъ прудъ. Но въ одно жаркое лѣто, въ іюлѣ, мельникъ прибѣжалъ мнѣ сказать, что пятеро гусей (безъ сомнѣнія холостыхъ) опустились на прудъ и плаваютъ между камышами въ почтительномъ разстояніи отъ береговъ. Я сѣлъ въ лодку, и тотъ же мельникъ, пробираясь между зелеными высокими камышами, подвезъ меня къ гусямъ въ мѣру. Я ударилъ въ нихъ крупной дробью: одного убилъ на-повалъ, а четверо остальныхъ улетѣли вверхъ по рѣкѣ Бугурусланъ. Я вышелъ изъ лодки и вмѣстѣ съ другимъ охотникомъ сталъ стрѣлять мелкую дичь по болотистымъ верховьямъ пруда. Не менѣе какъ черезъ часъ, мой товарищъ увидѣлъ, что гуси летятъ назадъ, но только втроемъ. Я сейчасъ подумалъ, что вѣрно четвертый гусь былъ раненъ и гдѣ-нибудь упалъ; вмѣстѣ съ охотникомъ я отправился, вверхъ по рѣкѣ, его отыскивать. Отошедъ версты двѣ, мы узнали отъ пастуховъ, что четверо гусей опускались на паровое поле, находившееся въ полуверстѣ отъ рѣки, на покатости ближней горы, долго сидѣли тамъ и наконецъ улетѣли. Разумѣется, мы пошли на паровое поле и скоро увидѣли, уже окруженнаго воро́нами и сороками, мертваго гуся. Безъ сомнѣнія, когда гуси летѣли вверхъ по рѣкѣ, раненый гусь сталъ ослабѣвать и пошелъ къ низу, въ сторону отъ рѣки, товарищи послѣдовали за нимъ по инстинкту, и когда онъ опустился на землю или упалъ, то и они опустились, посидѣли около него, и видя, что онъ не встаетъ, полетѣли опять, уже внизъ по рѣкѣ.

Подобные случаи повторялись со мною не одинъ разъ; я имѣлъ возможность иногда наблюдать своими глазами и во всѣхъ подробностяхъ такія, для охотника любопытныя явленія, то-есть: какъ, повидимому неподстрѣленная, птица вдругъ начнетъ слабѣть, отдѣляться отъ другихъ и прятаться по инстинкту въ крѣпкія мѣста; не успѣвъ еще этого сдѣлать, иногда на воздухѣ, иногда на землѣ, вдругъ начнетъ биться и немедленно умираетъ, а иногда долго томится, лежа неподвижно въ какой-нибудь ямочкѣ. Вѣроятно, иная раненая птица выздоравливаетъ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ.

Въ добавокъ къ разсказамъ о странныхъ происшествіяхъ на охотѣ, я разскажу случай, который самому мнѣ показался сначала какимъ-то сномъ или волшебствомъ. Будучи еще очень молодымъ охотникомъ, ѣхалъ я въ исходѣ іюля, со всѣмъ моимъ семействомъ, на сѣрныя Сергіевскія воды; въ тридцати-пяти верстахъ отъ нашего имѣнія находилось, и теперь находится, богатое село «Кротково», всѣми называемое «Кротовка». Проѣхавъ село, мы остановились у самой околицы ночевать на прекрасной родниковой рѣчкѣ, текущей въ высокихъ берегахъ. Солнце садилось; я пошелъ съ ружьемъ вверхъ по рѣчкѣ. Не прошелъ я и ста шаговъ, какъ вдругъ пара витютиновъ, прилетѣвъ откуда-то съ поля, сѣла на противоположномъ берегу, на высокой ольхѣ, которая росла внизу у рѣчки, и вершина которой какъ разъ приходилась на одной высотѣ съ моей головой; близко подойти не позволяла мѣстность, и я, шагахъ въ пятидесяти, выстрѣлилъ мелкимъ бекасинникомъ. Для такой дроби разстояніе было далеко; оба витютина улетѣли, а съ дерева упала крестьянская дѣвочка.... Всякій можетъ себѣ представить мое положеніе: въ первое мгновеніе я потерялъ сознаніе и находился въ переходномъ состояніи человѣка между сномъ и дѣйствительностью, когда путаются предметы обоихъ міровъ. По счастью, черезъ нѣсколько секундъ, дѣвочка, съ большимъ буракомъ [1]) въ рукахъ, вскочила на ноги и ударилась бѣжать внизъ по рѣчкѣ къ деревнѣ... Не стану распространяться въ описаніи моего испуга и изумленія. Блѣдный, какъ полотно,

---

1) Буракомъ называется круглая кадушечка изъ бересты, съ дномъ и крышкой. Въ низовыхъ губерніяхъ отлично дѣлаютъ бураки, отъ самыхъ крошечныхъ до огромныхъ, и употребляютъ ихъ преимущественно для собиранія ягодъ.

воротился я къ мѣсту нашего ночлега, разсказалъ происшествіе, и мы послали въ Кротовку развѣдать объ этомъ чудномъ событіи; черезъ полчаса привели къ намъ дѣвочку съ ея матерью. По милости Божіей, она была совершенно здорова; штукъ тридцать бекасиныхъ дробинокъ исцарапали ей руку, плечо и лицо, но, по счастью, ни одна не попала въ глаза и даже не вошла подъ кожу. Дѣло объяснилось слѣдующимъ образомъ: двѣнадцатилѣтняя крестьянская дѣвочка ушла тихонько съ фабрики, ранѣе срока, и побѣжала съ буракомъ за черемухой, которая росла по рѣчкѣ; она взлѣзла за ягодами на дерево, и увидѣвъ *«барина съ ружьемъ»*, испугалась, сѣла на толстый сучекъ и такъ плотно прижалась къ стволу высокой черемухи, что даже витютины ее не замѣтили и сѣли на ольху, которая росла почти рядомъ съ черемухой, нѣсколько впереди. Широко раскинувшійся зарядъ однимъ краемъ своего круга задѣлъ дѣвочку. Конечно, великъ былъ ея испугъ; но и мой не меньше. Разумѣется, мать съ дочерью ушли отъ насъ очень довольныя этимъ происшествіемъ.

НОВЫЯ ОХОТНИЧЬИ ЗАМѢТКИ.

Вотъ еще достовѣрный разсказъ, относящійся уже къ птицамъ. По сосѣдству отъ меня въ одной деревушкѣ, называющейся «Коростелево», одна крестьянка подложила подъ курицу 12 кряковныхъ яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ русскихъ утятъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ. Должно замѣтить, что это случай рѣдкій; обыкновенно утята, выведшіеся изъ яицъ дикихъ утокъ, сейчасъ пропадаютъ. Осенью корму понадобилось больше и, чтобъ не тратиться даромъ, крестьянка продала восемь утятъ, а двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали. На слѣдующую весну бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали попрежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью одна пара опять улетѣла, а другая осталась зимовать, а въ слѣдующую весну утка нанесла яицъ и вывела десять утятъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару, и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ русскихъ утокъ. И такъ только въ третьемъ поколѣніи порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житьѣ; купленныя же мною молодыя утки, принадлежавшія къ второму поколѣнію, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и нравами: они были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то складнѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить. Крылья были подрѣзаны.

О СОЛОВЬЯХЪ.

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА къ С. Т. АКСАКОВУ.

Посылаю вамъ, л. и п. С. Т., какъ любителю и знатоку всякаго рода охотъ, слѣдующій разсказъ о соловьяхъ, объ ихъ пѣньи, содержаньи, способѣ ловить ихъ и пр., списанный мною со словъ одного стараго и опытнаго охотника изъ дворовыхъ людей. Я постарался сохранить всѣ его выраженія и самый складъ рѣчи.

Лучшими соловьями всегда считались курскіе; но въ послѣднее время они похужѣли; и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева, на границѣ; тамъ, въ пятнадцати верстахъ за Бердичевымъ, есть лѣсъ, прозываемый Треяцкимъ; отличные тамъ водятся соловьи. Время ихъ ловить въ началѣ мая. Держатся они больше въ черемушникѣ и мелкомъ лѣсѣ и въ болотахъ, гдѣ лѣсъ растетъ; болотные соловьи—самые дорогіе. Прилетаютъ они дня за три до Егорьева дня; но сначала поютъ тихо, а къ маю въ силу войдутъ, распоются. Выслушивать ихъ надо по зарямъ и ночью, но лучше по зарямъ; иногда приходится всю ночь въ болотѣ просидѣть. Я съ товарищемъ разъ чуть не замерзъ въ болотѣ: ночью сдѣлался морозъ — и къ утру въ блинъ льду на водѣ намерзло; а на мнѣ былъ кафтанишка лѣтній, плохенькій; только тѣмъ и спасся, что между двухъ кочекъ свернулся,

кафтанъ снялъ, голову закуталъ и дыхалъ себѣ на пузо подъ кафтаномъ; цѣлый день потомъ зубами стучалъ. Ловить соловья дѣло не мудреное: нужно сперва хорошенько выслушать, гдѣ онъ держится; а тамъ точёкъ на землѣ расчистить поладнѣе возлѣ куста, разставить тайникъ и самку пришпорить, за обѣ ножки привязать — а самому спрятаться да присвистывать дудочкой—такая дудочка дѣлается въ родѣ пищика. А тайничекъ небольшой изъ сѣтки дѣлается—съ двумя дужками; одну дужку крѣпко къ землѣ приспособить надо, а другую только приткнуть—и бичевку къ ней привязать; соловей сверху какъ слетитъ къ самкѣ—тутъ и дернуть за бичевку—тайничекъ и закинется. Иной соловей очень жаденъ, такъ сейчасъ сверху пулей и бросится, какъ только завидитъ самку,—а другой остороженъ: сперва пониже спустится, да разглядываетъ—его ли самка. Осторожныхъ лучше сѣтью ловить. Сѣть плетется саженъ въ пять; осыпешь ею кустъ или сухой дромъ—а осыпать надо слабо; какъ только спустится соловей—встанешь и погонишь его въ сѣть—онъ все низомъ летитъ—ну, и повиснетъ въ петелькахъ. Сѣтью ловить можно и безъ самки, одною дудочкой. Какъ поймаешь соловья, тотчасъ свяжи ему кончики крылышекъ, чтобы не бился, и сажай его скорѣе въ куролеску—такой ящикъ дѣлается низенькій, сверху и снизу холстомъ обтянутъ. Кормить пойманныхъ соловьевъ надо муравлиными яицами—понемножку и почаще; они скоро привыкаютъ и принимаются клевать. Не мѣшаетъ живыхъ муравьевъ въ куролеску напустить: иной болотный соловей не знаетъ муравлиныхъ яицъ—не видалъ никогда—ну, а какъ муравьи станутъ таскать яица—въ задоръ войдетъ—станетъ ихъ хватать.

Соловьи у насъ здѣсь [1]) дрянные: поютъ дурно, понять ничего нельзя,—всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, спѣшатъ; а то вотъ еще у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ эдакъ туу и вдругъ: ви!—эдакъ визгнетъ, словно въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станетъ. Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна,—а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: *Пулькаnіе*—эдакъ: пуль, пуль, пуль, пуль.,..

Второе: *Клыканіе*— клы, клы, клы, какъ желна̀.

---

[1]) Во Мценскомъ, Чернскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ.

Третье: *Дробь* — выходитъ примѣрно какъ по землѣ разомъ дробь просыпать.

Четвертое: *Раскатъ*—трррррр....

Пятое: *Пленканіе* — почти понять можно: плень, плень, плень....

Шестое: *Лѣшева дудка*—эдакъ протяжно: го-го-го-го-го, а тамъ коротко: *ту!*

Седьмое: *Кукушкинъ перелетъ.* Самое рѣдкое колѣно: я только два раза въ жизни его слыхивалъ — и оба раза въ Тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ маneромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: *Гусачекъ.* Га-га-га-га.... У малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ.

Девятое: *Юлиная стукотня.* Какъ юла, — есть птица на жаворонка похожая—или какъ вотъ органчики бываютъ,—эдакой круглый свистъ: фюіюіюіюіюіѵ....

Десятое: *Починъ* — эдакъ: тии-вить, нѣжно, малиновкой. Это по настоящему не колѣно—а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго, нотнаго соловья оно еще вотъ какъ бываетъ:—начнетъ: тии-вить—а тамъ тукъ! — Это оттолчкой называется. Потомъ опять тии-вить.... тукъ! тукъ! Два раза оттóлчка— и въ полъ-удара, эдакъ лучше: въ третій разъ тии-вить—да какъ разсыплетъ, сукинъ сынъ, вдругъ дробью или раскатомъ—едва на ногахъ устоишь—обожжетъ! Эдакой соловей называется съ ударомъ или съ оттолчкой. У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной спѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ, скорѣе другое и—смѣшался. Дуракъ дуракомъ и остался. А хорошій—нѣтъ! Разсудительно поетъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать,—не сойдетъ съ него до истомы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ—такъ длиненъ; пуститъ, напримѣръ, колѣно, дробь, что ли — сперва будто къ низу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатитъ—надо такъ сказать. Одного я такого слыхалъ у мценскаго купца Ш...ва — вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1200 рублей ассигнаціей проданъ.

По охотницкимъ замѣчаніямъ, хорошаго соловья отъ дурного съ виду отличить трудно. Многіе даже самку отъ самца не узнаютъ. Иная самка еще казистѣе самца. Молодого отъ стараго отличить можно. У молодого, когда растопыришь ему

крылья, есть на перушкахъ пятнышки, и весь онъ темнѣй; а старый—сѣрѣе. Выбирать надо соловья, у котораго глаза большіе, носъ толстый и чтобы былъ плечистъ и высокъ на ногахъ. Тотъ-то соловей, что за 1200 рублей пошелъ, былъ росту средняго. Его Ш....въ подъ Курскомъ у мальчика купилъ за двугривенный.

Соловей, коли въ бережѣ, до пяти зимъ перезимовать можетъ.—Кормить его надо зимою прусаками или сушеными муравлиными яицами; только яица надо брать не изъ краснаго лѣса, а изъ чернолѣсья, — а то отъ смолы запоръ сдѣлается. Вѣшать надо соловьевъ не надъ окнами, а въ серединѣ комнаты подъ потолкомъ, и въ клѣткѣ чтобъ было небко мягкое, суконное или полотняное.

Болѣзнь на нихъ бываетъ: вдругъ примутся чихать. Скверная это болѣзнь. Какой и переживетъ—на другую зиму навѣрное околѣетъ.—Пробовалъ я табакомъ нюхательнымъ по корму посыпать—хорошо выходило.

Пѣть начинаютъ они съ Рождества и ближе, сперва потихоньку; — съ великаго поста, съ марта мѣсяца, настоящимъ голосомъ,—а къ Петрову дню перестаютъ.—Начинаютъ они обыкновенно съ пленканія... такъ жалобно, нѣжно: плень.... плень... Не громко — а по всей комнатѣ слышно. — Такъ звенитъ пріятно, какъ стеклышки—душу всю поворачиваетъ. Какъ долго не слышу—всякой разъ тронетъ — по животику такъ и пробѣжитъ, волосики на головѣ трогаются.—Сейчасъ слезы—и вотъ онѣ.—Выдешь, поплачешь, постоишь.

Молодыхъ соловьевъ хорошо доставать въ Петровки. — Надо подмѣтить, куда старые кормъ носятъ. Иной разъ три, четыре часа—полдня просижу—а ужъ замѣчу мѣсто. Гнѣзда они вьютъ на землѣ—изъ сухой травы и листочковъ. Штукъ пять въ гнѣздѣ бываетъ, а иногда и меньше. Молодыхъ возьмешь да посадишь въ западню—сейчасъ и старые попадутся. Старыхъ надо поймать, чтобы молодыхъ кормили. Посадишь всю семейку въ куролеску, да муравлиныхъ яицъ насыплешь и живыхъ муравьевъ напустишь.—Старые сейчасъ примутся молодыхъ кормить. Клѣтку потомъ завѣсить надо, а какъ молодые станутъ клевать сами, старыхъ принять. Молодые, которыхъ въ Петровки изъ гнѣзда вынешь, живучѣе и пѣть скорѣе принимаются. Брать надо молодыхъ отъ длиннаго, голосистаго соловья. Въ клѣткѣ они не выводятся. — На волѣ соловей перестаетъ пѣть, какъ только дѣтей вывелъ, а о Пе-

тровки онъ линяетъ. Сдѣлаетъ на лету колѣнцо—и кончено. Все только свиститъ. А поетъ онъ всегда сидя; на лету, когда за самкой нырнетъ, курлычетъ.

Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы учились. — Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ, не шелохнется, слушаетъ—изъ того выйдетъ прокъ—въ двѣ недѣли, пожалуй, готовъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же вслѣдъ за старикомъ бурлитъ — тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, какъ быть слѣдуетъ — да и то сомнительно.—Иные охотники секретно въ шляпахъ приносятъ молодыхъ соловьевъ въ трактиръ, гдѣ есть хорошій соловей; сами пьютъ чай или пиво, а молодые тѣмъ временемъ учатся. — Отъ того лучше завѣшивать молодыхъ, когда ихъ къ старому приносятъ.

Первые охотники до соловьевъ—купцы—тысячи рублей не жалѣютъ. Мнѣ бѣлевскіе купцы давали двѣсти рублей и товарища—и лошадь была ихняя. Посылали меня къ Бердичеву. Я долженъ былъ двѣ пары представить отличныхъ соловьевъ, а остальные—хоть пятьдесятъ паръ—въ мою пользу.

Былъ у меня товарищъ, охотникъ смертный до соловьевъ,—часто мы съ нимъ ѣздили. Подслѣповатъ онъ былъ — много это ему мѣшало. — Разъ, подъ Лебедянью, выслушалъ онъ удивительнаго соловья. Приходитъ ко мнѣ,—разсказываетъ—такъ отъ жадности весь трясется. Сталъ его ловить—а сидѣлъ онъ на высокой осинкѣ. Вотъ однако спустился — погналъ его товарищъ въ сѣть; ткнулся соловей въ сѣть — и повисъ. Сталъ его товарищъ брать — знать руки у него дрожали—соловей вдругъ какъ шмыгнетъ у него между ногъ—свистнулъ, запѣлъ и улетѣлъ. Товарищъ такъ и завопилъ. Онъ потомъ божился, увѣрялъ меня, что онъ явственно чувствовалъ, какъ кто-то соловья у него изъ рукъ силой выдернулъ. Что-жъ! Всяко бываетъ. Принялся онъ опять манить его — нѣтъ! не тутъ-то было! — Оробѣлъ, знать; смолкъ. Цѣлыхъ десять дней товарищъ потомъ за нимъ все ходилъ. Что же вы думаете! Соловей хоть бы чукнулъ—такъ и пропалъ.—А товарищъ чуть не рехнулся; насилу его домой притащилъ. Возьметъ, шапку ó-земь грянетъ, да какъ начнетъ себя куламомъ по лбу бить.... А то вдругъ остановится и закричитъ: «раскапывайте землю—въ землю уйти хочу, — туда мнѣ дорога, слѣпому, неумѣлому, безрукому...» Вотъ какъ оно бываетъ чувствительно.

Случается, что другъ у друга наровятъ хорошихъ соловьевъ отбить, пораньше зайти на мѣсто. На все нужно умѣнье— да и безъ счастья тоже нельзя. Случается также, что отводятъ, колдовствомъ то-есть; а противъ этого—молитва. Разъ я таки страху набрался. Сижу я ночью подъ лѣсомъ, выслушиваю соловьевъ—а ночь такая темная, претемная.. И вдругъ мнѣ показалось, что будто ужъ это не по-соловьиному что-то гремитъ, словно прямо на меня идетъ... Жутко мнѣ стало, такъ что и сказать нельзя... Вскочилъ, да и давай Богъ ноги. Мужики—тѣ не мѣшаютъ; тѣмъ все равно: еще смѣются, пожалуй.—Мужикъ грубъ; ему, что соловей, что зябликъ—все едино. Не ихъ разума дѣло. Ихъ дѣло — пахать, да на печи лежать съ бабой.—А я вамъ теперь все разсказалъ. [1])

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское.
6-го ноября 1854 года.

---

1) Конечно, читатели, особенно охотники, оцѣнятъ достоинство этого живого, вѣрнаго разсказа. Я замѣчу только, что собраніе такого рода драгоцѣнныхъ, спеціальныхъ свѣдѣній по разнымъ охотамъ могло бы составить, сколько интересное, столько и полезное для науки указаніе жизни и нравовъ птицъ и звѣрей, доступныхъ для наблюденій только исключительно однимъ охотникамъ-спеціалистамъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ЗАМѢЧАНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ ОХОТНИКА БРАТЬ ГРИБЫ [1]).

Въ числѣ разнообразныхъ охотъ человѣческихъ имѣетъ свое мѣсто и смиренная охота ходить по грибы, или брать грибы. Хотя она не можетъ равняться съ другими охотами, болѣе оживленными уже потому, что тамъ приходится имѣть дѣло съ живыми твореніями, но можетъ соперничать со многими, такъ сказать, второстепенными охотами, имѣющими, впрочемъ, свои особые интересы. Я даже готовъ отдать преимущество грибамъ, потому что ихъ надобно отыскивать, слѣдовательно можно и не находить; тутъ примѣшивается нѣкоторое умѣнье, знаніе мѣсторожденія грибовъ, знаніе мѣстности и счастье. Не даромъ говоритъ пословица: „Со счастьемъ хорошо и по грибы ходить“ [2]). Тутъ есть неизвѣстность, нечаянность, есть удача и неудача; а все это вмѣстѣ подстрекаетъ охоту въ человѣкѣ и составляетъ ея особенный интересъ. Охота ходить по ягоды или за орѣхами (одна изъ охотъ второстепенныхъ) съ перваго взгляда можетъ показаться сходною съ охотою брать грибы; но при ближайшемъ разсмотрѣніи мы увидимъ, что послѣдняя имѣетъ большія пре-

---

1) Статья эта первоначально была напечатана въ № 6-мъ „Вѣстника естественныхъ наукъ“ 1856 года, издававшагося Императорскимъ Московскимъ Обществомъ испытателей природы подъ редакціею К. Ф. Рулье, который, помѣщая статью, такъ отозвался о ней въ примѣчаніи: „Съ научной точки зрѣнія эта статья чудесно обрисовываетъ зависимость грибовъ, этихъ низшихъ растительныхъ формъ, отъ внѣшнихъ условій, и тѣмъ служитъ новымъ развитіемъ *закона общенія,* о которомъ мы говорили въ статьѣ *„Сенъ-Бернардская собака“*. *К. Р.*

Прочія примѣчанія подъ статьей принадлежатъ также К. Ф. Рулье.

2) Эту пословицу я слыхалъ употребляемую и въ обратномъ содержаніи: „Безъ счастія и по грибы нечего ходить“.

имущества. Охотники брать грибы вѣрно со мною согласны. и съ ними-то хочу я побесѣдовать, имъ хочу сообщить мои многолѣтнія наблюденія.

Грибы составляютъ самую питательную [1]), вкусную и здоровую пищу, если они употребляются не въ излишествѣ, не слишкомъ жирно приготовленные, а совершенно прожаренные и уваренные, или совершенно просолившіеся. Послѣднее относится къ тѣмъ породамъ грибовъ, которые солятся сырыми, какъ-то: грузди, рыжики и другіе. Для горожанъ грибы лакомство, для народа пища, а въ иныхъ мѣстахъ отрасль дохода. Грибъ дитя лѣса. Въ степи нѣтъ грибовъ, кромѣ шампиньоновъ и луговиковъ, но и тѣ родятся только на землѣ унавоженной, на выгонахъ, толокахъ и дорогахъ, всегда около жилищъ человѣческихъ или скотскихъ. Всѣмъ извѣстное дѣло, что если посѣять или насадить, однимъ словомъ, развести и выростить лѣсъ въ чистомъ полѣ, то непремѣнно начнутъ родиться въ немъ грибы, свойственные породамъ разведеннаго лѣса. Но не въ одной тѣни (какъ думаютъ многіе), бросаемой древесными вѣтвями, заключается таинственная сила деревъ выращать около себя грибы; тѣнь служитъ первымъ къ тому орудіемъ, это правда; она защищаетъ землю отъ палящихъ лучей солнца, производитъ влажность почвы и даже сырость, которая необходима и для лѣса, и для грибовъ; но главная причина ихъ зарожденія происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ древесныхъ корней, которые также, въ свою очередь, увлажая сосѣднюю землю, сообщаютъ ей древесные соки, и въ нихъ-то по моему мнѣнію заключается тайна гриборожденія. Это убѣдительно доказывается тѣмъ, что около пней срубленныхъ деревьевъ, производившихъ въ изобиліи извѣстныя породы грибовъ подъ своей живительной тѣнью, долго продолжаютъ родиться тѣ же самыя породы, иногда десять лѣтъ и болѣе. Медленно умирая, наконецъ корни сгніютъ и высохнутъ и грибы перестанутъ родиться. Я неоднократно имѣлъ случай производить мои наблюденія надъ пнями деревъ, стоявшихъ отдѣльно на полянахъ и опушкахъ, гдѣ нельзя предполагать вліяніе другихъ сосѣднихъ деревъ. Въ доказательство же, что одной тѣни и влажности не достаточно для произведенія грибовъ, можно указать на нѣкоторыя породы деревъ, какъ на-

---

[1]) Извѣстно, что грибы отличаются, между прочимъ, отъ другихъ низшихъ растеній обиліемъ азотистыхъ или протеиновыхъ началъ.

примѣръ на ольху, осокорь, тополь, черемуху и проч., подъ которыми и около которыхъ настоящіе грибы не родятся. Полная зависимость гриборожденія отъ древесныхъ соковъ, и даже отъ качества ихъ, всего убѣдительнѣе доказывается уже тѣмъ, что многія деревья производятъ исключительно имъ свойственные грибы. Если бы нужны были только сырость, тѣнь и прохлада, то всякія породы грибовъ родились бы подъ всякими деревьями.

Народъ, признавая вполнѣ вліяніе деревъ на грибы, далъ нѣкоторымъ изъ нихъ названія, происходящія отъ названія деревъ, какъ напр.: березовикъ, осиновикъ, подорѣшникъ, дубовикъ и проч.

Грибы раздѣляются на употребляемые въ пищу и неупотребляемые: послѣдніе вообще называются поганками; въ числѣ ихъ находятся грибы ядовитые, какъ-то: дубовикъ, мухоморъ и другіе. Между поганками есть грибы, которые въ иныхъ мѣстахъ Россіи считаютъ вредными, а въ иныхъ мѣстахъ употребляютъ въ пищу, напр.: свинухи, или коровьи уши, валуи, моченки, чернухи и проч.; ихъ предварительно отвариваютъ или вымачиваютъ, потомъ солятъ и кушаютъ безъ всякаго вреда. Я зналъ даже человѣка, который всѣ грибы, кромѣ дубовиковъ и мухоморовъ, считалъ съѣдобными и доказывалъ ихъ безвредность собственнымъ примѣромъ и всего своего семейства; онъ утверждалъ даже, что, такъ называемыя, поганки точно такъ же вкусны, какъ и другіе грибы.

Этому, впрочемъ, трудно повѣрить, потому что поганки по большей части не только имѣютъ непріятный цвѣтъ и видъ, но и пахнутъ очень противно.

Замѣчательно, что многія породы грибовъ съѣдобныхъ, или хорошихъ, какъ иногда ихъ называютъ, имѣютъ, какъ бы соотвѣтствующіе имъ грибы, *поганки*, нѣсколько похожія на нихъ образованіемъ своимъ и цвѣтомъ; еще замѣчательнѣе, что когда начнутъ появляться эти поганки между хорошими грибами, то они начнутъ пропадать; наконецъ слой съѣдобныхъ грибовъ проходитъ, и мѣстомъ ихъ пребыванія совершенно завладѣютъ поганки. Это особенно бываетъ примѣтно въ тѣхъ грибахъ, которые родятся во множествѣ слоями, кучками, какъ, напримѣръ, въ масленикахъ, рыжикахъ и бѣлянкахъ.

Всѣмъ охотникамъ извѣстно, что у грибовъ есть *любимыя*

мѣста, на которыхъ они непремѣнно каждый годъ родятся, въ большемъ или меньшемъ изобиліи. Безъ сомнѣнія этому должны быть естественныя причины; но для простого взгляда эта разница поразительна и непостижима. Въ лѣсу довольно частомъ, гдѣ корни и даже вѣтви однихъ деревъ встрѣчаются съ корнями и вѣтвями другихъ деревъ, любимыя мѣста, если они и есть, замѣтить трудно; но въ рѣдколѣсьѣ, или на полянахъ, они очевидны и никакому сомнѣнію не подвержены. У меня есть дубовая роща, въ которой находится около двухъ тысячъ старыхъ и молодыхъ дубовъ; старые, въ числѣ болѣе двухъ сотъ, стоятъ очень рѣдко между собою на большой сѣнокосной полянѣ, и только подъ нѣкоторыми изъ нихъ съ незапамятныхъ временъ родятся во множествѣ бѣлые грибы, нѣсколько особеннаго образованія и величины, необыкновенной плотнины и крѣпости и также необыкновеннаго бронзоваго или стальнаго цвѣта, иногда пестрые и глянцовитые, какъ мраморъ. Первое качество, вѣроятно, происходитъ отъ качества сока дубовыхъ корней, а послѣднее—отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, потому что одиночно стоящіе высокіе дубы даютъ мало тѣни. Подъ другими же дубами, на той же вышесказанной, сѣнокосной полянѣ, грибовъ бываетъ очень мало, а подъ нѣкоторыми и совсѣмъ не бываетъ. Есть также у меня въ саду и въ паркѣ, конечно, болѣе трехъ сотъ елей, и только подъ четырьмя елями родятся рыжики. Мѣстоположеніе, почва, порода деревьевъ—все одинаково, а между тѣмъ, вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я самъ постоянно наблюдаю и каждый годъ вновь убѣждаюсь, что грибы родятся у меня на однихъ и тѣхъ же любимыхъ своихъ мѣстахъ, подъ тѣми же дубами и елями. Разныя породы грибовъ, родясь около отдѣльныхъ деревъ, представляютъ замѣчательную особенность, которая состоитъ въ томъ, что грибы предпочтительно родятся на сѣверной сторонѣ дерева, на восточной и западной—ихъ бываетъ гораздо меньше, а на южной сторонѣ, особенно въ сухое время, грибовъ почти не бываетъ.

Такое вліяніе частей свѣта и солнечнаго стоянія еще очевиднѣе въ породѣ рыжиковъ: рыжики красные около одной и той же ели постоянно родятся на сѣверъ и до половины восточной и западной стороны. Тутъ, точно по назначенной чертѣ, къ югу идутъ уже рыжики зеленовато-синіе, имѣющіе поверхность шероховатую, какъ-будто засохшую, хотя корень и шляпка гриба въ изломѣ точно также красны и сочны.

Такимъ образомъ окружность дерева раздѣляется по равнымъ частямъ; рыжики красные занимаютъ сѣверную сторону, а рыжики зеленоватые южную; востокъ же и западъ обѣими породами дѣлится пополамъ; но и тутъ на южной сторонѣ грибовъ бываетъ меньше.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ дождливые, мочливые года, какъ выражается народъ, грибы родятся въ большемъ изобиліи, особенно если ненастье сопровождается тепломъ; но и тутъ бываютъ исключенія, непонятныя простому наблюдателю, которыя объяснить можетъ только наука. Я неоднократно замѣчалъ, что, несмотря на сильную теплоту атмосферы, дожди бываютъ иногда вредны грибамъ; иногда это вредное дѣйствіе оказывается медленно и незамѣтно, а иногда— съ поразительной очевидностью и быстротой, особенно на грибахъ молодыхъ, только-что вышедшихъ изъ земли. Въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ я видѣлъ четыре раза сильныя опустошенія, произведенныя дождемъ, выпавшимъ повидимому при благопріятныхъ условіяхъ теплоты. Два раза такой дождь сопровождался какою-то сухою мглою, которая пахла противною гарью; а два раза дожди были проливные, сильно промочившіе землю и мгновенно смѣненные солнечнымъ сіяніемъ. Посѣщая каждый день, около полудня, всѣ грибородныя мѣста моего сада и парка, на которыхъ наканунѣ я оставилъ множество молодыхъ бѣлыхъ грибовъ, я былъ пораженъ внезапною перемѣною ихъ вида: болѣе или менѣе всѣ молодые грибки сморщились и позасохли, а самые маленькіе, величиною съ горошинку и даже съ маленькій лѣсной орѣхъ—исчезли, и только какая-то гниловатая пыль, которую и различить было очень трудно, лежала на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились грибные зародыши. Нѣкоторые изъ грибовъ, болѣе возмужавшихъ, оправились и достигли своей обыкновенной величины, но уже въ какомъ-то нѣсколько изуродованномъ видѣ; прочіе же подгнили и свалились. Такія вредныя слѣдствія дождя были замѣчены и записаны мною каждый разъ. Подобное же дѣйствіе, но медленно обнаруживающееся, производятъ иногда изобильныя ночныя росы производящія желтоватыя пятна даже на травѣ. Кстати будетъ здѣсь сказать, что существующее въ народѣ повѣрье, будто замѣченный человѣкомъ грибъ не выростетъ, а завянетъ, по моимъ наблюденіямъ, совершенно несправедливо. У меня всегда бываетъ множество замѣченныхъ грибовъ, преимуще-

ственно бѣлыхъ, и я беру ихъ въ такомъ возрастѣ, какой мнѣ понадобится, или оставляю достигать полнаго своего развитія и красоты. Я не стану самоувѣренно утверждать, что взглядъ человѣка не можетъ производить магнетическаго дѣйствія на растительное царство; но скажу только, что безчисленные опыты меня убѣдили въ томъ по крайней мѣрѣ, что *мой* взглядъ никогда грибамъ не былъ вреденъ. Я даже пробовалъ слегка дотрогиваться до грибовъ и освобождать ихъ отъ листьевъ и травы, которые иногда мѣшаютъ грибамъ расти. Я даже отламывалъ кусочки отъ ихъ шляпокъ, а грибы росли попрежнему: одно вѣрно: если пошатнуть корень гриба, онъ завянетъ и пропадетъ.

Въ ненастное время и къ осени грибы отдаляются отъ деревьевъ и охотнѣе растутъ по опушкамъ и голымъ горамъ—*на отскочихъ*, какъ выражается народъ; а въ сухую и жаркую погоду грибы жмутся подъ тѣнь и даже подъ вѣтви деревъ, особенно елей, которыя разстилаютъ свои сучья, какъ лапы по землѣ, отчего крестьяне и называютъ ихъ *лапникомъ* и рубятъ безъ пощады и безъ вреда дереву на всякія свои потребности; они даже утверждаютъ, что ель лучше и скорѣе достигаетъ строевой величины, если ее „подхолить“, то-есть, обрубить нижнія вѣтви.

Кромѣ вредныхъ дождей и росъ, грибамъ вредятъ, на открытыхъ мѣстахъ, жаркіе лучи полдневнаго солнца: они прижигаютъ грибныя шляпки, и хотя прохлада ночи, роса и перепадающій дождь освѣжаютъ ихъ, но если прижиганье повторяется ежедневно, то грибы засыхаютъ, не достигнувъ полнаго возраста. Продолжительное и постоянное ненастье также, въ свою очередь, вредно грибной растительности, особенно въ тѣни, въ густой травѣ и мѣстахъ глухихъ: грибы загниваютъ, плеснѣютъ и погибаютъ. Ихъ очень портятъ и даже истребляютъ и живые враги: земляныя улитки, или слизни, которые, плотно приклеясь къ грибамъ, точатъ и поѣдаютъ шляпки и корни ихъ. Въ неурожайные, не-грибные годы, рѣдко попадется грибъ, на которомъ бы не было двухъ и трехъ слизней. Бѣлки также охотницы до грибовъ, преимущественно до бѣлыхъ, и часто тонкіе и острые бѣличьи зубки оставляютъ дорожчатые слѣды на изглоданныхъ грибныхъ шляпкахъ. Но всего болѣе истребляются грибы зарождающимися въ нихъ мелкими бѣлыми червячками; въ иной годъ ихъ бываетъ такое множество, что корень у всякаго бѣлаго гриба,

по наружности крѣпкій и здоровый, непремѣнно источенъ внутри и разсыпается, если возьмешь его неосторожно или крѣпко рукою; по счастію, шляпки грибовъ уже послѣднія источиваются червями и нерѣдко остаются здоровыми и нетронутыми при совершенно съѣденномъ внутри корнѣ: удиви-

Фиг. 1.

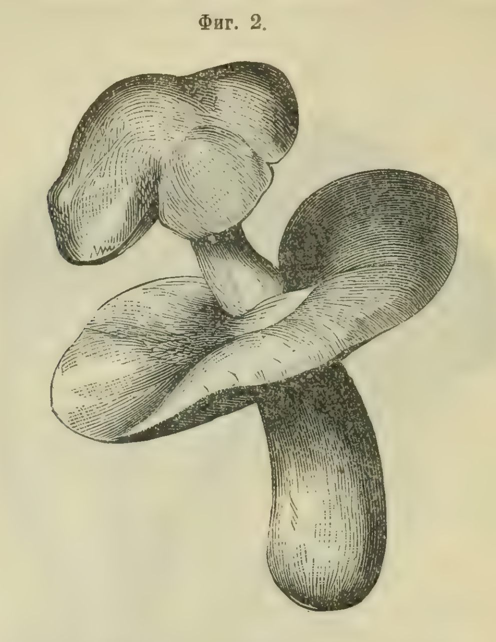
Уродливыя формы грибовъ: 1. Осиновикъ.

тельно, какъ получаютъ грибы питательные соки и какъ могутъ расти въ такомъ положеніи?

Существуетъ мнѣніе, что будто бы грибы, особенно послѣ дождя, выростаютъ въ одну ночь: это несправедливо. Правда, что иногда найдешь молодые грибы тамъ, гдѣ вчера ихъ не находилъ; но они были, и оставались только незамѣченными, потому что мало отдѣлялись отъ земли, скрывались подъ листьями или въ травѣ. Самые скороспѣлые или скорорастущіе грибы, какъ напр. березовики и сыроѣжки, достигаютъ

полнаго развитія въ три дня, а грибы бѣлые въ недѣлю и болѣе. Всѣхъ медленнѣе растетъ дубовикъ, грибъ впрочемъ никуда негодный и даже ядовитый, какъ я уже сказалъ.

Фиг. 2.



Уродливыя формы грибовъ: 2. Сыроѣжка.

Въ урожайные или грибные годы грибы часто попадаются кучками, семьями, даже растутъ двойчатками, тройчатками и болѣе. Это я говорю о такихъ породахъ грибовъ, которые обыкновенно растутъ въ одиночку, какъ-то: бѣлые, березовые, осиновые и проч. У меня срисованъ осиновикъ, у котораго шесть отдѣльныхъ корней покрыты одной шляпкой. Изобиліе грибного сѣмени [1]) и земляныхъ соковъ нерѣдко проявляется въ самыхъ странныхъ и уродливыхъ видахъ. Одинъ разъ я нашелъ сыроѣжку, изъ шляпки которой выросла другая сыроѣжка также со шляпкою: я срисовалъ эту уродливую рѣдкость. Я также находилъ не одинъ разъ въ землѣ большіе куски бѣлогрибнаго сѣмени—массу, совершенно похожую на корень, величиною даже съ человѣческую голову.

---

[1]) Micelium.

Порядокъ появленія грибовъ бываетъ слѣдующій: какъ только весною окажутся проталины, то по лѣснымъ полянамъ и вообще по рѣдколѣсью начнутъ появляться сморчки, — сначала *глухіе*, [1]) а потомъ *стройки*; [2]) они растутъ даже подъ снѣжною корою, гдѣ бѣжитъ подъ ней вода; послѣ сморчковъ слѣдуетъ промежутокъ времени съ мѣсяцъ, а при засухѣ и болѣе, въ продолженіи котораго грибовъ нѣтъ никакихъ. Потомъ появляются масляники, березовики, сыроѣжки и осиновики, потомъ первые слои груздей, подгруздковъ и бѣлыхъ грибовъ; потомъ слѣдуютъ лисички и шампиньоны; наконецъ идутъ осенніе грибы, волжанки, бѣлянки, рыжики и опенки. Весь этотъ порядокъ иногда нарушается, но всегда зависитъ отъ состоянія погоды и атмосферическихъ явленій. Къ этому должно прибавить, что каждая порода грибовъ появляется слоями раза два и даже три, въ продолженіе лѣта и осени, покуда частые и сильные морозы, особенно при засухѣ, не убьютъ окончательно грибную растительность. Говоря о каждой породѣ грибовъ отдѣльно, я скажу подробнѣе о случайныхъ измѣненіяхъ въ произрастаніи грибовъ. [3])

---

[1]) Helvella esculenta.

[2]) Marchella esculenta.

[3]) Авторъ не успѣлъ исполнить свое намѣреніе.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

КЪ

„УРЯДНИКУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ“.

Желая сколько-нибудь пособить объясненію нѣкоторыхъ мало понятныхъ словъ, выраженій и названій въ книгѣ: «Урядникъ Сокольничья Пути», относящихся къ соколиной охотѣ съ хищными птицами, нынѣ приходящей въ совершенное забвеніе, [1] я предлагаю мои примѣчанія на вышесказанную книгу и разскажу все, что знаю о соколиной охотѣ, по наслышкѣ отъ старыхъ охотниковъ и—какъ самовидецъ.

Очевидно, что первое мѣсто въ великолѣпной соколиной охотѣ царя Алексѣя Михайловича занимали «кречета»: сначала упоминается просто «кречетъ», потомъ «кречатій челигъ» или «чегликъ», какъ его теперь называютъ охотники, то-есть сначала говорится о самкѣ кречатьей, которая всегда бываетъ крупнѣе и сильнѣе, а потомъ о самцѣ, о челигѣ, уступающемъ ей въ силѣ, но превосходящемъ въ рѣзвости полета. Кречетъ птица очень мало извѣстная: ее знаютъ только

---

[1]) Я не называю соколиной охотой травлю утокъ соколами, до сихъ поръ продолжающуюся у башкирцевъ Оренбургской губерніи; они портятъ высокую природу сокола, пріучая его, не забираясь вверхъ, ловить утокъ почти въ угонъ, по-ястребиному.

по слухамъ или изъ книгъ; но я видѣлъ въ моемъ ребячествѣ двухъ кречетовъ, уже не молодыхъ, которые доживали свой вѣкъ у моего отца, бывшаго нѣкогда страстнымъ охотникомъ до ловчихъ птицъ. Кречетъ перомъ почти бѣлый; стати всѣ имѣетъ соколиныя, величиною даже поменьше сокола-утятника. Онъ очень красивъ, особенно потому, что чудесные черные сокольи глаза его кажутся еще чернѣе и блещутъ еще ярче отъ бѣлаго цвѣта его перьевъ. Я не видѣлъ этихъ кречетовъ въ полѣ, то-есть въ дѣлѣ, въ охотѣ; но мнѣ разсказывали ходившіе за ними охотники, что оба кречета (оба самки) ловили чудесно, и что они бьютъ птицу по-соколиному, устремляясь на свою добычу сверху внизъ. Очень помню, что оба кречета жили въ одной большой клѣткѣ, загороженной изъ частокола на родниковомъ ключѣ, и что въ жаркое время кречета сидѣли, погрузивъ ноги въ холодную воду. Охотники объясняли мнѣ, что кречетъ птица сибирская, о чемъ упоминается не одинъ разъ въ книгѣ «Соколинаго пути», что онъ чувствуетъ такой жаръ и зудъ въ ногахъ, что въ лѣтнее время безъ холодной воды жить не можетъ; что станетъ щипать и рвать носомъ своимъ пальцы и такъ ихъ изранитъ, что наконецъ околѣетъ. Я не утверждаю этого разсказа, а передаю только что слышалъ. Тѣ же охотники разсказывали мнѣ, что у моего отца бывали нѣкогда «дербники» или «дробники». Не объ нихъ ли говоритъ книга «Сокольничья пути» слѣдующими словами: « Угодительна же и потѣшна дермлиговая перелазка и добыча»? По словамъ старыхъ охотниковъ, дербникъ бываетъ очень малъ, не болѣе копчика, и соединяетъ въ себѣ свойства сокола и ястреба, то-есть бьетъ птицу сверху и ловитъ въ угонъ; что на травлю всегда пускаютъ двухъ дербниковъ, что ими травятъ только мелкую птицу и что самая веселая охота напускать ихъ на жаворонковъ въ то время, когда жаворонокъ самъ поднимается высоко отъ земли: одинъ дербникъ бьетъ его сверху внизъ, а другой, не допуская садиться, подбиваетъ снизу вверхъ; что эта потѣха продолжается иногда нѣсколько минутъ, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ дербниковъ поймаетъ добычу. Для охотника это зрѣлище должно быть въ высшей степени восхитительно. Что же касается до словъ: «Добровидна же копцова добыча и летъ», то я долженъ повторить то, что сказано мною въ «Запискахъ ружейнаго охотника».

Если случится ѣхать лѣсистой дорогою, чрезъ зеленые

перелѣски и душистыя поляны, только-что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ копчикъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо неподалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной. Онъ сторожитъ изумительно зоркими своими глазами: не вылетитъ ли какая-нибудь маленькая птица изъ-подъ ногъ лошади или человѣка. Съ быстротою молніи падаетъ онъ изъ поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то копчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтямъ. Если же не удастся схватить добычу, то онъ взмоетъ вверхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ ставку и опять упадетъ внизъ, если снова поднимается та же птичка или будетъ вспугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черкаетъ какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ. Иногда случается, что отъ большихъ дѣтей вылетаютъ на ловлю оба копчика, самка и чегликъ, и тогда они могутъ позабавить всякаго зрителя и не-охотника. Нельзя безъ пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищной птицы. Странно, но самому жалостливому человѣку какъ-то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ хорошъ, изященъ, увлекателенъ процессъ этой ловли, что непремѣнно желаешь успѣха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то онъ сейчасъ уноситъ добычу къ дѣтямъ, а другой остается и продолжаетъ плавать надъ человѣкомъ, ожидая и себѣ поживы. Случается то, что оба копчика, почти въ одно время, поймаютъ по птичкѣ и улетятъ съ ними; но чрезъ минуту одинъ непремѣнно явится къ человѣку опять. Копчикъ загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, а ручной ничего не ловитъ. Я много разъ пробовалъ вынашивать копчиковъ (то же, что дрессировать собаку) и гнѣздарей и слетковъ; выносить ихъ весьма легко: въ три, четыре дня онъ привыкнетъ совершенно и будетъ ходить на руку, даже безъ вабила (кусокъ мяса); стоитъ только свистнуть да махнуть рукой, стоитъ копчику только завидѣть охотника или заслышать его свистъ—онъ уже на рукѣ, и если охотникъ не протянетъ руки, то копчикъ сядетъ на его плечо или голову,—живой же птички никакой не беретъ. Эта особенность его извѣстна всѣмъ охотникамъ; но я не вѣрилъ, пока многими опытами не убѣдился, что это совершенная правда.

Потерявъ всякую надежду, чтобы копчикъ сталъ ловить, я обыкновенно выпускалъ его на волю, и долго видѣли его летающаго около дома и слышали жалобный пискъ, означающій, что онъ голоденъ. Получалъ ли копчикъ прежнюю способность ловить на волѣ, или умиралъ съ голоду,—не знаю.

Къ этому надобно прибавить, что уже было также мною сказано, то есть, что охотники у царя Алексѣя Михайловича умѣли вынашивать копчиковъ, что ими травили и что ловъ и летъ копцовый безъ сомнѣнія были добровидны.

Слѣдующія строки, когда поставляютъ нововыборнаго: «И взявъ его тѣ рядовые два сокольника Никитка и Мишка подъ руки, поставляютъ на поляновъ» (въ другомъ мѣстѣ на поляново),—заставляютъ меня думать, что поляново, состоящее изъ сѣна, покрытаго попоной, представляетъ эмблематически поле или лугъ, заросшій травою.

Слово ващага, употребленное такъ: «Ѳедька Кошелевъ держитъ вабило; второй поддатень, Наумка Петровъ держитъ ващагу»,—наводитъ меня на мысль, что это есть ничто иное, какъ сумка, въ которую кладется вабило и которая теперь называется вачегъ; вѣроятно эта сумка дѣлалась изъ матеріи, пропитанной воскомъ для того, чтобы кровь отъ вабила не марала платья, а потому и называлась ващагой. — Считаю не лишнимъ разсказать все, что я видѣлъ и помню въ соколиной охотѣ. Сокола бываютъ трехъ породъ: большіе, средніе и малые. По цвѣту перьевъ называютъ ихъ сѣрыми и черными. Обыкновенно охота производится слѣдующимъ образомъ: охотники, съ однимъ или двумя соколами, разумѣется, хорошо выношенными, ѣздятъ по полямъ, по рѣчкамъ или около небольшихъ озеръ; усмотрѣвъ издали птицу, сокола бросаютъ съ руки, и онъ сейчасъ начинаетъ всходить кругами вверхъ; когда же онъ взойдетъ до извѣстной своей высоты, птицу поднимаютъ, спугиваютъ, и соколъ, какъ молнія, падаетъ на нее съ неба. Сокола стараго и умнаго (глупыхъ бываетъ не мало) [1]) спускаютъ съ руки сейчасъ по выѣздѣ въ поле; онъ возьметъ умѣренный верхъ и идетъ имъ впереди охотниковъ, самъ высматриваетъ добычу и едва завидитъ—вдругъ начинаетъ подниматься выше и выше надъ самою пти-

---

1) У отца моего перебывало до ста соколовъ, и только четверыхъ называли умницами. Глупымъ называютъ только такого сокола, который верху не держитъ, и сейчасъ бросается за всякой дрянной птицей.

цею: слѣдовательно, самъ и укажетъ охотникамъ добычу.— Лучшимъ соколомъ считается тотъ, который высоко ходитъ и, взобравшись кругами въ поднебесье, дѣлаетъ тамъ ставку, то-есть становится неподвижно въ воздухѣ, не поднимаясь уже кверху. Въ это время охотникъ спугиваетъ птицу съ воды или съ хлѣбнаго поля, что я уже и сказалъ. Самый лучшій соколъ, что называется перваго сорта, очень рѣдко попадающійся охотникамъ.не станетъ бить птицы,пока не взойдетъ вверхъ на свою настоящую опредѣленную высоту.Плохой же соколъ летаетъ на кругахъ низко, ставки не дѣлаетъ и, какъ скоро увидитъ птицу, сейчасъ на нее бросается, схватываетъ когтями и опускается на землю, слѣдовательно тутъ нѣтъ никакого удовольствія для охотника. Соколиная охота по преимуществу благодарная охота. Тутъ дѣло идетъ не о добычѣ,не о числѣ затравленныхъ гусей или утокъ,—то охотники наслаждаются рѣзвостью и красотою соколинаго полета или, лучше сказать, неимовѣрной быстротой его паденія изъ-подъ облаковъ, силою его удара. Въ народѣ говорятъ, что соколъ бьетъ птицу грудью, и при первомъ взглядѣ это покажется справедливымъ; соколъ бьетъ свою добычу крѣпкими пріемными когтями своихъ заднихъ пальцевъ, которые онъ очень искусно складываетъ вмѣстѣ, а какъ въ это время ноги его бываютъ прижаты къ груди, то дѣйствительно можно подуматъ, что онъ бьетъ птицу грудью. Пріемные когти бываютъ такъ остры и крѣпки, ударъ такъ силенъ, что если попадетъ по утиной шеѣ, то иногда перерѣзываетъ ее пополамъ; голова отлетитъ въ сторону, и утка падаетъ обезглавленною. Если ударъ придется по крылу,то такъ его повреждаетъ, что птица не можетъ уже летать; если же ударъ сложенныхъ когтей угодитъ вдоль утки, то разрѣжетъ ей всю спину отъ репицы до шеи и заворотитъ кожу на сторону; пухъ и перья полетятъ по воздуху и ошеломленная утка, перевертываясь, какъ кубарь въ воздухѣ, падаетъ на землю; соколъ взмоетъ вверхъ, увидитъ, гдѣ упала его добыча, и прямо уже опускается на нее. При соколиной охотѣ необходимо, чтобъ охотники были верхами. Ударъ сокола съ такой высоты, что едва можно разглядѣть его, какъ темное пятнышко, стоящее въ небѣ, бываетъ иногда очень косвенный (діагональный), и соколъ можетъ свалиться съ добычей даже за полверсты и болѣе, и потому надобно скакать туда, чтобъ немедленно отыскать его, пока онъ не успѣлъ наѣсться

и сдѣлаться негоднымъ къ продолженію охоты; при травлѣ же гусей поспѣшность еще необходимѣе: когда соколъ вышибетъ одного гуся изъ стаи,—иногда повтореннымъ ударомъ, если первый окажется недостаточнымъ,—и опустится на него или свалится съ нимъ на землю, то вся стая гусей бросится на помощь погибающему товарищу и, если охотникъ не подоспѣетъ, то гуси своими крыльями и носами не только изуродуютъ сокола, но даже забьютъ до-смерти.

Послѣ всего сказаннаго мною будетъ еще понятнѣе, какъ вѣрно и живописно нѣсколькими словами изображенъ соколъ въ «Новомъ уложеніи и устроеніи чина сокольничья пути»: «Красносмотрителенъ же и радостенъ высокаго сокола летъ».

1855 г. Декабря 15.

ОТЗЫВЪ О ЖУРНАЛѢ ОХОТЫ.

Съ января текущаго 1858 года издается въ Москвѣ г. Г. Миномъ *Журналъ Охоты*, который выходитъ по одной книжкѣ 28-го числа каждаго мѣсяца. При каждой книжкѣ прилагается прекрасный отдѣльный рисунокъ: или политипажъ извѣстнаго въ Москвѣ перваго и отличнаго мастера этого дѣла г. Рихау, или литографія Бахмана, также очень хорошо сдѣланная. Изъ 10-ти вышедшихъ рисунковъ— политипажей семь, а литографій три. Каждая книжка журнала доставляла мнѣ каждый мѣсяцъ истинное удовольствіе своими статьями, удовольствіе въ то же время совершенно новое, потому что охотничьяго журнала на русскомъ языкѣ у насъ никогда не бывало. Были попытки, но какъ-то не состоялись. Судя по себѣ, я предполагаю, что *Журналъ Охоты* во всѣхъ ея видахъ, охоты, въ обширномъ смыслѣ этого слова, долженъ доставлять такое же удовольствіе всѣмъ охотникамъ, разсѣяннымъ по огромному пространству Россіи. Но, къ удивленію моему, ни въ одномъ журналѣ, кромѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, не было сказано добраго и благодарнаго слова издателю. Я ожидалъ также гораздо болѣе сочувствія въ нашихъ охотникахъ, ожидалъ, что они своими статьями поспѣшатъ дополнить нѣкоторые пробѣлы въ *Журналѣ Охоты*. Сколько бы любопытныхъ свѣдѣній, сколько интересныхъ разсказовъ, современныхъ, живыхъ охотничьихъ новостей, могли бы доставить спеціалисты-охотники, каждый по своей части! Я считаю единственною тому причиной, что *Журналъ Охоты* мало еще распространенъ, что во многихъ отдаленныхъ углахъ пространной Руси даже не знаютъ о его существованіи. Какъ старый охотникъ, какъ человѣкъ, писавшій объ охотѣ, я считаю за долгъ выразить полную благодарность г-ну Мину и поговорить

о достоинствѣ статей, помѣщенныхъ въ вышедшихъ уже книжкахъ. Я очень былъ бы счастливъ, еслибъ эти строки обратили вниманіе моихъ собратовъ-охотниковъ на изданіе г. Мина и возбудили въ нихъ участіе къ *Журналу Охоты*, который по истинѣ заслуживаетъ полное одобреніе всѣхъ образованныхъ читателей.

Въ 1-й январской книжкѣ обращаетъ на себя вниманіе *Охотничій Дневникъ царя Алексѣя Михайловича*, этого истиннаго патріарха, царственнаго представителя русскихъ охотниковъ, который вполнѣ чувствовалъ всю поэзію охоты и художественно относился не только къ самому дѣлу, но ко всѣмъ мелочамъ и подробностямъ его обстановки. Царь Алексѣй Михайловичъ, не говоря о другихъ его царственныхъ и человѣческихъ достоинствахъ, самое умилительное и самое достолюбезное лицо для каждаго охотника. Я увѣренъ, что многія мѣста въ *Урядникѣ* или въ *Уставѣ сокольничья пути* непремѣнно писаны или диктованы имъ самимъ. Надобно быть истиннымъ охотникомъ въ душѣ, съ поэтической стороны смотрящимъ на дѣло, чтобы такъ мѣтко, такъ тепло и увлекательно выражаться. Хотя *Дневникъ* есть только перечень государевой охоты, но онъ живо представляетъ царственнаго охотника во всѣ часы дня и даже ночи, при всѣхъ перемѣнахъ погоды, во всей его охотничьей дѣятельности. Письма же царя Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшкину, которыми заключается эта любопытная статья г. Забѣлина, просто прелесть и драгоцѣнность.

Статья *Куропатка сѣрая полевая* также очень интересна, не только для охотника, но и для всякаго любителя натуральной исторіи. Политипажъ, изображающій стаю куропатокъ на отдыхѣ, превосходенъ, какъ по своему составленію, такъ и по исполненію. Охотникъ не можетъ смотрѣть на него равнодушно. Вотъ онѣ, эти красивыя, по своему перу, и миловидныя, по своему складу, наши туземки, не отлетныя, сѣрыя куропатки: иныя почти совсѣмъ зарылись въ снѣгъ, другія закопались въ него до половины; иныя остаются на поверхности снѣга и какъ будто дремлютъ, надувшись и оттопыривъ свои перышки, отчего кажутся гораздо толще и круглѣе; иныя собираются усѣсться на отдыхъ и уже готовятся разгребать снѣгъ своими голыми, рѣзвыми на бѣгу, красивыми ножками; а между тѣмъ по голымъ сучьямъ, опушеннымъ снѣгомъ, наклонившимся надъ стаей отдыхающихъ куропатокъ, прыгаютъ

бѣлки, щеглята и снегири, съ любопытствомъ заглядывая въ разрытый и разбросанный снѣгъ, и думая найти въ немъ какую-нибудь для себя поживу. Во второмъ нумерѣ *Журнала Охоты* статьи *Англійскіе законы объ охотѣ* Г. и *Охотничьи метательныя оружія*, съ политипажами г. Константина Петрова, замѣчательны и любопытны: первая сообщаетъ намъ, какое значеніе имѣетъ охота въ Англіи, гдѣ еще въ 1017 году по Рождествѣ Христовѣ были изданы законы объ охотѣ англо-саксонскимъ завоевателемъ Канутомъ, законы, изъ которыхъ многіе теперь еще существуютъ; вторая, т. е. исторія охотничьяго метательнаго оружія, представляетъ полное и добросовѣстное изслѣдованіе этого важнаго предмета, его постепеннаго развитія и усовершенствованія, до котораго дошло оно теперь. Статья Жюль-Жерара: *Арабы и Львы* исполнена самаго живого интереса, даже и для всякаго любознательнаго читателя. Наконецъ статья И. Бильфельда: *Оленій Ревъ*, окончаніе которой напечатано въ № 3, украшенная двумя прекрасными литографіями, рисуетъ разнообразную и великолѣпную картину высокой охоты въ окрестности Кизляра, за дичью первоклассною, охоты, мало извѣстной у насъ внутри Россіи, а потому заслуживающей еще большаго любопытства и вниманія. На первой литографіи (№ 2 и 3 журнала) изображенъ олень, ревомъ своимъ оглашающій пустынное пространство и тишину темной ночи; закинувъ вѣтвистые рога на спину, онъ зоветъ зычнымъ ревомъ къ себѣ подругу, чутко слушая, не отзовется ли гдѣ ея отвѣтный голосъ. На второй литографіи олень, какъ видно, услыхавъ какіе-то знакомые звуки, въ пылу страсти ничего не разбирая, бросился въ воду и распугалъ стадо утокъ въ прибрежномъ камышѣ, усѣвшихся тамъ на ночлегъ: однѣ съ испугомъ разлетаются въ разныя стороны, а другія, вѣроятно, встревоженныя прежде, опять возвращаются уже вереницей на прежнее мѣсто. Въ № 3 отлично хорошо написана статья *Грачъ*, но она, конечно, интересна только для любителей натуральной исторіи, а не для ружейнаго охотника. У насъ, въ Россіи, грачей не ѣдятъ, хотя мясо молодыхъ и жирныхъ очень вкусно; никто не считаетъ ихъ дичью, и никто не стрѣляетъ, развѣ только для того, чтобъ отогнать ихъ отъ березовой рощи, которую сушатъ они устройствомъ своихъ безобразныхъ гнѣздъ. Но статья моя далеко бы превзошла назначенные ей предѣлы, еслибъ я сталъ распространяться о всѣхъ любопытныхъ и замѣчательныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 10

книжкахъ *Журнала Охоты*, какъ напримѣръ: *Перепелки на островѣ Кипрѣ*, *Дикая индѣйка*, *Охота на кагуара или американскаго льва* и пр. Не буду говорить также о превосходно нарисованныхъ и вырѣзанныхъ политипажахъ, изъ числа которыхъ изображеніе «альпійскаго охотника» превзошло всѣ прежніе политипажи Рихау [1]). Я остановлюсь только на *Воспоминаніяхъ охотника* г. Ф. Арсеньева и на *Запискахъ ружейнаго охотника Костромской губерніи* А. В—ва. Оба разсказа написаны очень живо и драматично; но разсказъ г. В—ва лучше и вполнѣ переноситъ читателя въ костромскія лѣсныя мѣста. Въ № 10 *Журнала Охоты* помѣщены двѣ, въ высшей степени замѣчательныя статьи: *Охота въ горахъ* (изъ записокъ о Шотландіи) самого редактора, г. Мина, и *Охота въ окрестностяхъ Усть-Сысольска* г. Ф. Арсеньева. Въ статьѣ г. Мина дѣло еще не дошло до охоты, но его очеркъ шотландскихъ горъ, морского залива и чудныхъ величественныхъ, измѣняющихся картинъ, производимыхъ и солнцемъ и дождемъ, его живыя описанія встрѣчавшихся съ нимъ людей, такъ интересны и занимательны, такъ рисуютъ страну, о которой говоритъ онъ, что заставляютъ насъ ожидать удовольствія отъ продолженія его статьи. Я прошу г. Мина не поскупиться на отрывки изъ его путешествія по Шотландіи, которую онъ, какъ я слышалъ, исходилъ пѣшкомъ вдоль и поперекъ. *Охота въ окрестностяхъ Усть-Сысольска* г. Арсеньева, на берегахъ рѣкъ Вычегды и Сысолы, въ громадныхъ лѣсахъ Сѣверной Россіи, въ этой сказочной сторонѣ (какъ говоритъ сочинитель), любопытна для каждаго охотника по своей новости, свѣжести картинъ и особенностямъ. По этому прекрасному обращику читатель въ правѣ надѣяться встрѣтить то же достоинство въ послѣдующихъ его статьяхъ.

Высказавъ искренно мое мнѣніе о *Журналѣ Охоты*, я прибавлю два желанія: 1) чтобы книжки были потолще и 2) чтобы онѣ состояли изъ статей объ охотахъ преимущественно русскихъ.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

---

1) Должно упомянуть, что стихотвореніе *Альпійскій Охотникъ*, изъ Рейгюрда, очень живо и сильно переведено г. Дмитріемъ Миномъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАПИСКИ ОБЪ УЖЕНЬѢ РЫБЫ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХЪ ОХОТАХЪ.

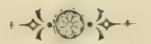
ПРИЛОЖЕНІЯ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Т. АКСАКОВА.

Томъ VI.

ЗАПИСКИ РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА
ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.



МОСКВА.
Изданіе А. А. Карцева.
1896.

Тип. - [illegible] Г. И. ПРОСТАКОВА [illegible]

ЗАПИСКИ РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА

ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Техническая часть ружейной охоты.

Я думалъ сначала говорить подробно въ моихъ запискахъ вообще о ружейной охотѣ, то-есть, не только о стрѣльбѣ, о дичи, о ея нравахъ и мѣстахъ жительства въ Оренбургской губерніи, но также о легавыхъ собакахъ, ружьяхъ, о разныхъ принадлежностяхъ охоты и вообще о всей технической ея части. Теперь, принявшись за это дѣло, я увидѣлъ, что въ продолженіе того времени, какъ я оставилъ ружье, техническая часть ружейной охоты далеко ушла впередъ, и что я не знаю ее близко и подробно въ настоящемъ современномъ положеніи. Къ чему, напримѣръ, говорить теперь о прежнихъ славныхъ породахъ собакъ, объ умѣньи выдерживать и соблюдать ихъ, когда самыя породы уже не существуютъ? О дрессировкѣ, которая измѣнилась, потому что измѣнились требованія охотниковъ? О знаменитыхъ ружьяхъ Моргенрота, Штарбуса, старика Кинленца и Лазарони, когда ружья ихъ сохранились только, какъ историческіе памятники, въ оружейняхъ старыхъ охотниковъ? Итакъ, обо всемъ этомъ я скажу кое-что въ самомъ вступленіи; скажу объ основныхъ началахъ, которыя никогда не измѣнятся и не состарѣются, скажу и о томъ, что замѣтила моя долговременная опытность, страстная охота и наблюдательность. Къ тому же книжка моя можетъ попасть въ руки охотникамъ деревенскимъ, далеко живущимъ отъ

столицъ и значительныхъ городовъ, людямъ небогатымъ, не имѣющимъ средствъ выписывать всѣ охотничьи снаряды готовые, прилаженные къ дѣлу въ современномъ, улучшенномъ ихъ состояніи. Признаюсь, именно имъ желалъ бы я быть хоть нѣсколько полезнымъ. Меня утѣшаетъ мысль, что добрый совѣтъ по части технической можетъ также пригодиться имъ, какъ и наблюденія надъ нравами дичи, или замѣтки и указанія въ самой стрѣльбѣ. Для нихъ собственно пишу я это вступленіе. Я не знаю, кого назвать *настоящимъ охотникомъ*,— выраженіе, которое будетъ не рѣдко употребляться мною: того ли, кто, преимущественно охотясь за болотною дичью и вальдшнепами, едва удостоиваетъ своими выстрѣлами стрепетовъ, куропатокъ и молодыхъ тетеревовъ и смотритъ уже съ презрѣніемъ на всю остальную дичь, особенно на крупную; или того, кто, сообразно временамъ года, гоняется за всѣми породами дичи: за болотною, водяною, степною и лѣсною, пренебрегая всѣми трудностями, и даже находя наслажденіе въ преодолѣніи этихъ трудностей? Я не беру на себя рѣшеніе этого вопроса, но скажу, что всегда принадлежалъ ко второму разряду охотниковъ, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ между постоянными жителями столицъ, ибо для отысканія многихъ породъ дичи надобно ѣхать слишкомъ далеко, надо подвергать себя многимъ лишеніямъ и многимъ тяжелымъ трудамъ. Прежде число второго разряда охотниковъ было несравненно значительнѣе; теперь же, напротивъ, рѣшительное большинство на сторонѣ первыхъ. Требованія этого большинства нынѣшнихъ охотниковъ, относительно качества ружей, весьма отличны отъ прежнихъ; изъ сего непосредственно слѣдуетъ, что и ружейные лучшіе мастера приготовляютъ ружья сообразно настоящимъ требованіямъ большинства, то-есть, приготовляя ружья предпочтительно для стрѣльбы мелкой дичи. Итакъ къ дѣлу.

Ружье, ружейный стволъ.

Для охотниковъ, стрѣляющихъ въ летъ мелкую, преимущественно болотную птицу, не нужно ружье, которое бы било дальше 50-ти или, много, 55-ти шаговъ: это самая дальняя мѣра; по бо̀льшей части въ болотѣ приходится стрѣлять го-

раздо ближе; еще менѣе нужно, чтобъ ружье било слишкомъ кучно, что̀, впрочемъ, всегда соединяется съ далекобойностью; ружье, несущее дробь кучею, даже не выгодно для мелкой дичи: изъ него гораздо скорѣе дашь промахъ; а если возьмешь очень вѣрно на близкомъ разстояніи, то непремѣнно разорвешь птицу: надобно только, чтобъ ружье ровно и не слишкомъ широко разсѣвало во всѣ стороны мелкую дробь, обыкновенно употребляемую въ охотѣ такого рода, и чтобъ зарядъ ложился, какъ говорится, рѣшетомъ. Нельзя не замѣтить страннаго обстоятельства, что рѣдко одно и то же ружье бьетъ одинаково хорошо и крупною и мелкою дробью.

Распространеніе двухствольныхъ ружей, выгоду которыхъ объяснять не нужно, измѣнило ширину и длину стволовъ, приведя и ту и другую почти въ одинаковую, извѣстную мѣру. Длинные стволы и толстыя казны, при спайкѣ двухъ стволинъ, очевидно неудобны по своей тяжести и неловкости, и потому нынче употребляютъ стволинки короткія и умѣренно тонкостѣнныя; но при всемъ этомъ, даже самыя легкія, нынѣшнія, двухствольныя ружья не такъ ловки и тяжеле прежнихъ одноствольныхъ ружей, назначенныхъ собственно для стрѣльбы въ болотѣ и въ лѣсу. Вообще надобно сказать, что, несмотря на новое устройство, впрочемъ давно уже появившееся, такъ называемыхъ полуторныхъ и двойныхъ камеръ въ казенномъ щурупѣ, несмотря на новѣйшее изобрѣтеніе замковъ съ пистонами, — старинныя охотничьи ружья били кучнѣе, крѣпче и дальше нынѣшнихъ ружей, изящныхъ по отдѣлкѣ и очень удобныхъ для стрѣльбы крупною дробью крупной дичи. Если я ошибаюсь, то не по пристрастью къ старинѣ, а, можетъ быть, по недостаточнымъ или ошибочнымъ опытамъ надъ нынѣшними ружьями. Впрочемъ, мое мнѣніе раздѣляютъ многіе охотники.

Отличный бой ружья—дѣло неопредѣленное, не приведенное въ ясность. Всѣмъ охотникамъ извѣстно, что двухствольныя ружья, при одинаковыхъ условіяхъ въ отдѣлкѣ и въ добротѣ стволинъ, почти всегда бьютъ неодинаково: одинъ стволъ лучше, другой хуже. Я никогда не могъ разрѣшить себѣ этой задачи, да и ни одинъ ружейный мастеръ не объяснилъ мнѣ ее удовлетворительно. Лучшее доказательство, что мастера сами не знаютъ причины, состоитъ въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не возьмется сдѣлать двухъ стволинъ одинаковаго боя, какъ бы онѣ ни были сходны достоинствомъ

желѣза. Причины далекобойности ружей, по мнѣнію охотниковъ, заключаются въ слѣдующихъ качествахъ стволовъ: 1) въ мягкости и ровности слоевъ желѣза; 2) въ длинѣ ствола и его узкости; 3) въ толщинѣ стѣнокъ казны, и 4) въ длинѣ казеннаго щурупа и въ числѣ нарѣзанныхъ на немъ винтовъ. Первая причина мнѣ кажется основательнѣе другихъ, да и ружейные мастера всегда ею объясняютъ свои неудачи въ приведеніи иныхъ ружей въ цѣль; они говорятъ, и можно съ ними согласиться, что отъ мгновеннаго, *ровнаго* нагрѣванья ствола придается бо̀льшая сила вылетающей дроби, для чего необходима ровность слоевъ желѣза. Защитники второй причины утверждаютъ, будто въ длинной стволинѣ порохъ воспламеняется весь до вылета дроби, тогда какъ въ короткой онъ не успѣваетъ весь вспыхнуть, и уцѣлѣвшія зёрна выкидываются и падаютъ внизъ, и что зарядъ дроби, далѣе идущій въ стволѣ, въ насильственно-стѣсненномъ положеніи, долѣе не разлетается въ воздухѣ, чему содѣйствуетъ и узкость стволины. Съ этимъ согласиться нельзя. Невѣрность такихъ предположеній всего лучше объясняется опытомъ: кто изъ охотниковъ не видалъ ружей съ чрезвычайно короткими стволами, которыя бьютъ отлично хорошо: кучно, далеко и крѣпко? Что же касается до выкидыванья невоспламенившихся зеренъ пороха, то оно всегда бываетъ одинаково, длинна ли, коротка ли стволинка. Я дѣлалъ многіе опыты: подстилалъ полотно подъ ружейныя дула разной длины,—результатъ выходилъ одинъ и тотъ же. Объясненіе третьей причины состоитъ въ слѣдующемъ: говорятъ, что толщина стѣнъ казны, у которой, при выстрѣлѣ, нагрѣваются только первые, ближайшіе слои, — отъ противодѣйствія остальной ненагрѣтой массы желѣза, усиливаетъ бой заряда. Это мнѣніе раздѣляютъ многіе опытные охотники, и очень уважаютъ казнистыя стволины. Что касается до четвертой причины, то-есть до глубины винтовъ и длины казеннаго щурупа, то, не умѣя объяснить физическихъ законовъ, на которыхъ основано его вліяніе на зарядъ, я скажу только, что многими опытами убѣдился въ дѣйствительной зависимости ружейнаго боя отъ казенника: я потерялъ не одно славное ружье, перемѣнивъ старый казенный щурупъ на новый, повидимому гораздо лучшій. Итакъ, диковинный бой иныхъ ружей остается необъяснимою загадкой. Могу только дать искренній совѣтъ охотникамъ: не передѣлывать даже и бездѣлицъ въ тѣхъ

ружьяхъ, которыя отлично бьютъ. Я испортилъ одинъ разъ необыкновенно далекобойное ружье только тѣмъ, что перепаялъ на немъ цѣль, для чего надобно было слегка нагрѣть конецъ ствола.

Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что въ выборѣ ружья ничѣмъ нельзя руководствоваться, кромѣ опыта, то-есть: надобно пробовать, какъ бьетъ ружье въ цѣль мелкою и крупною дробью, какъ разсѣваетъ дробь, глубоко ли входятъ дробины въ доску, и какая доска — мягкая или жесткая? Мѣра должна быть всегда средняя: 45 шаговъ для бекасиной и 60 — для самой крупной или гусиной дроби. Не худо также попробовать предварительно ружье на птицѣ, а потомъ уже его покупать. — Едва ли нужно говорить о томъ, что въ ружейномъ стволѣ не должно быть: разстрѣла, выпуклостей, внутреннихъ раковинъ, еще менѣе трещинъ, и что казенный щурупъ долженъ привинчиваться всѣми цѣльными винтами такъ плотно, чтобъ духъ не проходилъ.

Ложа, прикладъ, шомполъ или прибойникъ.

Безъ сомнѣнія, ловчѣе стрѣлять изъ ружей съ кривыми ложами, то-есть погнутыми нѣсколько внизъ, ибо, прицѣливаясь, не нужно вытягивать шею и слишкомъ низко опускать голову на щеку приклада, для скорѣйшаго отысканія цѣли. Конечно, можно привыкнуть стрѣлять изъ ружей и съ прямыми ложами. Эту привычку еще легче получить человѣку, у котораго шея коротка. Послѣднее обстоятельство ясно указываетъ на то, что ружье, ловкое въ прикладѣ одному, можетъ быть неловко другому. Впрочемъ, подъ словомъ *прямая ложа* не должно разумѣть совершенную прямизну: всѣ ложи охотничьихъ ружей нѣсколько кривы, и меньшую кривизну уже называютъ прямизною. Итакъ, попробовавъ нѣсколько ложъ разной кривизны, охотникъ долженъ выбрать ту, которая придется ему ловчѣе другихъ, снять съ нея *лекало* (выкройку) и по немъ заказывать себѣ ложи. По моему мнѣнію, чѣмъ кривѣе ложа, тѣмъ лучше, разумѣется — до извѣстной степени. Съ прямой ложей неизбѣжно неестественное вытягиваніе шеи; къ чему же насиловать себя для полученія дур-

ной и безобразной привычки? Притомъ прикладъ кривой будетъ приходиться прямо ложбиной, то-есть углубленіемъ средины, въ плечную кость, ляжетъ плотно и не станетъ двигаться съ мѣста или вертѣться. Неминуемый толчекъ отъ выстрѣла только прижметъ прикладъ къ плечу, и скула охотника, слѣдственно, и голова не почувствуютъ никакого сотрясенія, непріятнаго и даже болѣзненнаго, если стрѣляешь много. Я не одинъ разъ испыталъ, что ружье, которое нѣсколько отдавало съ прямою ложей, съ кривою совершенно переставало отдавать.

О шомполѣ или прибойникѣ нечего распространяться. Можно только посовѣтовать, чтобы къ тонкому концу его никогда не привинчивать желѣзнаго крейцера (двойной штопоръ): это можетъ портить ружье, — чтобы косточка на противоположномъ концѣ его была какъ можно шире.

Зарядъ.

Каждое ружье имѣетъ свой собственный, особенный зарядъ, которымъ бьетъ лучше, чѣмъ зарядомъ нѣсколько поменьше или побольше. Найти мѣру этого настоящаго заряда—довольно трудно и требуетъ иногда много времени и хлопотъ. Можно напасть на него случайно, даже съ перваго раза; но это рѣдкое исключеніе. Я напротивъ убѣдился, что иные охотники цѣлый вѣкъ стрѣляютъ не настоящими зарядами, особенно любители одной болотной дичи: ружье бьетъ мелкою дробью хорошо—о чемъ же тутъ хлопотать? Пословица, не всегда вѣрная въ приложеніи къ жизни, говорятъ, что „*отъ добра добра не ищутъ*“. Но охотникъ, стрѣляющій крупною дробью сторожкую и крѣпкую къ ружью крупную дичь, на далекомъ разстояніи, необходимо долженъ отыскать мѣру полнаго настоящаго заряда для своего ружья. Положительныхъ правилъ для такого отыскиванья нѣтъ. Вычисленіе мѣры заряда по ширинѣ ружейнаго дула не вѣрно; обсыпаніе со всѣхъ сторонъ калиберной пули порохомъ—также: ибо величина заряда зависитъ отъ толщины стѣнъ ружейнаго ствола и его длины, отъ толщины казны и отъ длины казеннаго щурупа, а всего больше отъ качества желѣза, то-есть отъ его хрупкости, мягкости, плотности, тягучести и упругости. Настоящій зарядъ

какъ-то чувствуется; звукъ его густъ, полонъ, и прикладъ ружья не толкнетъ, не отдастъ, а только плотнѣе прижмется къ плечу и щекѣ стрѣлка, тогда какъ большой зарядъ, не въ мѣру, дастъ толчекъ въ плечо и въ щеку, такъ что отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ кожа на скулѣ щеки покраснѣетъ и даже лопнетъ. Я не только видалъ это на другихъ, но и самъ ходилъ по нѣскольку мѣсяцевъ съ подбитою скулой, продолжая отъ жадности стрѣлять изъ ружья большими зарядами, и всякій разъ сбивая щеку. Несправедливо говорятъ, что будто ружье отдаетъ и малыми зарядами: малый зарядъ тогда только отдаетъ, когда дроби будетъ положено больше, чѣмъ пороху; малый зарядъ слышенъ по жидкости звука выстрѣловъ, похожихъ на хлопанье арапника или пастушьяго кнута, по слабому дѣйствію дроби и по тому, что, при стрѣльбѣ въ цѣль, дробь всегда обнизитъ, то-есть ляжетъ ниже цѣли. Для отысканія полнаго настоящаго заряда, я предлагаю слѣдующій способъ: сдѣлать мѣрку, которой внутренняя ширина равнялась бы внутренней ширинѣ ружейнаго ствола, а глубина была бы въ полтора раза противъ ширины. Если ружье съ кремнемъ, то надобно прибавить столько лишняго пороха, сколько можетъ помѣститься на полкѣ: для чего достаточно насыпать мѣрку пороха верхомъ, а дроби въ гребло; если же ружье съ пистономъ, то насыпать мѣрку въ гребло поровну и пороха и дроби. Я разумѣю порохъ хорошій; если же порохъ дуренъ, то его надобно класть нѣсколько побольше, чѣмъ дроби. Еще должно замѣтить, что зарядъ мелкой дроби будетъ тяжеловѣснѣе заряда крупной, хотя оба сдѣланы по одной мѣркѣ. Въ этомъ можно убѣдиться, взвѣсивъ оба заряда, вѣсъ которыхъ долженъ быть всегда одинаковъ, какого бы сорта дробь ни была [1]), — слѣдовательно, крупной дроби надобно прибавлять отъ двухъ до четырехъ дробинъ сверхъ мѣры. Такой зарядъ, пригодный только для ружей небольшого мало-пульнаго калибра, бываетъ иногда съ перваго раза въ пору, по большей части, нѣсколько маловатъ, но никогда великъ; для широкоствольнаго же ружья онъ будетъ чрезмѣрно великъ, а для узенькаго — слишкомъ малъ; но по заряду въ ружье средняго калибра уже можно сдѣлать приблизительно зарядъ и для широкаго и для узенькаго ствола. Такимъ зарядомъ надобно начать стрѣлять въ цѣль; если звукъ выстрѣла

---

[1] За основаніе должно принять вѣсъ заряда мелкой дроби.

не густъ, не полонъ, прикладъ не плотно прижимается къ плечу, дробь не глубоко входитъ даже въ мягкое дерево и ложится пониже цѣли, то зарядъ малъ; прибавляя понемногу пороху и дроби, вы наконецъ непремѣнно найдете настоящій зарядъ.

У простыхъ охотниковъ есть ружья, которыя отдаютъ всегда, всякими зарядами; мнѣ попадались такія ружья съ подушечками на прикладахъ, чтобы не сбивать щеки. Они били отлично. Я имѣлъ терпѣніе долго пробовать ихъ, и убѣдился, что они точно отдаютъ всякими зарядами. Причину этого, по моему мнѣнію, надобно искать въ несоразмѣрности казенника съ стѣнками ружейнаго ствола. — Для предохраненія ружейныхъ стволовъ отъ ржавчины, не нужно вымазывать ихъ на зиму деревяннымъ масломъ, а всего лучше выстрѣлить разъ изъ чистыхъ стволинъ и, *не продувая* ихъ, заткнуть суконными пробками и повѣсить въ сухой комнатѣ. Весной стóитъ только промыть стволы теплою водой. Замки можно смазывать деревяннымъ масломъ.

Порохъ.

Порохъ приготовляется разнаго качества: винтовочный, полированный, мушкетный и пушечный. Первый, то-есть винтовочный, лучше всѣхъ, и предпочтительно употребляется охотниками: онъ долженъ быть мелокъ, не очень сѣръ и не слишкомъ черенъ; онъ долженъ не марать рукъ, вспыхивать мгновенно и не оставлять послѣ себя угольной копоти или сажи.

Для пробы можно насыпать маленькую щепотку пороха на листъ бѣлой бумаги и зажечь его: если не останется никакого слѣда, то порохъ хорошъ. Въ полированномъ порохѣ нѣтъ никакой надобности: по мнѣнію моему и многихъ охотниковъ, онъ слабѣе винтовочнаго и больше пачкаетъ ружья, хотя на взглядъ чище и глянцовитѣе. По нуждѣ, я употреблялъ мушкетный порохъ, но клалъ его одною хорошею щепоткой больше въ каждый зарядъ.

Дробь, картечь, пуля, жеребья.

Дроби считается 12 нумеровъ. Сверхъ того есть дробь крупнѣе перваго нумера и называется „нуль" или „безъимянка"; есть мельче 12-го нумера, носящая нѣмецкое имя: „дунстъ". Русскіе продавцы называютъ послѣднюю „дунецъ", производя это слово отъ глагола *дунуть*, то-есть дробь такъ мелка, что дунешь—и разлетится. Забавно, что это совпадаетъ со смысломъ нѣмецкаго слова. — Дробь 1-го нумера называется гусиною; 2-го нумера—крупною утиною; 3-го нумера—утиною; 4-го нумера—мелкою утиною; 5-ой и 6-ой нумера не имѣютъ особыхъ именъ, происходящихъ отъ птицы; 7-ой и 8-ой нумера называются крупною и мелкою рябчиковою дробью; а 9-ый нумеръ — бекасиною или бекасинникомъ. Остальные три сорта дроби называются по нумерамъ; 10-ый нумеръ обыкновенно, а 11-ый нумеръ очень рѣдко употребляется для гаршнеповъ и самыхъ крошечныхъ куличковъ; 12-ый нумеръ рѣшительно неупотребителенъ, и я не знаю даже, приготовляютъ ли его теперь. Дунста особо не льютъ, а отсѣваютъ изъ мелкихъ сортовъ дроби, если кто закажетъ; да онъ совсѣмъ и не нуженъ: имъ можно бить птицу только въ самомъ близкомъ разстояніи. Изъ любопытства я пробовалъ стрѣлять дунстомъ: если зарядъ не разорветъ птицу, то убиваетъ ее, какъ-будто палкой, не дѣлая ранъ. Я застрѣлилъ однажды, въ августѣ, дунстомъ молодого, но уже большого косача, сидѣвшаго на низенькомъ дубкѣ, шагахъ въ 15-ти отъ меня. Косачъ не пошевельнулся, умеръ на сучкѣ и упалъ, какъ снопъ; только пухъ и перья полетѣли кругомъ. Когда я взялъ его за ноги и тряхнулъ, то весь бокъ, въ который ударилъ зарядъ, дочиста облетѣлъ, какъ будто косачъ былъ ошпаренъ кипяткомъ, и не только посинѣлъ, но даже почернѣлъ; раны—никакой, крови—ни капли.

Картечь есть не что иное, какъ маленькія пулечки или огромныя дробины, несравненно крупнѣе безъимянки; впрочемъ, величина ихъ бываетъ различная, смотря по надобности; самую крупную картечь употребляютъ для звѣрей, какъ-то: медвѣдей, волковъ, оленей и проч., а маленькою—для большихъ птицъ, собравшихся въ стаи, для лебедей, гусей, журавлей и дрофъ. Картечь можетъ быть такъ крупна, что зарядъ въ харчистое, то-есть широкоствольное ружье, весь состоитъ изъ осьми пулечекъ; самой же мелкой картечи идетъ

на зарядъ того же ружья отъ 20-ти до 25-ти штукъ. Для того, чтобы картечь долѣе летѣла кучей, завертываютъ или завязываютъ ее въ тряпку, даже заклеиваютъ въ бумажный патронъ.

Пули извѣстны всѣмъ. Надобно прибавить, что только тѣми пулями можно бить вѣрно, которыя совершенно приходятся по калибру ружья. Впрочемъ, изъ обыкновенныхъ охотничьихъ ружей, дробовиковъ, какъ ихъ прежде называли, рѣдко стрѣляютъ пулями: для пуль есть штуцера и винтовки. Эта стрѣльба мнѣ мало знакома, и потому я о ней говорить не буду. Вмѣсто пуль и картечи, большею частью за неимѣніемъ ихъ, употребляютъ для стрѣлянія звѣрей—*жеребья*, то-есть нарубленные кусочки свинцоваго прута, даже мѣди и желѣза. Послѣдніе два металла неудобны. Во первыхъ, они легки и силой пороха относятся въ сторону отъ цѣли, отъ чего могутъ быть употребляемы съ успѣхомъ только въ близкомъ разстояніи. Во вторыхъ, они жестки и царапаютъ стѣнки ружейнаго ствола. Свинцовые жеребья старинные охотники предпочитаютъ иногда пулямъ и картечи, основываясь на томъ, будто они *сердитѣе бьютъ*, и будто раны, ими причиняемыя, тяжеле. Можетъ быть послѣднее нѣсколько справедливо, потому что угловатая фигура жеребья шире раздираетъ тѣло при своемъ вторженіи и дѣлаетъ рану если не тяжеле, то болѣзненнѣе, но за то пуля и картечь, по своей круглотѣ, должны, кажется, итти глубже. Что же касается до того, что зарядъ картечи бьетъ вѣрнѣе, кучнѣе въ цѣль, чѣмъ зарядъ изъ жеребьевъ (разумѣется, свинцовыхъ), то это не подлежитъ сомнѣнію.

Пыжи.

Пыжемъ называется то вещество или матеріалъ, которымъ сначала прибивается всыпанный въ дуло ружья порохъ, и которымъ отдѣляется этотъ порохъ отъ всыпаемой потомъ сверхъ него дроби; другимъ пыжемъ прибивается сама дробь. Первый пыжъ называется нижнимъ, а второй верхнимъ. Пыжи дѣлаются изъ льна, поскони, конопли и шерсти. Съ тѣхъ поръ, какъ ввелись въ употребленіе ружья съ пистонами, дробовики

и пороховницы,—патронташи и пыжи, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, уволены въ отставку. Вмѣсто нихъ стали употреблять, такъ-называемые, *рубленые* пыжи, но вѣрнѣе сказать—вырубаемые кружки, изъ старыхъ шляпъ и тонкихъ войлоковъ, посредствомъ особенной желѣзной формы, края которой такъ остры, что если наставить ее на войлокъ и стукнуть сверху молоткомъ, то она вырубитъ войлочный кружокъ, который, входя въ дуло нѣсколько на̀-тугѣ, весьма удобно и выгодно замѣняетъ всѣ другого рода пыжи. Разумѣется, эта форма, всегда совершенно одинаковая съ калибромъ дула, дѣлается особенная для каждаго ружья, что̀, конечно, довольно затруднительно. Такихъ легкихъ и укладистыхъ пыжей можно положить въ одинъ карманъ болѣе сотни. Но какъ у многихъ деревенскихъ охотниковъ, особенно у охотниковъ средней руки, нѣтъ формъ и самаго матеріала для вырубки пыжей, то они употребляютъ на пыжи какой-нибудь изъ числа тѣхъ матеріаловъ, о которыхъ я упомянулъ сначала. Самые лучшіе пыжи скатываются изъ льняныхъ хлопковъ: они ложатся плотно, волокна ихъ коротки, и дробь въ нихъ не завертывается. За неимѣньемъ льняныхъ, можно употреблять хлопки посконные и конопляные, а за неимѣньемъ хлопковъ—самый ленъ, посконь и коноплю, предварительно изрубя, мѣрою въ полвершка, длинныя, волокнистыя ихъ пряди: въ противномъ случаѣ дробь иногда завертывается, и зарядъ будетъ невѣренъ. Пыжи шерстяные употребительнѣе другихъ у простыхъ охотниковъ; они имѣютъ одно преимущество, что шерсть не горитъ, но за то зарядъ прибивается ими не плотно, часть дроби иногда завертывается въ шерсть, и такіе пыжи, по мнѣнію всѣхъ охотниковъ, скорѣе пачкаютъ внутреннія стѣны ствола. Съ пыжами изъ хлопковъ, весьма удобными въ мѣстахъ безопасныхъ, надобно быть очень осторожну: они вспыхиваютъ, вылетя изъ ствола, и могутъ произвести пожаръ; изрубленные же ленъ и конопля разлетаются врозь и, слѣдовательно, не могутъ воспламеняться; очевидно, что, для предупрежденія опасности, слѣдуетъ рубить и хлопки. Первый пыжъ, который кладется на порохъ, надобно прибивать довольно крѣпко, а второй, на дробь, только прижать поплотнѣе. Стрѣляющимъ съ шерстяными пыжами должно принять въ соображеніе то, что ихъ пыжи могутъ отодвигаться тяжестью дроби, если дуло заряженнаго ружья будетъ обращено внизъ, особенно при ѣздѣ въ тряскомъ экипажѣ, что̀ случается не рѣдко; а потому

должно всегда ружье, давно заряженное съ шерстяными пыжами, пробовать шомполомъ и снова прибить верхній пыжъ, ежели онъ отодвинулся; то же надобно наблюдать съ вырубленными, войлочными и шляпными пыжами, особенно если они входятъ въ дуло не нà-тугѣ; съ послѣдними можетъ случиться, что верхній пыжъ отодвинется, покосится и часть дроби сейчасъ высыплется, отъ чего послѣдуетъ неизбѣжный промахъ. Подъ словомъ *давно*, я разумѣю ружье— заряженное нѣсколько часовъ, потому что приносить его домой заряженнымъ никогда не должно: многіе не исполняютъ этого правила, и не мало случается отъ того несчастныхъ происшествій.

Въ случаяхъ совершенной крайности въ должность пыжей можетъ быть употреблено все, что способно отдѣлить порохъ отъ дроби, и потомъ удержать ее въ горизонтальномъ положеніи къ пороху. Тутъ пойти могутъ въ дѣло и тряпки, и бумага, особенно мягкая, употребляемая для печати, и трава, и листья древесные не слишкомъ сырые, и даже мохъ.

Пистоны

Русскіе охотники называютъ ихъ *колпачками*, потому что они надѣваются на обращенную вверхъ затравку, какъ колпакъ на голову. Впрочемъ, пистоны фигурой своей больше похожи на шапки бѣлорусскихъ крестьянъ. Я не стану распространяться объ устройствѣ пистоновъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произвели они въ ружейныхъ замкахъ. Охотникамъ все это хорошо извѣстно, а неохотникамъ будетъ непонятно и скучно; скажу только о тѣхъ выгодахъ, которыя доставляетъ употребленіе пистоновъ. Во-первыхъ, если пистоны хороши, то *осѣчекъ* не должно быть вовсе, хотя бы случилось стрѣлять въ сильный дождь, потому что затравка совершенно плотно закрыта колпачкомъ, и порохъ не подмокнетъ, даже не отсырѣетъ: отъ чего нѣтъ возможности уберечь ружье съ прежнимъ устройствомъ полки и затравки. Притомъ осѣчки у ружья съ кремнемъ могутъ происходить и отъ другихъ многихъ причинъ, кромѣ сырости: а) вѣтеръ можетъ отнести искры въ сторону; б) кремень притупиться или отколоться; в) огниво потерять твердость закалки и не

дать крупныхъ искръ; г) наконецъ, когда все это въ исправности, осѣчка можетъ случиться безъ всякихъ, повидимому, причинъ: искры брызнутъ во всѣ стороны и расположатся такъ неудачно, что именно на полку съ порохомъ не попадутъ. Между тѣмъ осѣчка можетъ случиться на охотѣ за такою драгоцѣнною добычей, потеря которой невознаградима; не говорю уже о томъ, что осѣчка при стрѣльбѣ хищныхъ звѣрей подвергаетъ охотника великой опасности. Во-вторыхъ, ружье съ пистонами стрѣляетъ скорѣе и бьетъ крѣпче, ибо воспламененіе пороха производится быстрѣе, и сила разрѣженнаго воздуха не улетаетъ въ затравку, которая остается плотно закрытою колпачкомъ и куркомъ. Все это вмѣстѣ такъ дорого въ охотѣ, что изобрѣтеніе пистоновъ безспорно имѣетъ великую важность. Отдавая всю справедливость этому нововведенію, долженъ признаться въ моемъ старовѣрствѣ относительно дробовика и пороховницы. Мнѣ кажется неудобнымъ и неловкимъ носить на плечѣ двѣ кожаныя кишки съ дробью, фляжку съ порохомъ и особенную машинку съ пистонами; еще неудобнѣе отмѣриванье зарядовъ на охотѣ, во время горячей, торопливой стрѣльбы, въ дождливую погоду, а иногда и въ стужу. Едва ли согласится со мною кто-нибудь изъ охотниковъ новаго поколѣнія; но я, употребляя замокъ съ пистонами, всегда предпочиталъ прежній патронташъ съ 25-ю или 30-ю зарядами, заранѣе сдѣланными дома, спокойно и аккуратно. Мнѣ всегда казалось, и теперь кажется, что такіе заряды приготовляются вѣрнѣе. Притомъ въ дробовикѣ находятся только два сорта дроби, а въ патронташѣ могутъ быть заряды—начиная съ безъимянки и до самой мелкой бекасиной дроби. Это обстоятельство въ такой охотѣ, гдѣ попадается дичь разнородная, также имѣетъ свою важность. Въ охотахъ большихъ или *отъѣзжихъ* можно имѣть два патронташа съ готовыми зарядами и даже запасный ящикъ съ порохомъ и разными сортами дроби: зарядовъ надѣлать не долго.

Легавая собака.

Всякій охотникъ знаетъ необходимость легавой собаки: это жизнь, душа ружейной охоты и, предпочтительно, охоты болотной, самой лучшей; охотникъ съ ружьемъ, безъ собаки,

что-то недостаточное, не полное! Очень мало родовъ стрѣльбы, гдѣ можно обойтись безъ нея; еще менѣе такихъ, въ которыхъ она могла бы мѣшать. Я говорю о собакѣ, хорошо дрессированной, то-есть выученной. Только въ стрѣльбѣ съ подъѣзда къ птицѣ крупной и сторожкой, сидящей на землѣ, а не на деревьяхъ, собака мѣшаетъ, потому что птица боится ее; но если собака вѣжлива [1]), то она, во время самаго подъѣзда, будетъ итти подъ дрожками или подъ телѣгой, такъ что ее и не увидишь; сначала станетъ она это дѣлать по приказанію охотника, а потомъ по собственной догадкѣ. Вся дичь, таящаяся, укрывающаяся отъ человѣка въ травѣ, въ лѣсу, кустахъ, камышахъ и кочкахъ болотъ, безъ помощи собаки почти недоступна. Если и поднимешь нечаянно, то рѣдко убьешь, потому что не ожидаешь; съ доброю собакой, напротивъ, охотникъ не только знаетъ, что вотъ тутъ, около него, скрывается дичь, но знаетъ—какая именно дичь; поискъ собаки бываетъ такъ выразителенъ и ясенъ, что она точно говоритъ съ охотникомъ; а въ ея страстной горячности, когда она добирается до птицы, и въ мертвой стойкѣ надъ нею—столько картинности и красоты, что все это вмѣстѣ составляетъ одно изъ главныхъ удовольствій ружейной охоты.

Тонкость обонянія, чутье—врожденное, наслѣдственное качество легавыхъ собакъ. Никакою дрессировкою и *натаскиваніемъ* въ полѣ, то-есть практикой на охотѣ, нельзя дать его; но, конечно, можно нѣсколько развить и сохранить приличнымъ содержаніемъ, равно какъ и, наоборотъ, можно испортить доброе чутье собаки. Приличное содержаніе состоитъ въ томъ, чтобы молодая собака не вѣшалась *зря*, чтобъ ее не кормили мясомъ, пищей горячительною или пахучею и никогда горячимъ кормомъ. Овсянка съ молокомъ, молоко, простокваша и творогъ съ хлѣбомъ въ лѣтнее, жаркое время, и мясныя, теплыя щи, съ молокомъ и хлѣбомъ, зимою — вотъ самая приличная пища легавой собаки. Послѣднюю пищу можно давать и лѣтомъ, если собака слишкомъ исхудала или нездорова. Крѣпкихъ, большихъ костей, особенно разбитыхъ, никогда давать не должно. Не должно также кормить собаку дичью. Многія собаки не ѣдятъ ее, но можно пріучить. Собака, которая ѣстъ дичь, будетъ ее мять на охотѣ. Тонкость чутья можетъ доходить до степени невѣроятной и всегда со-

---

[1]) То-есть не гоняется за птицей и совершенно послушна.

единяется, въ одной и той же собакѣ, съ удивительнымъ пониманіемъ, почти умомъ. Обученіе легавыхъ собакъ или дрессированіе посредствомъ *парфорса*, то-есть ошейника съ острыми спицами, совсѣмъ не нужно, если не требовать отъ собаки разныхъ штукъ, вовсе до охоты не касающихся, и если имѣть терпѣніе самому заняться ея ученьемъ. Всякій знаетъ, какъ легко и охотно выучиваются щенки подавать поноску, переднюю и заднюю, и доставать брошенныя въ воду щепки или палки. Для пріученія къ подаванію поноски должно сначала употреблять мячики, потомъ куски дерева и всякія, даже желѣзныя, вещи[1]), которыя можетъ щенокъ схватить зубами и принести, наконецъ—мертвыхъ птицъ. Стойка надъ всякою птицей и звѣремъ также врожденна собакамъ доброй породы; даже щенки стоятъ надъ курами и кошками очень крѣпко. Слѣдовательно, пріучивъ сначала молодую собаку къ себѣ, къ подаванью поноски, къ твердой стойкѣ даже надъ кормомъ, однимъ словомъ, къ совершенному послушанію и исполненію своихъ приказаній, отдаваемыхъ на какомъ угодно языкѣ, — для чего въ Россіи прежде ломали нѣмецкій, а теперь коверкаютъ французскій языкъ,—охотникъ можетъ итти съ своею ученицей въ поле или болото, и она, не дрессированная на парфорсѣ, будетъ находить дичь, стоять надъ ней, не гоняться за живою и бережно подавать убитую или раненую; все это будетъ дѣлать она сначала неловко, непроворно, неискусно, но въ теченіе года совершенно привыкнетъ. Разумѣется, охотникъ, на первыхъ порахъ, долженъ больше думать о собакѣ, чѣмъ объ охотѣ. За всякое непослушаніе она должна быть наказана, но безъ запальчивости и самымъ легкимъ образомъ; за точное же исполненіе приказаній надобно собаку приласкать и даже чѣмъ-нибудь полакомить. Молодую собаку часто натаскиваютъ (пріучаютъ) въ полѣ или болотѣ вмѣстѣ со старою. Но, по-моему, и это не нужно: у всякой, самой вѣжливой старой собаки есть какія-нибудь свои привычки; молодая сейчасъ перейметъ ихъ; да и двѣ собаки, вмѣстѣ, всегда больше горячатся и одна другую сбиваютъ. Считаю за излишнее распространяться о томъ, что старая, невѣжливая собака въ два-три поля погубитъ навсегда молодую. Для пріобрѣтенія совершеннаго послушанія обучаемой молодой собаки, на-

[1]) Нѣкоторые охотники находятъ это вреднымъ; они говорятъ, что отъ жестокой поноски собака будетъ мять дичь: я сомнѣваюсь въ этомъ.

добно сначала употреблять ласку, такъ чтобъ она сильно привязалась къ хозяину, и непремѣнно самому ее кормить; но съ возрастомъ собаки надобно оставлять ласковость, никогда не играть съ нею и быть всегда серьезнымъ и настойчивымъ. Кобеля не надобно употреблять на охоту ранѣе года, а суку— ранѣе девяти мѣсяцевъ. Первое и важнѣйшее правило, чтобъ у собаки былъ одинъ хозяинъ, и никто другой не заставлялъ ее повторять тѣ уроки, которые она учитъ; а потому весьма недурно, если первый и даже второй годъ уже настоящей охоты—она будетъ запираема или привязываема на цѣпочкѣ или веревочкѣ, немедленно по возвращеніи съ поля, да и во все свободное время отъ охоты; впослѣдствіи это сдѣлается ненужнымъ. У хорошей собаки есть безкорыстная природная страсть къ пріискиванью дичи, и она предается ей съ самозабвеніемъ; хозяина также полюбитъ она горячо и, безъ принужденія, не будетъ разставаться съ нимъ ни днемъ, ни ночью,—остается только охотнику съ умѣньемъ пользоваться и тѣмъ и другимъ. Я имѣлъ двухъ такихъ собакъ, которыя, пробывъ со мной на охотѣ отъ зари до зари, пробѣжавъ около сотни верстъ и воротясь домой усталыя, голодныя, едва стоящія на ногахъ, никогда не ложились отдыхать, не ѣли и не спали безъ меня; даже заснувъ въ моемъ присутствіи, онѣ сейчасъ просыпались, если я выходилъ въ другую комнату, какъ бы я ни старался сдѣлать это тихо. Обѣ эти собаки до того были страстны къ отыскиванью дичи, что видимо скучали, если не всякій день бывали въ полѣ или болотѣ. Если же мнѣ случалось, по нездоровью, долго не ходить на охоту, то онѣ, истощивъ всѣ другіе знаки нетерпѣнія, садились или ложились передо мною и принимались лаять и выть; потомъ бросались ко мнѣ ласкаться, потомъ подбѣгали къ ружьямъ и другимъ охотничьимъ снарядамъ и потомъ снова принимались визжать и лаять. Надобно было запирать ихъ куда-нибудь въ отдаленное мѣсто, чтобъ онѣ не надоѣли своимъ жалобнымъ вытьемъ. Мало этого: по нѣскольку разъ въ день бѣгали онѣ въ сарай къ моимъ охотничьимъ дрожкамъ, въ конюшню къ лошадямъ и кучеру, всѣхъ обнюхивая, съ печальнымъ визгомъ и въ то же время вертя хвостомъ, въ знакъ ласки. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, онѣ уходили однѣ въ ближнее болото и проводили тамъ по нѣскольку часовъ въ пріискиваніи и подниманіи дичи. Когда мнѣ сказали объ этомъ, я не хотѣлъ вѣрить, и одинъ

разъ, полубольной, отправился самъ въ болото и, подкравшись изъ-за кустовъ, видѣлъ своими глазами, какъ мои собаки пріискивали дупелей и бекасовъ, выдерживали долгую стойку, поднимали птицу, не гоняясь за ней, и когда бекасъ или дупель пересаживался, опять начинали искать... однимъ словомъ, производили охоту, какъ будто въ моемъ присутствіи. Одна изъ этихъ собакъ была чистой французской породы, а другая помѣсь французской съ польскою, нѣсколько псовою собакой: обѣ не знали парфорса, имѣли отличное чутье и были вѣжливы въ полѣ, какъ только можно желать.

Послѣ тонкаго чутья, самое важное достоинство собаки— легкость, нестомчивость, особенно на Руси, гдѣ пространства такъ обширны, и гдѣ собакѣ безпрестанно приходится пробѣгать „дистанцію огромнаго размѣра". Собаку легкую, не скоро утомляющуюся, можно узнать съ перваго взгляда по сухости всего сложенія, предпочтительно ногъ и головы. Старинныя нѣмецкія толстоногія, брылястыя собаки, а также испанскія двуносыя—теперь совсѣмъ перевелись или переводятся, да и не для чего ихъ имѣть: послѣднія были вовсе неудобны, потому что высокая трава, особенно осока, безпрестанно рѣзала до крови ихъ нѣжные, раздвоенные носы. У собакъ вообще, а у легавыхъ въ особенности, есть расположеніе грезить во снѣ; чѣмъ лучше, чѣмъ горячѣе собака въ полѣ, тѣмъ больше грезитъ и — грезитъ объ охотѣ! Это можно видѣть по движеніямъ ея хвоста, ушей и всего тѣла. Замѣчательно, что многія легавыя собаки не могутъ сносить музыки, которая дѣйствуетъ болѣзненно на ихъ нервы: онѣ визжатъ, воютъ и даже подвергаются судорогамъ, если имъ некуда уйти отъ раздражительныхъ музыкальныхъ звуковъ, предпочтительно высокихъ нотъ.

Въ этомъ же вступленіи я считаю приличнымъ бросить общій взглядъ на охоту съ ружьемъ и на умѣнье стрѣлять.

Всѣ охоты хороши! Каждая имѣетъ своихъ горячихъ поклонниковъ, предпочитающихъ ее другимъ родамъ охоты; но ружью должно отдать преимущество передъ всѣми. Изъ множества доказательствъ я приведу только два. Во-первыхъ, всякая другая охота болѣе или менѣе исключительна, одностороння. Съ борзыми собаками можно травить одныхъ зайцевъ, изрѣдка добыть лису; съ тенетами—тоже; съ ястребами и съ соколами—тоже, то-есть травить какую-нибудь одну породу птицъ; сѣтьми, неводами и удочкой можно ловить одну

рыбу, и такъ далѣе. Притомъ сколько условій и ограниченій! Для полученія добычи необходимо, чтобы звѣрь или птица находились въ извѣстномъ положеніи, напримѣръ: надобно, чтобы заяцъ или лисица выбѣжали въ чистое поле, потому что въ лѣсу борзыя собаки ловить не могутъ; надобно, чтобы звѣрь полѣзъ прямо въ тенета, а безъ того охотникъ и въ 20-ти шагахъ ничего ему не сдѣлаетъ: надобно, чтобы птица поднялась съ земли или воды, безъ чего нельзя травить ее ни ястребами, ни соколами.—Ружье, напротивъ, добываетъ все: звѣря, птицу, даже рыбу, и во всѣхъ положеніяхъ: сидящихъ, стоящихъ, бѣгущихъ, летящихъ и плавающихъ въ водѣ. Никакая быстрота полета и бѣга не спасаютъ отъ ружья. Безъ всякихъ преувеличеній и фразъ, можно сказать, что ружье— молнія и громъ въ рукахъ охотника и, на опредѣленномъ разстояніи, дѣлаетъ его владыкой жизни и смерти всѣхъ живущихъ тварей. Во-вторыхъ, въ охотахъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, охотникъ *не главное* дѣйствующее лицо: успѣхъ зависитъ отъ рѣзвости и жадности собакъ или хищныхъ птицъ; въ ружейной охотѣ успѣхъ зависитъ отъ искусства и неутомимости стрѣлка, а каждый знаетъ, какъ пріятно быть обязаннымъ самому себѣ, какъ это увеличиваетъ удовольствіе охоты: безъ умѣнья стрѣлять—и съ хорошимъ ружьемъ ничего не убьешь; даже можно сказать, что чѣмъ лучше, кучнѣе бьетъ ружье, тѣмъ хуже, тѣмъ больше будетъ промаховъ.

Многіе думаютъ, что выучиться хорошо стрѣлять очень трудно, а для иныхъ невозможно, — это совершенно несправедливо. Хотя нельзя оспаривать, что для умѣнья хорошо стрѣлять нужны: острый, вѣрный глазъ, твердая рука и проворство въ движеніяхъ, но эти качества *необходимы* только при стрѣльбѣ пулею изъ винтовки или штуцера; даже и это можетъ быть поправлено, если стрѣлять съ приклада, то-есть положа стволъ ружья на сошки, заборъ или сучекъ дерева; стрѣльба же изъ ружья дробью, особенно мелкою, требуетъ только охоты и упражненія. Слабости зрѣнія помогутъ очки, слабости и дрожанію руки — скорость прицѣла и выстрѣла. Стрѣляй постоянно, стрѣляй какъ можно больше—и будешь стрѣлять хорошо, то-есть попадать въ цѣль мѣтко. Это истина, не подверженная сомнѣнію; исключенія чрезвычайно рѣдки. Для скорѣйшаго же усовершенствованія въ стрѣльбѣ *собственно дичи*, можно сообщить молодымъ охотникамъ нѣсколько практическихъ наблюденій, до которыхъ, разумѣется, дойдетъ каж-

дый собственнымъ опытомъ, но потеряетъ много времени, а можетъ быть и охоту къ ружью:

1) Никогда не думать о томъ, что дашь промахъ. Это опасеніе можетъ войти въ привычку, такъ укорениться, такъ овладѣть мыслью охотника, что онъ безпрестанно будетъ пропускать благопріятную минуту для выстрѣла. Я видалъ охотниковъ (даже испыталъ на себѣ), которымъ впослѣдствіи стоило большого труда освободиться отъ паническаго страха — *дать пудель*, то-есть промахнуться. Тутъ главную роль играетъ самолюбіе молодого охотника, особенно стрѣляющаго при другихъ охотникахъ, — не хочется, чтобы сказали: „онъ еще новичокъ, не умѣетъ стрѣлять". Неопытный стрѣлокъ, начинающій охотиться за дичью, долженъ непремѣнно давать много пуделей уже потому, что не получилъ еще охотничьяго *глазомѣра*, и часто будетъ стрѣлять не въ мѣру, то-есть слишкомъ далеко. Но смущаться этимъ не должно. Глазомѣръ придетъ со временемъ, а покуда его нѣтъ, надо стрѣлять на всякомъ разстояніи, не считая зарядовъ. Однимъ словомъ, если прицѣлился, то спускай курокъ непремѣнно.

2) Никогда не цѣлить долго, *не наводить на цѣль, не держать на цѣли*, какъ выражаются охотники. Все это у начинающаго стрѣлять можетъ также обратиться въ привычку и надолго помѣшать пріобрѣтенію проворства и настоящаго полнаго умѣнья въ стрѣльбѣ дичи. Надобно смотрѣть на птицу, а не на цѣль ружья, проворно приложиться и, какъ скоро цѣль коснется птицы, мгновенно спускать курокъ. Кромѣ того, что *наведеніе на цѣль и держаніе на цѣли* (разумѣется, въ сидячую птицу) производитъ мѣшкотность, оно уже не годится потому, что какъ скоро руки у охотника нетверды, то чѣмъ долѣе будетъ онъ цѣлиться, тѣмъ болѣе будутъ у него дрожать руки; мгновенный же прицѣлъ и выстрѣлъ совершенно вознаграждаютъ этотъ недостатокъ. Я много зналъ отличныхъ стрѣлковъ, у которыхъ руки были такъ слабы, что они не могли держать полнаго стакана воды, не расплескавъ его. Само собою разумѣется, что все это говорится о стрѣльбѣ дробью, и преимущественно дробью мелкою.

3) Когда стрѣляешь въ птицу, сидящую на водѣ, или плотно присѣвшую на землѣ, то надобно цѣлить *подъ нее*, то-есть въ ту черту, которою соединяется ея тѣло съ водой или землей.

4) Если птица сидитъ на деревѣ, то надобно цѣлить въ ея середину.

5) Если птица летитъ мимо, то, смотря по быстротѣ, надобно брать на цѣль болѣе или менѣе впередъ летящей птицы. Напримѣръ: въ гуся или журавля, и вообще въ медленно-летящую птицу, должно мѣтить въ носъ или голову, а въ бекаса — на четверть и даже на полторы четверти впередъ головы.

6) Птицу, летящую прямо отъ охотника довольно низко, надобно стрѣлять въ шею, такъ чтобы дуло ружья закрывало все остальное ея тѣло.

7) Дичь, летящую прямо отъ стрѣлка въ равной вышинѣ отъ земли съ головой охотника, надобно бить прямо въ задъ.

8) Всего труднѣе стрѣлять въ птицу, летящую прямо и низко на охотника, потому что необходимо совершенно закрыть ее дуломъ ружья и спускать курокъ въ самое мгновеніе этого закрытія. Если мѣстность позволяетъ, лучше пропустить птицу и ударить ее въ догонку.

9) Въ птицу, летящую высоко и прямо надъ головой охотника, такъ что ружье надобно поставить перпендикулярно, должно мѣтить въ голову.

Всякія другія наставленія или совѣты, которыхъ можно наговорить много, я считаю совершенно излишними. Прошу только всѣхъ молодыхъ горячихъ охотниковъ, начинающихъ стрѣлять, не приходить въ отчаяніе, если первые ихъ опыты будутъ неудачны. Даю только еще одинъ совѣтъ, съ большою пользою испытанный мною на себѣ, даю его тѣмъ охотникамъ, горячность которыхъ не проходитъ съ годами: какъ скоро поле началось неудачно, то-есть сряду дано пять-шесть и болѣе промаховъ на близкомъ разстояніи, и охотникъ чувствуетъ, что разгорячился,—отозвать собаку, перестать стрѣлять и, по крайней мѣрѣ на полчаса, присѣсть, прилечь и отдохнуть.

Вотъ все, что я счелъ за нужное сказать о технической части ружейной охоты. Можетъ быть и этого не стоило бы говорить, особенно печатно; но читатель въ правѣ пропустить эти страницы.

Въ заключеніе я долженъ отчасти повторить сказанное мною въ предисловіи къ *Запискамъ объ уженьи: книжка моя не трактатъ о ружейной охотѣ, не натуральная исторія всѣхъ родовъ*

дичи. Моя книжка ни больше, ни меньше, какъ простыя записки страстнаго охотника и наблюдателя,—иногда довольно подробныя и полныя, иногда поверхностныя и одностороннія, но всегда добросовѣстныя. Ружейныхъ охотниковъ много на Руси, и я не сомнѣваюсь въ ихъ сочувствіи [1]). Ученые натуралисты могутъ смѣло полагаться на мои слова: никогда вѣроятныхъ предположеній не выдаю я за факты, и чего не видѣлъ своими глазами, того не утверждаю.

Пролетъ и прилетъ дичи.

Самое дорогое поэтическое время для ружейнаго охотника—весна: пролетъ и прилетъ птицы. Цѣлую зиму поглядывалъ онъ, съ замирающимъ сердцемъ, на висящія въ покоѣ ружья, особенно на любимое ружье. Не одинъ разъ, безъ всякой надобности, были вымыты стволы, перечищены и перемазаны замки. Наконецъ проходитъ долгая, скучная, буранная зима. Февраль навалилъ сугробы снѣга: съ утоптанной тропинки шагу нельзя ступить въ сторону. Правда, рано утромъ, и то уже въ исходѣ марта, можно и безъ лыжъ ходить по насту, который иногда бываетъ такъ крѣпокъ, что скачи куда угодно, хоть на тройкѣ; можно подкрасться, какъ-нибудь изъ-за деревьевъ, къ начинающему глухо токовать краснобровому косачу; можно нечаянно наткнуться и взбудить чернохвостаго русака, съ ремнемъ пестрой, крымской мерлушки по спинѣ, или чисто-бѣлаго, какъ снѣгъ, бѣляка: онъ еще не началъ сѣрѣть, хотя уже волосъ лѣзетъ; можно на пищикъ [2]) подозвать рябчика, — и кусокъ свѣжей, не перемерзлой дичины можетъ попасть къ вамъ на столъ....

Но ненадежны мартовскіе утренники, невѣренъ путь по насту, особенно въ красный день. Какъ скоро обогрѣетъ хоро-

---

[1]) Печатая мою книгу новымъ изданіемъ, я долженъ съ благодарностью сказать, что не обманулся въ надеждѣ на сочувствіе охотниковъ и вообще всѣхъ образованныхъ людей. Лестныхъ отзывовъ было много. Мой скромный трудъ получилъ отъ *всѣхъ* такой благосклонный пріемъ, такую высокую оцѣнку, какихъ я не смѣлъ ожидать.

[2]) *Пищикомъ* называется маленькая дудочка изъ гусинаго пера или кожи съ липоваго прутика, на которой издаютъ ртомъ *пискъ*, похожій на голосъ самки рябца.

шенько солнце, то снѣжная кора распустится, *раскровѣетъ*, какъ говоритъ народъ, начнетъ садиться съ глухимъ гуломъ, похожимъ на отдаленный пушечный выстрѣлъ, и не подниметъ ноги человѣка: съ каждымъ шагомъ будетъ онъ вязнуть по поясъ въ снѣжную громаду [1]). Бѣда отойти далеко отъ дороги—измучаешься: на одной верстѣ пробьешься не одинъ часъ. Охотиться же на лыжахъ очень утомительно: надобно имѣть много ловкости, даже умѣнья и большую привычку управлять лыжами по неровной мѣстности.

Прибавились значительно дни. Ярче, прямѣе стали солнечные лучи и сильно пригрѣваютъ въ полдень. Потемнѣла полосами бѣлая пелена снѣга, и почернѣли дороги. Вода показалась на улицахъ. Уже мартъ на исходѣ и апрѣль на дворѣ. Для страстнаго охотника, какимъ былъ я съ-молоду, и какіе вѣроятно никогда не переведутся на Руси, уже наступило время тревоги и ожиданія. Если весна не слишкомъ поздняя, то прилетная птица начинаетъ понемногу показываться. Грачи, губители высокихъ старыхъ деревьевъ, красоты садовъ и парковъ, прилетѣли первые и заняли свои обыкновенныя лѣтнія квартиры—самыя лучшія березовыя и осиновыя рощи, по близости къ селенію лежащія, для удобнаго доставленія хлѣбнаго корма. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старыя гнѣзда новымъ матеріаломъ, ломая для того крѣпкими, бѣловатыми носами верхніе побѣги древесныхъ вѣтвей. Далеко слышенъ ихъ громкій, докучный крикъ, когда ввечеру, послѣ дневныхъ трудовъ, разсядутся они всѣмъ соборомъ, всегда попарно, и какъ будто начнутъ совѣщаться о будущемъ житьѣ-бытьѣ. Пора начинать ежедневные, утренніе и послѣ-обѣденные обходы гуменъ, овиновъ и прудовъ съ посинѣвшими токами, обсѣянными кругомъ желтою мякиной. Тамъ прежде всего окажутся *клинтухи*, или собственно *дикіе голуби*. Сначала они появляются въ весьма маломъ количествѣ: пара, двѣ, много три; ихъ можно встрѣтить въ стаѣ галокъ или русскихъ голубей, подбирающихъ зерна по гуменнымъ дорожкамъ. Съ послѣдними, съ перваго взгляда, ихъ не различишь; вся

[1]) Кто хаживалъ по весеннему насту, тотъ вѣрно замѣтилъ это явленіе: цѣлыя поляны какъ будто охаютъ и внезапно опускаются. Необыкновенный глухой гулъ, соединенный съ содроганіемъ всей поверхности той массы снѣга, на которой стоитъ человѣкъ, производитъ сильное и непріятное дѣйствіе на нервы. Оно похоже на электрическій толчокъ, чувствуемый цѣпью людей, когда извлекается искра изъ лейденской батареи.

разница состоитъ въ томъ, что дикій голубь поменьше, постатнѣе русскаго; весь чистосизый, и ножки у него не красныя, а блѣдно-бланжеваго цвѣта. Едвали нужно объяснять, что названіе „русскій", придаваемое птицѣ, значитъ—дворовый, домашній. Но если вы увидите издали голубей, сидящихъ на гуменномъ заборѣ или деревѣ,—это безъ сомнѣнія *клинтухи*, то-есть дикіе голуби; подойдя ближе, вы удостовѣритесь въ томъ. Голуби съ прилета, какъ вся птица, бываютъ чисты перомъ и жирны тѣломъ,—обстоятельство, трудное для объясненія, ибо путь прилетной птицы длиненъ, а кормъ скуденъ. Впослѣдствіи клинтухи потеряютъ цѣнность для охотника: застрѣлить же дикаго голубя посреди зимы—дорогая добыча.

Но воздухъ становится теплѣе и влажнѣе. Апрѣль беретъ свое: вездѣ лужи, вездѣ бѣгутъ мутные ручьи, зачернѣли проталины, какъ грязныя пятна на бѣлой скатерти. Обтаяли кругомъ роднпки, паточины, свѣжія навозныя кучи и удобренная ими мельничная плотина. Около первыхъ надобно стеречь появленіе малыхъ дроздовъ, большихъ дроздовъ-рябинниковъ, а около послѣднихъ—чибисовъ, или пиголицъ, жаворонковъ, удотовъ и скворцовъ. Уже материкъ рѣки, мало замерзающій выше пруда и зимою, прошелъ до самыхъ послѣднихъ гривъ камыша. Холодно, непріязненно синѣетъ глубина, но пора осматривать рѣку: какъ разъ появятся *нырки* и *крохали*. Скоро все это будетъ презрѣно и забыто, но въ началѣ все драгоцѣнно... таковъ человѣкъ не въ одной ружейной охотѣ!..

Наконецъ наступаетъ совершенная ростополь: юго-западный теплый вѣтеръ такъ и съѣдаетъ снѣгъ, насыщенный дождемъ. Много оттаяло земли, особенно по высокимъ мѣстамъ, на полдневномъ солнечномъ пригрѣвѣ. Картина перемѣнилась: уже на черной скатерти полей кое-гдѣ виднѣются бѣлыя пятна и полосы снѣжныхъ сувоевъ, да лежитъ гребнемъ съ темною навозною верхушкой крѣпко уѣзженная зимняя дорога. Посинѣли отъ воды, надулись овраги, взыграли и сошли. Переполнилась рѣка, подняла въ пруду ледъ, вышла изъ береговъ и разлилась по низменнымъ мѣстамъ: наступила водополь или водополье. Паръ поднимается отъ земли: земля отходитъ, говоритъ крестьянинъ. На небѣ сѣро, въ воздухѣ сыро и туманно. Именно въ такое-то сумрачное время наступаетъ валовой, повсемѣстный пролетъ и даже прилетъ птицы, не только по ночамъ, зорямъ утреннимъ и вечернимъ, но и въ продолженіе цѣлаго дня. И прежде изрѣдка, понемногу, пока-

зывались гуси и лебеди, больше по парочкѣ, и высоко проносились въ сѣрыхъ облакахъ: теперь они летятъ огромными вереницами. Журавли появляются позднѣе, плывя въ небесахъ раздвинутыми, тупыми треугольниками, какъ будто корабли, построенные къ бою. Всѣ породы утокъ, стаями, одна за другою, летятъ безпрестанно: въ день, особенно ясный, высоко, но въ дни ненастные и туманные, предпочтительно по зорямъ, летятъ низко, такъ что ночью, не видя ихъ, по свисту крыльевъ можно различить многія изъ породъ утиныхъ. Нырки, чернь и свіязь чаще всѣхъ машутъ крыльями и быстрѣе разсѣкаютъ воздухъ: шумъ отъ ихъ полета сливается въ одинъ дребезжащій, пронзительный свистъ. За нимъ слѣдуютъ широконоски, чирки, шилохвосты и другія; наконецъ сѣрыя и кряковыя, полетъ которыхъ какъ-то неторопливъ, хотя силенъ и споръ. Стаи степныхъ куликовъ (кроншнеповъ) и болотныхъ (неттигелей), называемыхъ въ Оренбургской губерніи верстенниками, и всѣ разнообразныя породы мелкихъ куликовъ и курухтановъ, каждая съ своимъ особеннымъ полетомъ, съ своимъ пискомъ и свистомъ, наполняютъ воздухъ разнородными, неопредѣленными и въ другое время неслышными звуками. Надобно замѣтить, что пролетающая птица не кричитъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а прилетающая и занимающая мѣста, хотя бы и временно, сейчасъ начинаетъ свой природный, обычный крикъ и свистъ. Пролетная птица торопится безъ памяти, спѣшитъ безъ оглядки къ своей цѣли, къ мѣстамъ обѣтованнымъ, гдѣ надобно ей приняться за дѣло—вить гнѣзда и выводить дѣтей; а прилетная летитъ ниже, медленнѣе, высматриваетъ привольныя мѣста, какъ будто переговариваетея между собою на своемъ языкѣ, и вдругъ, словно по общему согласію, опускается на землю. Тутъ начинаются такъ называемыя у охотниковъ „высыпки", — слово весьма знаменательное, употребляемое только для выраженія внезапнаго появленія, во множествѣ, лучшей породы дичи: вальдшнеповъ, дупельшнеповъ, бекасовъ и гаршнеповъ. Вчера проходили вы по болоту, илп по размокшему берегу пруда, или по лужамъ на прошлогоднихъ ржаницахъ и яровищахъ, гдѣ насилу вытаскивали ноги изъ разбухшаго чернозема, проходили съ хорошею собакой—и ничего не видали; но рано поутру, на другой день, находите и болото, и берега разливовъ, и полевыя лужи, усыпанныя дупелями, бекасами и гаршнепами; на лужахъ, въ поляхъ бываетъ иногда соединеніе всѣхъ по-

родъ дичи—степной, болотной, водяной и даже лѣсной. Итакъ, слово „высыпка“ вполнѣ выражаетъ дѣло.

Въ это же время, на оттаявшихъ хлѣбныхъ поляхъ, залежахъ и степяхъ, появляются дрофы, стрепета и кречетки, или степныя пиголицы. Озимыя куры или сивки (онѣ же и ржанки) огромными стаями начинаютъ виться подъ облаками, такъ высоко, что не всегда разглядишь ихъ простыми глазами; но за то очень хорошо услышишь ихъ безпрестанный пискъ, состоящій изъ двухъ короткихъ нотъ—одна повыше, другая пониже. Множество пѣвцовъ дѣлаетъ этотъ крикъ безпрерывнымъ и сливающимся въ одинъ однообразный мотивъ, усладительный для уха охотника. Навертѣвшись и наигравшись до-сыта на солнышкѣ, въ вышинѣ, они съ шумомъ опускаются на озими и проворно разбѣгаются по десятинамъ, отыскивая себѣ кормъ.

Степные кулики (кроншнепы) присоединяются къ полевой птицѣ нѣсколько позднѣе и не такими большими стаями, въ какія собираются при отлетѣ. Они бродятъ по грязи, около лужъ, на вспаханныхъ поляхъ, гдѣ иногда вязнутъ по брюхо, несмотря на долгія свои ноги, и гдѣ длинными, кривыми носами, запуская ихъ по самую голову, достаютъ себѣ изъ размокшей земли хлѣбныя зёрна и всякаго рода червей и козявокъ.—Вальдшнепы прилетѣли уже давно. Никто не видывалъ какъ, когда, въ какомъ количествѣ прилетаютъ они; но при появленіи первыхъ проталинъ, въ мелкомъ лѣсу, на опушкахъ большого лѣса, въ паркахъ и садахъ, въ малинникѣ, крыжовникѣ и другихъ ягодныхъ кустарникахъ, особенно въ кустахъ болотныхъ, около родниковъ, немедленно появляются вальдшнепы, иногда поодиночкѣ, иногда вдругъ большими высыпками.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болотъ мало, или они бываютъ залиты полою водой и стоятъ сплошными лужами, какъ большія озера,—дупели, бекасы и гаршнепы очень любятъ держаться большими высыпками на широко-разлившихся весеннихъ потокахъ съ горъ, которые, разбѣгаясь по отлогимъ долинамъ или ровнымъ скатамъ, едва перебираются по травѣ, отъ чего луговина размокаетъ, какъ болото. Это бываетъ нѣсколько позднѣе перваго появленія трехъ породъ благородной дичи и продолжается не долѣе четырехъ или пяти дней. Высыпки какъ появляются, такъ и пропадаютъ внезапно. Мнѣ случалось иногда попадать на нихъ почти уже съ разстрѣлян-

ными зарядами. Съѣздивъ поспѣшно домой и надѣлавъ новыхъ зарядовъ, возвращался я черезъ нѣсколько часовъ на высыпки— все пусто! Ни одной птички! Ни пера, какъ говорятъ охотники.

Наконецъ полая вода сливаетъ, сохнутъ поля и луга, входятъ въ берега рѣки, уменьшается птица. Уже нѣтъ большихъ стай: пролетная — пролетѣла, прилетная разбирается парами и держится предпочтительно около тѣхъ мѣстъ, гдѣ замышляетъ вить гнѣзда. Одна холостая птица шатается, гдѣ ни попало. Жилые бекасы и дупели занимаютъ свои прежнія, а иногда и новыя болота, и сейчасъ начинаютъ токовать. Заблеялъ дикій барашекъ [1]), кружась въ голубой вышинѣ весенняго воздуха, падая изъ-подъ небесъ крутыми дугами къ низу и быстро поднимаясь вверхъ... Весенняя стрѣльба съ прилета кончилась!..

Обращаюсь назадъ, чтобы бросить общій взглядъ на пролетъ и прилетъ дичи въ Оренбургской губерніи, вѣрный только исторически, а теперь уже баснословный. Птицы бывало такое множество, что всѣ болота, разливы рѣкъ, берега прудовъ, долины и овражки съ весенними ручьями, вспаханныя поля — бывали покрыты ею. *Стонъ стоялъ въ воздухѣ* (какъ говорятъ крестьяне) отъ разнороднаго птичьяго писка, свиста, крика и отъ шума ихъ крыльевъ, во всѣхъ направленіяхъ разсѣкающихъ воздухъ: даже ночью, сквозь оконныя рамы, не давалъ онъ спать горячему охотнику. Птица была вездѣ: въ саду, въ огородахъ, на гумнахъ, на улицѣ... Это ужъ слишкомъ, кажется; но я увѣряю, что много разъ, выѣзжая или выходя рано утромъ на охоту, находилъ я дикихъ утокъ и голубей, сидѣвшихъ на грязи и лужахъ среди улицы. Когда подъѣдешь, бывало, къ болоту или весеннему разливу около рѣки, то совершенно потеряешься: по краямъ стоятъ, ходятъ и бѣгаютъ различныя породы куликовъ и куличковъ. Стаи разноцвѣтныхъ курухтановъ снуютъ между ними

[1]) Такъ называетъ народъ бекаса, потому что онъ, быстро и прямо опускаясь внизъ, подгибаетъ одно крыло, а другимъ машетъ такъ часто, что отъ сильнаго упора въ воздухѣ происходитъ звукъ, подобный блеянію барашка. Это мнѣніе охотничье и народное: но одинъ почтенный профессоръ, почтившій мою книгу своими замѣчаніями, объясняетъ блеяніе дикаго барашка слѣдующимъ образомъ: „Бекасъ, бросаясь стремительно внизъ съ распущенными крыльями, не производитъ ими никакихъ размаховъ. Отъ сопротивленія воздуха кончики маховыхъ перьевъ (охотники называютъ ихъ правильными) начинаютъ сильно дрожать и производятъ означенный звукъ".

во всѣ стороны. Утки, съ пестрыми селезнями своими, отъ крупной, тяжеловѣсной *кряквы* до маленькаго, проворнаго *чирка*, бродятъ по грязи, плаваютъ по водѣ, сидятъ на кочкахъ. Изъ-подъ ногъ, съ крикомъ, какъ бѣшеные, вырываются бекасы, вскакиваютъ дупели и гаршнепы. Въ то же время, независимо отъ сидящихъ, новыя стаи всего разноплеменнаго птичьяго царства летаютъ, кружатся надъ вашею головой, опускаются, поднимаются, перелетываютъ съ мѣста на мѣсто, сопровождая каждое свое движеніе радостнымъ, веселымъ, особеннымъ крикомъ. Въ большое затрудненіе приходитъ молодой охотникъ— къ кому подъѣзжать? къ кому подходить? въ кого стрѣлять? и отъ излишняго богатства происходила иногда бѣдность... Но немногіе уже изъ охотниковъ помнятъ такіе прилеты птицы въ Оренбургской губерніи. Все перемѣнилось! И въ десятую долю нѣтъ прежняго безчисленнаго множества дичи въ плодоносномъ Оренбургскомъ краѣ. Какія тому причины— не знаю. Но да не думаютъ охотники, читающіе мою книжку, что это пристрастіе старика, которому *кажется*, что въ молодости его все было лучше и всего было больше. Къ сожалѣнію, это всѣмъ извѣстная истина. Я не раздѣляю мнѣнія, что такое ужасное уменьшеніе дичи произошло отъ быстраго народонаселенія и умноженія числа охотниковъ. Я не стану защищать себя и всѣхъ моихъ собратовъ того времени. Съ молоду мы точно были не охотники, а истребители; но отъ чего дичь годъ отъ году переводится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ охотниковъ? Да и число ихъ всегда было ничтожно для такого обширнаго края. Очевидно, что этому должны быть другія, неизвѣстныя намъ причины. Постепенное уменьшеніе птицы въ Оренбургской губерніи началось весьма давно, а тогда было еще очень просторно и привольно въ ней и человѣку, и звѣрю, и птицѣ, да и теперь не тѣсно.

Раздѣленіе дичи на разряды.

Упоминая нѣсколько разъ о дичи, я еще не опредѣлилъ этого слова: собственно дичью называется дикая птица и звѣрь, употребляемые въ пищу человѣкомъ, добываемые разными родами ловли, и преимущественно стрѣльбою изъ ружья.

У насъ рѣчь идетъ о птицахъ. Слово „дикая“, въ смыслѣ вольная, независимая, придается обыкновенно тѣмъ породамъ птицъ, которыя не покорены человѣкомъ и не сдѣлались домашними, ручными. Покоренныхъ породъ немного: гуси, утки, голуби, куры, индѣйки. Три первыя породы, въ отличіе отъ дикихъ, вольныхъ братій ихъ, народъ называетъ *русскими*.

Всю дичь, по мѣсту ея жительства, хотя оно и измѣняется временами года и необходимымъ добываніемъ корма, можно раздѣлить на четыре разряда: I) болотную, II) водяную, III) степную или полевую и IV) лѣсную. Охотники любятъ стрѣлять дичь всѣхъ разрядовъ, дорожа иногда тою или другою, смотря по рѣдкости, надобности и времени, но предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ породамъ дичь болотную, — и съ нея начинаю я мои записки. Довольно сказать, что къ ней принадлежатъ дупельшнепы, бекасы, гаршнепы. Это аристократія дичи, къ которой причисляется только вальдшнепъ изъ лѣсного разряда. Итакъ, вотъ мое раздѣленіе дичи:

Разрядъ I.

Болотная дичь.

1. Бекасъ.
2. Дупельшнепъ.
3. Гаршнепъ.
4. Болотный куликъ.
5. Красноножка, щеголь.
6. Сорока.
7. Рѣчной куликъ.
8. Травникъ.
9. Поручейникъ.
10. Чернышъ.
11. Фифи.
12. Поплавокъ.
13. Чернозобикъ или краснозобикъ.
14. Морской куличокъ.
15. Зуекъ.
16. Песочникъ.
17. Куличокъ-воробей.
18. Болотный курухтанъ.

19. Болотная курица.
20. Погонышъ, болотный коростель.
21. Пиголица, чибисъ.

Разрядъ II.

Водяная дичь.

1. Лебедь.
2. Гусь.
3. Кряковная утка.
4. Шилохвость.
5. Сѣрая утка.
6. Свіязь.
7. Широконоска.
8. Чирокъ.
9. Нырокъ.
10. Чернь.
11. Крохаль, или гагара.
12. Гоголь.
13. Водяная курица, лысуха.

Разрядъ III.

Степная или полевая дичь.

1. Дрофа, дудакъ или тудакъ.
2. Журавль.
3. Стрепетъ.
4. Кроншнепъ, степной куликъ.
5. Кречетка, степная пиголица.
6. Сѣрая куропатка.
7. Озимая курица } полевые курухтаны.
8. Морская ласточка }
9. Коростель полевой, или луговой.
10. Перепёлка.

Разрядъ IV.

Лѣсная дичь.

1. Глухарь, глухой тетеревъ.
2. Тетеревъ березовикъ.
3. Рябчикъ.

4. Бѣлая куропатка.
5. Вальдшнепъ, лѣсной куликъ.
6. Витютинъ }
7. Клинтухъ } дикіе голуби.
8. Горлица }
9. Дрозды.
10. Зайцы.

Въ строгомъ смыслѣ, нельзя назвать это раздѣленіе совершенно точнымъ, потому что нельзя опредѣлить съ точностью, на какомъ основаніи такія-то породы птицъ называются болотною, водяною, степною или лѣсною дичью, ибо нѣкоторыя противоположныя свойства мѣшаютъ совершенно-правильному раздѣленію ихъ на разряды: нѣкоторыя, однѣ и тѣ же, породы дичи живутъ иногда въ степи и поляхъ, иногда въ лѣсу, иногда въ болотѣ. Если мы скажемъ, напримѣръ, что болотною называется дичь, выводящаяся въ болотѣ, то всѣ породы утокъ, гуси, лебеди — должны называться болотною дичью. Если скажемъ, что болотная птица — та, которая не только выводится, но и живетъ постоянно въ болотѣ, то, кромѣ болотныхъ куръ, погонышей, бекасовъ, дупелей и гаршнеповъ, все остальное, многочисленное сословіе куликовъ и куличковъ *не живетъ* въ болотѣ, а только выводитъ дѣтей; нѣкоторые изъ нихъ даже и гнѣзда вьютъ на сухихъ берегахъ рѣкъ и рѣчекъ. Точно такъ и тетеревъ, дичь лѣсная, половину года держится въ поляхъ, даже водится въ мѣстахъ почти безлѣсныхъ; вальдшнепъ, тоже лѣсная дичь, весной и особенно осенью, долго держится въ кустахъ довольно топкихъ болотъ и только остальное время года—въ лѣсу; коростель же, помѣщенный мною въ разрядъ дичи степной или полевой, равно живетъ въ степи, хлѣбныхъ поляхъ, луговыхъ болотахъ и лѣсныхъ опушкахъ. Такія же противорѣчія встрѣтимъ мы въ размѣщеніи и другихъ породъ дичи. Итакъ, надобно оставить притязанія на совершенную точность: довольно, если распредѣленіе сдѣлано приблизительно-вѣрно и на какомъ-нибудь положительномъ основаніи.

РАЗРЯДЪ I.

БОЛОТНАЯ ДИЧЬ.

Приступъ къ описанію болотной дичи.

Приступая къ описанію дичи, я считаю за лучшее начать съ лучшей, то-есть съ болотной, о чемъ я уже и говорилъ, и притомъ именно съ *бекаса*, или, правильнѣе сказать, со всѣхъ трехъ видовъ этой благородной породы, рѣзко отличающейся и первенствующей между всѣми остальными. Я разумѣю *бекаса*, *дупельшнепа* и *гаршнепа*, сходныхъ между собою перьями, складомъ, вообще наружнымъ видомъ, нравами и особеннымъ способомъ доставанія пищи. Къ нимъ принадлежитъ и даже превосходитъ ихъ *вальдшнепъ*, но онъ займетъ свое мѣсто въ разрядѣ *лѣсной дичи*. Досадно, что мы не имѣемъ для этихъ куликовъ своихъ русскихъ названій и употребляемъ одно французское и три нѣмецкія. Впрочемъ, народъ зоветъ бекаса *дикимъ барашкомъ*, о чемъ было сейчасъ сказано, а вальдшнепа— *лѣснымъ куликомъ* и *краснымъ куликомъ*. Печатно называютъ послѣдняго—*слука* и говорятъ, что это названіе древнее и донынѣ живущее въ народной рѣчи на югѣ Россіи. Я этого не знаю, но смѣло утверждаю, что въ средней и восточной полосѣ Россіи народъ не знаетъ слова—*слука*. Дупельшнепа и гаршнепа народъ никакъ не называетъ, а просто говоритъ: «*сѣры*

кулики, что по болотамъ въ кочкахъ живутъ». Лѣтъ сорокъ тому назадъ, я читалъ въ одной охотничьей книжкѣ, что дупельшнепа по-русски называютъ *лежанка;* въ другой, позднѣйшей, книгѣ напечатано, что дупельшнепа называютъ «*стучикомъ*», а гаршнепа «*лежанкой*»; но все это неправда: русскій народъ называетъ *лежанкой* какую-то миѳическую перепелку, съ красными ногами, столь жирную будто бы, что она и летать не можетъ. Жиру этой перепелки приписываетъ онъ странное свойство — производить на нѣсколько часовъ, или даже на сутки, ломоту и легкія судороги въ рукахъ, ногахъ и во всемъ тѣлѣ того человѣка, который ее усердно покушалъ. Я затравилъ ястребами не одну тысячу перепелокъ, несчетное количество пересмотрѣлъ ихъ затравленныхъ и пойманныхъ сѣтками, множество перестрѣлялъ, но баснословной *лежанки* съ красными ногами не видалъ. Перепелки точно бываютъ такъ жирны осенью, что съ трудомъ могутъ подняться, и многихъ бралъ я руками изъ-подъ ястреба: свѣжій жиръ такихъ перепелокъ, употребленныхъ немедленно въ пищу, точно производитъ ломоту въ тѣлѣ человѣческомъ: я испыталъ это на себѣ и видалъ на другихъ; но дѣло въ томъ, что это были перепелки обыкновенныя, только необыкновенно жирныя. Давъ имъ полежать сутокъ двое на погребу, или посоля, можно употреблять ихъ въ пищу безвредно. Въ той же старинной книжкѣ гаршнепа называютъ *волосянымъ куличкомъ*; но это переводъ нѣмецкаго названія, которое на Руси никому неизвѣстно. Можно догадаться, почему русскій народъ не удостоилъ особеннымъ названіемъ дупельшнепа и гаршнепа, а бекасу и вальдшнепу далъ характерныя имена: первые два рода таятся въ болотахъ и топяхъ, по которымъ шататься безъ надобности крестьянинъ не охотникъ, а бекасы, иногда по нѣскольку вдругъ, кружась во всякое время дня надъ болотомъ, гдѣ находятся ихъ гнѣзда, и производя крыльями рѣзкій, далеко слышный звукъ, необходимо должны были привлечь его вниманіе и получить имя. Вальдшнепъ, по утрамъ и вечерамъ, летая надъ лѣсомъ, во время тяги [1]), издавая извѣстные звуки, похожіе на хрюканье или храпѣнье, часто

[1]) Вальдшнепы, около утренней и вечерней зори, летаютъ по одному направленію, надъ самыми вершинами деревьевъ,— или тянутъ. Этотъ летъ по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ называется охотниками „тяга“.

вскакивая съ большимъ шумомъ изъ-подъ ногъ крестьянина, пріѣзжающаго въ лѣсъ за дровами, также былъ имъ замѣченъ по своей величинѣ и отличному отъ другихъ птицъ красноватому цвѣту, и получилъ вѣрное названіе.

Болота.

Говоря о болотной дичи, я часто буду упоминать о мѣстѣ ея жительства, то-есть о болотахъ. Я стану придавать имъ разныя названія: чистыхъ, сухихъ, мокрыхъ и проч.; но людямъ, незнакомымъ съ ними въ дѣйствительности, такіе эпитеты не объяснятъ дѣла, и потому я хочу поговорить предварительно о качествахъ болотъ, весьма разнообразныхъ.

Болота бываютъ: *чистыя, луговыя*. Этимъ именемъ называются всѣ влажныя, потныя мѣста, не кочковатыя, а поросшія чемерицей и небольшими рѣдкими кустами, мокрыя только весной и осенью или во время продолжительнаго ненастья. Покрытыя сочною и густою травой, они представляютъ изобильные сѣнокосы и вообще называются лугами; они составляютъ иногда, такъ сказать, окрестность, опушку настоящихъ мокрыхъ болотъ и почти всегда сопровождаютъ теченіе рѣкъ по черноземной почвѣ, особенно по низменнымъ мѣстамъ, заливаемымъ полою водой.

Сухими болотами называются мѣста, носящія на себѣ всѣ признаки нѣкогда существовавшихъ топкихъ болотъ, какъ-то: кочки, достигающія иногда огромной величины, слѣды изсохшихъ паточинъ, родниковыхъ ямъ, и разныя породы болотныхъ травъ, уже перемѣшанныхъ съ полевыми. Такія мѣста, по большей части, заростаютъ кустами и отбиваются отъ сѣнокоса. Весьма обыкновенное дѣло, что болота мокрыя и топкія превращаются въ сухія отъ того, что поникаютъ ключи или высыхаютъ головы родниковъ; но я видалъ на своемъ вѣку и противоположные примѣры: болота сухія, въ продолженіе нѣскольких десятковъ лѣтъ, всегда представлявшія какой-то печальный видъ, превращались опять въ мокрыя и топкія. Это по большей части случается въ такіе годы, когда дождливая, продолжительная осень до того насытитъ землю,

что оно уже не принимаетъ въ себя влаги, когда внезапно послѣдуютъ затѣмъ зимніе морозы, выпадутъ необыкновенно глубокіе снѣга, и все это повершится дождливою, дружною весной. Тогда-то вновь открываются давно изсякшія жилы родниковъ, вся окрестность просачивается подступившею изъ-подъ земли влагою, и оживаетъ мертвое болото; въ одинъ годъ пропадутъ полевыя травы и въ нѣсколько лѣтъ посохнутъ кусты и деревья. Въ такіе *мочливые годы*, какъ говорятъ крестьяне, не только изсякшіе ключи получаютъ прежнее теченіе, но нерѣдко открываются родники и образуются около нихъ болота тамъ, гдѣ ихъ никогда не бывало.

Болота *мокрыя* и кочковатыя, всегда поддерживаемыя подземными ключами, изрѣдка поросшія таловыми кустиками, постоянно сохраняя влажность почвы,—уже не представляютъ богатыхъ сѣнокосовъ, потому что изобиліе болотныхъ травъ и излишняя мокрота мѣшаютъ произрастанію обыкновенныхъ луговыхъ травъ. Вездѣ видно преобладаніе чемерики, или чемерицы, пупавокъ и трилистника. Мягкая поверхность земли, уступая ногѣ человѣка, не глубоко тонетъ подъ ней: сейчасъ слышенъ твердый грунтъ. Ходить по такимъ болотамъ не вязко, не топко и не тяжело. Это самыя обширныя и лучшія болота для охоты; они нерѣдко пересѣкаются *текущими*, а не *стоящими* въ ямахъ родниками.

Болота *топкія* съ грязями, паточинами или ржавчинами и стоячими родниками имѣютъ уже совсѣмъ другой характеръ: травъ луговыхъ тамъ нѣтъ, да и болотная растительность скудна. Мѣстами виднѣются круглыя пятна, или длинныя косы жидкой грязи, и довольно большія лужи, иногда красноватыя: въ послѣднемъ случаѣ болота называются ржавыми, или просто ржавчинами. Красноватый цвѣтъ воды и грязи показываетъ несомнѣнное присутствіе желѣзной руды. Кочекъ на нихъ бываетъ мало, а на грязяхъ и ржавчинахъ не растетъ почти и трава; за то нерѣдко обростаютъ они кругомъ гривами густого, мелкаго камыша, хвоща и необыкновенно высокой осоки. Поверхность воды на ржавыхъ лужахъ подернута тонкою пеленой, которая отражается на солнцѣ желѣзно-синеватымъ блескомъ. Водяные пауки любятъ бѣгать по ней, взадъ и впередъ, на своихъ длинныхъ дугообразныхъ ногахъ. Вода въ родниковыхъ ямкахъ, которыя иногда бываютъ довольно глубоки, хотя не имѣетъ видимаго теченія, а только сочится,—остается и лѣтомъ свѣжею и холодною,

особенно если зачерпнуть ее поглубже. Истомленный зноемъ охотникъ, распахнувъ насоренную поверхность воды кожанымъ картузомъ своимъ, можетъ утолить жажду и прохладить раскаленную солнцемъ голову... бѣды никакой не будетъ: онъ пойдетъ опять по болотамъ и разгорится пуще прежняго. Но ходьба эта очень трудна, особенно около грязей и паточинъ: тамъ иногда можно увязнуть по поясъ и не скоро выбиться на болѣе твердое мѣсто. Причина, отъ чего происходятъ въ болотахъ топкія грязи и паточины, состоитъ въ слѣдующемъ: сквозь тину и верхній слой почвы просачивается, непримѣтно для человѣческаго глаза, тонкая струйка родниковой воды. Струйка эта такъ мала, что не можетъ составить никакого теченія и только образуетъ около себя маленькія лужицы мутной, иногда красноватой воды, отъ которой однако вымокаютъ даже и болотныя растенія: торфъ обнажается и превращается въ топкую, глубокую грязь. Она засыхаетъ сверху, во время сильныхъ жаровъ и засухъ, даже трескается, и можетъ жестоко обмануть еще неопытнаго охотника: если онъ, обрадовавшись, повидимому, сухому мѣсту, прыгнетъ на него съ кочки, то выкарабкается нескоро.

Хотя камышъ и тростникъ растутъ иногда въ обыкновенныхъ мокрыхъ болотахъ и даже въ топкихъ, на мѣстахъ, которыя потверже, какъ я уже говорилъ,—но есть собственно *камышистыя* или *тростниковыя* болота, принадлежащія только по почвѣ къ роду болотъ мокрыхъ. Они покрыты мелкими кочками и отдѣльными кустиками камыша, именно на нихъ, или около нихъ, растущими. Травы на такихъ болотахъ бываетъ очень мало, и хотя они грязноваты, но не топки и мелкій скотъ можетъ бродить по нимъ безъ всякаго затрудненія и опасности завязнуть, что часто случается въ болотахъ топкихъ.

Вообще въ болотахъ, больше или меньше, растутъ разныя породы мховъ; но есть собственно *моховыя* болота, непремѣнно поросшія лѣсомъ и преимущественно еловымъ; они же называются и *глухими*. На черноземной почвѣ болота такого рода— рѣдкость, почему и въ Оренбургской губерніи ихъ очень мало; но за то Московская губернія, кромѣ южной стороны, изобилуетъ ими. Они не топки, но мягки и пухлы. Въ дождливую погоду бываютъ очень мокры, а въ засуху на поляхъ, или тамъ, гдѣ лѣсъ рѣдокъ, иногда совершенно высыхаютъ: ибо не поддерживаются ни подземными ключами, ни открытыми

родниками, ни паточинами. Лѣсныя, моховыя болота обязаны своимъ происхожденіемъ близости глинянаго грунта, непропускающаго сквозь себя дождевую воду: она стоитъ на немъ, какъ на глиняномъ блюдѣ, и верхній пластъ земли, плотно лежащій на глинѣ, постоянно размокая, разбухая, лишенный солнечныхъ лучей отъ навѣса древесныхъ вѣтвей,—производитъ мохъ. Въ такихъ болотахъ родится, иногда въ великомъ изобиліи, клюква и брусника; красивая зелень послѣдней извѣстна всѣмъ; ягоды же служатъ лакомою и питательною пищей для нѣкоторыхъ породъ лѣсной дичи, равно какъ и для людей.

Наконецъ есть болота *зыбкія*, которыя народъ не совсѣмъ вѣрно называетъ *„трясинами“*, ибо они не трясутся, а зыблются, волнуются подъ ногами человѣка, *„ходенемъ ходятъ“*, какъ говоритъ тотъ же народъ. Это не что иное какъ цѣлыя озера, по большей части мелкія, но иногда и глубокія, покрытыя толстою и очень крѣпкою пленой, сотканною изъ корней болотныхъ растеній, кустовъ и деревьевъ, растущихъ на торфяномъ грунтѣ. Иногда, посреди такихъ болотъ, остаются незаросшія, болѣе глубокія мѣста прежняго озера. Природа медленно производитъ эту работу, и я имѣлъ случай наблюдать ее: первоначальная основа составляется собственно изъ водяныхъ растеній, которыя, какъ извѣстно, растутъ на всякой глубинѣ и разстилаютъ свои листья и цвѣты на поверхности воды; ежегодно согнивая, они превращаются въ какой-то кисель — начало черноземнаго торфа, который, слипаясь, соединяется въ большіе пласты; разумѣется, все это можетъ происходить только на водахъ стоячихъ и, предпочтительно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало беретъ вѣтеръ. *Водяной цвѣтъ*, называемый *зеленью* около Москвы и *тмарою* въ Оренбургской губерніи, которымъ ежегодно, во время лѣта, покрываются непроточные пруды, озера и болота, который появляется и на рѣкахъ, но разбивается и уносится быстрымъ ихъ теченіемъ,—водяной цвѣтъ, соединяясь съ перегнивающими водяными растеніями, древесными иглами и листьями, составляетъ уже довольно густую массу, плавающую на водѣ. Погоныши и даже болотныя курочки бѣгаютъ по ней, не проваливаясь, оставляя только дорожки слѣдовъ, которыми искрещивается вдоль и поперекъ, разными узорами, это зеленое покрывало. Прибиваемая вѣтромъ къ берегу, липкая масса пристаетъ къ нему плотно и осѣменяется разными болотными, береговыми травами, которыя охотно растутъ по ней и которыя сейчасъ

скрѣпляютъ ее длинными нитями своихъ корней. Годъ отъ году толстѣетъ и твердѣетъ эта пловучая почва, и годъ отъ году усиливается растительность травъ, ежегодное согниванiе которыхъ производитъ торфяную землю. Наконецъ появляются на ней тальникъ, ива, даже ольха и береза: онѣ окончательно скрѣпляютъ почву своими корнями, и скоро, по наружности, она сдѣлается совершенно похожею на берега и будетъ казаться ихъ продолженiемъ. Въ послѣдствiи времени порастаетъ она даже кочками. Иногда большiе куски этой плены отрываются отъ берега, и пловучими островами, со всею зеленью, деревьями и живущею на нихъ птицей, гуляютъ по озеру и пристаютъ то къ тому, то къ другому берегу, повинуясь направленiю вѣтра; иногда опять прирастаютъ къ берегамъ. Это случается только на озерахъ большихъ и глубокихъ; на водахъ же средней величины и мелкихъ процессъ заростанiя обыкновенно оканчивается тѣмъ, что сплошной слой, отъ края до края, во всѣхъ направленiяхъ, заволочетъ поверхность воды и, черезъ нѣсколько лѣтъ, наружность его представитъ видъ обыкновеннаго болота; но обманчива эта наружность... Какъ только отойдешь нѣсколько шаговъ отъ настоящаго края, земля начнетъ, въ буквальномъ смыслѣ, волноваться, опускаться и подниматься подъ ногами человѣка и даже около него, со всѣми растущими по ея поверхности травами, цвѣтами, кочками, кустиками и даже деревьями. Съ непривычки можетъ закружиться голова и ходить покажется страшно, хотя и не опасно, если болота не имѣютъ такъ-называемыхъ „*окошекъ*", то-есть мѣстъ, незаросшихъ крѣпкими корнями травъ и растенiй. Такiя мѣста очень вѣрно называютъ крестьяне „прососами" и „просовами". Окошки чистыя, не малыя, въ которыхъ стоитъ жидкая тина или вода, бросаются въ глаза всякому, и никто не попадетъ въ нихъ; но есть прососы или окошки скрытныя, такъ сказать, потаенныя, небольшiя, наполненныя зеленоватою, какою-то кисельною массой, засоренныя сверху старою, сухою травой и прикрытыя новыми, молодыми всходами и побѣгами мелкихъ, некорнистыхъ травъ: такiя окошки очень опасны; нерѣдко охотники попадаютъ въ нихъ по неосторожности и горячности, побѣжавъ къ пересѣвшей или подстрѣленной птицѣ, что дѣлается обыкновенно уже не глядя себѣ подъ ноги и не спуская глазъ съ того мѣста, гдѣ сѣла или упала птица. Бывали примѣры, что такая неосторожность стоила жизни охотнику. Жидкая, тинистая, липкая

масса, на днѣ которой стоитъ вода, засосетъ туда человѣка, если онъ не успѣетъ, или ему будетъ не за что схватиться. Во всякомъ случаѣ безъ товарища по такимъ болотамъ ходить не должно. Утвердительно могу сказать, что зыбкія болота иногда превращаются въ обыкновенныя: вѣроятно, верхній пластъ, годъ отъ году дѣлаясь толще и тяжеле, наконецъ сядетъ на дно, а вода просочится наружу и испарится.

Таковы виды болотъ, мнѣ извѣстныхъ. Самое лучшее изъ нихъ—болото чистое, луговое, заливаемое весенними потоками, поросшее кустиками и рѣдкими деревьями. Какъ хорошо оно въ теплое весеннее утро! Вода сбыла, оставя кое-гдѣ мокрые слѣды и небольшія гривы наносной земли съ черноземныхъ полей. Нигдѣ растительность не является съ такою силой. Солнце палитъ влажную, тучную почву и тянетъ изъ нея травы и цвѣты: чуть не видишь, какъ растутъ они! Кусты и деревья только-что распустились или распускаются; блестящимъ ароматнымъ лакомъ покрыты ихъ листья. Каждый кустъ и дерево окружены собственною, благоуханною атмосферой...

Перехожу къ описанію болотной дичи.

1.

Бекасъ [1]).

Начинаю съ бекаса, отдавая ему преимущество надъ дупельшнепомъ и гаршнепомъ, по быстротѣ его полета и трудности добыванія. Всякій истинный охотникъ согласится признать за нимъ это первенство. Тѣломъ бекасъ не великъ, съ трехъ-недѣльнаго цыпленка, но имѣетъ очень длинный носъ и ноги. Спина, крылья и короткій хвостикъ покрыты пестрыми перьями, темно-коричневый, сѣроватый цвѣтъ которыхъ опредѣлить трудно. Брюхо у него и часть зоба или груди—бѣлыя; глаза темные, немного на выкатѣ, довольно большіе и веселые; ножки темноватыя, почти черненькія; три передніе пальцы очень длинны и снабжены острыми, довольно долгими, ногтями. Подбой, или изнанка крыльевъ сѣроватая или сизовато-пепельная; подъ плечными суставами—очень красивыя, сѣрыя пятнышки: на спинѣ у бекаса перья коричневѣе и длиннѣе; каждое перо съ одного бока имѣетъ свѣтло-

[1]) Барашекъ, чикъ (звукоподражательно). Scolopax gallinago, L. *К. Р.*

желтую оторочку; конецъ носа какъ будто немного расплюснутъ, и обѣ носовыя половинки покрыты мелкими поперечными рубчиками, похожими на терпужокъ. Вообще бекасъ, не отличаясь яркими цвѣтами перьевъ, имѣетъ видъ красивый и живой. Носъ его, относительно къ величинѣ тѣла, несоразмѣрно длиненъ: у крупнаго, стараго бекаса онъ бываетъ длиною вершокъ съ четвертью; онъ запускаетъ его въ мягкую, болотную почву, или хотя не болотную, но случайно отъ воды размокшую, и достаетъ бѣловатые корешки травъ и растеній, что́ и составляетъ его преимущественную пищу: именно ей приписываютъ изящный вкусъ бекасинаго мяса. Всегдашнее мѣстопребываніе бекаса—мокрыя болота. Онъ плотно таится въ нихъ между кочками; исключенія очень рѣдки. Въ случаѣ опасности, бекасъ сейчасъ ляжетъ и вытянется по землѣ. Рѣдко увидишь и еще рѣже убьешь сидячаго.—Обыкновенно бекасы прилетаютъ въ началѣ апрѣля, всегда ранѣе дупельшнеповъ и гаршнеповъ, и оказываются сначала по растаявшимъ болотамъ, около весеннихъ лужъ,—иногда вдругъ въ большомъ количествѣ, иногда понемногу. Случается, что, послѣ прилета бекасовъ, наступаютъ морозы, выпадаетъ снѣгъ, лужи и болота замерзаютъ; бекасы бросаются тогда къ родникамъ, берегамъ ручьевъ и рѣчекъ и даже къ навознымъ кучамъ, лишь бы только найти талую землю. Если въ болотахъ стоитъ слишкомъ много воды, или когда болотъ очень мало, бекасы высыпаютъ на лужи, стоящія по жнивью хлѣбныхъ полей, и на луговые весенніе ручьи, о чемъ я уже и говорилъ. Съ прилета бекасы дики и далеко вскакиваютъ, не подпуская въ мѣру ни охотника, ни собаки,—вѣроятно потому, что болота и берега лужъ очень голы, и бекасамъ притаиться негдѣ; на размокшихъ же луговинахъ, гдѣ прошлогодняя отава больше и гуще, они гораздо смирнѣе. Я рѣдко встрѣчалъ охотниковъ, которые бы видали пролетныхъ бекасовъ, и я самъ, одинъ разъ только въ жизни, видѣлъ весною, рано поутру, бекасиную стаю, пролетѣвшую очень высоко. Вѣроятно они летятъ ночью, какъ и многія другія породы прилетной птицы. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что очень часто по утрамъ находятъ бекасовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ наканунѣ вечеромъ не было.—Весенняя стрѣльба бекасовъ, съ прилета, несравненно труднѣе осенней и для меня пріятнѣе, хотя она не такъ добычлива, во-первыхъ потому, что съ прилета всякая птица дорога, а бекасы еще дороже,

и во-вторыхъ потому, что чѣмъ болѣе трудности, тѣмъ болѣе требуется искусства отъ охотника и тѣмъ драгоцѣннѣе дѣлается добыча. Впрочемъ, всякій хорошій стрѣлокъ, если не полѣнится, можетъ убить много бекасовъ. Ихъ всегда стрѣляютъ дробью; извѣстною подъ именемъ бекасиной, то-есть 9-мъ и рѣдко 10-мъ №; но съ прилета надобно употреблять дробь нѣсколько покрупнѣе, а именно 8-го №.—Бекасъ не жиренъ съ весны, какъ бываетъ осенью, а только сытъ, вскакиваетъ далеко и съ крикомъ бросается то въ ту, то въ другую сторону. Быстро несясь въ наклоненномъ положеніи, повертываясь съ боку на бокъ и мелькая то справа, то слѣва бѣлизной своего брюшка,—бекасъ, въ нѣсколько секундъ, вылетаетъ изъ мѣры ружейнаго выстрѣла. Очевидно, что быстрота мѣткаго прицѣла—единственное средство догнать свинцовымъ дождемъ эту быстролетную птичку. Тутъ некогда потянуть, приложиться половчѣе и взять вѣрнѣе на цѣль,—особенно потому, что весенній, прилетный бекасъ вылетаетъ неожиданно, не допуская собаку сдѣлать стойку, а охотника приготовиться; осенью будетъ совсѣмъ другое дѣло. Къ тому же съ прилета нѣтъ молодыхъ, *лѣтнихъ*, смирныхъ бекасовъ, летающихъ тише и прямѣе, — а все старые, годовалые, владѣющіе полною быстротой своего чуднаго полета. Здѣсь торжествуетъ проворство охотника и доброта его ружья.

Въ маѣ бекасы садятся на гнѣзда, которыя вьютъ изъ сухой травы на кочкахъ въ болотахъ, поросшихъ кустами. Бекасиная самка обыкновенно кладетъ четыре яйца, величиною не меньше голубиныхъ, цвѣтомъ зеленоватыя, испещренныя темно-коричневыми крапинами. Фигура яицъ, общая всѣмъ куличьимъ яйцамъ, имѣетъ ту особенность, что нижній конецъ ихъ представляетъ острый уголъ, и большая ширина яйца находится только въ самомъ верху тупого конца, а не въ серединѣ. Не могу утвердительно сказать, но, кажется, самецъ помогаетъ самкѣ сидѣть на яйцахъ и выхаживать молодыхъ: по крайней мѣрѣ онъ всегда играетъ вверху недалеко отъ гнѣзда. Токовъ [1]) бекасиныхъ я никогда не замѣчалъ и

---

[1]) Токомъ называется мѣсто, куда весною постоянно слетаются самцы и самки нѣкоторыхъ породъ дичи, для совокупленія, и гдѣ между самцами, которыхъ всегда бываетъ несравненно болѣе, происходитъ драка.

ни отъ кого о нихъ не слыхалъ, почему и полагаю, что бекасы разбиваются на пары, какъ и другія куличьи породы. Правда, про бекаса говорятъ, что онъ *токуетъ*, но это потому, что онъ, наигравшись въ вышинѣ, подъ облаками, обыкновенно спускается на землю съ крикомъ, похожимъ на слоги: „таку-таку, таку-таку". Съ этимъ же крикомъ, бѣгаетъ онъ иногда по болоту, а всего чаще издаетъ эти звуки, сидя на сучкѣ сухого дерева или на высокомъ пнѣ, или даже на кусту; послѣднее, впрочемъ, бываетъ очень рѣдко; знаю я также, что токующихъ бекасовъ, разумѣется самцовъ, охотники-промышленники приманиваютъ на голосъ самки и бьютъ сидячихъ. Все это вмѣстѣ однако не объясняетъ дѣла. Къ сожалѣнію, мои наблюденія не простираются далѣе; хотя я много нахаживалъ бекасиныхъ гнѣздъ, часто замѣчалъ ихъ особою примѣтой и поглядывалъ изъ скрытнаго мѣста,—но ничего, объясняющаго этотъ вопросъ, мнѣ видѣть не удалось.

Въ исходѣ мая бекасы выводятся и держатся сначала въ крѣпкихъ болотныхъ мѣстахъ: въ кустахъ, топяхъ и молодыхъ камышахъ; какъ же скоро бекасята подростутъ, то мать переводитъ ихъ въ луговыя части болотъ, гдѣ суше и растетъ высокая, густая трава,—и остается съ ними тамъ, пока они совершенно выростутъ. Къ концу іюня (иногда въ половинѣ и даже въ началѣ) молодые бекасы поднимаются, но летаютъ прямо, тихо и недалеко; лежатъ крѣпко и выдерживаютъ близкую стойку собаки. Мнѣ случалось убивать при выводкѣ двухъ старыхъ бекасовъ, изъ чего я заключаю, что и самцы держатся при дѣтяхъ. Горячности къ спасенію молодыхъ, какая примѣчается въ уткахъ и тетеревиныхъ курочкахъ, бекасиная самка не оказываетъ: отъ гнѣзда не отводитъ и собою не жертвуетъ. По настоящему, до начала августа не должно стрѣлять молодыхъ: стрѣльба слишкомъ проста и легка, а мясо бекасятъ слишкомъ мягко, какъ-то слизко и особеннаго вкуса не имѣетъ; но не такъ поступалъ я въ молодости, какъ и всѣ горячіе охотники!..

Съ того времени, какъ бекасиныя самки сядутъ на гнѣзда, около которыхъ остаются и самцы, — всѣ холостые бекасы разбиваются врозь по обыкновеннымъ кочковатымъ болотамъ, и начинается лѣтняя, мало-добычливая стрѣльба бекасовъ. Въ іюлѣ они прячутся въ мѣста болѣе крѣпкія и въ это время линяютъ. Впрочемъ, у нихъ перебирается перо за перомъ,

и линька не мѣшаетъ имъ летать быстро; но находить ихъ тогда очень трудно, да и бить бекасовъ, поднимающихся въ кустахъ, очень нелегко. Въ концѣ іюля они опять выбираются въ открытыя болота и остаются въ нихъ до отлета; но передъ отлетомъ никогда не собираются въ большія стаи какъ весною, во время прилета. Съ начала августа до половины сентября—самая лучшая охота за бекасами. Чѣмъ позднѣе осень, тѣмъ они становятся жирнѣе; но жирныхъ до такой степени бекасовъ, какъ иногда бываютъ дупели и гаршнепы, я не видывалъ. На обширныхъ болотахъ, не слишкомъ топкихъ или по крайней мѣрѣ не вездѣ топкихъ, не зыблющихся подъ ногами, но довольно твердыхъ и способныхъ для ходьбы, покрытыхъ небольшими и частыми кочками, поросшихъ маленькими кустиками, не мѣшающими стрѣльбѣ, можно производить охоту цѣлымъ обществомъ: охотники идутъ, каждый съ своею собакой, непремѣнно хорошо дрессированною, въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, ровняясь въ одну линію. Если общество не многочисленное и всѣ стрѣлки настоящіе охотники, то такая охота можетъ быть чрезвычайно пріятна и удачна. Напротивъ, если замѣшается хоть одинъ плохой, неопытный или слишкомъ горячій стрѣлокъ, да еще съ невыдержанною, невѣжливою собакой, то пропало все поле. Я долженъ признаться, что никогда не любилъ охоты большимъ обществомъ и предпочиталъ охоту въ одиночку, вдвоемъ или много втроемъ, ибо какъ скоро будетъ охотниковъ и собакъ много, то трудно соблюсти тѣ условія, при которыхъ охота можетъ быть удачна и весела. Я нигдѣ не встрѣчалъ такихъ обширныхъ и отлично удобныхъ болотъ, какъ въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, особенно на границѣ и той и другой, по рѣкѣ Инзѣ. Охотники сбирались отличные, и охоты бывали баснословно удачныя. Въ одно поле, на двухствольное ружье, лучшіе охотники убивали, каждый, до 60-ти штукъ бекасовъ, дупелей и вальдшнеповъ, ибо осенью и послѣдніе сваливаются изъ лѣсовъ въ болота и держатся въ большихъ кустахъ съ мочажиной, околы рѣки Инзы. Гаршнеповъ попадалось не такъ много, потому что они любятъ болота другого рода.

Бекасы начинаютъ пропадать не въ одно время: иногда въ половинѣ, иногда въ концѣ сентября, а иногда остаются въ небольшомъ числѣ до половины октября. Я не умѣю опредѣлить настоящей причины такой значительной разницы. Бли-

зость или отдаленность зимы, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ охотниковъ, не имѣетъ въ этомъ случаѣ никакого вліянія. Но вообще можно сказать, что если мокрота болотъ поддерживается умѣренными дождями, и стоитъ теплая погода, то болотная птица держится долѣе: засуха какъ разъ ее выгонитъ. Впрочемъ, не всегда бекасы пропадаютъ всѣ вдругъ; чаще случается, что бо̀льшая ихъ часть пропадаетъ, а нѣкоторые останутся и держатся иногда до сильныхъ морозовъ, такъ что и болота начнутъ замерзать. Я полагаю, что остаются тѣ бекасы, которые позднѣе другихъ вывелись, или слабые, не совсѣмъ здоровые. Это подтверждается тѣмъ, что изъ позднихъ бекасовъ рѣдко убьешь сытаго. Самаго поздняго бекаса, и не худого, я убилъ 18-го октября въ степи, около небольшой осенней лужи, когда лежалъ уже мелкій снѣжокъ; а самаго ранняго—23-го марта, когда еще въ неприкосновенной цѣлости лежала бѣлая, блестящая громада снѣговъ и таяло только въ деревняхъ по улицамъ. Я шелъ на лыжахъ (въ Оренбургской губерніи) по берегу рѣки Бугуруслана, который уже давно очистился отъ льда, ибо и въ жестокую зимнюю стужу мало замерзалъ. Я искалъ нырковъ, которые съ прудового материка полетѣли вверхъ по рѣкѣ. Вдругъ изъ-подъ крутого берега, гдѣ впадалъ ручеекъ изъ ближняго родника, съ крикомъ вырвался бекасъ. У меня отъ такой неожиданности, какъ говорится, сердце оторвалось; я выпустилъ было драгоцѣнную добычу изъ мѣры, но, опомнившись, выстрѣлилъ... Стволъ былъ заряженъ рябчиковою дробью; одна дробинка повредила правое крыло у корня двухъ послѣднихъ перьевъ; бекасъ пошелъ къ низу и упалъ на отлетъ, саженей за сто на противоположномъ берегу рѣки, и быстро побѣжалъ по стеклянному насту, подпрыгивая и подлетывая.... Собака не рѣшалась броситься съ крутого, высокаго, снѣжнаго берега въ рѣчку; я приходилъ въ отчаяніе; но умное животное обѣжало на мостъ за полверсты, поймало и принесло мнѣ бекаса, не помявъ ни одного пера.... Радость была неописанная.

Я нѣсколько разъ употреблялъ выраженіе: „выпустить изъ мѣры“,—выраженіе понятное и неохотникамъ; но какъ опредѣлить мѣру стрѣльбы въ летъ бекаса и другихъ рѣзвыхъ птицъ? Я слыхалъ отъ старыхъ охотниковъ, что если глазъ не различаетъ пестрыхъ перьевъ на бекасѣ, то стрѣлять не должно: это значитъ, что бекасъ вылетѣлъ изъ мѣры. Такое

опредѣленіе никуда не годится уже потому, что близорукій охотникъ и въ пятнадцати шагахъ не видитъ пестринъ; стало быть ему никогда не придется стрѣлять, а между тѣмъ онъ бьетъ бекасовъ иногда лучше зоркаго охотника. Приблизительно и довольно вѣрно можно сказать, что 40 шаговъ самая лучшая, а 50—самая дальняя мѣра для успѣшнаго стрѣлянія бекасовъ; это разстояніе охотникъ привыкнетъ узнавать глазомѣромъ. Конечно, бываютъ удачные выстрѣлы, но ихъ нельзя принимать въ разсчетъ. Иногда убьешь бекаса и на 60 шаговъ и даже на 70, но за то и стрѣляешь на авось, почти съ увѣренностью, что дашь промахъ.

Самые блистательные охотничьи выстрѣлы, по-моему, бываютъ въ бекаса, когда онъ играетъ вверху, не боясь присутствія охотника, потому что, завидя его, сейчасъ поднимается высоко. Бекасиною дробью рѣдкое ружье можетъ достать его. Это были мои любимые выстрѣлы, и въ этомъ случаѣ я употреблялъ съ успѣхомъ дробь 7-го нумера, которая, будучи покрупнѣе, летитъ дальше и бьетъ крѣпче. Мѣра всегда бываетъ болѣе 60-ти шаговъ. Стрѣлять можно только въ ту минуту, когда бекасъ летитъ прямо надъ головой, слѣдовательно можно поставить ружье совершенно перпендикулярно. Положеніе очень неловкое, да и дробь, идучи вверхъ, скорѣе слабѣетъ. Много зарядовъ улетало понапрасну въ синее небо, и дробь, возвращаясь назадъ, сѣялась какъ мелкій дождь около стрѣлка. Въ случаѣ удачнаго выстрѣла, бекасъ падаетъ изъ-подъ небесъ медленно и винтообразно. Охотники понимаютъ, какъ живописно такое паденіе, и какъ неравнодушно смотритъ на него побѣдитель.

На охотѣ за бекасами были со мной два странные случая. Одинъ разъ ударилъ я бекаса вверху, и онъ, тихо кружась, упалъ въ десяти шагахъ отъ меня съ распростертыми крыльями на большую кочку; онъ былъ весь въ виду, и я, зарядивъ ружье, не торопясь подошелъ взять свою добычу; я протянулъ уже руку, но бекасъ вспорхнулъ и улетѣлъ, какъ здоровый, прежде чѣмъ я опомнился. Въ это время бекасы были рѣдки, выстрѣлъ былъ отличный, и мнѣ была очень досадна эта потеря. Въ другой разъ собака подала мнѣ застрѣленнаго бекаса; я взялъ его и, считая убитымъ на-поваль, бросилъ возлѣ себя, потому что заряжалъ въ это время ружье; бекасъ, полежавъ съ минуту, также улетѣлъ и даже закричалъ, а раненая птица не кричитъ. Для предупрежденія та-

кихъ досадныхъ потерь, я принялъ за правило всегда прикалывать живую птицу. Совѣтую и всѣмъ охотникамъ дѣлать то же, и дѣлать аккуратно, потому что птица, приколотая вскользь, то-есть такъ, что́ перо не попадетъ въ мозгъ, а угодитъ какъ-нибудь мимо, также можетъ улетѣть, что́ со мной случалось не одинъ разъ, особенно на охотѣ за осенними тетеревами.

2.

Дупельшнепъ [1]).

Его всегда называютъ дупелемъ, чему и я послѣдую, хотя это послѣднее названіе и неправильно, но короче и удобнѣе для произношенія. Я отдалъ первое мѣсто бекасу, но не всѣ охотники со мною согласятся. Обыкновенно предпочитаютъ дупеля, который чуть не вдвое больше (что̀ показываетъ и нѣмецкое его названіе), а это не бездѣлица въ охотѣ. Дупель гораздо жирнѣе бекаса, слѣдовательно вкуснѣе, подпускаетъ охотника и собаку ближе, выноситъ стойку дольше, летитъ тише и прямѣе. Вотъ причины, почему охотники считаютъ его первою, лучшею болотною дичью. Не оспаривая этихъ справедливыхъ причинъ, я повторяю, что даю первое мѣсто бекасу за быстроту полета и за то, что убить его несравненно труднѣе. Дупель такъ сходенъ перьями и складомъ съ бекасомъ, что ихъ не вдругъ даже различишь, если не обратишь вниманія на разность въ величинѣ и не увидишь хлупи или брюшка, которое у дупеля не бѣлое, а сѣро-пестрое. При внимательномъ разсмотрѣніи окажется, что шея его и ножки не такъ длинны, носъ тоже покороче и потолще бекасинаго, цвѣтъ ножекъ зеленоватѣе и нижняя сторона крыльевъ гораздо пестрѣе. Конецъ дупелинаго носа снаружи покрытъ такими же мелкими рубчиками, какъ у бекаса.

---

1) Scolopax major. L. *К. Р.*

Дупели прилетаютъ или оказываются на мокрыхъ мѣстахъ иногда одною, а иногда двумя недѣлями позднѣе бекасовъ, когда погода сдѣлается уже теплѣе, что̀ я могу доказать двѣнадцатилѣтними, обстоятельными записками о прилетѣ дичи въ Оренбургской губерніи. Они появляются на мѣстахъ не столько мокрыхъ и голыхъ, какъ бекасы, а непремѣнно въ кочковатыхъ, не топкихъ болотахъ, также на размокшихъ луговинахъ, на залежахъ, поросшихъ высокимъ бастыльникомъ или полынью, и даже на загонахъ съ высокою, прошлогоднею жнивой.—Дупель, взлетывая, производитъ крыльями шумъ или шорохъ, по которому опытное ухо охотника сейчасъ отличитъ его отъ бекаса, хотя бы онъ вылетѣлъ сзади; но потомъ летитъ тихо, такъ что его глухого покрякиванья не слыхать, а садится гораздо скорѣе, чѣмъ бекасъ. По прошествіи времени весеннихъ высыпокъ, на которыхъ смѣшиваются всѣ эти три лучшія породы дичи (дупель, бекасъ и гаршнепъ), о превосходствѣ которыхъ я уже довольно говорилъ,—дупели занимаютъ обыкновенныя свои болота съ кочками, кустиками, а иногда большими кустами, не мокрыя, а только потныя,—и начинаютъ слетаться по вечерамъ на тока, гдѣ и остаются во всю ночь, такъ что рано поутру всегда можно ихъ найти еще въ сборищѣ, на избранныхъ ими мѣстахъ. Токованье происходитъ у нихъ ночью, и потому, при всемъ моемъ стараніи, не могъ я подсмотрѣть и получить о немъ полнаго и точнаго понятія. Знаю только, что какъ скоро начнетъ заходить солнце, дупели слетаются на извѣстное мѣсто, всегда довольно сухое, ровное и по большей части находящееся на полянѣ, поросшей чемерикою, между большими кустами, гдѣ въ продолженіи дня ни одного дупеля не бываетъ. Вѣроятно, туда же слетаются и самки, хотя собранія на токахъ продолжаются и тогда, когда онѣ давно сѣли на гнѣзда и даже начинаютъ выводить молодыхъ. Я видалъ по вечернимъ зорямъ, что дупели гоняются другъ за другомъ, припрыгиваютъ, распуставъ крылья и поднявъ вѣеромъ свои хвостики, подобно токующимъ косачамъ или надувающимся индѣйскимъ пѣтухамъ. Бѣлый подбой подъ ихъ хвостиками, состоящій изъ мелкихъ перышекъ, часто мелькаетъ въ темнотѣ; но ясно разглядѣть ничего нельзя. Можно только съ достовѣрностью предположить, что самцы совокупляются въ это время съ самками и горячо дерутся за нихъ между собою: измятая трава и выщипанныя перья, по ней разбросанныя, подтвер-

ждаютъ такое предположеніе. Тока продолжаются съ начала мая до половины іюня. Разумѣется, всѣ положительно назначаемые мною сроки измѣняются иногда нѣсколькими днями, смотря по состоянію погоды. Охотники, кончивъ весеннюю стрѣльбу на высыпкахъ, пользуются токами и бьютъ дупелей изъ-подъ собаки: по вечерамъ—до глубокихъ сумерекъ, по утреннимъ зорямъ—до солнечнаго восхода; но по утрамъ дупели скоро отъ выстрѣловъ разлетаются въ глухія мѣста болотъ, иногда не въ близкомъ разстояніи, гдѣ и остаются до вечера. Часа за полтора до заката солнца, уже вездѣ около тока есть подбѣжавшіе дупели, а при самомъ захожденіи солнца они уже летятъ на токъ со всѣхъ сторонъ. Въ это время, если вы поднимете дупеля, дадите по немъ промахъ, и онъ улетитъ изъ глазъ вонъ... не безпокойтесь: черезъ нѣсколько минутъ онъ прилетитъ опять на прежнее мѣсто, если только не подбитъ. Добычливые охотники, притаясь въ какомъ-нибудь кустикѣ или кустѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ тока, остаются тамъ на всю ночь и стрѣляютъ дупелей, цѣля въ мелькающую бѣлизну подъ ихъ распущенными хвостиками. Впрочемъ, въ это время года ночей почти нѣтъ, зоря сходится съ зорей, и присутствіе свѣта не прекращается. Драка между самцами продолжается не только во всю ночь, но почти до восхода солнца; тутъ они утихаютъ и разбѣгаются во всѣ стороны; но тутъ уже опять можно стрѣлять ихъ изъ-подъ собаки. Я просидѣлъ одну ночь, подкарауливая дупелей на току, и убилъ ихъ нѣсколько штукъ, но мнѣ не понравилась эта охота, хотя она заманчива тѣмъ, что требуетъ отъ стрѣлка много ловкости и проворства. Главное въ ней условіе—острота зрѣнія, а я никогда не могъ имъ похвалиться. Притомъ гораздо болѣе дупелей поранишь, чѣмъ убьешь на-повалъ, да часто не найдешь и убитыхъ, потому что охотникъ не выходитъ изъ скрытнаго мѣста до окончанія охоты, и тогда только собираетъ свою добычу. Очевидно, что во время стрѣльбы собака не нужна; но поутру необходимо употреблять ее для отысканія убитыхъ и подбитыхъ дупелей, которые иногда имѣютъ еще силы отойти довольно далеко. Въ заключеніе скажу, что мнѣ показалось какъ-то совѣстно убивать птицу пьяную, безумную вслѣдствіе непреложнаго закона природы,—птицу, которая въ это время не видитъ огня и не слышитъ ружейнаго выстрѣла!

На многочисленныхъ токахъ, куда собираются дупели сот-

нями, куда никогда не заходила нога охотника,—что не рѣдкость въ обширной Оренбургской губерніи,—поселяне, какъ Русскіе, такъ равно и Мордва, Чуваши и даже татары очень много ловятъ дупелей (какъ и тетеревовъ) *поножами*, то-есть сильями, вплетенными, на разстояніи полуаршина другъ отъ друга, въ длинную тонкую веревку, привязанную къ нѣсколькимъ колышкамъ, которые плотно втыкаются въ землю на тѣхъ мѣстахъ тока, гдѣ нужно ихъ разставить. Когда попадетъ въ сило одинъ дупель, начнетъ биться и трепетаться,—другіе кинутся его бить и попадаютъ въ силья сами; бо̀льшая часть изъ нихъ удавливается.

По прекращеніи токовъ, исхудалые самцы-дупели скрываются въ самыя крѣпкія болота, поросшія кустами и деревьями, и тамъ линяютъ, не теряя способности летать, какъ и бекасы. Между тѣмъ дупелиныя самки, въ исходѣ мая, слѣдовательно въ первой половинѣ токовъ, вьютъ гнѣзда, по большей части на кочкахъ, въ предохраненіе отъ сырости, въ болотахъ не очень мокрыхъ, но непремѣнно поросшихъ кустами, и кладутъ по четыре яйца точно такого же цвѣта и формы, какъ бекасиныя, только нѣсколько побольше. Высиживаніе дѣтей, укрываніе ихъ, сначала въ самыхъ крѣпкихъ и глухихъ болотныхъ мѣстахъ, а потомъ въ лугахъ, и наконецъ перемѣщеніе въ чистыя болота на всю осень—у дупелей совершенно одинаковы съ бекасами. Вся разница состоитъ въ слѣдующемъ: при выводкахъ я никогда не нахаживалъ двухъ старыхъ дупелей; послѣ линьки или линянья, особенно если болота очень мокры отъ многихъ дождей, чего дупели не любятъ, они иногда перемѣщаются въ залежи, въ паръ, то-есть въ паровое поле, и лежащія около болотъ некошеныя луговины, поросшія чилизникомъ и бобовникомъ. Вотъ, по-моему, лучшая охота за дупелями. Это бываетъ въ исходѣ іюля и въ августѣ; тогда они дѣлаются такъ жирны, что не видѣвши трудно повѣрить: летаютъ очень тяжело и скоро опять садятся. Мнѣ случалось бить столь жирныхъ дупелей, что когда убьешь его, и онъ ударится о землю, какъ мокрая глина, то кожа трескалась на его хлупи. Впрочемъ, въ такихъ мѣстахъ они бываютъ рѣдко и не надолго, особенно въ пару, гдѣ молодая трава, несмотря на сильную растительность черноземной оренбургской почвы, довольно мала, и прятаться въ ней птицѣ неудобно. Во всю мою жизнь я одинъ разъ только нашелъ множество дупелей въ паровомъ

полѣ: они были необыкновенно жирны и сначала смирны, потомъ сдѣлались сторожки, но держались упорно около двухъ недѣль. Вѣроятно, взрыхленная сохою земля и сочные корешки молодой травы очень имъ нравились; даже когда начали засѣвать паръ, дупеля держались нѣсколько дней, кругомъ, по ковылистымъ луговинамъ. Я убилъ тогда болѣе сотни чудесныхъ дупелей.—Къ половинѣ августа они переселяются опять въ большія болота, и тамъ, вмѣстѣ съ бекасами, остаются до отлета, который, впрочемъ, всегда бываетъ ранѣе бекасинаго, также недѣлями двумя. И тогда-то производятся тѣ славныя охоты цѣлымъ обществомъ, о которыхъ я недавно говорилъ.—Дупелей бьютъ по большей части тою же дробью (то-есть 9-мъ нумеромъ), какъ и бекасовъ: но лучше употреблять дробь 8-го нумера; для дупелей же, напуганныхъ стрѣльбою,—какъ то бываетъ всегда на токахъ, куда они, разлетаясь отъ выстрѣловъ, постоянно возвращаются и гдѣ они дѣлаются наконецъ такъ сторожки, что поднимаются шагахъ въ 50-ти или болѣе,—я употреблялъ съ успѣхомъ дробь 7-го нумера. На разстояніи 60-ти шаговъ дупеля не убьешь на-поваль бекасиною дробью, даже 8-мъ нумеромъ, или по крайней мѣрѣ рѣдко, а только поранишь; онъ унесетъ дробь очень далеко, и если не умретъ скоро, то долго будетъ хворать и скрываться въ самыхъ глухихъ болотныхъ мѣстахъ. Мнѣ случалось нахаживать и убивать такихъ дупелей въ позднюю осень, когда всѣ другіе давно уже пропали. Я находилъ на нихъ зажившія раны и даже старую, заросшую въ тѣлѣ дробь, которую не трудно было отличить отъ новой, потому что послѣдняя всегда была крупнѣе.

Жирныхъ и не пуганныхъ стрѣльбою дупелей, допускающихъ самую близкую стойку собаки, можно травить ястребами-перепелятниками. Если дупель вскочитъ не далѣе 6-ти или 7-ми шаговъ, то ястребъ его догонитъ. Разумѣется, что никакой ружейный охотникъ не станетъ травить дупелей ястребомъ, если будетъ имѣть возможность стрѣлять ихъ.

3.

Гаршнепъ. [1]).

Этотъ маленькій куличекъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ славной породѣ бекасовъ. Господа Нѣмцы назвали его *гаршнепомъ*, то-есть *волосянымъ куликомъ*, вслѣдствіе того, что онъ имѣетъ длинныя перышки, растущія по верхней части его шеи и лежащія вдоль спины. Впрочемъ, эти перышки нисколько не похожи на волосы и скорѣе можно ихъ назвать косичками; но другого имени гаршнепъ у насъ не имѣетъ, а потому долженъ остаться при своей нѣмецкой кличкѣ, не вовсе удачной, но всѣмъ извѣстной. О названіи „лежанка“, котораго никто не знаетъ на Руси, придаваемомъ гаршнепу въ „Книгѣ для охотниковъ“, изданной въ 1813 году въ Москвѣ,—я уже говорилъ.—Гаршнепъ вдвое меньше

---

[1]) *Мѣстами* называется также *стучикъ*, *бекасикъ*. Scolopax gallinula, L.
К. Р.

бекаса; складомъ, носомъ, ногами и пестрымъ брюшкомъ совершенно сходенъ съ дупелемъ, а перьями — и съ бекасомъ и дупелемъ: только пестрины у него на спинѣ нѣсколько темнѣе и красноватѣе, имѣютъ сизо-зеленоватый, какъ будто металлическій отливъ; кожа на шеѣ толста и мясиста, очевидно для того, чтобы могли рости изъ нея длинныя перышки и косички. Гаршнепъ—постоянный обитатель топкихъ болотъ, преимущественно поросшихъ кустиками камыша. Корешки болотныхъ травъ, особенно сладкіе корешки молодого камыша (котораго и первые побѣги также на вкусъ очень сладки) и разные червячки и козявочки составляютъ его обыкновенную пищу. Весною онъ прилетаетъ всегда вмѣстѣ съ дупелями и вмѣстѣ съ ними показывается на первыхъ высыпкахъ, но улетаетъ гораздо позднѣе, даже послѣ бекаса. Какъ скоро минуется срочное и короткое время высыпокъ пролетной птицы, гаршнепъ немедленно переселяется въ топкія, грязныя и камышистыя болота. Камышъ—его стихія: я имѣлъ этому поразительное доказательство. Однажды весною, когда вся птица уже прилетѣла и вездѣ по удобнымъ мѣстамъ появились гаршнепы, ушелъ у меня въ деревнѣ огромный прудъ, заросшій почти весь сплошнымъ камышомъ, который зимою былъ гладко скошенъ на разныя деревенскія потребности. Гаршнепы пропали, не только на болотахъ около самаго пруда, но и на мѣстахъ довольно отдаленныхъ: дупели и бекасы остались, гаршнепа—ни одного. Я, ничего не подозрѣвая, продолжаю охотиться, удивляюсь только, отчего такъ внезапно пропали гаршнепы. Вдругъ узнаю, что крестьяне, ловившіе рыбу, оставшуюся въ лужахъ, по обмелѣвшимъ камышамъ пруда, поднимали тамъ много гаршнеповъ. Я сейчасъ туда отправился, и что же нашелъ? Гаршнепы со всего околотка слетѣлись на грязное, топкое дно сбѣжавшаго пруда, покрытое густыми корнями камыша. Грязь была такъ жидка, что гаршнепы могли только сидѣть на оголившихся камышевыхъ корняхъ. Ходьба была адская; ноги вязли по колѣна и даже выше; собака вязла по брюхо и далеко отставала отъ меня, да въ ней и не было надобности: гаршнепы вскакивали сами. Три дня, съ неимовѣрными усиліями, къ которымъ бываетъ способна только молодость и страстная охота, бродилъ я по этой непроходимой топи. Я убилъ 83 гаршнепа, чего, конечно, не убилъ бы въ обыкновенныхъ болотахъ и даже на высыпкахъ, ибо гаршнеповъ, относительно къ числу бекасовъ

и дупелей, бываетъ въ Оренбургской губерніи несравненно менѣе, и рѣдко убьешь ихъ десятка полтора въ одно поле[1]). Я убилъ бы ихъ гораздо болѣе, потому что они не убывали, а прибывали съ каждымъ днемъ; но воду запрудили, прудъ сталъ наливаться и подтопилъ гаршнеповъ, которые слетѣли и вновь показались на прежнихъ своихъ мѣстахъ, уже гораздо въ меньшемъ количествѣ.—Гаршнепъ обыкновенно очень смиренъ, вылетаетъ изъ-подъ ногъ у охотника или изъ-подъ носа у собаки послѣ долгой стойки, безъ малѣйшаго шума, и летитъ, если хотите, довольно прямо, то-есть не бросается то въ ту, то въ другую сторону, какъ бекасъ; но полетъ его какъ-то не вѣренъ, похожъ на порханье бабочки, что, вмѣстѣ съ малымъ объемомъ его тѣла, придаетъ стрѣльбѣ гаршнеповъ гораздо болѣе трудности, чѣмъ стрѣльбѣ дупелей, особенно въ вѣтренное время. Гаршнепъ, взлетѣвъ, сейчасъ бросается противъ вѣтра, но, не имѣя силъ долго бороться съ нимъ, вдругъ сдаетъ направо или налѣво, то-есть дѣлаетъ боковое движеніе и опять устремляется противъ вѣтра. Въ это время безъ сноровки бить его очень трудно. Вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобъ уловить гаршнепа въ ту минуту, когда онъ, сдѣлавъ уступку вѣтру и будучи отнесенъ имъ въ сторону, начнетъ опять летѣть прямо; тутъ выходятъ такія мгновенія отъ противоборства вѣтра и усилій птицы, что она стоитъ въ воздухѣ неподвижно; опытные стрѣлки знаютъ это и рѣдко даютъ промахи по гаршнепамъ. Когда вѣтеръ сноситъ ихъ въ сторону, особенно если какъ-нибудь захватитъ сзади, то длинныя шейныя и спинныя перья заворачиваются, и гаршнепъ представляетъ странную фигуру, непохожую на птицу: точно летитъ хлопокъ льна или клочокъ шерсти. Въ началѣ іюня гаршнепы пропадаютъ, и до второй половины августа нигдѣ отыскать ихъ нельзя: по крайней мѣрѣ я никогда не нахаживалъ и отъ другихъ охотниковъ не слыхалъ. Предположеніе, что они прячутся въ глухія неудобопроходимыя болота, поросшія деревьями, кустами и высокимъ камышомъ, гдѣ выводятъ дѣтей, держатся до совершеннаго ихъ возраста и оттуда потомъ перемѣщаются снова въ свои обыкновенныя болота, — такое предположеніе меня не удовлетворяетъ.

---

1) Я слышалъ отъ охотниковъ Пензенской и Симбирской губерній, что тамъ гаршнеповъ бываетъ чрезвычайно много, и что случается одному охотнику убивать въ одно поле до 40 штукъ и болѣе.

Очень странно, что я, будучи всегда неутомимымъ и страстнымъ до безумія охотникомъ, таскаясь по самымъ глухимъ и топкимъ болотнымъ мѣстамъ, несмотря на жаркое лѣтнее время, не нашелъ не только гнѣзда или выводка гаршнепа, но даже ни одного не поднялъ. Сколько мнѣ извѣстно, другіе охотники также не нахаживали гаршнеповыхъ гнѣздъ и выводковъ[1]). Это обстоятельство наводитъ на мысль, что гаршнепы далеко отлетаютъ для вывода дѣтей, въ такія непроходимыя лѣсныя болота, куда въ это время года не заходитъ нога человѣческая, потому что такія болота, какъ я слыхалъ, въ буквальномъ смыслѣ недоступны до тѣхъ поръ, пока не замерзнутъ. Какъ бы то ни было, изъ всего мною сказаннаго слѣдуетъ, что я ничего не знаю, какъ, гдѣ выводятся гаршнепы, и ничего не могу сказать объ этомъ.

Въ исходѣ августа, слѣдовательно къ осени, начинаютъ кое-гдѣ проскакивать гаршнепы. Молодыхъ уже трудно различить со старыми, развѣ только потому, что старые крупнѣе и скорѣе начинаютъ жирѣть. Если въ это время вы убьете сытаго гаршнепа, то навѣрно это старый; по жесткимъ правильнымъ перьямъ вы въ томъ удостовѣритесь, ибо у молодыхъ они не только мягки, но даже нѣсколько кровянисты, какъ у всякой молодой птицы. Къ концу осени сравняются всѣ: и старые и молодые. — Я никогда не находилъ много гаршнеповъ вдругъ въ одномъ болотѣ (говорю о стрѣльбѣ уже осенней), никогда двухъ вмѣстѣ; но я слыхалъ отъ охотниковъ, что въ другихъ губерніяхъ, именно въ Симбирской и Пензенской, осенью бываетъ гаршнеповъ очень много, что весьма часто поднимаются они изъ-подъ собаки по два и по три вдругъ, и что нерѣдко случается убивать по два гаршнепа однимъ зарядомъ. Впрочемъ, они такъ плотно таятся и крѣпко лежатъ, что и добрая собака проходитъ иногда мимо ихъ. Самъ же собою гаршнепъ только тогда взлетитъ, когда на него почти наступишь. Бить очень хорошо дробью 10-го нумера, потому что стрѣлять далеко не приходится, а мелкая, сѣвкая дробь летитъ, какъ широкое рѣшето, и хотя бы задѣла однимъ только краемъ, такъ и сваритъ эту порхающую птичку.

---

[1]) Одинъ охотникъ, впрочемъ, сказывалъ мнѣ, что убилъ очень молодого, едва летающаго гаршнепа, около Петербурга, подъ Стрѣльною, въ самомъ [illegible]

Чѣмъ глубже становится осень, тѣмъ болѣе жирѣетъ гаршнепъ, и наконецъ весь заплываетъ саломъ. Вотъ уже пропадаютъ дупели, а гаршнепъ все держится; пропадаютъ и бекасы, а гаршнепъ все еще держится... Погода становится суровѣе: стынутъ болота; тонкимъ, какъ стекло, льдомъ покрывается между кочками вода, съ бѣлыми пузырями запертаго подъ нею воздуха; некуда пріютиться гаршнепу, какъ онъ ни малъ, нѣтъ нигдѣ куска талой грязи, — гаршнепъ и тутъ еще держится, но уже бросается къ родничкамъ и къ паточинамъ. Здѣсь находитъ онъ себѣ убѣжище, и не разстается съ нимъ до послѣдней крайности, до сильныхъ морозовъ, которые закуютъ все безъ исключенія. Даже во время заморозковъ, когда земля начинаетъ покрываться первымъ пушистымъ снѣгомъ, вовсе неожиданно случалось мнѣ находить, въ самой головѣ родника, гаршнепа, притаившагося на мерзлой землѣ; изумляла меня крѣпкая стойка собаки на такомъ голомъ мѣстѣ, гдѣ, казалось, ничто спрятаться не могло. Послѣ многихъ и наконецъ грозно сказанныхъ: „пиль!“, собака бросалась и—вспархивалъ гаршнепъ [1]). Не всегда удавалось убить его, потому что ружье бывало заряжено не мелкою дробью; но когда удавалось, то радость была большая. Охотники могутъ себѣ вообразить, какъ я, на шесть скучныхъ мѣсяцевъ уже простившись съ лучшею породой дичи, дорожилъ ея послѣднимъ запоздавшимъ представителемъ.

Должно замѣтить общую особенность дупелей, бекасовъ, гаршнеповъ и особенно вальдшнеповъ: они никогда не выпрямляются на ногахъ и не вытягиваютъ своихъ шей, какъ обыкновенные береговые кулики; ножки и шейки ихъ всегда какъ-то согнуты или скорчены, что и даетъ имъ особенную посадку. Самцовъ отъ самокъ различить по перьямъ очень трудно.

О вкусѣ мяса и приготовленіи бекасиныхъ породъ.

Описанные теперь мною три вида одной породы, то-есть бекасъ, дупель и гаршнепъ, вмѣстѣ съ вальдшнепомъ, извѣстны всѣмъ гастрономамъ необыкновенною деликатностью своего

[1]) Знакомый мнѣ охотникъ убилъ четырехъ гаршнеповъ 6-го ноября, около родниковъ, когда уже порядочный снѣгъ покрывалъ землю.

вкуса. Слава ихъ такъ повсемѣстна и прочна, что не нужно распространяться о ней; но должно сказать правду, что когда они бываютъ худы и сухи, то мясо ихъ мало разнится отъ мяса обыкновенныхъ куличковъ. Многіе кушаютъ ихъ и похваливаютъ, увлекаясь громкою репутаціей. Впрочемъ, когда они разжирѣютъ, то безспорно превосходятъ вкусомъ всѣ другія породы куликовъ, какъ бы послѣдніе ни были жирны.—Основываясь на томъ, что они питаются единственно корешками растеній, ихъ готовятъ непотрошенными,—честь, которой не удостоивается никакая другая дичь, кромѣ дроздовъ, изъ уваженія къ ягодной пищѣ, которую употребляютъ они въ извѣстное время года. Хотя мнѣ и жаль, но я долженъ разрушить положительность этого мнѣнія: вальдшнепъ, дупельшнепъ, бекасъ и гаршнепъ питаются не одними корешками, особенно два первыхъ вида, которые не всегда постоянно живутъ въ мокрыхъ болотахъ и не могутъ свободно доставать себѣ въ пищу корешковъ въ достаточномъ количествѣ; они кушаютъ червячковъ, разныхъ козявокъ, мухъ и мушекъ или мошекъ. Что же касается до способа приготовленія ихъ непотрошенными, то я совѣтую употребить его со всѣми породами куличковъ: они будутъ отъ того гораздо вкуснѣе; въ этомъ я убѣдился по опыту. Для людей, слишкомъ разборчивыхъ и брезгливыхъ, я предлагаю особенный способъ приготовленія какъ знаменитой бекасиной породы, такъ и всѣхъ другихъ породъ дичи, безъ исключенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, выкидывая внутренность изъ птицы, мы выкидываемъ самыя жирныя и вкусныя части. Итакъ, надобно внутренность птицы осторожно вынуть, все нечистое изъ кишекъ отдѣлить, остальное промыть легонько въ холодной водѣ, положить опять въ птицу, зашить отверстіе и готовить кушанья, какія угодно; можно даже, смотря по вкусу, изрубить внутренность птицы и смѣшать съ поджареннымъ мелкоистертымъ хлѣбомъ, съ зеленью или какими-нибудь пряностями. Я осмѣлюсь предположить, что мясо бекасиныхъ породъ много обязано своею славой тому, что ихъ жарятъ всегда непотрошенныхъ, всегда въ кастрюляхъ, завернутыхъ въ ветчинное сало, или въ напитанную имъ бумагу. Бекасъ нѣжнѣе вальдшнепа и дупеля, а гаршнепъ нѣжнѣе бекаса, слѣдовательно вкуснѣе. Тамъ, гдѣ этой превосходной птицы слишкомъ много, можно готовить ихъ въ прокъ, мариновать подъ желе съ уксусомъ, или, слегка посоля, заливать свѣжимъ коровьимъ растопленнымъ масломъ,

какъ перепелокъ. Посуду должно поставить на ледъ. и когда наступятъ морозы, можно перевозить ее куда угодно.

Недавно узналъ я отъ одного почтеннаго охотника П. В. Б—ва, что дупелей, бекасовъ и, пожалуй, всякую другую дичь, стрѣленную даже въ іюлѣ,—сохраняютъ у него совершенно свѣжею, хоть до будущей весны. Птицу кладутъ въ большую форму, точно такую, въ какой приготовляютъ мороженое, вертятъ ее и крѣпко замораживаютъ; потомъ форму зарываютъ въ ледъ, и покуда онъ не пропадаетъ въ ледникѣ, птица сохраняется такъ свѣжа, какъ будто сейчасъ застрѣлена.

4.

Болотный куликъ [1]).

Подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ всего болѣе, но охотники зовутъ его иногда *улиткою* или *неттигелемъ*; откуда произошли оба эти названія, русское и нѣмецкое,—не знаю. Крестьяне въ Оренбургской губерніи называютъ его *веретенникъ*, основываясь на томъ, что будто крикъ его, которымъ обыкновенно оглашаются болота, иногда въ большомъ множествѣ имъ населяемыя, похожъ на слова: „веретёнъ, веретёнъ!“ Сходство это, впрочемъ, совершенно произвольно, да и крикъ болотнаго кулика весьма разнообразенъ: онъ очень коротокъ и живъ, когда куликъ гонитъ какую-нибудь хищную или недобрую птицу прочь отъ своего жилища, какъ напримѣръ сороку или ворону, на которую онъ то налетаетъ, какъ ястребъ, въ угонъ, то черкаетъ сверху, какъ соколъ; онъ протяженъ и чистъ, когда болотный куликъ летитъ спокойно и высоко, и превращается въ хриплый стонъ, когда охотникъ или собака приближаются къ его гнѣзду или дѣтямъ. Болотный куликъ тѣломъ не больше русскаго голубя, но

---

1) *Сукалень*, *мородунка*, *жеребчикъ* (по Енисею), *авдотка*, *ивдушка*, *авдотья* (въ Сибири). Limosa melanura, Eel. *К. Р.*

имѣетъ очень длинныя ноги, шею и носъ, отчего и кажется довольно большою птицей. Верхняя половинка его носа на концѣ нѣсколько овальна и похожа на уховертку. Цвѣтъ его перьевъ желтовато-красноватый. Самецъ меньше самки и перомъ свѣтлѣе, а шея у него гораздо краснѣе. Болотные кулики прилетаютъ около половины апрѣля. Хотя я видалъ ихъ пролетающихъ огромными стаями, но около прудовъ, болотъ и полевыхъ лужъ попадаются они по большей части врозь или парами, рѣдко маленькими станичками. Съ прилета они бываютъ довольно сыты, но потомъ, до самаго отлета, очень худы и тощи. Съ прилета, когда они шатаются вездѣ по мокрымъ мѣстамъ, охотники стрѣляютъ ихъ сидячихъ, съ подъѣзда и даже съ подходу, потому что они скоро дѣлаются довольно смирны.—Какъ только сольетъ полая вода, болотные кулики занимаютъ свои родимыя болота, въ которыхъ живутъ постоянно каждый годъ, если какая-нибудь особенная причина не заставитъ ихъ перемѣнить мѣста своего жительства. Причины бываютъ разныя: иногда болото высыхаетъ отъ того, что пропадаютъ въ немъ родники или паточины; иногда отъ того, что ихъ затопчетъ скотъ; иногда отъ того, что болото высушивается искусственно людьми и превращается въ сѣнокосные луга или пашню. Впрочемъ, болотные кулики неразборчивы: они живутъ во всякихъ болотахъ—въ топкихъ, грязныхъ, кочковатыхъ, мокрыхъ и сухихъ, даже въ открытой ковылистой степи, около какой-нибудь потной низменности или долины, обросшей кустами, только бы не мѣшали имъ люди.—Вмѣстѣ съ занятіемъ постоянныхъ жилищъ, они сейчасъ разбиваются парами; самецъ помогаетъ самкѣ вить гнѣздо на кочкѣ или сухомъ мѣстѣ. Самка кладетъ четыре довольно большія яйца, немного поменьше куриныхъ, цвѣтомъ похожія на дупелиныя и одинаковой фигуры со всѣми куличьими яйцами. Самецъ раздѣляетъ всѣ труды и попеченія съ самкою; онъ настоящій отецъ своимъ дѣтямъ: сидитъ на яйцахъ, когда сходитъ самка, и, летая кругомъ, отгоняетъ всякую опасность, когда мать сидитъ на гнѣздѣ. Увы! онъ часто губитъ себя и все свое потомство своимъ бдительнымъ надзоромъ, открывая безжалостному охотнику, крикомъ и летаньемъ, мѣсто своего жилища и самое гнѣздо. Послѣ трехнедѣльнаго сидѣнья вылупляются куличата, покрытые желтовато-сѣрымъ пухомъ; они сейчасъ получаютъ способность бѣгать и доставать себѣ пищу; на другой день ихъ

уже нѣтъ въ гнѣздѣ. Пища ихъ, какъ и всѣхъ куликовъ, кромѣ породъ бекасиныхъ, состоитъ изъ разныхъ насѣкомыхъ. Отецъ съ матерью держатся съ ними сначала въ болотѣ и потомъ выводятъ ихъ въ чистыя мѣста, луга и хлѣбныя поля, гдѣ они, по достиженіи уже полнаго возраста, начинаютъ летать.

Грустно мнѣ вспомнить, какое истребленіе производилъ я, какъ и всѣ охотники, въ оренбургскихъ обширныхъ болотахъ, биткомъ набитыхъ всякою дичью и преимущественно болотными куликами, отличающимися отъ многихъ куличьихъ породъ необыкновенною горячностью къ дѣтямъ. Это опустошеніе еще гибельнѣе, если производится въ то время, когда кулики сидятъ на яйцахъ: тутъ пропадаютъ вдругъ цѣлыя поколѣнія; если же куличата вывелись хотя за нѣсколько дней, то они выростутъ и выкормятся безъ помощи отца и матери.—Едва только приближается охотникъ или проходитъ мимо мѣста, занимаемаго болотными куликами, какъ одинъ или двое изъ нихъ вылетаютъ навстрѣчу опасности, иногда за полверсты и болѣе. Мы называли ихъ въ шутку „посланниками“. Вылетѣвъ навстрѣчу человѣку или собакѣ, даже лошади, коровѣ и всякому животному,—ибо слѣпой инстинктъ не умѣетъ различать: чье приближеніе опасно и чье безвредно,—болотный куликъ бросается прямо на охотника, подлетаетъ вплоть, трясется надъ его головой, вытянувъ ноги впередъ, какъ будто упираясь ими въ воздухъ, безпрестанно садится и бѣжитъ прочь, все стараясь отвести въ противоположную сторону отъ гнѣзда. Съ собакой ему иногда удается эта хитрость; но охотникъ видѣлъ, откуда прилетѣлъ онъ, убиваетъ посланника и прямо идетъ къ его жилищу. Чѣмъ ближе подходитъ онъ къ болоту, тѣмъ чаще вылетаютъ встрѣчные кулики. Когда же у самаго ихъ жилища раздается выстрѣлъ, то поднимается все летучее населеніе болота и окружаетъ охотника, наполняя воздухъ различнымъ крикомъ и пискомъ своихъ голосовъ и шумомъ своихъ полетовъ; только однѣ самки или самцы, сидящіе на яйцахъ, не слетаютъ съ нихъ до тѣхъ поръ, пока опасность не дойдетъ до крайности. Это летучее населеніе преимущественно состоитъ изъ болотныхъ куликовъ и частью только изъ чибисовъ или пиголицъ, травниковъ и поручейниковъ. Охотникъ вступаетъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ нечаянно приближается къ какому-нибудь гнѣзду или притаившимся въ травѣ дѣтямъ, отецъ и мать съ жалобнымъ кри-

комъ бросаются къ нему, ближе и ближе вертятся надъ головой, какъ будто падаютъ на него и едва не задѣваютъ за дуло ружья... Но не долго тянется дѣло у охотника опытнаго и хорошаго стрѣлка: только новичекъ, недавно взявшійся за ружье, можетъ до того разгорячиться, что задрожатъ у него и руки и ноги, и будетъ онъ давать безпрестанные промахи, чему способствуетъ близость разстоянія, ибо дробь летитъ сначала кучей. Стрѣлять болотныхъ куликовъ въ летъ въ это время, при нѣкоторой сноровкѣ и хладнокровіи, ловчѣе чѣмъ сидячихъ: надо выпускать ихъ въ мѣру и не стрѣлять въ минуту быстрыхъ поворотовъ. По большей части исторія оканчивается тѣмъ, что, чрезъ нѣсколько часовъ, шумное, звучное, весело-населенное болото превращается въ безмолвное и опустѣлое мѣсто... Только легко раненые или прежде пуганные кулики, отлетѣвъ на нѣкоторое разстояніе, молча сидятъ и дожидаются ухода истребителя, чтобы заглянуть въ свое родное гнѣздо... Но не входятъ такія мысли въ голову охотника: онъ весело собираетъ и пересчитываетъ свою добычу и отправляется въ другое болото...

Но не всегда и не всѣ болота, посѣщаемыя охотниками, подвергаются такому опустошенію: это случается только съ мѣстами новыми, нетронутыми, никогда нестрѣленными. Если болотные кулики не будутъ истреблены въ первый разъ, или по неумѣнью стрѣлять, или по излишней горячности охотника, то въ другой разъ сдѣлаются гораздо осторожнѣе: налетаютъ близко только сначала, а потомъ возьмутъ такой верхъ, что ихъ не достанешь и утиною дробью; да и летаютъ надъ охотникомъ лишь нѣсколько куликовъ, а остальные всѣ посядутъ кругомъ въ безопасномъ разстояніи. Отъ времени до времени, летающіе и сидящіе кулики мѣняются между собою своими должностями. Такихъ *ученыхъ* куликовъ (въ смыслѣ проученыхъ), какъ выражаются охотники, бить уже очень трудно, и нужно употреблять дробь покрупнѣе, даже 6-го нумера; обыкновенно же употребляютъ 7-го и 8-го нумера.

Въ то время, когда старые кулики держатся съ молодыми выводками въ большой травѣ или хлѣбѣ, молодыхъ можно стрѣлять изъ-подъ собаки, точно какъ дупельшнеповъ, ибо они не поднимаются высоко и не улетятъ очень далеко, а пересѣвъ, сидятъ смирно, спрятавшись въ травѣ, и подпускаютъ собаку близко, даже выдерживаютъ стойку. Это бы-

ваетъ въ послѣднихъ числахъ іюня и въ самомъ началѣ іюля. Въ половинѣ этого мѣсяца они появляются уже отдѣльными выводками по отлогимъ берегамъ прудовъ и озеръ; потомъ собираются къ отлету большими стаями по большимъ рѣкамъ и огромнымъ степнымъ озерамъ, и въ началѣ августа совершенно пропадаютъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ Оренбургскаго края, гдѣ я жилъ и охотился: вѣроятно, гдѣ-нибудь поюжнѣе они держатся долѣе.

Болотные кулики, несчастныя жертвы всякаго стрѣлка, такъ безпощадно истребляемые, мало уважаются охотниками, безъ сомнѣнія потому, что ихъ вездѣ много, и что, во время сидѣнья на яйцахъ и вывода дѣтей, только лѣнивый не бьетъ ихъ, ибо неумѣющій вовсе стрѣлять въ летъ можетъ стрѣлять ихъ сидячихъ: но съ прилета или на отлетѣ никакой охотникъ ими не пренебрегаетъ. Мясо болотныхъ куликовъ совершенно сходно вкусомъ съ мясомъ всѣхъ куличьихъ породъ: оно сухо и черство, когда они тощи и худы, и очень мягко, сочно и вкусно, когда они жирны; молодые же болотные кулики, хотя нѣсколько разжирѣвшіе, имѣютъ вкусъ превосходный. Въ Оренбургской губерніи они такъ рано пропадаютъ, что не успѣваютъ вполнѣ разжирѣть, но изрѣдка и мнѣ случалось убивать стараго, запоздалаго, вѣроятно, пролетнаго, болотнаго кулика, облитаго саломъ.

5.

Красноножка, щеголь [1]).

И то и другое имя носитъ онъ не даромъ: длинныя его ноги точно выкрашены яркою киноварью, а самъ онъ такъ складенъ, такъ красивъ и чистъ перомъ, что вполнѣ заслуживаетъ и второе свое названіе. Онъ тѣломъ поменьше болотнаго кулика, но его ноги и шея, относительно величины, очень длинны, и красноножка съ перваго взгляда покажется больше, нежели онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Носъ его однако много короче, чѣмъ у болотнаго кулика. Самъ онъ весь пестрый, темно-сѣрый, какъ будто дымчатый или пепельный; такого же темнаго цвѣта и такими же поперечными мелкими крапинками и полосками, очень правильными, покрыты его бѣловатое брюшко и шея; хвостъ коротенькій, какъ обыкновенно у куликовъ; по-моему, красноножка всѣхъ ихъ красивѣе. Этотъ куликъ въ Оренбургской губерніи пролетный: гнѣздъ не вьетъ и дѣтей не выводитъ. Я потому говорю объ этомъ утвердительно, что ни я, ни другіе охотники никогда не видали молодыхъ красноножекъ. Они появляются только съ весны, и потомъ, съ половины августа, держатся до исхода сентября. Щеголя находишь почти всегда въ-одиночку, рѣдко вдвоемъ, по большей части вмѣстѣ съ другими куличками и

---

[1]) Totanus fuscus, Briss. *Большая Красноножка.* К. Р.

болотными курухтанами, собирающимися въ стайки для отлета. Красноножка имѣетъ пріятный, звонкій и особенный свистъ или голосъ: даже не видя его, знаешь издалека, по его крику, что онъ бродитъ гдѣ-нибудь по берегу пруда, озера или рѣчного залива. Чистота и гладкость его перьевъ, безъ сомнѣнія, происходятъ отъ того, что онъ попадается охотникамъ всегда довольно сытый, а въ сентябрѣ—и довольно жирный. По той же причинѣ, и мясо его вкуснѣе, чѣмъ у другихъ куликовъ. По рѣдкости своей, кратковременному появленію и красивости, красноножка обращаетъ на себя особенное вниманіе охотника. По крайней мѣрѣ я цѣнилъ его всегда очень высоко и гонялся за нимъ безъ устали до тѣхъ поръ, пока не убивалъ или не терялъ совсѣмъ изъ виду, пренебрегая уже куличьимъ обществомъ, обыкновенно его окружающимъ. Онъ не очень смиренъ, или по крайней мѣрѣ его не скоро добудешь: можетъ быть отъ того, что, подкрадываясь или подъѣзжая къ нему, всегда пугаешь напередъ другихъ куликовъ, вмѣстѣ съ которыми гуляетъ онъ по отлогимъ берегамъ прудовъ, безпрестанно опуская носъ въ жирную грязь. Пища его состоитъ изъ обыкновенной куличьей пищи, то-есть изъ червячковъ, козявокъ, корешковъ, сѣмянъ береговыхъ травъ, даже изъ илу и тины, которая всегда находится въ зобахъ всѣхъ болотныхъ и водяныхъ птицъ.

6.

Куликъ-сорока. [1]).

Этотъ куликъ имѣетъ много именъ. Его зовутъ *волжскимъ куликомъ*, очевидно потому, что онъ водится во множествѣ около рѣки Волги; впрочемъ, и по песчанымъ берегамъ другихъ не малыхъ рѣкъ кулика-сороки бываетъ много. Называютъ его также *жеребцомъ*. а въ какой-то охотничьей книжкѣ, какъ мнѣ помнится, придавали ему имя *огаръ*. Обоихъ послѣднихъ названій объяснить не умѣю; имя же *сороки* ему прилично потому, что онъ пестринами или пѣжинами, даже складомъ нѣсколько похожъ на обыкновенную сороку, хотя онъ имѣетъ хвостъ короткій, а ноги, шею и носъ гораздо длиннѣе, чѣмъ у простой сороки, тѣломъ же несравненно ея больше, даже мясистѣе болотнаго кулика. Вообще куликъ-сорока здоровая и крѣпкая къ ружью птица. Носъ у него почти въ вершокъ, довольно толстый, ярко-красный, какъ киноварь; ноги блѣдно-малиновыя, не высокія, толстыя, похожія на утиныя, но безъ перепонокъ между пальцами; около глазъ красный, узенькій ободочекъ, да и самые глаза, кромѣ черныхъ зрачковъ, также красные. Голова, шея до самаго зоба, спина, крылья и конецъ хвоста темно или черно-бураго цвѣта, съ какимъ-то едва примѣтнымъ зеленовато-сизымъ отливомъ; а зобъ, хлупь, подбой крыльевъ и хвоста—блестяще-

---

[1]) **Морская сорока (Моск. г.); дикая курица (при Каспіи); кривокъ, кривякъ (Малорос.).** Haematopus ostalegus, L. *К. Р.*

бѣлые, какъ снѣгъ; по краямъ крыльевъ лежитъ бѣлая же полоса.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я обыкновенно охотился, то-есть около рѣкъ: Бугуруслана, Большой Савруши, Боклы и Насягая или Мочегая (послѣднее имя болѣе употребительно между простонародными туземцами), — куликъ-сорока гнѣздъ не вьетъ и дѣтей не выводитъ, но около рѣкъ Большого Кинеля и Демы я нахаживалъ сорокъ съ молодыми, и тогда они, хотя не очень горячо, но вились надо мной и собакой; вѣроятно, отъ гнѣздъ съ яйцами вьются они горячѣе. Впрочемъ, я изрѣдка встрѣчалъ ихъ и на сосѣднихъ прудахъ и на своемъ собственномъ, какъ съ весны, въ исходѣ апрѣля, такъ и въ августѣ мѣсяцѣ, но всегда понемногу; крикъ ихъ также совершенно особенный и далеко слышный. Можетъ быть, кулика-сороку и не слѣдовало бы помѣщать въ разрядъ болотной дичи, потому что онъ выводитъ дѣтей не въ болотахъ, а на голыхъ песчаныхъ берегахъ рѣкъ; но еще менѣе можно причислять его къ разрядамъ другой дичи. Говоря въ строгомъ смыслѣ, можно составить особенный отдѣлъ — *рѣчной дичи*, но онъ бы состоялъ не болѣе, какъ изъ трехъ куличьихъ породъ, и потому не изъ чего хлопотать объ ихъ отдѣленіи. — Кулики-сороки мало уважаются охотниками; я самъ никогда за ними не гонялся и во всю мою жизнь убилъ не болѣе двухъ десятковъ. Мясо ихъ сухо, черство, когда они худы; но съ прилета и на отлетѣ они бываютъ чрезвычайно жирны и довольно сочны. Жиръ ихъ въ это время, особенно весною, отзывается чѣмъ-то похожимъ на рыбу; должно предположить, что они питаются ею, бѣгая по береговымъ разливамъ рѣкъ и ловя мелкую рыбешку. Есть еще замѣчательная особенность въ куликахъ-сорокахъ: красный цвѣтъ, которымъ окрашены ихъ глаза, носы и ноги, проявляется въ самомъ цвѣтѣ кожи, мяса и преимущественно жира: когда куликъ будетъ изжаренъ, жиръ имѣетъ ярко-оранжевый цвѣтъ. Вкусъ ихъ непріятенъ даже тогда, когда они жирны. Наружность кулика-сороки какъ-то нестатна и неловка: она представляетъ нѣчто среднее между стàтью кулика и складомъ обыкновенной сороки или галки; а пѣгія перья, несмотря на яркую пестроту цвѣтовъ, красный носъ, глаза и ноги совсѣмъ некрасивы и даже непріятны. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе всегда производили на меня кулики-сороки.

7.

Рѣчной куликъ[1]).

Этотъ куликъ немного поменьше красноножки, но относительно во всемъ его потолще. Перья рѣчного кулика не имѣютъ никакихъ особенныхъ цвѣтовъ: онъ не пѣгій и не пестрый; онъ сѣровато-бѣлесоватый, съ какими-то неопредѣленными оттѣнками, мягкими и пріятными для глазъ; брюшко, нижняя половина шеи и подхвостныя перья — бѣлыя, носъ обыкновеннаго рогового цвѣта, а ноги свѣтло - зеленоватыя. Вообще онъ пониже и какъ-то поувѣсистѣе красноножки, но въ то же время довольно строенъ и красивъ. Имя рѣчного кулика носитъ онъ по всей справедливости: не только по ручьямъ, даже по маленькимъ рѣчкамъ его не встрѣтишь, а живетъ онъ по среднимъ и большимъ рѣкамъ, обыкновенно ведущимъ за собой песчаные берега; бываетъ также и на озерахъ. Разумѣется, онъ залетаетъ иногда на маленькіе пруды и рѣчки, но это исключеніе. Звонкій и пріятный его голосъ слышенъ весьма издалека. Весной появляется онъ довольно поздно, послѣ прилета многихъ куличьихъ породъ. Я никогда не видалъ стаи рѣчныхъ куликовъ, но весною находилъ ихъ парами, а въ іюлѣ и августѣ съ выводками молодыхъ. Въ обыкновенныхъ болотахъ рѣчные кулики не водятся, по крайней мѣрѣ я нигдѣ не нахаживалъ ихъ гнѣздъ; но, вѣроятно, они выводятъ дѣтей гдѣ-нибудь не далеко, по уремамъ и займищамъ (нерѣдко болотистымъ) среднихъ рѣкъ и даже рѣкъ меньшей величины, потому что я находилъ ихъ съ молодыми на прудахъ именно такихъ рѣкъ [2]). Рѣчные кулики держатся въ Оренбургской губерніи до начала сентября, и въ это время бываютъ довольно жирны; съ прилета также они не худы, какъ и вся прилетная птица. Мясо ихъ сочнѣе и вкуснѣе другихъ куликовъ, и въ этомъ отношеніи они не уступаютъ красноножкѣ; но какъ они попадаются охотнику гораздо чаще, то уважаются нѣсколько менѣе рѣдкаго и красиваго *щеголя*;

---

[1]) Не Totanus stagnatilis Bechst. ли? *К. Р.*

[2]) Одинъ настоящій охотникъ и образованный наблюдатель, Н. Т. А—въ, которому я обязанъ за многія свѣдѣнія, сказывалъ мнѣ, что онъ нахаживалъ куличатъ и гнѣзда рѣчныхъ куликовъ въ моховыхъ болотахъ сосновыхъ большихъ лѣсовъ.

впрочемъ, всякій охотникъ предпочитаетъ рѣчного кулика всѣмъ остальнымъ породамъ куличковъ, съ которыми онъ совершенно сходенъ въ пищѣ и во всей куличьей характеристикѣ.

Рѣчныхъ куликовъ никогда не убьешь много: во первыхъ, потому, что ихъ мало, а во вторыхъ, потому, что они, особенно старые, довольно сторожки. Я всегда дорожилъ ими, и мнѣ нерѣдко удавалось убивать ихъ въ летъ; по особенному счастью, они какъ-то нечаянно и часто на меня налетали [1]).

---

[1]) Къ сожалѣнію, политипажъ этого кулика, по стеченію обстоятельствъ, не могъ быть изготовленъ.

8.

Травникъ[1]).

Не знаю, почему носитъ онъ это имя. Если потому, что охотно держится съ молодыми въ травѣ, растущей по берегамъ прудовъ и заливовъ, то это не составляетъ его исключительной особенности; пища его также не состоитъ преимущественно изъ молодыхъ побѣговъ мелкой береговой травы:

[1]) Totanus calidris, L. Изъ всѣхъ куликовъ, упоминаемыхъ авторомъ, только два кулика, кромѣ кулика-сороки, имѣютъ *красныя* ноги: щеголь и травникъ. Первый толще тѣломъ, выше на ногахъ, гораздо темнѣе перомъ. Потому у иностранцевъ первый называется *большою*, а второй *малою красноножкой*. *К. Р.*

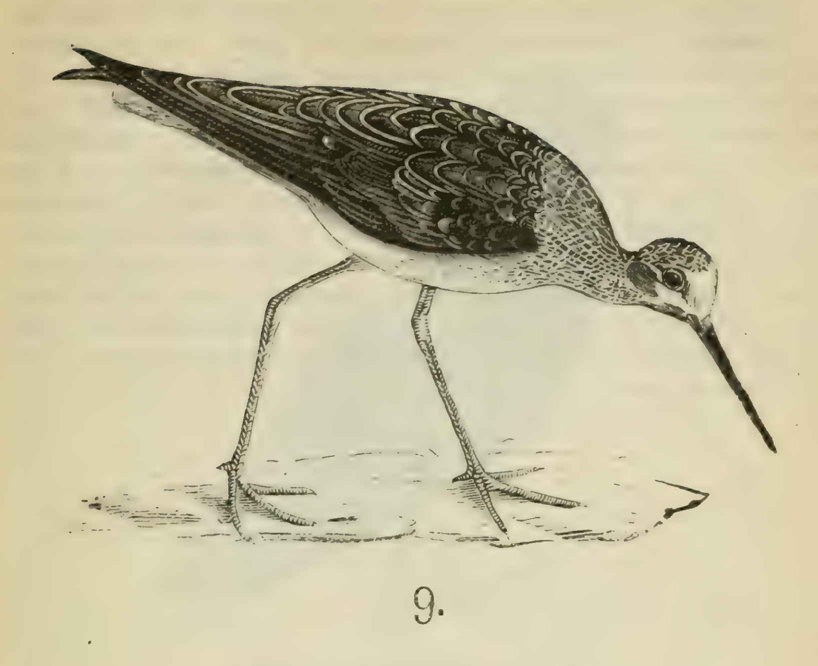
онъ кормится точно тѣмъ же, чѣмъ и всѣ куличьи породы. *Травникъ*, съ перваго взгляда, похожъ на красноножку: онъ также сѣро-пестрый, хотя свѣтлѣе перомъ, и также имѣетъ красныя ноги и носъ, но онъ гораздо меньше щеголя, особенно тѣломъ; ноги его блѣдно-красноваты; пестрины не такъ ярки и опредѣленны, и вообще онъ не такъ крѣпокъ, складенъ и красивъ. Травникъ—куличекъ очень обыкновенный и встрѣчается весьма часто. Вотъ описаніе съ натуры молодого травника, старые же несравненно свѣтлѣе или бѣлѣе перомъ: длина отъ носа до хвоста шесть вершковъ, длина носа безъ малаго вершокъ, половина носа къ корню красноватаго цвѣта съ маленькою чернотой на верхней половинкѣ, а концы обѣихъ половинокъ носа черноваты; голова, шея и спина сѣро-каштановаго цвѣта, такого же цвѣта и крылья; правильныя перья темно-каштановыя; хвостъ, средней величины, бѣловатый, съ поперечными коричневыми полосками; брюхо бѣловатое, съ коричневыми крапинами; длина ногъ $2^1/_4$ вершка, и цвѣтъ ихъ красноватый. Должно замѣтить, что каштановаго цвѣта въ старыхъ травникахъ не замѣтно.

Травники оказываются весною въ половинѣ апрѣля: сначала пролетаютъ довольно большими стаями и очень высоко, не опускаясь на землю, а потомъ, когда время сдѣлается потеплѣе, травники появляются парами по берегамъ разлившихся рѣкъ, прудовъ и болотныхъ лужъ. Они довольно смирны и въ это время можно ихъ стрѣлять съ подъѣзда и съ подхода. Въ одну пору съ болотными куликами, занимаютъ они болото для вывода дѣтей и живутъ всегда вмѣстѣ съ ними. Мнѣ рѣдко случалось встрѣчать травниковъ въ болотахъ безъ болотныхъ куликовъ, и наоборотъ. Нравами также они совершенно сходны: такъ же вьютъ гнѣзда на кочкахъ, такъ же самка кладетъ четыре яйца, такъ же самецъ раздѣляетъ съ нею заботы о высиживаніи яицъ и сохраненіи дѣтей, къ которымъ оказываютъ травники такую же, если не бо̀льшую, горячность. Разница состоитъ въ слѣдующемъ: яйца травника не только вдвое меньше, но и цвѣтомъ гораздо свѣтлѣе и зеленѣе; пестрины на нихъ не темно-коричневыя, а зеленовато-темно-сѣрыя; молодыхъ они не выводятъ въ густые луга и хлѣба̀, а держатся съ ними въ болотахъ и потомъ въ осокѣ и травѣ, по берегамъ прудовъ. Еще должно замѣтить, что молодые травники поднимаются, то-есть начинаютъ летать, недѣлями двумя ранѣе молодыхъ болотныхъ куликовъ, ранѣе

всей куличьей породы, кромѣ бекасовъ: въ моихъ запискахъ замѣчено, что въ 1815-мъ году травники поднялись 8-го іюня!..[1]). Впрочемъ, это единственный случай, и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ не повторился. Обыкновенно же молодые травники поднимаются около 20-го іюня. Постоянно раннему ихъ подъему могутъ быть три причины: 1) или старые кулики садятся ранѣе на гнѣзда; 2) или сидятъ на яйцахъ менѣе трехъ недѣль; 3) или перья, собственно въ крыльяхъ, у молодыхъ выростаютъ скорѣе. Ни одной изъ этихъ причинъ я не могу вполнѣ ни подтвердить, ни опровергнуть. Всѣхъ вѣроятнѣе послѣдняя, и всего болѣе имѣю я доказательствъ къ опроверженію второй, потому что, по моимъ наблюденіямъ, всѣ куличьи породы безъ исключенія сидятъ на яйцахъ одинъ и тотъ же срокъ. Когда молодые достигнутъ полнаго возраста, что̀ бываетъ въ исходѣ іюля, то старые травники держатся съ выводками по открытымъ, голымъ берегамъ прудовъ, озеръ и рѣчныхъ заливовъ; любятъ также шататься около грязей. Голосъ у нихъ довольно громкій и въ то же время мелодическій; когда взлетаютъ съ мѣста, то крикъ ихъ похожъ на звонъ маленькаго серебрянаго колокольчика. Они пропадаютъ въ одно время съ болотными куликами. Все, что̀ я писалъ о избіеніи сихъ послѣднихъ во время вывода дѣтей, совершается и надъ травниками; отъ большой глупости (такъ нецеремонно и жестко выражаются охотники) или горячности къ дѣтямъ, они еще смѣлѣе и ближе съ безпрестаннымъ, часто прерывающимся, короткимъ, звенящимъ крикомъ или пискомъ, похожимъ на слоги: „*тень, тень*", —подлетаютъ къ охотнику и погибаютъ всѣ безъ исключенія, потому что во время своего летанія около собаки или стрѣлка часто останавливаются неподвижно въ воздухѣ, вытянувъ ноги и трясясь на одномъ мѣстѣ. Мясо травниковъ по большей части сухо, потому что они всегда худы, но не черство. Съ прилета и передъ отлетомъ бываютъ они нѣсколько сытѣе, но жирны никогда не бываютъ. Разумѣется, охотники не слишкомъ ими дорожатъ, но все болѣе чѣмъ поручейниками и другими куличками. Я не раздѣляю этого мнѣнія, и для меня нѣкоторыя самыя мелкія куличьи породы всегда были дороже травниковъ и другихъ среднихъ куличковъ.

---

[1]) Одинъ охотникъ сказывалъ мнѣ, что стрѣлялъ молодыхъ бекасовъ 4-го іюня; но это исключительная рѣдкость.



9.

Поручейникъ [1]).

Хотя имя его очень ясно и опредѣлительно, но не совсѣмъ вѣрно ему дано. Собственно по ручьямъ никакіе кулики не живутъ, кромѣ зуйковъ, если не называть ручьями небольшихъ рѣчекъ, по берегамъ которыхъ бываютъ иногда и поручейники. Поручейникъ и по наружности гораздо меньше травника, но тѣломъ несравненно его скуднѣе, хотя такъ же высокъ на ногахъ и такую же длинную имѣетъ шею: весь онъ какой-то немясистый, хлипкій, хилый. Цвѣтомъ онъ сѣро-пестрый, но гораздо свѣтлѣе травника: брюшко и подхвостныя перья у него бѣлыя, а ноги зеленоватаго цвѣта. Прилетаетъ также въ половинѣ апрѣля и пропадаетъ въ началѣ августа. Въ образѣ жизни и нравахъ онъ совершенно сходенъ съ травникомъ: вмѣстѣ съ ними живетъ въ болотахъ,

---

[1]) Totanus stagnatilis, Bechst. *К. Р.*

только гораздо въ меньшемъ числѣ; отличается такою же горячностью къ дѣтямъ и такъ же бросается на охотниковъ съ крикомъ, чрезвычайно похожимъ на стонъ или хныканье, но охотники стрѣляютъ ихъ неохотно; перебивъ прежде куликовъ болотныхъ и травниковъ, потомъ уже охотники удостоиваютъ выстрѣлами поручейниковъ, отъ чего они иногда менѣе истребляются. Яйца ихъ поменьше травниковыхъ и не такъ зелены, а отвѣчаютъ цвѣту перьевъ самихъ поручейниковъ, то-есть сѣро-пестрыя. Крикъ не звонкій и короткій. Поручейникъ всегда худъ, даже съ прилета и передъ отлетомъ, и потому мясо его всегда довольно сухо, но не черство и не грубо. Изъ всѣхъ среднихъ куличковъ онъ считается самымъ послѣднимъ. Станичками поручейниковъ я никогда не видалъ.

10.

Черньшъ [1]).

Черньшъ или *черный куличекъ*—имена совершенно мѣстныя; они въ употребленіи только между оренбургскими охотниками. Я не могъ добиться, какъ зовутъ этого куличка въ другихъ губерніяхъ. Народъ смѣшиваетъ его съ другими породами мелкихъ куличковъ, и всѣхъ ихъ называетъ: „*зуями* или *зуйками*". Впрочемъ, черньшъ принадлежитъ къ числу не мелкихъ, а среднихъ куличковъ; тѣломъ онъ будетъ даже помясистѣе

---

1) Totanus ochropus, L. *Р.К.*

поручейника, но пониже его на ногахъ. Это куличекъ очень живой, складный, круглый и проворный. Начиная съ зоба и до хвостика, брюшко у него ярко-бѣлое, шейка сѣро-пестрая, спина до хвоста темнаго цвѣта съ мелкими бѣленькими крапинками, крылья еще темнѣе и крайнія ихъ половинки уже безъ крапинокъ, которыя, впрочемъ, незамѣтны издали, и куличекъ кажется почти чернымъ, когда летитъ мимо или бѣжитъ по берегу. Перья въ хвостѣ очень бѣлы, но на концахъ ихъ есть темныя пятнышки, что вмѣстѣ составляетъ какъ будто полоску или кайму; носикъ черный и такого же цвѣта глаза, а ножки зеленоватыя. Хотя всѣ кулики и кулички безъ исключенія бѣгаютъ очень проворно, но чернышъ бѣгунъ самый бойкій, кромѣ „зуйка“ или „перевощика“; при взлетѣ съ мѣста и въ продолженіе быстраго своего полета, онъ издаетъ звонкій и пріятный крикъ, похожій на слоги «*тилли, тилли*». Онъ не такъ смиренъ, какъ другіе, или можетъ быть такъ кажется отъ того, что не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а все бѣжитъ впередъ, летаетъ очень быстро, и убить его въ летъ, *въ угонъ* или *долки*, довольно трудно, а гораздо легче срѣзать его *въ поперекъ*, когда онъ случайно налетитъ на охотника, ибо, повторяю, полетъ его быстрѣе полета всѣхъ другихъ куличковъ, послѣ бекаса. Довольно часто случается бить его въ бѣгъ. Весной онъ прилетаетъ въ одно время съ другими средними куличками, даже нѣсколько ранѣе. Черныши появляются всегда парами или въ одиночку, но стайками я никогда ихъ не видалъ. Когда вся птица садится на гнѣзда, они не пропадаютъ, только уменьшаются въ числѣ, такъ что въ продолженіе всего лѣта ихъ изрѣдка встрѣчаешь, изъ чего должно заключить что-нибудь одно: или самцы не сидятъ на гнѣздахъ и не раздѣляютъ съ самкою попеченія о дѣтяхъ, или чернышей всегда много остается холостыхъ. Гдѣ выводятъ они дѣтей—не знаю [1]); но въ іюлѣ появляются съ выводками молодыхъ—доказательство, что вьютъ гнѣзда гдѣнибудь недалеко. Съ прилета и передъ отлетомъ бываютъ они довольно сыты; но жирныхъ мнѣ никогда убивать не случалось. По берегамъ озеръ, рѣкъ и рѣчекъ шатаются они иногда до исхода августа. Разумѣется, въ это время бываютъ жирнѣе и гораздо вкуснѣе; впрочемъ, мясо черныша всегда недурно.

---

[1]) Тотъ же охотникъ сказывалъ мнѣ, что черные кулички выводятъ дѣтей въ большихъ лѣсахъ, по небольшимъ болотцамъ.

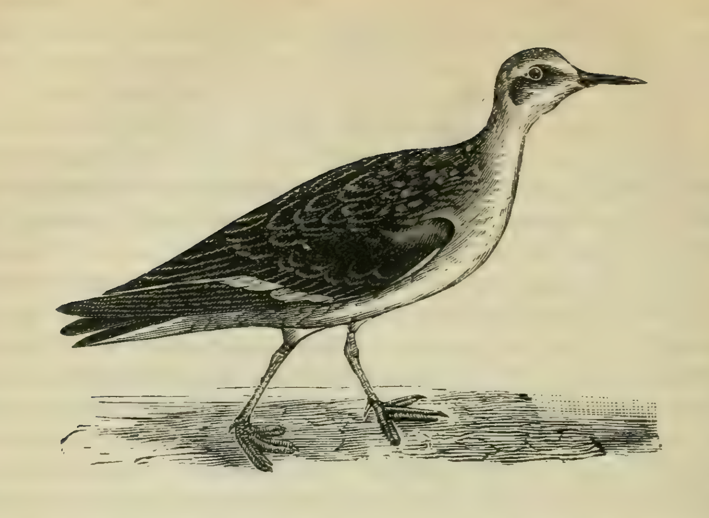
11.

Фифи[1].

Небольшой, пестрый, каштаново-сѣренькій куличекъ, названный охотниками такимъ именемъ именно потому, что крикъ его похожъ на повтореніе слога: *фи, фи*. Это названіе также мѣстное, заимствованное мною отъ петербургскихъ охотниковъ. Онъ издали похожъ на поручейника, но какъ-то зеленовато-сѣръ, на ногахъ нѣсколько его пониже и вообще поменьше, только складнѣе и подбористѣе. Впрочемъ, свѣтло-зеленыя ноги фифи слишкомъ длинны относительно величины тѣла, хотя это его не безобразитъ; брюшко, также нижняя сторона шеи подъ горлышкомъ очень бѣлы; онъ весь пестрый, сѣро-каштановый и въ то же время зеленоватый; глаза маленькіе, черные, и такого же цвѣта носъ, длиною слишкомъ въ полвершка; хвостъ маленькій, состоящій изъ бѣлыхъ перышекъ съ темными, поперечными, косыми полосками въ видѣ ёлки; подбой крыльевъ дымчатый. Появляется въ Оренбургской губерніи только весною въ исходѣ апрѣля, и къ осени въ августѣ мѣсяцѣ, въ половинѣ котораго и пропадаетъ. Фифи всегда оказываются стайками, которыя передъ отлетомъ бываютъ довольно многочисленны. Это куличекъ совершенно пролетный въ Оренбургской губерніи. Любитъ держаться по отлогимъ, грязнымъ берегамъ прудовъ и озеръ, особенно по иловатымъ и тинистымъ мѣстамъ, съ которыхъ по какому-нибудь случаю сбыла вода; или по лугамъ, слегка затопленнымъ водою. Никто изъ охотниковъ не нахаживалъ его гнѣзда. Но всѣ знаютъ, что въ осенній пролетъ (то-есть въ августѣ) фифи появляются несравненно въ большемъ числѣ; очевидно, что они возвращаются съ молодыми. Ихъ можно убивать иногда по нѣскольку вдругъ. Мясо ихъ нѣжно и вкусно, хотя никогда не бываетъ очень жирно; впрочемъ они такъ рано пропадаютъ, что имъ некогда разжирѣть.

---

[1]) Не рѣшаемся опредѣлить этой птицы. *К. Р.*



12.

Поплавокъ [1]).

Этотъ куличекъ принадлежитъ уже къ разряду мелкихъ куличковъ. Хотя онъ на ногахъ не ниже черныша и шея у него не короче, чѣмъ у этой птицы, но тѣломъ онъ гораздо меньше. Имя вполнѣ выражаетъ особенность его характера: между тремя передними пальцами своихъ ногъ онъ имѣетъ тонкую перепонку и плаваетъ по водѣ, какъ утка, даже ныряетъ. Можно бы предположить, что онъ владѣетъ способностью ловить мелкую рыбешку, но поплавки никогда не пахнутъ ею, и при всѣхъ моихъ анатомическихъ наблюденiяхъ, я никогда не находилъ въ ихъ зобахъ признаковъ питанiя рыбой. Поплавокъ довольно складенъ, пропорцiоналенъ въ своихъ частяхъ и красивъ; у него свѣтло-бланжеваго цвѣта брюшко и нижняя часть шеи бѣлесоватыя; прочiя перья голубовато-сизыя; маковка головы темная, и подъ глазами имѣетъ онъ по темноватому же пятну. Въ Оренбургскомъ краѣ онъ также куличекъ пролетный и нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, дѣтей не выводитъ. Весною я встрѣчалъ поплавковъ очень не рано и

---

[1]) Phalaropus cinereus, Briss. *К. Р.*

всегда небольшими стайками. Въ августѣ они вторично показываются, какъ будто возвращаются назадъ, но также въ небольшомъ числѣ, почему и не могу утвердительно сказать: съ молодыми ли пролетаютъ они въ августѣ, или это стайки холостыя. Первое предположеніе, мнѣ кажется, должно быть вѣроятнѣе. Впрочемъ, въ Оренбургской губерніи вообще ихъ очень мало; но я слыхалъ, что въ губерніяхъ болѣе южныхъ видятъ ихъ большими стаями. Перепонки между пальцами не мѣшаютъ поплавкамъ очень проворно бѣгать по берегамъ прудовъ; плаванье же ихъ не похоже на спокойное плаванье утокъ: оно какъ-то порывисто и торопливо. На водѣ они держатся другъ отъ друга не въ далекомъ разстояніи, и потому мнѣ случалось убивать поплавковъ однимъ зарядомъ по три и по четыре штуки. Мясо ихъ сочно и вкусно, хотя никогда не бываетъ жирно.

Говоря о среднихъ и мелкихъ куличкахъ, я не упоминалъ о томъ, какую дробь надо употреблять для ихъ стрѣльбы и потому скажу единожды навсегда, что при разстояніи близкомъ всего лучше бекасиная дробь № 9-й, для самыхъ мелкихъ куличковъ—№ 10-й; на разстояніи дальнемъ я предпочитаю 8-й нумеръ. Впрочемъ, средніе и мелкіе кулички къ ружью не крѣпки, что нужно принимать къ соображенію.

13.

Чернозобикъ или краснозобикъ [1]).

Вѣроятно эти имена даны ему по черновато- или красновато-пестрому зобу. Чернозобики безчисленными стаями покрываютъ берега и острова Финскаго залива въ продолженіе двухнедѣльнаго весенняго пролета птицы; эти имена даны этому куличку тамъ, а въ Оренбургскую губернію завезены охотниками, стрѣлявшими около Петербурга. Туземные стрѣлки

---

[1]) По очень краткому описанію этой птицы и слѣдующей, мы не рѣшаемся ихъ опредѣлить. *К. Р.*

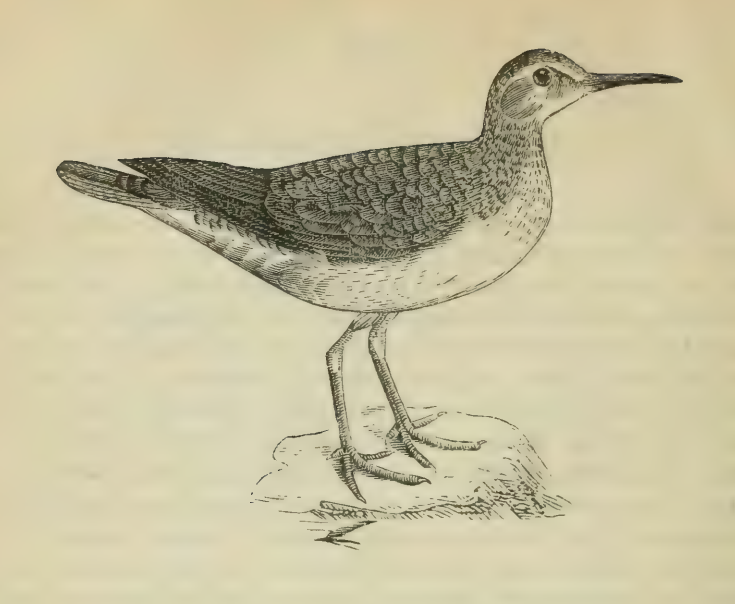
называютъ ихъ общимъ именемъ—сѣрыми куличками. Чернозобикъ—куличекъ средней величины, круглый, мясистый и складный; ноги и шея его не такъ длинны; носъ прямой и короткій, весь испещренъ темно-желтоватыми пятнами, похожими на пестрины дрозда-рябинника. На зобу перья или черныя или глинистыя. Чернозобики въ Оренбургской губерніи бываютъ только пролетомъ весною, съ половины до конца апрѣля; въ продолженіе лѣта и даже осенью я никогда чернозобиковъ не встрѣчалъ, но слыхалъ, что въ Пензенской губерніи появляются они на короткое время въ августѣ; разумѣется, это обратный пролетъ; можетъ быть, то же бываетъ въ другихъ уѣздахъ и Оренбургской губерніи. Весною чернозобики всегда появляются довольно большими стайками, разсыпаясь по берегамъ прудовъ, озеръ и заливовъ. Они довольно смирны. Мнѣ случалось убивать ихъ однимъ зарядомъ штукъ по восьми. Они бываютъ очень сыты всегда; мясо ихъ вкусно и сочно. Вообще чернозобикъ весьма красивый и пріятный куличекъ, издали похожій на средняго болотнаго курухтанчика, хотя гораздо его меньше. Появляясь только одинъ разъ въ годъ, и то на короткое время, чернозобики всегда возбуждали во мнѣ горячее преслѣдованіе. Я помню годы, въ которые они совсѣмъ не появлялись, и я тщетно отыскивалъ ихъ на обыкновенныхъ любимыхъ ими мѣстахъ въ цѣломъ околоткѣ.

Я слышалъ, что около Петербурга чернозобики летятъ весной въ баснословномъ множествѣ (какъ и болотные кулики), и что одинъ извѣстный охотникъ убилъ однимъ зарядомъ 85 куличковъ. Хотя мнѣ сказывали это люди самые достовѣрные, но, признаюсь, не умѣю себѣ представить возможности убить однимъ зарядомъ такое множество чернозобиковъ. Въ Оренбургской губерніи многіе охотники ихъ совсѣмъ не знаютъ.

14.

Морской куличекъ.

Этотъ куличекъ еще рѣже попадается и еще менѣе извѣстенъ въ Оренбургской губерніи. Мнѣ самому иногда случалось не встрѣчать его по нѣскольку лѣтъ сряду. Имя морского куличка существуетъ только между охотниками высшаго разряда: простые стрѣлки и народъ его не знаютъ. Я думаю, что это имя также занесено тѣми охотниками, которые стрѣливали этихъ куличковъ по морскимъ берегамъ, гдѣ они бываютъ во время весенняго пролета въ невѣроятнымъ множествѣ. Морской куличекъ гораздо менѣе чернозобика и на ногахъ не высокъ, но все остается куличкомъ круглымъ и складнымъ. Онъ не имѣетъ особенныхъ пятенъ на зобу, весь покрытъ блѣдно-коричневыми, мелкими пестринами и похожъ издали на маленькаго курухтанчика. Онъ имѣетъ замѣчательную особенность, носикъ его; довольно длинный относительно тѣла, загнутъ кверху и, съ половины до конца, какъ будто нѣсколько расплюснутъ; цвѣтъ его свѣтло-роговой, а расплюснутая часть—бѣлесовата. Морской куликъ отличается также и особенностью своего свиста или писка, который передать трудно; появляется на самое короткое время, въ исходѣ апрѣля, небольшими станичками, иногда вмѣстѣ съ мелкими курухтанчиками или чернозобиками, по берегамъ прудовъ, рѣчныхъ разливовъ и лужъ. Мясо его сочно и вкусно. Питается обыкновеннымъ куличьимъ кормомъ.



15.

Зуекъ или перевощикъ. [1]).

Это самый маленькій куличекъ (кромѣ куличка „воробья“). Объемомъ тѣла онъ немного больше обыкновеннаго воробья, но на видъ кажется крупнѣе его; всѣ части въ немъ пропорціональны, и онъ очень строенъ во всѣхъ своихъ куличьихъ статяхъ: спина, верхняя сторона крыльевъ, хвостикъ, шейка и головка сѣровато-коричневаго цвѣта, съ разными неопредѣленными крапинками или узорами; перышки же на брюшкѣ, подъ хвостикомъ и крыльями ярко-бѣлыя. Глаза темные, носъ и ноги свѣтло-рогового цвѣта. Стоя на одномъ мѣстѣ, онъ безпрестанно поднимаетъ и опускаетъ хвостъ. Зуйкомъ, вѣроятно, назвалъ его народъ по юркости и проворству, а можетъ быть и по крику, съ которымъ онъ всегда летаетъ надъ водою и который похожъ, если хотите, на учащенное про-

---

[1]) Actitis hypoleucus, L. *К. Р.*

изношеніе слова „зуй-зуй-зуй“. Имя же перевощика дано ему охотниками вслѣдствіе того, что онъ очень часто перелетаетъ съ одного берега на другой—рѣчки, рѣки, пруда или озера. Если двое охотниковъ идутъ по обоимъ берегамъ и своимъ приближеніемъ спугиваютъ зуйка, то онъ будетъ повторять этотъ маневръ, то-есть перелетъ съ одного берега на другой, противоположный, всегда съ обычнымъ крикомъ, пожалуй сто разъ сряду, точно переправляется или перевозится съ одной стороны на другую. Впрочемъ, онъ и плаваетъ очень хорошо, даже ныряетъ довольно далеко, когда бываетъ раненъ въ крыло, хотя пальцы его ногъ безъ перепонокъ. Зуекъ прилетаетъ ранѣе всѣхъ куличковъ; всегда появляется парами. Онъ самый неутомимый бѣгунъ, и завидя приближающагося охотника, пускается такъ проворно бѣжать, что его не догонишь: вьетъ гнѣздо не въ болотахъ, а на берегахъ рѣчекъ и рѣкъ, на мѣстахъ совершенно сухихъ и даже высокихъ. Самецъ помогаетъ самкѣ сидѣть на яйцахъ, которыхъ всегда бываетъ четыре, и вмѣстѣ съ ней не отлучается отъ дѣтей, когда выведутся молодые. Яички у нихъ маленькія, но больше воробьиныхъ, очень красивыя, зеленовато-пестраго цвѣта. Отъ яицъ и отъ дѣтей они не вьются, какъ другіе кулички, надъ охотникомъ и собакою, потому что высоко не летаютъ, а всегда какъ будто стелются надъ водой или землею. Тѣмъ не менѣе, однако, они, хотя и низко летаютъ кругомъ охотника или собаки съ обыкновеннымъ своимъ крикомъ, а всегда чаще садятся на какую-нибудь плаху или колышекъ, торчащіе изъ воды, или на берегъ у самой воды, и бѣгаютъ безпрестанно взадъ и впередъ, испуская особенный пискъ, протяжный и звонкій, который никогда не услышишь отъ летающаго зуйка, а всегда объ бѣгающаго, и то въ тѣ мгновенія, когда онъ останавливается. Какъ скоро дѣти подростутъ, то старые держатся съ ними по берегамъ рѣчекъ, особенно около земляныхъ и песчаныхъ отмелей и косъ. Мнѣ часто случалось видѣть изъ-за крутого берега всю выводку съ отцомъ и матерью, бѣгающую по песку. При первой опасности молодые прячутся куда случится, а старики начнутъ летать и бѣгать взадъ и впередъ, стараясь отманить охотника въ противоположную сторону; но должно сказать правду, что горячность старыхъ зуйковъ къ дѣтямъ не простирается такъ далеко, какъ у куличковъ болотныхъ, травниковъ и поручейниковъ. Потомъ, когда молодые совер-

шенно выростутъ и начнутъ свободно летать, что бываетъ около половины іюля, они перемѣщаются на открытые берега прудовъ, а въ августѣ пропадаютъ. Я никогда не видывалъ стаи зуйковъ; даже выводки молодыхъ скоро разбиваются врозь, но другіе охотники встрѣчали ихъ станичками. Хотя этотъ куличекъ, по своей малости и неудобству стрѣльбы, рѣшительно не обращаетъ на себя вниманія охотниковъ, но я всегда любилъ гоняться за зуйками и стрѣлять ихъ въ летъ или въ бѣгъ; ходя по высокому берегу рѣки, подъ которымъ они бѣгали, я могъ, забѣгая впередъ, появляться нечаянно и тѣмъ заставлять ихъ взлетывать. Дробь я употреблялъ 10-го нумера. Полетъ зуйка весьма неровный, съ порывами, и особенный: онъ, какъ будто, то наддаетъ быстро впередъ, то пріостанавливается. Вообще стрѣльба перевощиковъ не легкая и не изобильная, но, по мнѣ, очень веселая; больше пяти паръ зуйковъ, въ одно поле, я никогда не убивалъ, и то походя за ними нѣсколько часовъ. Мясо ихъ очень нѣжно и вкусно, жаль только, что слишкомъ его маловато. Всего лучше готовить ихъ въ паштетѣ или соусѣ.

16.

Песочникъ или песчаникъ [1]).

Отчего зовутъ его этимъ именемъ—отгадать не трудно; но отчего зовутъ его песчанымъ королькомъ—догадаться мудрено. Въ строгомъ смыслѣ, песчаника куличкомъ называть не должно,

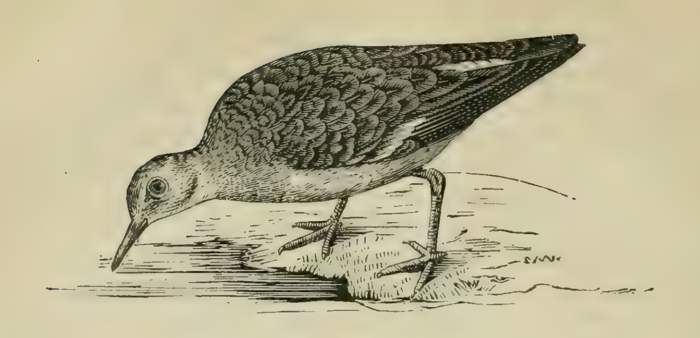
[1]) Aegialites curonicus, Besecke. *К. Р.*

ибо онъ не имѣетъ длинныхъ ногъ, шеи и длиннаго куличьяго носа. Складомъ своимъ, особенно носомъ, онъ совершенно похожъ на „пиголицу“, или „озимую курочку“, о которой будетъ говорено въ отдѣленіи полевой или степной дичи. Но песчаникъ нигдѣ больше не живетъ, какъ по песчанымъ берегамъ озеръ, прудовъ и предпочтительно по берегамъ большихъ и среднихъ рѣкъ; около нихъ, на голомъ пескѣ, выводитъ своихъ дѣтей и держится съ молодыми до отлета; итакъ, мудрено его причислить къ полевой дичи. Тѣломъ песчаникъ побольше воробья, на ногахъ не высокъ; онъ щекастъ, голова у него, несоразмѣрно тѣлу, велика и особенно кажется такою отъ торчащихъ прямо перышекъ, представляющихъ нѣчто въ родѣ хохолка; брюшко у него бѣловато, грудь и голова темно-коричневая, а шейка бѣлая, точно онъ повязанъ бѣлымъ галстучкомъ, отчего и называется многими охотниками *галстучникомъ*. Вообще, онъ скорѣе пѣгій, чѣмъ пестрый; около глазъ имѣетъ желтый ободочекъ, почему и зовутъ его *желтоглазкой*. Прилетаютъ песочники весною довольно поздно. Я самъ не нахаживалъ ихъ гнѣздъ, но охотники увѣряли меня, что песочники кладутъ свои яйца на голомъ пескѣ, вырывъ для того небольшую ямочку. Такъ же какъ и зуйки, песочники летаютъ низко и никогда не вьются надъ охотникомъ отъ дѣтей, а кружатся около него или перелетываютъ съ мѣста на мѣсто; всего чаще бѣгаютъ кругомъ, стараясь отвести въ сторону собаку или человѣка. Они имѣютъ свой особенный пискъ, тихій и какъ будто заунывный. Бывало, слышишь его гдѣ-то около себя, долго всматриваешься и насилу разглядишь песочника, стоящаго на песчаномъ бугоркѣ и безпрестанно дѣлающаго поклонъ, то-есть опускающаго и поднимающаго голову. Мясо его нѣжно и вкусно, но жирно никогда не бываетъ. Пропадаетъ онъ довольно рано, въ началѣ августа. Охотникъ рѣдко удостоиваетъ песчаниковъ своимъ выстрѣломъ, особенно потому, что въ стайки они никогда не собираются, а стрѣлять въ одного— не стоитъ тратить заряда.

Есть другой [1]) родъ песочниковъ, вдвое крупнѣе и съ черными большими глазами, безъ желтыхъ около нихъ ободочковъ, но я такъ мало ихъ видѣлъ, что ничего болѣе сообщить не могу.

---

[1]) Aegialites hiaticula L. *К. Р.*



17.

Куличекъ-воробей [1]).

Это, безспорно, самый крошечный куличекъ, и хотя называется воробьемъ по нѣкоторому сходству съ нимъ въ перьяхъ и малости своей, но въ сущности онъ меньше обыкновеннаго двороваго воробья. При всей своей миніатюрности, онъ имѣетъ всѣ стати кулички и такъ соразмѣренъ въ своихъ частяхъ; перышки его, которыми онъ совершенно сходенъ (въ уменьшенномъ видѣ) съ осенними курухтанчиками, такъ красивы, что я не знаю птички его миловиднѣе. Я полагалъ прежде, что куличковъ-воробьевъ можно считать третьимъ, самымъ меньшимъ видомъ болотнаго курухтана (о которомъ сейчасъ буду говорить), основываясь на томъ, что они чрезвычайно похожи на осеннихъ курухтановъ перомъ и статями, и также на томъ, что къ осени кулички-воробьи почти всегда смѣшиваются въ одну стаю съ курухтанами; но, несмотря на видимую основательность этихъ причинъ, я рѣшительно не могу назвать кулички-воробья курухтанчикомъ третьяго вида, потому что онъ не раздѣляетъ главной особенности болотныхъ курухтановъ, то-есть самецъ кулички-воробья не имѣетъ весною гривы и не перемѣняетъ своего пера осенью. По крайней мѣрѣ я, и никто изъ охотниковъ, ничего подобнаго не замѣчалъ. Кулички-воробьи прилетаютъ довольно поздно, во второй половинѣ апрѣля, и оказываются предпочтительно по-

---

1) Tringa minuta, Leisl. *К. Р.*

голымъ, плоскимъ, незаросшимъ травою, грязнымъ берегамъ прудовъ; впрочемъ, попадаются иногда по краямъ весеннихъ лужъ. Они всегда появляются небольшими стайками и бѣгаютъ довольно кучно, держатся весною не долѣе двухъ недѣль и потомъ пропадаютъ до исхода іюля или начала августа. Кулички-воробьи возвращаются къ осени въ большемъ числѣ, вѣроятно, съ выводками молодыхъ; но гдѣ и какъ ихъ выводятъ, ничего сказать не умѣю. Въ концѣ августа или въ началѣ сентября, они исчезаютъ вмѣстѣ съ курухтанами. Въ Оренбургской губерніи это очевидно кулички пролетные. Они очень смирны и бить ихъ не трудно; для стрѣлянья собственно куличковъ-воробьевъ надобно употреблять дробь самую мелкую, 10-го и даже 11-го нумера. Съ весны они всегда сыты, а передъ отлетомъ жирны; мясо ихъ отлично вкусно, но его уже черезчуръ мало; ихъ употребляютъ для соусовъ и паштетовъ.

Я такъ всегда любилъ этихъ крошечныхъ куличковъ, что мнѣ даже жалко бывало ихъ стрѣлять. Если мнѣ случалось какъ-нибудь нечаянно подойти къ ихъ станичкѣ близко, такъ что они меня не видѣли и продолжали беззаботно бѣгать, доставать изъ грязи кормъ, а иногда отдыхать, стоя на одномъ мѣстѣ, то я подолгу любовался ими, даже не одинъ разъ уходилъ прочь, не выстрѣливъ изъ ружья... Для горячаго охотника это не бездѣлица! Когда кулички-воробьи цѣлою стаей перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, полетомъ рѣзвымъ, но безъ всякаго шума, то бываетъ слышенъ слабый, короткій и хриповатый, но въ то же время необыкновенно мелодическій и пріятный пискъ. Я пробовалъ легко пораненыхъ въ крылышко держать живыхъ въ большой клѣткѣ, дно которой состояло изъ грязи и небольшой водяной лужи; я изобильно бросалъ туда разныхъ сѣмянъ и насѣкомыхъ, но успѣха не было: кулички скоро умирали.

(САМЕЦЪ ВЪ ВЕСЕННЕМЪ ПЕРѢ).

18.

Болотный курухтанъ [1]).

Имя *курахтанъ* или курухтанъ, даже иногда турухтанъ, должно принадлежать птицѣ, похожей своимъ наружнымъ образованіемъ на курицу. Полевые курухтаны имѣютъ на это полное право; но есть и кулички, которыхъ называютъ курухтанами (о нихъ теперь идетъ рѣчь), потому что, при всемъ своемъ куличьемъ образованіи, самцы имѣютъ на толстокожихъ шейкахъ своихъ длинныя перья, которыя весной поднимаются и висятъ, или почти торчатъ, какъ гривы. Однимъ словомъ, въ то время они бываютъ похожи на обыкновенныхъ пѣтуховъ. Я счелъ за лучшее раздѣлить курухтановъ на двѣ породы: болотную и полевую, ибо они между собою никогда не смѣшиваются и держатся совершенно въ различныхъ мѣстахъ. Болотный курухтанъ подраздѣляется на два вида, различающіеся между собою только величиною: большой курухтанъ вдвое больше малаго; онъ тѣломъ будетъ почти съ молодого голубя. Длинныя ноги свѣтло-бланжеваго цвѣта у

[1]) Machetes pugnax, L. *К. Р.*

пѣтушковъ и блѣдно-зеленоватаго у курочекъ, длинная шея и носъ, который впрочемъ не такъ длиненъ, какъ у другихъ куликовъ, обличаютъ въ нихъ настоящую куличью породу. Курухтаны весьма стройны и красивы: большой очень похожъ величиной и стройностью на рѣчного кулика, а малый похожъ на него только одною статностью, но величиной гораздо меньше. Самцы-курухтаны обоихъ видовъ прилетаютъ весною въ половинѣ апрѣля, испещренные разными яркими цвѣтами, въ видѣ крупныхъ пятенъ или пѣжинъ, съ большими гривами и едва замѣтными маленькими хохолками. Курухтаны имѣютъ особенность, которой не раздѣляютъ *ни съ одною* породой птицъ: ихъ весенніе пѣтушки *по большей части* бываютъ *не похожи* другъ на друга ни цвѣтомъ перьевъ, ни фигурою пестринъ. Вотъ точное описаніе, съ натуры, пѣтушка-курухтана; хотя описываемый далеко не такъ красивъ, какъ другіе, но за то довольно рѣдокъ по бѣлизнѣ своей гривы: носъ длиною въ полвершка, обыкновеннаго рогового цвѣта; глаза небольшіе, темные; голова желтовато-сѣро-пестрая; съ самаго затылка начинается уже грива изъ бѣлыхъ и довольно твердыхъ въ основаніи перьевъ, которыя лежатъ по бокамъ и по всей нижней части шеи до самой хлупи; на верхней же сторонѣ шеи, отступя пальца на два отъ головы, уже идутъ обыкновенныя, сѣренькія, коротенькія перья; вся хлупь по свѣтло-желтоватому полю покрыта черными крупными пятнами и крапинами; спина сѣрая, съ темно-коричневыми продольными пестринами; крылья сверху темныя, а подбой ихъ бѣлый по краямъ и пепельный подъ плечными суставами; въ коротенькомъ хвостѣ перышки разныхъ цвѣтовъ: бѣлыя съ пятнышками, сѣрыя и свѣтло-коричневыя; ножки свѣтло-бланжевыя.

Недѣли черезъ три послѣ своего появленія огромными стаями, курухтаны улетаютъ вмѣстѣ со всею пролетною птицей, и къ осени, то-есть въ августѣ, пѣтушки возвращаются пепельно-сѣрыми, пестрыми куличками, безъ гривъ и хохолковъ, почти совершенно сходными съ своими самками, которыя весной и осенью сохраняютъ одинъ и тотъ же видъ и цвѣтъ, постоянно имѣя хлупь и брюшко бѣлыя. Это измѣненіе самцовъ составляетъ ихъ особенность, несходную съ выцвѣтаніемъ селезней, о чемъ я стану говорить въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, курухтаны и въ осеннемъ видѣ своемъ остаются стройными, плотными, красивыми куличками, хотя

не отличаются разноцвѣтностью перьевъ. Весною они появляются большими и даже огромными стаями по краямъ болотныхъ лужъ, по берегамъ озеръ, разлившихся рѣкъ и прудовъ, отдаленныхъ отъ жилья. Весело, бывало, смотрѣть на нихъ, проворно бѣгающихъ по начинающимъ зеленѣть лужайкамъ, сверкающихъ на солнцѣ яркостью своихъ перьевъ съ ихъ разноцвѣтными золотистыми отливами. Точно широкая радуга легла на землю, и бѣжитъ по ней, волнуясь и изгибаясь. Въ это время надобно стрѣлять ихъ съ подъѣзда. Несмотря на то, что они не дики и не сторожки, много ихъ не убьешь, потому что они не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а всѣ разсыпаются врозь и бѣгутъ не останавливаясь, какъ ручьи воды, по всѣмъ направленіямъ. Видя передъ собой цѣлыя сотни этихъ красивыхъ птичекъ, не захочешь, отъ жадности, стрѣлять по одному курухтану, а вмѣстѣ они сбѣгаются рѣдко, и поэтому часто пропускаешь удобное время. Разумѣется, всегда предпочитаешь пѣтушка съ гривой. Мнѣ случалось однако убивать ихъ по десятку однимъ зарядомъ, но только въ летъ, когда вся стая какъ-нибудь нечаянно на меня налетала и свертывалась въ плотную кучу. Курухтаны, большіе и малые, всегда смѣшиваются въ одну станицу и съ весны и осенью. Въ Оренбургской губерніи они гостятъ съ прилета недолго, около трехъ недѣль. Куда они пропадаютъ и гдѣ выводятъ дѣтей — сказать не могу. Три раза въ моей жизни случалось мнѣ убить, въ разныхъ обыкновенныхъ болотахъ, трехъ самокъ-курухтановъ меньшаго вида, которыя видимо вились отъ яицъ или дѣтей, но гнѣздъ ихъ я нигдѣ, никогда не нахаживалъ. Эти случаи, противорѣчащіе общимъ ихъ нравамъ, остались для меня неразрѣшенною загадкой. Вотъ еще другая странность: въ началѣ августа нахаживалъ я изрѣдка, всегда въ выкошенныхъ, вытолоченныхъ или мелкотравныхъ болотахъ, малаго и большого рода курухтановъ, которые прятались въ травѣ въ одиночку и, выдержавъ стойку, поднимались изъ-подъ собаки, какъ дупели: они пропадали очень скоро. Какъ и откуда они залетали на короткое время въ болото — также вопросъ для меня неразрѣшенный, но многіе охотники замѣчали такое странное появленіе курухтановъ. Потомъ уже, обыкновеннымъ порядкомъ пролетныхъ птицъ, появлялись съ выводками молодыхъ, всегда *немногочисленныя* стаи большихъ и малыхъ курухтановъ по берегамъ прудовъ и рѣчнымъ отмелямъ: обсто-

ятельство очень странное, противорѣчащее возвращенію къ осени другихъ пролетныхъ куликовъ, всегда появляющихся гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ пролетъ съ весны. Осенью у самца шея толще, а грудь темнѣе и пестрѣе, почему и не трудно отличить его отъ самки; притомъ пѣтушекъ всегда крупнѣе. Осеннее пребываніе курухтановъ продолжается болѣе мѣсяца, и предъ самымъ отлетомъ они бываютъ очень жирны, да и весной они жирнѣй другихъ пролетныхъ птицъ.

(САМКА БОЛОТНАГО КУРУХТАНА).

Я всегда имѣлъ особенное, такъ-сказать, пристрастіе къ курухтанамъ, не только къ весеннему красивому пѣтушку, но и къ осеннимъ, сѣренькимъ куличкамъ; я преслѣдовалъ ихъ сколько могъ. Мясо ихъ всегда очень сочно и вкусно; въ осенній же пролетъ—превосходно. Притомъ надобно признаться, что красивая, безконечно разнообразная, всегда неправильная пестрота перьевъ весеннихъ пѣтушковъ, съ ихъ чудными гривами, блестящими на солнцѣ золотистымъ глян-

цемъ всѣхъ цвѣтовъ: желтаго, красноватаго, вишневаго, и всего чаще зеленаго, также привлекали мое вниманіе и даже возбуждали любопытство, не попадется ли курухтанъ еще невиданный мною? Нерѣдко любопытство мое удовлетворялось положительно.

Вотъ всѣ породы куликовъ, мнѣ извѣстныхъ, кромѣ кроншнеповъ и вальдшнеповъ, которые займутъ свои почетныя мѣста въ отдѣлахъ степной дичи. Одинъ разъ въ моей жизни видѣлъ я въ Оренбургской губерніи пару куликовъ величиною съ болотнаго кулика, похожихъ на него и статями, но почти бѣлыхъ перомъ. Другой молодой охотникъ, мой товарищъ, выстрѣлилъ въ нихъ, но, къ сожалѣнію, не убилъ. Была ли это особая куличья порода, или это были выродки изъ породы болотныхъ куликовъ, называемые въ народѣ *князьками*,—утвердительно сказать не могу. Въ другой разъ случилось мнѣ застрѣлить средняго куличка, похожаго статью на черныша; онъ былъ весь бѣлый, ножки имѣлъ блѣдно-зеленоватаго цвѣта, а носикъ загнутый не къ низу, а къ верху, какъ у морского куличка. Послѣднее обстоятельство уже показываетъ особенность породы, ибо слишкомъ невѣроятно будетъ предположеніе, чтобъ рѣдкая уродливость въ цвѣтѣ перьевъ соединялась съ рѣдкою случайною уродливостью носа въ одномъ и томъ же куличкѣ. Что касается до выродковъ или князьковъ, то этимъ послѣднимъ именемъ называютъ всегда птицу, которая, вмѣсто своего обыкновеннаго цвѣта, имѣетъ перья бѣлыя. Такъ, напримѣръ, бываютъ бѣлые или глинистые галки, вороны, скворцы, воробьи и тетерева, даже вальдшнепы и гаршнепы; но изъ послѣднихъ двухъ породъ я князьковъ не видывалъ. Вѣроятно, есть такіе выродки между всѣми породами птицъ; изъ поименованныхъ же выше мною первыхъ пяти породъ, я нѣкоторыхъ не только видѣлъ, но и бивалъ.

19.

Болотная курица [1]).

Ее называютъ курицей, а не курочкой, въ отличіе отъ *болотнаго коростеля* или *погоныша*, котораго также иногда зовутъ *болотною курочкой*. — Болотная курица величиной будетъ съ молодого русскаго голубя. Она вполнѣ заслуживаетъ названіе курицы, потому что всѣмъ своимъ складомъ совершенно на нее похожа, особенно носомъ; она цвѣтомъ вся темно-зеленая, съ весьма красивыми сизоватыми оттѣнками, испещрена мелкими бѣлыми крапинками, особенно по нижней части шеи, по зобу и брюшку; спина и вообще верхъ гораздо темнѣе, а низъ свѣтлѣе. Пѣтушокъ ея красивъ необыкновенно; будучи совершенно сходенъ съ своею курицей перьями, онъ имѣетъ сверхъ того на головѣ мясистый гребешокъ яркаго пунцоваго цвѣта и такого же цвѣта перевязки шириною въ палецъ, на ногахъ у самаго колѣннаго сгиба; остальная часть ногъ зеленоватая. Этотъ гребешокъ и перевязки бываютъ видны только весною: къ осени нельзя отличить самца отъ самки. У одного извѣстнаго охотника (Н. Т. А.) жила два года пара болотныхъ куръ въ нарочно устроенной для того комнатѣ съ болотнымъ поломъ. Кормили ихъ мухами, червячками и тараканами. Пѣтушокъ терялъ осенью свой гребешокъ и перевязки. Впрочемъ, и курочка

---

[1]) Gallinula chloropus, L. *К. Р.*

безъ гребня и перевязокъ, безъ всякой разноцвѣтности и перьевъ, очень хороша и миловидна. Прекрасная эта птица водится весьма въ небольшомъ количествѣ въ самыхъ топкихъ болотахъ, предпочтительно около болотныхъ лужъ, озерковъ и озеръ, обросшихъ камышомъ, аиромъ и осокой и покрытыхъ въ лѣтнее время густою шмарою или водянымъ цвѣтомъ. Болотныя куры любятъ бѣгать по этому зеленому ковру, когда онъ загустѣетъ; бѣгаютъ такъ легко и проворно, что оставляютъ только узоры слѣдовъ на мягкой его поверхности; по водянымъ же лопухамъ онѣ скользятъ, какъ по паркету. Впрочемъ, онѣ очень хорошо умѣютъ и плавать, хотя не имѣютъ перепонокъ между пальцами. Если шмара очень жидка, то болотная курица преспокойно плаваетъ въ ней, безпрестанно шевыряя своимъ носикомъ и глотая водяныхъ насѣкомыхъ, всегда гнѣздящихся въ гніющемъ водяномъ цвѣтѣ, который также она кушаетъ охотно, пока онъ еще молодъ и зеленъ. Съ необыкновеннымъ проворствомъ шныряетъ она между густыми камышами, растущими иногда въ водѣ глубиною на четверть и больше. Когда и какъ прилетаютъ болотныя куры—рѣшительно ничего не знаю и даже сомнѣваюсь, судя по ихъ тихому, низкому и трудному полету, чтобъ онѣ могли выдержать дальнее путешествіе. Болотныя куры весною оказываются очень поздно, когда болота и заливы прудовъ уже обростутъ густою зеленью травъ. Точно также ничего положительно не знаю—какъ, когда и гдѣ выводятъ онѣ дѣтей. Вѣроятно въ обыкновенныхъ, не дальнихъ, но топкихъ, неудобопроходимыхъ и весьма крѣпкихъ болотахъ, ибо хотя я никогда не находилъ ихъ гнѣздъ, но молодыхъ видалъ, только не выводками, а въ одиночку; къ тому же, во все продолженіе лѣта мнѣ случалось находить старыхъ матокъ и даже иногда застрѣливать. Изъ этого я заключаю, что болотныя куры не слишкомъ удаляются, для вывода дѣтей, отъ обыкновенныхъ мѣстъ своего пребыванія, какъ то дѣлаютъ нѣкоторыя породы куличковъ. Въ послѣдствіи времени, заключеніе мое подтвердилъ мнѣ тотъ же достовѣрный охотникъ: у него въ деревнѣ, въ Симбирской губерніи, болотныя куры выводили дѣтей нѣсколько лѣтъ сряду около однихъ и тѣхъ же озерковъ, обросшихъ вокругъ камышомъ и поросшихъ лопухами и водяными кувшинчиками.

Болотныя куры — дорогая, завидная, рѣдкая дичь. Добывать ихъ очень трудно: онѣ почти всегда держатся въ та-

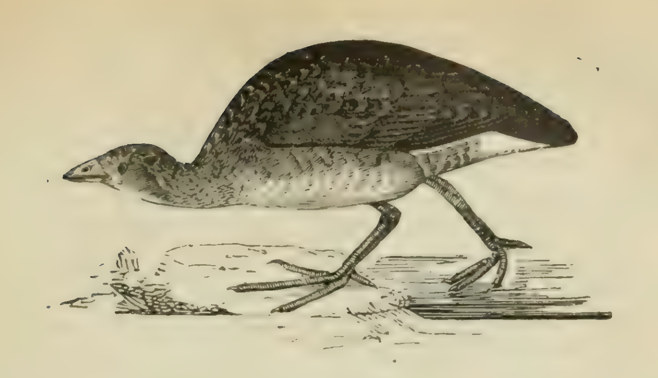
кихъ мѣстахъ, гдѣ ни охотнику ходить, ни собакѣ отыскивать дичь невозможно; собакѣ приходится не только вязнуть по горло, но даже плавать. Если случится застать болотную курицу на мѣстѣ проходимомъ, то она сейчасъ уйдетъ въ непроходимое; застрѣлить ее, какъ дупеля или коростеля изъ-подъ собаки, величайшая рѣдкость; скорѣе можно убить, увидавъ случайно, когда она выплываетъ изъ камыша или осоки, чтобы перебраться на другую сторону болотнаго озерка, прудового материка или залива, къ чему иногда можно ее принудить посредствомъ собаки, а самому съ ружьемъ подстеречь на переправѣ. Но для этого надобно знать, что болотная курица именно тутъ скрывается. — Ничего не могу сказать положительнаго объ ея голосѣ. Мнѣ случилось однажды, сидя въ камышѣ на лодкѣ съ удочкой, услышать свистъ, похожій на отрывистый свистъ или крикъ погоныша, только не чистый, а сиповатый; вскорѣ затѣмъ выплыла изъ осоки болотная курица, и я подумалъ, что этотъ сиповатый крикъ принадлежитъ ей; потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, я услышалъ точно такой же сиповатый свистъ въ камышѣ отдѣльнаго озерка; я послалъ туда собаку, навѣрное ожидая болотной курицы, но собака выгнала мнѣ погоныша, котораго я и убилъ. Это обстоятельство навело на меня сомнѣніе: можетъ быть, и прежде я слышалъ свистъ погоныша, а болотная курица, находившаяся въ ту пору въ той же самой осокѣ (ибо ничто не мѣшаетъ имъ жить вмѣстѣ), случайно выплыла мнѣ на глаза. Болотныя куры къ осени дѣлаются чрезвычайно жирны и вкусны. Впрочемъ, и всегда онѣ бываютъ довольно сыты, а мясо ихъ мягко и сочно; пропадаютъ онѣ въ первой половинѣ сентября: по крайней мѣрѣ, позднѣе этого времени я ихъ не нахаживалъ.

Во всю мою жизнь я убилъ не болѣе десяти болотныхъ куръ, и то единственно потому, что отыскивалъ ихъ весьма прилежно. Многіе охотники не только не бивали, даже не видывали ихъ. Изъ числа десятка убитыхъ мною, три были застрѣлены плавающія, двѣ бѣгающія по густой шмарѣ и одна — стоявшая на деревянной плахѣ, которая лежала въ болотной водѣ; четыре убиты въ летъ изъ-подъ собаки, и въ томъ числѣ двѣ необыкновеннымъ образомъ. Въ исходѣ мая, я возвращался съ охоты домой; идучи по берегу пруда и не находя птицы, по которой могъ бы разрядить ружье,—а стволъ его надобно было вымыть,—я хотѣлъ уже выстрѣлить

на воздухъ. Вдругъ отъ собаки, прыгавшей по водѣ около берега по мелкому камышу и осокѣ, отъ отдѣльнаго куста камыша, очень не близко, поднялись какія-то двѣ птицы; между ними находилось разстояніе не менѣе сажени; ружье было заряжено мелкою утиною дробью. Я подумалъ, что это поднялись два чирка, и выстрѣлилъ въ одного изъ нихъ наудачу. Ружье сильно потянуло, слѣдовательно выстрѣлъ не могъ быть вѣренъ, но обѣ птицы упали [1]); собака бросилась и вынесла мнѣ болотную курицу. Обрадованный, я послалъ ее за другою, и она принесла мнѣ пѣтушка болотной курицы съ гребнемъ и перевязками. Конечно, только охотникъ, принявшій въ соображеніе дальность мѣры, разстояніе между летѣвшими птицами, несоразмѣрную съ ихъ величиною крупноту дроби и рѣдкость добычи,—можетъ вообразить мою тогдашнюю безумную радость. Желаю каждому страстному охотнику, возвращаясь домой, такъ удачно разрядить свое ружье.

---

[1]) Къ удивленію моему, это случалось со мной нѣсколько разъ, равно какъ и съ другими охотниками. Ружье потянуло: значитъ порохъ въ затравкѣ отсырѣлъ, зашипѣлъ, и выстрѣлъ послѣдовалъ не скоро. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дуло ружья потеряетъ цѣль и по большей части обнизитъ. Какъ же тутъ убить птицу, въ которую цѣлилъ охотникъ, да еще летящую?—Всѣ подобные случаи доказываютъ только, какъ широко раскидывается зарядъ.



20.

Болотный коростель или коростелекъ [1]).

Его называютъ также *погонышемъ и пастухомъ*. Оба названія весьма удачны: чистый, отрывистый, короткій и частый его свистъ очень похожъ на посвистыванье *пастуха, погоняющаго* стадо. Погонышъ во всемъ совершенно сходенъ съ болотною курицей, или, правильнѣе сказать, онъ есть ни что иное, какъ уменьшенная втрое или вчетверо болотная курица; но самецъ болотнаго коростелька не имѣетъ пунцоваго гребешка на головѣ и перевязокъ на ногахъ, отъ чего и трудно различить пѣтушка отъ курочки. По миніатюрности своей, погонышъ кажется еще стройнѣе, пропорціональнѣе и миловиднѣе болотной курочки. Имя болотнаго коростеля дано ему не даромъ: онъ точно такъ же скоро и часто подсвистываетъ, какъ обыкновенный луговой коростель покрикиваетъ или подергиваетъ хриплымъ своимъ голосомъ. Хотя погоныши живутъ и выводятъ дѣтей также въ болотахъ, довольно топкихъ, гдѣ особенно любятъ держаться въ осокѣ и камышѣ, по краямъ болотныхъ лужъ, озерковъ и заливовъ въ верховьяхъ прудовъ, но обыкновенныя мѣста ихъ пребыванія гораздо доступнѣе охотнику и собакѣ, чѣмъ мѣста жительства болотныхъ куръ. Погоныша нерѣдко найдешь въ болотѣ обыкновенномъ. Только въ позднюю осень позволяетъ онъ собакѣ дѣлать надъ собой стойку, вѣроятно отъ того, что бываетъ необычайно жиренъ и утомляется отъ скораго и многаго бѣ-

[1]) Porzana maruetta, Briss. *К. Р.*

ганья; во всякое же другое время, онъ такъ же, какъ болотная курица и луговой коростель, бѣжитъ не останавливаясь. и нерѣдко уходитъ въ такія мѣста, что собака отыскать и поднять его не можетъ. При семъ должно замѣтить, что всѣ эти три породы дичи, то-есть: болотныя куры, погоныши и особенно коростели луговые, чрезвычайно портятъ *поискъ* легавыхъ собакъ, ибо духъ отъ нихъ очень силенъ; собака горячится и, видя, что птица, послѣ каждой стойки, все уходитъ дальше, бросается догонять ее, теряетъ слѣдъ, сбивается и получаетъ самыя дурныя привычки.

Я никогда не нахаживалъ погоныша съ дѣтьми, но одинъ разъ моя собака поймала его, сидящаго на гнѣздѣ, и нисколько не измяла. Онъ даже жилъ у меня недѣли двѣ. Видя, что онъ мало ѣстъ и худѣетъ, я выпустилъ его опять въ то же болото. Въ гнѣздѣ находилось 16 яичекъ, каждое величиною въ полтора воробьинаго яйца, неопредѣленнаго и въ то же время прекраснаго зеленоватаго цвѣта, съ самыми крошечными палевыми крапинками. Если бы я не самъ взялъ этого погоныша на гнѣздѣ изо рта собаки, то никогда бы не повѣрилъ, чтобы такая маленькая и узенькая птичка могла нести такое количество яичекъ и имѣла бы возможность ихъ высиживать. Яички лежали въ одинъ рядъ, какъ всегда бываетъ и иначе быть не можетъ; они никакъ не могли умѣщаться всѣ подъ узкою хлупью или брюшкомъ насѣдки, и какъ будто стѣнкою окружали ея бока, хвостикъ и зобъ. Я и теперь не понимаю, какъ могла сообщиться имъ та степень теплоты, безъ которой яйцо не можетъ окончательно быть высижено, а между тѣмъ всѣ яички погоныша были уже довольно насижены. Болотный коростелекъ, какъ и болотная курица, питается разными насѣкомыми, шмарою, или водянымъ цвѣтомъ, и сѣменами травъ; такъ же тихо, низко, прямо и трудно летитъ, и такъ же иногда очень далеко пересаживается, такъ же, или еще болѣе, весь заплываетъ жиромъ во время осени, но остается позднѣе и пропадаетъ въ концѣ сентября, когда морозы начнутся посильнѣе. Крестьяне, окашивая осоку около прудовыхъ заливовъ или болотныхъ озерковъ, нерѣдко подсѣкаютъ косами молодыхъ погонышей и даже старыхъ. — Я видѣлъ молодыхъ уже почти оперившихся, но и тогда находилъ на нихъ остатки пуха, совершенно темнаго цвѣта. Не подвержено сомнѣнію, что они выводятся такими же черненькими цыплятами, какъ и

луговые коростели. Погонышей вообще несравненно больше, чѣмъ болотныхъ куръ; посвистыванье ихъ слышно во всѣхъ болотахъ, но доставать ихъ тяжело и для многихъ скучно: мнѣ случалось однако убивать ихъ до 30-ти штукъ въ одно лѣто. Одинъ разъ, въ 1815-мъ году, 29-го апрѣля, я убилъ погоныша, не темно-зеленаго, а темно-кофейнаго цвѣта: онъ былъ очень красивъ; къ сожалѣнію, листокъ, на которомъ онъ былъ описанъ подробно въ моихъ запискахъ, вырванъ и потерянъ, и я не помню его особенностей. Въ запискѣ убитой дичи сказано: „убилъ болотнаго коростелька особливаго, неизвѣстнаго рода и вида“, и сдѣлана выноска на такую-то страницу, которой именно недостаетъ. Безъ сомнѣнія, это былъ выродокъ, ибо ни прежде, ни послѣ я ничего подобнаго не видалъ [1]).

Чистый и мелодическій свистъ болотнаго коростелька, вмѣстѣ съ токованіемъ бекаса и здоровымъ крикомъ полевого коростеля, живущаго часто неподалеку отъ нихъ въ поемныхъ лугахъ, придаетъ такую жизнь весенней майской ночи, которую гораздо легче чувствовать, чѣмъ описать.

Болотная курица и погонышъ, равно какъ и луговой коростель, имѣютъ совершенно особенный свой полетъ, медленный, тяжелый и неуклюжій. Задъ перетягиваетъ все тѣло, и они точно идутъ по воздуху, почти перпендикулярно, или летятъ какъ будто подстрѣленные.

---

[1]) Сказывали мнѣ охотники, что есть погоныши менѣе обыкновенныхъ, перомъ почти глинистые, но мнѣ такіе никогда не попадались.

21.

Чибисъ или пиголица [1]).

Вотъ уже подлинно по пословицѣ: послѣдняя спица въ колесницѣ, во всей болотной птицѣ. А за что? По совѣсти, не знаю: вкусомъ своего мяса пиголица никакого обыкновеннаго кулика не хуже, а красивѣе многихъ. Нельзя также сказать, чтобъ и водилась она въ чрезвычайномъ изобиліи; но охотники смотрятъ на нее съ презрѣніемъ и, вѣроятно, за то, что она попадается вездѣ и смирнѣе всякой другой дичи.— Пиголица составляетъ нѣчто среднее между куликомъ и полевымъ курухтаномъ; съ послѣднимъ она сходна величиною тѣла и станомъ; ноги и шея у нея довольно длинны, но далеко не такъ, какъ у настоящихъ куличьихъ породъ; носъ хотя не куринаго устройства, но все вдвое короче, чѣмъ у кулика, равнаго съ нею величиной: онъ не больше $^{1}/_{4}$ вершка и темнаго цвѣта; длина пиголицы отъ носа до хвоста 7 вершковъ. Пониже глазъ, по обѣимъ сторонамъ, находится по бѣлой полоскѣ, и между ними, подъ горломъ, идетъ темная полоса; такого же цвѣта, съ зеленоватымъ отливомъ, и зобъ; брюхо бѣлое; ноги длиною 3 вершка, красно-свинцоваго цвѣта; головка и спина зеленоватыя, съ бронзово-золотистымъ отли-

---

[1]) *Луговка, луговица, чайка*—въ Малороссіи. Venellus cristatus, Mey. *К. Р.*

вомъ; крылья темно-коричневыя, почти черныя, съ бѣлымъ подбоемъ до половины; концы двухъ правильныхъ перьевъ бѣлые; хвостъ довольно длинный; конецъ его, почти на вершокъ, темно-коричневый, а къ рѣпицѣ на вершокъ бѣлый, прикрытый у самаго тѣла нѣсколькими пушистыми перьями рыжаго цвѣта; и самецъ, и самка имѣютъ хохолки, состоящіе изъ четырехъ темно-зеленыхъ перышекъ. Пиголица имѣетъ особенныя кругловатыя крылья и машетъ ими довольно рѣдко, производя необыкновенный, глухой шумъ; летаетъ, поворачиваясь съ боку на бокъ, а иногда и въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ перевертывается на воздухѣ; этотъ полетъ принадлежитъ исключительно пиголицамъ. Весною прилетаютъ онѣ очень рано и, прежде всей дичи, появляются на прудовыхъ токахъ и на первыхъ проталинахъ. Какъ въ это время, бывало, обрадуешься пиголицѣ и какъ стараешься застрѣлить первую, прилетную весеннюю птицу, а тогда она бываетъ довольно сторожка! Въ Малороссіи зовутъ ее *луговка*, потому что она живетъ въ сѣнокосныхъ лугахъ [1]); имена же *чибиса* и *пиголицы*, вѣроятно, получила она отъ своего крика или писка, который придется къ каждому слову и который, конечно, извѣстенъ всѣмъ. Народъ говоритъ, что пиголица кричитъ: „чьи-вы, чьи-вы?“—Весною чибисы появляются, по большей части, порознь или самыми небольшими станичками, около десятка, а осенью, къ отлету, собираются въ огромныя станицы. По наступленіи теплой погоды, они разбиваются на пары и немедленно, ранѣе куликовъ, занимаютъ всякаго рода болота, потныя мѣста и поемные луга. По большей части, они живутъ вмѣстѣ съ болотными куликами, травниками и поручейниками, но иногда живутъ и одни. Они водятся во всѣхъ губерніяхъ и даже около Москвы, тогда какъ о выводѣ болотныхъ и нѣкоторыхъ другихъ куликовъ тамъ никто и не слыхивалъ. Пиголица вьетъ гнѣздо изъ прошлогодней травы, на кочкѣ или на сухомъ, возвышенномъ мѣстѣ, кладетъ четыре яйца, общей куличьей формы, цвѣтомъ, величиною и пестринами весьма похожія на дупелиныя яйца, только нѣсколько потемнѣе. Самецъ и самка сидятъ поперемѣнно на гнѣздѣ и потомъ вмѣстѣ заботятся о молодыхъ, которыхъ, точно такъ же, какъ болотные кулики, довольно скоро уводятъ въ луга и потомъ въ хлѣбныя поля. Въ іюлѣ они появляются отдѣльными вывод-

---

[1]) Называютъ также и „чайкою“.

ками по берегамъ прудовъ, рѣкъ и нерѣдко по скошеннымъ лугамъ. Въ августѣ собираются большими стаями по большимъ рѣкамъ и озерамъ, а въ началѣ сентября пропадаютъ. Питаются совершенно одинакимъ кормомъ со всѣми куличьими породами. Чибисы или пиголицы очень горячо привязаны къ своимъ дѣтямъ и не уступаютъ въ этомъ качествѣ и болотнымъ куликамъ: такъ же бросаются навстрѣчу опасности, такъ же отгоняютъ всякую недобрую птицу и такъ же смѣло вьются надъ охотникомъ и собакою; но гибнутъ менѣе, чѣмъ другіе кулики, потому что охотники мало ихъ стрѣляютъ. Развѣ иногда, при неудачной охотѣ, возвращаясь домой, съ далеко не полнымъ ягдташомъ, захватишь дорогой пары двѣ чибисовъ, чтобы счетъ былъ побольше, а ягдташъ пополнѣе. Впрочемъ, весною, первыя прилетныя пиголицы бываютъ довольно сыты и вкусны; но потомъ, до самаго отлета, худы, черствы и сухи (какъ и всѣ немаленькіе кулики), сохраняя пріятный вкусъ дичины; мясо же молодыхъ чибисовъ передъ отлетомъ ихъ, когда они начнутъ немного жирѣть, бываетъ мягко, сочно и очень вкусно. Старыхъ, очень жирныхъ пиголицъ рѣдко удается застрѣлить, потому что онѣ, собравшись въ большія стаи къ отлету, дѣлаются довольно сторожки и сейчасъ сваливаются на большія рѣки, да и охотники за ними не гоняются; а именно въ это-то время онѣ и бываютъ жирны. Мнѣ удалось одинъ разъ, уже довольно поздно для чибисовъ, кажется, въ половинѣ сентября, вышибить крупною дробью одного чибиса изъ стаи, пролетѣвшей очень высоко надо мной, вѣроятно въ дальній походъ. Чибисъ былъ облитъ саломъ и такъ вкусенъ, что уступалъ въ этомъ только бекасиной породѣ.

Я застрѣлилъ однажды пиголицу, кажется, въ августѣ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, крыльями. Она находилась въ большой стаѣ, и мнѣ стоило не мало хлопотъ, чтобъ убить именно ее: она была очень красива.

РАЗРЯДЪ II.

ВОДЯНАЯ ИЛИ ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ДИЧЬ.

Приступъ къ описанію водяной дичи.

одяная птица—ближайшая сосѣдка птицѣ болотной; выводитъ дѣтей если не въ болотахъ, то всегда въ болотныхъ мѣстахъ, и потому я немедленно перехожу къ ней, хотя она въ общемъ разрядѣ дичи, по своему достоинству, должна бы занимать послѣднее мѣсто. Длинный овалъ челнообразнаго стана, устройство всѣхъ членовъ тѣла, обиліе пуха и перьевъ, покрытыхъ тонкимъ лакомъ, не пропускающимъ мокроту, ясно указываютъ, что назначеніе этой породы птицъ — не только временное плаваніе по водѣ, но даже постоянное на ней пребываніе. Походка ихъ медленна, тяжела, неловка, некрасива; лебедь, гусь и утка, когда идутъ по землѣ, ступаютъ бережно, скользя и переваливаясь съ одной стороны на другую, а утки-рыбалки почти лишены способности ходить; за то вода—ихъ стихія! На водѣ—онѣ дома. Безъ всякаго видимаго движенія, безъ всякаго усилія, плавно, тихо, спокойно разсѣкаютъ онѣ поверхность воды во всѣхъ направленіяхъ и поворотахъ, незамѣтно передвигая въ водѣ свои перепончатыя лапы: тутъ онѣ и ловки, и красивы. — Человѣкъ все это подмѣтилъ, перенялъ и, начавъ съ челнока, дошелъ до современнаго корабля.

Теперь надобно взглянуть вообще на воды, о которыхъ часто будетъ говориться въ этомъ отдѣленіи.

Воды.

Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы. Вода жива, она бѣжитъ, или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ или одно, много два, большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ: если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло,—и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно откуда возьмутся несвойственныя горамъ трàвы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слезки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не растутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

Иногда на такихъ горныхъ родникахъ, падающихъ съ значительной высоты, ставятъ оренбургскіе поселяне нехитрыя мельницы-колотовки, какъ ихъ называютъ, живописно прилѣпляя ихъ къ крутому утесу, какъ ласточка прилѣпляетъ гнѣздо къ каменной стѣнѣ. Весь небольшой потокъ захватывается желобомъ или колодою, то-есть выдолбленною половинкою толстаго дерева, которую плотно упираютъ въ бокъ горы; изъ колоды струя падаетъ прямо на водяное колесо, и дѣло въ шляпѣ: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни кауза... а колотовка постукиваетъ да мелетъ себѣ помаленьку, и день, и ночь. Нѣтъ мелева—отодвигается колода въ сторону, и потомъ снова летитъ внизъ по крутизнѣ, мгновенно собирая въ одинъ густой звукъ раздробленный шумъ своего паденія. Мельничная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинномъ неуклюжемъ срубѣ или кривыхъ неровныхъ стойкахъ. Все дрянно, плохо, косо, чуть липитъ. Нѣтъ признака искусной, правильной руки человѣка, ничто не разнорѣчитъ съ природой, а напротивъ—дополняетъ ее... Но какія же паровыя машины втягиваютъ водяныя жилы на горныя высоты, тогда какъ вода, по свойству своему, занимаетъ самое низкое мѣсто на земной поверхности? Удовлетворительно

не объясняетъ этого явленія и современная наука.—Иногда такой ключъ бьетъ изъ середины горы, а всего чаще изъ ея подошвы. Но есть родники совсѣмъ другого рода, которые выбиваютъ изъ земли въ самыхъ низкихъ болотистыхъ мѣстахъ и образуютъ около себя ямки или бассейны съ водой, большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ нихъ текутъ *ручьи*. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только на днѣ: вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собою песокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не достигая поверхности, онѣ опускаются и устилаютъ дно родника ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ, относительно силы ключа, то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камешками, ворочается со дна до верху, кипитъ и клокочетъ какъ котелъ на огнѣ. И горные ключи, и низменные болотные родники бѣгутъ ручейками: иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спрятавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчанье, а воды не находишь; подойдешь вплоть, раздвинешь руками чащу кустарника или навѣсъ густой травы—пахнётъ въ разгорѣвшееся лицо свѣжею сыростью, и наконецъ увидишь бѣгущую во мракѣ и прохладѣ струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркій лѣтній день для усталаго охотника! Иногда ручей бѣжитъ по открытому мѣсту по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ,—вѣтеръ наноситъ пыль и всякій соръ на его поверхность; не такъ и холоденъ,—солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но случается, что такой ручей *поникаетъ*, то-есть уходитъ въ землю, и пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, появляется снова на поверхность, и струя, его, процѣженная и охлажденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и холодною.

Изъ многихъ такихъ ручейковъ составляются *рѣчки*. Одна бѣжитъ по глубокому лѣсному оврагу, наливая попадающіяся на пути ямки и рытвины и образуя изъ нихъ небольшіе омуточки. Сломленныя бурей и подмытыя весеннею водой, деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе, и, запруженная какъ будто плотиною, она разливается маленькимъ прудкомъ, прибывая до тѣхъ поръ, пока найдетъ себѣ боковой выходъ, или, перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать чрезъ него излишнюю, безпрестанно накопляющуюся воду,

легкимъ шумомъ нарушая тишину лѣсной пустыни. Всякая птица держится около воды, а рябчики, какъ говорятъ охотники, любятъ, сидя на деревьяхъ, дремать подъ тихое журчанье лѣсной рѣчки, въ которой завелись уже и кутема, и пеструшка, и выпрыгиваютъ по вечернимъ и утреннимъ зорямъ на поверхность воды, ловя толкущихся на ней мошекъ и сумеречныхъ бабочекъ. Мнѣ случалось заходить въ такіе лѣсистые, глухіе овраги, и не скоро уходилъ я: тамъ, наверху, еще жарко; лѣтнее солнце клонится къ западу; ярко освѣщены имъ до половины нагорныя деревья, вѣтерокъ звучно перебираетъ листьями, а здѣсь, внизу,—густая тѣнь, сумерки, прохлада, тишина.

Другая рѣчка бѣжитъ по ровной долинѣ или по широкому лугу. Извилистые берега ея обростаютъ мѣстами лознякомъ, вербою и ольхою, а мѣстами одною осокой и другими береговыми травами; дно ея ровно и гладко, и глубина почти вездѣ одинакова. Около такой небольшой рѣчки, смотря по мѣстности и почвѣ, нерѣдко бываютъ довольно большія болота, поддерживаемыя родниками и поросшія камышемъ, таловыми кустами и мелкими деревьями. На такихъ рѣчкахъ строятъ, если случаются берега повыше, незатѣйливыя мельницы на одинъ поставъ, рѣдко на два. Небольшіе пруды ихъ, распространяя кругомъ мокроту и влажность, не только поддерживаютъ прежнія, но даже производятъ новыя болота и мочежины, новые пріюты и приволья для всякой дичи. Собственно о прудахъ я стану говорить послѣ.

Есть особенный видъ рѣкъ, которыя, по объему текущей воды, должно причислить къ рѣчкамъ, хотя при первомъ взглядѣ онѣ могутъ показаться гораздо большей величины: это рѣки *степныя*. Онѣ состоятъ изъ цѣпи омутовъ (по-московски, бочаговъ) или небольшихъ озеръ, очень глубокихъ и необыкновенно прозрачныхъ, соединяющихся между собою *перекатами*, то-есть мелкою рѣчкой, иногда даже ручейкомъ. Всегда поросшія особенною породою мягкаго камыша и водяными лопухами, растущими и цвѣтущими на всякой глубинѣ, онѣ бѣгутъ на перекатахъ довольно быстро, но въ омутахъ почти непримѣтно никакого теченія. Очень рѣдко по берегамъ ихъ растетъ мелкій кустарникъ. Если взглянуть на такую рѣку, извивающуюся по степи, съ высокаго мѣста, что̀ случается довольно рѣдко, то представится необыкновенное зрѣлище: точно на длинномъ безконечномъ снуркѣ, прихотливо

перепутанномъ, нанизаны синіе яхонты въ зеленой оправѣ, перенизанные серебрянымъ стеклярусомъ: текущая вода блеститъ, какъ серебро, а неподвижные омуты синѣютъ, въ зеленыхъ берегахъ, какъ яхонты.

Нѣсколько рѣчекъ, большей или меньшей величины, постепенно впадаетъ одна въ другую. Обильнѣйшая водою по праву, а счастливѣйшая иногда безъ всякаго права, поглощая въ себѣ имена другихъ, удерживаетъ свое собственное и продолжаетъ теченіе уже многоводною и сильною *рѣкой*. Густая, разнообразная и обширная урема почти обыкновенно разростается на ея берегахъ.

Смотря по возвышенной или низменной мѣстности, окрестности такой рѣки бываютъ сухи или болотисты. Въ послѣднемъ случаѣ, необозримые, безконечные камыши, поросшіе кустами и лѣсомъ, съ озерами болѣе или менѣе глубокими, представляютъ самыя благонадежныя, просторныя и крѣпкія мѣста для вывода и укрывательства съ молодыми всякой птицѣ и преимущественно водяной дичи.

Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими ненаселенными лѣсами и получаетъ особенный уединенный, дикій и вмѣстѣ важный и торжественный образъ. Берега ея не измяты ничьимъ прикосновеніемъ; изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но не оставитъ слѣдовъ своихъ надолго: сильная растительность, происходящая отъ избытка влаги, сейчасъ поднимаетъ смятыя травы и цвѣты. Свободно и могуче обростаютъ берега ея широколистною и узкою осокой, аиромъ, палочникомъ и крупными незабудками; а по всѣмъ затишьямъ— необыкновенной величины темно-зеленые, круглые лопухи плаваютъ уединенно на длинныхъ стебляхъ своихъ, однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ будто боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ, когда онѣ слишкомъ далеко углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ безмолвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи, и только вѣтви наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревьевъ, противясь теченію, производятъ неумолкаемый, но тихій и глухой ропотъ. Плеснется большая щука, переплыветъ рѣку норѣшина (порѣчина), нырнетъ выхухоль—и только; но и этотъ слабый шумъ скоро поглощается общимъ безмолвіемъ. Смотрится только въ воду разнообразное чернолѣсье—липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа,

то слѣва, согласно стоянію солнца, прямыя или косыя тѣни свои на поверхность рѣки.

Изъ сліянія многихъ такихъ половодныхъ рѣкъ составляются большія рѣки *средней величины*, какъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстная Ока, Бѣлая въ Оренбургской губерніи и множество другихъ; изъ нихъ-то наконецъ образуются рѣки *первой величины*, какъ Волга и Кама, изъ которыхъ послѣдняя немногимъ меньше первой, своей побѣдительницы. Несмотря на огромное различіе въ обиліи и силѣ водъ, и тѣ и другія рѣки имѣютъ одинъ уже характеръ: русло ихъ всегда песчано, всегда углублено; сбывая лѣтомъ, вода обнажаетъ луговую сторону, и рѣка катитъ свои волны въ широкоразметанныхъ желтыхъ пескахъ, перебиваемыхъ косами разноцвѣтной гальки; слѣдовательно, настоящіе берега ихъ голы, безплодны и, по моему не представляютъ ничего пріятнаго, отраднаго взору человѣческому. Конечно, нагорная, почти всегда правая по теченію, сторона нерѣдко богата живописными, величественными видами, но на нихъ хорошо смотрѣть издали, на полотнѣ или на бумагѣ. У всякаго есть своя особенность; моя состоитъ въ томъ, что я не люблю большихъ рѣкъ и громадныхъ, утесистыхъ ихъ береговъ и песчаныхъ печальныхъ отмелей луговой стороны. Мнѣ даже страшно смотрѣть на необъятную массу воды, такъ самовластно отдѣляющую меня отъ противоположнаго берега, черезъ которую безъ опасности нельзя иногда и попасть на другую сторону. Волга же или Кама во время бури—ужасное зрѣлище! Я не разъ видалъ ихъ въ грозѣ и гнѣвѣ. Желтые, бурые водные бугры съ бѣлыми гребнями и потопляемыя, какъ щепки, суда—живы въ моей памяти. Впрочемъ я не стану спорить съ любителями величественныхъ и грозныхъ образовъ, и охотно соглашусь, что неспособенъ къ принятію грандіозныхъ впечатлѣній.

Въ отношеніи къ охотѣ, огромныя рѣки рѣшительно невыгодны: полая вода такъ долго стоитъ на низкихъ мѣстахъ, затопивъ десятки верстъ луговой стороны, что уже вся птица давно сидитъ на гнѣздахъ, когда вода пойдетъ на убыль. Весной по краямъ разливовъ только держатся утки и кулики, да осенью пролетныя стаи, собираясь въ дальній походъ, появляются по голымъ берегамъ большихъ рѣкъ, и то на самое короткое время. Все это для стрѣльбы не представляетъ никакихъ удобствъ. Въ пролетъ же весенній,

Волга или Кама еще покрыты льдомъ, посинѣвшимъ, истрескавшимся, избитымъ въ полыньи, но все еще неподвижно стоящимъ.

Теперь остается поговорить объ озерахъ; они не имѣютъ теченія, но тѣмъ не менѣе хороши. Озера бываютъ четырехъ родовъ: 1) Озера заливныя, или просто небольшія ямы и впадины, наливающіяся въ весеннее время, по займищамъ рѣкъ, полою водой, которая затопляетъ ихъ совершенно; убывая въ продолженіе лѣтнихъ жаровъ, они нерѣдко совсѣмъ высыхаютъ. 2) Озера большей величины, также заливныя или принимающія въ себя какимъ-нибудь протокомъ полую воду, но имѣющія сверхъ того свою собственную поддержку въ родникахъ, открывающихся на днѣ и въ берегахъ; изъ такихъ озеръ нерѣдко излишекъ воды бѣжитъ ручейкомъ или сочится длинною мокрединой. Такія озера постоянно имѣютъ чистую, свѣжую, хотя и не холодную воду. Конечно, лѣтнія жары и засухи и въ нихъ производятъ убыль; но они отъ того не загниваютъ, кромѣ обыкновеннаго лѣтняго цвѣтенія воды, которому подвержены всѣ рѣки безъ исключенія и котораго начало примѣтно даже въ самыхъ быстротекущихъ студеныхъ ключахъ. Распространяя вокругъ себя влажность и растительность, зеленые берега такихъ озеръ иногда опушаются чивою, ветлою и ольхою, иногда обростаютъ и камышами. 3) Озера лѣсныя, имѣющія видъ мрачный и цвѣтъ темный, если берега ихъ не болотисты, а сухи, если крупный лѣсъ со всѣхъ сторонъ и плотною стѣною обступаетъ воду; окруженныя же иногда на далекое пространство топкими, даже зыбкими болотами, на которыхъ растетъ только рѣдкій и мелкій лѣсъ, они имѣютъ воду почти обыкновеннаго цвѣта. Темный цвѣтъ лѣсныхъ озеръ, кромѣ того, что кажется такимъ отъ отраженія темныхъ стѣнъ высокаго лѣса, происходитъ существенно отъ того, что дно озеръ образуется изъ перегнивающихъ ежегодно листьевъ, съ незапамятныхъ временъ устилающихъ всю ихъ поверхность во время осенняго листопада и превращающихся въ черный, какъ уголь, черноземъ, осѣдающій на дно; многіе думаютъ, что листья, размокая и разлагаясь въ водѣ, окрашиваютъ ее темноватымъ цвѣтомъ. Наконецъ 4) озера степныя, всегда значительной величины, самыя чистыя, свѣтлыя, красивыя, лучшія изъ всѣхъ озеръ. Безъ сомнѣнія, они имѣютъ скрытные на днѣ родники, и весьма сильные, которые вознаграждаютъ убыль.

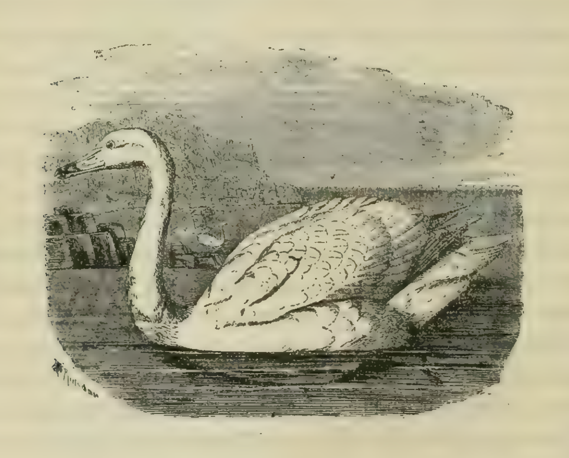
производимую испареніемъ воды во время лѣтнихъ жаровъ и засухъ,—убыль, которая въ нихъ бываетъ мало замѣтна. Присутствіе родниковъ въ озерахъ доказывается и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на извѣстной глубинѣ вода въ нихъ бываетъ гораздо холоднѣе. Въ Оренбургской губерніи много такихъ озеръ; мнѣ короче знакомы два чудесныя озера, находящіяся въ недальнемъ разстояніи одно отъ другого въ Белебеевскомъ уѣздѣ: *Кандры* и *Каратабынь;* каждое изъ нихъ имѣетъ по нѣскольку десятковъ верстъ въ окружности. Степныя озера отличаются невѣроятною прозрачностью, превосходящею даже прозрачность омутовъ степныхъ рѣчекъ, и въ послѣднихъ вода бываетъ такъ чиста, что глубина въ 4 и 5 аршинъ кажется не глубже 2-хъ аршинъ; но въ озерахъ „Кандры“ и „Каратабынь“ глубина до трехъ саженей кажется трехъ или четырехъ-аршинною; далѣе глубь начнетъ синѣть, дна уже не видно, и на глубинѣ шести или семи саженей все становится страшно темно. Преломленіе свѣта въ водахъ этихъ озеръ до того обманчиво, что во время купанья, идя отъ берега и постепенно погружаясь въ глубину, кажется, идешь на гору и при каждомъ шагѣ поднимаешь ногу выше. Прелестные степные луга, оживляемые близостью огромной массы воды, окружаютъ Кандры; глубина въ десять саженей находится ближе въ одной, нѣсколько гористой сторонѣ; по срединѣ озера точно всплылъ изъ воды небольшой, возвышенный, лѣсистый, зеленый островокъ: пріютъ и мѣсто вывода дѣтей для безчисленныхъ и разнообразныхъ породъ чаекъ. Двѣ противоположныя стороны — ровная степь, а четвертая сторона камышиста, и есть признакъ (длинная паточина по небольшому долочку), что тутъ былъ когда-то протокъ. Башкирцы сказывали мнѣ, что старики ихъ помнятъ, когда этимъ протокомъ Кандры соединялись съ Каратабынью. Нынче и весной нѣтъ этого соединенья. У башкирцевъ даже есть какая-то легенда насчетъ будущаго соединенія этихъ озеръ; но я не могъ достать ее. Впрочемъ, прибыль полой воды въ степныхъ озерахъ незначительна. Болотною и водяною дичью они не богаты; только позднею осенью отлетная птица въ большихъ стаяхъ гоститъ на нихъ короткое время, какъ будто на прощаньи; за то всякая рыба *бѣлъ*, кромѣ красной, то-есть осетра, севрюги, стерляди и проч., водится въ степныхъ озерахъ въ изобиліи и отличается необыкновеннымъ вкусомъ.

Нельзя не упомянуть объ озерахъ искусственныхъ — пру-

дахъ, о которыхъ я сказалъ только мимоходомъ, но которые будутъ часто упоминаться въ описанiи водяной дичи. Пруды бываютъ двухъ родовъ: проточные и копаные. Первые запружаются на рѣкахъ, рѣчкахъ и ручьяхъ, а вторые выкапываются предпочтительно на мѣстахъ мокрыхъ и низменныхъ. Впрочемъ, около Москвы, гдѣ грунтъ по преимуществу глиняный, можно выкопать яму, гдѣ угодно, даже на горѣ,— снѣговая и дождевая вода будутъ стоять въ ней круглый годъ, какъ въ фаянсовой чашкѣ. Есть средство устраивать пруды особеннымъ способомъ, захвативъ полую воду, текущую обыкновенно весной по какому-нибудь оврагу или долочку, въ которыхъ лѣтомъ не бываетъ капли воды; въ это лѣтнее время перегораживаютъ поперекъ оврагъ или долочекъ,—выкопавъ его, если надобно, поглубже,—крѣпкою плотиной съ прочно-устроеннымъ спускомъ, а иногда и безъ спуска, для стока полой воды; весною она наполнитъ оврагъ или выкопанный долъ, а излишняя вода пойдетъ стороною, или черезъ верхъ, или въ поднятые затворы спуска, который запирается наглухо, когда станетъ сходить водополье. Такiе пруды бываютъ иногда очень глубоки; ихъ нельзя назвать совершенно стоячими, глухими: хотя одинъ разъ въ году, а все же вода въ нихъ перемѣняется; но относительно къ птицѣ о нихъ не стòитъ говорить. Пруды проточные на порядочныхъ рѣкахъ, поднимающихъ мельницы отъ четырехъ до восьми поставовъ, съ широкими, всегда камышистыми разливами, сквозь проросшiе, по мелководью, разными водяными трàвами и цвѣтами, имѣющiе въ протяженiи нѣсколько верстъ,—вотъ истинное раздолье для всякой водяной птицы, которая сваливается на такiе пруды со всѣхъ сторонъ. Сытно и безопасно въ камышахъ утинымъ выводкамъ всѣхъ породъ, а также цыплятамъ черныхъ водяныхъ куръ или лысухъ. Въ камышахъ не проглотитъ утенка жадная щука, не унесетъ цыпленка коршунъ или скопа, которую называютъ водянымъ орломъ и которая преимущественно питается рыбой. Хищной птицѣ нуженъ свѣтъ и просторъ, а въ камышѣ тѣсно и темно. Напрасно скопа, балабанъ (родъ сокола), вмѣстѣ съ коршунами и конюками, по цѣлымъ часамъ, то плаваютъ въ небесахъ широкими кругами, то неподвижно висятъ надъ прудомъ. Они слышатъ пискотню молодыхъ и покрякиванье матокъ, слышатъ шелестъ камыша, даже видятъ, какъ колеблются его верхушки отъ множества пробирающихся въ тростникѣ утятъ, а нельзя поживиться добычей: „глазъ

видитъ, да зубъ нейметъ!" Хищныя птицы не бросаются за добычей въ высокую траву или кусты, вѣроятно, по инстинкту, боясь наткнуться на что-нибудь жесткое и острое, или опасаясь помять правильныя перья. Но если какой-нибудь глупенькій, отбившійся отъ выводки и матери, утенокъ или цыпленокъ, услыша издалека зовъ ея, вздумаетъ переплыть матерųкъ или незаросшую травой заводь, то гибель ждетъ его и сверху и снизу: въ водѣ—широкое горло щуки или сома, на поверхности—длинные когти хищныхъ птицъ.

Вотъ какъ разнообразны, еще не во всѣхъ видахъ и не въ подробности описанныя мною, вòды. На нихъ-то плаваетъ, ныряетъ, живетъ водяная дичь. Итакъ, обращаюсь къ ней.



1.

Лебедь.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными не большими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей

онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, поднимаетъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать съ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,— все живописно и великолѣпно въ немъ.

Лебеди прилетаютъ почти всегда попарно; появляются весной довольно рано, въ началѣ апрѣля, когда, по большей части, все еще бываетъ покрыто снѣгомъ. Лебединыхъ стай я не видывалъ: въ тѣхъ мѣстахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я постоянно охотился, лебеди бываютъ только пролетомъ, а постоянно не живутъ и дѣтей не выводятъ, и для меня появленіе ихъ не во время пролета было рѣдкостью. Развѣ иногда, нѣсколькимъ холостымъ лебедямъ, шатающимся по большимъ прудамъ и озерамъ, понравится какое-нибудь привольное мѣсто у меня въ сосѣдствѣ, и они, если не будутъ отпуганы, прогостятъ на немъ недѣли двѣ или болѣе. Я помню въ молодости моей странный случай, какъ на нашъ болотный камышистый прудъ, среди уже жаркаго лѣта, повадились ежедневно прилетать семеро лебедей: прилетали обыкновенно на закатѣ солнца, ночевали и на другой день поутру, какъ только народъ просыпался, начиналъ шумѣть, ходить по плотинѣ и ѣздить по дорогѣ, лежащей вдоль пруда,—лебеди улетали. Откуда прилетали и куда улетали—не знаю. Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ, одинъ старый охотникъ, зарядивъ свое дрянное, веревочкой связанное, ружьишко, за неимѣніемъ свинцовой картечи, желѣзными жеребьями, то-есть кусочками изрубленнаго желѣзнаго прута, забрался въ камышъ прежде прилета лебедей и, стоя по поясъ въ водѣ, дождался, когда они подплыли къ нему на нѣсколько саженей, выстрѣлилъ и убилъ одного лебедя наповалъ. Разумѣется, остальные сейчасъ улетѣли, но на другой день опять прилетѣли въ урочный часъ, сѣли на середину пруда, поплавали,

не приближаясь къ опасному камышу, погоготали между собой, собрались въ кучку, поднялись, улетѣли и не возвращались. Осенняго пролета лебедей я не замѣчалъ совсѣмъ. Многіе охотники сказывали мнѣ, что лебеди не только постоянно живутъ, но и выводятъ дѣтей въ разныхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи и особенно по заливнымъ волжскимъ озерамъ, начиная отъ Царицына до Астрахани; что гнѣзда вьютъ они въ густыхъ камышахъ; что лебедь раздѣляетъ съ лебедкою всѣ попеченія о дѣтяхъ; что молодыхъ у нихъ бываетъ только по два (а другіе увѣряютъ, будто по три и по четыре), и что по волжскимъ рукавамъ, при впаденіи этой рѣки въ море, лебеди живутъ несчетными стадами. Ничего этого не утверждаю, а за что купилъ, за то и продаю. Что касается до меня, то я каждый годъ видалъ по нѣскольку разъ лебедей, по большей части въ недосягаемой вышинѣ пролетавшихъ надо мною; видалъ ихъ и плавающихъ по озерамъ, но всегда неожиданно и въ такомъ разстояніи, что не только гусиною дробью, но и картечью стрѣлять было невозможно; а иногда и стрѣлялъ, но выстрѣлъ мой скорѣе могъ назваться почетнымъ салютомъ, чѣмъ нападеніемъ врага. Впрочемъ, одинъ разъ въ моей жизни, когда я бродилъ по колѣна въ разливѣ рѣки Бугуруслана, между частыми кустами, налетѣлъ на меня лебедь довольно близко; я ударилъ его обыкновенною утиною дробью: лебедь покачнулся, пошелъ къ низу и улетѣлъ изъ виду. На другой день мордвинъ сосѣдней деревушки нашелъ его мертвымъ за версту отъ того мѣста, гдѣ я стрѣлялъ. Мясо его было такъ жестко, что несмотря на предварительное двухъ-дневное вымачиванье, его трудно было разжевать. Вкусъ походилъ на дикаго гуся, но гусь гораздо мягче, сочнѣе и вкуснѣе. Въ зобу его не было рыбы и почти никакой пищи. Чѣмъ питаются лебеди—ничего сказать не могу, но вѣроятно одинакимъ кормомъ со всею водяною птицей.

Не понимаю, отчего лебедь считался въ старину лакомымъ или почетнымъ блюдомъ у нашихъ великихъ князей и даже царей: вѣроятно, тогда знали искусство дѣлать его мясо мягкимъ; а мысль, что лебедь служитъ только украшеніемъ стола, должна быть несправедлива. Лебедь живетъ въ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ, очевидно, сложенныхъ на югѣ Россіи, живетъ также до сихъ поръ и въ народной рѣчи, хотя тамъ, гдѣ теперь обитаетъ настоящая Русь, лебедь не могъ войти

ни въ пѣсню, ни въ рѣчь,—такъ мало знаетъ и видитъ его народъ. На югѣ, въ Кіевѣ, попалъ онъ въ народныя пѣсни и на велико-княжескіе столы; его *рушала*, то-есть разрѣзывала, сама великая княгиня, слѣдовательно лебедя ѣли. Вѣроятно оттуда, по преданію и старому обычаю, перебрался онъ на столы великихъ князей и царей московскихъ, и въ народную современную рѣчь, гдѣ слова: *лебедка* и *лебедушка*—остались навсегда выраженіемъ ласки и участія.

Про силу лебедя разсказываютъ чудеса: говорятъ, что онъ ударомъ крыла убиваетъ до смерти собаку, если она приблизится къ нему, легко раненому, или бросится на его дѣтей. Мнѣ даже называли охотника, которому лебедь переломилъ руку такимъ же ударомъ крыла. Судя по его величинѣ, крѣпости и силѣ мускуловъ, толщинѣ и жесткости костей и перьевъ, этимъ разсказамъ повѣрить можно. Пѣнья лебедей, разумѣется, никто не слыхалъ; но зычный крикъ ихъ и глухое гоготанье, весьма отличное отъ гусинаго, слыхали всѣ охотники, и въ томъ числѣ я самъ. Изъ всего сказаннаго мною о силѣ лебедей можно заключить, какъ они должны быть крѣпки къ ружью. Гдѣ они постоянно водятся, тамъ бьютъ ихъ нулемъ или безъимянкой и картечью, и то подкрадываясь поближе. Лебедей стрѣляютъ не для мяса, а для пуха, первоклассное достоинство котораго извѣстно всѣмъ.

Лебеди легко дѣлаются ручными. Я самъ видѣлъ ихъ нѣсколько годовъ сряду, живущихъ лѣто на отведенномъ имъ пруду, а зиму проводящихъ въ теплой избѣ. Не могу только хорошенько сказать: маленькими или большими были они пойманы. Я слышалъ, что ручные лебеди выводятъ дѣтей, какъ обыкновенные гуси, въ избахъ и хлѣвахъ: но что для этого нужно достать сначала свѣжихъ лебединыхъ яицъ и подложить подъ гусыню. Высиженные ею лебедята выростаютъ въ стаѣ домашнихъ гусей (первый годъ съ подрѣзанными крыльями), дѣлаются совершенно ручными и ведутся какъ дворовые гуси.

2.

Гусь.

Сѣрымъ гусемъ называютъ его старинныя русскія пѣсни и называютъ вѣрно. Дикій гусь точно сѣръ и отличается отъ гусыни только тѣмъ, что спина его потемнѣе, грудь или зобъ покрыта черноватыми пятнышками, и самъ онъ нѣсколько поменьше. Дворовые русскіе гуси, по большей части бѣлые или пѣгіе, бываютъ иногда совершенно похожи перомъ на дикихъ, то-есть на прежнихъ самихъ себя. Вся разница состоитъ въ томъ, что вообще у русскихъ гусей носъ и ноги красноваты и сами они потолще, пообъемистѣе; дикіе же гуси подбористѣе, складнѣе, щеголеватѣе, а носъ и лапки ихъ желтовато-зеленоватаго цвѣта. Весною, пролетомъ, гуси показываются очень рано; еще вездѣ, бывало, лежитъ снѣгъ, пруды не начинали таять, а стаи гусей вдоль по теченію рѣки летятъ да летятъ въ вышинѣ, прямо на сѣверъ. Стаи всегда пролѣтаютъ очень высоко, но гуси парами или въ одиночку летятъ гораздо ниже. Ежедневно шатаясь около пруда и бродя вдоль рѣки, которая у насъ очень рано очищалась отъ льда, я всегда имѣлъ одинъ стволъ, заряженный гусиною дробью, и мнѣ не одинъ разъ удавалось спустить на землю пролетнаго гостя. Когда же время сдѣлается теплѣе,

оттаютъ поля, разольются полыя воды,—стаи гусей летятъ гораздо ниже и спускаются на привольныхъ мѣстахъ: отдохнуть, поѣсть и поплавать. Пища гусей преимущественно состоитъ изъ мелкой, молодой травы, сѣмянъ растеній и хлѣбныхъ зеренъ. Гуси очень жадны. Когда кормъ приволенъ, то они до того обжираются, что не могутъ ходить: зобъ перетягиваетъ все тѣло; даже съ трудомъ могутъ летать. Весною гуси бываютъ очень сторожки и рѣдко подпускаютъ охотника съ подъѣзда и еще рѣже съ подхода. Надобно отыскивать благопріятную мѣстность, изъ-за которой можно бы было подкрасться къ нимъ поближе. Мѣстность эта можетъ быть: лѣсъ, кусты, пригорокъ, оврагъ, высокій берегъ рѣки, нескошенный камышъ на прудахъ и озерахъ. Нечего и говорить, что стрѣлять надобно самою крупною дробью, *безъимянкой*, даже не худо имѣть въ запасѣ нѣсколько картечныхъ зарядовъ, чтобы пустить въ стаю гусей, къ которой ни подойти, ни подъѣхать, ни подкрасться въ мѣру—нѣтъ возможности. Очень весело, на дальнемъ разстояніи, вырвать изъ станицы, чистаго перомъ, сытаго тѣломъ, прилетнаго гуся! Пошатавшись по хлѣбнымъ полямъ, кое-гдѣ сохранившимъ насоренныя еще осенью зерна, наплававшись по разливамъ рѣкъ, озеръ и прудовъ, гуси разбиваются на пары и начинаютъ заботиться о гнѣздахъ, которыя вьютъ всегда въ самыхъ крѣпкихъ и глухихъ камышистыхъ и болотистыхъ уремахъ, состоящихъ изъ таловыхъ кустовъ, ольхи и березы, обыкновенно окружающихъ берега рѣкъ порядочной величины: я разумѣю рѣки, текущія по черноземной почвѣ. Я не одинъ разъ нахаживалъ гусиныя гнѣзда и всегда въ такихъ непроходимыхъ мѣстахъ, что самъ, бывало, удивишься, какъ попалъ туда. Гнѣздо обыкновенно кладется на сухомъ мѣстѣ, или на высокой кочкѣ, просторное и круглое, свивается изъ сухой травы и устилается перышками и пухомъ, нащипанными гусыней изъ собственной хлупи. Охотники говорятъ, что яицъ бываетъ до двѣнадцати, но я болѣе девяти не нахаживалъ. Они совершенно похожи на яйца русскихъ гусей, развѣ крошечку поменьше и не такъ бѣлы, а свѣтло-дикаго, неопредѣленнаго цвѣта. Во время сидѣнья гусыни на яйцахъ, гусь раздѣляетъ ея заботу: я самъ спугивалъ гуся съ гнѣзда и много разъ нахаживалъ обоихъ *стариковъ* [1]) съ выводками молодыхъ. Исторія высиживанія

[1]) Стариками называются въ гусиной выводкѣ старый гусакъ и гусыня.

яицъ у дикихъ гусей, какъ и у всякой птицы, выводящей дѣтей одинъ разъ въ годъ, оканчивается въ исходѣ мая или въ началѣ іюня: всѣ исключенія бываютъ слѣдствіемъ какого-нибудь несчастнаго случая, погубившаго первыя яйца. Въ мѣстахъ привольныхъ, то-есть по хорошимъ рѣкамъ съ большими камышистыми озерами, можно и въ это время года найти порядочныя станицы гусей холостыхъ: они обыкновенно на одномъ озерѣ днюютъ, а на другомъ ночуютъ. Опытный охотникъ все это знаетъ, или долженъ знать, и всегда можетъ подкрасться къ нимъ, плавающимъ на водѣ, щиплющимъ зеленую травку на лугу, усѣвшимся на ночлегъ вдоль берега, или подстеречь ихъ на перелетѣ съ одного озера на другое въ извѣстные часы дня. Молодые гусята вылупляются изъ яицъ, покрытые сѣро-желтоватымъ пухомъ; они скоро получаютъ способность плавать, нырять, и потому старики немедленно переселяютъ свою выводку на какую-нибудь тихую воду, то-есть на озеро, заводь или плесо рѣки, непремѣнно обросшей высокою травой, кустами, камышомъ, чтобы было гдѣ спрятаться въ случаѣ надобности. Мнѣ разсказывали многіе, что гусыня перетаскиваетъ на воду поочередно за шею каждаго гусенка, если вода далеко отъ гнѣзда или мѣстность такъ неудобно-проходима, что гусенку и пролѣзть трудно. Я этого не оспариваю, но долженъ сказать, что и самые маленькіе гусята очень бойки и вороваты и часто уходили у меня изъ глазъ въ такихъ мѣстахъ, что, по-истинѣ, надобно имѣть много силы, чтобы втискаться и даже бѣгать въ густой чащѣ высокой травы и молодыхъ кустовъ. Впрочемъ, надобно вспомнить, что это переселеніе бываетъ немедленно послѣ вылупленія гусятъ, и они должны быть еще въ то время очень слабы. Когда молодые подростутъ въ полгуся и больше, и даже почти оперятся, только не могутъ еще летать [1]), что̀ бываетъ въ исходѣ іюня или началѣ іюля, — охотники начинаютъ охотиться за молодыми и старыми, линяющими въ то время гусями и называющимися „подлинь“. Но до этой охоты я никогда не былъ охотникъ, ибо ее можно производить и

[1]) Водяная птица въ этомъ отношеніи совершенно противоположна нѣкоторымъ породамъ степной дичи: перья въ крыльяхъ молодыхъ тетеревовъ, куропатокъ и перепелокъ выростаютъ прежде всего, и они еще въ пушку могутъ перелетывать; а у всей водяной дичи, напротивъ, перья въ крыльяхъ выростаютъ послѣднія, такъ что даже безобразно видѣть на выросшемъ и оперившемся тѣлѣ молодого гуся, или утки, голыя папоротки съ синими пеньками.

безъ ружья, съ пріученными къ такой ловлѣ собаками. Охотнику приходится стрѣлять только тѣхъ молодыхъ и старыхъ гусей, которыхъ собаки выгонятъ на рѣку или озеро, что̀ бываетъ не часто: гусь-подлинь и молодые гусята крѣпко и упорно держатся въ травѣ, кустахъ и камышахъ, куда прячутся они при всякомъ шумѣ, при малѣйшемъ признакѣ опасности. Только совершенная крайность, то-есть близко разинутый ротъ собаки, можетъ заставить стараго линючаго гуся, или совсѣмъ почти оперившагося гусенка, но у котораго еще не подросли правильныя перья въ крыльяхъ, выскочить на открытую поверхность воды. Боже мой, какой крикъ и шлепотню поднимутъ они своими отяжелѣвшими папоротками, отъ налитыхъ кровью, толстыхъ пеньковъ! Какъ неловки бываютъ въ это время всѣ ихъ движенія! Даже ныряютъ они такъ нелѣпо, что всегда виденъ непогрузившійся въ воду задъ! Разумѣется, тутъ весьма удобно бить ихъ изъ ружья, и не надобно употреблять крупной дроби: они тогда очень слабы, и всегда пригоднѣе будетъ дробь 5-го нумера. Впрочемъ, привычныя собаки, даже дворняжки, безъ помощи ружья, наловятъ ихъ довольно. Старые гуси во время этого болѣзненнаго состоянія бываютъ худы, и мясо ихъ становится сухо и невкусно, а молодыхъ, напротивъ, очень мягко, и хотя они еще не жирны, но многіе находятъ ихъ очень вкусными.

Наконецъ подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали молодыми гусями; перелиняли, окрѣпли старые, выводки соединились съ выводками, составились станицы, и начались ночныя, или, правильнѣе сказать, утреннія и вечернія, экспедиціи для опустошенія хлѣбныхъ полей, на которыхъ поспѣли не только ржаные, но и яровые хлѣба̀. За часъ до заката солнца, стаи молодыхъ гусей поднимаются съ воды и, подъ предводительствомъ старыхъ, летятъ въ поля. Сначала облетятъ болотное пространство, высматривая, гдѣ имъ будетъ удобнѣе расположиться подальше отъ проѣзжихъ дорогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посытнѣе, и наконецъ спускаются на какую-нибудь десятину или загонъ. Гуси предпочтительно любятъ хлѣбъ безосый, какъ-то: гречу, овесъ и горохъ; но если не изъ чего выбирать, то ѣдятъ и всякій. Почти до темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ; но вотъ раздается громкое, призывное гоготанье стариковъ; молодые, которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны по хлѣба̀мъ, торопливо собираются

въ кучу, переваливаясь передами, отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликаются между собой, и вся стая, съ зычнымъ крикомъ, тяжело поднимается, летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію, къ тому озеру или берегу рѣки, или верховью уединеннаго пруда, на которомъ она обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опускаются на воду, распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напиваются и сейчасъ садятся на ночлегъ, для чего выбирается берегъ плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышомъ, чтобы ни откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Отъ нѣсколькихъ ночевокъ большой стаи примнется, вытолочется трава на берегу, а отъ горячаго ихъ помета покраснѣетъ и высохнетъ. Гуси завертываютъ голову подъ крыло, ложатся или, лучше сказать, опускаются на хлупь и брюхо и засыпаютъ. Но старики оставляютъ ночную стражу и не спятъ поочередно, или такъ чутко дремлютъ, что ничто не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха. При всякомъ шорохѣ сторожевой гусь тревожно загогочетъ, и всѣ откликаются, встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть; но шумъ замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ, тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему такими же звуками, снова усаживается и засыпаетъ. Такъ бываетъ не одинъ разъ въ ночь, особенно уже въ довольно длинныя, сентябрскія ночи. Если же тревога была не пустая, если точно человѣкъ или звѣрь приблизится къ стаѣ,—быстро поднимаются старики и стремглавъ бросаются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ туманѣ вòды и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе... и вся эта тревога бываетъ иногда отъ хорька и даже горностая, которые имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей. Когда же ночь проходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва забѣлѣетъ заря на востокѣ, разбудитъ звонкимъ крикомъ всю стаю, и она снова, вслѣдъ за стариками, полетитъ уже въ знакомое поле, и точно тѣмъ же порядкомъ приметси за ранній завтракъ, какой наблюдала недавно за позднимъ ужиномъ. Снова набиваются едва просиженные [1]) зобы, и снова по призывному крику стариковъ, при яркихъ лучахъ давно взошедшаго солнца,

[1]) Просиженный зобъ уже пустъ. Это значитъ, что пища сварилась и спустилась въ кишки.

собирается стая и летитъ уже на другое озеро, плесо рѣки или заливъ пруда, на которомъ проводитъ день.

Плохо хозяину, который поздно узнаетъ о томъ, что гуси повадились летать на его хлѣбъ: они съѣдятъ зёрна, лоскомъ положатъ высокую солому и сдѣлаютъ такую толоку, какъ будто тутъ паслось мелкое стадо. Если же хозяинъ узнаетъ во-время, то разными средствами можетъ отпугать незванныхъ гостей.

Я стрѣливалъ гусей во всякое время: дожидаясь ихъ прилета въ полѣ, притаясь въ самомъ, еще невымятомъ хлѣбѣ, подстерегая ихъ на перелетѣ въ поля или съ полей, дожидаясь на ночлегѣ, гдѣ, за наступившею уже темнотою, гуси не увидятъ охотника, если онъ просто лежитъ на землѣ, и наконецъ, подъѣзжая на лодкѣ къ спящимъ на берегу гусямъ, ибо по водѣ можно подплыть такъ тихо, что и сторожевой гусь не услышитъ приближающейся въ ночномъ туманѣ лодки. Разумѣется, во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя убить гусей много, стрѣлять приходится почти всегда въ летъ, но при удачныхъ выстрѣлахъ изъ обоихъ стволовъ, штуки три-четыре вышибить изъ стаи можно. Можно также подъѣзжать къ гусинымъ станицамъ или, смотря по мѣстности, подкрадываться изъ-за чего-нибудь, когда они бродятъ по сжатымъ полямъ и скошеннымъ лугамъ, когда и горохъ, и гречу уже обмолотили, и гусямъ приходится подбирать кое-гдѣ насоренныя зёрна и даже пощипывать озимь и молодую отаву. Можно также довольно удачно напасть на нихъ въ полдень, узнавъ предварительно мѣсто, гдѣ они его проводятъ. Въ полдень гуси также спятъ, сидя на берегу, и менѣе наблюдаютъ осторожности; притомъ дневной шумъ, происходящій отъ всей живущей твари, мѣшаетъ сторожевому гусю услышать шорохъ приближающагося охотника; всего лучше подъѣзжать на лодкѣ, если это удобно. Въ продолженіе всей осенней охоты за гусями надобно употреблять дробь самую крупную и даже безъимянку: осенній гусь не то, что *подлинь;* онъ дѣлается очень силенъ и крѣпокъ къ ружью. Онъ жестоко дерется крыльями, и мнѣ случалось видѣть, что гусь съ переломленнымъ крыломъ давалъ такой ударъ собакѣ крыломъ здоровымъ, что она долго визжала и потомъ не скоро рѣшалась брать живого гуся. Къ концу сентября, то-есть ко времени своего отлета, гуси дѣлаются очень жирны, особенно старые, но, по замѣчанію и выраженію охотниковъ, тогда только получаютъ отличный

вкусъ, когда *хватятъ ледку*, что, впрочемъ, въ исходѣ сентября у насъ не рѣдкость, ибо отъ утреннихъ морозовъ замерзаютъ лужи и дѣлаются закраины по мелководью около береговъ на прудахъ и заливахъ. Отъ ледку или отъ чего другого, только чѣмъ позднѣе осень, тѣмъ вкуснѣе становится гусь. Эта истина несомнѣнная, а надобно замѣтить, что сытнаго корма въ это время становится уже мало.

Должно сказать правду, что стрѣльба дикихъ гусей болѣе дѣло добычливое, чѣмъ охотничье, и стрѣлокъ благородной болотной дичи не можетъ ее уважать. Къ гусямъ надобно по большей части подкрадываться, иногда даже подползать, или караулить ихъ на перелетѣ,—все это не нравится настоящему охотнику; тутъ не требуется искусства стрѣлять, а надо много терпѣнья и неутомимости. Я самъ занимался этою охотой только смолоду, когда управляли моею стрѣльбой старики-охотники, для которыхъ бекасъ былъ недоступенъ и по малости своей презрителенъ, которые на вѣсъ цѣнили дичь. Настоящіе охотники собственно за гусями не ходятъ, а, разумѣется, бьютъ ихъ и даже съ удовольствіемъ, когда они попадутся нечаянно.

Я сказалъ, что гуси летаютъ въ хлѣба̀ и назадъ возвращаются всегда по одной и той же воздушной дорогѣ, то-есть черезъ одинъ и тотъ же перелѣсокъ, однимъ и тѣмъ же долочкомъ и проч. На этомъ основаніи изобрѣтены *перевѣсы*, посредствомъ которыхъ ловятъ ихъ въ большомъ количествѣ. Это не что иное, какъ огромная квадратная сѣть изъ толстыхъ крѣпкихъ нитокъ, ячеи или петли которой такъ широки, что гуси вязнутъ въ нихъ, а пролѣзть не могутъ. Эта сѣть развѣшивается между двумя длинными шестами на томъ самомъ мѣстѣ, по которому обыкновенно гусиная стая поздно вечеромъ, почти ночью, возвращается съ полей на ночевку. Къ верхнимъ концамъ шестовъ привинчены желѣзныя кольца; сквозь нихъ продѣты веревочки. Посредствомъ этихъ веревочекъ, прикрѣпленныхъ къ двумъ верхнимъ угламъ сѣти, поднимается она во всю вышину шестовъ; концы же веревочекъ проведены въ шалашъ или кустъ, въ которомъ сидитъ охотникъ. Сѣть не натягивается, а виситъ, и нижніе концы ея *на-слаби* привязаны къ шестамъ. Когда попадутъ гуси и натянутъ сѣть, охотникъ бросаетъ веревочки, и вся стая запутавшихся гусей, вмѣстѣ съ сѣтью, падаетъ на землю. Такимъ же способомъ ловятъ и утокъ. Замѣчательно, что гуси, не

запутавшіеся въ перевѣсѣ, а только въ него ударившіеся, падаютъ на землю и до того перепугиваются, что кричатъ, хлопаютъ крыльями, а съ мѣста не летятъ; безъ сомнѣнія, темнота ночи способствуетъ такому испугу. Иногда ставятъ два и три перевѣса рядомъ, неподалеку другъ отъ друга, чтобы случайное уклоненіе отъ обычнаго пути не помѣшало стаѣ гусей ввалиться въ сѣть.

Есть особой породы гусь, называемый *казарка;* онъ гораздо меньше обыкновеннаго дикаго гуся; носикъ у него маленькій, по сторонамъ котораго находятся два копьеобразныя пятнышка, а перья почти черныя. Въ нѣкоторыхъ южныхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи охотники встрѣчаютъ ихъ часто во время пролета и даже бьютъ; мнѣ же не удалось и видѣть. Въ большое недоумѣніе приводило меня всегда ихъ имя, совпадающее съ именемъ *Казаръ*.

3.

Утки.

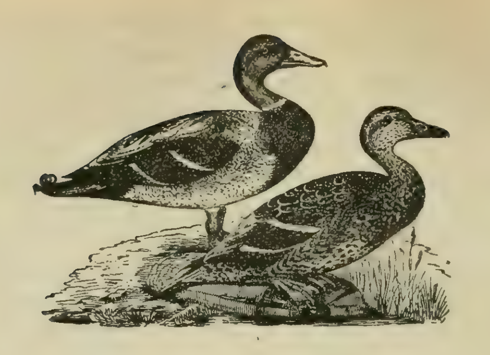
Породы утокъ многочисленны и разнообразны. Я стану говорить только о тѣхъ, которыя мнѣ болѣе или менѣе коротко извѣстны. Оренбургская губернія, по своему географическому положенію и пространству, заключая въ себѣ разные и даже противоположные климаты и природы, гранича къ сѣверу съ Вятскою и Пермскою губерніями, гдѣ по зимамъ мерзнетъ ртуть, и на югъ съ Каспійскимъ моремъ и Астраханскою губерніей, гдѣ, какъ всѣмъ извѣстно, растутъ на открытомъ воздухѣ самые нѣжные сорты винограда,—представляетъ полную возможность разнообразію явленій всѣхъ царствъ природы и между прочемъ разнообразію утиныхъ породъ, особенно во время весенняго пролета. Но я не стану говорить объ уткахъ, собственно пролетныхъ; это завело бы меня слишкомъ далеко, и при всемъ томъ дало бы моимъ читателямъ слабое и невѣрное понятіе о предметѣ. Пролетная утка не то, что пролетные кулики: кулики живутъ у насъ недѣли по двѣ и болѣе весной, и отъ мѣсяца до двухъ осенью, а утки бываютъ только видимы весной, никогда осенью, и ни одного дня на одномъ

мѣстѣ не проводятъ. Охотникамъ достаются онѣ, какъ случайная рѣдкость. Итакъ, говорить о видѣнныхъ мною вскользь диковинныхъ уткахъ и о разсказахъ охотниковъ — я считаю излишнимъ. Я разскажу только объ одной замѣчательной уткѣ, которую я убилъ, еще будучи очень молодымъ охотникомъ, а лѣтъ черезъ десять потомъ убилъ точно такую же мой товарищъ-охотникъ, и я разсмотрѣлъ ее подробно и внимательно. Она была нѣсколько больше самой крупной дворовой утки, перья имѣла свѣтло-коричневаго цвѣта, испещренныя мелкими темными крапинками, глаза и лапки красные, какъ киноварь, а верхнюю половинку носа окаймленную такого же краснаго цвѣта узенькою полоскою; по правильнымъ перьямъ поперекъ крыльевъ лежала голубовато-сизая полоска; пухъ былъ у ней розовый, какъ у дрофы и стрепета, а жиръ и кожа оранжеваго цвѣта; вкусъ ея мяса былъ превосходный, отличавшійся отъ обыкновеннаго утинаго мяса; хвостъ длинный и острый, какъ у селезня шилохвости, но сама она была утка, а не селезень.—Приступая къ описанію утокъ, считаю необходимымъ поговорить о той исключительности, которою утки отличаются отъ другихъ птицъ и которая равно прилагается ко всѣмъ ихъ породамъ.

Весьма понятно, что тамъ, гдѣ совокупленіе происходитъ на токахъ, на общихъ сборищахъ,—ни самцы, ни самки не могутъ питать личной взаимной любви: они не знаютъ другъ друга; сегодня самецъ совокупляется съ одною самкою, а завтра съ другою, какъ случится и какъ придется; точно также и самка. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что они никогда не разбиваются на пары, что только одна мать, безъ всякой помощи самца, должна заботиться объ устройствѣ гнѣзда, высиживаньи яицъ и сбереженьи дѣтей, ибо гдѣ нѣтъ супружества, тамъ нѣтъ и отца. Въ противоположность тому, во всѣхъ породахъ птицъ, раздѣляющихся на пары и самецъ, и самка, какъ мужъ и жена, вмѣстѣ заботятся о выводѣ и сохраненіи дѣтей и равную оказываютъ имъ горячность. Этотъ законъ, очевидно, положительно и неуклонно исполняется всѣми птицами. Однѣ только породы утокъ представляютъ рѣзкое противорѣчіе. Всѣ утки раздѣляются на пары ранѣе другой дичи; селезень показываетъ постоянно ревнивую и страстную, доходящую до полнаго самоотверженія, любовь къ уткѣ и въ то же время—непримиримую враждебность и злобу къ ея гнѣзду, яйцамъ и дѣтямъ. Утка принуждена выполнять всѣ обязан-

ности матери тайно отъ селезня. Если онъ найдетъ гнѣздо ея въ яйцахъ или только-что вылупившимися утятами, то гнѣздо разроетъ и растаскаетъ, яйца выпьетъ (какъ говорятъ), или, по крайней мѣрѣ, перебьетъ, а маленькихъ утятъ всѣхъ передушитъ. Я самъ не видалъ, какъ селезень совершаетъ такія неистовства, но другіе охотники видали. Укрывательство же утки отъ селезня, его преслѣдованье, отыскиванье, гнѣвъ, наказанье за побѣгъ и за то, если утка не хочетъ летѣть съ нимъ въ другія мѣста, или отказываетъ ему въ совокупленіи,—раззоренныя и растасканныя гнѣзда, разбитыя яйца, мертвыхъ утятъ около нихъ, все это я видѣлъ собственными моими глазами не одинъ разъ. Кажется, этого достаточно, чтобъ остальное слышанное мною, хотя не видѣнное, принять за несомнѣнную истину. Противоестественные, повидимому, поступки селезней должно объяснять, по моему мнѣнію, до невѣроятности горячею ихъ чувственностью; отсюда происходитъ и ненависть ко всему тому, что отвлекаетъ отъ нихъ утокъ. Во всѣхъ породахъ дичи, всѣ самцы, живущіе съ самками попарно, оказываютъ къ нимъ привязанность, а въ породахъ голубей—даже нѣжность и ласку; но такого бѣшенаго сладострастія, какимъ отличаются селезни, совершенно нѣтъ; за то и самецъ, и самка равно привязаны къ дѣтямъ. Нѣкоторые охотники подозрѣваютъ косачей, которые тоже на токахъ доходятъ до изступленія, въ раззореніи гнѣздъ тетеревиныхъ курочекъ; но я рѣшительно ничего похожаго не замѣчалъ. Самцы-дупельшнепы также очень горячатся на токахъ, но отчего же ихъ никто не подозрѣваетъ въ подобныхъ продѣлкахъ? По моему мнѣнію, это подозрѣніе уже потому несправедливо, что тетерева не разбиваются на пары, слѣдовательно у самцовъ нѣтъ побудительной причины раззорять гнѣзда; самки, не будучи ихъ дружками-женами, къ нимъ отъ того не воротятся. Селезень, напротивъ, раззоривъ гнѣздо своей утки, получаетъ ее опять въ полное владѣніе, и она не разстается съ нимъ ни на одну минуту до тѣхъ поръ, покуда вновь не затѣетъ гнѣзда, вновь не скроется отъ селезня и не сядетъ на яйца. Можно даже предположить, что иной уткѣ совсѣмъ не удастся вывесть дѣтей въ продолженіе цѣлаго лѣта: потому-то каждому охотнику и случается встрѣчать въ іюнѣ, даже въ началѣ іюля, до самой линевки, утокъ парами.

— — —



А) Кряковная утка. [1])

Мы выговариваемъ обыкновенно не *кря*, а *криковный селезень*, *криковная утка*, что впрочемъ весьма идетъ къ ней, ибо она кричитъ громче всѣхъ утиныхъ породъ. Ее зовутъ также *кряквой* и *крякушей*... Очевидно, всѣ три названія происходятъ отъ слова *крякать*, вполнѣ выражающаго голосъ или крикъ утки. По-малороссійски утка называется *качка*. Имя тоже очень выразительное: идетъ ли утка по землѣ—безпрестранно покачивается то на ту, то на другую сторону; плыветъ ли по водѣ во время вѣтра—она качается, какъ лодочка по волнамъ. По совершенному сходству въ статяхъ и отчасти даже въ перьяхъ, должно полагать, что дворовыя или домашнія утки произошли отъ породы кряковныхъ; вездѣ можно найти посреди пѣгихъ, разнопестрыхъ, бѣлыхъ стай русскихъ утокъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно схожихъ перомъ съ дикими кряковными утками и даже селезнями, а различающихся только какими-нибудь небольшими отступленіями найдется великое множество; съ другими же дикими породами утокъ дворовыя или русскія, въ величинѣ и перьяхъ, сходства имѣютъ гораздо менѣе. Это обстоятельство довольно странно. Повидимому, нѣтъ никакихъ причинъ, почему бы и другимъ утинымъ породамъ не сдѣлаться домашними, ручными.—Кряква крупнѣе всѣхъ дикихъ утокъ. Селезень красивъ необыкновенно: голова и половина шеи у него точно изъ зеленаго бархата съ золотымъ отливомъ; потомъ идетъ кругомъ

---

[1]) *Матерая утка;* въ Малороссіи *крыжень*, *качка* (вообще утка). Anas boschas, L. *К. Р.*

шеи бѣлая узенькая лента; начиная отъ нея, грудь или зобъ темно-багряный; брюхо сѣро-бѣловатое, съ какими-то узорными и очень красивыми оттѣнками; въ хвостѣ нижнія перышки бѣлыя, короткія и твердыя: косички зеленоватыя и завиваются колечками; лапки блѣдно-красноватыя; носъ желто-зеленаго цвѣта. На темныхъ крыльяхъ лежитъ синевато-вишневая золотистая полоса, спина темноватаго цвѣта, немного искрасна; надъ самымъ хвостомъ точно какъ пучокъ мягкихъ темно-зеленыхъ небольшихъ перьевъ. Утка вся пестренькая: по свѣтло-коричневому полю испещрена темными продольными крапинками; на правильныхъ перьяхъ блеститъ зеленая, золотистая полоса; косицъ въ хвостѣ нѣтъ; лапкія такія же красноватыя, какъ у селезня, а носъ обыкновеннаго розоваго цвѣта. Весною стаи кряковныхъ утокъ прилетаютъ еще въ исходѣ марта, ранѣе другихъ утиныхъ породъ, кромѣ нырковъ; сначала летятъ огромными стаями, полетомъ ровнымъ и сильнымъ, высоко надъ землею, покрытою еще тяжелою громадой снѣговъ, едва начинающихъ таять. Потомъ, когда дружная весна, быстро, въ одну недѣлю иногда, перемѣнитъ печальную картину зимы на веселый видъ весны, когда вездѣ побѣгутъ ручьи, образуются лужи и цѣлыя озера воды, разольются рѣки,—стаи кряковыхъ утокъ летятъ ниже и опускаются на мѣста, которыя имъ понравятся. Въ это время стрѣлять ихъ очень трудно, потому что онѣ дики и сторожки и не допускаютъ близко ни коннаго, ни пѣшаго. Скорѣе убьешь крякву какъ-нибудь въ летъ, особенно поздно вечеромъ, когда стаи летятъ гораздо ниже или перелетаютъ съ одной лужи на другую. Эта стрѣльба называется *стойкою на мѣстахъ*. Мѣста подразумѣваются такія, черезъ которыя всегда бываетъ перелетъ птицы; но это длится не долго: скоро утки разобьются на маленькія стайки, попривыкнутъ, приглядятся и присмирѣютъ. Тогда можно къ нимъ подъѣзжать съ осторожностью на простой телѣгѣ или охотничьихъ дрожкахъ, которыя не что иное, какъ укороченные и прочнѣе сдѣланные крестьянскіе *роспуски*. или чувашскій тарантасъ безъ верха. Для стрѣльбы надобно употреблять крупную утиную дробь, 2 и 3 нумеровъ, а если птица дика, то и гусиную можно пустить въ дѣло. Съ подхода въ это время стрѣльбы нѣтъ, потому что утки сидятъ на открытыхъ мѣстахъ цѣлыми стаями.

Но весна становится часъ отъ часу теплѣе, и полая вода сливаетъ. Небольшія стаи кряковныхъ утокъ окончательно раз-

биваются на пары, *понимаются* [1]), и дѣлаются смирнѣе, особенно потому, что подростетъ трава, и уткамъ можно прятаться въ ней. Селезень, сладострастнѣйшій изъ самцовъ, не отходитъ отъ утки ни на шагъ, не разлучается съ ней ни на минуту, ни за что прежде ея первый не слетитъ съ мѣста. Иногда утка полощется въ какой-нибудь лужѣ или щелочетъ носомъ въ жирной грязи, а селезень, какъ часовой, стоитъ на берегу или на кочкѣ; охотникъ подъѣзжаетъ къ нему въ мѣру, но утка не видитъ или не замѣчаетъ ничего; селезень пошевеливается, повертывается, покрякиваетъ, какъ будто подаетъ ей голосъ, ибо видитъ опасность, но утка не обращаетъ вниманія; одинъ онъ не летитъ прочь, и мѣткій выстрѣлъ убиваетъ его на-повалъ. Утка улетаетъ, не показывая никакого участія къ убитому селезню. Совсѣмъ другое бываетъ, когда охотникъ какъ-нибудь убьетъ утку (хотя онъ всегда выбираетъ селезня): селезень не только будетъ летать кругомъ охотника, не налетая впрочемъ слишкомъ близко, но даже нѣсколько дней сряду станетъ колотиться около того мѣста, гдѣ потерялъ дружку. Въ это время уже не трудно подъѣзжать къ разсѣяннымъ парамъ кряковныхъ утокъ и часто еще удобнѣе подходить или подкрадываться изъ-за чего-нибудь: куста, берега, пригорка, ибо утка, замышляющая гнѣздо или начавшая нестись, никогда не садится съ селезнемъ на открытыхъ мѣстахъ, а всегда въ какомъ-нибудь овражкѣ, около кустовъ, болота, камыша или некошенной травы: ей надобно обмануть селезня, не смотря на его бдительность; надобно спрятаться, проползти иногда съ полверсты; потомъ вылетѣть и на свободѣ начать свое великое дѣло—цѣль, къ которой стремится все живущее. Для достиженія этой цѣли утка употребляетъ разныя хитрости. Почувствовавъ во внутренности своей полноту и тяжесть отъ множества въ разное время оплодотворенныхъ сѣмянъ, сдѣлавшихся крошечными желтками, изъ коихъ нѣкоторые значительно увеличились, а крупнѣйшіе даже облеклись влагою бѣлка и обтянулись мягкою, но крѣпкою кожицей,—утка приготовляетъ себѣ гнѣздо въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ и потомъ, послышавъ, что одно изъ яицъ уже отвердѣло и приближается къ выходу, утка всегда близъ удобнаго къ побѣгу мѣста, всего чаще на лужѣ или озерѣ, присядетъ на бережокъ, заложитъ голову подъ крыло и притворится

---

[1]) То-есть *совокупляются.*

спящею. Селезень присядетъ возлѣ нея и заснетъ въ самомъ дѣлѣ, а утка, наблюдающая его изъ-подъ крыла недремлющимъ глазомъ, сейчасъ спрячется въ траву, осоку или камышъ; отползетъ, смотря по мѣстности, нѣсколько десятковъ саженей, иногда гораздо болѣе, поднимется невысоко и, облетѣвъ стороной, опустится на землю и подползетъ къ своему уже готовому гнѣзду, свитому изъ сухой травы въ какомъ-нибудь крѣпкомъ, но не мокромъ, болотистомъ мѣстѣ, поросшемъ кустами: утка устелетъ дно гнѣзда собственными перышками и пухомъ, снесетъ первое яйцо, бережно его прикроетъ тою же травой и перьями, отползетъ на нѣкоторое разстояніе въ другомъ направленіи, поднимется и, сдѣлавъ кругъ, залетитъ съ противоположной стороны къ тому мѣсту, гдѣ скрылась; опять садится на землю и подкрадывается къ ожидающему ее селезню. Рѣдко случается застать его спящимъ; по большей части селезень просыпается во время отсутствія утки, которое иногда продолжается болѣе часа. Проснувшись, онъ начинаетъ безпокойно звать свою дружку, торопливо озираясь и порывисто плавая по озерку или лужѣ, потомъ бросится искать ее кругомъ около берега, но далеко не отходитъ, а безпрестанно ворочается посмотрѣть: не воротилась ли утка, не плыветъ ли къ нему по водѣ... что иногда случается. Утомясь своими тщетными поисками, селезень перестаетъ искать утку и начинаетъ плавать взадъ и впередъ, безпрестанно оглядываясь и покрякивая: плаваетъ до тѣхъ поръ, пока въ самомъ дѣлѣ, внезапно, Богъ знаетъ какъ, откуда, воротится его дружка. Съ яростью бросается онъ навстрѣчу бѣглянкѣ, вцѣпляется носомъ въ шею, вскакиваетъ ей на спину и въ ту же минуту, тутъ же на водѣ, совокупляется съ нею... Едва успѣетъ утка, измятая любовными ласками, оправиться, отряхнуться, выйти на берегъ, какъ новый припадокъ сладострастія нападаетъ на селезня, онъ вновь совокупляется съ своей супругой, и это повторяется нѣсколько разъ въ продолженіе одного часа. Если селезень, находясь при уткѣ, увидитъ другого селезня, летящаго къ нимъ, то сейчасъ бросается навстрѣчу и непремѣнно его прогонитъ, какъ имѣющій болѣе правъ и причинъ храбро сражаться. Если къ летящей парѣ пристанетъ холостой селезень, не нашедшій себѣ еще дружки, то непремѣнно послѣдуетъ драка съ законнымъ супругомъ *на воздухѣ*, сопровождаемая особеннымъ короткимъ живымъ крикомъ, хорошо знакомымъ охотнику. Видъ бываетъ живописный: оба селезня перпенди-

кулярно повиснутъ въ воздухѣ, схвативъ другъ друга за шеи, проворно и сильно махая крыльями, чтобы не опуститься на землю, и, не смотря на всѣ усилія, безпрестанно опускаясь къ низу. Побѣда также, сколько я замѣчалъ, оставалась всегда на сторонѣ праваго. Иногда утка, чтобы усыпить селезня, употребляетъ особеннаго рода ласку: она тихо и долго щекочетъ носомъ его шею и спину. Вотъ почему народъ, по примѣненію къ себѣ, думаетъ, а за нимъ повторяютъ охотники, что *селезень любитъ искаться въ головѣ*. Иногда утка находитъ средство уйти и отъ неспящаго селезня: стоитъ ему только повнимательнѣе заняться своимъ аппетитомъ или позазѣваться на что-нибудь, — съ неимовѣрнымъ проворствомъ утка пропадаетъ изъ глазъ. Но не всегда бываютъ удачны ея побѣги. Случается, что селезень примѣтитъ и отгадаетъ ея намѣреніе, кинется за ней въ погоню, въ ту самую минуту, когда она юркнетъ въ траву или камышъ, настигнетъ, ухватитъ носомъ за шею, вытащитъ ее на воду и долго таскаетъ и щиплетъ такъ, что перья летятъ. Вслѣдъ за побоями и наказаніемъ немедленно слѣдуютъ горячія супружескія ласки. Между тѣмъ природа достигаетъ своей цѣли: утка наноситъ полное гнѣздо яицъ, окончательно скрывается отъ селезня и садится высиживать ихъ. Яицъ бываетъ до двѣнадцати; они совершенно похожи на яйца русскихъ утокъ, кромѣ какого-то неопредѣленнаго блѣднаго, самаго тонкаго желтовато-зеленоватаго цвѣта. Утка сидитъ на гнѣздѣ, почти съ него не слѣзая; одинъ разъ только въ сутки сойдетъ она, чтобы похватать по близости какой-нибудь пищи, и въ продолженіе трехъ-недѣльнаго сидѣнья чрезвычайно исхудаетъ. Наконецъ вылупляются утята, покрытые сизо-желтоватымъ пухомъ. Если яицъ много, то почти всегда бываетъ одинъ или два *болтуна*: такъ называется яйцо, въ которомъ не образовался утенокъ и въ которомъ, оттого, что оно до половины пусто, *болтается*. когда его потрясешь. Болтуны, вѣроятно, случаются отъ того, что во множествѣ яицъ не всѣ могутъ быть одинаково прогрѣты теплотою тѣла утиной насѣдки: если яицъ не болѣе 8-ми или 9-ти, то болтуновъ не бываетъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ вылупленія, утятъ уже нѣтъ въ гнѣздѣ: мать увела ихъ на тихую воду пруда, озера или залива съ камышами. Она бережно перенесла утятъ во рту черезъ такія мѣста, гдѣ пройти имъ трудно: это видали многіе охотники, и я самъ. Между тѣмъ, селезни, покинутые своими утками, долго держатся около тѣхъ лужъ и озерковъ, гдѣ

потеряли своихъ дружекъ. Многихъ изъ нихъ перебьютъ охотники, что даже полезно для свободнаго вывода утятъ. Стоитъ только увидѣть селезня, или заслышать его призывное, впрочемъ весьма тихое, покрякиванье,—добыча вѣрная: онъ непремѣнно подпуститъ стрѣлка въ мѣру или какъ-нибудь налетитъ на него, кружась около одного и того же мѣста.—Наконецъ для селезней наступаетъ время линьки, и они также скрываются въ крѣпкія мѣста, въ тѣ же камышистые пруды и озера, что продолжается съ половины іюня почти до исхода іюля. Въ это время, только холостыя утки, еще не начинавшія линять, изрѣдка попадаются охотникамъ, и стрѣльба утиная почти прекращается, если не считать матокъ, убиваемыхъ отъ яицъ и дѣтей. Но за то въ это же время ловятъ множество утятъ и утиную подлинь пріученными къ тому собаками; даже загоняютъ ихъ въ обыкновенныя рыболовыя сѣти.

Утка—самая горячая мать. Когда собака или человѣкъ спугнетъ ее съ гнѣзда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какою-то хворою или неумѣющею летать: трясется на одномъ мѣстѣ, безпрестанно падаетъ; такъ что, кажется, стоитъ только погнаться, чтобъ ее поймать. Рѣдкая собака не поддастся обману и не погонится за ней; обыкновенно утка уводитъ собаку за версту и болѣе; но охотнику хорошо извѣстно, что̀ значатъ такія продѣлки и, несмотря на то, онъ часто, по непростительной жадности, позабывъ о томъ, что утка летитъ такъ плохо отъ яицъ, то-есть отъ гнѣзда, что съ нею гибнетъ цѣлая выводка, сейчасъ ее убиваетъ, если не помѣшаетъ близкое преслѣдованіе собаки, у которой иногда она *виситъ надъ рыломъ*. какъ говорится. Впрочемъ утка, отведя собаку въ сторону, скоро воротится назадъ, налетитъ на охотника и все же будетъ убита. Еще большую горячность показываетъ утка къ своимъ утятамъ: если какъ-нибудь застанетъ ее человѣкъ плавающую съ своею выводкой на открытой водѣ, то утята съ жалобнымъ пискомъ, какъ будто приподнявшись надъ водою,—точно бѣгутъ по ней,—бросаются стремглавъ къ ближайшему камышу и проворно прячутся въ немъ, даже ныряютъ, если пространство велико; а матка, шлепая по водѣ крыльями и оглашая воздухъ особеннымъ тревожнымъ крикомъ, начнетъ кружиться передъ человѣкомъ, привлекая все его вниманіе на себя и отводя въ противоположную сторону отъ дѣтей. Если утка скрывается съ утятами въ отдѣльномъ камышѣ или береговой травѣ, и охот-

никъ съ собакой подойдетъ къ ней такъ близко, что уткѣ некуда и некогда скрыться, утка выскакиваетъ или вылетаетъ, смотря по разстоянію, также на открытую воду и производитъ тотъ же маневръ; ружейный выстрѣлъ прекращаетъ тревогу и убиваетъ матку наповалъ. Это дѣлаетъ каждый охотникъ безъ всякаго сожалѣнія, потому что бойкіе утята, какъ бы ни были малы, выкормятся и выростутъ кое-какъ безъ матери; иногда сироты пристаютъ къ другой выводкѣ, и мнѣ случалось видать матку, за которою плавали 20 утятъ, и притомъ разныхъ возрастовъ. Утка иногда кладетъ яйца и выводитъ дѣтей, что, впрочемъ, большая рѣдкость, въ дуплѣ дерева и въ старомъ вороньемъ или сорочьемъ гнѣздѣ. Трудно отгадать, какая крайность можетъ принудить ее къ такому необыкновенному поступку, въ противность естественному порядку, соблюдаемому всѣми утиными породами. Одного такого случая я былъ самовидцемъ, а о другомъ разсказывалъ достовѣрный охотникъ. Я помню также, что одинъ разъ кряковная или сѣрая утка нанесла яицъ на гумнѣ, въ хлѣбной клади.

Вообще, утка—самая прожорливая птица. Она ѣстъ съ утра до поздней ночи, ѣстъ все, что ни попало: щиплетъ растущую по берегамъ молодую гусиную травку, жретъ немилосердно водяной мохъ или шелкъ, зелень, цвѣтъ и всѣ водяныя растенія, жадно глотаетъ мелкую рыбешку, рачатъ, лягушатъ и всякихъ водяныхъ, воздушныхъ и земляныхъ насѣкомыхъ; за недостаткомъ же всего этого набиваетъ полонъ зобъ тиной и жидкою грязью и производитъ эту операцію нѣсколько разъ въ день. Дворовыя же утки охотно ѣдятъ и всякую мясную пищу. Такому постоянному аппетиту отвѣчаетъ и пищевареніе: съ неимовѣрною скоростью изныеваетъ и разлагается въ ея зобѣ всякая пища. Очевидно, что пищеварительный сокъ у нея долженъ быть очень остръ и горячъ. Утка безпрестанно испражняется, и пометъ ея еще горячѣе гусинаго.

Но вотъ уже августъ. Всѣ старыя, кряковныя утки и даже матки, линяющія позднѣе, успѣли перелинять: только селезни перебрались не совсѣмъ и совершенно выцвѣтутъ не ближе сентября, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ бойко и далеко летать; всѣ утиные выводки поднялись; молодые нѣсколько меньше старыхъ, свѣтлѣе перомъ и всѣ—сѣрыя, всѣ—утки; только при ближайшемъ разсмотрѣніи вы отличите селезней; подъ сѣрыми перьями на шеѣ и головѣ уже идутъ глянцоватыя зеленыя, мягкія какъ бархатъ, а на зобу—темно-багряныя перышки;

не выбились наружу, но уже торчатъ еще не согнутыя, а прямыя, острыя какъ шилья, темныя косицы въ хвостѣ. Въ половинѣ сентября и молодые селезни, вмѣстѣ съ старыми, явятся въ настоящемъ видѣ, въ полной красѣ и блескѣ своихъ разноцвѣтныхъ перьевъ. Въ продолженіе августа идетъ самая изобильная, добычная стрѣльба утокъ; молодыя еще смирны, *глупы*, какъ выражаются охотники, и близко подпускаютъ съ подъѣзда. Ловко также стрѣлять ихъ въ летъ, поднимающихся съ небольшихъ рѣчекъ, по берегамъ которыхъ ходятъ охотники, осторожно высматривая впереди, по изгибистымъ колѣнамъ рѣки, не плывутъ ли гдѣ-нибудь утки, потому что въ такомъ случаѣ надобно спрятаться отъ нихъ за кусты или отдалиться отъ берега, чтобъ онѣ, увидавъ человѣка, не поднялись слишкомъ далеко; надобно забѣжать впередъ и подождать, пока онѣ выплывутъ прямо на охотника: шумно, столбомъ поднимаются утки, если берега рѣчки круты, и онѣ испуганы нечаяннымъ появленіемъ стрѣлка; легко и весело спускать ихъ сверху внизъ въ разныхъ живописныхъ положеніяхъ. Добрая собака, особенно водолазъ или пудель, тутъ очень нужна: она не допуститъ пропасть ни одной уткѣ, даже легко пораненой въ крыло, или упавшей на отлетъ далеко на другой сторонѣ рѣки, иногда посреди густой и болотистой уремы. Въ сентябрѣ эти охоты еще пріятнѣе, потому что утки разжирѣютъ и селезни выцвѣтутъ; казалось бы все равно, а спросите любого охотника, и онъ скажетъ вамъ, что убить птицу во всей красотѣ ея перьевъ, *въ норъ*, и сытую—гораздо веселѣе.

Хотя утка слишкомъ обыкновенная, а потому и не очень завидная дичь, но осеннюю стрѣльбу ея я вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ. Притомъ это первая птица, съ которою знакомишься, начиная стрѣлять, отъ которой нѣкогда сильно билось молодое сердце страстнаго охотника; а впечатлѣнія дѣтства остаются навсегда. Породы утокъ такъ разнообразны величиной и перьями, селезни нѣкоторыхъ породъ такъ красивы и осенью всѣ они такъ бываютъ жирны, что я и не въ молодыхъ лѣтахъ очень любилъ ходить за ними по рѣкѣ рано утромъ, когда морозъ сгонялъ утиныя стаи съ грязныхъ береговъ пруда, даже съ мелкихъ разливовъ, и заставлялъ ихъ разбиваться врозь и разсаживаться по извилинамъ рѣки Бугуруслана. Богатую добычу нерѣдко привозилъ я домой: десятка по полтора и болѣе такихъ утокъ, что и трехъ въ ягташъ не упрячешь. Подстрѣленная утка воровата, говорятъ

охотники, и это правда: она умѣетъ мастерски прятаться даже на чистой и открытой водѣ: если только достанетъ силъ, то она сейчасъ нырнетъ и, проплывъ подъ водою саженей пятнадцать, иногда и двадцать, вынырнетъ, или, лучше сказать, выставитъ только одинъ носъ и часть головы наружу и прильнетъ плотно къ берегу, такъ что нѣтъ возможности разглядѣть ее. Если же берега травянисты, то безъ хорошей собаки ни за что не найдешь подстрѣленной утки: она вылѣзетъ на берегъ и пропадетъ. Посреди чистой воды, когда берега голы и круты, она выставитъ одинъ носъ для свободнаго дыханья и, погруженная всѣмъ остальнымъ тѣломъ въ воду, уплыветъ по теченію рѣки, такъ что и не замѣтишь. Но отъ доброй собаки трудно ей отдѣлаться: она не дастъ ей уползти на берегъ, а внимательный и опытный охотникъ, зная по направленію утиной головы, гдѣ должна вынырнуть утка, подстережетъ появленіе ея носа и мѣткимъ выстрѣломъ, послѣ мгновеннаго прицѣла, раздробитъ полусокрытую въ водѣ ея голову.

Хотя утки всегда ѣдятъ очень много, о чемъ я уже говорилъ, но никогда онѣ такъ не обжираются, какъ въ продолженіе августа, потому что и молодыя, и старыя, только что перелинявшія, тощи и жадны къ ѣдѣ, какъ выздоравливающія послѣ болѣзни. Въ августѣ, къ обыкновенному ихъ корму прибавляется самая питательная и лакомая пища — хлѣбъ. Если хлѣбное поле близко отъ пруда или озера, гдѣ подростали молодыя и ростили новыя перья старыя утки, то онѣ начнутъ посѣщать хлѣба̀, сначала по землѣ, и проложатъ къ нимъ широкія тропы, а потомъ станутъ летать стаями. Бѣда хозяевамъ близкихъ загоновъ гречи, проса, гороха и овсовъ! Утки, такъ же, какъ и гуси, болѣе любятъ хлѣбныя зёрна безъ оси; но, за неимѣніемъ ихъ, кушаютъ и съ осью, даже растеребливаютъ ржаные снопы; по уборкѣ же ихъ въ гумна, утиныя стаи летаютъ по прежнему въ хлѣбныя поля, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ, подбирая насоренныя на землѣ зёрна и колосья, и продолжаютъ свои посѣщенія до отлета, который иногда бываетъ въ ноябрѣ. Въ это время, кромѣ всѣхъ другихъ способовъ, можно ихъ стрѣлять на перелетѣ, отправляющихся въ поля и возвращающихся съ полей.

Въ октябрѣ утки сваливаются въ большія стаи, и въ это время добывать ихъ уже становится трудно. День онѣ проводятъ на большихъ прудахъ и озерахъ. Нерѣдко вода бываетъ покрыта ими въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Мнѣ

пришли на память стихи изъ посланія одного молодого охотника, которые довольно вѣрно изображаютъ эту картину:

Пруды, озера утокъ полны:
Одѣвъ живой ихъ пеленой,
Онѣ вздымаются какъ волны,
Подъ ними скрытою волной.

Къ такой огромной стаѣ, сидящей всегда на открытой поверхности воды, или на голыхъ и пологихъ берегахъ, ни подъѣхать, ни подойти, ни подкрасться невозможно. На небольшую рѣчку утки, по многочисленности своей, уже не садятся, какъ бывало прежде, и я употреблялъ съ пользою, даже въ продолженіи всего октября, слѣдующее средство: я сбивалъ съ широкихъ прудовъ утиныя стаи ружейными выстрѣлами и не давалъ имъ садится, когда онѣ, сдѣлавъ нѣсколько круговъ, опускались опять на средину пруда. Утки улетали вверхъ или въ низъ по рѣкѣ; но, по привычкѣ къ своему обыкновенному мѣстопребыванію и не желая отъ него отдалиться, принуждены были разбиваться на мелкія стаи и разсаживаться кое-какъ на рѣкѣ. Я оставлялъ охотника на пруду, который отъ времени до времени стрѣлялъ по возвращающимся станицамъ утокъ. Разумѣется, выстрѣлы были безвредны, но они заставляли утиныя стайки садиться по рѣчнымъ изгибамъ. Самъ же я отправлялся пѣшкомъ по берегу рѣки, шелъ безъ всякаго шума, выказываясь только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по положенію рѣчныхъ извилинъ, должны были сидѣть утки. Нерѣдко удавалось мнѣ добывать до десятка крупныхъ и жирныхъ крякушекъ, по большей части селезней, потому что, имѣя возможность выбирать, всегда ударишь по селезню; только совѣтую въ подобныхъ случаяхъ не горячиться, то-есть не стрѣлять въ тѣхъ утокъ, которыя поднялись далеко. Разбившіяся утиныя стаи расплывутся по всей рѣкѣ, и потому поднявшіяся утки не улетятъ очень далеко, а только пересядутъ къ переднимъ, которыя находятся отъ охотника подальше. Дробь надобно употреблять, сообразно дальности или близости подъема утокъ, отъ 3-го до 5-го нумера включительно; чѣмъ дальше, тѣмъ дробь нужна крупнѣе. Я всегда употреблялъ мелкую, утиную № 4. Впрочемъ, успѣхъ такой стрѣльбы зависитъ отъ мѣстности. Во-первыхъ, надобно, чтобы по близости не было большихъ прудовъ и озеръ, и чтобъ утинымъ стаямъ некуда было перемѣщаться, не разбиваясь; во-вторыхъ, чтобы рѣка текла не въ

пологихъ берегахъ и чтобы по ней росли кусты, безъ чего охотникъ будетъ видѣнъ издалека, и утки никогда не подпустятъ его въ мѣру.

Кряковныхъ утокъ стрѣляютъ также на *подманку*, особенно селезней, когда утки начнутъ прятаться отъ нихъ: тутъ они горячо летятъ на поддѣльный крикъ утки. Стрѣляютъ ихъ также и съ прилета весной на дикую или русскую *ученую* утку, похожую перомъ на дикихъ. Для этого надѣваютъ на утку хомутикъ и привязываютъ ее на снуркѣ къ колышку, съ кружкомъ для отдыха, посреди какой-нибудь лужи, и не въ дальнемъ разстояніи ставятъ шалашъ, въ которомъ сидитъ охотникъ. Утка, отъ скуки и по природѣ своей, кричитъ во все горло, безъ умолку; а дикіе селезни и даже утки садятся около нея на воду, подъ самое ружейное дуло охотника. Я такой стрѣльбы терпѣть не могу. При сей вѣрной оказіи ловятъ селезней и сильями, или, лучше сказать, веревочкой съ сильями, которую разставляютъ на колышкахъ около приманной утки. Ловятъ, или по крайней мѣрѣ ловили прежде, утокъ, въ Оренбургской губерніи, перевѣсами, точно такъ, какъ и гусей, потому что у нихъ также всегда бываетъ одна и та же воздушная дорога въ поля. Травятъ утокъ ястребами и соколами; первая охота пустая и даже мало добычливая; но охота съ соколами, которая, кажется, совершенно перевелась въ Россіи,—великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ охотъ. Башкирцы въ Оренбургской губерніи и теперь еще держатъ соколовъ, но дурно выношенныхъ, не пріученныхъ *брать верхъ* такъ высоко, чтобы глазъ человѣческій едва могъ ихъ видѣть, и падать оттуда съ быстротою молніи на добычу. Башкирскіе соколы поважены почти въ угонъ ловить утокъ.

Мясо кряковныхъ утокъ довольно сухо и черство, когда онѣ тощи, что̀ бываетъ въ іюнѣ и въ іюлѣ, но всегда питательно. Мясо молодыхъ утятъ очень мягко, и многіе находятъ его очень вкуснымъ, особенно зажаренное въ сметанѣ на сковородѣ; но мнѣ оно не нравится. Вотъ осеннія жирныя кряквы, преимущественно прошлогодней выводки, имѣютъ отличный вкусъ: онѣ мягки, сочны, отзываются дичиной, и никогда откормленная дворовая утка не сравнится съ дикою. Должно признаться, что всѣ утиныя породы, безъ исключенія, по временамъ пахнутъ рыбой: это происходитъ отъ изобилія мелкой рыбешки въ тѣхъ водахъ, на которыхъ живутъ утки; рыбешкой этою онѣ принуждены питаться иногда по недо-

статку другого корма; но мясо кряквы почти никогда не отзывается рыбой.

Я довольно подробно говорилъ о кряковныхъ уткахъ. Теперь, описывая другія утиныя породы, я стану говорить только объ ихъ исключительныхъ особенностяхъ. Нравы всѣхъ утокъ-нерыбалокъ, ихъ образъ жизни и пища такъ сходны между собой почти во всемъ, что мнѣ пришлось бы повторять одно и то же.

Б) Шилохвость [1]).

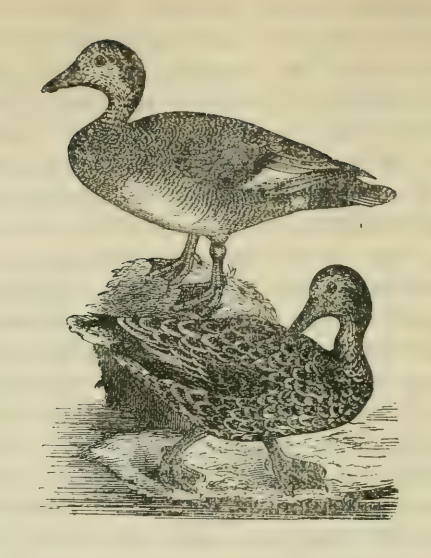
Эта утка поменьше кряковной и складъ имѣетъ совсѣмъ особенный; тѣломъ она нѣсколько тонѣе и продолговатѣе, шея у ней гораздо длиннѣе и тоньше, а также и хвостъ, особенно у селезня. Утка вся свѣтлосѣрая, покрыта мелкими крапинками; на крыльяхъ, по правильнымъ перьямъ, лежатъ сизо-зеленоватыя глянцовитыя полоски, и больше ничего, а брюшко бѣловатое. Селезень довольно красивъ: носъ неболь-

[1]) *Острохвость;* въ Сибири—*касачка.* Anas acuta, L. *К. Р.*

шой, почти чернаго цвѣта; вся голова, даже на палецъ пониже затылочной кости, кофейнаго цвѣта; отъ головы внизъ по верхней сторонѣ шеи идетъ ремень, сначала темный, а потомъ узорчатый, изсѣра-сизый, который противъ крылецъ соединяется съ такимъ же цвѣтомъ спины. Всѣ остальныя части шеи, зобъ и хлупь—чисто бѣлые; изъ-подъ шеи, по обѣимъ щекамъ, по кофейному полю, идутъ извилистыя полоски почти до ушей; спина свѣтло-сизая или сѣрая, узорчатая; на крыльяхъ лежатъ зеленовато-кофейныя, золотистыя полосы, сверху обведенныя ярко-коричневою, а снизу бѣлою каемочкой; по спинѣ къ хвосту лежатъ длинныя темныя перья, окаймленныя по краямъ бѣловатою бахромкой; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ продольныя бѣловатыя полоски. Вообще оттѣнки темнаго и бѣлаго цвѣта очень красивы; верхняя сторона крыльевъ темновато-пепельная, а нижняя свѣтло-пепельная; такого же цвѣта верхнія хвостовыя перья; два изъ нихъ потемнѣе и почти въ четверть длинною: они складываются одно на другое, очень жестки, торчатъ какъ спица или шило, отъ чего, безъ сомнѣнія, эта утка и получила свое имя. Подхвостье почти черное, ноги темнаго цвѣта, но свѣтлѣе носа. Весною шилохвости прилетаютъ позднѣе кряковныхъ и сначала летятъ большими стаями. Полетъ ихъ рѣзвѣе полета крякушъ; онѣ чаще машутъ крыльями и производятъ свистъ въ воздухѣ, что происходитъ отъ особеннаго устройства ихъ крыльевъ, которыя не такъ широки, но длинны. Когда утки разобьются на пары, то шилохвости встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ другія утиныя породы; гнѣзда ихъ и выводки молодыхъ также попадаются рѣдко, отъ чего охотникъ и дорожитъ ими болѣе, чѣмъ кряковными утками. Осенью я не видывалъ близко большихъ стай шилохвостей, но иногда узнавалъ ихъ по особенному глухому ихъ голосу, похожему на тихое гусиное гоготанье, по полету и по свисту крыльевъ; стаи всегда летѣли очень высоко. Еще рѣже нахаживалъ я ихъ въ разсыпную по рѣчкамъ. Приблизительно можно сказать, что шилохвостей убьешь вдесятеро менѣе, чѣмъ кряковныхъ. Это довольно странно, потому что во время весенняго прилета онѣ летятъ огромными стаями. Во всемъ прочемъ, кромѣ того, что яйца ихъ нѣсколько уже и длиннѣе яицъ кряковной утки, шилохвости въ точности имѣютъ всѣ свойства другихъ утиныхъ породъ, слѣдственно и стрѣльба ихъ одна и та же.

Хотя шилохвостей застрѣлено мною мало, сравнительно съ другими породами утокъ, но вотъ какой диковинный случай былъ со мной: шелъ я однажды внизъ по рѣчкѣ *Берля* [1]), отъ небольшого пруда къ другому, гораздо обширнѣйшему, находившемуся верстахъ въ трехъ пониже; кучеръ съ дрожками ѣхалъ неподалеку за мною. Семь крупныхъ шилохвостей пронеслись высоко мнѣ навстрѣчу; я выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, но ни одна утка не обратила, повидимому, никакого вниманія на мои выстрѣлы. Черезъ нѣсколько минутъ кучеръ закричалъ мнѣ, что тѣ же утки летятъ назадъ, и точно, видно что-нибудь помѣшало имъ опуститься на маленькій прудъ, оставленный мною назади, и онѣ возвращались на большой прудъ. Утки летѣли такъ высоко, что стрѣлять было невозможно. Я проводилъ ихъ глазами и продолжалъ итти по рѣчкѣ. Вдругъ кучеръ мой снова закричалъ мнѣ, что тѣ же семь шилохвостей опять летятъ мнѣ навстрѣчу, прибавя, что „видно и на большомъ пруду помѣшали имъ сѣсть". Мы оба устремили глаза на летящихъ еще выше прежняго прямо надъ нами утокъ. Вдругъ одна изъ нихъ перевернулась на воздухѣ, быстро пошла къ низу и упала недалеко отъ меня: это былъ селезень шилохвость, съ переломленною пополамъ плечною костью праваго крыла... Трудно повѣрить, а дѣло было точно такъ. Со всякою другою раной птица можетъ нѣсколько времени летать; но летать съ переломленною костью крыла и летать долго—это просто невозможно. Не было никакого сомнѣнія, что это были тѣ же самыя утки, въ которыхъ я выстрѣлилъ: зоркій кучеръ мой не выпускалъ ихъ изъ глазъ. Итакъ, нельзя иначе объяснить это казусное дѣло, какъ предположеніемъ, что дробина ударилась въ папоротку селезня и надколола плечную кость *вдоль*, то есть произвела маленькую трещинку въ ней, и что наконецъ, отъ усиленнаго летанья, кость переломилась *поперегъ*, и птица упала. Я самъ понимаю, что многимъ покажется такое объясненіе неудовлетворительнымъ, но другого придумать нельзя. Изумительно также тутъ стеченіе обстоятельствъ: надобно же было сдѣлаться этому перелому въ самую ту минуту, когда утки, пролетѣвъ нѣсколько верстъ взадъ и впередъ, въ третій разъ летѣли надо мной, такъ что шилохвость упалъ почти у моихъ ногъ.

[1]) Самарской губерніи, въ Ставропольскомъ уѣздѣ.



в) Сѣрая утка[1]).

Названіе нѣсколько общее, потому что самки всѣхъ утиныхъ породъ перомъ *сѣры* или, если выразиться точнѣе, сѣро-пестры, и собственно такъ-называемыя *сѣрыя утки* очень сходны со всѣми утиными самками. Но, тѣмъ не менѣе, сѣрая утка совершенно заслуживаетъ свое имя, потому что она сѣрѣе всѣхъ утокъ, и особенно потому, что даже селезень не имѣетъ никакихъ отмѣтинъ. Ей, по преимуществу, принадлежитъ мѣсто въ русской пѣснѣ, когда говорится:

> Ужъ я улицею,
> Сѣрой утицею, и пр.

Вся разница состоитъ въ томъ, что пестрины на селезнѣ нѣсколько мельче и какъ будто свѣтлѣе, и что одна сторона поперечной бѣлой полоски, лежащей и на крыльяхъ утки, у селезня окаймлена узенькою полоской красновато-коричневаго цвѣта съ блестящимъ лоскомъ. Сѣрыхъ утокъ иногда называютъ *сѣрками* и еще *полукряквами*; послѣднее названіе не

---

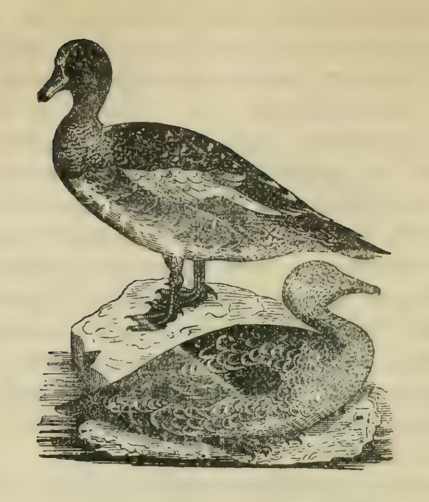
1) *Полукряковная*, *полуматерая* утка, *полуха; неразнять*, *неразень*, *единородная утка* (на Уралѣ); *кряковна* (подъ Петербургомъ). Anas strepera, L. *К. Р.*

совсѣмъ справедливо, потому что онѣ не въ половину, а только нѣсколько меньше кряковныхъ. Сѣрыя утки не имѣютъ въ себѣ никакой особенности въ отличіе отъ другихъ утиныхъ породъ, кромѣ сейчасъ мною сказанной, то-есть что селезень почти ничѣмъ не разнится [1]) съ уткой, и что всѣ утиныя породы пестрѣе, красивѣе *сѣрыхъ утокъ*. Вообще онѣ довольно обыкновенны и попадаются охотнику гораздо чаще, чѣмъ шилохвости, хотя во время весенняго прилета я не замѣчалъ большихъ станицъ сѣрыхъ утокъ и еще менѣе во время отлета. Въ этомъ обстоятельствѣ есть какое-то противорѣчіе, которое объяснить довольно трудно. Несмотря на свою некрасивость, или, правильнѣе сказать, *простоту пера*, которая никому въ глаза не кинется, *сѣрыя* утки, послѣ кряквы и шилохвости, уважаются охотниками болѣе всѣхъ остальныхъ утиныхъ породъ, потому что довольно крупны, мясисты, бываютъ очень жирны и рѣдко пахнутъ рыбой.

Многіе охотники говорили мнѣ, что есть двѣ породы сѣрыхъ утокъ, сходныхъ перьями, но различающихся величиною. Сначала я самъ раздѣлялъ это мнѣніе, потому что точно въ величинѣ ихъ замѣчалъ большую разницу; впослѣдствіи же убѣдился, что она происходитъ отъ разности возраста. Впрочемъ, все еще остается нѣкоторое сомнѣніе, и я представляю рѣшить его опытнѣйшимъ охотникамъ.

---

[1]) Отъ того и *неразнять*, *единородная* утка. *К. Р.*



г) Свіязь [1]).

Это названіе охотничье, и откуда оно происходитъ — сказать не умѣю. Народъ называетъ эту утиную породу *красноголовкой* и *бѣлобрюшкой*, потому-что у селезня голова и половина шеи красновато-кирпичнаго цвѣта, а хлупь или брюшко у селезня и утки очень бѣлы и лоснятся на солнцѣ. Эта утка, будучи менѣе кряковной и шилохвости, даже покороче сѣрой утки, имѣетъ складъ круглый и крѣпкій. Ея быстрый полетъ, частое и рѣзкое маханье крыльями показываютъ сильное сложеніе. Селезень очень красивъ: онъ весь пестрый; на головѣ, надъ самыми его глазами, находится бѣлое пятно; остальная часть головы и половина шеи красновато-кирпичнаго цвѣта; потомъ слѣдуетъ поперечная полоса сѣрой ряби, сейчасъ исчезающей и переходящей въ свѣтло-багряный цвѣтъ, которымъ покрытъ весь зобъ; брюшко бѣлое, спина испещрена красивою поперечною рябью; на крыльяхъ, поперекъ отъ плечнаго сустава, лежитъ чисто-бѣлое, широкое и длинное пятно, оканчивающееся черною бархатною оторочкой, подъ которой видна зелено-золотистая полоса, также отороченная черно-

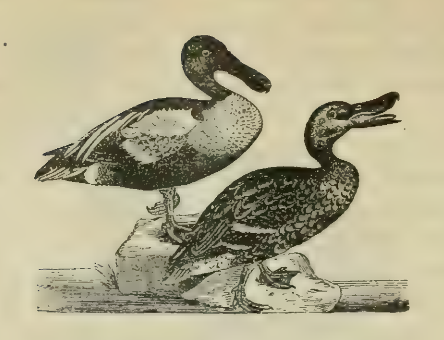
---

[1]) *Свищъ, свистунъ, свись;* на Окѣ *глотъ.* Anas penelope, L. *К. Р.*

бархатною каймою; хвостъ короткій, шилообразный и довольно твердый; носъ и ноги небольшіе и черные. Правильныя перья дикаго, свѣтло-кофейнаго цвѣта. — Утка, напротивъ, вся темная, кромѣ бѣлаго брюшка; съ перваго взгляда очень похожа на *чернь*, и никакъ нельзя подозрѣвать, чтобъ она имѣла такого красиваго, до такой степени на нее непохожаго селезня. Рано весной свіязь летитъ большими стаями. Ихъ можно узнать въ вышинѣ по скорому полету и особенному звуку, похожему на свистъ съ какимъ-то шипѣньемъ, отъ чего и называютъ ихъ иногда *шипунами*. Свистъ происходитъ отъ быстраго полета, который сливается съ ихъ сиповатымъ покрякиваньемъ. Всѣ три предыдущія породы утокъ летаютъ осенью въ хлѣбныя поля, отдѣльными стаями и станичками; но свіязей я никогда не замѣчалъ между ними. То же долженъ я сказать о всѣхъ послѣдующихъ утиныхъ породахъ [1]. Къ этому надобно присовокупить, что всѣ онѣ, не говорю уже о ныркахъ, чаще пахнутъ рыбой. Можно предположить, что, не питаясь хлѣбнымъ кормомъ и не будучи такъ сыты, какъ бываютъ кряковныя, шилихвость и сѣрыя утки, онѣ ловятъ мелкую рыбешку, которая именно къ осени расплодится, подростетъ и безчисленными станицами, мелкая какъ овесъ, начнетъ плавать вездѣ, по всякимъ водамъ. Впрочемъ, свіязи, какъ и всѣ почти утиныя породы, и безъ хлѣбной пищи бываютъ осенью очень жирны, хотя никогда не могутъ равняться въ этомъ отношеніи съ кряквами. Никакихъ другихъ особенностей свіязь не имѣетъ, кромѣ того, что, прилетая весной большими стаями, въ продолженіе всего года попадается охотникамъ гораздо рѣже, чѣмъ бы слѣдовало. Вѣроятно, по причинѣ такихъ рѣдкихъ встрѣчь, а также по красивости селезней, мясистому, круглому и крѣпкому складу своему, свіязь цѣнится охотниками выше другихъ утокъ, послѣ кряковныхъ, шилохвостей и сѣрыхъ. Я, по крайней мѣрѣ, долженъ признаться, что всегда былъ очень доволенъ, когда мнѣ случалось положить въ ягташъ красноголоваго селезня бѣлобрюшку.

---

[1]) Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что свіязь и чирки летаютъ въ хлѣбныя поля.



Д) Широконоска [1]).

Широконоски называются также *плутоносами*. Первое названіе по праву и безспорно принадлежитъ этой утиной породѣ: носъ ея обыкновенно къ концу широкъ и похожъ на округленное весло; второе же имя дано ей неизвѣстно на какомъ основаніи. Эта утка очень periста, но, даже и въ перьяхъ, меньше предыдущихъ породъ, тѣломъ же еще скуднѣе. Вообще она какого-то слабаго, рыхлаго, сухощаваго сложенія: съ перваго взгляда утка, какъ утка, а возьмешь въ руки — перья да кости. Никогда жирныхъ широконосокъ я не видывалъ, хотя онѣ попадались мнѣ, какъ и всѣмъ охотникамъ, очень часто. Утка вся сѣропестрая, покрыта коричневыми и не мелкими крапинами по желтоватому полю; на правильныхъ перьяхъ поперечная полоска — синяя, съ глянцемъ. Селезня должно бы назвать очень красивымъ; онъ весь пѣгій, зобъ темно-багряный, на шеѣ бѣлая повязка, спина и крылья сизо-голубыя, брюшко свѣтло-сѣрое; и со всѣмъ тѣмъ, онъ какъ-то не кажется красивымъ и далеко уступаетъ селезню свіязей. Ни весной, ни осенью я не замѣчалъ прилетныхъ или отлетныхъ стай широконосокъ; но парами и въ одиночку, какъ я уже и сказалъ, онѣ попадаются часто, чтó довольно странно, и что также замѣчено мною въ сѣрыхъ уткахъ. Охотниками уважаются онѣ мало.

---

[1]) Тупоноска, соксупъ, Anas clypeata, L. *К. Р.*

Вообще утки не отличаются крѣпостью къ ружью, широконоска же слабѣе другихъ породъ. Несмотря на то, вотъ какой былъ со мной случай. Въ десяти верстахъ отъ меня ушелъ прудъ; по обмелѣвшему дну много держалось всякой дичи, но ходить было тяжело. Это однако не мѣшало мнѣ часто посѣщать его. Одинъ разъ, бродя между высокими камышами, по колѣно въ грязи, и довольно нагрузивъ мой ягташъ мелкою дичью, увидѣлъ я низко и прямо на меня летящую пару широконосокъ. Онѣ летѣли совершенно въ равной вышинѣ отъ земли съ моимъ ростомъ. Я ударилъ ихъ встрѣчу бекасиною дробью и убилъ на повалъ обоихъ—селезня и утку. Мнѣ не хотѣлось мять въ ягташѣ бекасовъ и гаршнеповъ, я и заткнулъ головы обѣихъ широконосокъ за кожаный ремень, которымъ былъ подпоясанъ, подтянувъ его и туже, чтобъ утки не выпали. Я проходилъ еще болѣе часа. Наконецъ вышелъ къ своимъ дрожкамъ, поклалъ всю дичь въ кожаный ящикъ и первыхъ бросилъ туда широконосокъ. Я воротился домой не скоро: стрѣлялъ дорогой съ подъѣзда и набилъ полонъ ящикъ разною дичью. По возвращенiи, при мнѣ у крыльца выбирали птицу изъ дрожекъ; когда добрались до дна ящика, вдругъ селезень широконоска вылетѣлъ и скрылся изъ глазъ, какъ совершенно здоровый!... Оглушительныя, обморочныя, всегда головныя раны, послѣ которыхъ птицы, повидимому, убитыя на повалъ, иногда отдыхаютъ и улетаютъ, — не рѣдкость; но удивительно, какъ не удавился этотъ селезень, котораго я таскалъ такъ долго, заткнутаго головой за тугоподтянутымъ поясомъ?... Какъ не задохся онъ въ ящикѣ подъ кучею дичи?

Въ противоположность ранамъ оглушительнымъ, обморочнымъ, или, правильнѣе сказать, контузiямъ, бываютъ раны внутреннiя, смертельныя впослѣдствiи, но съ которыми птица *сгоряча*, какъ говорится, иногда долго летаетъ и вдругъ, скоропостижно умираетъ. Такихъ случаевъ много со мной бывало, и я разскажу одинъ изъ нихъ. Выстрѣлилъ я съ подъѣзда въ пару чирковъ, проворно отплывавшихъ отъ плоскаго берега на середину широкаго пруда, гдѣ въ недоступномъ для ружья разстоянiи плавала большая стая черни. Я убилъ одного чирка, и собака подала его мнѣ съ воды. Поднявшись отъ выстрѣла и сдѣлавъ кругъ, утиная стая черни сѣла опять на средину пруда. Я, зарядивъ ружье, стоялъ еще на берегу, поджидая, не налетитъ ли на меня куличекъ

или утченка. Вдругъ вся стая черни стремительно поднялась, какъ будто испуганная чѣмъ-то, и улетѣла. Я взглянулъ и увидѣлъ, что одна утка бьется на водѣ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Я послалъ сабаку, и она вынесла мнѣ уже умершую утку чернь, которая была вся въ крови, вытекавшей изъ боковой раны прямо противъ сердца. Это достаточное доказательство, что птица можетъ летать, будучи ранена смертельно. Но сколько тутъ удивительныхъ обстоятельствъ! Утка была ранена на разстояніи, покрайней мѣрѣ, девяноста или ста шаговъ, ранена рикошетомъ, взмывшею отъ воды 4-го нумера дробинкой (ибо я стрѣлялъ въ чирковъ вдвое ближе), улетала вмѣстѣ со стаей, какъ будто здоровая, и улетала довольно далеко; потомъ прилетѣла назадъ, сѣла на прежнее мѣсто, и умерла передъ моими глазами. Отсюда можно заключить, сколько пропадаетъ раненой птицы, незамѣчаемой охотниками.

ЧИРОКЪ-КОРОСТЕЛЕКЪ.

ЧИРОКЪ-ПОЛОВОЙ [1]).

E) Чирокъ [2]).

Вѣроятно, это имя дано ему по его крику. Чирокъ чиркаетъ, то-есть голосъ его похожъ на звуки слова: *чиркъ, чиркъ*. Чирковъ двѣ породы: первая—*чирки-коростельки*, а вторая—*чирки-половые*. Крикъ чирка-коростелька гораздо тонѣе и протяжнѣе, чѣмъ у чирка-полового, но гораздо пронзительнѣе и слышнѣе. Почему онъ названъ чиркомъ-коростелькомъ—не знаю. Если по голосу, то хриплый и короткій крикъ обыкновеннаго коростеля или дергуна болѣе сходенъ съ крикомъ чирка-полового. Вообще чирки составляютъ самую мелкую, проворную, юркую и складную утиную породу. Утка „чирка-коростелька" вся свѣтлосѣрая; на крыльяхъ имѣетъ она малозамѣтную (если не распуститъ крыла) свѣтлосизую полоску. У ея селезня эта полоска гораздо шире и синѣе, даже почти голубоватая, съ яркимъ лоскомъ; сверхъ того, по обѣимъ сторонамъ его головы, вдоль по шеѣ красно-кирпичнаго цвѣта, идутъ бѣлыя полоски, съ небольшимъ въ вершокъ длиною; перомъ онъ свѣтлѣе утки, и брюшко его бѣлесоватѣе. Чирки-половые всегда меньше коростельковъ, а иногда попадаются необыкновенно мелкіе. Мнѣ случилось однажды убить такую маленькую утку этой породы, что она казалась маленькимъ кряковнымъ утенкомъ: по миніатюрности своей, она была очень миловидна. Половые чирки такъ же сѣры и пестры, какъ и

---

1) *Чиренокъ, половой чирокъ;* въ Сибири *гурка*. Anas crecca, L.
2) *Некловъ*. Anas querquedula, L. *К. Р.*

чирки-коростельки; но цвѣтъ ихъ перьевъ желтоватѣе и темнѣе; утка вся сѣро-пестрая, на крыльяхъ имѣетъ ярко-блестящую, довольно широкую зеленую полоску. У селезня она еще шире и ярче; по обѣимъ сторонамъ его головы, отъ глазъ до половины шеи, тянутся двѣ полоски, или, лучше сказать, два длинныя пятна, около вершка, но вдвое шире, чѣмъ у чирка-коростелька. Эти пятна или полоски красновато-желтаго цвѣта, точно какъ *подпалины* у *гончей* собаки: вотъ откуда, я думаю, происходитъ имя *полового* чирка. Народъ выражается съ удивительною точностью; изъ всѣхъ утиныхъ породъ, однимъ только чиркамъ придаетъ онъ во множественномъ числѣ тотъ окончательный слогъ, которымъ означается малость и дѣтство существа, напримѣръ, утята, цыплята и проч.; чирковъ старыхъ вообще онъ называетъ *чирята*.

Во время весенняго прилета и осенняго отлета чирки появляются большими стаями; весною всегда оказываются нѣсколько позднѣе другихъ утиныхъ породъ, а осенью держатся долѣе всѣхъ, кромѣ кряковныхъ утокъ. Чирки въ розницу, или *по разности*, какъ говорятъ охотники, во все время своего пребыванія у насъ, попадаются чаще всѣхъ утокъ. Несмотря на ихъ обыкновенность и также на то, что чирки смирнѣе всѣхъ утиныхъ породъ, я всегда дорожилъ ими болѣе, чѣмъ многими утками средней величины. Чирки прилетаютъ довольно сытые, а улетаютъ облитые жиромъ, немного уступая въ этомъ отношеніи кряквамъ, хотя я никогда не замѣчалъ, чтобъ они летали въ хлѣбныя поля. Полетъ ихъ очень живъ и скоръ, особенно когда они соберутся въ большія стаи. Кружась надъ мѣстомъ, на которое хочетъ опуститься стая, чирки быстро поворачиваются, свиваясь какъ-будто въ темный клубокъ и развиваясь въ болѣе свѣтлую полосу. Не одинъ разъ, стоя на весеннихъ и осеннихъ поздних вечернихъ стойкахъ, бывалъ я испуганъ шумомъ и свистомъ, даже внезапнымъ вихремъ, отъ промелькнувшей надъ самою головою плотно свернувшейся станицы чирятъ.

Я не говорилъ о величинѣ яицъ предыдущихъ утиныхъ породъ, кромѣ кряковной; будучи сходны между собою цвѣтомъ и фигурой, они уменьшаются соразмѣрно съ уменьшеніемъ величины утки; но яйца чирятъ такъ малы, и матовый, слегка зеленоватый цвѣтъ ихъ такъ нѣженъ, что нельзя не упомянуть о нихъ особенно. Странное дѣло: у кряковныхъ и другихъ большихъ утокъ я никогда не нахаживалъ болѣе

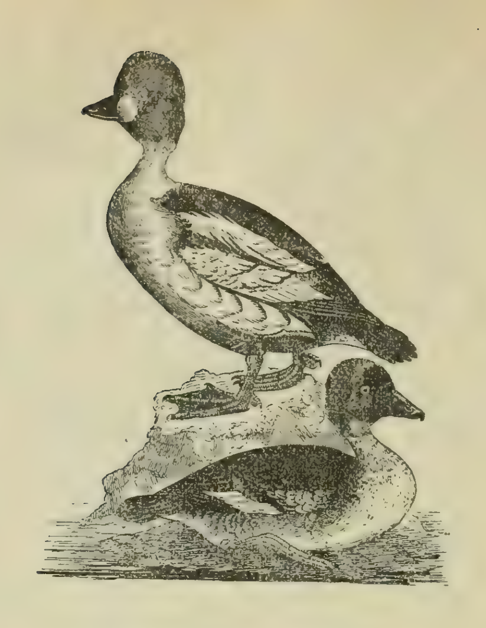
девяти или десяти яицъ (хотя гнѣздъ ихъ нахаживалъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ чирячьихъ), а у чирковъ находилъ по двѣнадцати, такъ что стѣнки гнѣзда очень высоко бывали выкладены яичками; и невольно представляется тотъ же вопросъ, который я задавалъ себѣ, находя гнѣзда погоныша: какъ можетъ такая небольшая птица согрѣть и высидѣть такое большое количество яицъ?

Чирки съ весны парами, а потомъ и въ одиночку попадаются охотникамъ вездѣ, гдѣ только есть вода, въ продолженіе всего лѣта; но они особенно любятъ маленькія рѣчки, озерки и лужи, часто въ самомъ селеніи находящіяся; прилетаютъ даже къ русскимъ уткамъ. Въ осеннее время можно иногда сдѣлать очень удачный выстрѣлъ въ навернувшуюся нечаянно стаю чирятъ, и мнѣ случилось одинъ разъ убить изъ одного ствола моего ружья, заряженнаго рябчиковою дробью, 9-ть чирковъ. Подстрѣленный чирокъ ныряетъ проворнѣе всѣхъ утокъ, разумѣется, кромѣ нырка, и всѣхъ искуснѣе умѣетъ спрятаться и притаиться въ травѣ. Мясо жирнаго осенняго чирка, если не пахнетъ рыбой, что, къ сожалѣнію, хотя рѣдко, но бываетъ,—я предпочитаю даже мясу кряковной утки [1]); въ немъ слышнѣе запахъ дичины. Всѣ утиныя яйца очень вкусны, но яйца чирка вкуснѣе другихъ.

Вотъ лучшія породы утокъ, мнѣ извѣстныя. Теперь я стану говорить объ уткахъ низшаго достоинства, которыя охотниками не уважаются, особенно потому, что всѣ, безъ исключенія, постоянно и сильно пахнутъ рыбой. Всѣ онѣ уже утки рыбалки или рыболовки; это, по преимуществу, водоплавающія птицы. Постоянное ихъ мѣстопребываніе и днемъ и ночью—вода; земля для нихъ почти не существуетъ.

---

[1]) Между нѣкоторыми охотниками существуетъ мнѣніе, что чирята никогда рыбы не ѣдятъ, никогда, слѣдовательно, не могутъ ею пахнуть; но оно не всегда, или, лучше сказать, не вездѣ справедливо.



ж) Нырокъ [1]).

Небольшая, но крѣпкая, складная и мясистая утка. Кличка ей дана, какъ говорится, *по шерсти*, хотя, правду сказать, *гагара* не уступаетъ *нырку*, а *гоголь* превосходитъ его въ искусствѣ или способности нырять. Нырки перомъ пестры, а говоря точнѣе, ихъ можно назвать пѣгими; цвѣтъ пѣжинъ однообразный и траурный — черный съ бѣлымъ; селезень пестрѣе и красивѣе утки. Полетъ ихъ очень быстръ, и отъ частаго маханья крыльями происходитъ особенный звукъ, похожій не на чистый свистъ, а на какое-то дрожанье свиста, которое нельзя передать словами; подобный звукъ слышенъ отчасти въ полетѣ стрепета. Охотникамъ онъ хорошо знакомъ. Нырокъ не вдругъ поднимается съ воды, завидя человѣка: онъ сейчасъ начинаетъ такъ проворно нырять, что на широкой водѣ, въ одну минуту, очутится въ безопасномъ раз-

---

[1]) *Гоголь;* въ Малороссіи *крякушка.* Anas clangula, L. *К. Р.*

стоянии отъ выстрѣла. Если же это случится не на широкой рѣкѣ, и нырку придется нырять внизъ по теченію, то онъ производитъ съ такимъ проворствомъ свое подводное плаванье, что стрѣлокъ, если захочетъ догнать его, долженъ бѣжать, какъ говорится, во всѣ лопатки. Наконецъ, когда охотникъ внезапно явится слишкомъ близко къ вынырнувшему нырку, забѣжавъ впередъ за излучину или колѣно рѣки, — нырокъ поднимается; сначала онъ отдѣляется отъ воды довольно трудно, летитъ — шлепая крыльями по водяной поверхности, но скоро разлетится, полетитъ очень быстро и поднимется высоко. Нырки прилетаютъ весной ранѣе всѣхъ утокъ. Въ исходѣ марта иногда стоитъ въ Оренбургской губерніи глубокая зима: ни малѣйшихъ признаковъ наступающей весны кромѣ ослѣпительнаго блеска, которымъ стеклянѣется поверхность снѣговъ!... И вдругъ охотникъ слышитъ, что въ вышинѣ, подъ облаками, раздаются какіе-то особенные звуки; онъ легко узнаетъ ихъ: это дребезжащій свистъ или шумъ отъ рѣзкаго полета огромныхъ стай нырковъ. Поглядѣвъ пристально, зоркими глазами можно увидѣть ихъ, быстро и высоко летящихъ, подобно облаку или сѣрой тучкѣ, гонимой сильнымъ вѣтромъ. Трудно пересказать, какое сладкое впечатлѣніе производятъ на сердце охотника эти неясные звуки; этотъ неопредѣленный шумъ, означающій начало прилета птицы и обѣщающій скорое наступленіе весны, послѣ долгой, нестерпимо надоѣвшей зимы, которая доводила до отчаянія охотника своею безконечностью... Вотъ примѣръ, какъ иногда бываетъ длинна зима въ Оренбургской губерніи: въ 1807 году, 1-го апрѣля, передъ солнечнымъ восходомъ, было 20 градусовъ мороза по Реомюру! Это такъ краснорѣчиво, что ничего прибавлять не нужно, и, несмотря на первое апрѣля, — совершенно вѣрно, ибо съ точностью записано мною въ моихъ охотничьихъ запискахъ. Не знаю, какъ другіе охотники, но я всегда встрѣчалъ съ восхищеніемъ прилетъ нырковъ, и въ благодарность за раннее появленіе и радостное чувство, тогда испытанное мною, постоянно сохранялъ къ нимъ нѣкоторое уваженіе — стрѣлялъ ихъ, когда попадались... Хороша благодарность и уваженіе, скажутъ неохотники; но у насъ своя логика: чѣмъ болѣе уважается птица, тѣмъ болѣе стараются добыть ее.

Сначала большія стаи нырковъ пролетаютъ, не опускаясь, да и некуда имъ опускаться; вслѣдъ за ними появляются нырки

парами вездѣ, гдѣ рѣка или материкъ въ прудѣ очистились отъ льда, а на большихъ рѣкахъ—по полыньямъ; потомъ до лѣта нырки продолжаютъ держаться по рѣкамъ и прудамъ, парами и въ одиночку. Въ продолженіе лѣта, нырковъ встрѣчаешь мало, и то селезней, а осенью они опять собираются къ отлету большими стаями. Никогда не нахаживалъ я ихъ гнѣздъ, но выводки мнѣ попадались. Кажется можно сказать утвердительно, что нырки не вьютъ гнѣздъ на твердой землѣ, какъ и всѣ предыдущія, описанныя мною утиныя породы, а подобно другимъ рыболовнымъ уткамъ ухитряются класть свои гнѣзда въ камышахъ, или высокой густой осокѣ, *на водѣ* или *надъ водою*. Я нашелъ два такія гнѣзда, и они будутъ описаны въ своемъ мѣстѣ. Съ нырка начинаются утиныя породы, которыя почти лишены способности ходить по землѣ: лапы ихъ такъ устроены, что ими ловко только плавать, то-есть гресть, какъ веслами; онѣ посажены очень близко къ хвосту и торчатъ въ заду. У нырка эта особенность еще не такъ рѣзко выдается, и онъ составляетъ какъ-будто переходную породу. Носъ у него обыкновеннаго устройства, черноватый; не узенькій и не блѣдно-роговаго цвѣта, какъ у всѣхъ остальныхъ породъ рыбалокъ, кромѣ черни. Всѣ водоплавающія птицы снабжены отъ заботливой природы густымъ и длиннымъ пухомъ, не пропускающимъ ни капли воды до ихъ тѣла, но утки-рыбалки, начиная съ нырка до *гоголя* включительно (особенно послѣдній), предназначенныя всю жизнь проводить въ водѣ, снабжены предпочтительно самымъ густымъ пухомъ. Нырокъ всегда на водѣ: съ утра до вечера ловитъ мелкую рыбешку, не брезгая, впрочемъ, никакими водяными мелкими гадинами и насѣкомыми.

Утки съ утятами, которыя изумительно проворны, держатся упорно въ камышѣ, и трудно выгнать ихъ на открытую воду. Нырки всегда довольно сыты, а осенью бываютъ даже очень жирны; мясо ихъ было бы сочно, мягко и вкусно, если бы не пахло сильно рыбой. Я встрѣчалъ людей, которымъ этотъ запахъ былъ не противенъ, и они считали нырковъ за лакомое кушанье. Если съ нырка содрать кожу, выскоблить начисто его внутренности, хорошенько выполоскать, помочить часа два въ соленой водѣ и потомъ зажарить, то рыбнаго запаху останется очень мало, и у кого хорошъ аппетитъ, тотъ можетъ кушать его съ удовольствіемъ. Нырокъ довольно крѣпокъ къ ружью и требуетъ настоящей утиной дроби, не мельче 4-го нумера.

Есть точно такіе же маленькіе нырки, не болѣе чирка, и есть еще нырки большіе, съ красными головами, широкимъ носомъ пепельнаго цвѣта и широкими лапами абрикосоваго цвѣта. И тѣхъ, и другихъ мнѣ видать близко не удавалось.

3) Чернь [1]).

Не даромъ дано этой породѣ утокъ собирательное имя; онѣ появляются не очень рано весной, всегда огромными стаями; не только въ одиночку или попарно, но даже маленькими стайками я никогда ихъ не встрѣчалъ. Обыкновенно садятся онѣ на большіе, чистые пруды или озера, и густымъ чернымъ покрываломъ одѣваютъ свѣтлую воду. Вода, буквально, кажется *черною*, а потому и въ этомъ отношеніи вѣрно дано имъ названіе *чернь*. Онѣ бываютъ у насъ только пролетомъ, весной и осенью; на большихъ водахъ держатся долго, особенно въ хорошую, теплую осень. Гдѣ выводятъ дѣтей—не знаю, только не въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я живалъ, потому что съ молодыми я никогда

---

[1]) *Чернеть*, *касакъ* (т.-е. хохлатый) въ Сибири. Anas fuligіnosa, L. Fuligula cristata, Steph. Изображенъ селезень. *К. Р.*

ихъ не видалъ [1]). Величиною, складомъ носа и перомъ чернь очень похожа на утку-нырка, то-есть верхняя часть у нихъ чернаго, а нижняя бѣловатаго цвѣта. Мнѣ не удавалось много стрѣлять ихъ: это хлопотно, потому что онѣ всегда сидятъ на срединѣ пруда, и надобно къ нимъ подъѣзжать на лодкѣ, чего я никогда не дѣлалъ; да и птица того не стоитъ. Я бивалъ ихъ только тогда, когда они случайно на меня налетали. Различія въ перьяхъ между селезнемъ и уткой я не замѣчалъ; но другіе охотники сказывали мнѣ, что селезень отличается большимъ отливомъ кофейнаго цвѣта, большею величиной и чернымъ хохломъ [2]). Вообще эта утка перомъ не красива, но крѣпкаго сложенія; носъ и лапы у ней точно такого же цвѣта и устройства, какъ у нырка, а пахнетъ рыбой меньше его. Если удастся подплыть въ мѣру изъ-за камыша къ стаѣ *черни*, то можно убить однимъ зарядомъ до десятка.

---

[1]) Недавно получилъ я извѣстіе отъ одного достовѣрнаго охотника, что онъ встрѣчалъ выводки *черни* въ Оренбургской губерніи. Я могу объяснить свою ошибку только тѣмъ, что смѣшивалъ ихъ съ выводками *бѣлобрюшки* или нырка: утки ихъ очень сходны.

[2]) И болѣе чистымъ бѣлымъ исподомъ тѣла. *К. Р.*

И) Гагара [1]).

Долго думалъ я, что *крохаль*—утка-рыбалка, особенная отъ *гагары*, потому что въ молодости случилось мнѣ убить двухъ гагаръ, которыя не имѣли хохловъ, были гораздо бѣлесоватѣе перомъ, крупнѣе тѣломъ, и которыхъ простые охотники

[1]) Въ двухъ первыхъ изданіяхъ „Записокъ“ авторъ ихъ полагалъ, что крохаль и гагара синонимы одной и той же птицы, но нынѣ измѣнилъ свое мнѣніе. Дѣйствительно, это два совершенно раздѣльныя животныя, удоборазличаемыя по перепонкамъ между пальцевъ, которая у перваго цѣла какъ у утокъ, а у послѣдняго расщеплена на лопасти (отсюда названіе нѣмецкое Lappentaucher).

Описываемыя здѣсь авторомъ птицы подъ именемъ *гагары* и *гоголя* суть настоящія гагары (Podiceps, а не Colymbus), что доказывается нѣкоторыми признаками устройства тѣла, образа жизни и положеніемъ ногъ въ заду тѣла (отсюда названія Podiceps, Steisvogel, что можно было бы перевесть словомъ *ногогузъ*, на подобіе *черногуза*, или черпаго аиста, и *трясогузки*); но трудно рѣшить, на который видъ именно, изъ 4—5 водящихся гагаръ въ Россіи, указываетъ авторъ: по крайней мѣрѣ предлагаемаго описанія недостаточно, чтобы положительно узнать эту птицу, представляющую значительныя измѣненія по полу, возрасту и временамъ года. Судя по упоминаемой величинѣ птицы и яицъ, можно бы узнать наибольшую русскую *гагару-чомгу*, но другіе признаки тому противорѣчатъ. Для поясненія общаго типа гагары, мы изобразили здѣсь чубараго нырка Podiceps auritus. St. *К. Р.*

тогда называли крохалями. Впослѣдствіи убѣдился я, что это одно и то же, и что убитыя мною утки-рыбалки были старыя гагары или крохали, которыя всегда бываютъ крупнѣе и бѣлесоватѣе. Безъ хохловъ также попадались мнѣ многія впослѣдствіи и, вѣроятно, хохлы имѣютъ только селезни.

Длина этой утки, отъ носа до хвоста, или, лучше сказать, до ногъ, ибо хвостовыхъ перьевъ у гагаръ нѣтъ,—11 вершковъ; носъ длиною въ вершокъ, темно-свинцоваго цвѣта, тонкій и къ концу очень острый и крѣпкій; голова небольшая, продолговатая; вдоль ея, по лбу, лежитъ полоса темно-коричневаго цвѣта, оканчивающаяся, позади затылочной кости, хохломъ, вокругъ всей шеи. вышиною слишкомъ въ вершокъ, похожимъ болѣе на старинныя брыжжи или ожерелье, ржаваго, а къ корню перьевъ темно-коричневаго цвѣта; шея длинная, сверху темно-пепельная; спина пепельно-коричневая, которая какъ будто оканчивается торчащими изъ зада ногами, темно-свинцоваго цвѣта сверху и бѣловато-желтаго снизу, съ рѣдкими, неправильными, темными пятнами; ноги гагары, отъ лапокъ до хлупи, не кругловаты, но совершенно плоски; три ножные пальца, соединенные между собой крѣпкими глухими [1]) перепонками,—почти свинцоваго цвѣта и тоже плоскіе, а не круглые, какъ бываетъ у всѣхъ птицъ. Повыше послѣдняго сгиба ноги, отъ котораго начинается лапка, есть четвертый палецъ, въ видѣ крошечной плоской лопатки, съ такимъ же ногтемъ. Крылья, относительно величины самой птицы, не уступающей кряковной уткѣ, очень узки и малы. Цвѣтъ ихъ пепельно-коричневый; съ обоихъ краевъ первыя перья бѣлыя, а по срединѣ крыльевъ, поперекъ, идетъ полоса, пальца въ три шириною коричневаго цвѣта; такого же цвѣта и три правильныя пера. Брюхо, отъ ногъ до самаго хохла или ожерелья, покрыто бѣлыми, мелкими серебристыми перьями, имѣющими, съ перваго взгляда, видъ волосъ,—такъ они тонки; подъ перьями лежитъ превосходный, густой и нѣжный пухъ дикаго цвѣта. Подбой крыльевъ ярко-бѣлый.

Гагары вполнѣ утки-рыбалки, и такъ пахнутъ рыбой, что ѣсть ихъ почти невозможно, а потому охотники не стрѣляютъ гагаръ,—развѣ для того, чтобы разрядить ружье, или для

[1]) Не глухими, а расщепленными. *К. Р.*

пуха, который не уступаетъ гоголиному. Русскій народъ однако зналъ хорошо гагару, только подъ именемъ крохаля (безъ сомнѣнія, это имя древнѣйшее), потому что крохаль живетъ до сихъ поръ въ поговоркѣ или присловьѣ народномъ [1]). Когда хотятъ выразить чью-нибудь заботливость и любовь къ другому лицу, то говорятъ: *онъ* (*или она*) *дрожитъ надъ ней какъ крохаль*. Это означаетъ или сильную привязанность селезня крохаля къ уткѣ, или особенную горячность послѣдней къ утятамъ, подмѣченную народомъ. Къ сожалѣнію, я не знаю [2]) коротко нравовъ этой утки, которые непремѣнно должны быть замѣчательны, чему доказательствомъ служитъ особенность въ плоскости ногъ и въ свиваніи гнѣздъ, плавающихъ по водѣ. Я нашелъ одинъ разъ такое гнѣздо: гагара, сидя на немъ какъ на лодкѣ, плавала по маленькому озерку, находившемуся посреди огромнаго камыша: увидя меня въ близкомъ разстояніи, гагара сползла, или свалилась въ воду, и нырнула. Яицъ было девять (?), величиной и фигурой похожихъ на куриныя, блѣдно-зеленоватаго цвѣта, съ крапинками. Во время общаго весенняго прилета птицы, я никогда не замѣчалъ пролетныхъ гагаръ стаями: онѣ оказываются какъ-то нечаянно, всегда въ одиночку и всегда очень поздно весною. Глубокіе пруды, особенно материки прудовъ, большія озера съ камышами—вотъ обыкновенное ихъ мѣстопребываніе. Пища гагаръ преимущественно состоитъ изъ мелкой рыбешки и частью изъ водяныхъ насѣкомыхъ. Гагары почти не могутъ ходить, а могутъ только присѣсть на свои ноги, и то на мели, отъ чего получаютъ странную посадку, ибо сидятъ, запрокинувшись назадъ, въ полустоячемъ положеніи, поднявъ свой острый носъ къ верху. Онѣ имѣютъ въ крыльяхъ перья коротенькія, отъ чего самыя крылья кажутся не такъ коротки. Вообще гагары летаютъ, особенно поднимаются сначала, трудно, пока не разлетятся, и только одна крайность можетъ заставить ихъ подняться съ воды; по большей части, отъ всякой опасности онѣ отдѣлываются упорнымъ ныряньемъ, въ чемъ уступаютъ только однимъ гоголямъ. Впрочемъ, нѣкоторые охотники видали ихъ летающихъ высоко и быстро цѣлыми станицами.

---

[1]) Крестьяне называютъ иногда гагарой лысуху.

[2]) Нравы гагары и того, что́ авторъ описываетъ подъ именемъ *гоголя*, какъ всѣхъ вообще гагаръ, чрезвычайно близки между собою. *К. Р.*

Есть еще порода маленькихъ гагаръ, которыя втрое меньше большихъ, совершенно съ ними схожи станомъ и перомъ, но, кажется, безъ хохловъ. Эта порода, напротивъ, всегда попадалась мнѣ станичками; онѣ летаютъ гораздо рѣзвѣе. Названіе гагары объяснить я не умѣю [1]).

Иногда смѣшиваютъ гагаръ съ гоголями, по прямизнѣ и длинѣ вытянутыхъ шей; но между ними не мало существенной разницы во многихъ отношеніяхъ, о чемъ сейчасъ я буду говорить.

I) Гоголь [2]).

Собственное имя *гоголя* часто употребляется въ народѣ, какъ нарицательное или качественное. Всякій русскій человѣкъ пойметъ, когда скажутъ про кого-нибудь: *экой гоголь!*... или *смотри какимъ гоголемъ выступаетъ*... хотя гоголь никакъ не выступаетъ, потому что почти не можетъ ходить. Это уподобленіе основывается на томъ, что гоголи (равно какъ и гагары) очень прямо держатъ свои длинныя шеи и высоко несутъ головы, а потому людей, имѣющихъ отъ природы такой складъ тѣла, привычку или претензію, которая въ то же время придаетъ видъ бодрости и даже нѣкоторой надменности, сравниваютъ съ гоголями. Безъ особеннаго остраго зрѣнія можно различить, во множествѣ плавающихъ утокъ по озеру или пруду, торчащія прямо, какъ палки, длинныя шеи гагаръ и гоголей: послѣдніе еще замѣтнѣе, потому что они погружаютъ свое тѣло въ воду гораздо глубже всѣхъ другихъ утокъ, и шеи ихъ торчатъ какъ-будто прямо изъ воды. Гоголь — послѣдняя и, по преимуществу, самая замѣчательная утка-рыбалка, и пища его состоитъ исключительно изъ мелкой ры-

---

1) Названіе *галка*, *гусь*, *гагара*, *гагакъ*, *гагачъ*, *гоголь*—звукоподражательны *говору*, *гаму* (го-го) этихъ птицъ. *Голкъ*—шумъ, *гулъ*. *Голанить*—шумѣть (горло, гайло). *К. Р.*

2) Не подлежитъ сомнѣнію, что подъ этимъ именемъ авторъ говоритъ о другомъ видѣ (или не о самкѣ ли перваго?) гагары но не умѣемъ рѣшить—о какомъ именно. Замѣтимъ, что въ Великороссіи и въ Малороссіи гоголемъ называется совершенно иная птица, именно *нырокъ*. *К. Р.*

бешки. Гоголь поменьше гагары и равняется по величинѣ съ утками средними, напримѣръ, съ широконоской или бѣлобрюшкой; но складъ его стана длиннѣе и челнообразнѣе. Цвѣтъ перьевъ сизый, даже голубоватый, съ легкими отливами; ноги торчатъ совершенно въ заду; лапки зеленоватаго цвѣта, перепонки между пальцами очень плотныя. Гоголь почти вовсе ходить не можетъ и поднимается съ воды труднѣе и неохотнѣе еще, чѣмъ гагара [1]. Мнѣ даже не случалось видѣть, во всю мою жизнь, летающаго гоголя. Носъ у него узенькій, кругловатый, нисколько не подходящій къ носамъ обыкновенныхъ утокъ: конецъ верхней половинки его загнутъ къ низу [2]; голова небольшая, пропорціональная; шея длинная, но короче, чѣмъ у гагары, и не такъ неподвижно-пряма: напротивъ, онъ очень гибко повертываетъ ею, пока не увидитъ вблизи человѣка; какъ же скоро замѣтитъ что-нибудь угрожающее опасностью, то сейчасъ прибѣгаетъ къ своей особенной способности — погружаться въ воду такъ, что видна только одна узенькая полоска спины, коломъ торчащая шея и неподвижно устремленные на предметъ опасности, до невѣроятности зоркіе, красные глаза. Въ этомъ сторожевомъ положеніи гоголь удивителенъ! Какъ бы вы пристально на него ни смотрѣли, вы не замѣтите даже, когда и куда [3] пропадаетъ онъ; не замѣтите также, когда и откуда вынырнетъ... [4]: до такой степени онъ ныряетъ быстро. Даже слово нырять не годится для выраженія гоголинаго ныркнья: это просто исчезновеніе. Для полнаго пониманія изумительнаго проворства гоголя, довольно сказать, что когда употреблялись ружья съ кремнями, то его нельзя было убить иначе, какъ врасплохъ. Вмѣстѣ со стукомъ кремня объ огниво, брызнувшими отъ стали искрами, воспламененіемъ пороха на полкѣ, что, конечно, совершается въ одну секунду, — исчезаетъ шея и голова гоголя, и дробь ударяетъ въ пустое мѣсто, въ кружокъ воды, завертѣвшійся отъ мгновеннаго его погруженія. Единственно волшебной быстротѣ своего нырянья

---

[1]) Всѣ гагары, по причинѣ линянія, лѣтомъ летаютъ дурно, но весною при прилетѣ и осенью при отлетѣ—хорошо. *К. Р.*

[2]) Какъ у всѣхъ гагаръ, и у этой клювъ острый, коническій, на концѣ не загнутый. *К. Р.*

[3]) Отсюда нѣмецкое названіе Blitzvogel—*птица-молнія*. *К. Р.*

[4]) Оттого-то гагары называются въ народѣ *нырцами*, а у нѣмцевъ der Taucher, le plongeur. *К. Р.*

обязанъ гоголь тѣмъ вниманіемъ, которое оказывали ему молодые охотники въ мое время, а можетъ-быть и теперь оказываютъ, ибо мясо гоголиное хуже всѣхъ другихъ утокъ-рыбалокъ, а за отличнымъ его пухомъ охотникъ гоняться не станетъ. Видимая возможность убить утку, плавающую въ мѣру и не улетающую отъ выстрѣловъ, надежда на свое проворство и мѣткость прицѣла, увѣренность въ добротѣ любимаго ружья, желаніе отличиться передъ товарищами и, всего болѣе, трудность, почти невозможность успѣха, раздражали самолюбіе охотниковъ и собирали иногда около гоголей, плавающихъ на небольшомъ прудѣ или озерѣ, цѣлое общество стрѣлковъ. Я помню въ молодости моей много подобныхъ случаевъ. Сколько крика, смѣха, горячности, бѣганья и безполезныхъ выстрѣловъ! По большей части случалось, что, не убивъ ни одного гоголя и разстрѣлявъ свои патроны, возвращались мы домой, чтобы на просторѣ досыта насмѣяться другъ надъ другомъ. Но иногда упорство преодолѣвалось, и то единственно въ томъ случаѣ, если на водѣ былъ захваченъ одинъ, много два гоголя, ибо тутъ надобно было каждому изъ нихъ безпрестанно нырять. Бѣдная утка наконецъ выбивалась изъ силъ, не могла держать своего тѣла глубоко погруженнымъ въ водѣ, начинала чаще выныривать, медленнѣе погружаться, и удачный выстрѣлъ доставлялъ побѣду которому-нибудь изъ охотниковъ.—Послѣ разсказаннаго мною, казалось бы должно заключить, что гоголи лишены способности летать; но нѣкоторые, достойные вѣроятія, охотники увѣряли меня, что видѣли быстро и высоко летающихъ гоголей. Притомъ откуда же они являются весною? Конечно, откуда-нибудь прилетаютъ, хотя никто не видывалъ ихъ прилета: они въ началѣ мая вдругъ оказываются на прудахъ и озерахъ, всегда въ очень маломъ числѣ. Что же касается до того, что гоголь, окруженный охотниками, не поднимается съ воды отъ ихъ выстрѣловъ, то, безъ сомнѣнія, онъ чувствуетъ опасность подъема по инстинкту, въ чемъ и не ошибается: поднявшись съ воды, онъ былъ бы убитъ въ ту же минуту въ летъ нѣсколькими выстрѣлами. Если же случится подойти къ водѣ изъ-за чего-нибудь, такъ чтобы не было видно охотника, то застрѣлить гоголя весьма легко: онъ плаваетъ на водѣ высоко, шея его согнута, и онъ пристально смотритъ внизъ и сторожитъ маленькихъ рыбокъ. Тогда выстрѣлъ убиваетъ его какъ простую утку.

Я пробовалъ стрѣлять гоголей тѣмъ способомъ, какимъ стрѣляютъ стоящую не глубоко въ водѣ рыбу. Надобно принять въ соображеніе уголъ паденія дроби, и мѣтить не въ самую рыбу, а нѣсколько выше или ниже. Уголъ отраженія дроби, всегда равный углу паденія, будетъ зависѣть отъ того, какъ высокъ берегъ, на которомъ стоитъ охотникъ, и какъ далека отъ него цѣль. Если берегъ совершенно плоскъ и разстояніе не близко, однимъ словомъ, если уголъ паденія будетъ очень остръ, то дробь рикошетомъ взмоетъ вверхъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ надобно брать на цѣль ниже или ближе стоящей рыбы; если же берегъ высокъ, и уголъ паденія дроби будетъ выходить тупой, то дробь пойдетъ въ водѣ подъ тѣмъ же угломъ внизъ, слѣдовательно брать на цѣль надобно нѣсколько выше, или дальше. Замѣтивъ, что гоголь сначала ныряетъ прямо въ глубь, а не въ сторону или впередъ, какъ другія утки, и потомъ уже поворачиваетъ куда ему надобно, — я цѣлилъ въ нырнувшаго гоголя, какъ въ стоячую въ водѣ рыбу; но успѣха не было. Проворство спасало его. Острота зрѣнія и слуха у гоголя изумительны: хотя бы онъ плылъ спиною къ охотнику, онъ видитъ, не оглядываясь, всѣ его движенія и слышитъ стукъ кремня объ огниво. Много разъ входило мнѣ въ голову: не устроенъ ли глазъ у гоголя особеннымъ образомъ? Но по наружности ничего особеннаго не замѣтно. Должно предполагать, что изъ ружей съ пистонами можно бить гоголей успѣшнѣе, ибо нѣтъ искръ отъ огнива, нѣтъ вспышки пороха, и выстрѣлъ пистонныхъ ружей гораздо быстрѣе. Повѣрить это предположеніе на опытѣ мнѣ не удалось; но впослѣдствіи я слышалъ, что мое мнѣніе совершенно оправдалось на дѣлѣ.

Я не нахаживалъ гоголиныхъ гнѣздъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что гоголь устраиваетъ ихъ въ камышахъ надъ водою, какъ гагары, лысухи и, вѣроятно, другія породы утокъ-рыбалокъ, потому что гоголь болѣе всѣхъ ихъ лишенъ способности ходить. Гоголиные выводки я встрѣчалъ часто, и одинъ разъ видѣлъ, какъ гоголь-утка везла [1]) на своей спинѣ крошечныхъ гоголятъ, покрытыхъ сизымъ пухомъ, и плыла съ ними очень быстро. Я слыхалъ объ этомъ прежде отъ охот-

[1] Гагара, встревоженная чѣмъ-либо, даетъ знакъ своимъ дѣтямъ, которыя собираются въ кучу, а мать, опустившись въ воду, насколько то нужно, подплываетъ подъ нихъ и поднимаетъ ихъ на спинѣ. *К. Р.*

никовъ; но, признаюсь, не вполнѣ вѣрилъ. Невольно представляется вопросъ: отчего бы и другимъ уткамъ не дѣлать того же? Отчего именно гоголиной уткѣ нужна такая особенность [1]), тогда какъ гоголята проворнѣе всѣхъ другихъ утятъ?

Ко всему мною сказанному надобно прибавить, что гоголи встрѣчаются всегда въ небольшомъ числѣ и не вездѣ, а только на водахъ довольно глубокихъ и рыбныхъ, и что различія утки отъ селезня въ цвѣтѣ перьевъ я никогда не замѣчалъ. Гоголи пропадаютъ осенью очень рано. Мясо ихъ нестерпимо воняетъ рыбой и на вкусъ горько и противно. Жирныхъ гоголей я не видывалъ.

Въ заключеніе повторю, что описанная мною утка есть настоящій гоголь со всѣми его замѣчательными особенностями, а называемыя иногда большого и малаго рода гоголями утки-рыбалки—не что иное какъ гагары.

---

[1]) Это же дѣлаютъ и другіе виды гагаръ. *К. Р.*

4.

Лысуха или лысена [1]).

(водяная курица).

Гоголемъ заключилось отдѣленіе утокъ. *Лысуха* или *лысена*, по устройству своего тѣла, особенно шеи и головы, по бѣловатому, острому, совершенно *куриному* носу, даже по своему нервному плаванію и непроворному ныринью, несмотря на постоянное пребываніе на мелкой водѣ, отличается отъ утиныхъ породъ, и по справедливости можетъ назваться *водяною курицей*. Имя лысухи или лысены, безъ сомнѣнія, дано ей потому, что у ней на лбу лежитъ, какъ будто припаянная, бѣлая, гладкая бляха, весьма похожая на

1) *Лыска гагара; лыска* въ Малороссіи; въ Астрахани *кашкалдакъ*; въ Сибири *четига*. Fulica atra, L. *К. Р.*

большую очищенную отъ шелухи миндалину, отъ чего голова издали кажется лысою. Эта бѣлая, будто костяная бляха есть ни что иное какъ мясистый наростъ, покрытый крѣпкою, скорлупообразною кожей. Всѣ лысухи безъ исключенія, и самцы, и самки (между которыми различія я никогда не замѣчалъ), имѣютъ эту бляху, которая лоснится на солнцѣ. Наружною величиной лысена въ перьяхъ не меньше средней утки, но собственно тѣломъ немного больше чирка; цвѣтомъ издали вся черная, а вблизи черновато-сизая или дымчатая; ноги хотя торчатъ въ заду, какъ у *нырка*, но все же не такъ, какъ у гагаръ и гоголя; она можетъ на нихъ опираться больше другихъ настоящихъ утокъ-рыбалокъ и даже можетъ ходить. На ногахъ у лысены, повыше перваго сгиба, изъ-подъ мягкихъ, сизыхъ перьевъ, лежатъ желто-зеленыя поперечныя полосы въ полпальца шириною; зеленоватый цвѣтъ виденъ даже на послѣднемъ сгибѣ ногъ, до самой лапы; онъ проглядываетъ сквозь свинцовый цвѣтъ, общій ногамъ всѣхъ лысенъ; лапы ихъ на солнцѣ отливаютъ грязно-перламутровымъ глянцемъ; перепонка между пальцами толстая, вырѣзанная городками, отъ чего онѣ и не могутъ такъ ловко плавать, какъ другія утки. Всѣ ноги ихъ исчерчены правильными бѣловатыми линіями, поперечными и продольными, образующими маленькіе квадратики и городки; нижняя сторона лапъ темносвинцовая; хвостъ самый короткій, темный. Надобно замѣтить, что одно только устройство ногъ заставляетъ причислить лысуху къ породѣ утокъ-рыбалокъ; во всемъ остальномъ, кромѣ постояннаго пребыванія на водѣ, она не сходна съ ними. Летаютъ лысухи плохо и поднимаются только въ крайности: завидя какую-нибудь опасность, онѣ, покрякивая особеннымъ образомъ, какъ-будто стоная или хныкая, торопливо прячутся въ камышъ, иногда даже пускаются въ бѣгъ, не отдѣляясь отъ воды и хлопая по ней крыльями, какъ молодые утята; то же дѣлаютъ, когда хотятъ подняться съ воды, покуда не разлетятся и не примутъ обыкновеннаго положенія летящей птицы. Весной появляются довольно поздно и пропадаютъ рано осенью: прилета и отлета ихъ стаями, и даже парами, я не замѣчалъ. Обыкновенное мѣстопребываніе лысухъ — стоячія воды, пруды и озера съ камышами; онѣ любятъ держаться на мелкой водѣ, даже у самыхъ береговъ, потому что ихъ пища преимущественно состоитъ изъ насѣкомыхъ, водяныхъ травъ и даже тины, для чего нужно имъ доставать дно.

Впрочемъ, онѣ питаются и рыбой, если она попадется, и всегда ею пахнутъ, хотя гораздо менѣе утокъ-рыбалокъ. Къ осени лысены бываютъ очень жирны и были бы довольно вкусны, если бы не рыбный запахъ, который однако значительно уменьшается, если содрать съ лысены кожу и потомъ уже ее жарить.

Я уже сказалъ, что нашелъ однажды плавучее гнѣздо гагары; точно такого же устройства попалось мнѣ гнѣздо и лысухи. Оно держалось довольно высоко на водѣ, мало въ нее погружаясь. Лысена плавала кругомъ. Гнѣздо было свито изъ сухой осоки и особенной породы мягкаго, толстаго, также сухого камыша. Одна сторона гнѣзда, по которой взлѣзала и слѣзала лысена, была обмята и пониже другихъ. Дно гнѣзда внутри и круглыя боковыя стѣнки, почти до верха, были вымазаны, и даже промазаны очень гладко, искусно и прочно, собственнымъ каломъ лысухи, отвердѣвшимъ какъ каменная штукатурка [1]); на днѣ лежала настилка изъ черныхъ перьевъ и темнаго пуха, выщипаннаго матерью изъ своей хлупи, и наконецъ девять яицъ (немножко поменьше куриныхъ), прекраснаго темно-сизаго, слегка зеленоватаго цвѣта съ глянцемъ, испещренныхъ бѣлыми крапинками. Очевидно было, что гнѣздо прикрѣплялось къ камышу (тѣмъ же самомъ каломъ) и очень крѣпко, потому что верхушки двухъ перерванныхъ камышинъ и одна выдернутая, или перегнившая у корня, плотно приклеенная къ боку гнѣзда, плавали вмѣстѣ съ нимъ по водѣ; изъ этого можно заключить, что когда гнѣздо не было оторвано отъ камыша, то воды не касалось. Я собиралъ тогда яйца всѣхъ птицъ и безъ памяти обрадовался такой рѣдкой находкѣ. Я взялъ бережно гнѣздо, поставилъ его въ лодку и поспѣшно поплылъ домой; лысуха, покрикивая, или, лучше сказать, похныкивая, провожала меня чрезъ весь прудъ, почти до самаго мельничнаго кауза [2]).

Маленькіе цыплята лысены бываютъ покрыты почти чернымъ пухомъ. Мать не показываетъ къ дѣтямъ такой сильной горячности, какъ добрыя утки *не*-рыбалки: спрятавъ цыплятъ, она не бросается на глаза охотнику, жертвуя собою,

---

[1]) Что эта обмазка или штукатурка есть не что иное какъ пометъ лысены—убѣдиться не трудно, сличивъ обмазку съ свѣжимъ пометомъ, котораго всегда бываетъ довольно на верху гнѣзда.

[2]) Каузъ—дверцы, въ которыя течетъ вода по трубамъ на водяныя колеса. Около Москвы называютъ его дворецъ (дверецъ?).

чтобы только отвесть его въ другую сторону, а прячется вмѣстѣ съ дѣтьми, что гораздо и разумнѣе.

Охотники рѣдко, безъ особенныхъ причинъ, стрѣляютъ лысухъ, и потому онѣ очень смирны; мясо ихъ незавиднаго вкуса, даже и черный пухъ ихъ не такъ длиненъ и густъ, какъ пухъ утокъ-рыбалокъ. Впрочемъ, онъ имъ не такъ нуженъ, потому что лысухи много времени проводятъ, сидя и даже ходя по плоскимъ берегамъ пруда или озера, а не безпрестанно плаваютъ по водѣ. Чуваши, Мордва и Татары охотно ѣдятъ лысухъ, если онѣ имъ попадутся, и мнѣ случалось дарить ихъ этимъ лакомствомъ. Въ мѣстахъ, гдѣ я живалъ, въ Оренбургской губерніи, лысены водятся во множествѣ и составляютъ какую-то необходимую принадлежность прудовъ и озеръ. Было бы странно подойти или подъѣхать къ камышистому пруду и не увидѣть на немъ, порывисто двигающихся въ разныхъ направленіяхъ, черныхъ кочекъ съ бѣлыми костяными бляхами, чѣмъ кажутся издали лысены, и не услышать ихъ тихаго, грустно хныкающаго голоса: картина была бы не полна.

РАЗРЯДЪ III.

ДИЧЬ СТЕПНАЯ ИЛИ ПОЛЕВАЯ.

Степь.

Собираясь говорить о степной дичи, я считаю нужнымъ разсказать все, что знаю о мѣстѣ ея жительства.

Слово степь имѣетъ у насъ особенное значеніе, и обыкновенно представляетъ воображенію обширное пространство голой, ровной, безводной земной поверхности,—и многія степи таковы дѣйствительно; но въ Оренбургской губерніи, въ уѣздахъ Уфимскомъ, Стерлитамакскомъ, Белебеевскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ и Бузулукскомъ [1]), степи совсѣмъ не таковы: поверхность земли въ нихъ по большей части неровная, волнистая, мѣстами довольно лѣсная, даже гористая, пересѣкаемая оврагами съ родниковыми ручьями, степными рѣчками и озерами. Всякое пространство ковылистой *нови*, никогда непаханной земли, иногда на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности, а иногда небольшое,—зовутъ тамъ степью. Такія степныя мѣста, какъ слѣдуетъ по настоящему называть ихъ, бываютъ чудно хороши весной—своею роскошною, свѣжею растительностью. Сочными, пышными, высокими трàвами и цвѣтами покрыта ихъ черноземная почва, особенно по долинамъ и равнинамъ, между перелѣсками. Въ благопріятный годъ, степные сѣнокосы обильнѣе и лучше заливныхъ луговъ. Только по ска-

---

[1]) Послѣдніе три уѣзда отошли теперь ко вновь учрежденной Самарской губерніи.

тамъ величавыхъ горныхъ хребтовъ, которые вдоль по рѣкамъ, рѣчкамъ и суходоламъ перерѣзываютъ иногда степные сырты и увалы, попадаются горныя породы мелкорослыхъ травъ: особеннаго вида приземистый разсыпчатый ковыль, сизый горный шалфей, бѣлая низенькая полынь, чаберъ и богородская трава. Особеннымъ ароматомъ наполняютъ онѣ воздухъ, и кто не ночевывалъ лѣтомъ въ нашихъ степяхъ, на покатостяхъ горныхъ кряжей, тотъ не можетъ имѣть понятія о благорастворенномъ, мягкомъ, живительномъ ихъ воздухѣ, который здоровѣе даже лѣсного. Цѣлебныя качества степныхъ травъ и степного воздуха очевидно доказываются удивительнымъ возстановленіемъ тѣлесныхъ силъ кочевыхъ Башкирцевъ, которые каждую весну выѣзжаютъ въ свои степные *кочи*, исхудалые, изможденные голодною зимой, и также исцѣленіемъ множества больныхъ, уже приговоренныхъ къ смерти врачами. Да не приписываютъ этого исцѣленія употребленію одного кумыса: онъ мало оказываетъ пользы безъ степного корма для кобыльихъ матокъ, безъ степного воздуха, безъ жизни въ степи.

Рано весной, какъ только сойдетъ снѣгъ и станетъ обсыхать вѣтошь, то-есть прошлогодняя трава, начинаются *палы* или степные пожары. Это обыкновеніе выпаливать прошлогоднюю сухую траву для того, чтобы лучше росла новая, не обходится иногда безъ дурныхъ послѣдствій. Чѣмъ ранѣе начинаются *палы*, тѣмъ они менѣе опасны, ибо опушки лѣсовъ еще сыры, на низменныхъ мѣстахъ стоятъ лужи, а въ лѣсахъ лежатъ сувои снѣга. Если же вездѣ сухо, то степные пожары производятъ иногда гибельныя опустошенія: огонь, раздуваемый и гонимый вѣтромъ, бѣжитъ съ неимовѣрною быстротою, истребляя на своемъ пути все, что можетъ горѣть: стога̀ зимовавшаго въ степяхъ сѣна, лѣсные колки [1]), даже гумна съ хлѣбными копнами, а иногда и самыя деревни. Для отвращенія подобныхъ бѣдствій, лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ, въ общемъ употребленіи было одно средство: предварительно опалить кругомъ стога, лѣсъ, гумна и деревню. Я своими глазами видалъ, какъ цѣлыя толпы крестьянъ и крестьянокъ, съ метлами въ рукахъ, производили такое опаливаніе; они шли по обѣимъ сторонамъ нарочно пущеннаго и бѣгущаго, какъ ручей, огня, тушили его боковые разливы и давали ему надлежащее напра-

---

[1]) Колкомъ называется, независимо отъ своей фигуры, всякій отдѣльный лѣсъ, у псовыхъ охотниковъ онъ носитъ имя *острова*.

вленіе. При сильномъ вѣтрѣ, обыкновенно бывающемъ весною и усиливающемся отъ пожаровъ, особенно если трава суха, это предохранительное опаливанье—дѣло довольно затруднительное. Случалось, что не могли сладить съ огнемъ, и онъ уходилъ въ поле, такъ что самая предосторожность производила ту же бѣду, отъ которой защищались. Такимъ же образомъ выжигаютъ залежи, поросшія высокимъ бастыльникомъ, и прошлогоднюю жниву. Это дѣлается не столько для удобренія земли, сколько для того, чтобы легче было пахать яровую пашню, ибо на плодоносной почвѣ густая прошлогодняя жнива бываетъ выше колѣна. Не входя въ разсужденіе о неосновательности причинъ, для которыхъ выжигаютъ сухую траву и жниву, я скажу только, что палы въ темную ночь представляютъ великолѣпную картину: въ разныхъ мѣстахъ, то стѣны, то рѣки, то ручьи огня лѣзутъ на крутыя горы, спускаются въ долины и разливаются моремъ по гладкимъ равнинамъ. Все это сопровождается шумомъ, трескомъ и тревожнымъ крикомъ степныхъ птицъ. Хорошо, что степныя мѣста никогда не выгораютъ всѣ до тла, а то негдѣ было бы водиться полевой птицѣ. Мокрые долочки, перелѣски и опушки лѣсовъ съ нерастаявшимъ снѣгомъ, дороги, въ колеяхъ которыхъ долго держится сырость, наконецъ рѣчки—останавливаютъ и прекращаютъ огонь, если нѣтъ по близости сухихъ мѣстъ, куда бы могъ онъ перебраться и даже перескочить. Это перескакиванье, въ ночной темнотѣ, бываетъ также очень живописно.

Огонь, бѣжавшій широкою рѣкой, разливая кругомъ яркій свѣтъ и заревомъ отражаясь на темномъ небѣ, вдругъ начинаетъ разбѣгаться маленькими ручейками: это значитъ, что онъ встрѣтилъ поверхность земли, мѣстами сырую, и перебирается по сухимъ верхушкамъ травы; огонь слабѣетъ ежеминутно, почти потухаетъ, кое-гдѣ перепрыгивая звѣздочками; мракъ одѣваетъ окрестность... Но одна звѣздочка перескочила на сухую залежь, и мгновенно разстилается широкое пламя, опять озарены окрестныя мѣста и снова багряное зарево отражается на темномъ небѣ.

Сначала, опаленныя степи и поля представляютъ печальный, траурный видъ безконечнаго пожарища; но скоро иглы яркой зелени, какъ щетка, пробьются сквозь черное покрывало, еще скорѣе развернутся онѣ разновидными листочками и лепестками, и черезъ недѣлю все покроется свѣжею зе-

ленью; еще недѣля... и съ перваго взгляда не узнаешь горѣлыхъ мѣстъ. Степной кустарникъ, рѣже и менѣе подвергающійся огню, потому что почва около него бываетъ сырѣе, вишенникъ, бобовникъ (дикій персикъ) и чилизникъ (полевая акація) начинаютъ цвѣсти и распространять острый и пріятный запахъ; особенно роскошно и благовонно цвѣтетъ бобовникъ: густо обростая иногда огромное пространство по стлогимъ горнымъ скатамъ, онъ заливаетъ ихъ сплошнымъ, розовымъ цвѣтомъ [1]), промежъ котораго виднѣются иногда желтыя полосы или круговины цвѣтущаго чилизника. По другимъ мѣстамъ, болѣе отлогимъ, обширныя пространства покрыты бѣлыми, но не яркими, а какъ будто матовыми, молочными пеленами: это дикая вишня въ цвѣту. Вся степная птица, отпуганная пожаромъ, опять занимаетъ свои мѣста и поселяется въ этомъ морѣ зелени, весеннихъ цвѣтовъ, цвѣтущихъ кустарниковъ; со всѣхъ сторонъ слышны: непередаваемое словами *чирканье* стрепетовъ, заливныя, звонкія трели кроншнеповъ, повсемѣстный горячій *бой* перепеловъ, трещанье кречетокъ. На восходѣ солнца, когда ночной туманъ садится благодатною росою на землю, когда всѣ запахи цвѣтовъ и растеній дышутъ сильнѣе, благовоннѣе,—невыразимо очаровательна прелесть весенняго утра въ степи... Все полно жизни, свѣжо, ярко, молодо и весело!.. Таковы степныя мѣста въ Оренбургской губерніи въ продолженіе мая.

Если лѣто дождливо, то роскошная растительность сохраняетъ свою свѣжесть до начала іюля и достигаетъ великолѣпныхъ размѣровъ; но если іюнь сухъ, то къ концу его травы начинаютъ сохнуть, а ковыль развивать понемногу свои пуховыя нити. Къ концу же іюня, къ Петрову дню, поспѣваетъ ранняя полевая клубника; но самый *растъ* ея бываетъ около лѣтней Казанской, 8-го іюля. Эта чудная, ароматная, превосходная вкусомъ и цѣлебная для здоровья ягода родится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ удивительномъ изобиліи: въ голой,

---

[1]) Плоды дикаго персика состоятъ изъ небольшихъ бобовъ, съ серебряный пятачекъ въ окружности, сердцеобразной фигуры. Орѣхи, имѣющіе вкусъ горькаго миндаля и, вѣроятно, всѣ его качества, заключены въ жесткой и крѣпкой скорлупѣ, покрытой сверху мохнатою, зеленоватою кожицей. Въ Оренбургской губерніи бьютъ изъ нихъ масло, вкусъ котораго и запахъ такъ пронзительно остры, что одну ложку его кладутъ на бутылку маковаго масла, и этого достаточно, чтобы сообщить цѣлой бутылкѣ очень сильный, пріятный и ароматическій вкусъ; если персиковаго масла положить болѣе, то оно производитъ желудочныя и головныя боли.

чистоковылистой степи ея мало; но около перелѣсковъ, по долинамъ и залежамъ, когда онѣ покинуты уже года три или четыре и начинаютъ лужать, клубника родится сплошная, и когда созрѣетъ, точно краснымъ сукномъ покрываетъ цѣлые загоны. Въ іюлѣ поспѣваетъ полевая вишня: мѣста, гдѣ растетъ она, называются *вишенными садками*; они занимаютъ иногда огромное пространство и сначала еще ярче краснѣютъ издали, чѣмъ клубника; но спѣлая ягода темнѣетъ и получаетъ свой собственный, вишневый цвѣтъ. Русскіе туземцы только сушатъ полевую клубнику для продажи и для употребленія во время поста, а всѣ азіятскія племена приготовляютъ изъ нея пастилу, которая бываетъ очень вкусна, если сдѣлана изъ отборныхъ спѣлыхъ ягодъ; она извѣстна подъ именемъ *татарской пастилы*. Вишню также сушатъ, а больше садки отдаютъ *на съемъ* пріѣзжающимъ нарочно для этого промысла верховымъ торгашамъ, которые нанимаютъ кучу всякаго народа, набираютъ вишенъ цѣлые десятки возовъ, бьютъ морсъ и увозятъ въ большихъ сорокоушахъ; изъ этого морса выгоняется превосходная водка. Но прежде нашествія человѣческаго, нападаютъ на ягоды птицы: тудаки, стрепета и тетерева съ своими выводками. Послѣдніе исключительно питаются ягодами, пока ягоды не сойдутъ, и въ это время мясо молодыхъ тетеревовъ получаетъ отличный вкусъ.

Осенью ковылистыя степи совершенно измѣняются и получаютъ свой особенный, самобытный, ни съ чѣмъ не схожій, чудный видъ: выросшія во всю свою длину и вполнѣ распустившіяся, перловосизыя волокна ковыля, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, уже колеблются и струятся мелкою, слегка серебристою зыбью. Но сильный вѣтеръ, безгранично властвуя степью, склоняетъ до пожелтѣвшихъ корней слабые, гибкіе кусты ковыля, треплетъ ихъ, хлещетъ, разсыпаетъ направо и налѣво, бьетъ объ увядшую землю, несетъ по своему направленію, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все какъ-будто текущее въ одну сторону. Для непривычныхъ глазъ такое зрѣлище сначала ново и поразительно; никакое теченіе воды на него не похоже; но скоро своимъ однообразіемъ оно утомляетъ зрѣніе, у иныхъ производитъ даже головокруженіе и наводитъ какое-то уныніе на душу. Степныя же мѣста не ковылистыя, въ позднюю осень, имѣютъ видъ еще болѣе однообразный, безжизненный и грустный, кромѣ выкошенныхъ луговинъ, на которыхъ, около круг-

лыхъ стоговъ потемнѣвшаго отъ дождя сѣна, выростаетъ молодая зеленая отава: станицы тудаковъ и стрепетовъ любятъ бродить по ней и щипать молодою траву; даже гуси, огромными вереницами перемѣщаясь съ одной воды на другую, опускаются на такія мѣста, чтобы полакомиться свѣжею травкой.

Необходимая принадлежность степей Оренбургскаго края, съ весны до поздней осени,—башкирскіе *кочи*, съ ихъ многочисленными стадами мелкаго скота и конскими табунами. Какъ только покажется подножный кормъ, Башкирцы, всѣ безъ исключенія, со всѣми своими семействами, здоровые и больные, со всѣмъ своимъ скарбомъ, переселяются въ степь. Выбираютъ привольное мѣсто, не слишкомъ въ дальнемъ разстояніи отъ воды и лѣса, съ изобильными пастбищами для скота, ставятъ войлочные свои шатры, вообще извѣстные подъ именемъ *калмыцкихъ кибитокъ*, строютъ плетневые шалаши и водворяются въ нихъ. Тогда-то степи населяются и принимаютъ свой первобытный образъ, блѣднѣющій съ каждымъ годомъ. Здѣсь утонули въ травѣ разсыпанныя стада барановъ, овецъ и козъ, съ молодыми ягнятами и козлятами, матки которыхъ всегда ягнятся на траву; далеко слышно ихъ разноголосное блеянье. Тамъ бродятъ и мычатъ стада коровъ, тамъ пасутся и ржутъ конскіе табуны; а вотъ появляются на концахъ горизонта, то съ одной, то съ другой стороны, какія-то черныя движущіяся точки: это остроконечныя шапки Башкиръ. Иногда такія точки помелькаютъ на крайнихъ чертахъ горизонта и пропадутъ; иногда выплываютъ на степь, выростаютъ и образуютъ цѣлыя полныя фигуры всадниковъ, плотно приросшихъ кривыми ногами къ тощимъ, но крѣпкимъ, незнающимъ устали, своимъ иноходцамъ [1]): это Башкирцы лѣниво, безпечно, всегда шагомъ разъѣзжающіе по родной своей степи. Пересѣкая ее во всѣхъ направленіяхъ, они или просто гуляютъ отъ нечего дѣлать, или ѣдутъ въ гости, *шабры-кочи* (сосѣднее кочевье), иногда верстъ за сто, обжираться до послѣдней возможности жирною бараниною и напиваться до-пьяна кумысомъ. Въ первыхъ кочевьяхъ Башкирцы живутъ до тѣхъ поръ, пока не потравятъ кругомъ кормовъ своими стадами,

[1]) Въ породѣ башкирскихъ лошадей очень много попадается иноходцевъ, почти всегда головастыхъ, горбатыхъ и вообще невысокаго достоинства, относительно рѣзвости бѣга; но они очень покойны для верховой ѣзды, и Башкирцы очень любятъ на нихъ ѣздить.

тогда переселяются они на другое мѣсто, а потомъ даже на третье. Въ выборѣ первой кочевки Башкирцы руководствуются правиломъ: сначала занимать такія мѣста, на которыхъ трава скорѣе выгораетъ отъ солнца, то-есть болѣе высокія, открытыя и сухія; потомъ переходятъ они къ долинамъ, къ перелѣскамъ (гдѣ они есть), къ овражкамъ съ родниками и вообще къ мѣстамъ болѣе низменнымъ и влажнымъ. Съ самаго начала весны отдѣлятъ они всѣхъ кобылицъ, кромѣ дойныхъ матокъ, въ одинъ табунъ или косякъ и, подъ начальствомъ жеребца, пускаютъ въ степь. Косячный жеребецъ дѣлается полнымъ хозяиномъ и настоящею главою своего гарема. Онъ держитъ женъ своихъ въ строгомъ повиновеніи: если которая нибудь отобьется въ сторону,—онъ заворачиваетъ ее въ табунъ; онъ переводитъ ихъ съ одного пастбища на другое, на лучшій кормъ; гоняетъ на водопой и загоняетъ на ночлегъ, однимъ словомъ — строго пасетъ свой косякъ, никого не подпуская къ нему близко, ни днемъ, ни ночью. Распустивъ гриву и хвостъ, оглашая степную даль ржаньемъ, носится онъ вокругъ табуна и вылетаетъ навстрѣчу приближающемуся животному или человѣку, и если мнимый врагъ не отойдетъ прочь, то съ яростью бросается на него, рветъ зубами, бьетъ передомъ и лягаетъ задними копытами. Бѣшеная запальчивость его бываетъ до того безумна, что однажды косячный жеребецъ напалъ на тройку лошадей, на которыхъ я ѣхалъ въ охотничьихъ дрожкахъ! Онъ изъѣлъ шею моего корневого жеребца, и я только выстрѣлами могъ отогнать его... Наступаетъ суровая осень: голодно и холодно становится въ степи на подножномъ кормѣ, и жеребецъ самъ пригоняетъ ввѣренный ему косякъ жеребыхъ матокъ на дворъ къ своему хозяину.

Но не всѣ лошади кормятся зимою на дворахъ; большая часть башкирскихъ табуновъ проводятъ зиму въ степи. Въ деревняхъ остаются только лошади отличныя, почему-нибудь рѣдкія и дорогія, лошади ѣзжалыя, необходимыя для домашняго употребленія, жеребята, родившіеся весной того же года, и жеребыя матки, которыхъ берутъ однако на дворы не ранѣе, какъ во второй половинѣ зимы: всѣ остальныя *тюбенюютъ*, то-есть бродятъ по степи, и разгребая снѣгъ копытами, кормятся ветошью ковыля и другихъ травъ. Хотя снѣга въ открытыхъ степяхъ и по скатамъ горъ бываютъ мелки, потому что вѣтеръ, гуляя на просторѣ, сдираетъ снѣгъ съ гладкой поверхности земли и набиваетъ имъ глубокіе овраги, долины и

лѣсныя опушки; но тѣмъ не менѣе, отъ такого скуднаго корма, несчастныя лошади къ веснѣ превращаются въ лошадиные остовы, едва передвигающіе ноги, и многія колѣютъ; если же предъ выпаденіемъ снѣга случится гололедица и земля покроется ледяною корой, которая подъ снѣгомъ не *отойдетъ* (какъ то иногда бываетъ), и которую разбивать копытами будетъ невозможно, то всѣ конскіе табуны гибнутъ отъ голода, на *тюбеневкѣ*. Башкирцы, по лѣности своей, мало заготовляютъ сѣна на зиму. Правду сказать, на весь скотъ и на всѣ конскіе табуны, въ такомъ количествѣ, въ какомъ Башкирцы держали ихъ прежде, заготовить сѣна было невозможно; теперь Башкирцы косятъ его вдвое больше, а скота и лошадей противъ прежняго не имѣютъ и въ половину.

Наконецъ, наступаетъ первозимье: снѣгъ покрываетъ землю; ложатся пороши, испещряется степь русачьими *маликами*, лисьими *нарысками*, волчьими *слѣдами* и слѣдами мелкихъ звѣрковъ. Пришла пора сходить и съѣзжать русаковъ. Если вдругъ выпадетъ довольно глубокій снѣгъ, четверти въ двѣ, пухлый и рыхлый до того, что нога звѣря вязнетъ до земли, то Башкирцы и другіе азіятскіе и русскіе поселенцы травятъ или, вѣрнѣе сказать, давятъ въ большомъ числѣ русаковъ не только выборзками, но и всякими дворными собаками; а лисъ и волковъ загоняютъ верхами на лошадяхъ и убиваютъ однимъ ударомъ толстой ременной плети, отъ которой, впрочемъ, и человѣкъ не устоитъ на ногахъ. Успѣхъ травли и гоньбы происходитъ отъ того, что лошадямъ и высокимъ на ногахъ собакамъ—снѣгъ, въ двѣ и двѣ съ половиной четверти глубины, мало мѣшаетъ скакать, а звѣрю напротивъ: онъ вязнетъ почти по уши, скоро устаетъ, выбивается изъ силъ, и догнать его не трудно. Съ первою оттепелью, съ первою осадкой снѣга и образованьемъ наста, безъ чего рѣдко становится зима, всякое добыванье звѣря въ степи гоньбою прекращается, потому что снѣгъ окрѣпнетъ и, поднимая звѣря, не подниметъ ни человѣка, ни лошади. Однѣ зимнія вьюги, по-оренбургски—бураны, безпрепятственно владычествуютъ на гладкихъ равнинахъ, взрывая ихъ со всѣхъ сторонъ, превращая небо, воздухъ и землю въ кипящій снѣжный прахъ и бѣлый мракъ... О, не дай Богъ никому испытать жестокость зимнихъ мятелей въ степяхъ оренбургскихъ!

Кромѣ извѣстной дичи: тудаковъ, кроншнеповъ, стрепетовъ и другихъ, въ степяхъ водятся звѣри и разные звѣрки: бѣле-

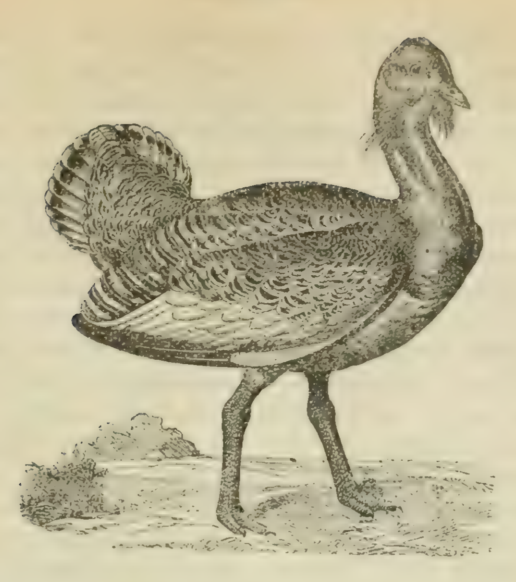
соватая степная лиса, которая хуже мѣхомъ и меньше ростомъ лѣсной, красной лисицы, называемой *огневка*, зайцы, русаки и тумаки, которыхъ охотники называютъ *ковыльниками*, хорьки, горностаи, ласки и карбыши. Въ отрогахъ водятся волки, изрѣдка и барсуки, а по скатамъ горъ водились прежде, въ великомъ множествѣ, сурки. Я еще помню, какъ около самыхъ деревень, куда бывало ни взглянешь, вездѣ по сурчинамъ [1]) сидятъ они на заднихъ лапкахъ, какъ медвѣжата, и громкимъ свистомъ перекликаются между собою. По мѣрѣ населенія края, сурки отступали отъ новыхъ пришельцевъ въ мѣста болѣе уединенныя, и наконецъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, почти перевелись. Безчисленныя сурчины, но уже пустыя, свидѣтельствуютъ о множествѣ прежнихъ жильцовъ. Въ покинутыхъ норахъ нерѣдко поселяются лисы и выводятъ дѣтей, а зайцы-русаки прячутся въ нихъ отъ всякой невзгоды. Крѣпкая кожа и отлично-мягкое сало сурковъ, которые бываютъ до невѣроятности жирны къ осени, весьма пригодны для домашняго обихода. Бить изъ ружей ихъ трудно, потому что сурки сидятъ надъ самою норою и, будучи даже смертельно ранены, падаютъ прямо въ нору и успѣваютъ залѣзать въ нее такъ глубоко, что ихъ не достанешь, а разрывать нору много хлопотъ. Туземцы ловятъ сурковъ петлями, которыя настораживаются надъ лазомъ изъ главной норы, и капканами, которые ставятъ на торныхъ тропахъ, проложенныхъ отъ одной сурчины къ другимъ; сурки любятъ цѣлыми семьями посѣщать своихъ сосѣдей и принимать гостей: соберутся кучкой, посидятъ на заднихъ лапкахъ, посвищутъ и разойдутся. Бывало, станешь приближаться къ такой пріятельской бесѣдѣ, и вдругъ хозяева попрячутся въ норы, а гости побѣгутъ, неуклюже и смѣшно, къ своимъ сурчинамъ.— Сурки рано осенью уходятъ въ норы, затыкаютъ ихъ извнутри

---

[1]) Сурчинами называются бугорки, насыпанные сурками, при рытьѣ своихъ норъ, которыя бываютъ очень глубоки, всегда имѣютъ два входа и проводятся подъ землею на довольно большое разстояніе. Главный или передній входъ, широкій и утолоченный отъ безпрестаннаго влѣзанья, называется *норою*, а задній, мало примѣтный, употребляемый только въ крайности, называется подноркомъ. Эти бугорки, а иногда порядочные бугры, если семейство сурковъ велико, составляются первоначально изъ чернозема, а потомъ, по мѣрѣ углубленія норы, заметываются выгребаемою лапами сурковъ глиною и даже галькой, и потому краснѣются издали, покуда плотно не обростутъ чилизникомъ и бобовникомъ.

сухою травой и засыпаютъ до весны, до пробужденія отъ зимняго сна всей природы.

Со временемъ не останется лоскута нераспаханной степи въ Оренбургской губерніи. Вопреки землемѣрскимъ планамъ и межевымъ книгамъ, всѣ ея земли удобны, всѣ должны быть населены, и все, написанное мною о степныхъ мѣстахъ этого чуднаго края, сдѣлается преданіемъ, разсказомъ старины.



1.

Дрофа [1]).

Имя *дрофы*—не знаю откуда происходитъ [2]). Въ Оренбургской губерніи зовутъ ее по-татарски *тудакъ* или *дудакъ* [3]). Это же названіе слыхалъ я въ сосѣдственныхъ губерніяхъ; но въ Курской, вмѣсто дрофа, говорятъ „дрохва". Я остаюсь убѣжденъ въ нерусскомъ происхожденіи этого слова.

По величинѣ своей, особенно по тяжести (старая, жирная дрофа вѣситъ до 35 фунтовъ), по вкусному мясу, когда она молода и сыта, по осторожности ея и трудности добыванья, дрофа имѣетъ безспорное право на первенство между степною дичью. Станомъ и статью, образованіемъ головы, носа и ногъ, она очень похожа на дворовую большую индѣйку. Молодая дрофа, въ первый годъ, перомъ изсѣра-глинистая; но съ возрастомъ выцвѣтаетъ и дѣлается годъ отъ году бѣлѣе. Голова

---

[1]) *Дрохва*, *драхва*. Otis tarda, L. *К. Р.*

[2]) Замѣчательно, что въ Сибири она зовется, по Палласу, *драпъ* (или *степная курица*), что̀, конечно, одного корня съ *дрохвою* и нѣмецкимъ die Trappe. *К. Р.*

[3]) *Дудокъ*. *К. Р.*

у дрофы и шея какого-то пепельнаго или зольнаго цвѣта; носъ толстый, крѣпкій, нѣсколько погнутый книзу, въ вершокъ длиною, темно-сѣрый и не гладкій, а шероховатый; зрачки глазъ желтые; ушныя скважины необыкновенно велики и открыты, тогда какъ у всѣхъ другихъ птицъ онѣ такъ спрятаны подъ мелкими перышками, что ихъ и не примѣтишь; подъ горломъ у нея есть внутренній кожаный мѣшокъ, въ которомъ можетъ вмѣщаться много воды; ноги толстыя, покрытыя крупными, сѣрыми чешуйками, и, въ отличіе отъ другихъ птицъ, на каждой только по три пальца. Пѣтухъ или самецъ, кромѣ большей величины, отличается тѣмъ, что у него, по обѣимъ сторонамъ головы, растутъ перья вихрястыя или хохластыя, а около подбородка, вдоль шеи, висятъ косицы, длиною вершка въ два съ половиной, въ видѣ гривы или ожерелья, распускающагося какъ вѣеръ; всего этого нѣтъ у курицы или дрофиной самки, да и вообще зольный цвѣтъ головы и шеи, ржавая краснота перьевъ и темныя струи по спинѣ у самца ярче. Пухъ у дрофы рѣдкій, изсѣра-розовый; даже перышки на брюхѣ и спинѣ у самыхъ корней имѣютъ розовый цвѣтъ. Она отличается отъ всѣхъ птицъ внутреннимъ устройствомъ своего организма, и одинъ только стрепетъ, какъ мы увидимъ ниже, раздѣляетъ съ нею эту особенность. Дрофа имѣетъ желудокъ, и пища переваривается въ немъ, а не въ зобу. Тудаки водятся, то-есть выводятъ дѣтей, непремѣнно въ степи настоящей, еще не тронутой сохою [1]); но летаютъ кормиться вездѣ: на залежи, озими и хлѣбныя поля. Я не нахаживалъ гнѣздъ дрофы, но судя по стрепету, имѣющему съ нею большое сходство во всемъ, кромѣ величины, можно повѣрить разсказамъ охотниковъ, что дрофа кладетъ до десяти яицъ (другіе утверждаютъ, что не болѣе трехъ), похожихъ фигурою на яйца индѣйки, съ тою разницею, что дрофиныя нѣсколько больше, круглѣе, цвѣтомъ темныя, съ желтоватыми пятнами. Дрофа питается преимущественно травою, изрѣдка хлѣбными зернами; но глотаетъ всякихъ насѣкомыхъ, даже ящерицъ, неоперившихся птичекъ, мышей, земляныхъ лягушекъ и небольшихъ змѣй, чѣмъ особенно занимается журавль. Вес-

---

[1]) Есть охотники, которые утверждаютъ противное; но я, убѣжденный примѣромъ другихъ птицъ, не вѣрю, чтобы дрофа вила гнѣздо и выводила дѣтей въ молодыхъ хлѣбахъ: вѣроятно, она немедленно перемѣщается туда съ своими цыплятами.

ною появляются тудаки небольшими станичками, а къ осени собираются большими стаями; въ это время застрѣлить дрофу еще труднѣе, чѣмъ весною. Во множествѣ онѣ очень сторожки и не допускаютъ на ружейный выстрѣлъ даже картечью, хотя бы охотникъ подъѣзжалъ на крестьянской телѣгѣ, обтыканной зелеными вѣтвями, или спрятанный въ возу травы или сѣна. Но въ одиночку, даже въ парѣ, дрофы нѣсколько смирнѣе; иногда можетъ удаться подъѣхать къ нимъ въ мѣру выстрѣла крупною гусиною дробью или безымянкой: послѣдняя благонадежнѣе потому, что стрѣлять приходится не близко, и потому, что эта птица къ ружью очень крѣпка. Пѣшкомъ подойти къ ней невозможно, а можно, если мѣстность будетъ благопріятна, какъ-нибудь подползти оврагомъ, подкрасться изъ-за бугра, нежатаго хлѣба или стога сѣна. Дрофу въ одиночку и даже въ парѣ можно *заѣздить*, какъ говорятъ охотники, то-есть, увидавъ ихъ издали, начать ѣздить кругомъ: сначала круги давать большіе, а потомъ съ каждымъ разомъ ихъ уменьшать; дрофа не станетъ нажидать на себя человѣка и сейчасъ пойдетъ прочь, но какъ вездѣ будетъ встрѣчать того же, все ближе подъѣзжающаго охотника, то, походя взадъ и впередъ, ляжетъ въ какую-нибудь ямку, хотя бы въ ней негдѣ было спрятать одной ея головы; въ этомъ глупомъ положеніи, вытянувъ шею и выставивъ на показъ все свое объемистое тѣло, подпускаетъ она охотника довольно близко. Разумѣется, не на всякой мѣстности можно исполнить этотъ нехитрый маневръ.

Все, что я говорю о дрофахъ — говорю по наслышкѣ отъ достовѣрныхъ охотниковъ. Къ собственному моему удивленію и огорченію, я почти незнакомъ съ нравами и стрѣльбой этой первоклассной степной дичи, хотя долго жилъ въ такой губерніи, гдѣ дрофа, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, продолжаетъ водиться довольно изобильно. Чтобы понять такую странность, надобно принять въ соображеніе огромное пространство Оренбургской губерніи — это обширный край, цѣлое царство. Я живалъ всегда именно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ даже залетныя дрофы считались рѣдкостью. Прежде онѣ водились вездѣ, но теперь держатся только тамъ, гдѣ не такъ сильно умножилось народонаселеніе, гдѣ остались большія пространства нераспаханной, малопосѣщаемой башкирскими табунами, ковылистой степи. Впрочемъ, мнѣ случалось нѣсколько разъ нахо; дить дрофъ по одной, по двѣ и даже по нѣскольку штукъ

но не только не удалось убить, даже выстрѣлить въ дрофу привелось одинъ разъ во всю жизнь, и то въ летъ, утиною дробью и не въ мѣру. Во встрѣчахъ моихъ съ тудаками господствовала совершенная неудача, полное охотничье несчастье. Боясь наскучить моимъ читателямъ, я не стану ихъ описывать. Но застрѣленныхъ дрофъ другими охотниками, молодыхъ и старыхъ, худыхъ и жирныхъ, я видѣлъ не одинъ разъ и могъ разсмотрѣть внимательно ихъ наружность и внутренность. Полетъ у дрофы тяжелъ, крыльями она машетъ рѣдко и какъ-будто слегка переваливается съ боку на бокъ, но летитъ сильно и скоро. Весною оказывается не рано, а по наступленіи теплой погоды, когда подростетъ уже молодая трава. Говорятъ, что осенью дрофы собираются передъ отлетомъ огромнѣйшими стаями и держатся долго, постепенно подвигаясь къ югу. Разсказывали также мнѣ Башкирцы, что тудаки очень охотно бродятъ цѣлыми станицами по старымъ, уже брошеннымъ башкирскимъ *кочамъ* или *кочевьямъ*. Дрофы предпочтительно любятъ рыться и копаться тамъ, гдѣ стояли плетеные шалаши, или такъ-называемыя *калмыцкія кибитки*, и гдѣ осталось много нечистотъ человѣческихъ и скотскихъ.

Дальнѣйшихъ подробностей о нравахъ этой замѣчательной птицы, равно и о средствахъ ея добыванія, къ сожалѣнію, сообщить не могу, потому что не люблю основываться на однихъ разсказахъ.

2.

Журавль [1]).

Объемомъ собственно тѣла онъ менѣе, хотя подлиннѣе дрофы и едва ли будетъ съ большого стараго гуся; но длинныя перья на спинѣ, бокахъ и величина крыльевъ даютъ ему видъ самой большой птицы. Журавль очень высокъ на ногахъ, шея его также очень длинна, и еслибы носъ соотвѣтствовалъ другимъ членамъ, какъ то бываетъ у куликовъ, то ему слѣдовало бы быть въ полъ-аршина длиною; но его носъ, крѣпкій и острый къ концу, темно-зеленоватаго костяного цвѣта, не длиннѣе трехъ вершковъ: голова небольшая. Журавль весь свѣтло-пепельнаго, сизаго-цвѣта; передняя часть его головы покрыта черными перышками, а задняя, совершенно голая, поросла темно-красными бородавочками и кажется пятномъ малиноваго цвѣта; отъ глазъ идутъ бѣловатыя полоски, исчезающія въ темно-сѣрыхъ перьяхъ позади затылка; глаза небольшіе, сѣро-каштановые и свѣтлые; хвостъ

---

[1]) Grus cineria, Bechst. *К. Р.*

короткій: изъ него, начиная съ половины спины, торчатъ вверхъ пушистыя, мягкія, довольно длинныя, красиво загибающіяся перья; ноги и три передніе пальца покрыты жесткою, какъ будто истрекавшеюся, черною кожею.

Журавль, такъ-сказать, самая видимая, всѣмъ извѣстная, мало укрывающаяся, настоящая *строевая*, отлетная птица; онъ живетъ и въ рѣчи, и въ пословицахъ, и въ примѣтахъ народныхъ. Длинношеяго или длинноногаго человѣка какъ-разъ прозовутъ журавлемъ. Не желая мѣнять вѣрное малое на невѣрное большое, говорятъ: *не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки*; выраженіе „въ небѣ“ уже показываетъ высоту журавлинаго полета. Кто не слыхалъ ихъ пронзительнаго *курлыканья*, похожаго на отдаленные звуки волторнъ и трубъ, падающаго съ неба, съ вышины, недоступной иногда глазу человѣческому?... Эти звуки издаютъ одни самцы, и для того у нихъ дыхательное горло имѣетъ особенное устройство. Весело слушаетъ крестьянинъ весною эти звуки и вѣритъ имъ, хотя бы стояла холодная погода; эти звуки обѣщаютъ близкое тепло; за то въ жаркіе дни, какіе изрѣдка бываютъ у насъ въ исходѣ августа и даже въ началѣ сентября, крикъ высоко летящихъ журавлей наводитъ грусть на его сердце: „быть рано зимѣ“, говоритъ онъ, „журавли пошли въ походъ“, — и всегда почти вѣрно бываетъ такое предсказаніе. Полетъ и крикъ журавлиный имѣютъ въ себѣ что-то привлекательное. Иногда станица ихъ очень долго кружится на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ кругомъ забираясь выше и выше, такъ что, наконецъ, не увидитъ ихъ глазъ, и только крикъ, сначала густой, рѣзкій, зычный, потерявъ свою опредѣленность, доходитъ до насъ въ неясныхъ мягкихъ, глухихъ и вмѣстѣ пріятныхъ звукахъ. Вообще журавли весною прилетаютъ не рано, позднѣе другой дичи, и сейчасъ разбиваются на пары. Осенью отлетаютъ, собравшись предварительно въ большія стаи, въ весьма различные сроки: иногда въ началѣ августа, иногда въ исходѣ сентября; летятъ всегда днемъ. Они никогда не летятъ кучей, а всегда выстраиваются треугольникомъ, одна сторона котораго, по большей части, гораздо длиннѣе. Такой неправильный треугольникъ летящихъ журавлей очень вѣрно называютъ на югѣ Россіи *журавлиный ключъ*. потому что онъ имѣетъ совершенное сходство не съ нашими желѣзными нѣмецкими ключами, а съ простымъ, самодѣльнымъ, деревяннымъ крестьянскимъ ключемъ, которымъ

запираются и задвигаются деревянные же внутренніе засовы клѣтей и амбаровъ [1]). Впрочемъ, изрѣдка полетъ журавлей представляетъ фигуру тупого и почти равносторонняго треугольника.

Въ строгомъ смыслѣ, журавль не степная, а полевая птица. Въ настоящихъ степяхъ рѣдко встрѣтишь журавлей: они любятъ хлѣбныя поля и вспаханную землю; охотно кушаютъ всякія хлѣбныя зёрна и всегда охотнѣе — горохъ. Журавль очень прожорливъ, и за недостаткомъ корма, приготовляемаго для него человѣческими руками, жадно глотаетъ все, что ни попало: сѣмена разныхъ травъ, ягоды всякаго рода, мелкихъ насѣкомыхъ и земляныхъ червей, наконецъ ящерицъ, лягушекъ, мышей, маленькихъ сусликовъ и карбышей, неоперившихся мелкихъ птичекъ и всякихъ змѣй; къ послѣднимъ журавль имѣетъ особенный аппетитъ. Если попадается слишкомъ длинная змѣя, *желѣзница* или *мѣдяница*, то онъ расклюетъ ее носомъ на нѣсколько частей и проглотитъ; небольшихъ змѣй и ужей глотаетъ цѣликомъ, напередъ нѣсколько разъ подбросивъ ужа или змѣю очень высоко вверхъ; то же дѣлаетъ журавль съ ящерицами и лягушками; вѣроятно, онъ хочетъ (инстинктивно) прежде ихъ убить, а потомъ съѣсть. Я не раздѣляю мнѣнія нѣкоторыхъ охотниковъ, что онъ играетъ, бросая вверхъ свою добычу; но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что его желудокъ перевариваетъ такую пищу безвредно.

Журавли вьютъ гнѣзда всегда на землѣ непаханной, но иногда со всѣхъ сторонъ окруженной пашнею; для гнѣзда выбираютъ сухое, возвышенное мѣсто, нерѣдко старую, брошенную *сурчину*, непремѣнно заросшую чилизникомъ, бобовникомъ или вишенниковъ. Гнѣздо бываетъ свито незатѣйливо:

---

[1]) Ключъ этотъ очень похожъ на молотильный цѣпъ въ наклоненномъ положеніи, съ тою разницею, что висячая, короткая его часть не кругла, а плоска, и двигается не на привязи, а на деревянномъ шпенькѣ (шалнерѣ), устроенномъ въ концѣ длинной рукоятки. Натъ внутреннею задвижкой амбара или клѣти, имѣющею на себѣ зарубку, проверчена въ дверномъ косякѣ сквозная дыра; хозяинъ, желая запереть амбарушку, пропускаетъ выпрямленный ключъ снаружи внутрь: опускная короткая его половина, вышедъ изъ отверстія, сейчасъ опускается и попадаетъ прямо въ зарубку: повернувъ направо или налѣво, смотря по устройству двери, онъ задвигаетъ внутренній засовъ. Этотъ ключъ, иногда желѣзный, до сихъ поръ употребляется вездѣ въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ города. Разумѣется, такой запоръ не удержитъ ночного вора: но ребятишки и скотина не отворятъ запертой двери, и цѣль вполнѣ достигается.

это просто круглая ямка на землѣ, слегка устланная сухою травою; два огромныя длинныя яйца, похожія фигурою на куличьи, зеленовато-пепельнаго цвѣта, испещренныя крупными темно-коричневыми крапинками, лежатъ, ни чѣмъ не окруженныя и не покрытыя. Журавль съ журавлихой, или *журкой* (такъ ласково называетъ ее народъ), сидятъ попеременно на яйцахъ; свободный отъ сидѣнья ходитъ кругомъ гнѣзда поодаль, кушаетъ и караулитъ; громкій его крикъ возвѣщаетъ приближеніе какой-нибудь опасности, и сидящій на яйцахъ сейчасъ бросаетъ ихъ, отбѣгаетъ, согнувшись, въ сторону, и начинаетъ звать своего дружку, который немедленно къ нему присоединяется; они вмѣстѣ уходятъ отъ гнѣзда дальше или улетаютъ. Очевидно, что большой горячности къ гнѣздамъ и яйцамъ журавли не имѣютъ; не много больше оказываютъ ее и дѣтямъ. Когда выведутся журавлята, то старики уводятъ ихъ въ нежатый хлѣбъ или въ луга, гдѣ растутъ кусты и высокая трава; если же луга выкосятъ, то журавли скрываются съ молодыми въ мелкомъ лѣсу, кустахъ и камышахъ уремы, а иногда въ лѣсныхъ опушкахъ. Смотря по мѣстности и удобству, журавли выводятъ иногда дѣтей въ лугахъ и даже болотныхъ уремахъ. Журавлята всегда бываютъ неуклюжи, нескладны, слабы и безпрестанно пищатъ очень жалобно. Они выводятся, покрытые сизымъ пухомъ, и долго въ немъ остаются; перятся очень медленно. Будучи пойманы и выкормлены вмѣстѣ съ дворовою птицей, очень скоро привыкаютъ ко всякой пищѣ и дѣлаются совершенно ручными; но какъ скоро подростутъ крылья, то непремѣнно улетятъ, если не въ первый годъ, то въ слѣдующій; если же крылья подрѣзывать, то остаются ручными, но дѣтей не выводятъ.

Вообще журавль довольно осторожная птица, и къ журавлиной стаѣ подъѣхать и даже подкрасться очень мудрено; но въ одиночку или въ парѣ, особенно если найдешь ихъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ они затѣваютъ гнѣздо, журавли гораздо смирнѣе и на простой телѣгѣ, или охотничьихъ дрожкахъ, иногда можно подъѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Нечего и говорить, что дробь надобно употреблять самую крупную, безымянку, а для журавлиныхъ стай въ осеннее время необходимо имѣть въ запасѣ заряды мелкой картечи. Обыкновеннымъ образомъ стрѣлять журавлей очень трудно и мало убьешь ихъ, а надобно употреблять для этого особенные пріемы и хитрости, то-есть подкрадываться къ нимъ

изъ-за кустовъ, скирдовъ хлѣба, стоговъ сѣна и проч. и проч. Можно также, узнавъ предварительно, куда летаютъ журавли кормиться, гдѣ проводятъ полдень, гдѣ ночуютъ и чрезъ какія мѣста пролетаютъ на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное мѣсто и ожидать въ немъ журавлей на перелетѣ, на корму или на ночевкѣ; ночевку журавли выбираютъ на мѣстахъ открытыхъ, даже иногда близъ проѣзжей дороги; обыкновенно всѣ спятъ стоя, заложивъ голову подъ крылья, вытянувшись въ одинъ или два ряда и выставивъ по краямъ одного или двухъ сторожей, которые только дремлютъ, не закладывая головъ подъ крылья, дремлютъ чутко, и какъ скоро замѣтятъ опасность, то зычнымъ крикомъ разбудятъ товарищей, и всѣ улетятъ.

Весьма естественно, что журавль — сильная птица; но къ этой силѣ присоединяются особенныя оборонительныя оружія, которыми снабдила его природа; они состоятъ въ крѣпости костей его крыльевъ, ударъ которыхъ ужасно силенъ, въ длинныхъ ногахъ и крѣпкихъ пальцахъ съ твердыми ногтями, и, наконецъ, въ довольно длинномъ, очень крѣпкомъ и остромъ клювѣ. При помощи такого оружія, легко раненый журавль дѣлается опасною птицею для охотника и собаки, если они вздумаютъ неосторожно его схватить. Сначала подстрѣленный журавль бѣжитъ прочь и очень шибко, такъ что безъ собаки трудно догнать его: скорость своему бѣгу придаетъ онъ подмахиваньемъ крыльевъ или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, онъ, на всемъ бѣгу, бросается на спину и начинаетъ защищаться ногами и носомъ, проворно и сильно поражая противника. Я видѣлъ печальныя слѣдствія такой храброй обороны: одного криваго охотника и одну кривую собаку; и тотъ и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненаго журавля.

Когда журавль серьезенъ и важно расхаживаетъ по полямъ, подбирая попадающійся ему кормъ всякаго рода, въ немъ ничего нѣтъ смѣшного; но какъ скоро онъ начнетъ бѣгать, играть, присѣдать и потомъ подпрыгивать вверхъ съ распущенными крыльями, или вздумаетъ приласкаться къ своей дружкѣ, то нельзя безъ смѣха смотрѣть на его продѣлки: до такой степени нейдетъ къ нему всякое живое и рѣзвое движеніе. Нѣсколько журавлей, выплясывающихъ другъ передъ другомъ, или пара соединяющихся супруговъ, способны заставить расхохотаться всякаго несмѣшливаго человѣка. Разумѣется, такія сцены можно видѣть или издали,

или подкравшись такъ осторожно, чтобы журавли не примѣтили человѣка.

Я уже сказалъ, что журавлей стрѣлять трудно, по разнымъ причинамъ, и что никогда не добудешь ихъ много въ одно поле, особенно не убьешь однимъ зарядомъ двухъ или трехъ. Для этого нуженъ какой-нибудь счастливый случай; со мной случилось такихъ два. Одинъ разъ, поздно воротившіеся съ работы крестьяне сказали мнѣ, что проѣхали очень близко мимо станицы спящихъ журавлей; ночь была мѣсячная; я бросился съ ружьемъ въ крестьянскую телѣгу и велѣлъ везти себя по той самой дорожкѣ, по которой ѣхали крестьяне. Журавли подпустили меня очень близко, хотя сторожа ихъ не спали, но не подняли тревоги. Я заѣхалъ такъ, чтобы можно было ударить вдоль линіи спящихъ журавлей, которыхъ было десятка два: я прицѣлился въ третьяго съ края, и однимъ вѣстрѣломъ убилъ четверыхъ. Это случилось въ августѣ, во время еще сильныхъ жаровъ. Въ другой разъ, въ необыкновенно теплую осень, именно 24-го сентября, увидѣлъ я, разумѣется уже пролетную, огромную стаю журавлей, опустившуюся на хлѣбное сжатое поле. Мѣсто было чистое и подъѣздъ, даже подходъ, невозможенъ. Я поползъ межой, заросшею бобовникомъ и вишенникомъ, и залегъ въ ней, а дрожкамъ своимъ велѣлъ заѣхать съ противоположной стороны. Журавли медленно подвигались прямо на меня, а мои дрожки продолжали ѣздить взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока вся журавлиная стая не подошла ко мнѣ очень близко. Наконецъ, я выстрѣлилъ: три журавля остались на мѣстѣ, а четвертый, тяжело раненый, пошелъ на отлетъ книзу и упалъ, версты за полторы, въ глухой и болотистой уремѣ, при соединеніи рѣки Боклы съ Насягаемъ. Я искалъ его вплоть до вечера, и наконецъ нашелъ съ помощью собаки, но уже мертваго.

Журавль не можетъ подняться съ мѣста вдругъ. Ему нужно сажени двѣ-три, чтобы разбѣжаться. Въ доказательство этому я видѣлъ своими глазами весьма странный случай: охотникъ, возвращавшійся домой съ двумя борзыми собаками, случайно съѣхался со мной, и мы, продолжая путь вмѣстѣ, увидѣли двухъ журавлей, ходившихъ по скошенному лугу очень близко отъ большого стога сѣна. Охотникъ вздумалъ показать ихъ своимъ собакамъ: онѣ воззрились и пустились мастерить къ журавлямъ изъ-за стога. Охотникъ, ѣхавшій

верхомъ, шутя поскакалъ за собаками. Что же вышло? Одна изъ собакъ, порѣзвѣе, выскочивъ внезапно изъ-за стога, успѣла схватить за ногу тяжело поднимавшагося журавля; скоро подоспѣла другая собака, и обѣ вмѣстѣ, хотя порядочно исклеванныя, удержали журавля до прибытія охотника, и онъ взялъ его живого. На этомъ основаніи можно повѣрить разсказамъ, что въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ, гдѣ къ осеннему отлету собираются безчисленныя станицы журавлей, крестьяне бьютъ ихъ дубинками, предварительно заставя столпиться въ кучу боковыми заѣздами, и наведя такимъ образомъ на засаду, изъ которой бросаются неожиданно на журавлей верховые съ длинными палками.

Мясо старыхъ журавлей всегда сухо и довольно черство, но имѣетъ весьма пріятный вкусъ и запахъ дичины. Мясо же молодыхъ отлично хорошо, мягко и сочно. Журавли никогда не бываютъ жирны, даже передъ своимъ отлетомъ, несмотря иногда на питательную, хлѣбную пищу. Самый сытый осенній журавль имѣетъ только на своей хлупи тонкую пелену жира, лежащую двумя полосами, да по небольшому куску сала подъ мышками; но во внутренности жиру бываетъ довольно. Молодой жареный журавль, по моему, очень вкусенъ: всего же пригоднѣе онъ для фарша въ паштетъ и для окрошки.

Старинные охотники, да и теперь охотники деревенскіе, дорожатъ журавлями за изъ величину; хотя мясо и жестковато, за то *есть* что *поѣсть*. Я долженъ признаться, что въ молодости самъ съ большимъ увлеченіемъ гонялся за ними, жадничая убить такую крупную дичь.

3.

Стрепетъ [1]).

Народъ называетъ его иногда *стрепель:* и то, и другое имя характерно выражаетъ взлетъ, или подъемъ, и самый полетъ этой птицы. Стрепетъ точно *встрепенется*, когда поднимается, или, вѣрнѣе сказать, сорвется съ земли. Онъ летитъ очень сильно и проворно. Даже маханье крыльями незамѣтно: такъ часто онъ ими машетъ. Стрепетъ дрожитъ, *трепещетъ* въ воздухѣ, какъ будто на одномъ мѣстѣ, и въ то же время быстро летитъ впередъ. Всегда прямой его полетъ производитъ дребезжащій свистъ, далеко слышный и неравнодушно слышимый охотниками. По крайней мѣрѣ я уважалъ стрепетовъ болѣе всей степной дичи, разумѣется кромѣ дрофъ, которыхъ мнѣ стрѣлять не удавалось. Стрепетъ поменьше нѣсколько старой тетеревиной курочки. Онъ, конечно, въ восемь разъ менѣе матерой дрофы, но сходенъ съ нею во всемъ устройствѣ своихъ наружныхъ и внутреннихъ членовъ, кромѣ цвѣта перьевъ. Онъ преимущественно питается травой, но изрѣдка глотаетъ и насѣкомыхъ; пища

---

[1]) Въ Малороссіи *хохотва*, *степная курица*; на Каспіи *степной тетеревъ*, *трясучка*—названія, вѣрно характеризующія общій складъ, голосъ и полетъ этой птицы. Otis tetrax, L. *К. Р.*

переваривается у него не въ зобу, а въ желудкѣ; пухъ на тѣлѣ имѣетъ рѣдкій, розовый, и такого же цвѣта пушистые корни всѣхъ перьевъ; голова, шея, носъ, ноги и весь складъ стрепета—чисто куриный. Весьма трудно передать зеленовато-сѣрую пестроту перьевъ стрепета. Каждое перо, по бланжевому полю, испещрено въ разныя стороны идущими, прямыми извилистыми полосками, но правильно и однообразно расположенными; всѣ же перья вмѣстѣ на спинѣ представляютъ общую пестроту того же цвѣта съ черноватыми пятнами, которая происходитъ отъ того, что одно перо складывается съ другимъ, своими темными полосками или извилинками; изъ этого составляются какъ-будто пятна. Шея также пестрая, съ дольными бѣловатыми полосками; головка черновата, а зобъ и верхняя часть хлупи по бѣлому полю испещрены, напротивъ, поперечными полосками; остальная хлупь вся бѣлая и подъ крыльями подбой также бѣлый; въ крыльяхъ три первыя пера сверху темныя, а остальныя бѣлыя, съ темными каймами на концахъ; хвостъ короткій, весь въ мелкихъ сѣрыхъ пестринкахъ; на каждомъ хвостовомъ перѣ, на палецъ отъ конца, лежитъ поперекъ темная узенькая полоска; ноги блѣдно-зеленоватаго цвѣта. Самецъ же отличается тѣмъ, что у него подъ горломъ и на зобу перья темнѣе, и даже кажутся сплошь черными, а поперекъ зоба лежитъ прорѣзная бѣлая полоска. Крылья у стрепета кругловаты и, когда онъ летитъ, кажутся какъ-будто выпуклыми. Стрепетъ водится, то-есть выводитъ дѣтей, непремѣнно въ степи, но летаетъ кормиться и даже постоянно держится вездѣ на поляхъ: весной по жнивью, по молодымъ хлѣбамъ и залежамъ, а къ осени—по скошеннымъ лугамъ, когда начнетъ подростать на нихъ молодая отава, и по озимямъ. Онъ охотно ѣстъ всякія хлѣбныя зерна, любитъ клевать лошадиный пометъ, и для добыванья того и другого упорно держится около степныхъ и полевыхъ дорогъ, по колеямъ которыхъ бѣгаетъ очень проворно; но преимущественная пища его—молодая трава. Кто ѣзжалъ по такимъ дорогамъ, тотъ вѣрно поднималъ стрепетовъ, и даже видалъ, какъ они бѣгаютъ впереди лошадей. Если проѣзжій ѣдетъ тихо, то стрепетъ, наскучивъ долгимъ бѣгомъ и не желая, вѣроятно, отдалиться отъ прежняго своего мѣста, сворачиваетъ въ сторону, для чего надобно ему, не безъ труда, перелѣзть чрезъ глубокія колеи, отбѣгаетъ нѣсколько саженъ и приляжетъ въ траву до тѣхъ поръ, пока не проѣдетъ мимо

телѣга или кибитка. Лежа съ вытянутою шеей, онъ поднимаетъ отъ времени до времени свою черноватую головку, и, видя, что проѣзжій спокойно удаляется, возвращается опять на дорогу, и побѣжитъ по ней уже назадъ. Если же повозка ѣдетъ скоро, и стрепетъ видитъ, что его догоняютъ, онъ поднимается, и отлетѣвъ нѣсколько саженъ, а иногда и шаговъ, садится на землю и черезъ нѣсколько времени также возвращается опять на дорогу. Это я говорю о стрепетахъ смирныхъ и ненапуганныхъ. Около полдня онъ уходитъ въ степь, а по утрамъ и вечерамъ постоянно колотится около дорогъ. Онъ имѣетъ свой особенный крикъ, звуки котораго трудно передать буквами; онъ нѣсколько похожъ на слогъ: *пржи*. Крикъ этотъ очень обманчивъ: будучи слабъ и глухъ, онъ слышенъ очень далеко; сначала покажется, что стрепетъ кричитъ въ нѣсколькихъ саженяхъ; неопытный охотникъ бросается съ ружьемъ прямо на этотъ крикъ, ожидая, что стрепетъ сейчасъ же поднимется; но крикъ все удаляется, и утомясь понапрасну, охотникъ будетъ принужденъ оставить свои преслѣдованія. Конечно, этому обману много способствуетъ то, что стрепетъ очень скоро бѣгаетъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что охотникъ и заслышалъ этотъ крикъ очень издалека, потому что близко къ человѣку стрепетъ не кричитъ.

Стрепета прилетаютъ весною не рано и, безъ сомнѣнія, большими станицами, точно такъ, какъ улетаютъ осенью; но мнѣ не удавалось видѣть ихъ *пролетныхъ*. Когда наступитъ теплая погода, и вездѣ пойдетъ молодая трава, стрепета вдругъ оказываются по степнымъ мѣстамъ и полямъ уже въ разсыпную. По преимуществу будучи степною птицею, стрепетъ вьетъ гнѣздо въ степи, въ самомъ открытомъ мѣстѣ, почти всегда подъ кустикомъ ковыля. Плоское круглое гнѣздо свивается изъ сухой травы, съ примѣсью собственныхъ перьевъ. Яицъ бываетъ до девяти: по крайней мѣрѣ, я болѣе не нахаживалъ. Стрепетиныя яйца крупнѣе, чѣмъ можно ожидать: они не меньше куриныхъ крупныхъ яицъ, покрытыя яркимъ, зеленымъ лоснящимся цвѣтомъ, съ маленькими желтоватыми крапинками; яйца ихъ необыкновенно красивы. Ничего не могу сказать, одна ли самка сидитъ на яйцахъ, или эту заботу раздѣляетъ съ нею и самецъ. Стрепетиныя гнѣзда и выводки попадаются охотникамъ очень рѣдко, молодыхъ же стрепетятъ я даже не нахаживалъ,—вѣроятно отъ того, что матка удаляется съ дѣтьми въ даль степей, куда мнѣ рѣдко

случалось ходить; гнѣзда я находилъ не такъ далеко отъ хлѣбныхъ полей. Можно предполагать, что стрепета разбиваются на пары, во-первыхъ потому, что никто никогда не замѣчалъ ихъ токовъ, и во-вторыхъ потому, что съ весны, почти всегда, гдѣ поднимешь одного стрепета, тамъ найдется и другой. Различія въ перьяхъ между самцомъ и самкою, кромѣ сказаннаго мною, никакого нѣтъ; но самка нѣсколько меньше. Она сидитъ на яйцахъ до невѣроятности крѣпко; я имѣлъ этому убѣдительное доказательство. Однажды подъѣзжалъ я къ стрепету, который, не допустивъ меня въ настоящую мѣру, поднялся; я ударилъ его въ летъ *на ѣздѣ*, и мнѣ показалось, что онъ подбитъ, и что, опускаясь къ низу саженяхъ во ста отъ меня, онъ упалъ; не выпуская изъ глазъ этого мѣста, я сейчасъ побѣжалъ къ нему; но, не добѣжавъ еще до замѣченной мною мѣстности, я на что-то наткнулся и едва не упалъ; невольно взглянулъ я мелькомъ, за что задѣла моя нога, и увидѣлъ лежащаго стрепета съ окровавленною спиной; я счелъ его за подстрѣленнаго и подумалъ, что ошибся разстояніемъ; видя, что птица жива, я проворно схватилъ ее и поднялъ. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что подъ нею находилось гнѣздо и девять яицъ: кровь на спинѣ выступила отъ того, что я задѣлъ по ней каблукомъ своего сапога, подбитаго гвоздями, и содралъ лоскутъ кожи шириною въ палецъ. Я еще не видывалъ стрепетиныхъ гнѣздъ, и какъ въ то время я собиралъ птичьи яйца, то чрезвычайно обрадовался этой находкѣ; вдобавокъ яйца были не насиженныя, совершенно свѣжія, и выпускать ихъ внутренность было очень легко. Очевидно, что стрепетиная курочка недавно снесла послѣднее яйцо и сѣла высиживать яйца. Я замазалъ незначительную рану густымъ дегтемъ съ колеса моихъ дрожекъ и пустилъ стрепетиную матку на волю: чрезъ нѣсколько минутъ поднялся мимо-подбитый стрепетъ, не допустивъ меня въ мѣру и не давъ почуять себя моей собакѣ; вѣроятно, это былъ самецъ пущенный мною на волю самки. Я считаю это обстоятельство нѣсколько подтверждающимъ мое мнѣніе, что стрепета разбиваются на пары и вмѣстѣ выводятъ дѣтей.

Къ осени стрепета собираются въ стаи, которыя иногда бываютъ очень велики, паръ до пятидесяти: чѣмъ стая больше, тѣмъ труднѣе къ ней подъѣхать, потому что птица во множествѣ всегда очень сторожка. Стрепета держатся иногда до

октября, и въ это время любимое ихъ мѣстопребываніе — озими и скошенная степь; они любятъ щипать вторые, поздніе ростки озимей и молодую травку. Въ холодноватую и ненастную погоду, кромѣ утра и вечера, они держатся остальное время въ залежахъ, заросшихъ высокою полынью, лебедой и козлецомъ: тамъ имъ и тепло, и сухо. Дребезжащій, мѣрный свистъ отъ полета стрепетиной стаи очень далеко слышенъ по зарямъ.

Охоту за стрепетами я любилъ страстно и часто ѣзжалъ за ними очень далеко, потому что тамъ, гдѣ я постоянно жилъ, ихъ водилось немного. Съ весны и въ продолженіе всего лѣта, стрепета въ мѣстахъ степныхъ, далекихъ отъ жилья, не пуганные и не стрѣленные, особенно въ одиночку или попарно, довольно смирны; но весьма скоро дѣлаются чрезвычайно дики и сторожки, особенно стайками, такъ что нерѣдко, изъѣздивъ за ними десятки верстъ и ни разу не выстрѣливъ, я принужденъ бывалъ бросать ихъ, хотя и видѣлъ, что они, перелетѣвъ саженъ сто или двѣсти, опускались на землю. Съ напуганными стрепетами не помогаетъ и самый дѣйствительный способъ, то-есть *круговой заѣздъ*. Нечаянно можно иногда наѣхать очень близко не только на одного стрепета, но и на порядочную станичку; за то, какъ скоро они пересядутъ, подъѣздъ сдѣлается гораздо труднѣе. Надо замѣтить, что стрепета, взлетѣвъ, скоро садятся, и очень рѣдко случается, чтобъ они улетали слишкомъ далеко, то-есть пропадали изъ глазъ. Вообще стрепетъ сторожекъ, если стоитъ на ногахъ или бѣжитъ, и смиренъ, если лежитъ, хотя бы мѣсто было совершенно голое: онъ вытянетъ шею по землѣ, положитъ голову въ какую-нибудь ямочку или впадинку, подъ наклонившуюся травку, и думаетъ, что онъ спрятался; въ этомъ положеніи онъ подпускаетъ къ себѣ охотника (который никогда не долженъ ѣхать прямо, а всегда около него и стороною) очень близко, иногда на три и на двѣ сажени. Въ такой близкой мѣрѣ нѣтъ никакой надобности, но я пробовалъ дѣлать это изъ любопытства. Итакъ, весь успѣхъ зависитъ отъ того, чтобы стрепетъ или стрепета легли. Благонадежнѣйшее средство для достиженія этой цѣли, какъ я уже говорилъ, состоитъ въ томъ, чтобы ѣздить кругомъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они лягутъ. Если стрепетъ одинъ и не слишкомъ напуганъ, то ляжетъ сейчасъ. Если же ихъ нѣсколько, то они долго бродятъ вмѣстѣ, пока не ра-

зобьются и не полягутъ въ разныхъ мѣстахъ; большая пересѣвшая стая никогда не ляжетъ. Иногда случается, что отъ выстрѣла и даже отъ двухъ выстрѣловъ въ лежащаго или взлетѣвшаго стрепета, другой, близехонько притаившійся, стрепетъ не поднимается; а потому никогда не должно брать убитаго, и вообще не надобно трогаться съ мѣста, не зарядивъ обоихъ стволовъ своего ружья. Весьма ловко и способно бить стрепетовъ въ летъ, даже лучше чѣмъ сидячихъ: по крайней мѣрѣ, мнѣ всегда такъ казалось. Обыкновенно, подъѣхавъ въ мѣру, я соскакивалъ съ дрожекъ и шелъ прямо къ стрепету до тѣхъ поръ, пока онъ не поднимался: тогда я стрѣлялъ не торопясь, на какомъ мнѣ угодно разстояніи, и рѣдко прибѣгалъ къ другому стволу. Убить нѣсколько стрепетовъ однимъ зарядомъ—великая рѣдкость; надобно, чтобы большая стая подпустила въ мѣру и сидѣла кучно, или чтобы вся стая нечаянно налетѣла на охотника; убивать пару, то-есть изъ обоихъ стволовъ по стрепету, мнѣ случалось часто; но одинъ только разъ убилъ я изъ одного ствола трехъ стрепетовъ сидячихъ, а изъ другого двухъ въ летъ; это случилось нечаянно: я наскакалъ на порядочную стаю, которая притаилась въ густой озими, такъ что ни одного стрепета не было видно; въ нѣсколькихъ саженяхъ, двое изъ нихъ подняли свои черныя головки, кучеръ мой увидѣлъ ихъ и указалъ мнѣ; изъ одного ствола выстрѣлилъ я по сидячимъ, а изъ другого по взлетѣвшей стаѣ: трое остались на землѣ, а два упали сверху; стрепетовъ было штукъ тридцать.

Только самая вѣжливая собака, послушно идущая сзади, почти подъ самыми дрожками, можетъ быть пригодна для стрѣльбы стрепетовъ съ подъѣзда. То же должно сказать о стрѣльбѣ вообще всякой сидячей птицы, кромѣ тетеревовъ и вяхирей, которые, сидя на деревьяхъ и посматривая съ любопытствомъ на рысканье собаки, отъ того даже менѣе обращаютъ вниманія на охотника и ближе его подпускаютъ; всякая другая птица, сидящая на землѣ, гораздо больше боится собаки, чѣмъ приближающагося человѣка. Несмотря на то, добрая собака, съ долгимъ и верхнимъ чутьемъ, весьма полезна для отыскиванья стрепетовъ, которые иногда, особенно въ разсыпную, такъ плотно и крѣпко таятся въ травѣ или молодомъ хлѣбѣ, что охотникъ проѣдетъ мимо и не увидитъ ихъ; но собака съ тонкимъ чутьемъ почуетъ стрепетовъ издалека и поведетъ прямо къ нимъ охотника; за то Боже со-

храни отъ собаки горячей и гоняющейся за птицей: съ нею не убьешь ни одного стрепета. Дробь надобно употреблять по большей части 5-го нумера, потому что стрепетъ не изъ крѣпкихъ птицъ. Впрочемъ для напуганныхъ стрепетовъ нуженъ и 4-й нумеръ; для большихъ же стай на дальнюю мѣру можно иногда пустить въ дѣло и самые крупные сорты дроби.

Жирныхъ стрепетовъ я не видывалъ; но прилетные съ весны, особенно отлетные осенью, бываютъ довольно сыты. Мясо ихъ имѣетъ отличный вкусъ, собственно ему принадлежащій: оно нѣсколько похоже на куриное, съ примѣсью тонкаго вкуса дичины. Стрепета считаются самымъ питательнымъ и въ то же время легкимъ и здоровымъ кушаньемъ.

Въ Малороссіи называютъ стрепета *хохотва* — имя тоже чрезвычайно выразительное. Великороссы дали стрепету названіе по его взлету, по трепетному, видимому движенію его крыльевъ, а малороссы — по особеннымъ звукамъ, производимымъ его полетомъ. Дѣйствительно, эти дребезжащіе звуки похожи на какой-то странный, отдаленный хохотъ.

4.

Кроншнепъ или степной куликъ [1]).

Русскаго имени этого кулика объяснять не нужно; но почему нѣмцы называютъ его *коронымъ* или *королевскимъ* куликомъ — я не знаю: на головѣ его ничего похожаго на вѣнецъ или корону непримѣтно; можетъ быть за величину, которою кроншнепъ безспорно превосходитъ всѣхъ другихъ куликовъ. Французы называютъ его *курли*, русскіе охотники—кроншнепомъ, а народъ—*степнякомъ* или *степнягой*, потому что степь по преимуществу служитъ ему постояннымъ жилищемъ: въ степи выводитъ онъ дѣтей, и въ степи же достигаютъ они полнаго возраста. Его звучный, колокольчикомъ заливающійся голосъ, больше всѣхъ другихъ птичьихъ голосовъ одушевляетъ однообразную равнину и тишину степи. Кроншнепы, по величинѣ своей, раздѣляются на три рода: большихъ, среднихъ и малыхъ. Кроншнепъ большаго рода, объемомъ своего тѣла, будетъ съ тетеревиную курочку или дворовую курицу; кроншнепъ среднiй нѣсколько его меньше, а кроншнепъ малый — гораздо меньше, не больше

---

[1]) Также *котрусь*. Numenius arquata, L. *К.Р.*

русскаго голубя: послѣдняя порода несравненно многочисленнѣе двухъ первыхъ. Я опишу подробно, разумѣется съ натуры, средняго кроншнепа и потомъ скажу, въ чемъ всѣ три породы различаются между собою; въ пестротѣ же перьевъ и въ складѣ всѣхъ частей тѣла они совершенно сходны. Средній кроншнепъ весь сѣро-пестрый и покрытъ блѣдно-коричневыми пятнами или крапинами: на спинѣ и крыльяхъ, особенно на крайней ихъ половинѣ, крапины гораздо крупнѣе и темно-коричневѣе, а на шеѣ, головѣ и груди мельче, желтоватѣе и свѣтлѣе; брюхо почти бѣлое, кромѣ рѣдкихъ, коричневыхъ, весьма красивыхъ, копьеобразныхъ пятенъ; подбой крыльевъ, идущій около папоротки, состоитъ изъ чисто-бѣлыхъ мелкихъ перышекъ, а изнанка остальныхъ большихъ перьевъ блѣдно-сѣрая, очень красивая и явственно повторяетъ узоръ верхней стороны крыльевъ. Хвостовыя перья сверху пестрыя, а снизу почти бѣлыя; надъ хвостомъ, подъ коричневыми длинными перьями, уже съ половины спины лежатъ ярко-бѣлыя перья съ небольшими копьеобразными крапинками; на шеѣ, подъ горлышкомъ, перышки свѣтлы, даже бѣлесоваты; глаза небольшіе, темные; шея длиною въ три вершка; носъ темно-роговогo цвѣта, довольно толстый, загнутый книзу, въ два вершка съ половиною; крылья очень большія, каждое длиною въ двѣ четверти съ вершкомъ, если измѣрять отъ плечного сустава до конца послѣдняго пера; хвостъ коротенькій; ноги въ четверть длиною; пальцы соразмѣрные; цвѣтъ кожи на ногахъ темный, пальцы еще темнѣе, а ногти совсѣмъ черные, небольшіе и крѣпкіе. Особенность кроншнепа — загнутый книзу носъ — мѣшаетъ ему пить обыкновеннымъ образомъ. Кроншнепъ, зачерпнувъ носомъ воды, проворно оборачиваетъ голову и носъ нижнею стороной кверху, чѣмъ и удерживаетъ въ немъ воду, какъ въ вогнутомъ сосудѣ; еще проворнѣе заворачиваетъ онъ назадъ голову и носъ, въ томъ же обращенномъ положеніи поддѣваетъ подъ ногу (для чего одну ногу подгибаетъ), потомъ быстро вытягиваетъ вверхъ голову и спускаетъ воду въ горло... операція довольно мудреная, которую кроншнепъ выполняетъ очень ловко и легко. Кромѣ превосходства въ величинѣ, кроншнепъ перваго разряда темно-коричневѣе перомъ и голосъ имѣетъ короткій и хриплый; онъ выводитъ иногда дѣтей въ сухихъ болотахъ и въ опушкахъ мокрыхъ, поросшихъ большими кочками, мохомъ, кустами и лѣсомъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ полей или степныхъ мѣстъ; изрѣдка

присоединяется къ нему кроншнепъ средній, но никогда малый, который всегда живетъ въ степяхъ и который перомъ гораздо свѣтлѣе, и крапинки на немъ мельче; голосъ его гораздо чище и пронзительнѣе, чѣмъ у средняго кроншнепа, крикъ котораго нѣсколько гуще и не такъ протяженъ. Всѣ три породы— отличные бѣгуны, особенно кроншнепъ малаго рода: когда станетъ къ нему приближаться человѣкъ, то онъ, согнувши нѣсколько свои длинныя ноги, вытянувъ шею и наклонивъ немного голову, пускается такъ проворно бѣжать, что глазъ не успѣваетъ слѣдить за нимъ, и мелькая въ степной травѣ какою-то вьющеюся лентой, онъ скоро скрывается отъ самаго зоркаго охотника.

Всѣ три породы кроншнеповъ прилетаютъ не рано, въ половинѣ и даже въ исходѣ апрѣля; сначала летятъ большими стаями очень высоко, такъ что ихъ не видно, а слышенъ только особенный, звучный крикъ, который однако не такъ протяженъ, какъ въ то время, когда они займутъ свои постоянныя лѣтнія квартиры — зеленыя степи. Вскорѣ послѣ своего ранняго пролета, начнутъ попадаться кроншнепы по вспаханнымъ полямъ, по оттаявшему прошлогоднему жнивью, по берегамъ весеннихъ лужъ, прудовъ, озеръ и даже плоскимъ берегамъ рѣкъ, разлившимся по низменнымъ мѣстамъ. Рѣдко попадались они мнѣ станичками, а почти всегда попарно или въ одиночку. Для всякаго охотника пріятно встрѣтить въ это время и убить кроншнепа: онъ бываетъ тогда сторожекъ, сытъ и довольно рѣдокъ; къ тому же весеннее появленіе и шатанье ихъ продолжается весьма недолго: какъ скоро оттаютъ и провянутъ степи,—кроншнепы ужъ тамъ. Я даже полагаю, что встрѣчаемые весной по рѣкамъ, озерамъ и прудамъ, степные кулики—всѣ пролетные, еще не долетѣвшіе до своего настоящаго мѣстопребыванія; а коренные жильцы степей прямо опускаются на степи: они тоже въ свою очередь были пролетными и шатались вездѣ, пока не долетѣли до своихъ выводныхъ мѣстъ. Я убѣждаюсь въ справедливости этого предположенія тѣмъ, что почти всегда, объѣзжая весною разливы рѣкъ по долинамъ и болотамъ, встрѣчалъ тамъ кроншнеповъ, которые кричали еще пролетнымъ крикомъ или голосомъ, не столь протяжнымъ и одноколѣннымъ; а поднявшись на гору и подавшись въ степь, на версту или менѣе, сейчасъ находилъ степныхъ куликовъ, которые, очевидно, уже начали тамъ хозяйничать, бились около однихъ и тѣхъ же мѣстъ и кри-

чали по лѣтнему: звонко заливались, когда летѣли кверху, и брали другое трелевое колѣно, звуки котораго гуще и тише, когда опускались и садились на землю. Точно то же замѣчали и другіе охотники. Первое колѣно въ крикѣ кроншнепа, можно сказать, состоитъ изъ верхнихъ нотъ, а второе изъ нижнихъ. Есть еще крикъ у него, который похожъ на какое-то завыванье или затягиванье голоса въ себя; онъ испускаетъ его *только* въ сидячемъ положеніи, собираясь летѣть. Часто эти звуки открываютъ его, притаившагося въ травѣ. Кроншнепы съ прилета, какъ и всякая птица, довольно сторожки; но, оглядясь, скоро дѣлаются нѣсколько смирнѣе, и тогда можно подъѣзжать къ нимъ на охотничьихъ дрожкахъ или крестьянскихъ роспускахъ; какъ же только примутся они за витье гнѣздъ, то становятся довольно смирны, хотя не до такой степени, какъ болотные кулики и другіе мелкіе кулички. Бѣда для кроншнеповъ ранняя, теплая и сухая весна! Они скоро совьютъ гнѣзда и сядутъ на яйца, и въ это время застигаютъ ихъ степные пожары или палы. Я имѣлъ уже случай говорить объ этомъ губительномъ обычаѣ; степная дичь терпитъ отъ него ужасное раззоренье. Если весна поздняя и мокрая, то огонь не можетъ распространиться вездѣ, не уходитъ далеко въ глубь степей, и птица бываетъ спасена; но въ раннюю, сухую весну, потокъ пламени обхватываетъ огромное пространство степей и губитъ не только всѣ гнѣзда и яйца, но нерѣдко и самихъ птицъ... Когда огненный ураганъ пронесется, земля остынетъ и перестанетъ дымиться, уцѣлѣвшіе кроншнепы, иногда далеко отогнанные разливомъ огня, сейчасъ возвращаются къ своимъ гнѣздамъ, и если найдутъ ихъ сгорѣвшими, то немедленно завиваютъ новыя, какъ можно ближе къ старымъ и непремѣнно на мѣстахъ или мѣстечкахъ, уцѣлѣвшихъ отъ огня. Несомнѣнная истина, что на горѣломъ мѣстѣ никакая птица гнѣзда не вьетъ; иногда это можетъ показаться несправедливымъ, потому что птица живетъ и выводится, очевидно, на паленыхъ степяхъ; но я, внимательнымъ изысканіемъ, убѣдился, что гнѣздо всегда свивается на мѣстѣ *не паленомъ*, хотя бы оно было величиною въ сажень, даже менѣе, и обгорѣло со всѣхъ сторонъ. Когда выростетъ трава, то при поверхностномъ обозрѣніи, нельзя замѣтить, гдѣ горѣло и гдѣ нѣтъ; но, разогнувъ свѣжую зеленую траву, около самаго гнѣзда, вы всегда найдете прошлогоднюю, сухую траву, чего на горѣломъ мѣстѣ нѣтъ и быть не можетъ, и въ чемъ убѣдиться не трудно. Если же палы случатся поздно (что

иногда бываетъ), и у степныхъ куликовъ пропадутъ яйца уже насиженныя, или они сами обожгутся какъ-нибудь, во время пожара, особенно въ ночное время, то кулики другихъ гнѣздъ не заводятъ и остаются на этотъ годъ холостыми, продолжая колотиться около тѣхъ мѣстъ, гдѣ погорѣли ихъ гнѣзда. Мнѣ случалось находить и убивать такихъ холостыхъ кроншнеповъ; они всегда жирнѣе тѣхъ, у которыхъ есть дѣти; у иныхъ я даже находилъ слегка опаленныя перья.

Итакъ, во второй половинѣ апрѣля кроншнепы занимаютъ степи или степныя мѣста, иногда со всѣхъ сторонъ окруженныя пашнею, и немедленно вьютъ, или, вѣрнѣе сказать, устраиваютъ свои гнѣзда, потому что витья тутъ немного. Устройство гнѣзда очень просто: небольшая ямочка на сухомъ мѣстѣ, подъ кустикомъ прошлогодняго ковыля, дно и бока которой невысоки, окружены и устланы сухою травой—вотъ и все. Самка несетъ четыре яйца, обыкновенной куличьей формы; величина яицъ зависитъ отъ величины кроншнеповъ: у большихъ они бываютъ крупнѣе куриныхъ, а у малыхъ—не больше мелкихъ яичекъ цыцарки, а только длиннѣе; цвѣтъ яицъ зеленовато-сѣрый, они испещрены крапинами, или пятнами, которыя на тупомъ концѣ яйца крупнѣе и темнѣе. Самецъ раздѣляетъ съ самкою высиживанье яицъ и всѣ заботы о дѣтяхъ. Черезъ три недѣли вылупляются куличата, покрытые сизо-зеленоватымъ пухомъ: ихъ почти всегда бываетъ четыре, потому что болтуны очень рѣдки; они очень скоро оставляютъ гнѣздо и начинаютъ проворно бѣгать, но въ первые дни отецъ съ матерью кормятъ ихъ. Пища и старыхъ, и молодыхъ состоитъ изъ разныхъ насѣкомыхъ, и преимущественно изъ червей, которыхъ они весьма искусно вытаскиваютъ своими кривыми носами изъ земли, не всегда мягкой. Впрочемъ, иногда мнѣ случалось находить въ ихъ зобахъ сѣмена разныхъ травъ и хлѣбныя зерна. Когда куличата подростутъ, и труднѣе станетъ прятаться имъ въ степной, иногда невысокой травѣ, отецъ съ матерью выводятъ ихъ въ долочки и вообще въ такія мѣста, гдѣ трава выше и гуще, или гдѣ растетъ мелкій, степной кустарникъ; тамъ остаются они до совершеннаго возраста молодыхъ, до ихъ взлета или подъема. Въ это время трудно найти ихъ, ибо отъ большихъ дѣтей старые кулики уже не вылетаютъ на встрѣчу человѣку или собакѣ и не вьются надъ ними, даже не издаютъ никакого голоса, который могъ бы открыть охотнику ихъ потаенное убѣжище.

Степные кулики въ степяхъ то же, что болотные кулики въ болотахъ: также далеко встрѣчаютъ человѣка, собаку, даже всякое животное, приближающееся къ ихъ гнѣздамъ или дѣтямъ, также сначала налетаютъ близко на охотника, вьются надъ нимъ и садятся кругомъ, стараясь отвесть его въ противоположную сторону; но все это дѣлаютъ они съ меньшею горячностью и большею осторожностью. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ степные кулики отдаляются и становятся сторожки. Впрочемъ, въ степяхъ, не слыхавшихъ ружейнаго выстрѣла, первый натискъ кроншнеповъ, особенно на ѣдущаго охотника съ собакою, бываетъ очень смѣлъ. Въ молодости случалось мнѣ много ѣзжать по степнымъ дорогамъ Оренбургской и Симбирской губерній, и цѣлыя стаи степныхъ куликовъ, налетавшихъ со всѣхъ сторонъ, бывало преслѣдовали меня десятки верстъ, смѣняясь вновь прилетающими, свѣжими кроншнепами, по мѣрѣ удаленія моего отъ гнѣзда однихъ и приближенія къ другимъ. Весь воздухъ наполнялся ихъ звонкими, заливными трелями: одни вились надъ лошадьми, другіе опускались около дороги на землю и бѣжали съ неимовѣрнымъ проворствомъ, третьи садились по вѣхамъ [1]). Тутъ можно было настрѣлять кроншнеповъ сколько угодно, ибо безпрестанно попадались новые испуганные кулики. Я много разъ приходилъ въ затруднительное положеніе для горячаго охотника: проѣзжая по какой-нибудь надобности, иногда очень спѣшной, набивъ кроншнеповъ цѣлую кучу, не находя мѣста, куда ихъ класть, и не зная, что съ ними потомъ дѣлать, безпрестанно я давалъ себѣ обѣщаніе — не останавливаться, не вылѣзать изъ тарантаса, не стрѣлять... Но вдругъ налетѣла новая стая, крупнѣе и смѣлѣе прежней, — и снова падали кроншнепы отъ мѣткихъ моихъ выстрѣловъ. Гораздо болѣе смѣлости и горячности къ дѣтямъ показываютъ кроншнепы малаго рода, средніе — осторожнѣе, а большіе даже съ перваго раза никогда не налетаютъ слишкомъ близко на человѣка, развѣ какъ-нибудь нечаянно: они сейчасъ удалятся на безопасное разстояніе и начнутъ летать кругомъ, испуская свои хриплыя, какъ будто скрипящія, короткія трели. Тутъ молодой, горячій охотникъ можетъ много посѣять дроби

---

[1]) По степнымъ дорогамъ Оренбургской губерніи вѣхи становятся частыя, довольно толстыя и высокія. Должно замѣтить, что степные кулики очень охотно садятся на сучья сухихъ деревьевъ или на высокіе пни.

по зеленой степи, не убивъ ни одного большого кроншнепа, особенно если станетъ употреблять не самые крупные сорты дроби. Правда, чѣмъ крупнѣе дробь, тѣмъ шире она разносится и рѣже летитъ, и тѣмъ труднѣе попасть въ цѣль; но дѣло въ томъ, что на далекомъ разстояніи, то-есть шаговъ на шестьдесятъ или на семьдесятъ, не убьешь большого кроншнепа, даже дробью 3-го нумера, ибо степной куликъ гораздо крѣпче къ ружью, чѣмъ болотные и другіе кулики. Удивительно, до какой степени обманывается зрѣніе. Приглядится ли охотникъ къ кругамъ, которые даетъ около него птица, и они начнутъ казаться ему меньше, или при поворотахъ, иногда крутыхъ, за которыми поворачивается и самъ охотникъ, покажется ему, что куликъ летитъ прямо на него?.. Не знаю, только этому обману нерѣдко подвергался я самъ, и множество промаховъ были его слѣдствіемъ. Иногда, убивъ кроншнепа и смѣривъ разстояніе, которое казалось обыкновеннымъ, находилъ я, что оно бывало далеко за семьдесятъ шаговъ, а на эту мѣру я не сталъ бы и стрѣлять. Въ такихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, видя, что утиная дробь не *забираетъ*, какъ выражаются охотники, употреблялъ я гусиную, и хотя изрѣдка, но добывалъ по нѣскольку огромныхъ степняковъ.

Какъ только молодые начнутъ перелетывать, то старые начнутъ шататься съ ними, отдѣльными выводками, по вспаханнымъ полямъ, недавнимъ залежамъ и вообще по мѣстамъ, гдѣ земля помягче; потомъ соединяются въ станички, выводки по двѣ и по три, наконецъ сваливаются въ большія стаи, въ которыхъ бываютъ смѣшаны иногда всѣ три рода кроншнеповъ, и начинаютъ посѣщать болота, разливы большихъ прудовъ и плоскіе берега большихъ озеръ. Тамъ проводятъ они по нѣскольку часовъ, около полденъ, и отдыхаютъ, лежа на хлупи, даже дремлютъ. Всего охотнѣе бродятъ они по грязнымъ, мокрымъ мѣстамъ, растоптаннымъ стадами. Пошатавшись такимъ образомъ недѣли двѣ, кроншнепы, несмотря на теплое, иногда даже жаркое время, въ половинѣ августа пропадаютъ, то-есть, соединясь еще въ огромнѣйшія стаи, подвигаются къ югу. Такъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, въ Оренбургской губерніи.

Стрѣльба кроншнеповъ весьма различна и по своей добычливости, и по достоинству добычи: степные кулики весною, *пролетные*, еще не разбившіеся на пары, или, по крайней

мѣрѣ, не начавшіе вить гнѣздъ, бываютъ довольно сыты, вкусны и, что всего важнѣе, рѣдки. Конечно, въ числѣ разной пролетной дичи слышишь и видишь пролетающія стаи кроншнеповъ, но за дальностью разстоянія стрѣлять ихъ не возможно. Потомъ начнешь встрѣчать ихъ изрѣдка, также вмѣстѣ съ другою дичью, по грязнымъ берегамъ прудовъ, весеннихъ лужъ и разлившихся рѣкъ; но подъѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла бываетъ очень трудно; во-первыхъ потому, что они сторожки, а во-вторыхъ, потому, что другая мелкая дичь, взлетывая безпрестанно отъ вашего приближенья, пугаетъ и увлекаетъ своимъ примѣромъ кроншнеповъ; подкрасться же изъ-за чего-нибудь или даже подползти — невозможно потому, что мѣста почти всегда бываютъ открытыя и гладкія. Однимъ словомъ, весенній пролетный, степной куликъ — дорогая добыча для охотника. Въ степи, на мѣстахъ своего постояннаго жительства, они также сначала довольно сторожки. Конечно, они скоро дѣлаются смирнѣе, но уже разбившись на пары, принявшись за витье гнѣздъ и похудѣвъ съ невѣроятною скоростью. Въ послѣдствіи времени, когда кроншнепы сядутъ на яйца или выведутъ молодыхъ, можно добывать ихъ гораздо больше, а въ мѣстахъ не стрѣлянныхъ, какъ я уже говорилъ, не трудно убивать ихъ во множествѣ; но въ это время, еще болѣе исхудалые, сухіе и черствые на вкусъ, они потеряютъ свою цѣну, особенно степняки третьяго, малаго рода. Вся эта стрѣльба производится съ начала весны съ подъѣзда по сидячимъ и, всего чаще, по бѣгущимъ кроншнепамъ, потомъ— въ летъ, когда, при первомъ появленіи охотника, кулики отъ гнѣздъ станутъ налетать и виться около него.

Когда молодые кроншнепы поднимутся и начнутъ летать выводками, по полямъ, а потомъ и стаями по берегамъ прудовъ или озеръ, — стрѣльба ихъ получаетъ опять высокую цѣну, потому что ихъ трудно отыскивать и еще труднѣе подъѣзжать къ нимъ, ибо они бываютъ очень сторожки и, послѣ перваго выстрѣла, улетаютъ на другія, отдаленныя мѣста. Къ отлету своему старые кроншнепы до того разжирѣютъ, что вся хлупь покрывается саломъ; даже молодые бываютъ довольно жирны. Вотъ пора, въ которую дорого и лестно добыванье кроншнеповъ; но, къ сожалѣнію, добыча бываетъ незначительна и случайна; собственно охоты за кроншнепами въ это время уже нѣтъ. Если и наткнешься какъ-ни-

будь нечаянно, объѣзжая берега пруда, озера или рѣчного плеса, на большую станицу степныхъ куликовъ, то хорошо, если удастся и одинъ разъ въ нихъ выстрѣлить; надобно, чтобы мѣста были очень обширны и привольны, и чтобы стая кроншнеповъ пересѣла на другой берегъ или другое мѣсто послѣ вашего выстрѣла, а не улетѣла совсѣмъ. Вышибить изъ стаи однимъ или двумя выстрѣлами нѣсколько штукъ—можно только въ томъ случаѣ, если мѣстность позволитъ подкрасться изъ-за чего-нибудь къ бродящей стаѣ, или если она налетитъ на охотника, который имѣлъ возможность притаиться въ кусту, въ рытвинѣ, въ овражкѣ, въ камышѣ, или просто на землѣ; но для этого нужно, чтобы охотникъ зналъ заранѣе, когда прилетаютъ кроншнепы и на какомъ любимомъ мѣстѣ садятся, чтобъ онъ дожидался ихъ, или увидѣлъ, по крайней мѣрѣ, издали летящую стаю. У меня былъ въ сосѣдствѣ, верстахъ въ двадцати, такой прудъ [1]), на который кроншнепы прилетали передъ своимъ отлетомъ осенью, ежедневно въ полдень; этотъ прилетъ повторялся постоянно каждый годъ въ исходѣ іюля или въ началѣ августа, и продолжался недѣли двѣ. По счастію, именно вдоль того самаго берега плоскаго и открытаго, на который обыкновенно садилась вся стая, тянулся старый, полусогнившій плетень, нѣкогда окружавшій коноплянникъ, болѣе десяти лѣтъ оставленный; плетень обросталъ всегда высокою травой, и мнѣ ловко было въ ней прятаться. Около полдня садился я въ свое скрытное убѣжище и ожидалъ прилета кроншнеповъ. Плавно и беззаботно налетала на меня огромнѣйшая станица степныхъ куликовъ всѣхъ трехъ породъ; не только шумъ,— вѣтеръ слышалъ я отъ ихъ тяжелаго полета; надо мной неслась темная туча, вся составленная изъ длинныхъ крыльевъ, ногъ, шей и кривыхъ носовъ... Въ первый разъ я такъ оторопѣлъ, что пропустилъ стаю, и выстрѣлилъ уже въ догонку въ одного отставшаго кулика и поранилъ его въ крыло. Впослѣдствіи я былъ спокойнѣе и цѣлилъ или въ самаго большого кроншнепа, или въ то мѣсто, гдѣ гуще слеталась стая, не подпуская ея къ себѣ слишкомъ близко, или пропустя; выстрѣлить въ слишкомъ близкомъ разстояніи—значитъ убить и нерѣдко разорвать только одного кулика. Иногда я допускалъ ихъ садиться и стрѣлялъ по сидячимъ, и мнѣ случалось

[1]) Принадлежавшій А. М. Карамзину и называвшійся „Карамзинскимъ“.

вышибать однимъ зарядомъ по три и по четыре кроншнепа. Испуганная стая, взволновавшись, съ шумомъ улетала, но, сдѣлавъ кругъ и не видя нигдѣ присутствія человѣка, возвращалась назадъ и нерѣдко вновь опускалась на прежнее мѣсто, единственно потому, что я не выходилъ изъ своего убѣжища *и не подбиралъ* убитыхъ или подстрѣленныхъ кроншнеповъ; послѣднее обстоятельство очень важно, потому что къ раненой птицѣ почти всегда опустится стая. Вторичный выстрѣлъ доставлялъ мнѣ новую добычу, и кроншнепы улетали окончательно до слѣдующаго дня. Впрочемъ, я никогда не пріѣзжалъ два дня сряду, а всегда чрезъ день или два, и всегда находилъ ихъ до самаго отлета, который никогда не случался позже 17-го августа.

Вкусъ мяса кроншнеповъ также совершенно различенъ, какъ и охота за ними: съ прилета они довольно сочны и вкусны, во время вывода дѣтей — сухи и черствы, а на отлетѣ и молодые, и особенно старые, облитые жиромъ, превосходны.

5.

Кречетка или степная пиголица [1]).

Безъ сомнѣнія, она такъ названа по своему крику или голосу: *кречь, кречь, кречь* повторяетъ она безпрестанно, завидя человѣка или летая надъ нимъ. Кречетка — настоящая коренная жительница степей, и я никогда не видывалъ ее въ другихъ мѣстахъ. Величиною и складомъ она совершенно похожа на чибиса или болотную пиголицу, только нѣсколько ее пошире и на ногахъ пониже; голова у ней побольше, и хохолка нѣтъ. Она такъ же проворно бѣгаетъ, такія же имѣетъ круглыя крылья и такой же, какъ у чибиса, *особенный* по-

---

1) *Дикая пиголица* или *пыжикъ* на Волгѣ; *конка* на Каспіи. Charadrius gregarius, Pall. *К. Р.*

летъ. Издали, видя, какъ она рѣдко машетъ крыльями и перевертывается на лету вверхъ брюхомъ, ее рѣшительно можно принять за болотную пиголицу; но цвѣтомъ перьевъ она совсѣмъ на нее не похожа: кречетка вся сизая, дымчатая, съ темными отливами и пятнами. Вообще кречетокъ очень мало, и онѣ имѣютъ ту особенность, что никто изъ охотниковъ не видывалъ ихъ прилета и отлета, между тѣмъ какъ онѣ не пролетная дичь; напротивъ, выводятъ у насъ дѣтей постоянно, и всякій охотникъ каждый годъ встрѣчалъ кречетокъ въ степи, гдѣ онѣ всегда живутъ вмѣстѣ съ степными куликами, также какъ чибисы,—вмѣстѣ съ болотными. Степными пиголицами зовутъ ихъ одни охотники, а не народъ; но и изъ всего сказаннаго мною видно, что кречетки имѣютъ на это имя полное право. Вѣроятно, кречетки прилетаютъ позднѣе кроншнеповъ, потому что на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ съ начала весны кроншнепы жили одни, впослѣдствіи, недѣли двѣ позднѣе, мнѣ случалось много разъ находить вмѣстѣ съ ними и кречетокъ, всегда уже вьющихся надъ человѣкомъ или собакой, очевидно отъ гнѣздъ, которыя, безъ сомнѣнія, устраиваются ими очень поспѣшно. Молодыя мнѣ не попадались, а гнѣзда съ яйцами изрѣдка я находилъ: они были свиты очень просто; въ нихъ всегда лежали четыре небольшія яичка, похожія фигурой на чибисиныя, сѣро-пестраго цвѣта. Кречетки живутъ парами; самецъ и самка сидятъ поперемѣнно на яйцахъ не болѣе двухъ недѣль съ половиною; оба кружатся надъ охотникомъ, стараясь отвлечь его въ сторону, налетаютъ гораздо ближе и вьются неотступнѣе кроншнеповъ, съ которыми вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе лѣта, питаются совершенно одинакимъ кормомъ. Можно предположить, что и впослѣдствіи времени самецъ раздѣляетъ съ самкою всѣ заботы о дѣтяхъ, до полнаго ихъ возраста, хотя кречетки исчезаютъ такъ скоро, что нельзя сдѣлать наблюденія надъ выводками молодыхъ, уже начавшихъ летать. Въ началѣ іюля, нѣсколько ранѣе степныхъ куликовъ, кречетки оставляютъ степи и совершенно пропадаютъ.

Охотники не уважаютъ кречетокъ единственно потому, что встрѣчаютъ ихъ только въ то время, когда онѣ бываютъ очень худы тѣломъ, какъ и всякая птица во время вывода дѣтей; но я никогда не пренебрегалъ кречетками изъ уваженія къ ихъ малочисленности, ибо въ иной годъ и десятка ихъ не убьешь, даже не увидишь. Мясо ихъ сухо, черство, имѣетъ

общій вкусъ съ мясомъ куликовъ и чибиса, когда они худы.

Встрѣчая кречетокъ только въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, съ начала мая до начала іюля, въ исключительную эпоху ихъ жизни, я, къ сожалѣнію, ничего не могу сказать болѣе о нравахъ этой, довольно крѣпкой, складной и красивой птицы.

6.

Куропатка полевая или сѣрая [1]).

Весь складъ, всѣ части тѣла этой птицы совершенно куриные, отъ чего и получила она свое имя; *полевою* же или *сѣрою* называется она сколько въ отличіе отъ лѣсной, бѣлой въ зимнее время, куропатки, о которой будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, столько же и потому, что сѣра перомъ и живетъ въ полѣ. Сѣрая куропатка, по моему мнѣнію, если не лучшая, то одна изъ лучшихъ птицъ во всѣхъ породахъ степной и лѣсной дичи, кромѣ вальдшнепа. Какъ красивы ея пестрыя, темныя, красно-желтыя, коричневыя и

---

[1]) *Куропа́шка* въ Камчаткѣ; *куро́хта*, *полевой*, *степной*, *рябикъ* въ Сибири; *каменный рябчикъ* въ Дауріи. Perdix cinerea, Briss. *К. Р.*

свѣтло-сѣрыя перья! Какъ она стройно, кругло и крѣпко сложена! Какъ она жива, проворна, ловка и миловидна во всѣхъ своихъ движеніяхъ! Какъ жирна и вкусна бываетъ осенью и зимою! Даже лѣтомъ, исхудалая матка отъ яицъ или дѣтей не совсѣмъ теряетъ сочность, мягкость и пріятность вкуса. Величиною эта бойкая птичка будетъ, на взглядъ, нѣсколько больше русскаго голубя, но гораздо его мясистѣе: она будетъ съ цыпленка въ полкурицы. Она имѣетъ подъ горлышкомъ и около носика перья красноватыя или свѣтло-коричневыя; такого же цвѣта нижнія хвостовыя перья и, въ видѣ подковы, пятна на груди или на верхней половинѣ хлупи, которыя нѣсколько больше, ярче и темнѣе; красноватыя поперечныя полоски лежатъ по сѣрымъ перьямъ боковъ. Зобъ и часть головы сѣро-дымчатые; на верхней первой половинѣ красновато-пестрыхъ крыльевъ виднѣются бѣлыя, дольныя полоски, узенькія какъ ниточки, которыя ни что иное, какъ бѣлыя стволинки перьевъ; вторая же крайняя половина крыльевъ испещрена бѣловатыми, поперечными крапинками по темно-сизоватому полю; ножки роговаго цвѣта, мохнатыя только сверху, до перваго сустава, какъ у птицы, назначенной для многаго бѣганья по грязи и снѣгу. Куропатка—настоящая наша туземка, не покидающая родимой стороны и зимой. Это первая *не перелетная*, не улетающая дичь, о которой я начинаю говорить. Она отличается проворствомъ своего бѣга и необыкновенною силой и быстротой своего прямого, какъ стрѣла, полета. Взлетъ или подъемъ ея быстръ, шуменъ и можетъ испугать, если человѣкъ его не ожидаетъ. Несмотря на силу и скорость полета, куропатки всегда летятъ не высоко отъ земли и не далеко улетаютъ. У куропатокъ есть три рода крика или голоса: первый, когда онѣ цѣлою станицей найдутъ кормъ и начнутъ его клевать, разгребая снѣгъ или землю своими лапками; тутъ онѣ кудахчутъ, какъ куры, только гораздо тише и пріятнѣе для уха; второй, когда, увидя или услыша какую-нибудь опасность, собираются улетѣть или окликаются между собою: этотъ крикъ тоже похожъ нѣсколько на куриный, когда куры завидятъ ястреба или коршуна, и наконецъ третій, собственно имъ принадлежащій, когда испуганная стая летитъ со всею силой своего быстраго полета. Пища куропатокъ состоитъ изъ сѣмянъ растеній и хлѣбныхъ зеренъ. Изрѣдка попадались мнѣ въ ихъ зобахъ червячки и другія насѣкомыя. Куропатки, если

не спятъ или не лежатъ во время отдыха, то безпрестанно бѣгаютъ, суетятся, роются и клюютъ всякую всячину. Куропатки имѣютъ рѣшительную склонность къ обществу и никогда не попадаются въ одиночку, даже парами, исключая время вывода дѣтей, въ чемъ сходны съ ними тетерева.

О жизни и нравахъ куропатокъ съ весны до осени я ничего не знаю и воспользуюсь наблюденіями другого охотника. Я всегда живалъ въ такихъ мѣстахъ, близко которыхъ куропатки дѣтей не выводили, и самому мнѣ никогда не случалось найти куропаточьяго гнѣзда. Во всю мою жизнь попалась мнѣ одна только выводка молодыхъ; но за то очень много бивалъ и наблюдалъ я куропатокъ осенью, когда онѣ собирались уже въ стаи; также по первому зимнему мелкому снѣгу, когда ихъ можно сослѣдить, бѣгающихъ по жнивью, и наконецъ зимою, когда глубокій снѣгъ и мятели подгонятъ ихъ къ жилью человѣческому: въ хлѣбныя гумна, а на ночь— даже въ крытые тока̀ и сараи. Въ выводкѣ, мною найденной, находилась одна старка и восемь цыпленковъ; я перебилъ всѣхъ, потому что дѣло происходило на гладкой степи, хотя молодые пересаживались очень далеко, но спрятаться было негдѣ, и добрая собака перебрала ихъ по одиночкѣ. Изъ этого опыта я заключаю, что тамъ, гдѣ можно найти много куропаточьихъ выводковъ, эта охота должна быть очень весела: молодыя куропатки—не тетеревята; онѣ довольно сильны и крѣпки; деревьевъ нѣтъ, да куропатки и не садятся на деревья; улетаютъ иногда очень далеко и летятъ ужасно быстро; стрѣлять надобно живо, а не то онѣ какъ разъ вылетятъ изъ мѣры.

Вотъ описаніе вывода куропатокъ, стрѣльбы молодыхъ и особеннаго способа, посредствомъ котораго разводятъ ихъ въ назначенныхъ мѣстахъ, составленное однимъ опытнымъ, вполнѣ достовѣрнымъ охотникомъ Симбирской губерніи, коротко знакомымъ съ охотой этого рода.

„Весною, какъ только начинаютъ показываться въ поляхъ и кустарникахъ проталины, то-есть, смотря по погодѣ, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, куропатки раздѣляются попарно. Самецъ съ самкою живутъ вмѣстѣ, не измѣняя другъ другу; понимаются же онѣ съ наступленіемъ совершенно теплой погоды, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Самка не свиваетъ гнѣзда, а расчищаетъ для него мѣстечко, дѣлая въ густой травѣ, въ озимяхъ или подъ кустикомъ, не-

большую ямку, какъ бы окруженную или опушенную перышками и пухомъ, нащипанными изъ собственной хлупи. Молодая самка несетъ отъ 12-ти до 15-ти, а старая—отъ 15-ти до 20-ти яицъ, овальной фигуры, блѣдно-оливковаго цвѣта. Высиживаніе продолжается до 3-хъ недѣль. Молодыя куропатки выводятся около половины іюня и вылупляются особеннымъ образомъ: онѣ не пробиваютъ носикомъ тонкой скорлупы, чтобы выйти изъ нея. Скорлупу куропаточьихъ яицъ всегда находятъ развалившеюся вдоль, на двѣ совершенно равныя части, какъ-бы разрѣзанною острымъ ножемъ. Цыплята тотчасъ начинаютъ порхать и бѣгать за старыми. Самецъ, вмѣстѣ съ самкою, сзываетъ, водитъ и охраняетъ выводку. Черезъ нѣсколько дней, молодые начинаютъ уже летать, потому что выводятся съ перьями въ крыльяхъ. Цвѣтъ пуха на молодой куропаткѣ красновато-сѣрый, и вообще она похожа тогда на взрослую перепелку; къ осени же, достигая совершеннаго возраста, она перелиниваетъ и выцвѣтаетъ. Какъ только молодые начнутъ свободно летать, то всякое утро, на разсвѣтѣ, вся стая поднимается съ мѣста ночлега лётомъ и перемѣщается на недальное разстояніе; побѣгавъ немного, чрезъ нѣсколько минутъ, скликается, дѣлаетъ другой перелетъ и тамъ остается на цѣлый день. Вечеромъ, сейчасъ по захожденіи солнца, самецъ и самка опять сзываютъ молодыхъ, дѣлаютъ опять два перелета и располагаются на ночлегъ.

„Охота за молодыми куропатками начинаетя въ исходѣ іюля; но лучшее для того время—когда всѣ хлѣбà сжаты и скошены, то-есть въ августѣ и сентябрѣ. Хорошо дрессированная, послушная и не слишкомъ горячая легавая собака необходима для удачной охоты за куропатками. Въ іюлѣ выводки держатся въ полѣ, въ степныхъ лугахъ съ мелкимъ кустарникомъ, *въ некосяхъ*, въ бастыльникѣ. Сначала онѣ очень смирны, и когда собака нападетъ на слѣдъ, то старый самецъ начнетъ бѣгать, вертѣться и даже перепархивать у ней подъ носомъ, чтобы отвести ее отъ выводки. Опытный охотникъ замѣтитъ это по поиску собаки, отзываетъ ее, идетъ въ противоположную сторону и отыскиваетъ стаю. Въ августѣ и сентябрѣ куропаточьи выводки держатся преимущественно въ мѣстахъ гористыхъ и овражистыхъ, въ яровыхъ поляхъ, около скирдовъ, на просянищахъ, гречневыхъ и гороховыхъ загонахъ. Въ октябрѣ иногда находишь ихъ въ озимяхъ, а когда

время сдѣлается холоднѣе, онѣ спускаются въ луга, поймы, къ таловымъ кустамъ. Тогда онѣ становятся гораздо бойчѣе, поднимаются всею стаей вдругъ, съ шумомъ и трескомъ, почти всегда внѣ выстрѣла. Поднявши стаю, надобно слѣдить глазами за ея полетомъ, всегда прямолинейнымъ, и итти или, всегда лучше, ѣхать верхомъ по его направленію; стая перемѣщается не далеко: завалившись въ долинку, въ овражекъ или за горку, она садится, большею частью, въ ближайшій кустарникъ и рѣдко въ чистое поле, развѣ тамъ, гдѣ перелетъ до кустовъ слишкомъ далекъ; перемѣстившись, она бѣжитъ шибко; но собака, напавши на слѣдъ снова, легко ее находитъ. Во второй разъ куропатки вылетаютъ гораздо ближе, часто не всѣ вдругъ, а по двѣ, по три разомъ; тогда, если удастся разбить стаю, онѣ лежатъ смирно и вылетаютъ изъ-подъ ногъ собаки. Такимъ образомъ можно застрѣлить много куропатокъ, а при большомъ терпѣніи — перебить всю стаю. Если какъ-нибудь не скоро нападешь на слѣдъ разрозненныхъ куропатокъ, то, черезъ полчаса послѣ перемѣщенья, можно подманивать ихъ особаго рода свисткомъ, на который онѣ отвѣчаютъ, или подождать, когда онѣ сами начнутъ скликаться, и тогда немедленно итти на голосъ: онѣ скоро опять соединяются въ стаи, и тогда уже не отзываются. Куропатка съ подбитымъ крыломъ, упавъ на землю, спасается быстрымъ бѣгомъ, иногда даже уходитъ отъ поиска собаки: бываетъ, что, послѣ долгихъ отыскиваній, нападешь снова на собравшуюся стаю, и тутъ же найдешь подбитую куропатку.

„Нѣкоторые охотники заказываютъ крестьянамъ приносить къ нимъ крытыхъ куропатокъ живыхъ, и сажаютъ ихъ на зиму въ большія, нарочно устроенныя клѣтки, гдѣ онѣ живутъ очень хорошо, чтобы весною высадить ихъ для размноженія. Высиживанье это производится такимъ образомъ: весною, какъ только окажутся проталины, изъ клѣтки, гдѣ куропатки провели зиму, разбираютъ самцовъ и самокъ въ отдѣльныя коробки, наблюдая, чтобы въ нихъ входилъ воздухъ и чтобы въ тѣснотѣ куропатки не задохлись; потомъ ѣдутъ въ избранное для высиживанья мѣсто, для чего лучше выбирать мелкій кустарникъ, гдѣ бы впослѣдствіи было удобно стрѣлять, преимущественно въ озимомъ полѣ, потому что тамъ не пасутъ стадъ и не ѣздятъ туда для пашни крестьяне, обыкновенно пускающіе своихъ лошадей, во время полдневнаго отдыха, въ близлежащій кустарникъ; въ ржаное

поле вообще никто почти до жатвы не ходитъ и не мѣшаетъ высаженнымъ куропаткамъ выводиться. Выбравъ такое мѣсто, берутъ пару куропатокъ, самца и самку, сажаютъ ихъ подъ лукошко, къ которому привязана длинная бичевка; кругомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, насыпаютъ для корма разнаго ухвостья и, отошедъ подальше, осторожно, потихоньку поднимаютъ лукошко посредствомъ бичевки, перекинутой чрезъ него. Высаживаемая пара куропатокъ не замедлитъ выбѣжать изъ-подъ лукошка и начнетъ перекликаться; когда она убѣжитъ изъ виду, тогда опрокинутое лукошко притягиваютъ къ себѣ и удаляются такъ, чтобы не вспугнуть высаженную пару. Обыкновенно, засидѣвшіяся зимой куропатки не перелетаютъ на дальнее разстояніе, и находя по близости готовый и знакомый кормъ, остаются и выводятъ дѣтей въ томъ мѣстѣ, гдѣ были высажены. Такъ въ небольшой отъемникъ можно высадить двѣ, три пары, и къ осени найти ихъ по близости съ выводками“ [1]).

Теперь обращаюсь къ моему описанію образа жизни и стрѣльбы куропатокъ осенью. Въ началѣ октября начинаютъ попадаться куропатки уже станицами, въ двѣ и три выводки. Весьма охотно бѣгаютъ онѣ по дорогамъ, особенно по тѣмъ, по которымъ возятъ въ гумна снопы и подбираютъ насорившіяся зёрна; впрочемъ, мнѣ случалось очень часто находить ихъ на такихъ степныхъ дорогахъ, по которымъ никогда сноповъ не возили. Сжатыя хлѣбныя поля и предпочтительно тѣ десятины, на которыхъ производилась молотьба гречи, гороха и другихъ хлѣбовъ (въ сухую погоду молотятъ иногда въ поляхъ сыромолотомъ), также охотно посѣщаются стаями куропатокъ. Нерѣдко зарываются онѣ въ кучи соломы, оставленной на десятинѣ, особенно гречневой и гороховой, даже прячутся въ нихъ, если завидятъ ястреба, беркута и вообще хищную птицу. Мнѣ случалось наѣзжать на стаи куропатокъ, которыя при мнѣ прятались такимъ образомъ, потому что въ то же время видѣли плавающаго въ облакахъ своего смертельнаго врага. Стрѣльба выходила славная и добычливая: куропатки вылетали изъ соломы по одиночкѣ, рѣдко по парѣ, и очень близко, изъ-подъ самыхъ ногъ: тутъ надобно было иногда или послать собаку въ солому, или взворачивать ее самому ногами. Можно было бить ихъ рябчиковою дробью,

[1]) Этимъ любопытнымъ описаніемъ обязанъ я Н. П. Ах—ву.

даже 7-мъ и 8-мъ нумеромъ, чего уже никакъ нельзя сдѣлать на обыкновенномъ неблизкомъ разстояніи, ибо куропатки, особенно старыя, крѣпче къ ружью многихъ птицъ, превосходящихъ ихъ своею величиною, и уступаютъ въ этомъ только тетереву: на 45 шаговъ или 15 саженей, если не переломишь крыла, куропатку не добудешь, то-есть не убьешь наповалъ рябчиковою дробью; она будетъ сильно ранена, но унесетъ дробь и улетитъ изъ виду вонъ: можетъ быть, она послѣ и умретъ, но это будетъ хуже промаха — пропадетъ даромъ. Чѣмъ становится погода холоднѣе, тѣмъ крѣпче дѣлаются куропатки, и я всегда съ успѣхомъ употреблялъ на нихъ, кромѣ особенныхъ случаевъ, мелкую утиную дробь, или 5-й нумеръ.

Отыскивать куропатокъ осенью, по голу, довольно трудно: издали не увидишь ихъ ни въ травѣ, ни въ жнивѣ; онѣ, завидя человѣка, успѣваютъ разбѣжаться и попрятаться, и потому нужно брать съ собой на охоту собаку, но отлично вѣжливую, въ противномъ случаѣ она будетъ только мѣшать. Искать ихъ надобно всегда около тѣхъ десятинъ, на которыхъ онѣ повадились доставать себѣ хлѣбный кормъ. За то по первому мелкому снѣгу очень удобно находить куропатокъ: во-первыхъ потому, что на снѣжной бѣлизнѣ онѣ гораздо виднѣе; а во-вторыхъ потому, что ихъ можно сослѣдить. Куропаточья стая бѣжитъ широко, въ разсыпную, и оставляетъ за собою безчисленныя нити слѣдовъ, которыя, расходясь, сходясь и перекрещиваясь, издали кажутся кружевными узорами. Стрѣльбу эту не всегда можно назвать добычливою; если охотникъ и застигнетъ куропатокъ въ сборѣ, въ кучѣ, то онѣ рѣдко подпустятъ его въ мѣру; онѣ побѣгутъ сначала въ разныя стороны и вдругъ поднимутся, и потому изъ порядочной станицы, по большей части, убьешь одну, много двухъ куропатокъ. Если же удастся разбить стаю въ розноту, или найти куропатокъ, зарывшихся въ снѣгу по розницѣ, то можно убить ихъ много; въ послѣднемъ случаѣ онѣ такъ крѣпко лежатъ, что надобно ихъ выталкивать ногой. Когда же наступитъ настоящая зима и сугробами снѣговъ завалитъ хлѣбныя поля и озими, то куропаткамъ нельзя будетъ бѣгать по глубокому снѣгу, да и безполезно, потому что никакого корма въ поляхъ нѣтъ. Стаи куропатокъ приближаются тогда къ деревнямъ и появляются на гумнахъ, гдѣ подбираютъ зерна, наточившіяся около копенъ и кладей, бѣгаютъ по дорожкамъ,

по которымъ возятъ хлѣбъ сушить на ригу или овинъ, и также около токовъ, на которыхъ молотятъ и вѣютъ хлѣбъ. Стаи куропатокъ ночуютъ гдѣ-нибудь по близости селенья, въ лѣсныхъ оврагахъ, въ таловыхъ кустахъ по рѣчкѣ, и непремѣнно въ уремѣ, если урема есть. Едва только черкнетъ заря, несмотря на довольно еще сильную темноту, куропатки поднимаются съ ночлега, на которомъ иногда совсѣмъ заноситъ ихъ снѣгомъ, и прямо летятъ на знакомыя гумна; если на одномъ изъ нихъ уже молотятъ, что обыкновенно начинаютъ дѣлать задолго до зари, при свѣтѣ пылающей соломы, то куропатки пролетаютъ мимо, на другое гумно. Если помѣшаютъ на другомъ, онѣ перелетятъ на третье; однимъ словомъ, работающіе крестьяне куропаткамъ не большая помѣха: онѣ уживаются съ ними дружно, летятъ мимо, если гумно занято, и уступаютъ мѣсто, когда крестьяне ихъ тамъ застанутъ. Часовъ въ 10 утра, куропатки улетаютъ въ тѣ мѣста, гдѣ ночевали, и проводятъ тамъ на отдыхѣ нѣсколько часовъ, лежатъ, до половины зарывшись въ снѣгъ, и даже спятъ. За часъ до захожденія солнца онѣ опять являются на гумнахъ и остаются до поздней ночи. Во время зимнихъ мятелей или, по-оренбургски, булановъ, куропатки нерѣдко и ночуютъ на гумнахъ, забиваясь въ огромные вороха соломы, между высокими кладями, гдѣ не беретъ ихъ вѣтеръ, или подъ крытые тока̀ и сараи. Куропатки иногда такъ привыкаютъ къ житью своему на гумнахъ, особенно въ деревняхъ степныхъ, около которыхъ нѣтъ удобныхъ мѣстъ для ночевки и полдневнаго отдыха, что вовсе не улетаютъ съ гуменъ, и завидя людей, прячутся въ отдаленные вороха соломы, въ господскіе большіе гуменники, всегда отдѣльно и даже не близко стоящіе къ ригамъ, и вообще въ какія-нибудь укромныя мѣста; прячутся даже въ большіе сугробы снѣга, которые намететъ буранъ къ заборамъ и околицѣ, подѣлаютъ въ снѣгу небольшія норы и преспокойно спятъ въ нихъ по ночамъ или отдыхаютъ въ свободное время отъ пріискиванья корма. Вызнавъ все это предварительно, охотнику уже не трудно будетъ отыскивать куропатокъ; конечно, онъ прежде перебьетъ большую половину стаи, чѣмъ она броситъ мѣста, къ которымъ привыкла. Стрѣльба бываетъ и въ летъ и по сидячимъ или бѣгущимъ курапаткамъ, всегда довольно близко, и потому рябчиковая дробь для нея весьма пригодна. Такимъ образомъ мнѣ случалось стрѣлять куропатокъ до самой весны, то-

есть до апрѣля, когда уже на токахъ, въ полдень, стояли лужи воды.

Куропатки столько оказываютъ въ себѣ наклонности къ привычкѣ и готовности *сдѣлаться* ручными, что я почти увѣренъ въ возможности переродить ихъ въ дворовыхъ куръ. На всякую хлѣбную приваду онѣ идутъ весьма охотно. Для того, чтобъ онѣ могли скорѣе увидѣть, гдѣ насыпанъ для нихъ кормъ, проводятся, въ разныя стороны отъ привады, дорожки изъ хлѣбной мякины, въ видѣ расходящихся лучей; какъ только нападетъ на одну изъ нихъ куропатка, то сейчасъ побѣжитъ по ней и закудахчетъ, на ея голосъ свалится вся стая и, прямо по мякинѣ, изъ которой мимоходомъ, на бѣгу, выклюетъ всѣ зёрна, отправится къ привадѣ. Тамъ обыкновенно кроютъ ихъ шатромъ, такъ же какъ тетеревовъ; но куропатки гораздо повадливѣе и смирнѣе, то-есть глупѣе; тетеревиная стая иногда сидитъ около привады, пристально глядитъ на нее, но нейдетъ и не пойдетъ совсѣмъ; иногда нѣсколько тетеревовъ клюютъ овсяные снопы на привадѣ ежедневно, а другіе только прилетаютъ смотрѣть; но куропатки съ перваго раза всѣ бросаются на разсыпанный кормъ, какъ дворовыя куры; тетеревовъ надобно долго пріучать, а куропатокъ кроютъ на другой же день; никогда нельзя покрыть всю тетеревиную стаю, а куропатокъ, напротивъ, непремѣнно перекроютъ всѣхъ до одной. Мнѣ случилось однажды цѣлый мѣсяцъ, каждый день, стрѣлять ихъ на одномъ и томъ же току; кромѣ убиваемыхъ на мѣстѣ, нѣкоторыя пропадали отъ того, что были поранены; стая убавлялась съ каждымъ днемъ, и наконецъ остались двѣ куропатки и продолжали прилетать на тотъ же токъ въ урочное время... Изъ уваженія къ такому постоянству, я пощадилъ ихъ.

7.

Сивки, ржанки, озимыя куры [1]).

Всѣ три названія — охотничьи и книжныя. Народъ называетъ стаи этихъ пролетныхъ, кратковременныхъ гостей *полевыми курухтанчиками.* Не знаю, откуда взялось имя „сивка", но „ржанка" и „озимая курочка" очевидно происходятъ отъ того, что эти птички всегда бываютъ видимы на ржаныхъ или озимыхъ поляхъ. Сивка гораздо больше скворца, гораздо его шире въ груди и мясистѣе; хотя она такъ же имѣетъ куриный складъ, какъ и куропатка, но не такъ кругла, и станъ ея длиненъ, относительно къ величинѣ, а голова велика, носъ куриный, обыкновеннаго темнаго, рогового цвѣта; ножки блѣдно-зеленоватыя. Сивка вся покрыта темно-оливковаго цвѣта перьями, испещренными бѣлыми, желтоватыми и ярко-зелеными крапинками; брюшко свѣтлѣе, а шея подъ горломъ, щеки и зобъ черные. Вообще сивки очень плотнаго, крѣпкаго сложенія и довольно красивы; летаютъ быстро и бѣгаютъ чрезвычайно проворно; появляются всегда огромными станицами. Я уже имѣлъ случай говорить о сивкахъ, особенно объ ихъ голосѣ или пискѣ, описывая весенній про-

[1]) *Семенухи*; въ Сибири *пѣтушекъ*. Charadrius pluvialis. *К. Р.*

летъ птицы. Онѣ появляются позднѣе всѣхъ породъ дичи, и каждый годъ весьма неодинаково. Въ моихъ запискахъ отмѣчено, что иногда сивокъ бывало очень мало, а иногда очень много; были года, въ которые я слышалъ только ихъ пискъ и видѣлъ ихъ стаи, кружившіяся подъ небесами, какъ темное облако, но не видалъ ихъ опускающихся на землю: въ 1811 году сивки не прилетали совсѣмъ. Появленіе этой пролетной птички весьма загадочно, по крайней мѣрѣ въ Оренбургской губерніи; обыкновенно она гоститъ тамъ въ маѣ, отъ двухъ до четырехъ недѣль, и неизвѣстно куда пропадаетъ. Еслибъ это былъ весенній пролетъ, какъ у нѣкоторыхъ мною описанныхъ куликовъ, то былъ бы и обратный, осенній пролетъ, уже съ молодыми; но осенью никогда озимыхъ куръ я не видывалъ. Притомъ, пропадая въ исходѣ мая, онѣ, кажется, уже пропускаютъ время для вывода дѣтей, которыхъ гдѣ-нибудь да выводятъ же. Должно предположить, что сивки возвращаются на зимнее мѣстопребываніе уже другою дорогой, или летятъ осенью такъ высоко и тихо, что ихъ никто не видитъ и не слышитъ. Любопытно было бы сдѣлать наблюденіе надъ появленіемъ сивокъ въ другихъ полосахъ Россіи [1]). Я очень любилъ ихъ стрѣлять, и каждый годъ, съ большимъ нетерпѣніемъ, ожидалъ мелодическихъ, серебряныхъ звуковъ, льющихся съ неба изъ невидимыхъ стай озимыхъ куръ, вертящихся въ вышинѣ съ удивительною быстротой и неутомимостью. Услыша эти желанные звуки, я уже всякій день начиналъ искать сивокъ по озимямъ, объѣзжая иногда понапрасну огромныя пространства разныхъ полей. Изрѣдка случалось мнѣ видѣть, что сивки опускались даже на скошенныя прошлаго года луговины и на яровыя поля, покрытыя молодыми хлѣбными всходами. Станица сивокъ никогда не садится прямо на землю; кружась безпрестанно, то свиваясь въ густое облако, то развиваясь широкою пеленой, начинаетъ она дѣлать свои круги все ниже и ниже и, опустясь уже близко къ землѣ, вдругъ съ шумомъ покрываетъ цѣлую десятину; ни одной секунды не оставаясь въ покоѣ, озимыя куры проворно разбѣгаются во всѣ стороны. Мгновенно поверхность занимаемаго ими мѣста представится вамъ движущеюся, живою! Въ глазахъ зарябитъ, если долго посмотришь

[1]) Я встрѣтилъ охотника, который самъ не видалъ, но слышалъ, что въ губерніяхъ болѣе южныхъ, осенью, бываютъ пролетныя стаи сивокъ.

на эту волнующуюся пестроту! Съ появленіемъ озимыхъ куръ начинается горячая, хлопотливая, бывало, очень любимая мною стрѣльба этой дичи. Жадность и горячность увеличивались отъ мысли, что пребываніе озимыхъ куръ ненадежно, и что, можетъ-быть, завтра или послѣ завтра онѣ и совсѣмъ пропадутъ. Съ подхода стрѣлять нельзя: сивки, не подпуская въ мѣру, начнутъ по одиночкѣ перелетывать съ мѣста на мѣсто, да и бѣгутъ такъ проворно, что не поспѣешь за ними. Съ подъѣзда онѣ смирнѣе и подпускаютъ ближе, хотя и тутъ тѣ же отчасти неудобства, то-есть безпрестанное бѣганье и взлетыванье. Рѣдко случалось мнѣ убивать болѣе трехъ штукъ однимъ зарядомъ; но не должно жадничать и выжидать, покуда сбѣжится стая плотнѣе. Надобно принять за правило: какъ скоро подъѣдешь въ мѣру, то стрѣлять въ ближайшихъ; цѣля всегда въ одну, по большей части убьешь пару и даже изрѣдка трехъ. Желая убить больше однимъ зарядомъ,—измучишь себя и лошадей и убьешь несравненно меньше, потому что угонишь далеко и безпрестаннымъ преслѣдованіемъ напугаешь озимыхъ куръ гораздо скорѣе, чѣмъ рѣдкими выстрѣлами. Обыкновенно послѣ каждаго выстрѣла поднимается вся стая и, сдѣлавъ невысоко кругъ или два, опять садится. Такимъ образомъ на одномъ полѣ иногда удастся подъѣхать и выстрѣлить нѣсколько разъ, потому что сивки, наигравшись прежде въ вышинѣ и опустясь на землю, уже неохотно поднимаются вверхъ, а только перелетываютъ съ мѣста на мѣсто. Одинъ разъ нечаянно сдѣлалъ я открытіе, что сивки вьются довольно низко надъ подстрѣленными своими товарищами, что, впрочемъ, замѣчается и въ другихъ птицахъ. Вотъ какъ это было: выстрѣливъ въ стаю озимыхъ куръ и взявъ двухъ убитыхъ, я слѣдилъ полетъ остальной стаи, которая начала подниматься довольно высоко: вдругъ одна сивка пошла книзу на отлетъ (вѣроятно, она ослабѣла отъ полученной раны) и упала или сѣла не близко; въ одно мгновеніе вся стая быстро опустилась и начала кружиться надъ этимъ мѣстомъ очень низко; я немедленно поскакалъ туда и нашелъ подстрѣленную сивку, которая не имѣла силъ подняться, а только ползала, потому что одна нога была переломлена: стая поднялась выше. Я сейчасъ отослалъ дрожки и лошадей прочь, а самъ легъ недалеко отъ подстрѣленной птицы; стая сивокъ стала опускаться и налетѣла на меня довольно близко; однимъ выстрѣломъ я убилъ пять штукъ,

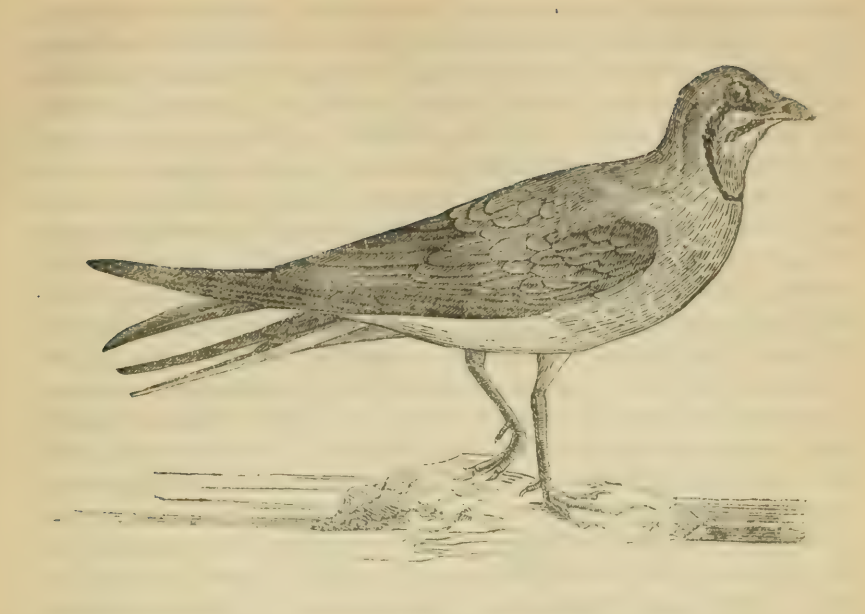
послѣ чего остальныя перелетѣли на другое поле. Потомъ я уже много разъ пользовался этимъ средствомъ съ успѣхомъ.— Самое выгодное время стрѣлять озимыхъ куръ—дождливые, ненастные дни; тогда онѣ гораздо смирнѣе: мало вьются кверху, менѣе бѣгаютъ по мокрой пашнѣ и даже иногда сидятъ на одномъ мѣстѣ, собравшись въ кучу. Покуда не были изобрѣтены пистоны, дождь не только мѣшалъ стрѣлять, но даже иногда прогонялъ съ поля охотника, потому что у ружей съ кремнями очень трудно укрывать полку съ порохомъ: онъ какъ-разъ отсырѣетъ и даже замокнетъ, а при сильномъ дождѣ и никакое сбереженіе невозможно; но съ пистонами дождь не помѣха, и сивокъ, безъ сомнѣнія, можно убить очень много въ одно поле. Говорю это предположительно: съ тѣхъ поръ, какъ ввелись въ употребленіе замки новаго устройства, мнѣ не удалось и видѣть озимыхъ куръ.

Вообще, какъ я уже сказалъ, сивка довольно сильная и крѣпкая къ ружью дичь, и потому дробь надобно употреблять не мельче 6-го и 7-го нумера. Впрочемъ, все зависитъ отъ разстоянія. Мнѣ случалось стрѣлять ихъ бекасинникомъ въ ненастную погоду и крупною утиною дробью въ ведро, когда онѣ вьются вверху. Сивки никогда не бываютъ жирны, но за то и не бываютъ худы, а всегда сыты. Мясо ихъ очень сочно и вкусно.

Въ 1822-мъ году, въ Белебеевскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, поѣхалъ я осматривать яровые всходы, разумѣется, съ ружьемъ, потому что я съ нимъ никогда не разставался. Вдругъ ѣхавшій со мной крестьянинъ указалъ мнѣ пересѣвшую небольшую станичку *полевыхъ курухтанчиковъ.* Я приказалъ сейчасъ поворотить къ нимъ и, подъѣхавъ въ мѣру, выстрѣлилъ. Станичка, десятка въ три или четыре, быстро взвилась и улетѣла вонъ изъ виду: я убилъ три штуки. Когда ихъ принесли, я пришелъ въ крайнее изумленіе: вмѣсто обыкновенныхъ темно-зеленыхъ, пестрыхъ озимыхъ куръ, я увидѣлъ птицъ, совершенно похожихъ на сивокъ складомъ, только нѣсколько поменьше, но совершенно неизвѣстныхъ по ихъ перьямъ. Какъ досадно, что я тогда же не описалъ ихъ съ натуры! Крестьянинъ увѣрялъ меня, что такихъ много шатается по полямъ, но онъ ошибся: я не только въ эту весну, но и никогда уже такихъ сивокъ не встрѣчалъ; я все называю ихъ сивками, потому что неизвѣстныя птички были совершенно на нихъ похожи всѣмъ своимъ образованьемъ, кромѣ

того, что головки ихъ показались мнѣ не такъ велики и болѣе соразмѣрны съ общею величиной тѣла. Онѣ были очень красивы: цвѣтъ перьевъ свѣтло-коричневый, и отъ глазъ, вдоль шеи, лежали бѣловатыя полоски... Больше не помню ничего.

Еще есть порода „болотныхъ сивокъ", близко подходящихъ перьями къ кроншнепу. Онѣ стаями не летаютъ, а попадаются въ одиночку, по отмелямъ рѣкъ и берегамъ прудовъ; но я ихъ почти не знаю.



8.

Морская ласточка, красноустикъ [1].

Первое названіе заимствовано мною изъ „Совершеннаго егеря". Дано ли это имя по сходству птички съ ласточкой, а слово „морская" пошло въ придачу такъ, безъ всякаго основанія, или точно живетъ она около морей и тамъ называется *морскою ласточкой*, — ничего сказать не могу. Нѣкоторые оренбургскіе охотники, въ томъ числѣ и я, называютъ ее „красноустикъ"; но послѣднее имя ей совершенно нейдетъ: складъ ея не похожъ на куриный, а очень сходна она своимъ образованьемъ именно съ ласточкой. Красноустикомъ мы называли эту птицу потому, что зѣвъ ея рта отороченъ или окаймленъ рубчикомъ яркаго краснаго цвѣта. Я удержу это послѣднее имя. Красноустикъ вдвое или почти втрое больше обыкновенной ласточки; цвѣтъ его перьевъ

---

[1]) *Тиркуша* (по голосу); *песчанка*, *луговица; чернобровка; стрижъ, стриженъ, грицикъ, степная ласточка*. Glareola melanotera, Nordm. *К. Р.*

темно-кофейный, издали кажется чернымъ; брюшко нѣсколько свѣтлѣе; носикъ желтоватый; шея коротенькая; головка довольно велика и кругла; ножки тонкія, небольшія, какого-то неопредѣленнаго дикаго цвѣта, очевидно не назначенныя для многаго бѣганья; хвостикъ бѣлый, а концы хвостовыхъ перьевъ черноватые; крылья длинныя, очень острыя къ концамъ, которые, когда птичка сидитъ, накладываются одинъ на другой, какъ у всѣхъ птицъ, имѣющихъ длинныя крылья, напримѣръ у сокола, копчика и даже у обыкновенной ласточки. Появленіе и пребываніе красноустиковъ въ Оренбургской губерніи еще загадочнѣе появленія и пребыванія сивокъ. Рѣдко я встрѣчалъ ихъ два года сряду, а чаще черезъ два года въ третій; но однажды замѣтилъ я появленіе красноустиковъ два раза въ одинъ годъ: въ іюнѣ, когда парятъ паръ (время обыкновеннаго ихъ прилета), и въ началѣ августа, во время ржанаго сѣва. Это послѣднее обстоятельство совершенно сбиваетъ меня съ толку. Какъ назвать первое появленіе красноустиковъ? Если весеннимъ пролетомъ, то осенній возвратъ слишкомъ скоръ, и нѣтъ времени имъ вывесть дѣтей и возвратиться съ молодыми. Я убилъ тогда нѣсколько красноустиковъ, и одинъ изъ нихъ былъ съ яйцомъ; если не счесть его *жировымъ* [1]), то можно предположить, что красноустики выводятъ дѣтей осенью, разумѣется, гдѣ-нибудь въ тепломъ климатѣ, и что они летятъ туда въ августѣ. Яичко было очень красиво: по блѣдно-палевому основанію оно испещрено коричневыми крапинками. Красноустики летаютъ очень рѣзво и безпрестанно вьются надъ вновь вспаханною землею, хватая толкущихся на ней мошекъ, разныхъ крылатыхъ насѣкомыхъ и также насѣкомыхъ, ползающихъ по землѣ, для чего часто садятся, но ходятъ мало и медленно. Въ этотъ же единственный разъ въ моей жизни я нашелъ красноустиковъ въ августѣ мѣсяцѣ, не на пашнѣ и не въ полѣ, а примѣтилъ ихъ въ позднія сумерки, летающихъ взадъ и впередъ, и вьющихся по берегамъ заливовъ, вверху пруда. Я убилъ четырехъ; на другой день рано поутру остальныхъ уже не было. Для меня, какъ для охотника, который съ ран-

---

[1]) Жировыми яйцами называются тѣ, которыя несетъ самка безъ совокупленія съ самцомъ. Такія яйца бываютъ у всѣхъ домашнихъ птицъ, вѣроятно и у дикихъ; но дѣтей изъ нихъ никогда не выводится. Я дѣлалъ опыты надъ жировыми яйцами куръ, индѣекъ и цыцарокъ.

ней молодости имѣлъ безотчетную страсть къ наблюденію и возможному изслѣдованію образа жизни и нравовъ птицъ, появленіе красноустиковъ было особенно любопытно. Всегда удивляло меня то, что какъ скоро начнутъ парить паръ, такъ они и появятся. Время пара и ржанаго сѣва не вездѣ и не всегда совершенно одинаково; да и нельзя предположить, чтобъ они знали его по инстинкту и прилетали именно къ сроку издалека. Слѣдовательно должно заключить, что они жили до того времени гдѣ-нибудь по близости, хотя и это предположеніе довольно невѣроятно. Красноустики появляются всегда небольшими станичками; ихъ скоро увидишь издали, потому что они безпрестанно кружатся или снуютъ взадъ и впередъ, около одного и того же мѣста, и садятся только на короткое время. Они не такъ дики, особенно сначала; стрѣлять почти всегда приходится въ летъ. Я становился обыкновенно на срединѣ той десятины или того мѣста, около котораго вьются красноустики, бралъ съ собой даже собаку, разумѣется, вѣжливую, и они налетали на меня иногда довольно въ мѣру; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, красноустики перемѣщались понемногу на другую десятину или загонъ, и я подвигался за ними, преслѣдуя ихъ такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока они не оставляли поля совсѣмъ и не улетали изъ виду вонъ. Стрѣлять ихъ довольно трудно, потому что они летаютъ не близко, вьются не надъ человѣкомъ, а около него, и стелются по землѣ, именно какъ ласточки, отъ чего, особенно въ сѣрый день, цѣль не видна, и для охотника, сколько-нибудь близорукаго (какимъ я былъ всегда), стрѣльба становится трудною; притомъ и летаютъ они очень быстро. Много убить ихъ мнѣ никогда не удавалось, хотя и занимался ими прилежно; они летаютъ врознь, а не кучей, и потому больше одного однимъ зарядомъ убить нельзя. Къ ружью они не такъ крѣпки, и для нихъ очень достаточно мелкой рябчиковой дроби, то-есть 7-го нумера и даже 8-го. Такъ же какъ и озимыя куры, красноустики никогда не бываютъ жирны во время краткаго своего пролета, но всегда довольно сыты и мясо ихъ очень мягко, сочно и очень вкусно.

9.

Коростель. [1])

Можетъ быть, покажется страннымъ причисленіе коростеля къ разряду степной или полевой дичи, потому что главнѣйшее его мѣстопребываніе—луга, поросшіе изрѣдка кустами, не только лежащіе въ сосѣдствѣ болотъ, но и сами иногда довольно мокрые; все это справедливо: точно, тамъ дергуны живутъ съ весны и тамъ выводятъ дѣтей; но за то сейчасъ съ молодыми перебираются они въ хлѣба, потомъ въ травянистыя межи и залежи и, наконецъ, въ лѣсныя опушки. Итакъ, куда причислить коростеля? Не составлять же для него особаго отдѣла болотисто-луговой дичи? Да и это будетъ невѣрно. Въ болотахъ же, гдѣ онъ также иногда держится, есть свой коростель, постоянно въ нихъ живущій,—погонышъ, о которомъ я уже говорилъ.

Коростель—названіе охотничье и книжное; *дергунъ, дергачъ*,—вотъ русскія народныя имена. Городская и, особенно, столичная публика мало знаетъ коростеля; но за то всѣ деревенскіе жители, отъ мала до велика, вдоволь наслушались его неугомонныхъ криковъ. Но какъ пріятны весной и лѣтомъ эти неблагозвучные, хриплые звуки, особенно когда они

---

[1]) Crex pratensis, Bechst. *К. Р.*

впервые начнутъ раздаваться, что впрочемъ никогда не бываетъ рано; довольно поднявшаяся трава и зазеленѣвшіе кусты — вотъ необходимое условіе для дергуновой пѣсни, поистинѣ похожей на какое-то однообразное дерганье.

Коростель немного больше перепелки объемомъ своего тѣла, только нѣсколько длиннѣе станомъ, но, при первомъ взглядѣ, кажется гораздо ея больше; причиною тому длинная шея, длинныя ноги и перья. Несмотря на то, все устройство его членовъ также чисто-куриное. Коростель покрытъ перьями красно-бураго цвѣта, съ небольшими продолговатыми, темными полосками или пестринками; крылья у него гораздо краснѣе; по всей спинѣ лежатъ длинныя перья, темноватыя по срединѣ и съ свѣтлокоричневыми обводками по краямъ; брюшко гораздо свѣтлѣе; зобъ отливаетъ какимъ-то слегка сизымъ глянцемъ; носъ обыкновеннаго роговаго, а ноги свѣтло-костяного цвѣта; подбой крыльевъ красный; на бокахъ, подъ ними, перышки пестрыя. Эта пестрота простирается къ хвосту и даже на верхнія части ногъ, покрытыя мелкими перышками; хвостъ коротенькій, также пестрый. Полетомъ своимъ онъ отличается отъ всѣхъ птицъ; задъ у него всегда виситъ, какъ будто онъ подстрѣленъ, отъ чего дергунъ держится на лету не горизонтально, а точно ѣдетъ по воздуху, почти стоймя; притомъ онъ имѣетъ ту особенность, что, взлетѣвъ, не старается держаться противъ вѣтра, какъ всѣ другія птицы, но охотно летитъ по вѣтру, отъ чего перья его заворачиваются, и онъ кажется какимъ-то косматымъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это охота невольная, и онъ летитъ по вѣтру вслѣдствіе устройства своихъ небольшихъ крыльевъ, слабости силъ и полета, который всегда наводилъ на меня сомнѣніе: какъ можетъ эта птичка, такъ тяжело, неловко и плохо летающая, переноситься черезъ огромное пространство и даже черезъ море, чтобы провесть зиму въ тепломъ климатѣ? Притомъ никто не видывалъ коростелей не только прилетными или отлетными станицами, но двухъ или трехъ вмѣстѣ; весной они появляются по одиночкѣ и осенью пропадаютъ такъ же. Какъ не подумать, что коростели забиваются осенью въ какія-нибудь лѣсныя трущобы и проводятъ зиму въ состояніи оцѣпенѣнія, какъ напримѣръ коршуны, которыхъ находятъ въ дуплахъ замерзшими, жесткими какъ дерево, и которые, оттаявъ въ теплѣ, оживаютъ, что я видалъ самъ. Между тѣмъ отлетъ коростелей не подверженъ

сомнѣнію. — Возвращаюсь къ описанію коростеля: летаетъ онъ плохо, за то бѣгаетъ удивительно проворно и неутомимо. Если собака причуетъ его въ большой травѣ, то дергунъ, надѣясь больше на свои ноги, чѣмъ на крылья, не скоро поднимется; онъ измучитъ охотника, особенно въ жаркое время. Чѣмъ собака лучше дрессирована, чѣмъ крѣпче у нея стойка, тѣмъ труднѣе ей поднять коростеля: почуявъ близко дичь, издающую изъ себя особенно сильный запахъ, отъ чего всякая собака ищетъ по коростелю необыкновенно горячо, она сейчасъ дѣлаетъ стойку; а коростель, какъ-будто съ намѣреніемъ пріостановясь на минуту, пускается бѣжать во всѣ лопатки. Покуда охотникъ успѣетъ сказать „пиль“ и собака подойти или броситься къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла птица, коростель убѣжитъ за десять, за двадцать саженей; снова начнетъ искать собака по горячему слѣду, снова сдѣлаетъ стойку, и опять повторится та же продѣлка; собака разгорячится, начнетъ преслѣдовать прыжками безпрестанно ее обманывающаго дергуна и, наконецъ, спугнетъ его; но это чрезвычайно портитъ собаку. Вотъ почему охотники не даютъ молодой хорошей собакѣ искать по коростелямъ, и вотъ почему бьютъ ихъ не такъ много; впрочемъ, для старой, твердо дрессированной собаки пріискиванье коростелей безвредно, особенно для имѣющей верхнее чутье; она, не утомляя себя разбираньемъ и бѣганьемъ по перепутаннымъ, безконечнымъ дергуновымъ слѣдамъ, поведетъ охотника скоро и прямо къ нему, и онъ принужденъ будетъ подняться. На мѣстахъ, поросшихъ невысокою и негустою травой, коростели подымаются гораздо скорѣе, потому что боятся подпускать собаку къ себѣ слишкомъ близко. Но вотъ странность: мнѣ и другимъ охотникамъ часто случалось спугивать дергуновъ неожиданно, безъ собаки, ходя совсѣмъ не за ними и даже въ большой травѣ; кажется, имъ было бы очень легко спрятаться или убѣжать.

Всего замѣчательнѣе въ коростелѣ — его голосъ или крикъ, доставляющій ему общенародную извѣстность. Этотъ крикъ очень похожъ на слогъ: *дергъ, дергъ, дергъ,* повторяемый имъ иногда до 15 разъ сряду. Въ хриплыхъ звукахъ этого крика есть какая-то горячность и задорность. Прислушиваясь внимательно, сейчасъ почувствуешь, что это не просто спокойный голосъ или пѣнье птицы, а крикъ страсти. Этотъ крикъ имѣетъ еще ту особенность, что въ одно время

слышится въ разныхъ направленіяхъ и разстояніяхъ; сначала я думалъ, что кричатъ нѣсколько коростелей вдругъ, но впослѣдствіи имѣлъ случай убѣдиться, что кричитъ одинъ и тотъ же коростель. Я увидѣлъ своими глазами причину, отъ которой происходитъ этотъ обманъ: коростель кричитъ какъ бѣшеный, съ неистовствомъ, съ надсадой, вытягивая шею, подаваясь впередъ всѣмъ тѣломъ при каждомъ вскрикиваньи, какъ-будто наскакивая на что-то и безпрестанно повертываясь на одномъ мѣстѣ въ разныя стороны, отъ чего и происходитъ разность въ силѣ и близости крика. Какъ скоро коростель крикнетъ, отвернувшись головой въ противоположную сторону, крикъ покажется гораздо дальше, и наоборотъ. Притомъ коростель, прокричавъ разъ съ десять или болѣе, сейчасъ начнетъ бѣгать взадъ и впередъ, и, отбѣжавъ на сажень или на двѣ, опять начинаетъ кричать, слѣдственно безпрестанно перемѣняетъ мѣсто. Различія въ полнотѣ и силѣ голоса коростеля, которое замѣчается у перепеловъ, я не находилъ, но есть разница въ числѣ криковъ или ударовъ. Изъ всего вышесказаннаго я заключаю, что крики коростеля не что иное, какъ призванье самки и выраженіе собственнаго чувства сладострастія. Много хлопоталъ я, чтобы все это узнать поближе и поподробнѣе; но, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, никакъ не могъ подглядѣть ихъ совокупленія, потому что въ травѣ и въ кустахъ ничего разглядѣть нельзя, несмотря на довольно сильную зрительную трубку, которою я вооружался въ своихъ наблюденіяхъ. Мнѣ сказывалъ крестьянинъ, что однажды онъ спалъ въ кустахъ и проснувшись увидѣлъ, что недалеко отъ него дергунъ совокуплялся съ дергунихой самымъ обыкновеннымъ порядкомъ, послѣ чего самка, отряхнувшись, убѣжала, а самецъ, немного погодя, началъ кричать. Это подтверждаетъ мое предположеніе, что коростель крикомъ зоветъ самку, которая или къ нему прибѣжитъ, или подастъ ему отъ себя голосъ, какъ перепелка: голоса этого, впрочемъ, никто изъ охотниковъ не слыхивалъ.— Несмотря на неопредѣленность и неполноту этихъ свѣдѣній, можно вывести слѣдующія заключенія: 1) коростели не разбиваются на пары; 2) не имѣютъ токовъ; 3) совокупленіе происходитъ случайно, съ разными самками, и 4) самецъ не раздѣляетъ съ самкою заботъ о выводѣ дѣтей.

Близкое знакомство съ коростелями увлекло меня нѣсколько впередъ, но я возвращаюсь къ принятому мною порядку. Я

уже сказалъ, что никто не видалъ прилета коростелей. Судя по времени начала ихъ крика, можно подумать, что коростели появляются очень поздно; но это будетъ заключенiе ошибочное: коростели прилетаютъ едва ли позднѣе дупельшнеповъ, только не выбѣгаютъ въ открытыя мѣста, потому что еще нѣтъ на нихъ травы, а прячутся въ чащѣ кустовъ, въ самыхъ корняхъ, въ густыхъ уремахъ, иногда очень мокрыхъ, куда въ это время года не зачѣмъ лазить охотнику. Я догадывался объ этомъ давно по горячему поиску собаки, даже видалъ что-то взлетавшее въ кустахъ, и по краснотѣ перьевъ думалъ, что это вальдшнепы, но потомъ убѣдился, что это были коростели; я убивалъ ихъ въ исходѣ апрѣля, а кричать начинаютъ они въ исходѣ мая. Въ это же послѣднее время, два раза случилось мнѣ найти гнѣзда коростелей, тщательно свитыя изъ сухой травы и устроенныя весьма скрытно въ непроходимой чащѣ кустовъ, растущихъ на опушкѣ уремы. Яицъ я не находилъ болѣе десяти, но, говорятъ, ихъ бываетъ до пятнадцати, чему я не совсѣмъ вѣрю, потому что въ послѣднемъ случаѣ коростели были бы многочисленнѣе; яички маленькiя, нѣсколько продолговатой формы, желтовато-сизаго цвѣта, покрыты красивыми коричневыми крапинками. На гнѣздѣ сидитъ одна самка. Коростелята выводятся очень мелки и покрыты чернымъ, какъ уголь, пухомъ, скоро оставляютъ гнѣздо и бѣгаютъ съ большимъ проворствомъ. Вообще, и гнѣзда, и выводки коростелей попадаются очень рѣдко. Какъ скоро немного подростутъ молодые, матка уводитъ ихъ въ хлѣбныя поля, и съ этого времени до поздней осени я уже не нахаживалъ молодыхъ коростелей выводками, а всегда по одиночкѣ. Самцы, и вообще коростели холостые, остаются около луговъ даже тогда, когда ихъ скосятъ, перемѣщаясь на время въ сосѣднiя поля, залежи и не очень мокрыя болота или опушки уремы. Коростели перестаютъ кричать ранѣе перепеловъ: въ половинѣ iюля. Не знаю, когда спятъ дергуны. Они кричатъ и день, и ночь, преимущественно по зарямъ, которыя, именно въ это время года, одна съ другою сходятся: вѣроятно, они дремлютъ около полденъ.

Собственно за одними коростелями охоты нѣтъ; они попадаются между другой дичью: въ лугахъ — между дупелями и болотными куликами, въ полѣ — между перепелками, и въ мелкихъ перелѣскахъ — между молодыми тетеревами. Коростелей никогда не убьешь много: десятокъ въ одно поле — это

самое большое число. Во-первыхъ, они не такъ многочисленны, а во-вторыхъ, подымать ихъ тяжело и для собаки, и для охотника.

Я описалъ полетъ коростелей, и потому не трудно заключить, что стрѣльба ихъ весьма легка; къ ружью они слабы, и для нихъ очень достаточно мелкой бекасиной дроби. По большей части они поднимаются такъ близко и всегда летятъ такъ медленно, что ихъ надобно выпускать въ мѣру. Молодые, горячіе охотники, забывающіе это необходимое правило, нерѣдко разбиваютъ въ дребезги коростеля или даютъ промахъ, что бываетъ очень досадно, и что̀ (надо признаться) случалось со мной. Въ кустахъ и около кустовъ стрѣлять коростеля труднѣе: онъ сейчасъ завернетъ за кусть, сквозь который, когда онъ одѣтъ зелеными листьями, птицы не видно и убить ее невозможно.

Весною и лѣтомъ, до исхода іюля, коростели довольно худы, но съ перемѣщеніемъ въ поля очень скоро тамъ жирѣютъ, такъ что къ концу августа буквально заплываютъ саломъ, и въ это время коростель имѣетъ отличный вкусъ, потому что жиръ его не такъ приторенъ, какъ перепелиный. Впрочемъ, коростели всегда недурны. Въ болотныхъ лугахъ они питаются всякою дрянью, то-есть всякими насѣкомыми, а въ поляхъ кушаютъ чистый хлѣбъ и созрѣвшія сѣмена нѣкоторыхъ травъ, также очень питательныя. Весь августъ бьются коростели около хлѣбныхъ полей, укрываясь, въ свободное отъ пріискиванья корма полдневное время, въ широкихъ травянистыхъ межахъ, поросшихъ мелкимъ полевымъ кустарникомъ: это любимое ихъ мѣстопребываніе; но за неимѣніемъ его держатся и въ сосѣдственныхъ залежахъ, долочкахъ съ мелкимъ лѣсомъ и въ лѣсныхъ опушкахъ, куда перебираются уже окончательно передъ отлетомъ или, вѣрнѣе сказать, передъ своимъ пропаданьемъ. Я нахаживалъ коростелей до десятаго сентября и, признаюсь, тогда считалъ ихъ дорогою добычей.

Коростелей, вмѣстѣ съ перепелками, травятъ ястребами; но нельзя сказать, чтобы всякій ястребъ *бралъ* коростеля, и по весьма смѣшной причинѣ: какъ скоро ястребъ станетъ догонять коростеля и распуститъ на него свои когти, послѣднiй сильно закричитъ: этотъ крикъ похожъ на щекотанье сороки или огрызанье хорька. Если въ первый разъ ястребъ испугается и пролетитъ мимо, то уже никогда не станетъ

брать коростелей. Разумѣется, это случается съ ястребами молодыми, *гнѣздарями* (вынутыми изъ гнѣздъ и выкормленными въ клѣткѣ), а старые или *слетки*, уже заловившіе на волѣ, не испугаются коростелинаго щекотанья. Иногда беретъ ихъ и жадный гнѣздарь, уже много ловившій до встрѣчи съ коростелемъ.

10.

Перепелка [1]).

Эта миловидная птичка гораздо извѣстнѣе коростеля, по своей многочисленности, даже городскимъ жителямъ. Народъ слышитъ и видитъ ее безпрестанно, почти при всѣхъ своихъ полевыхъ работахъ: во время полотья, пара, степного сѣнокоса и жнитва. Уменьшительное имя „перепелочка“ употребляется иногда, какъ слово ласки, хотя далеко не такъ часто, какъ имена нѣкоторыхъ другихъ птицъ. Перепелка или *перепелица* зашла и въ русскую пѣсню. Молодой парень, распѣвая о томъ, какъ ловко и легко пройдетъ онъ къ своей красной дѣвицѣ, между прочимъ говоритъ:

Ужь я улицею—сѣрой утицею,
Черезъ черную грязь—перепелицею.

---

[1]) *Перепелъ, подполуха;* въ Малороссіи *перепелица.* Coturnix dactylisonans, Mey. *К. Р.*

Очевидно, что легкость и проворство перепелинаго бѣга внушили ему это живописное сравненіе.—Перепелка немного больше скворца, но мясистѣе его; впрочемъ, кто же ее не видывалъ, по крайней мѣрѣ на стогѣ? Кто не ѣдалъ ея сочнаго, мягкаго, вкуснаго, иногда до приторности жирнаго мяса? Устройствомъ всѣхъ частей своего тѣла перепелка есть не что иное какъ курица, или куропатка, въ уменьшенномъ видѣ, только она кажется еще складнѣе и миловиднѣе даже куропатки: вѣроятно отъ того, что несравненно ея меньше. Перепелки, равно и куропатки, въ высшей степени имѣютъ свойства и пріемы домашнихъ куръ; они точно такъ же безпрестанно роются, копаются, разгребая проворно ножками соръ, песокъ и рыхлую землю; онѣ дѣлають это и для отысканья корма, и для того, чтобы присѣсть ловчѣе на отдыхъ или ночлегъ. Трудно описать сѣрыя, пестрыя перышки перепелки; къ тому же они слишкомъ всѣмъ извѣстны. Повидимому въ нихъ ничего нѣтъ красиваго; но для меня такъ пріятна эта не яркая, не разноцвѣтная пестрота, что я предпочитаю ее блестящей красотѣ перьевъ другихъ птицъ. Самка разнится отъ самца тѣмъ, что зобъ ея свѣтлѣе, бѣлесоватѣе, а у самца онъ красноватъ и подъ горломъ находится черное пятнышко; притомъ носикъ его темнѣе, и у корня опушенъ какъ-будто волосками. Перепелка не только бѣгаетъ проворно, но и летаетъ очень быстро, когда она худа и легка. Это настоящая степная птичка, и хотя очень любитъ хлѣбный кормъ и хлѣбныя поля, особенно засѣянныя просомъ, но водится изобильно и постоянно держится въ настоящихъ степныхъ мѣстахъ, гдѣ иногда на далекое разстояніе вовсе нѣтъ пашни. Тамъ питается она разными мелкими насѣкомыми и травяными сѣменами. Ни весенняго прилета, ни осенняго отлета перепелокъ никто не видалъ. Въ стаи онѣ тоже никогда не собираются. Появляются непримѣтно по одиночкѣ и пропадаютъ также непримѣтно. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а чаще въ началѣ мая, когда уже подростетъ молодая трава, начинаютъ попадаться перепелки всегда въ самомъ маломъ числѣ, въ степныхъ лугахъ и залежахъ, но никогда на прошлогодней жнивѣ. Въ это время онѣ не такъ смирны, не такъ близко и долго выдерживаютъ стойку собаки, пересаживаются далеко и летятъ отмѣнно быстро. Полетъ ихъ всегда очень прямъ; несмотря на то, съ весны стрѣлять ихъ довольно трудно; за то осенью все перемѣняется и стрѣльба дѣ-

лается самою легкою. Какъ скоро трава поднимется повыше, такъ что птицѣ будетъ удобно въ ней прятаться, начинается всѣмъ извѣстный крикъ перепеловъ, называемый по-охотничьи *бой*. Онъ состоитъ изъ двухъ колѣнъ: сначала перепелъ *вавачетъ*, то-есть кричитъ похоже на слоги *ва—вва, ва—вва*. Онъ повторяетъ ихъ до трехъ разъ, иногда меньше, но никогда больше, по крайней мѣрѣ я не слыхалъ; послѣ чего слѣдуетъ собственно *бой*, похожій на слова: *подь—полодь*. Такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ этотъ крикъ русскій народъ. Бой повторяется сряду, безъ перемежки, отъ четырехъ до десяти разъ; послѣднее число считается рѣдкостью. Перепела кричатъ съ такою же горячностью и съ такими же движеніями, какъ дергуны. Есть перепела, у которыхъ голосъ очень чистъ и громокъ, такъ что ихъ слышно весьма далеко. Русскій человѣкъ любитъ бой перепеловъ, хотя въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, пріятнаго для уха, и многіе держатъ ихъ въ клѣткахъ. Даже теперь въ Москвѣ, по нѣкоторымъ небольшимъ улицамъ и переулкамъ, сквозь стукъ колесъ и гамъ народа, нерѣдко можно услышать голосъ перепела. Нечего и говорить, что этотъ жалкій, заглушаемый шумомъ крикъ не похожъ на звучный, вольный, перепелиный бой въ чистыхъ поляхъ, въ чистомъ воздухѣ и тишинѣ; какъ бы то ни было, только на Руси бывали, а можетъ-быть и теперь гдѣ-нибудь есть, страстные охотники до перепеловъ, преимущественно купцы: чѣмъ громче и чище голосъ, чѣмъ болѣе ударовъ сряду дѣлаетъ перепелъ, тѣмъ онъ считается дороже. Я слыхалъ, что въ старину плачивали по сту рублей за отличнаго перепела. Крикъ или бой нѣкоторыхъ перепеловъ продолжается до половины августа.

Съ начала перепелинаго боя начинаются ихъ любовныя похожденія, а, правильнѣе сказать, этотъ крикъ есть ни что иное какъ уже начало безотчетнаго стремленія одного пола къ другому. Я говорилъ не утвердительно о коростеляхъ, но совокупленіе перепелокъ я знаю положительно. Еще будучи мальчикомъ, часто хаживалъ я съ старымъ охотникомъ ловить перепеловъ сѣтью *на дудки*, то-есть смотрѣть, какъ онъ ловилъ ихъ. Ловля эта, вполнѣ открывающая процессъ совокупленія, производится слѣдующимъ образомъ: запасшись *перепелиными дудками*, устройство которыхъ я описывать не стану, издающими звуки, сходные съ тихимъ, мелодическимъ голосомъ перепелиной самки; запасшись квадратнымъ полот-

номъ тонкой сѣти, аршинъ въ 12 и болѣе, ячейки которой вяжутся такой величины, чтобы головка перепела свободно могла пролѣзть въ нихъ,—охотникъ отправляется въ поле. Выбравъ луговину, около которой слышны перепелиные бои и на которой трава повыше, или, что̀ еще лучше, растутъ небольшіе кустики дикаго персика или чилизника, охотникъ бережно разстилаетъ по ихъ верхушкамъ свою сѣть, а самъ ложится возлѣ одного ея края. Лишь только онъ ударитъ нѣсколько разъ въ дудку, перепела отзовутся со всѣхъ сторонъ: дальніе перелетываютъ, а ближніе бѣгутъ. Какъ скоро охотникъ увидитъ, что нѣсколько перепеловъ подошли подъ сѣть, очень близко къ нему, онъ стремительно вскакиваетъ; перепела взлетаютъ и запутываются въ сѣтку. Здѣсь не мѣсто описывать подробности и тонкости этой ловли: дѣло въ томъ, что тутъ насмотрѣлся я вдоволь на любовныя продѣлки и совокупленіе перепеловъ съ перепелками, потому что на голосъ дудки прибѣгаютъ иногда и самки. Перепела до неистовства горячи въ совокупленіи: бросаются на самку по нѣскольку разъ, и одинъ послѣ другого, но между собой не дерутся; по крайней мѣрѣ, я никогда драки не видалъ [1]); обыкновенно исторія оканчивалась тѣмъ, что слишкомъ удовлетворенная перепелка обращалась въ бѣгство или улетала, а перепела ее преслѣдовали. Очевидно, что при таковомъ соединеніи нѣтъ паръ, нѣтъ супружества, и что самецъ не раздѣляетъ съ самкой никакихъ заботъ о выводѣ дѣтей. Когда перепелки разберутся по гнѣздамъ и сядутъ на яйца, перепела напрасно ищутъ и зовутъ своихъ временныхъ подругъ, озабоченныхъ уже другимъ дѣломъ: горячность самцовъ доходитъ до опьяненія, до безумія. Въ это время они до невѣроятности ходко идутъ на дудки подъ сѣть и, говорятъ, дерутся между собой. Мой товарищъ, старый охотникъ, пробовалъ, вмѣсто дудки, употреблять живую самку, ставя ее подъ сѣть въ небольшой низенькой клѣткѣ, и я видѣлъ своими глазами, какъ по два и по три перепела вскакивали на клѣтку и бились на ней, чтобы достать самку. Этого мало: проказливый старикъ, свернувши заблаговременно мячикомъ свою перчатку, бросалъ ее каткомъ навстрѣчу перепеламъ,

---

1) Я слыхалъ отъ охотниковъ и даже читалъ, что перепела въ клѣткахъ очень горячо дерутся за кормъ: но мнѣ не случалось этого видѣть.

когда они подбѣгали очень близко: въ слѣпой ярости они вскакивали на перчатку и топтали, какъ перепелку.

Въ половинѣ мая нѣкоторыя перепелки уже сидятъ на гнѣздахъ; такіе выводы называются *ранниками*; за то иныя выводятъ дѣтей въ исходѣ іюля, которыя и называются *поздышами*. Итакъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ всегда можно найти самыхъ маленькихъ перепелятъ. Это исключительное свойство перепелокъ заставляетъ многихъ охотниковъ думать, что одна и та же самка выводитъ два раза дѣтей въ одно лѣто. Хотя необыкновенное размноженіе перепелокъ къ осени даетъ нѣкоторую вѣроятность этому предположенію, но я, съ моей стороны, нисколько его не утверждаю.—Гнѣздо перепелки свивается на голой землѣ, изъ сухой травы, предпочтительно въ густомъ ковылѣ. Гнѣздо, всегда устланное собственными перышками матки, слишкомъ широко и глубоко для такой небольшой птички; но это необходимо потому, что она кладетъ до 16-ти яицъ, а многіе говорятъ, что и до 20-ти; по моему мнѣнію, количество яицъ доказываетъ, что перепелки выводятъ дѣтей одинъ разъ въ годъ. Перепелиныя яички очень похожи, свѣтлокоричневыми крапинками, на воробьиныя, только слишкомъ вдвое ихъ больше и зеленоватѣе. Послѣ обыкновеннаго трехнедѣльнаго сидѣнья вылупляются перепелята, покрытые сѣрымъ пухомъ, съ пеньками въ крыльяхъ, изъ которыхъ, въ нѣсколько дней, выростаютъ перышки, отъ чего перепелята еще въ пуху начинаютъ понемногу перепархивать и называются *поршками*. Много разъ находилъ я, въ одной и той же перепелиной выводкѣ, поршковъ разнаго возраста и величины. Охотники объясняютъ это обстоятельство тѣмъ, что перепелка не вдругъ высиживаетъ всѣхъ своихъ цыплятъ, что будто она вытаскиваетъ изъ гнѣзда первыхъ вылупившихся перепелятъ и продолжаетъ сидѣть на остальныхъ яйцахъ. Я не видалъ этого своими глазами и потому не могу признать справедливымъ такого объясненія; я нахожу нѣсколько затруднительнымъ для перепелиной матки въ одно и то же время сидѣть въ гнѣздѣ на яйцахъ, доставать пищу и самой кормить уже вылупившихся дѣтей, которыя, по слабости своей, въ первые дни должны колотиться около гнѣзда безъ всякаго призора, не прикрытыя въ ночное или дождливое время теплотою материнскаго тѣла. Я нахаживалъ перепелятъ, еще не сбѣжавшихъ съ гнѣзда, видѣлъ, какъ мать ихъ кормила изъ своего рта, и всѣ они были одного возраста. Не лучше ли

объяснить это странное обстоятеьство тѣмъ, что выводка, и которой мать какъ-нибудь погибла, разбѣгается и присоединяется къ другимъ выводкамъ, старшимъ или младшимъ, какъ случится? Вотъ отъ чего можетъ происходить большая разница между перепелятами, повидимому, одной выводки.

Какъ скоро начнутъ поспѣвать хлѣба, особенно просо, перепелки сбѣгаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ и постоянно около нихъ держатся. На такомъ привольномъ и сытномъ кормѣ, не только старыя, но и молодыя перепелки жирѣютъ съ изумительною скоростью, особенно перепела и холостыя самки. Въ это время онѣ уже весьма неохотно поднимаются съ земли; летятъ очень тяжело и медленно, и отлетѣвъ нѣсколько саженей, опять садятся; выдерживаютъ долгую стойку собаки, находясь у ней подъ самымъ рыломъ, такъ что ловчивая собака нерѣдко ловитъ ихъ на мѣстѣ, а *изъ-подъ ястреба* [1]) можно брать ихъ руками. Перепелки особенно лакомы къ просу, и когда дожинается десятина или загонъ съ этимъ хлѣбомъ, то при каждомъ взмахѣ серпа вылетаетъ по нѣскольку перепелокъ. Не желая таскаться въ жаркое время съ собакой, я пользовался этимъ средствомъ и, стоя спокойно посреди жницъ и жнецовъ, стрѣлялъ взлетающихъ перепелокъ. Нерѣдко убивалъ я болѣе двухъ десятковъ, а взлетѣвшихъ перепелокъ съ одной десятины насчитывали иногда далеко за сотню; но такое многочисленное сборище сбѣгается только по вечерамъ, передъ захожденіемъ солнца; разумѣется, оно тутъ же и остается на всю ночь, а днемъ разсыпается врозь, во всѣ стороны, скрываясь въ окружныхъ межахъ, залежахъ и степныхъ луговинахъ. Когда хлѣба сожнутъ, перепелки продолжаютъ кормиться по жнивѣ, забиваясь нерѣдко въ снопы, особенно подъ горсти еще не связаннаго проса, и мнѣ часто случалось взворачивать ихъ ногой, чтобы выгнать оттуда перепелокъ. Онѣ продолжаютъ посѣщать даже и тѣ десятины, съ которыхъ хлѣбъ свезенъ, особенно поросшія, долго зеленѣющими посреди желтой соломы, жабрами и чередой, и подбираютъ тамъ наточившіяся изъ колосьевъ переспѣлыя зёрна. Такъ проходитъ цѣлый августъ и даже первыя числа сентя-

1) Это выраженіе буквально точно, но относится уже къ травлѣ перепелокъ ястребами. Когда собака пріищетъ перепелку и станетъ надъ ней, то охотникъ поднимаетъ руку, на которой сидитъ ястребъ, какъ можно выше, надъ самой птицей. Жирная и тяжелая перепелка, увидя ястреба и боясь летѣть, со страху прижимается плотнѣе къ травѣ и очень часто допускаетъ взять себя руками.

бря; но тутъ перепелки начинаютъ примѣтно уменьшаться и къ половинѣ сентября иногда совсѣмъ пропадаютъ; морозы или холодное ненастье, разумѣется, ускоряютъ, а теплая погода замедляетъ ихъ отлетъ. Надобно замѣтить, что перепелки пропадаютъ не вдругъ, а постепенно. Бывъ съ молоду *перепелятникомъ*, то-есть охотникомъ травить перепелокъ ястребомъ, я имѣлъ случай много разъ наблюдать за постепенностью ихъ отлета. Еслибъ я былъ только ружейнымъ охотникомъ, я никогда бы не могъ узнать этого обстоятельства во всей подробности: сталъ ли бы я ежедневно таскаться за однѣми перепелками въ такое драгоцѣнное для стрѣльбы время?—Первое уменьшеніе числа перепелокъ, послѣ порядочнаго мороза или внезапно подувшаго сѣвернаго вѣтра, довольно замѣтно: оно случается иногда въ исходѣ августа, а чаще въ началѣ сентября; потомъ всякій день начинаешь травить перепелокъ какимъ-нибудь десяткомъ меньше; наконецъ съ семидесяти и даже восьмидесяти штукъ сойдешь постепенно на три, на двѣ, на одну; мнѣ случалось нѣсколько дней сряду оставаться при этой послѣдней единицѣ, и ту достанешь, бывало, утомивъ порядкомъ свои ноги, исходивъ всѣ мѣста, любимыя перепелками осенью: широкія межи съ полевымъ кустарникомъ и густою наклонившеюся травой и мягкія ковылистыя ложбинки въ степи, проросшія сквозь ковыль какою-то особенною пушистою, шелковистою травкой. Хороша въ это время, вся облитая жиромъ, перепелка! Давно бросивши для ружья перепелиную охоту съ ястребомъ, я любилъ однако добывать иногда ружьемъ, въ это позднее время, уже весьма рѣдкихъ перепелокъ.

Никакому сомнѣнію не подверженъ отлетъ ихъ на зиму въ теплыя страны юга. Много читали и слышали мы отъ самовидцевъ, какъ перепелки безчисленными станицами переправляются черезъ Черное море и нерѣдко гибнутъ въ немъ, выбившись изъ силъ отъ противнаго вѣтра. Теперь предстоитъ вопросъ: когда и гдѣ собираются онѣ въ такія огромныя стаи? Очевидно, что у нихъ должны быть гдѣ-нибудь сборныя мѣста, хотя во всѣхъ губеніяхъ средней полосы Россіи, по всѣмъ моимъ освѣдомленіямъ, никто не замѣчалъ ни прилета, ни отлета, ни пролета перепелокъ. Даже никто не поднималъ, не видалъ ихъ собравшихся въ стаи. Нельзя предположить, чтобы каждая перепелка отдѣльно летѣла прямо на берегъ моря, за многія тысячи верстъ, и потому нѣкоторые охот-

ники думаютъ, что онѣ собираются въ станицы и совершаютъ свое воздушное путешествіе по ночамъ, а день проводятъ гдѣ случится, разсыпавшись врознь, для пріисканія корма, по той мѣстности, на какую попадутъ. Я долженъ упомянуть, что зналъ одного охотника, который увѣрялъ меня, что перепелки не улетаютъ, а уходятъ, и что ему случилось замѣтить, какъ онѣ пропадали въ одномъ мѣстѣ и показывались во множествѣ, но не стаей, въ другомъ, гдѣ ихъ прежде было очень мало, и что направленіе этого похода, совершаемаго днемъ, а не ночью, по его замѣчаніямъ, производилось прямо на югъ. Этотъ охотникъ преслѣдовалъ идущихъ въ походъ перепелокъ и замѣчалъ, что онѣ показывались на новыхъ мѣстахъ не поутру, а въ полдень и болѣе къ вечеру. Я не берусь рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе; для этого нужны точнѣйшія наблюденія не одного, а многихъ охотниковъ. Я слыхалъ также отъ достовѣрныхъ людей, что перепелокъ нахаживали случайно зимою, именно подъ наклономъ густой, высокой травы, растущей по межамъ, и даже въ сурочьихъ норахъ, изнутри всегда плотно затыкиваемыхъ самими сурками не близко къ выходу; перепелки были живы, но находились въ какомъ-то полусонномъ состояніи; будучи внесены въ теплое жилье и посажены въ клѣтку, онѣ скоро принимались за кормъ и совсѣмъ оправлялись. Отсюда родилась ложная мысль у нѣкоторыхъ старинныхъ охотниковъ, которую я слыхалъ и отъ крестьянъ, что перепелки у насъ зимуютъ. По моему мнѣнію, найденныя зимой перепелки были *поздыши* или хворыя: и тѣ, и другія не имѣли силъ улетѣть или уйти во-время и принуждены были зазимовать. Перенесли ли бы онѣ всю зиму или померзли—это вопросъ.

Изъ всего описанія образа жизни и нравовъ перепелокъ можно видѣть, что стрѣльба ихъ должна производиться изъ-подъ собаки, и всегда въ летъ. Всѣ мелкіе сорты дроби пригодны для этой стрѣльбы, потому что перепелокъ, особенно осенью, охотникъ можетъ стрѣлять на какомъ угодно разстояніи: чистое поле, крѣпость лежки и близость взлета, къ которому можно заблаговременно приготовиться, если собака имѣетъ хорошую стойку, дѣлаютъ охотника полнымъ господиномъ разстоянія; онъ можетъ выпускать перепелку въ мѣру, смотря по сорту дроби, которою заряжено его ружье. Очевидно, что выпусканіе въ мѣру здѣсь также необходимо, какъ при стрѣльбѣ коростелей. Вообще перепелокъ, относительно

къ ихъ множеству и достоинству, стрѣляютъ мало, а простые, добычливые охотники никогда не стрѣляютъ, считая, что такая маленькая птичка не стоитъ заряда; да и стрѣлять въ летъ многіе не умѣютъ. Настоящіе же охотники предпочитаютъ перепелкамъ, что и весьма справедливо, болотную дичь, которая достигаетъ лучшей своей поры именно въ августѣ, то-есть въ одно время съ перепелками; но въ мѣстахъ, гдѣ болотъ мало или совсѣмъ нѣтъ, стрѣльба перепелокъ очень пріятна и добычлива; къ тому же можно иногда вырвать часокъ-другой времени изъ охоты за болотною дичью и посвятить его жирнымъ осеннимъ перепелкамъ. Я сказалъ, что относительно стрѣляютъ ихъ мало, но за то ловятъ несчетное количество: на дудки, о чемъ я уже говорилъ; *наволочною* сѣтью, которую натаскиваютъ, *ниволакиваютъ* на перепелку и на собаку, когда послѣдняя пріищетъ первую и сдѣлаетъ стойку, а всего болѣе травятъ ихъ ястребами. Пойманныхъ двумя первыми способами перепелокъ сажаютъ въ садки, то есть въ большія клѣтки, гдѣ онѣ живутъ очень хорошо и отъѣдаются весьма жирно. Въ такихъ клѣткахъ можно перевозить ихъ живыхъ на далекое разстояніе. Для предохраненія отъ порчи жирнаго мяса травленыхъ перепелокъ, ихъ слегка просаливаютъ и заливаютъ въ кадкахъ или боченкахъ коровьимъ масломъ; по мнѣнія многихъ, свѣжепросольныя перепелки лучше свѣжихъ.

РАЗРЯДЪ IV.

ДИЧЬ ЛѢСНАЯ.

ЛѢСЪ.

Вся лѣсная дичь живетъ, болѣе или менѣе, въ лѣсу; нѣкоторыя же породы никогда его не покидаютъ. Итакъ, я предварительно разсмотрю и опредѣлю, сколько умѣю, разность лѣсовъ и лѣсныхъ породъ.

Я сказалъ о водѣ, что она „краса природы"; почти то же можно сказать о лѣсѣ. Полная красота всякой мѣстности состоитъ именно въ соединенiи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенiя рѣдки. Въ соединенiи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса—хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ; прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россiи замѣчаемая, происходитъ, по общему мнѣнiю, отъ истребленiя лѣсовъ [1]).

---

[1]) Есть много селенiй, навсегда потерявшихъ воду отъ истребленiя лѣса, которымъ нѣкогда обрастали головы ихъ рѣчекъ или родниковыхъ ручьевъ. Нѣкоторыя деревни замѣнили ихъ колодцами, а нѣкоторыя переселились на другiя мѣста. Я видѣлъ примѣръ, какъ значительное село, сидѣвшее на прекрасной родниковой рѣчкѣ (Большой Сююшъ), которая поднимала постоянно мукомольный поставъ, въ одинъ годъ лишилось воды. Это случилось очень просто: въ

Всѣ породы деревьевъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются *краснымъ лѣсомъ*, или *краснолѣсьемъ*. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимой не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподволь, постепенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однѣхъ сосенъ, называется *боромъ*. Всѣ остальныя породы деревьевъ, теряющія свои листья осенью и возобновлящію ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другія, называются *чернымъ лѣсомъ*, или *чернолѣсьемъ*. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, волчье лыко, шиповникъ, черноталъ, обыкновенный тальникъ и проч.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна — преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. Я не люблю краснаго лѣса, его вѣчно-однообразной и мрачной зелени, его песчаной или глинистой почвы,—можетъ-быть отъ того, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться веселымъ, разнолистнымъ чернолѣсьемъ и тучнымъ черноземомъ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка, сосна—рѣдкость. И такъ я стану говорить объ одномъ чернолѣсьѣ.

По большей части, чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшеніе особенно пріятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами, или *колками*, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущія гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненіи съ другими древесными породами, и достига-

---

жестокую бурную зиму, крестьяне, чтобы не ѣздить далеко, вырубили на дрова березникъ и олешникъ (ольховой лѣсъ), густо росшій около кругловидной паточины, изъ которой вытекало болѣе двадцати родниковъ, составлявшихъ рѣчку Сююшъ; весна была сухая; всѣ обнаженные отъ лѣсной тѣни родники лѣтомъ изсякли, и рѣчка пересохла. Только въ третій годъ, когда чивая ольха опять подросла, начали вновь открываться родники, и только лѣтъ черезъ десять потекла рѣчка по прежнему.

ющія объема строевого лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскій народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами (какъ сказалъ Гоголь); высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ, но его мало растетъ въ знакомыхъ мнѣ уѣздахъ Оренбургской губерніи, и не достигаетъ онъ тамъ своего огромнаго роста. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многостолѣтній дубъ, рѣдко попадающійся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкій же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтія. Осина [1]) и по наружному виду, и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревьевъ. Незамѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью; золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано увядающіе листья, и, ярко отличаясь отъ зелени другихъ деревьевъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

„Зарость“ или „поросль“, то-есть молодой лѣсъ, пріятна на взглядъ, особенно издали. Зелень его листьевъ свѣжа и весела; но въ немъ мало тѣни; онъ тонокъ и такъ бываетъ частъ, что сквозь него не пройдешь. Со временемъ большая часть деревьевъ посохнетъ отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ рости не только въ вышину, но и въ толщину.

Чернѣя издали, стоятъ высокіе, тѣнистые, старые *темные лѣса;* но подъ словомъ старый не должно разумѣть состарѣвшійся, дряхлый, лишенный листьевъ; видъ такихъ деревьевъ во множествѣ былъ бы очень печаленъ. Въ природѣ все идетъ постепенно. Большой лѣсъ всегда состоитъ изъ деревьевъ

[1]) Народъ говоритъ: „горькая осина“ и употребляетъ эти слова въ бранномъ смыслѣ. Кора осины точно горька, но зайцы предпочтительно любятъ глодать молодой осинникъ.

разныхъ возрастовъ: отживающія свой вѣкъ и совершенно сухія, во множествѣ другихъ, зеленыхъ и цвѣтущихъ,—незамѣтны. Кое-гдѣ лежатъ по лѣсу огромные стволы, сначала высохшихъ, потомъ подгнившихъ у корня и наконецъ сломленныхъ бурею, дубовъ, липъ, березъ и осинъ [1]). При своемъ паденіи, они согнули и поломали молодыя, сосѣднія деревья, которыя, несмотря на свое уродство, продолжаютъ рости и зеленѣть, живописно искривясь на бокъ, протянувшись по землѣ или скорчась въ дугу. Трупы лѣсныхъ великановъ, тлѣя внутри, долго сохраняютъ наружный видъ; кора ихъ обростаетъ мохомъ и даже травою; мнѣ нерѣдко случалось второпяхъ вскочить на такой древесный трупъ и провалиться ногами до земли сквозь его внутренность: облако гнилой пыли, похожей на пыль сухого дождевика, обхватывало меня на нѣсколько секундъ... Но это нисколько не нарушаетъ общей красоты зеленаго, могучаго лѣсного царства, свободно растущаго въ свѣжести, сумракѣ и тишинѣ. Отраденъ видъ густого лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутреняя тишина и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Его мракъ имѣетъ что-то таинственное, неизвѣстное; голосъ звѣря, птицы и человѣка измѣняются въ лѣсу, звучатъ другими, странными звуками. Это какой-то особый міръ, и народная фантазія населяетъ его сверхъестественными существами: *лѣшими* и *лѣсными дѣвками*, такъ же какъ и рѣчные и озерные омута — *водяными чертовками*; но жутко въ большомъ лѣсу во время бури, хотя внизу и тихо; деревья скрипятъ и стонутъ, сучья трещатъ и ломаются. Невольный страхъ нападаетъ на душу и заставляетъ человѣка бѣжать на открытое мѣсто.

На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно, мело-

---

[1]) Дубъ живетъ многія столѣтія, липа—болѣе 150-ти лѣтъ, береза—за сто, а осина—менѣе ста лѣтъ. Общій признакъ старости деревьевъ, даже при зеленыхъ, но уже рѣдкихъ листьяхъ,—повисшіе книзу главные сучья; этотъ признакъ всего замѣтнѣе въ березѣ, когда ей исполнится сто лѣтъ.

дически перекликиваются иволги [1]), стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски [2]), и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ; на сучьяхъ и дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ [3]). Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь неблагопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли отцвѣтшаго лѣсного левкоя, да краснѣетъ кучками зрѣлая костяника; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по моему, очень пріятный запахъ груздей, потому что они родятся семьями, *гнѣздами*, и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями.

Въ такомъ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки [4]). Между бѣлками попадаются очень бѣлесоватыя, почти бѣлыя, называе-

---

[1]) Иволги имѣютъ еще другой противоположный крикъ или визгъ, пронзительный и непріятный для уха Находя въ этихъ звукахъ сходство съ отвратительнымъ крикомъ грызущихся кошекъ, народъ называетъ иволгу „дикою кошкой.“

[2]) Едва ли здѣсь не обмолвка поэта: по крайней мѣрѣ подъ Москвою, да очень вѣроятно и въ Оренбургской губ., свиристель, лѣсной жаворонокъ и дубоносъ не могутъ встрѣтиться вмѣстѣ, потому что дубоносъ здѣсь только веснуетъ, лѣсной жаворонокъ только лѣтуетъ, а свиристель только зимуетъ; притомъ же свиристель и дубоносъ не поютъ. *К. Р.*

[3]) Дуплястое дерево, занимаемое пчелами, называется *борть*. Замѣтивъ отверстіе, въ которое лазятъ пчелы, его выдалбливаютъ и обдѣлываютъ *должеями*, чтобы можно было вынимать ихъ и свободно доставать соты душистаго зеленаго меда, извѣстнаго подъ именемъ „липца.“ Бортевые промыслы въ Оренбургской губерніи были прежде весьма значительны, но умножившееся народонаселеніе и невѣжественная жадность при доставаньи меда, который нерѣдко вынимаютъ весь, не оставляя запаса на зиму,—губятъ дикихъ пчелъ, которыхъ и безъ того истребляютъ медвѣди, большіе охотники до меда, нѣкоторыя породы птицъ и жестокость зимнихъ морозовъ.

[4]) Въ нѣкоторыхъ, болѣе лѣсныхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ растутъ породы и смолистыхъ деревьевъ, водятся олени, рыси и россомахи; въ гористыхъ мѣстахъ—дикія козы, а въ камышахъ и камышистыхъ уремахъ по Уралу—кабаны.

мыя почему-то *горлянками*, и *бѣлки-летяги* [1]); послѣднія имѣютъ съ обѣихъ сторонъ, между переднею и заднею лапою, кожаную тонкую перепонку, которая, растягиваясь, помогаетъ имъ прыгать съ дерева на дерево, на весьма большое разстояніе. Во время такого прыжка, похожаго на полетъ, я убилъ однажды летягу на воздухѣ, и вышло, что я застрѣлилъ *звѣря въ летъ*. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола: большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостки, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный дикій крикъ которыхъ, въ ночное время, испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что̀ же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики *ауканьемъ* и *хохотомъ* лѣшаго?

Если случится ѣхать лѣсистою дорогой, черезъ зеленые перелѣски и душистыя поляны, только-что выѣдешь на нихъ, какъ является въ вышинѣ копчикъ, о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Если онъ имѣетъ гнѣздо неподалеку, то обыкновенно сопровождаетъ всякаго проѣзжаго, даже прохожаго, плавая надъ нимъ широкими, смѣлыми кругами въ высотѣ небесной. Онъ сторожитъ изумительно зоркими своими глазами, не вылетитъ ли какая-нибудь маленькая птичка изъ-подъ ногъ лошади или человѣка. Съ быстротою молніи падаетъ онъ изъ поднебесья на вспорхнувшую пташку, и если она не успѣетъ упасть въ траву, спрятаться въ листьяхъ дерева или куста, то копчикъ вонзитъ въ нее острые когти и унесетъ въ гнѣздо къ своимъ дѣтямъ. Если же не удастся схватить добычи, то онъ взмоетъ вверхъ крутой дугою, опять сдѣлаетъ *ставку* и опять упадетъ внизъ, если снова поднимется та же птичка, или будетъ испугана другая. Копчикъ бьетъ сверху, черкаетъ какъ соколъ, на котораго совершенно похожъ. Иногда случается, что отъ большихъ дѣтей вылетаютъ на ловлю оба копчика, самка и чегликъ, и тогда они могутъ позабавить всякаго зрителя и не-охотника. Нельзя безъ пріятнаго удивленія и невольнаго участія смотрѣть на быстроту, легкость и ловкость этой небольшой, красивой хищ-

---

[1]) Совершенно отдѣльный родъ звѣрка—*полетуха* (Pteromys volans, L.) встрѣчается въ подмосковныхъ губерніяхъ, и еще недавно жилъ въ Московской. *К. Р.*

ной птицы. Странно, но самому жалостливому человѣку какъ-то не жаль бѣдныхъ птичекъ, которыхъ онъ ловитъ! Такъ хорошъ, изященъ, увлекателенъ процессъ этой ловли, что непремѣнно желаешь успѣха ловцу. Если одному копчику удастся поймать птичку, то онъ сейчасъ уноситъ добычу къ дѣтямъ, а другой остается и продолжаетъ плавать надъ человѣкомъ, ожидая и себѣ поживы. Случается и то, что оба копчика, почти въ одно время, поймаютъ по птичкѣ и улетаютъ съ ними; но черезъ минуту одинъ непремѣнно явится къ человѣку опять. Копчикъ — загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, а ручной ничего не ловитъ. Я много разъ пробовалъ *вынашивать* копчиковъ (то же, что̀ дрессировать собаку) и гнѣздарей, и слетковъ; выносить ихъ весьма легко: въ три, четыре дня онъ привыкаетъ совершенно, и будетъ ходить на руку, даже безъ *вабила* (кусокъ мяса); стоитъ только свистнуть да махнуть рукой, стоитъ копчику только завидѣть охотника или заслышать его свистъ — онъ уже на рукѣ, и если охотникъ не протянетъ руки, то копчикъ сядетъ на его плечо или голову, — живой же птички никакой не беретъ. Эта особенность его извѣстна всѣмъ охотникамъ, но я не вѣрилъ, пока многими опытами не убѣдился, что это совершенная правда [1]). Потерявъ всякую надежду, чтобы копчикъ сталъ ловить, я обыкновенно выпускалъ его на волю, и долго видѣли его летающаго около дома и слышали жалобный пискъ, означающій, что онъ голоденъ. Получалъ ли копчикъ прежнюю способность ловить на волѣ или умиралъ съ голоду—не знаю.

Лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ по такимъ мѣстамъ, которыя заливаются полою водой, называются *уремою* [2]). Уремы бываютъ различны: по большимъ рѣкамъ и рѣчкамъ средней величины, берега которыхъ всегда песчаны, урема состоитъ предпочтительно изъ вяза, осокоря, ракиты или ветлы и изрѣдка изъ дуба, достигающихъ огромнаго роста и объема: черемуха, рябина, орѣшникъ и крупный шиповникъ почти всегда имъ сопутствуютъ, разливая кругомъ, во время весен-

---

[1]) И все-таки это неправда! Изъ „Книги сокольничьи пути“ очевидно, что копчиками травили: итакъ, мы не умѣемъ только ихъ вынашивать.

Поздн. примѣч. сочинителя.

[2]) Отсюда, конечно, происходитъ названіе *ремеза* (Parus pendulinus, L.), особеннаго вида синицы, живущаго по уремамъ и столь извѣстнаго въ народѣ своимъ кошелеобразнымъ гнѣздомъ. *К. Р.*

няго цвѣтенія, сильный ароматическій запахъ. Вязъ не такъ высокъ, но толстый, свилеватый пень его бываетъ въ окружности до трехъ саженей; онъ живописно-раскидистъ, и прекрасна не яркая, густая зелень овальныхъ, какъ-будто тисненыхъ его листьевъ. За то осокорь достигаетъ исполинской вышины; онъ величавъ, строенъ и многолиственъ; его блѣднозеленые листья похожи на листья осины и также легко колеблются на длинныхъ стебелькахъ своихъ при малѣйшемъ, незамѣтномъ движеніи воздуха. Его толстая, и въ то же время легкая, мягкая, красная внутри кора идетъ на разныя мелочныя подѣлки, всего болѣе на наплавки къ рыболовнымъ сѣтямъ, неводамъ и удочкамъ. Такія уремы не бываютъ густы, имѣютъ много глубокихъ заливныхъ озеръ, богатыхъ всякою рыбою и водяною дичью. Вездѣ по берегамъ рѣкъ и озеръ, по песчанымъ пригоркамъ и косогоркамъ, предпочтительно передъ другими лѣсными ягодами, растетъ въ изобиліи *ежевика* (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ее называютъ *куманикой*), цѣпляясь за все своими гибкими, ползучими, слегка колючими вѣтками; съ весны зелень ея убрана маленькими бѣлыми цвѣточками, а осенью—черноголубыми или сизыми ягодами превосходнаго вкуса, похожими наружнымъ образованьемъ и величиною на крупную малину. Хороша такая урема; огромныя деревья любятъ просторъ, растутъ не часто, подъ ними и около нихъ, по размѣру тѣни, нѣтъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ, и потому вся на виду величавая красота ихъ. Уремы другого рода образуются по рѣкамъ, которыхъ нельзя причислить къ рѣкамъ средней величины, потому что онѣ гораздо меньше, но въ то же время быстры и многоводны;—по рѣкамъ, протекающимъ не въ безплодныхъ, песчаныхъ, а въ зеленыхъ и цвѣтущихъ берегахъ, по черноземному грунту. Тамъ рѣдко встрѣтишь вязъ, дубъ или осокорь, тамъ растетъ березникъ, осинникъ и ольха [1]); тамъ кромѣ черемухи и рябины, много всякихъ кустовъ калины, жимолости, боярышника, тальника, смородины и другихъ. Эти-то уремы особенно мнѣ нравятся. Многія деревья, и предпочтительно таловые кусты, пронизаны, протканы и живописно обвиты до самаго верха цѣпкими побѣгами дикаго хмѣля и обвѣшаны сначала его зелеными листьями, похожими на виноградные листья, а

[1]) Ольха самое чивое къ росту дерево; она любитъ почву сырую и обыкновенно густо растетъ по берегамъ небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ. Если же грунтъ

потомъ палевыми, золотыми шишками, похожими на виноградныя кисти, внутри которыхъ таятся мелкія, круглыя, горькія на вкусъ, *хмѣльныя* сѣмена. Множество соловьевъ, варакушекъ и всякихъ пѣвчихъ птичекъ живетъ въ зеленыхъ густорастущихъ кустахъ такой уремы. Соловьи заглушаютъ всѣхъ. День и ночь не умолкаютъ ихъ свисты и раскаты. Садится солнце, и *ночники* смѣняютъ до утра усталыхъ денныхъ соловьевъ. Только тамъ, при легкомъ шумѣ бѣгущей рѣки, посреди цвѣтущихъ и зеленѣющихъ деревьевъ и кустовъ, тепломъ и благовоніемъ дышущей ночи, имѣютъ полный смыслъ и обаятельную силу соловьиныя пѣсни... но онѣ болѣзненно дѣйствуютъ на душу, когда слышишь ихъ на улицѣ, пыли и шумѣ экипажей или въ душной комнатѣ, въ говорѣ людскихъ рѣчей.

По небольшимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, особенно по низменной и болотистой почвѣ, уремы состоятъ изъ одной ольхи и таловыхъ кустовъ, по большей части сквозь프росшихъ мелкимъ камышомъ. Изрѣдка кое-гдѣ торчатъ кривобокія березы, которыя не боятся мокрыхъ мѣстъ, равно какъ и сухихъ. Такія уремы бываютъ особенно густы, часты и болотисты; иногда имѣютъ довольно маленькихъ озерковъ и представляютъ полное удобство къ выводу дѣтей для всей болотной и водяной дичи; всякіе звѣрки находятъ въ нихъ также безопасное убѣжище [1]).

И этотъ лѣсъ, такъ поверхностно, недостаточно мною описанный, эту красу земли, прохладу въ зной, жилище звѣрей и птицъ,—лѣсъ, изъ котораго мы строимъ дома и которымъ грѣемся въ долгія жестокія зимы,—не бережемъ мы въ высочайшей степени. Мы богаты лѣсами, но богатство вводитъ насъ въ мотовство, а съ нимъ не далеко до бѣдности; срубить дерево безъ всякой причины у насъ ничего не значитъ. Положимъ, что въ настоящихъ лѣсныхъ губерніяхъ, при всемъ стараніи не такъ многочисленнаго ихъ населенія, лѣсу не выведутъ; но во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда ро-

---

болотистъ, то покрываетъ и гористые скаты. Ольха достигаетъ довольно большого роста и толщины, но дерево ея мягко, хрупко и непрочно; однако столяры употребляютъ его, распиливъ на филенки, для оклейки разной мебели.

[1]) Въ Оренбургской губерніи урему, поросшую разными мелкими кустиками, постоянно заливаемую, *занимаемую* весной полою водою, называютъ иногда *займищемъ;* а урему, состоящую исключительно изъ однихъ таловыхъ кустовъ, плотно растущихъ—*талы*.

сли лѣса, остались голыя степи, и солома замѣнила дрова. То же можетъ случиться и въ Оренбургской губерніи. Не говорю о томъ, что крестьяне вообще поступаютъ безжалостно съ лѣсомъ, что вмѣсто валежника и бурелома, безполезно тлѣющаго, за которымъ надобно похлопотать, потому что онъ толстъ и тяжелъ,—крестьяне обыкновенно рубятъ на дрова молодой лѣсъ; что у старыхъ деревьевъ обрубаютъ на топливо одни сучья и вершину, а голые стволы оставляютъ сохнуть и гнить; что косятъ траву или пасутъ стада, безъ всякой необходимости, тамъ, гдѣ пошли молодые лѣсные побѣги и даже заросли. Все это еще не въ такой степени губительно, какъ *выварка* поташа и сидѣнье или *сидка* дегтя: для поташа пережигаютъ въ золу преимущественно ильму, липу и вязъ, не щадя впрочемъ и другихъ древесныхъ породъ; а для дегтя снимаютъ бересту, то-есть верхнюю кожу березы. Хотя эта съемка сначала кажется не такъ губительною, потому что береза гибнетъ не вдругъ, а снятая осторожно, лѣтъ черезъ десять, наращаетъ новую кожу, которую снимаютъ вторично: но станутъ ли наемные работники осторожно *бить бересту*, то-есть снимать съ березы кожу? И притомъ ни одна, съ величайшею осторожностью *снятая* береза не достигаетъ уже полнаго развитія: она хилѣетъ постепенно и умираетъ, не доживъ всего вѣка.

Изъ всего растительнаго царства, дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и наконецъ многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду... Но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ... Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большого подрубленнаго дерева; въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо-грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній:

дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ-будто задумается, куда упасть, и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающею быстротой и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!.. Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты, и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка.

1.

Глухой тетеревъ, глухарь, моховикъ [1].

Глухой тетеревъ, по его величинѣ, малочисленности, осторожности и трудности добыванья, безпрекословно можетъ назваться первою лѣсною дичью. Онъ не отлетаетъ на зиму; напротивъ, водится въ изобиліи въ самыхъ холодныхъ мѣстахъ Сибири. Имя *глухаря* дано ему не потому, что онъ глухъ, а потому, что водится въ глухихъ, уединенныхъ и крѣпкихъ мѣстахъ; точно такъ и послѣднее имя *моховика* происходитъ отъ моховыхъ, лѣсныхъ болотъ, въ которыхъ живутъ глухари.—Въ молодости моей я еще встрѣчалъ стариковъ-охотниковъ, которые думали, что глухіе тетерева — глухи, основываясь на томъ, что они не боятся шума и стука,

---

[1]) *Мошникъ*, въ Лапландіи самецъ — *мошенъ*, самка — *копало;* въ Архангельскѣ *чукарь* и *тятіера*. Tetrao urogallus, L. *К. Р.*

особенно когда токуютъ. Мнѣніе это совершенно ошибочно. Во-первыхъ, птица вообще мало боится шума и стука, если не видитъ предмета, его производящаго; во-вторыхъ, токующій тетеревъ, особенно глухой, о чемъ я буду говорить ниже, не только ничего не слышитъ, но и не видитъ. Народъ также думалъ, да и теперь думаетъ, что глухарь глухъ. Это доказываетъ всѣмъ извѣстная укорительная поговорка, которою потчиваютъ того, кто, будучи крѣпокъ на-ухо, или по разсѣянности, что-нибудь не дослышалъ: „эхъ ты, глухая тетеря". Глухарь, напротивъ, имѣетъ необыкновенно тонкій слухъ, что знаетъ всякій опытный охотникъ.—Въ Оренбургской губерніи глухіе тетерева не такъ крупны. Я взвѣшивалъ многихъ глухихъ косачей (самцовъ); самый большой вѣсилъ $12^1/_2$ фунтовъ, между тѣмъ какъ косачъ-моховикъ, напримѣръ около Петербурга (говорю слышанное), вѣситъ до 17-ти фунтовъ. Глухой косачъ не совсѣмъ похожъ на косача тетерева полевого, хотя они составляютъ одну породу; а курочки ихъ перомъ совершенно сходны, съ тою разницею, что глухарка красноватѣе и темныя пестрины на ней чернѣе. Глухарь-самецъ имѣетъ на хвостѣ черныя косицы (менѣе загнутыя, чѣмъ у самца-полевика), почему называется косачомъ; величиною онъ будетъ съ молодого, годовалаго индѣйскаго пѣтуха и похожъ на него своею фигурой. Если вытянуть глухого косача, то отъ клева до конца хвостовыхъ перьевъ будетъ полтора аршина. Впрочемъ, тѣло его занимаетъ около двухъ четвертей длины, а въ хвостѣ и шеѣ съ головой—по полуаршину. Клевъ толстый, твердый, нѣсколько погнутый книзу, блѣдно-зеленоватаго костяного цвѣта, длиною почти въ вершокъ. Глаза темные, брови широкія и красныя, голова небольшая, шея довольно толстая; издали глухарь-косачъ покажется чернымъ, но это не справедливо: его голова и шея покрыты очень темными, но въ то же время узорно-сѣрыми перышками; зобъ отливаетъ зеленымъ глянцемъ, хлупь испещрена бѣлыми пятнами по черному полю, а спина и особенно верхняя сторона крыльевъ—по сѣрому основанію имѣютъ коричневыя длинныя пятна; нижнія хвостовыя перья темныя, съ бѣлыми крапинками на лицевой сторонѣ, а верхнія отъ спины идущія, покороче и сѣрыя; подбой крыльевъ, подъ плечными суставами, ярко-бѣлый съ черными крапинами, а остальной—сизо-дымчатый; ноги покрыты мягкими, длинными, сѣро-пепельнаго цвѣта, перышками и очень мохнаты до самыхъ паль-

цевъ; пальцы же облечены какою-то скорлупообразною, свѣтлою, чешуйчатою броней и оторочены кожаною твердою бахромой; ногти темные, большіе и крѣпкіе.

Глухая курочка несравненно менѣе самца; я ни одной изъ нихъ тяжеле шести фунтовъ не убивалъ.—Я не стану говорить о токахъ глухихъ тетеревовъ и о выводѣ тетеревятъ, потому что въ этомъ они совершенно сходны съ простыми тетеревами, *полевиками* или *березовиками*, какъ ихъ называютъ; послѣдніе гораздо ближе мнѣ извѣстны, и я буду говорить о нихъ съ большею подробностью. Глухари предпочтительно водятся въ краснолѣсьѣ; для нихъ необходимы: сосна, ель, пихта и можжевельникъ; погонцы, молодые побѣги этихъ деревьевъ, составляютъ ихъ преимущественную пищу, отъ чего мясо глухаря почти всегда имѣетъ смолистый запахъ. Впрочемъ, въ чернолѣсьѣ, гдѣ изрѣдка растутъ сосны, глухари водятся иногда и держатся вмѣстѣ съ тетеревами-березовиками. Вмѣстѣ же съ ними кроютъ ихъ иногда шатрами,—но всегда въ маломъ количествѣ,—для чего къ обыкновенной привадѣ изъ овсяныхъ сноповъ прибавляютъ вершинки молоденькихъ сосенъ и елей, которыми обтыкаютъ кругомъ приваду. Глухари мало ѣдятъ хлѣбныхъ зеренъ и рѣдко летаютъ въ хлѣбныя поля. Вообще они гораздо уединеннѣе, строже меньшихъ своихъ братій, простыхъ тетеревовъ, держатся постоянно въ крупномъ лѣсу, гдѣ вьютъ гнѣзда ихъ курочки на голой землѣ, въ небольшихъ ямкахъ. Яйца ихъ, почти всегда въ числѣ семи или восьми, вдвое болѣе куриныхъ, рыжеватаго цвѣта, съ темно-коричневыми крапинами.

Глухарь — очень плотная, бодрая и крѣпкая птица. Хотя нѣкоторые охотники считаютъ, что глухіе косачи слабѣе къ ружью косачей-полевиковъ, но я не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Я могу только сказать, что глухари, относительно своей величины, не такъ крѣпки къ ружью, какъ можно бы ожидать; но я положительно убѣжденъ, что они крѣпче простыхъ тетеревовъ. Въ доказательство я укажу на то, что всѣ охотники употребляютъ самую крупную дробь для стрѣльбы глухарей; разумѣется, я говорю объ охотѣ въ позднюю осень, или по первозимью, и преимущественно о косачахъ.

Я уже сказалъ, что глухарь необыковенно пугливъ и остороженъ. Онъ любитъ садиться на вершинахъ огромныхъ сосенъ, особенно растущихъ по неприступнымъ оврагамъ и горамъ. Разумѣется, сидя на такомъ мѣстѣ, онъ совершенно

безопасенъ отъ ружья охотника; если вы подъѣдете или подойдете близко къ соснѣ, то нижнія вѣтви закроютъ его, и вамъ ничего не будетъ видно; если же отойдете подальше, и глухарь сдѣлается виденъ, то разстояніе будетъ такъ велико, что нѣтъ никакой возможности убить дробью такую большую и крѣпкую птицу, хотя бы ружье было заряжено безъимянкою или нулемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что стрѣльба глухарей самая трудная и тяжелая, особенно косачей, ибо курочки гораздо смирнѣе, слабѣе и чаще садятся на невысокія деревья. Всего удобнѣе бить глухихъ косачей маленькой пулей изъ винтовки, что̀ и дѣлаютъ не только сибирскіе стрѣлки-звѣроловы, но и Вотяки и Черемисы въ Вятской и Пермской губерніяхъ. Но многіе ли изъ обыкновенныхъ нашихъ ружейныхъ охотниковъ умѣютъ стрѣлять мастерски изъ винтовки? Тутъ не помогутъ проворство, ловкость и даже мѣткость глаза; ко всему этому тутъ необходима въ высшей степени вѣрная рука. Я знаю это по себѣ: я былъ хорошій стрѣлокъ дробью изъ ружья, а пулей изъ винтовки или штуцера не могъ попасть и близко цѣли; то же можно сказать о большей части хорошихъ охотниковъ. Впрочемъ, страстная охота, несмотря на трудности, все преодолѣваетъ; она имѣетъ желѣзное терпѣніе, и я нерѣдко изъ обыкновеннаго ружья, обыкновенною гусиною дробью, убивалъ штукъ до 6-ти глухарей въ одно утро. Подъѣхать въ мѣру на саняхъ или дрожкахъ рѣдко удавалось по неудобству мѣстности, и я подкрадывался къ глухарямъ изъ-за деревьевъ; если тетерева совершенно не видно и стрѣлять нельзя, то я подбѣгалъ подъ самое дерево и спугивалъ глухаря, для чего иногда жертвовалъ однимъ выстрѣломъ своего двухствольнаго ружья, а другимъ убивалъ дорогую добычу въ летъ, цѣля по крыльямъ; но для этого нужно, чтобы дерево было не слишкомъ высоко. Употреблялъ я также съ успѣхомъ и другой маневръ: замѣтивъ, по первому улетѣвшему глухарю, то направленіе, куда должны улетѣть и другіе,—ибо у всѣхъ тетеревовъ неизмѣнный обычай: куда улетѣлъ одинъ, туда летѣть и всѣмъ, — я становился на самомъ пролетѣ, а товарища-охотника, или кучера съ лошадьми, посылалъ пугать остальныхъ глухарей. Долго приходилось иногда ждать и зябнуть, стоя смирно на одномъ мѣстѣ; горы и овраги надобно было далеко обходить или объѣзжать, чтобы спугнуть глухихъ тетеревовъ, но за то мнѣ удавалось изъ небольшой стаи убивать по двѣ штуки. Это

особенно удобно потому, что глухарь, слетѣвъ съ высокой сосны, всегда возьметъ книзу и летитъ въ вышину обыкновенныхъ деревьевъ: слѣдовательно мѣра не далека, если онъ полетитъ прямо надъ вами, или не далеко отъ васъ. Нечего и говорить, что довольно случалось промаховъ и еще больше подбитыхъ глухарей, которыхъ, хотя и ѣздя по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ по нѣскольку дней сряду, я нахаживалъ иногда на другой день мертвыми. Надо признаться, что при осенней стрѣльбѣ глухарей, по большей части, только тѣ достаются въ руки, у которыхъ переломлены крылья; этому причиной не одна ихъ крѣпость, а неудобства стрѣльбы отъ высокихъ, густыми иглами покрытыхъ сосенъ .— Очевидно, какъ внимательно надобно смотрѣть — не подбитъ ли глухарь, не отсталъ ли отъ другихъ? Нѣтъ ли крови на снѣгу по направленію его полета? Не сѣлъ ли онъ въ полдерева? Не пошелъ ли книзу? При каждомъ изъ сказанныхъ мною признаковъ подбоя, сейчасъ должно преслѣдовать раненаго и добить его: подстрѣленный будетъ смирнѣе и подпуститъ ближе.

Къ токующему глухому косачу раннею весной можно подходить не только изъ-за дерева, но даже по чистому мѣсту, наблюдая ту осторожность, чтобъ итти только въ то время, когда онъ токуетъ, и вдругъ останавливаться, когда онъ замолчитъ; весь промежутокъ времени, пока косачъ не токуетъ, охотникъ долженъ стоять неподвижно, какъ статуя; забормочетъ косачъ, — итти смѣло впередъ, пока подойдешь въ мѣру. Больше о глухарѣ я ничего особеннаго сказать не могу, а повторяю сказанное уже мною, что онъ во всемъ остальномъ совершенно сходенъ съ обыкновеннымъ тетеревомъ, слѣдовательно и стрѣльба молодыхъ глухихъ тетеревятъ совершенно та же, кромѣ того, что они никогда не садятся на землю, а всегда на дерево, и что всегда находишь ихъ въ лѣсу, а не на чистыхъ мѣстахъ.

Мясо молодыхъ глухарей очень вкусно, въ чемъ согласны всѣ; мясо же старыхъ, жесткое и сухое, имѣетъ особенный, не для всѣхъ пріятный вкусъ крупной дичи и отзывается сосной, елью или можжевеловыми ягодами; есть большіе любители этого вкуса.

Трудная и малодобычливая стрѣльба старыхъ глухарей въ глубокую осень, по голу или по первому снѣгу, меня чрезвычайно занимала: я страстно и неутомимо предавался ей.

Надобно признаться, что значительная величина птицы, особенно при ея крѣпости, осторожности и немногочисленности, удивительно какъ возбуждаетъ жадность не только въ простыхъ, добычливыхъ стрѣлкахъ, но и во всѣхъ родахъ охотниковъ: по крайней мѣрѣ, я всегда испытывалъ это на себѣ.

2.

Тетеревъ [1]).

Кто не знаетъ тетерева, простого, обыкновеннаго, полевого тетерева-березовика, котораго народъ называетъ „тетера“, а чаще „тетерька“? Глухарь или глухой тетеревъ—это дѣло другое. Онъ не пользуется такою извѣстностью, такою народностью. Вѣроятно, многимъ и видѣть его не случалось, развѣ за обѣдомъ, но я уже говорилъ о глухарѣ особо. Итакъ, я не считаю нужнымъ описывать въ подробности величину, фигуру и цвѣтъ перьевъ полевого тетерева, тѣмъ болѣе, что, говоря о его жизни, я буду говорить объ измѣненіяхъ его наружнаго вида. Нужно только замѣтить, что тетеревъ изъ всѣхъ птицъ, равныхъ ему величиною, самая сильная и крѣпкая птица. Летаетъ онъ очень проворно и неутомимо; машетъ крыльями съ такою быстротой, что производитъ рѣзкій и сильный шумъ своимъ полетомъ, особенно поднимаясь съ земли. Тетерева водятся вездѣ: и въ большомъ и маломъ, и въ

---

[1]) Въ Малороссіи *тетервакъ.* Также самецъ: *косачъ, косецъ,* а самка: *касатка, полуха, кополиха, маракуша.* Tetrao tetrix, L. *К. Р.*

красномъ и черномъ лѣсу, въ перелѣскахъ, въ рѣдколѣсьѣ, и даже въ мѣстахъ безлѣсныхъ, если только не распахана вся степь, ибо тетеревиная самка никогда не совьетъ гнѣзда на землѣ, тронутой сохою. Въ губерніяхъ, не тѣсно населенныхъ, въ мѣстахъ, привольныхъ хлѣбомъ и особенно лѣсомъ, тетерева живутъ въ великомъ множествѣ. Они не отлетаютъ на зиму, равно какъ и глухари. Жестокость морозовъ для нихъ безвредна, и едва ли они не больше плодятся тамъ, гдѣ холоднѣе. Но начнемъ сначала.

Въ маѣ мѣсяцѣ тетеревиныя самки вьютъ гнѣзда въ опушкахъ лѣса, по рѣдколѣсью и преимущественно по молодымъ зарослямъ, а въ мѣстахъ степныхъ—въ какомъ-нибудь полевомъ кустарникѣ. Самка несетъ до 10 и даже до 12 яицъ, какъ говорятъ охотники, но я самъ никогда болѣе 9 не нахаживалъ. Она сидитъ на яйцахъ очень крѣпко, такъ что не только всѣ хищные звѣри и звѣрки, но даже дворныя собаки ловятъ иногда ее на гнѣздѣ. Мнѣ самому случалось наѣзжать тройкой на тетеревиныхъ курочекъ, сидящихъ на гнѣздахъ, и одинъ разъ моя коренная даже задавила копытомъ тетерьку на яйцахъ. Три недѣли матка почти не слѣзаетъ съ гнѣзда и день, и ночь; только въ полдни сходитъ она на самое короткое время, непремѣнно закрывъ гнѣздо травою и перьями, чтобы яйца не простыли. Тетеревята выводятся изъ яицъ обыкновенно около половины іюня. Впрочемъ, это случается и позднѣе, если первыя яйца по какому-нибудь несчастному случаю пропадутъ. Нерѣдко гибнутъ они отъ паловъ, если палы производятся поздно, о чемъ я уже говорилъ. Сначала тетеревята, всѣ безъ исключенія, бываютъ сѣровато-желто-пестраго цвѣта, такъ что нельзя и различить самца отъ самки; первый впослѣдствіи называется *косичомъ* (отъ косицъ въ хвостѣ), а вторая курочкой. Въ исходѣ августа на самцѣ начинаютъ показываться мѣстами темныя перья, какъ-будто букеты темно-коричневыхъ цвѣтовъ; въ это время онъ имѣетъ особенный и весьма красивый видъ, и тогда охотники говорятъ: „тетеревята помѣшались“. Косачъ уже и въ этомъ періодѣ возраста крупнѣе курочки, и брови у него шире и краснѣе: преимущество, которое онъ навсегда сохраняетъ. Старый самецъ всегда тяжелѣе однимъ фунтомъ старой курочки. Въ началѣ зимы косачъ становится темно-кофейнаго цвѣта, черныя косицы въ хвостѣ отростаютъ, концы ихъ загибаются: одна половина направо, а другая налѣво. Фигура

этихъ косицъ очень похожа на загнутое лезвее стариннаго столоваго ножа. Косачи чернѣютъ годъ отъ году, а на третій годъ становятся совершенно черными, съ маленькою сѣриною на спинѣ между крыльевъ и съ отливомъ вороненой стали по всему тѣлу и особенно по шеѣ. Впрочемъ, внутренняя сторона крыльевъ подбита мелкими бѣлыми перышками, также и косицы въ хвостѣ, и бѣлая же поперечная полоса видна на правильныхъ перьяхъ. Курочка существенно не измѣняетъ своего цвѣта; только къ зимѣ перья дѣлаются жестче и крупнѣе, а пестрины темнѣе и желтѣе.

Тетеревята имѣютъ то особенное свойство, что черезъ нѣсколько дней послѣ вылупленія своего изъ яицъ начинаютъ понемногу летать или, точнѣе сказать, перепархивать, отъ чего самые маленькіе называются въ иныхъ мѣстахъ, такъ же какъ перепелята, *поршками*. Питаются они сначала разными травяными сѣменами и мелкими насѣкомыми, потомъ разными ягодами: полевою клубникой, костяникой и вишней, до которыхъ они большіе охотники, а въ мѣстахъ лѣсныхъ— всякими лѣсными ягодами. Способъ, посредствомъ котораго тетеревята лакомятся вишнями, растущими гораздо выше ихъ роста, очень оригиналенъ: они пускаютъ вишенные кустики между ногъ и, подвигаясь впередъ, постепенно ихъ наклоняютъ, до тѣхъ поръ, пока ягоды не приблизятся къ самому ихъ рту. Въ это время молодые тетерева бываютъ особеннаго и отличнаго вкуса, разумѣется тамъ, гдѣ ягодъ такъ много, что онѣ могутъ составлять единственную или преимущественную ихъ пищу. Впослѣдствіи времени они кормятся хлѣбными зернами, и наконецъ, когда хлѣба уберутъ въ гумно, а поля покроются снѣгомъ, древесныя почки, дубовые желуди [1]), березовыя сережки, ольховыя шишечки, можжевеловыя ягоды, сосновые и еловые погонцы доставляютъ имъ обильный и питательный кормъ.

Стрѣльба тетеревовъ раннею весной незначительна; она прекращается, когда курочки сядутъ на гнѣзда, а косачи спрячутся въ лѣсные овраги и другія крѣпкія мѣста, что бываетъ въ исходѣ мая. Въ іюнѣ косачи и холостыя курочки линяютъ; матки линяютъ послѣ вывода дѣтей гораздо позднѣе. Стрѣльба молодыхъ тетеревовъ начинается въ іюлѣ и продол-

---

[1]) Дубовые желуди глотаютъ тетерева вмѣстѣ съ чашечками и даже маленькими вѣточками, въ изумительномъ количествѣ.

жается до начала сентября; разумѣется, всегда изъ-подъ собаки. Когда же деревья облетятъ, а трава отъ дождей и морозовъ завянетъ и приляжетъ къ землѣ, тетерева по утрамъ и вечерамъ начинаютъ садиться на деревья, сначала выводками, а потомъ собравшимися стаями, въ которыхъ старые уже смѣшиваются съ молодыми. Эти стаи нерѣдко состоятъ изъ однихъ косачей или однихъ курочекъ. Чѣмъ становится позднѣе осень, тѣмъ сидятъ они долѣе, если не сгонитъ сильный вѣтеръ. При тихой погодѣ, особенно при мелкомъ дождѣ, только въ полдень слетаютъ тетеревиныя стаи на землю на поляны и чистыя мѣста, гдѣ бы не безпокоили ихъ дождевыя капли, падающія безпрестанно съ мокрыхъ древесныхъ вѣтвей. Когда же солнце начнетъ склоняться къ западу, тетерева поднимаются съ *лежки*, т. е. съ мѣста своего отдохновенія, опять садятся на деревья и сидятъ нахохлившись, какъ-будто дремлютъ, до глубокихъ сумерокъ; потомъ пересаживаются въ полдерева и потомъ уже спускаются на ночлегъ; ночуютъ всегда на землѣ. Также въ полдерева и близко къ древесному стволу садятся тетерева въ вѣтреное время, чтобы ихъ, вмѣстѣ съ вѣтвями не качало вѣтромъ, чего они не любятъ. Опускаясь на ночлегъ, они не слетаютъ, а какъ-будто падаютъ внизъ, безъ всякаго шума, точно пропадаютъ, такъ что, завидя издали большое дерево, унизанное десятками тетеревовъ, и подъѣзжая къ нему съ осторожностью, вдругъ вы увидите, что тетеревовъ нѣтъ, а они никуда не улетали! Если вы вздумаете подойти къ дереву ближе, то поднимете всю стаю, усѣвшуюся на ночевку. Въ зимніе бураны заноситъ ихъ снѣгомъ совершенно, такъ что надобно необыкновенную силу тетерева, чтобы выбиться изъ снѣжнаго сугроба. Вотъ тутъ-то губятъ ихъ лиса и волкъ, которые отыскиваютъ лакомую добычу чутьемъ. Мнѣ случалось не разъ, бродя рано по утрамъ, попадать нечаянно на мѣсто тетеревинаго ночлега; въ первый разъ я былъ даже испуганъ: нѣсколько десятковъ тетеревовъ вдругъ, совершенно неожиданно, поднялись вверхъ столбомъ и осыпали меня снѣжною пылью, которую они подняли снизу и еще болѣе стряхнули сверху, задѣвъ крыльями за вѣтви деревьевъ, напудренныхъ инеемъ. Конецъ осени и начало зимы — самая лучшая и добычливая стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда и на чучела. Она прекращается только глубокими снѣгами, слѣдственно можетъ продолжаться иногда до исхода декабря.

Это общій очеркъ тетерева. Говоря о стрѣльбѣ его, я

стану говорить подробнѣе объ его нравахъ, измѣняющихся съ перемѣнами времени года, и мой очеркъ долженъ отчасти повториться.

Въ исходѣ марта начнетъ сильно пригрѣвать солнышко, разогрѣвается остывшая кровь въ косачахъ, проснется безотчетное стремленіе къ совокупленію съ самками, и самцы начинаютъ *токовать*, т. е., сидя на деревьяхъ, испускать какіе-то глухіе звуки, изрѣдка похожіе на гусиное шипѣнье, а чаще на голубиное воркованье или бормотанье, слышное весьма далеко въ тишинѣ утренней зари, на восходѣ солнца. Вѣроятно многимъ удавалось слышать, не говоря объ охотникахъ, „вдали тетеревовъ глухое токованье“ [1]), и вѣрно всякій испытывалъ какое-то неопредѣленное, пріятное чувство. Въ самихъ звукахъ ничего нѣтъ привлекательнаго для уха, но въ нихъ безсознательно чувствуешь и понимаешь общую гармонію жизни въ цѣлой природѣ... Итакъ, косачъ пускается токовать: сначала токуетъ не по-долгу, тихо, вяло, какъ будто бормочетъ про себя, и то послѣ сытнаго завтрака, набивши полный зобъ надувающимися тогда древесными почками. Потомъ, съ прибавленіемъ теплоты въ воздухѣ, съ каждымъ днемъ токуетъ громче, дольше, горячѣе, и наконецъ доходитъ до изступленія: шея его распухаетъ; перья на ней поднимаются, какъ грива; брови, спрятанныя во впадинкахъ, прикрытыя въ обыкновенное время, тонкою, сморщенною кожицею, надуваются, выступаютъ наружу, изумительно расширяются, и красный цвѣтъ ихъ получаетъ блестящую яркость. Косачи рано утромъ, до солнечнаго всхода, похватавъ уже кое-какъ нѣсколько корма (видно и птицѣ не до пищи, когда любовь на умѣ), слетаются на избранное заранѣе мѣсто, всегда удобное для будущихъ подвиговъ. Это бываетъ или чистая поляна въ лѣсу, или лугъ между деревьевъ, растущихъ на опушкѣ и иногда стоящихъ на открытомъ полѣ, преимущественно на пригоркѣ. Такое мѣсто неизмѣнно посѣщаемое, всегда одно и то же, называется *токомъ* или *токовищемъ*. Надобно постоянное усиліе человѣка, чтобы заставить тетеревовъ бросить его и выбрать другое. Даже сряду нѣсколько лѣтъ токи бываютъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Косачи, сидя на верхнихъ сучьяхъ деревьевъ, безпрерывно опуская головы внизъ, будто низко кланяясь, присѣдая и выпрямляясь, вытягивая съ напряженіемъ

---

[1]) Стихъ Державина изъ стихотворенія: *Жизнь Званская*.

раздувшуюся шею, шипятъ съ свистомъ, бормочутъ, токуютъ, и, при сильныхъ движеніяхъ, крылья ихъ нѣсколько распускаются для сохраненія равновѣсія. Они часъ отъ часу приходятъ въ большую ярость: движенія ускоряются, звуки сливаются въ какое-то клокотанье, косачи бѣснуются, и бѣлая пѣна брызжетъ изъ ихъ постоянно разинутыхъ ртовъ... Вотъ откуда родилась старинная басня, которой, впрочемъ, уже давно никто не вѣритъ, будто тетеревиныя самки, бѣгая по землѣ, подхватываютъ и глотаютъ слюну, падающую изо ртовъ токующихъ на деревьяхъ самцовъ, и тѣмъ оплодотворяются. Но не напрасно оглашается окрестность горячими призывами косачей, нѣсколько времени токующихъ уединенно: курочки уже давно прислушивались къ нимъ и наконецъ начинаютъ прилетать на токà; сначала садятся на деревья въ нѣкоторомъ отдаленіи, потомъ подвигаются поближе, но никогда не садятся рядомъ, а противъ косачей. Неравнодушно слушая странное шипѣнье и бормотанье своихъ черныхъ кавалеровъ, и пестрыя дамы начинаютъ чувствовать всемогущій голосъ природы и оказываютъ сладострастныя движенія: онѣ охорашиваются, повертываются, кокетливо перебираютъ носами свои перья, вздрагивая распускаютъ хвосты, взмахиваютъ слегка крыльями, какъ-будто хотятъ слетѣть съ дерева, и вдругъ, почувствовавъ полное увлеченіе, въ самомъ дѣлѣ быстро слетаютъ на землю... Стремглавъ всѣ косачи бросаются къ нимъ... И вотъ, между мирными, флегматическими тетеревами мгновенно вскипаетъ ревность и вражда, ибо курочекъ бываетъ всегда гораздо менѣе, чѣмъ косачей, а иногда на многихъ самцовъ—одна самка. Начинается остервенѣлая драка: косачи, уцѣпивъ другъ друга за шеи носами, таскаются по землѣ, клюются, царапаются безъ всякой пощады; перья летятъ, кровь брызжетъ... А между тѣмъ счастливѣйшіе, или болѣе проворные, около самой арены, совокупляются съ самками, совершенно равнодушными къ происходящему за нихъ бою. [1]) Опло-

---

[1]) Въ мѣстахъ совершенно безлѣсныхъ токà происходятъ въ степи, на голой землѣ, но предпочтительно на мѣстахъ высокихъ и открытыхъ. Нѣкоторые охотники увѣряли меня, что видали нѣчто подобное весеннимъ тетеревинымъ токамъ въ позднюю теплую осень: косачи не дрались между собою, а только бормотали, бѣгая по озимямъ или лугу и надуваясь, какъ индѣйскіе пѣтухи. Я никогда не замѣчалъ въ Оренбургской губерніи осенняго тетеревинаго токованья, но около Москвы каждую осень токуютъ косачи, т. е. бормочутъ, сидя на деревьяхъ въ одиночку, и брови ихъ выступаютъ и краснѣютъ, какъ весной. Курочки не принимаютъ въ этомъ никакого участія.

дотворенная курочка сейчасъ начинаетъ заботиться о своемъ потомствѣ: въ рѣдколѣсьѣ, или мелкомъ лѣсу, выбираетъ мѣсто сухое, не низкое, разрываетъ небольшую ямочку, натаскиваетъ ветоши, т. е. прошлогодней сухой травы, вьетъ круглое гнѣздо, устилаетъ его дно мелкими перышками, нащипанными ею самою изъ собственной хлупи, и кладетъ первое яйцо. На другой день она опять вылетаетъ на токовище, тщательно прикрывъ гнѣздо травой и перьями, опять оплодотворяется отъ перваго ловкаго косача, кладетъ второе яйцо и продолжаетъ ту же исторію до тѣхъ поръ, пока гнѣздо будетъ полно, или временное чувство сладострастія вполнѣ удовлетворено. Нѣсколько времени косачи продолжаютъ слетаться на токовища, постепенно оставляемыя курочками, и тока, слабѣя день ото дня, наконецъ прекращаются. Время любви прошло, распухшая кожа на шеѣ косачей опадаетъ, брови прячутся, перья лѣзутъ... пора имъ въ глухія, крѣпкія мѣста, въ лѣсные овраги; скоро придетъ время *линять*, т. е. перемѣнять старыя перья на новыя,—время если не болѣзни, то слабости для всякой птицы.

Весенняя стрѣльба тетеревовъ не добычлива и не легка. Какъ только начнетъ пригрѣвать солнце, а поверхность снѣговъ, проникнутая его лучами, вовсе незамѣтно для глазъ, начнетъ въ полдень притаивать, то образуется на ней тонкая, блестящая брилліантовыми огнями, кора: она называется *настъ*. По этому-то насту можно весною въ мартѣ, а иногда и въ началѣ апрѣля, подкрадываться къ сидящимъ на деревьяхъ и токующимъ въ одиночку косачамъ, а также и къ слушающимъ ихъ курочкамъ. Подкрадываться надобно съ величайшею осторожностью изъ-за другихъ деревьевъ, безъ всякаго шума, всегда идя такъ, чтобы голова тетерева, къ которому подходитъ охотникъ, была закрыта сучками или пнемъ дерева. Когда тетеревъ токуетъ, то можно подходить смѣлѣе; но какъ скоро перестанетъ бормотать, то надобно или остановиться, или итти только въ такомъ случаѣ, когда толщина древеснаго пня совершенно закрываетъ стрѣлка. Косачъ, токуя, ничего не слышитъ и не видитъ въ своей горячности; но какъ скоро перестаетъ бормотать отъ утомленія, или отъ какого-нибудь нечаяннаго испуга, то слухъ и зрѣніе сейчасъ къ нему возвращаются. Собаки тутъ не нужно, а нужно ружье, которое бы било далеко, кучно и сильно: хотя въ это время года тетеревъ уже не такъ крѣпокъ къ ружью, какъ въ концѣ осени

и въ началѣ зимы, но за то стрѣлять приходится почти всегда далеко и нерѣдко сквозь вѣтви и сучки. Это не то, что съ подъѣзда, гдѣ останавливаешься и стрѣляешь тогда, когда тетеревъ сидитъ въ мѣру и ничѣмъ не закрытъ. Здѣсь совсѣмъ другое дѣло: если подкрался къ ближайшему дереву изъ-за котораго нельзя высунуться, не испугавъ птицы, то ужь близко ли, далеко ли, ловко или неловко, стрѣлять надо. Само собою разумѣется, что не мало бываетъ промаховъ, и нельзя убить много тетеревовъ. Когда же снѣгъ растаетъ, а гдѣ не растаетъ, по крайней мѣрѣ обмелѣетъ, такъ что можно ѣздить хотя какъ-нибудь и хотя на чемъ-нибудь, то сдѣлается возможенъ и подъѣздъ къ тетеревамъ: сначала, рано по утрамъ, на самыхъ токàхъ, а потомъ, когда выстрѣлы ихъ разгонятъ, около токòвъ: ибо далеко они не полетятъ, а все будутъ биться вокругъ одного мѣста до тѣхъ поръ, пока придетъ время разлетаться имъ съ токовъ по своимъ мѣстамъ, то-есть часовъ до девяти утра. Разумѣется, съ подъѣзда можно убить больше, чѣмъ съ подхода, но все немного. Вотъ и вся бѣдная весенняя стрѣльба тетеревовъ, которая продолжаетъ до начала, много до половины мая, и которою охотники очень мало и рѣдко занимаются, ибо въ это время года идетъ самая горячая охота за прилетною дичью всѣхъ родовъ [1]).

Итакъ, съ начала или много половины мая, тетеревъ совершенно пропадаетъ изъ глазъ охотника. Косачи и холостыя курочки скрываются въ самыхъ глухихъ, лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ и линяютъ въ продолженіе іюня мѣсяца. Въ іюлѣ появляются на сцену тетеревята. Покуда они малы, матка или *старка*, какъ называютъ ее охотники, держитъ свою выводку около себя въ перелѣскахъ и опушкахъ, гдѣ много молодыхъ древесныхъ побѣговъ, особенно дубовыхъ, широкіе и плотные листья которыхъ почти лежатъ на землѣ, — гдѣ растетъ густая трава и гдѣ удобнѣе укрываться ея беззащитнымъ цыплятамъ, которые, при первыхъ призывныхъ звукахъ голоса матери, проворно прибѣгаютъ къ ней и прячутся подъ ея распростертыми крыльями, какъ цыплята подъ крыльями

---

1) Стрѣльба косачей или черньшей на токахъ изъ шалашей въ Оренбургской губерніи неизвѣстна, а равно и стрѣльба ихъ во время линьки, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи въ большомъ употребленіи и бываетъ очень добычлива, особенно въ Костромской губерніи, какъ я слышалъ отъ тамошнихъ охотниковъ.

дворовой курицы, когда завидитъ она въ вышинѣ коршуна и тревожно закудахчетъ. Надобно при семъ случаѣ сказать, что обыкновенные тетерева весьма близки къ домашнимъ курамъ. Во всѣхъ нравахъ и ихъ пріемахъ видна одна и та же натура: куропатки и перепелки еще болѣе имѣютъ этого сходства. Хотя, во всѣхъ породахъ птицъ, матери горячѣе отцовъ любятъ своихъ дѣтей, но тѣ самки, съ которыми самцы не раздѣляютъ этого чувства, а напротивъ раззоряютъ ихъ гнѣзда (какъ то дѣлаютъ всѣ селезни утиныхъ породъ),—показываютъ дѣтямъ болѣе горячности. Не могу утверждать, какъ поступаютъ косачи, но многіе охотники меня увѣряли, что они также раззоряютъ гнѣзда своихъ курочекъ. Какъ бы то ни было, но тетеревиная матка, не меньше утиной, бережетъ своихъ дѣтей, и при всякой опасности жертвуетъ за нихъ своею жизнью. Много хлопотъ бываетъ ей, ибо не только самая дрянная хищная птица, но даже вороны и сороки таскаютъ маленькихъ тетеревятъ. Не говорю уже о томъ, что волки, а особенно лисы нерѣдко ихъ истребляютъ. Когда же тетеревята подростутъ въ полтетерева, то матка водитъ ихъ на болѣе открытыя мѣста, гдѣ они могутъ кормиться ягодами.

Въ это время начинается настоящая охота за молодыми тетеревятами. Стрѣльба самая добычливая, легкая и самая веселая для многихъ охотниковъ, но не для меня: я предпочитаю осеннюю стрѣльбу, съ подъѣзда. Въ стрѣльбѣ тетеревятъ главную роль играетъ собака, а не искусство, не ловкость охотника; отъ ея чутья, стойки и вѣжливости зависитъ весь успѣхъ. Хотя духъ отъ цѣлой тетеревиной выводки весьма силенъ, и даже тупая собака горячо ищетъ по ея слѣдамъ, но знойное время года много ей мѣшаетъ; по раннимъ утрамъ и позднимъ вечерамъ сильная роса заливаетъ чутье, а въ продолженіе дня жаръ и духота скоро утомляютъ собаку, и притомъ пыль отъ иныхъ отцвѣтшихъ цвѣтковъ и засохшихъ листьевъ бросается ей въ носъ и также отбиваетъ чутье; а потому нужна собака нестомчивая, съ чутьемъ тонкимъ и верхнимъ. Не имѣющая же этихъ качествъ, разбирая безчисленныя и перепутанныя нити слѣдовъ, сейчасъ загорится и отупѣетъ, ибо тетеревята бѣгаютъ невѣроятно много. Итакъ, охотникъ съ легавою собакой отправляется въ тѣ мѣста, гдѣ должны держаться тетеревиныя выводки. Добрая собака, особенно съ верхнимъ чутьемъ, не станетъ долго копаться надъ ихъ слѣдами, а рыская на кругахъ въ недальнемъ разстояніи

отъ охотника, скоро почуетъ выводку, сдѣлаетъ стойку, иногда за сто и болѣе шаговъ, и поведетъ своего хозяина прямо къ птицѣ. Если выводка будетъ настигнута въ кучѣ, то нерѣдко поднимается вдругъ; если же она разсыпана, то-есть тетеревята находятся въ нѣкоторомъ другъ отъ друга отдаленіи, то обыкновенно поднимается прежде старка, не для того, чтобы скорѣе улетѣть прочь, но чтобы привлечь все вниманіе на себя и отвесть непріятеля въ сторону. Для этого, поднявшись съ шумомъ и клохтаньемъ, она едва летитъ, какъ будто хворая или подстрѣленная, трясется въ воздухѣ почти на одномъ мѣстѣ, безпрестанно садится и вновь поднимается. Невѣжливая собака сейчасъ бросится за ней и будетъ уведена за версту и болѣе, а тетеревята между тѣмъ разбѣгутся въ разныя стороны. Даже охотникъ, разумѣется новичокъ, ошибется и захочетъ, не тратя заряда, поймать ее руками. Но охотникъ, знающій эти продѣлки, сейчасъ убиваетъ матку, потомъ собака по одиночкѣ найдетъ всѣхъ тетеревятъ, и хорошій стрѣлокъ, если не станетъ горячиться и будетъ выпускать тетеревенка въ мѣру, перебьетъ всѣхъ безъ промаха. Когда же выводка поднимается вся вдругъ, то тетеревята летятъ врозь, предпочтительно къ лѣсу, и, пролетѣвъ иногда довольно значительное пространство, смотря по возрасту и силамъ, падаютъ на землю и лежатъ неподвижно, какъ камень. Въ этомъ случаѣ, послѣ уже всей выводки, или по крайней мѣрѣ послѣдняя и всегда очень близко отъ охотника, взлетаетъ старка и начинаетъ свои отводы. Разумѣется, она сейчасъ бываетъ убита, но для собаки отыскать пересѣвшихъ тетеревятъ гораздо труднѣе, потому что они, какъ я уже сказалъ, лежатъ неподвижно, притаясь подъ молодыми деревьями, въ кустахъ или густой травѣ. Къ тому же и бить ихъ уже не такъ ловко между рѣдколѣсьемъ и кустарниками. Тетеревята вообще сидятъ очень крѣпко, а пересѣвшихъ собака переловитъ всѣхъ, если къ тому поважена. Когда тетеревята подростутъ еще побольше и начнутъ понемногу мѣшаться, то уже чаще, особенно если мѣсто голо, поднимаются цѣлою выводкой и начинаютъ садиться на деревья: иногда на разныя, а иногда всѣ на одно большое дерево; они садятся обыкновенно въ полдерева, на толстые сучья, поближе къ древесному стволу, и ложатся вдоль по сучку, протянувъ по немъ шеи. Тутъ уже вся трудность состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ разглядѣть: перебить же всѣхъ до единаго ничего не стоитъ, ибо они ни за

что съ дерева не слетятъ [1]). Къ концу августа тетеревята дѣлаются такъ велики и сильны, что, будучи подняты собакой, улетаютъ очень далеко въ лѣсъ, такъ что ихъ и не найдешь: слѣдственно выстрѣлишь одинъ разъ. Стрѣльба молодыхъ тетеревовъ кончилась, но черезъ мѣсяцъ начнется другая стрѣльба.

Въ этотъ промежутокъ трудно добывать тетеревовъ; они кроются въ лѣсу. Между тѣмъ молодые тетерева выростутъ совершенно: косачи получаютъ свой темный, съ синимъ отливомъ, первогодный цвѣтъ; косицы въ хвостахъ вытянутся и расправятся, какъ слѣдуетъ. Отдѣльныя семьи, то-есть выводки, собираются сначала въ маленькія общества, въ небольшія стаи, а потомъ въ огромныя станицы. По утрамъ и вечерамъ летаютъ онѣ въ поля на хлѣбные скирды и копны; особенно любятъ гречу, называемую въ Оренбургской губерніи *дикушей*, и упорно продолжаютъ посѣщать десятины, гдѣ она была посѣяна, хотя греча давно обмолочена, и остались только кучи соломы. Въ концѣ сентября деревья начинаютъ сильно облетать, и тетерева уже садятся на нихъ по утрамъ и вечерамъ.

Стрѣльба тетеревовъ въ осень по голу, или по черностопу, какъ говорятъ охотники, а также по первозимью, по неглубокому еще снѣгу, имѣетъ свой особенный характеръ. Она называется: стрѣльба съ подъѣзда. Осенніе дожди, утренніе морозы и вѣтры обнажили деревья. Намоченная земля сдѣлалась мягкая, и подъѣзжать къ тетеревамъ стало удобно, не шумно, даже на колесахъ. Но вотъ, наконецъ, первый пушистый снѣгъ покрываетъ землю — вотъ лучшее время подъѣзда.

Уже шесть часовъ утра, а еще совершенно темно. Охотникъ давно проснулся, давно всталъ и одѣлся со свѣчкой. Ружье и всѣ охотничьи вещи и припасы съ вечера приготовлены и лежатъ на особомъ столѣ. Лошади поданы. Мѣста

---

[1]) Спрашиваю я охотниковъ до этой стрѣльбы: что за радость душить молодыхъ тетеревятъ, которыхъ не только переловитъ собака, но которыхъ можно перебрать изъ-подъ нея руками? Притомъ, мудрено ли попасть въ тетеревенка, который летитъ, какъ шапка, прямо по одному направленію, или лежитъ на сучкѣ неподвижно надъ вашею головой?

Этотъ вопросъ возбудилъ общее противорѣчіе охотниковъ, и нѣкоторые энергически защищали охоту за тетеревятами; но я, уважая вкусы другихъ, не могу измѣнить своего. *Позднѣйш. примѣч. сочинителя.*

стрѣльбы не близки, разсвѣнетъ дорогой, пора ѣхать. Онъ садится въ невысокія сани съ широкими наклестками, чтобы ловко было, прицѣливаясь, опереться на нихъ локтемъ, и бережно закрываетъ ружье суконнымъ чахломъ или просто шинелью, чтобы не заметало его снѣгомъ изъ-подъ конскихъ копытъ. Полетѣла бойкая тройка [1]. Вездѣ путь по первому мелкому снѣгу: горы и овраги не помѣха простому и крѣпкому устройству охотничьихъ саней. Вотъ наконецъ и хлѣбныя поля, еще не совсѣмъ занесенныя снѣгомъ, куда тетерева повадились летать за лакомствомъ, сытною пищею; вотъ и опушки лѣса, молодыя осиновыя и березовыя заросли, въ которыхъ тетерева непремѣнно ночуютъ, если большой ястребъ или беркутъ не угналъ ихъ наканунѣ куда-нибудь подальше. Здѣсь надобно остановиться, лошадямъ вздохнуть и самому охотнику осмотрѣться и подождать вылета тетеревовъ. Вотъ уже совсѣмъ разсвѣло, вороны закаркали и полетѣли съ ночлега, сороки вдалекѣ щекочутъ, завидя какую-то диковинку... Съ нетерпѣніемъ озираются во всѣ стороны охотникъ и, привычный къ дѣлу, его кучеръ: ничего не видать. Вдругъ на обнаженныхъ сучьяхъ далекой, старой березы появилось темное, кругловатое тѣло, вотъ другое, третье... Это тетерева подымаются съ ночлега. Охотникъ скачетъ къ нимъ во весь опоръ, чтобы напасть на голодныхъ и еще не собравшихся въ одну большую стаю, ибо большая стая летаетъ иногда за кормомъ очень далеко въ хлѣбныя поля, куда повадилась она летать съ осени. Охотникъ начинаетъ подъѣзжать къ тетеревамъ, выбирая ближайшаго, или крайняго. Главное условіе подъѣзда: никогда не направлять лошадей прямо на тетерева и никогда не подъѣзжать къ нему сзади,

---

[1] Страннымъ покажется подъѣздъ къ тетеревамъ тройкой: но это особенность Оренбургской губерніи, тамошнихъ разстояній и охотниковъ. Безъ преувеличенія могу сказать, что я и другіе охотники часто дѣлывали до обѣда, то-есть до 2-го часа, по 50 верстъ, гоняясь за улетающими стаями тетеревовъ и ошибаясь иногда въ ихъ направленіи. Если снѣгъ не мелокъ (а мы ѣзжали до глубокаго снѣга), то на одной лошади далеко не уѣдешь. Притомъ очень часто ѣздишь, бывало, до позднихъ сумерокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лучше подъѣзжать въ одну лошадь; по мелкому лѣсу, кустамъ и опушкамъ гораздо удобнѣе проѣзжать въ одиночку, да и тетерева менѣе боятся одной лошади, чѣмъ двухъ или трехъ вмѣстѣ, ибо они привыкли видѣть одноконныя телѣги и дровни, на которыхъ крестьяне ѣздятъ за дровами и сѣномъ. Но со всѣмъ тѣмъ, только *отъѣздя* осень на тройкѣ отличныхъ крѣпкихъ лошадей, можно убить такое количество тетеревовъ, какое бивалъ я и другіе охотники: 300 штукъ въ одну осень—это бывало дѣломъ обыкновеннымъ. Въ 1816 году, съ исхода сентября до 6-го декабря, я убилъ съ подъѣзда около 500 тетеревовъ.

разумѣется, если выполнить то и другое позволяетъ мѣстность; надобно такъ подъѣзжать, что какъ-будто вы ѣдете мимо. Тетерева (да и всякая птица) не любятъ, когда ѣдутъ прямо на нихъ, особенно, если ѣдутъ сзади. Они начнутъ безпрестанно оглядываться и скоро улетятъ, не подпустивъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Случается иногда, если имъ почему-нибудь не хочется слетать съ дерева, что тетерева поворачиваются носами къ подъѣзжающему сзади охотнику, но это исключеніе. Если тетеревъ, сидя на сучкѣ, въ то же время хватаетъ древесныя почки или плотно сидитъ нахохлившись, это значитъ, что тетеревъ смиренъ и не думаетъ улетѣть: слѣдовательно, охотникъ можетъ подъѣзжать ближе. Когда же тетеревъ вытянулъ шею, всталъ на ноги, безпрестанно повертываетъ голову направо и налѣво, или, дѣлая боковые шаги къ тонкому концу сучка, потихоньку кудахчетъ, какъ курица, то охотникъ долженъ стрѣлять немедленно, если подъѣхалъ уже въ мѣру: тетеревъ сбирается въ путь; онъ вдругъ присядетъ и слетитъ. Безъ крайней необходимости не должно стрѣлять тетеревовъ далеко, особенно въ летъ: отъ 35 до 45 шаговъ — вотъ настоящая мѣра. Конечно, можно убить тетерева на 60 и даже на 70 шаговъ, но это рѣдкость; онъ необыкновенно крѣпокъ къ ружью, особенно косачъ; на большую мѣру очень рѣдко убьешь его наповалъ; и не только раненый слегка, но раненый смертельно, онъ улетаетъ на большое разстояніе и пропадаетъ. Мнѣ случалось видѣть, что у подстрѣленнаго тетерева каплетъ кровь изо рта (вѣрный признакъ внутренней, смертельной раны)— и онъ летитъ. Этого мало: у тетерева такъ расшибенъ задъ, что висятъ кишки,—и онъ летитъ. Послѣднему обстоятельству повѣрятъ только охотники, которые сами это видали или слыхали отъ достовѣрныхъ самовидцевъ. Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что послѣ каждаго выстрѣла, если тетеревъ не упалъ, надобно смотрѣть за нимъ, пока онъ не улетитъ изъ глазъ. Правило—необходимое и важное для всякой дичи. Весьма часто случается, что тяжело раненый тетеревъ слетаетъ съ дерева какъ ни въ чемъ не бывало; но, пролетѣвъ иногда довольно значительное пространство, вдругъ поднимается вверхъ столбомъ и падаетъ мертвый. Очень рѣдко бываетъ, чтобы раненый тетеревъ упалъ на лету прямо внизъ, не сдѣлавъ подъема кверху. Надобно весьма хорошо замѣтить мѣсто, гдѣ онъ упадетъ, и скакать туда немедленно, осо-

бенно если снѣгъ довольно глубокъ и тетеревъ упалъ въ лѣсъ или въ кустахъ; пухлый снѣгъ совершенно его засыплетъ, и потерявъ мѣсто изъ глазъ, вы ни за что его послѣ не найдете, развѣ укажутъ сороки и вороны, которыя сейчасъ налетятъ на мертвую птицу, лишь бы только замѣтить имъ, что она упала.

Найденныхъ сначала, голодныхъ тетеревовъ охотникъ долженъ преслѣдовать и стрѣлять до тѣхъ поръ, пока они разобьются и разлетятся въ разныя стороны. Потомъ онъ поскачетъ отыскивать другія тетеревиныя стаи на обыкновенныхъ мѣстахъ ихъ корма, и если не застанетъ тамъ, то найдетъ гдѣ-нибудь въ окрестности. Тетерева, утоливъ голодъ, сядутъ отдыхать или на одно большое, развѣсистое дерево и облѣпятъ его со всѣхъ сторонъ, или разсядутся на нѣсколькихъ деревьяхъ; но всегда зобами противъ вѣтра. Тутъ опять начинается та же исторія: если тетерева въ кучѣ, то не подпустятъ и, слетая одинъ за другимъ, всѣ размѣстятся въ разсыпную по разнымъ окольнымъ деревьямъ. Охотникъ начинаетъ подъѣзжать всегда къ крайнему тетереву и предпочтительно къ одному или двумъ: ибо чѣмъ меньше тетеревовъ на деревѣ, тѣмъ они смирнѣе и подпускаютъ ближе. Такая стрѣльба можетъ продолжаться до вечера, разумѣется, если мѣстность удобна и тетеревамъ некуда улетѣть далеко.—Не стрѣленныя тетеревиныя стаи, сидящія въ разсыпную, бываютъ очень смирны. Одного убьешь, а другіе сидятъ кругомъ спокойно; но напуганныя частой стрѣльбой становятся очень сторожки и подпускаютъ въ мѣру только рано утромъ, пока голодны. Такую напуганную стаю надо на время оставить и отыскать другую; черезъ недѣлю можно опять воротиться къ ней: она сдѣлается смирнѣе. Вообще курочки смирнѣе косачей; и тѣ и другіе смирнѣе въ туманную, мокрую и тихую погоду, чѣмъ въ ясную, сухую и вѣтреную.—Крѣпость къ ружью тетеревовъ растетъ съ морозами и доходитъ иногда до такой степени, что приводитъ въ отчаяніе охотника; по крайнее мѣрѣ я и другіе мои товарищи испытали это не одинъ разъ на себѣ. Не одинъ разъ думалъ я, что мое ружье разстрѣлялось или погнулось, что слабъ порохъ или невѣрны заряды; мнѣ случалось дѣлать до 25 выстрѣловъ, и убить трехъ или четырехъ тетеревовъ. Даже подбитыхъ было мало. Воротясь домой, я отвертывалъ казенникъ, прикладывалъ стволъ на струну, проходилъ его легкимъ шустомъ, и все

оказывалось исправно. Пробовалъ въ цѣль—ружье било хорошо, какъ прежде. Сдѣлавъ тщательно заряды самъ, отправлялся я за тетеревами, и ружье било опять очень плохо. Съ другимъ и третьимъ ружьемъ повторялась та же исторія. Между тѣмъ эти же самыя ружья весною начинали бить, попрежнему, хорошо. Настоящая причина этой неимовѣрной крѣпости, особенно косача, происходитъ отъ того, что перья, покрывающія его зобъ и верхнюю часть хлупи (не говорю уже о большихъ перьяхъ въ крыльяхъ), дѣлаются отъ холода такъ жестки и гладки, что дробь, въ извѣстномъ разстояніи и направленіи, скользитъ по нимъ и скатывается. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но я приглашаю всякаго невѣрующаго сдѣлать, осенью или зимой, сравнительный опытъ надъ домашнимъ пѣтухомъ, котораго слѣдуетъ положить въ тридцати шагахъ на землю, задернуть голову подъ крыло и выстрѣлить въ его зобъ утиною дробью. Пѣтухъ останется невредимъ. Косачъ-тетеревъ—тотъ же дикій пѣтухъ, и ничего нѣтъ мудренаго, что онъ, особенно старый, въ сильные ноябрскіе морозы укрѣпленный холодомъ, уже не подпускающій охотника близко, очень рѣдко подвергается губительному дѣйствію охотничьихъ выстрѣловъ [1]. Прямымъ доказательствомъ моему мнѣнію служитъ то, что такой же косачъ, поднятый охотникомъ нечаянно въ лѣсу въ концѣ весны, лѣтомъ и даже въ началѣ осени, падаетъ мертвый, какъ снопъ, отъ вашего выстрѣла, хотя ружье было заряжено рябчиковою дробью и хотя мѣра была не слишкомъ близка. Въ позднее время года я всегда стрѣлялъ тетеревовъ крупною гусиною дробью и избѣгалъ цѣли въ зобъ, отъ чего видѣлъ нѣкоторую пользу. Вотъ гдѣ сердито и крупно бьющее ружье, кладущее дробь звѣздочками, получаетъ свою настоящую высокую цѣну, а стрѣльба тетеревовъ—свой истинно охотничій интересъ.

Наконецъ подъѣздъ къ тетеревамъ отбивается. Снѣгъ углубѣлъ и тетерева сваливаются огромными стаями во внутрь большихъ лѣсовъ, или въ густыя уремы, гдѣ имъ и теплѣе и кормнѣе. Мнѣ случалось однако стрѣлять тетеревовъ и въ

---

[1]) Много разъ случалось со мной и съ другими охотниками, что тетеревъ выдерживалъ по два и по три выстрѣла и улеталъ даже не подбитый. Мнѣ сказывалъ вполнѣ достовѣрный охотникъ, что ему привелось выстрѣлить *семь* разъ въ одного косача, который, послѣ седьмого выстрѣла, закудахталъ и улетѣлъ невредимъ. Надобно прибавить, что кудахтанье считается признакомъ, что тетеревъ не раненъ.

декабрѣ, даже за 25 градусовъ мороза. Тетерева смирны въ жестокую стужу, а звуки выстрѣловъ такъ слабы, что походятъ на хлопанье кнутомъ. Сначала я думалъ, что заряды малы, не повѣрилъ глазамъ своимъ, видя падающаго тетерева, котораго почти не видно въ густомъ инеѣ, обыкновенно опушающемъ въ такое время всѣ вѣтви деревьевъ. Неудобство стрѣльбы въ сильную стужу состоитъ въ неловкости движеній, потому что охотникъ долженъ тепло одѣться, и главное—въ неловкости заряжать ружье, особенно съ кремнемъ, гдѣ надобно насыпать пороху на полку. Впрочемъ, большая рѣдкость, чтобы въ Оренбургской губерніи, въ декабрѣ, было мало снѣгу, и можно ѣздить на саняхъ вездѣ *цѣликомъ*, какъ говорится.

Много есть охотниковъ до стрѣльбы тетеревовъ на чучела; но я до нея небольшой охотникъ. Она много имѣетъ сходства съ приманкою селезней на ученую дикую или русскую утку и побіеніемъ ихъ изъ шалаша. Какое тутъ удовольствіе, что обманутая птичка сядетъ или подплыветъ къ вамъ подъ носъ, и вы застрѣлите ее въ нѣсколькихъ шагахъ! Эта охота имѣетъ уже характеръ добыванія дичи и составляетъ переходъ къ ловлѣ тетеревовъ: весною на токахъ—поножами въ силья, осенью—ковшами и пружками, и наконецъ зимою—накрываньемъ ихъ посредствомъ сѣти, называемой, по своей фигурѣ, шатромъ. Послѣднимъ способомъ ловятъ ихъ по нѣскольку десятковъ вдругъ; такое истребленіе дичи ненавистно настоящему ружейному охотнику; но для нѣкоторыхъ страстныхъ любителей стрѣльбы на чучела, которую я пробовалъ и самъ, разскажу о ней все, что̀ знаю.

Тетерева имѣютъ особенное свойство, о чемъ я уже говорилъ: куда улетѣлъ одинъ, первый изъ нихъ, непремѣнно туда же улетитъ вся стая; гдѣ сядетъ одинъ, тамъ сядутъ и всѣ. На этомъ основаніи, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: на открытыхъ мѣстахъ и даже въ рѣдколѣсьѣ, гдѣ часто пролетаютъ и садятся тетерева, строится просторный шалашъ, круглый или четырехъ-угольный, но не узкій кверху и не низкій; надобно, чтобъ охотникъ могъ встать и, хотя въ наклонномъ положеніи, зарядить ружье. Полукругомъ около шалаша, не далѣе 12 шаговъ, становятся *присады*, то-есть втыкаются въ землю молодыя деревья, въ двѣ или три сажени вышиною, очищенныя отъ листьевъ и лишнихъ вѣтвей, даже ставятъ жерди съ искусственными сучками; на двухъ,

трехъ или четырехъ присадкахъ (это дѣло произвольное) укрѣпляются тетеревиныя чучела, приготовляемыя тремя способами. Первый, самый употребительный, состоитъ въ томъ, что безъ всякой церемоніи выкраиваютъ изъ чернаго крестьянскаго сукна *нѣчто* подобное тетереву, набиваютъ шерстью или сѣнною трухой, изъ красненькаго суконца нашиваютъ на головѣ брови, а по бокамъ изъ бѣлой холстины двѣ полоски, и наконецъ натычутъ въ хвостъ обыкновенныхъ тетеревиныхъ косицъ, если онѣ есть,—впрочемъ дѣло обходится и безъ нихъ. Второй способъ заключается въ томъ, что дѣлаютъ чучела изъ папье-маше, разрисовываютъ ихъ и кроютъ маслянымъ лакомъ. Третій способъ—въ томъ, что набиваютъ шерстью или хлопками настоящія кожи косачей, снявъ ихъ осторожно съ перьями.—Первый способъ всего простѣе. Во всякой деревнѣ есть для него искусникъ и матеріалъ. Второй, напротивъ, всего труднѣе и дороже, ибо бумажныя чучела должно заказывать въ Москвѣ. Третій неудобенъ потому, что надобно умѣнье набивать чучелà; притомъ, они всегда выходятъ менѣе настоящихъ тетеревовъ, а нужно, чтобъ они были больше и виднѣлись издали; да и хищныя птицы: орлы, беркуты и ястреба-гусятники нерѣдко вцѣпляются въ нихъ и уносятъ, если они воткнуты на присады, а не привязаны (такимъ образомъ убилъ я однажды огромнаго беркута). Шалаши строятся и присады ставятся въ началѣ осени для того, чтобы тетерева къ нимъ привыкли. Еще до свѣта охотникъ, разставивъ свои чучела, также зобами противъ вѣтра, съ ружьемъ и со всѣми охотничьими снарядами, входитъ въ шалашъ, и отверстіе за собой затыкаетъ соломой. Какъ только тетерева подымутся съ ночлега и полетятъ кормиться, то сейчасъ увидятъ чучелà и къ нимъ сядутъ. Испуганные нѣсколькими выстрѣлами, они улетятъ на хлѣбныя поля; возвращаясь оттуда, они увидятъ чучелà и опять къ нимъ сядутъ. Этого мало: ихъ можно подогнать къ присадамъ, для чего достаточно двухъ верховыхъ загонщиковъ. Тетерева легко поддаются обману, принимая чучела за своихъ товарищей, и, пересѣвъ послѣ выстрѣла на ближайшія деревья, какъ скоро ихъ оттуда спугнутъ, сейчасъ возвращаются къ чучеламъ. Тетерева такъ глупы въ этомъ отношеніи, что если воткнуть на присады обожженные чурбаны, кочки или шапки, то они и къ нимъ будутъ садиться; я слыхалъ о подобныхъ продѣлкахъ. Притомъ, не видя человѣка, котораго они боятся

больше всѣхъ звѣрей, и послѣ выстрѣла и паденія одного изъ своихъ товарищей рѣдко оставляютъ присады, а перелетаютъ съ одной на другую. Если на присадѣ сидятъ нѣсколько тетеревовъ, то охотникъ обыкновенно бьетъ нижняго, а верхніе нерѣдко сидятъ, смотрятъ на упавшаго и кудахчутъ, какъ будто переговариваясь и удивляясь: отъ чего онъ свалился? Такъ поступаютъ тетерева смирные, не стрѣленные, а напуганные разлетаются послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ и не возвращаются.—Въ мѣстахъ, гдѣ водятся и держатся тетерева въ большомъ множествѣ, а подъѣзжать къ нимъ неудобно, стрѣльба на чучела составляетъ добычливую охоту. Она имѣетъ еще ту выгоду, что человѣкъ лѣнивый, старый, или слабый здоровьемъ, который не въ состояніи проскакать десяти верстъ на охотничьихъ дрожкахъ или саняхъ, кружась за тетеревами и безпрестанно подъѣзжая къ нимъ по всякой неудобной мѣстности и часто понапрасну, — такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, можетъ съ большими удобствами, безъ всякаго утомленія, сидѣть въ шалашѣ на креслахъ, курить трубку или сигару, пить чай или кофе, который тутъ же на конфоркѣ приготовитъ ему его спутникъ, даже читать во время отсутствія тетеревовъ, и, когда они прилетятъ (за чѣмъ наблюдаетъ его товарищъ), онъ можетъ, просовывая ружье въ то или другое отверстіе, нарочно для того сдѣланное, — преспокойно *пощелкивать тетеревковъ* (такъ выражаются этого рода охотники)... Но гдѣ же тутъ охота? Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Убитыхъ изъ шалашей тетеревовъ надобно сбирать въ то время, когда нигдѣ кругомъ не видно сидящаго тетерева, а всего лучше по окончаніи стрѣльбы, иначе распугаешь тетеревовъ; хотя должно признаться, что, несмотря на доброе ружье, крупную дробь и близкое разстояніе (кажется, достаточныя ручательства, что тетерева должны быть убиты наповалъ, или смертельно ранены), — рѣдко бываетъ поле, чтобъ охотникъ собралъ всѣхъ тетеревовъ, по которымъ стрѣлялъ и которые падали съ присадъ, какъ будто убитые наповалъ: одного или двухъ всегда не досчитываются. Стрѣльба на чучела можетъ продолжаться только до полденъ. Передъ захожденіемъ солнца тетерева опять вылетаютъ и садятся къ чучеламъ; но сидятъ сторожко и не долго: все какъ будто торопятся, да и времени очень ма-

ло [1]). Въ мѣстахъ, изобильныхъ тетеревами и удобныхъ для подгона, можно убить въ одно утро, на одно ружье, паръ до двѣнадцати. Впрочемъ, мнѣ нерѣдко случалось, вѣроятно и другимъ охотникамъ, убивать съ подъѣзда, также въ одно утро, до 35 тетеревовъ. Но можетъ ли убійство изъ шалаша сравняться съ подъѣздомъ къ тетеревамъ? Чѣмъ вознаградится это живое, постоянное занятіе, движеніе, это ожиданіе, опасеніе: подпуститъ ли тетеревъ или нѣтъ? Это волненіе въ душѣ охотника, когда онъ видитъ, что добыча ежеминутно сбирается улетѣть? Наконецъ, гдѣ то удовольствіе, которое чувствуетъ стрѣлокъ отъ удачныхъ, блистательныхъ выстрѣловъ по дальности разстоянія или неудобству, побѣжденнымъ далекобойностью ружья, мѣткостью и проворствомъ,— выстрѣловъ, которые весьма нерѣдко случаются при стрѣльбѣ съ подъѣзда и сохраняются навсегда въ памяти охотника?... Напримѣръ: тетерева сторожки, безпрестанно слетаютъ, не допуская въ мѣру, — можно подъѣзжать такъ, чтобъ они, слѣдуя уже принятому направленію, заранѣе замѣченному, должны были летѣть мимо васъ или черезъ васъ: вы можете сдѣлать, не слѣзая съ дрожекъ, два славныхъ удара изъ обоихъ стволовъ и спустить иногда пару тетеревовъ на землю! А какъ весело ссадить косача мѣткимъ выстрѣломъ съ самой вершины огромнаго дерева и смотрѣть, какъ онъ, медленно падая, *считая сучки*, какъ говорятъ, то есть валясь съ сучка на сучокъ, рухнетъ наконецъ на землю! Иногда случается, что тетеревъ завязнетъ на деревѣ, между сучками; тогда, дѣлать нечего, надобно лѣзть за нимъ.

Объ истребительной охотѣ егерей-промышленниковъ, петербургскихъ и московскихъ, которая мнѣ, какъ и всякому истинному охотнику, противна, я распространяться не стану. Скажу только, что всякую дичь, и даже зайцевъ, они умѣютъ подманивать весьма искусно. Всего болѣе истребляютъ они выводки тетеревовъ, рябчиковъ и бѣлыхъ куропатокъ: сначала убиваютъ старку, подманя ее голосомъ дѣтеныша, а потомъ перебьютъ всѣхъ молодыхъ, подманивъ ихъ голосомъ матери.

---

[1]) Около Москвы, по Троицкой дорогѣ, стрѣляютъ тетеревовъ на чучела весною, еще по насту, разумѣется, въ самомъ маломъ числѣ. Въ Оренбургской губерніи я объ этомъ не слыхивалъ, да и теперь не понимаю, на какомъ основаніи это дѣлается.

Мясо молодыхъ тетеревовъ остается бѣлымъ, какъ у рябчиковъ, до тѣхъ поръ, пока они помѣшаются; тогда оно постепенно начнетъ темнѣть и принимаетъ наконецъ свой обыкновенный видъ. Извѣстно всѣмъ, что молодые тетеревята считаются однимъ изъ лакомыхъ блюдъ; но и достигшіе полнаго возраста тетерева, особенно въ первый и второй годъ своей жизни, очень вкусны, питательны и здоровы. Впослѣдствіи они дѣлаются жестче, но жирный тетеревъ, что бываетъ не часто, всегда отлично вкусенъ. Тетеревовъ употребляютъ въ пищу великое множество, по большей части крытыхъ шатрами; хищныя птицы и звѣри также много ихъ истребляютъ. Изумительно, откуда берутся они? Впрочемъ, надобно вспомнить необъятность Россіи и безпредѣльность ея лѣсовъ.

Въ заключеніе рѣчи о тетеревѣ, я разскажу удивительный случай, котораго былъ самовидцемъ, еще будучи мальчикомъ. Сидѣлъ я однажды въ шалашѣ съ старымъ охотникомъ, который крылъ тетеревовъ шатромъ. Тетерева уже подходили, и старикъ, держа въ рукѣ веревку, чтобъ уронить шатеръ, когда подойдетъ тетеревовъ побольше, смотрѣлъ въ отверстіе, а я глядѣлъ въ скважину, которую проковырялъ пальцами. Вдругъ вся стая, какъ будто чѣмъ испуганная, стремительно поднялась. Старикъ выскочилъ изъ шалаша, а за нимъ и я, чтобы посмотрѣть, кто испугалъ тетеревовъ... Что же мы увидѣли? Тетерева летѣли безъ оглядки въ ближній лѣсъ, а одна курочка шла столбомъ вверхъ, будто подстрѣленная. Поднявшись довольно высоко, она упала, и отъ нея отскочила и побѣжала *ласка* или *ласочка*: маленькій хищный звѣрокъ, всѣмъ извѣстный, не длиннѣе четверти аршина и немного толще большого пальца мужской руки. Тетеревъ бился не долго: у него была перекушена жила на шеѣ, подъ горломъ. Какова хищность и отвага! Очевидно, что ласка впилась въ шею тетерева, сидѣвшаго на снѣгу, и поднялась съ нимъ на воздухъ. Впослѣдствіи убѣдился я, что этотъ крошечный звѣрокъ точно также умерщвляетъ зайцевъ и напивается изъ нихъ крови. Долго я не хотѣлъ вѣрить этому, но однажды самъ нашелъ въ снѣжной норѣ мертваго, уже остывшаго русака, котораго сошелъ по свѣжему *малику* (слѣду): у зайца также оказалась прокушенною жила на окровавленной шеѣ и никакого слѣда въ норѣ не было, кромѣ слѣдовъ ласки.

3.

Рябчикъ[1]).

Рябчика во многихъ мѣстахъ называютъ *рябцомъ;* имена эти онъ вполнѣ заслуживаетъ: онъ весь рябой, весь пестрый. Величиною рябчикъ, самый старый, немного больше русскаго голубя, но будетъ нѣсколько покруглѣе и помясистѣе. Складъ его совершенно тетеревиный. Брови красныя, глаза довольно большіе и черные, перышки на головѣ темнаго цвѣта, иногда приподнимаются и кажутся чѣмъ-то въ родѣ хохолка, ножки мохнатыя, кромѣ пальцевъ. Пестрины или рябины на шеѣ, зобу и брюшкѣ—разноцвѣтныя: черноватыя, бѣлыя, желтоватыя и даже красноватыя, особенно на бокахъ подъ крыльями; пухъ на тѣлѣ и корняхъ перьевъ темный; фигура пестринъ похожа на пятна кругловатыя и нѣсколько дугообразныя; спинка и хвостъ, состоящій изъ жесткихъ перьевъ, умѣренной длины, испещрены только сѣрыми крапинами; такими же сѣрыми коротенькими поперечными полосками покрыты перья на крыльяхъ; самецъ имѣетъ подъ горломъ темное пятно,

---

1) Tetrao bonasia, L.

брови у него краснѣе и вообще онъ пестрѣе самки, которая кажется сѣрѣе. Крылья у рябчика небольшія и короткія, отъ чего онъ вспархиваетъ или взлетываетъ съ большимъ усиліемъ и шумомъ. Очевидно, что природа назначила ему только перелетывать небольшія разстоянія; но бѣгаетъ онъ весьма проворно. Рябчикъ—зимующая у насъ и по преимуществу лѣсная дичь и уже вполнѣ, въ точности, заслуживаетъ это названіе. Всѣ другія породы лѣсной дичи, для добыванія корма или для избѣжанія капели съ деревьевъ въ ненастную погоду, иногда хоть на короткое время оставляютъ лѣсъ, а рябчикъ — никогда; онъ даже не водится въ отдѣльныхъ лѣсныхъ колкахъ: сплошные лѣса, занимающіе большое пространство, предпочтительно краснолѣсье—вотъ его постоянное жилище и лѣтомъ и зимой; впрочемъ, онъ водится и держится иногда и въ обширномъ чернолѣсьѣ. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ я живалъ и охотился, рябчиковъ нѣтъ, и потому я мало знакомъ съ ихъ нравами; я стрѣливалъ ихъ въ Вятской губерніи; тамошніе дремучіе лѣса, идущіе непрерывно до Архангельска, населены рябчиками въ изобиліи. Я не нахаживалъ ихъ гнѣздъ и выводковъ молодыхъ потому, что охотился за ними не въ то время, когда они выводятъ дѣтей; но вотъ что разсказывали мнѣ туземные вятскіе охотники: рябчики въ началѣ мая садятся на гнѣзда, которыя вьютъ весьма незатѣйливо, всегда въ лѣсу на голой землѣ, изъ сухой травы, древесныхъ листьевъ и даже мелкихъ прутиковъ; тока у нихъ бываютъ въ мартѣ; самка кладетъ отъ 10-ти до 15-ти яицъ; она сидитъ на нихъ одна, безъ участія самца, въ продолженіе 3-хъ недѣль; молодые очень скоро начинаютъ бѣгать; до совершеннаго ихъ возраста матка держится съ ними предпочтительно въ частомъ и даже мелкомъ лѣсу, по оврагамъ, около лѣсныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Говорятъ, что и во всякое время рябчики очень любятъ текущую воду и охотно слушаютъ ея журчанье, сидя кругомъ на деревьяхъ. Какъ скоро охотникомъ или собакой будетъ поднята выводка молодыхъ, уже нѣсколько поматерѣвшихъ, то они непремѣнно разсядутся по деревьямъ весьма низко и такъ плотно прижмутся къ главнымъ толстымъ сучьямъ, такъ лежатъ неподвижно, что ихъ разглядѣть очень трудно, особенно на еляхъ.

Рябчики никогда не бываютъ очень жирны; пища ихъ состоитъ изъ почекъ всѣхъ древесныхъ породъ чернаго и крас-

наго лѣса; послѣднія сообщаютъ имъ особенный смолистый вкусъ; до всякихъ лѣсныхъ ягодъ они большіе охотники.

Весною, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, рябчики-самцы начинаютъ *откликаться*, летѣть или *итти на пищикъ*, какъ говорятъ охотники. Я уже упоминалъ объ этомъ нехитромъ инструментѣ, который издаетъ звуки, похожіе на голосъ или пискъ рябчиковой самки. Пищики дѣлаются изъ липовыхъ прутьевъ, толщиною въ гусиное перо и длиною вершка въ полтора, изъ которыхъ до половины искусно вынимается деревянная внутренность и которыхъ одинъ конецъ обдѣлывается на подобіе тростниковой дудки; такіе же пищики приготовляются изъ гусиныхъ перьевъ, даже выливаются изъ олова. Нѣкоторые добычливые стрѣлки умѣютъ звать рябчиковъ собственнымъ свистомъ. Стрѣльба начинается со второй половины марта— сначала на лыжахъ, а потомъ по насту. Эта охота продолжается до половины лѣта, съ тою разницею, что съ весны рябчики-самцы не только откликаются на искусственный голосъ самки, но и летятъ на него съ большою горячностью, такъ что садятся по деревьямъ весьма близко отъ охотника, и бить ихъ въ это время очень легко; со второй половины мая до половины іюля они откликаются охотно, но идутъ тупо; потомъ перестаютъ совсѣмъ приближаться на голосъ самки, а только откликаются, и потому охотникъ долженъ отыскивать ихъ уже съ собакой. Осенью находятъ рябчиковъ, которые сначала держатся выводками, а потомъ парами, также посредствомъ легавой собаки; въ исходѣ октября и въ ноябрѣ они опять идутъ на пищикъ. Поднявшись съ земли, рябчики сейчасъ садятся на деревья. Тутъ необходимо острое зрѣніе, чтобы разглядѣть ихъ, спрятавшихся въ густой и темной зелени сосенъ и елей. У туземцевъ Пермской, Вятской и другихъ лѣсныхъ губерній способность эта развита въ высшей степени, и я не одинъ разъ имѣлъ случай удивляться необыкновенной ихъ зоркости. Рябчикъ къ ружью не крѣпокъ; 6-ой и 7-ой нумера очень достаточны для ихъ стрѣльбы; но простые охотники, пермяки, вятичи и архангельцы, бьютъ ихъ обыкновенно мелкою и крупною утиной дробью изъ ружей очень узкоствольныхъ и зарядъ кладутъ самый маленькій; употребляютъ иногда даже чугунную дробь. Они стрѣляютъ рябчиковъ нерѣдко изъ винтовокъ, которыя такъ узки, что заряжаются пулечкой немного побольше одной дробины нуля или безымянки. Стрѣляютъ они мастерски и часто такою крошеч-

ною пулечкой прострѣливаютъ голову рябчика; маленькіе заряды употребляютъ они изъ экономіи; звуки ихъ выстрѣловъ такъ слабы, что даже въ самомъ близкомъ разстояніи не сочтешь ихъ за выстрѣлы, а развѣ за взрывы пистоновъ. Эти охотники и до сихъ поръ употребляютъ ружья съ кремнями и охотятся за рябчиками до половины зимы, употребляя лыжи, когда снѣгъ углубѣетъ.

Рябчиковъ ловятъ много сильями, которые называются *пружки*. Весь этотъ снарядъ состоитъ изъ наклоненнаго сучка, къ концу котораго прикрѣпленъ волосяной силокъ, а позади повѣшенъ пучокъ рябины или калины, ибо рябчики большіе охотники до этихъ ягодъ. Ловцы, по большей части чуваши, черемисы и вотяки, запасаются ягодами съ осени и продолжаютъ ловлю во всю зиму. Снарядъ такъ устроенъ, что рябчикъ не можетъ достать ягодъ, не просунувъ головы сквозь силокъ и не тронувъ сторожка, который держитъ древесный сукъ въ наклоненномъ положеніи. Сучокъ мгновенно выпрямляется, петля затягивается,—и рябчикъ повѣшенъ.

Простой народъ не ѣстъ давленной птицы; но въ городахъ мало объ этомъ заботятся; да гдѣ и когда разглядывать, стрѣленные рябчики или удавленные привозятся на рынокъ? Притомъ, для продажи, имъ ломаютъ крылья и прокалываютъ головы перомъ, чтобъ они казались подстрѣленными и приколотыми.

Петербургъ, Москва, всѣ губернскіе и даже уѣздные города потребляютъ рябчиковъ несмѣтное число; но, благодаря лѣснымъ мѣстамъ сѣверной Россіи, рябчики не переводятся. Къ удивленію моему, они водятся, хотя въ маломъ числѣ, даже около Москвы.

Бѣлое мясо рябчиковъ, нѣжное, здоровое и хотя нѣсколько сухое, но превосходное вкусомъ, извѣстно всѣмъ; внутренность его и ножки нѣсколько горьковаты, что̀ особенно уважается гастрономами.

4.

Бѣлая лѣсная куропатка [1]).

Бѣлою называется она потому, что выцвѣтаетъ къ зимѣ, какъ заяцъ, и становится совершенно бѣлою, какъ снѣгъ; а лѣсною—потому, что, подобно рябчику, круглый годъ, постоянно, безвыходно живетъ въ лѣсу, преимущественно въ красномъ и болотистомъ. Я не слыхивалъ даже, чтобы бѣлыя куропатки водились въ чернолѣсьѣ. Въ Оренбургской губерніи, да и во всей средней полосѣ Россіи, совсѣмъ нѣтъ бѣлыхъ куропатокъ; даже около Москвы, несмотря на преобладаніе краснолѣсья, онѣ не водятся; но въ Тверской губерніи и вообще на сѣверо-западѣ уже начинаютъ попадаться. Около Петербурга до сихъ поръ ихъ очень много. Величиною лѣсная куропатка будетъ гораздо больше полевой или сѣрой, на которую, даже лѣтомъ, она нисколько не похожа перьями. Она вся искрасна-желто-пестрая и, при первомъ взглядѣ, имѣетъ какое-то сходство съ тетеревиною курочкой, на которую дѣйствительно похожа складомъ тѣла, красноватыми бровями и вкусомъ мяса, только нѣсколько поменьше; глаза имѣетъ черные, очень свѣтлые, а ножки мохнатыя, покрытыя бѣлыми

---

1) Въ Сибири—*бѣлый тетеревъ, куропатка.* Tetrao albus, Gmel.

перышками до самыхъ пальцевъ. Отличительное ея качество отъ всѣхъ другихъ птицъ состоитъ въ томъ, что она, какъ я уже сказалъ, зимою бываетъ чисто-бѣлая. Какъ только наступитъ холодное и ненастное время, у ней начнутъ показываться бѣлыя перья, а сѣро-пестрыя, лѣтнія, начнутъ вылѣзать, такъ что въ началѣ ранней зимы, или въ концѣ поздней осени, она имѣетъ, не скажу красивый, но очень странный видъ: по бѣлому полю кое-гдѣ разсыпаны букеты или пятна красно-желтыхъ, пестрыхъ перьевъ. Я совершенно незнакомъ съ нравами лѣсныхъ куропатокъ, даже одинъ разъ только въ жизни видѣлъ ихъ живыхъ, но знаю, что охотники стрѣляютъ ихъ въ глубокую осень *въ узеркъ*, точно какъ выцвѣтшихъ, побѣлѣвшихъ зайцевъ. Напрасно прячутся онѣ въ лѣсной чащѣ; ярко-бѣлый цвѣтъ перьевъ измѣняетъ имъ: онъ виденъ издалека, и охотники бьютъ ихъ сидячихъ. Мясо бѣлыхъ куропатокъ, которыя никогда не бываютъ жирны, а всегда сухи и довольно черствы, далеко уступаетъ не только мясу сѣрыхъ куропатокъ, но и тетеревовъ. Впрочемъ, во время линьки послѣднихъ, когда онѣ бываютъ очень худы и тощи, находясь въ полуболѣзненномъ состояніи, — вкусъ ихъ мяса бываетъ очень сходенъ со вкусомъ мяса бѣлыхъ куропатокъ. Въ Петербургѣ онѣ очень много употребляются для стола во всякое время; въ Москвѣ же только въ концѣ осени и зимою появляются онѣ въ продажѣ.

Бѣлою куропаткой заключается небольшое число неулетающей на зиму дичи.

Голуби.

Дикихъ голубей три породы; но онѣ такъ различны, что я о каждой буду говорить особо, предварительно сказавъ нѣсколько словъ вообще о ихъ свойствахъ.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служитъ эмблемою чистоты, кротости и любви, — и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми, ветхо и новозавѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками—авторитетъ убѣдительный и неопровержимый. Слова ласки и сожалѣнія, *голубчикъ* и *голубушка*, постоянно слышны въ рѣчахъ простого народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живетъ мужъ съ женой, какъ согласны братъ съ сестрой, какъ дружны между собой пріятели и пріятельницы, и непремѣнно скажутъ: „они живутъ, какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга". Желая выразить чье-нибудь простодушіе или доброту, говорятъ: „у него голубиная душа". Сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: „охъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя". Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ, какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла; какая круглота, мягкость въ очертаніяхъ его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго: все такъ кротко, спокойно, граціозно. — Народъ глубоко чувствуетъ нравственныя качества голубей и питаетъ къ нимъ особенную любовь. Русскихъ голубей, безъ сомнѣнія, переродившихся изъ дикихъ, многіе домохозяева кормятъ хлѣбными зёрнами, ставятъ имъ пóлки для гнѣздъ, и всякій хозяинъ считаетъ благопріятнымъ знакомъ, если голуби хорошо ведутся у него на дворѣ. Крестьяне никогда не ѣдятъ голубей и во многихъ деревняхъ не позволяютъ ихъ стрѣлять.

5.

Вяхирь или витютинъ[1]).

Это самый крупный изъ голубей. Трудно опредѣлить происхожденіе обоихъ его именъ. Народъ употребляетъ ихъ какъ нарицательныя, въ укоризненномъ смыслѣ. „Экой вяхирь“ или „витютинъ“, говорятъ про человѣка вялаго или несмѣтливаго. Говорятъ также про себя или другого, въ случаѣ ошибки: „какую вяху далъ“; слова: вяхирь и вяха очевидно происходятъ отъ одного корня. Но въ свойствахъ голубя витютина нѣтъ ничего оправдывающаго такое злоупотребленіе его имени. Вѣроятно, незлобіе и робость его были тому причиной. Имѣя такъ мало физическихъ средствъ для своей защиты, нельзя же голубямъ быть храбрыми противу хищныхъ и хорошо

---

1) Въ Малороссіи—*припутень*, *трепетень*. Columba palumbus, L. *К. Р.*

вооруженныхъ враговъ своихъ. — Величиною витютинъ въ полтора раза превосходитъ обыкновеннаго русскаго голубя. Перомъ онъ очень красивъ: весь сизый, дымчатый, съ легкимъ розовымъ отливомъ, особенно на зобу и шеѣ; этотъ отливъ двуличенъ и на свѣту или на солнцѣ отражается зелено-и розово-золотистымъ блескомъ. На верхней половинѣ шеи лежитъ поперечная бѣлая полоса, которая однако подъ горломъ не соединяется, и Нѣмцы не совсѣмъ вѣрно называютъ витютина „кольцовый голубь" (Ringtaube); на плечномъ сгибѣ крыла также видно бѣлое, нѣсколько продолговатое пятно, которое вытягивается полосою, если распустить крыло; концы крайнихъ длинныхъ перьевъ въ крыльяхъ и хвостѣ—темнаго цвѣта; на нижней внутренней сторонѣ хвостовыхъ перьевъ лежитъ поперекъ опять бѣлая полоса, состоящая изъ бѣлыхъ пятенъ на каждомъ перѣ, которыхъ на другой верхней сторонѣ совсѣмъ не замѣтно; ножки красныя, какъ у русскаго голубя; носъ блѣдно-красноватый или розовый; глаза ясные, не темные и не сѣрые,—какого-то неопредѣленнаго свѣтло-пепельнаго цвѣта. Вяхири прилетаютъ весною не рано, почти всегда во второй половинѣ апрѣля. Подъ словомъ *прилетаютъ* я разумѣю то время, когда они уже садятся на деревья или оттаявшія поля. Недѣли за двѣ до того, они уже летятъ большими стаями, довольно высоко, рѣдко опускаясь на землю. Я никогда не нахаживалъ ихъ весной съ прилета иначе, какъ маленькими станичками, штукъ по десяти, а по большей части пары по двѣ и по три. Вскорѣ послѣ своего прилета, вяхири разбиваются на пары, понимаются и начинаютъ устраивать свои гнѣзда на толстыхъ сучьяхъ большихъ деревьевъ. Всѣ породы голубей—нѣжные и вѣрные супруги. Задолго прежде, чѣмъ голубка начнетъ нести яйца, голубь витютинъ уже не разстается съ ней ни на одну минуту, очень часто ласкается, цѣлуетъ ее страстно и продолжительно, или воркуетъ, ходя кругомъ, безпрестанно наклоняясь, выпрямляясь и раздувая перья на шеѣ, какъ гриву, а хвостъ—какъ вѣеръ. Цѣлованье голубей—отличительная черта, которая ставитъ ихъ выше другихъ птицъ: тутъ видно выраженіе сердечнаго чувства. Я старательно наблюдалъ за многими птицами: у нѣкоторыхъ есть что-то похожее на цѣлованье, но у голубей оно совершается опредѣленнѣе. Иногда голубка не хочетъ цѣловаться, и голубь долго старается разжать ей стиснутый носикъ; обыкновенно же оба соединяютъ свои разинутые носы, и глаза

обоихъ часто закрываются отъ удовольствія... Но вотъ голубка послышитъ въ себѣ значительное увеличеніе яичекъ, и поспѣшно свивается или складывается гнѣздо на толстомъ сучкѣ у самаго древеснаго пня, изъ мелкихъ прутиковъ, и устилается внутри мягкою, сухою травою и перышками. Голубка кладетъ только два [1]) яйца или три (какъ утверждаютъ иные охотники), блѣдно-розоваго или бланжеваго цвѣта, обыкновенной куриной формы, но гораздо крупнѣе и круглѣе яицъ русскихъ голубей. Голосъ витютина по настоящему нельзя назвать воркованьемъ: въ звукахъ его есть что-то унылое; они протяжны и болѣе похожи на стонъ или завыванье, очень громкое и въ то же время не противное, а пріятное для слуха; оно слышно очень издалека, особенно по зарямъ и по вѣтру, и нерѣдко открываетъ охотнику гнѣздо витютина, ибо онъ любитъ, сидя на сучкѣ ближайшаго къ гнѣзду дерева, предпочтительно сухого, выражать свое счастье протяжнымъ воркованьемъ или, что будетъ гораздо вѣрнѣе, завываньемъ. Когда же голубка захочетъ поѣсть и порасправить свои усталыя отъ долгаго сидѣнья крылья, голубь сейчасъ садится на ея мѣсто.— Съ прилета вяхири не очень смирны, да и всегда они гораздо осторожнѣе другихъ голубиныхъ породъ; когда же заведутся у нихъ гнѣзда, то они не летятъ далеко отъ нихъ, дѣлаются смирнѣе и съ подъѣзда подпускаютъ довольно близко; но пѣшкомъ къ нимъ не подойдешь, развѣ подкрадешься какъ-нибудь изъ-за дерева. Вообще витютинъ очень сильная и крѣпкая къ ружью птица и, по моему замѣчанію, уступаетъ въ этомъ качествѣ только тетереву, слѣдовательно дробь надобно употреблять утиную, 4-го и даже 3-го нумера.

Голубь и голубка сидятъ попеременно на яйцахъ въ продолженіе двухъ съ половиною недѣль. Многіе охотники говорятъ, что всѣ голубиныя породы выводятъ дѣтей по три раза въ одно лѣто. Не могу съ точностью подтвердить этого мнѣнія, но считаю его вѣроятнымъ потому, что въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ нахаживалъ я голубей, сидящихъ на яицахъ; а равно и потому, что яицъ бываетъ всегда только по два. Голубята выводятся покрытые блѣдно-желтоватымъ пухомъ; они не оставляютъ гнѣзда, покуда не оперятся, да и потомъ долго держатся по сучьямъ родимаго дерева, или *гнѣздового*, сначала перепрыгивая съ сучка на сучокъ, а потомъ и перелетывая.

---

[1]) Я видѣлъ болѣе десяти гнѣздъ витютина и всегда находилъ по два яйца.

Въ продолженіе всего этого времени отецъ и мать постоянно кормятъ ихъ и поятъ водою изъ собственнаго рта, для чего должны безпрестанно отлучаться отъ дѣтей за кормомъ; покуда голубята малы, голубь и голубка улетаютъ поперемѣнно, а когда подрастутъ—оба вмѣстѣ. Кормъ ихъ состоитъ изъ всякихъ древесныхъ и травяныхъ сѣмянъ; всего болѣе любятъ они хлѣбныя зерна; но какъ, во время выкармливанія раннихъ дѣтей, хлѣба еще не поспѣли, да и сѣмена травъ большею частью еще не вызрѣли, то молодые питаются преимущественно всякими насѣкомыми, которыхъ ловятъ отецъ и мать и къ нимъ приносятъ. Въ этихъ заботахъ проходитъ для нихъ цѣлый день, отъ ранняго утра до поздняго вечера. Голуби имѣютъ замѣчательную способность, въ которой превосходятъ они всѣхъ другихъ птицъ,—набивать себѣ полонъ зобъ всякаго рода кормомъ и потомъ, прилетѣвъ домой, то есть къ своему гнѣзду, извергать всю эту пищу назадъ и кормить ею дѣтей. Голубь и голубка вкладываютъ свой носъ въ разинутый ротъ голубенка, и, безъ замѣтнаго усилія, пища переходитъ въ горло дѣтеныша такъ скоро, что онъ едва успѣваетъ глотать; это повторяется нѣсколько разъ въ день. Вслѣдствіе такого обильнаго питанія, голубята, еще не слетѣвъ съ гнѣздъ, становятся необыкновенно жирны и вкусны.

Витютинъ имѣетъ также особенный полетъ: слетѣвъ съ дерева, сначала онъ круто беретъ вверхъ и, ударяя однимъ крыломъ объ другое или обоими крыльями о свои бока, производитъ звукъ весьма похожій на хлопанье въ ладони, который повторяется нѣсколько разъ; потомъ витютинъ направляетъ свой полетъ немного внизъ и летитъ уже прямо, обыкновеннымъ образомъ, но всегда очень сильно и скоро. Къ тому времени, когда голубята совершенно оперятся и начнутъ летать какъ старые, уже поспѣютъ хлѣба, и витютины съ молодыми, соединясь въ небольшія станички, каждый день, утро и вечеръ, проводятъ въ хлѣбныхъ поляхъ. Преимущественно посѣщаютъ они выжатыя десятины: покуда хлѣбъ не свезенъ, облѣпляютъ они сначала *пятки*, а потомъ длинные *скирды* [1]); когда же снопы уберутся съ полей, ви-

---

[1]) Въ Оренбургской губерніи становятъ сначала сжатые снопы пятками, а если жнива травянистая или погода сырая, то оставляютъ ихъ на нѣсколько дней для просушки; если же и время, и соломы сухи, то снопы въ тотъ же день складываются въ скирды, которые, по множеству посѣвовъ, остаются иногда въ полѣ очень долго. Тетерева посѣщаютъ ихъ также очень охотно по утрамъ и вечерамъ.

тютины бродятъ по жнивью, подбирая обломившіеся колосья и насорившіяся зерна. Конечно, они гораздо охотнѣе клюютъ зерна голыя, безъ шелухи, какъ-то: рожь, яровую пшеницу и горохъ. Но, за недостаткомъ ихъ, не пренебрегаютъ всѣми породами яровыхъ хлѣбовъ. Разумѣется, отъ такой сытной, питательной пищи они очень скоро жирѣютъ, и тутъ наступаетъ самое лучшее время для стрѣльбы вяхирей. Стрѣлять ихъ надобно съ подъѣзда, а пѣшкомъ рѣдко удастся подойти въ мѣру, развѣ мѣстность позволитъ изъ-за чего-нибудь подкрасться; впрочемъ, покуда скирды стоятъ въ полѣ и довольно часты (какъ бываетъ при сильныхъ урожаяхъ), то подкрадываться изъ-за нихъ весьма удобно, и нерѣдко можно убить однимъ зарядомъ нѣсколько штукъ. Витютины гораздо смирнѣе рано утромъ, покуда еще не успѣли наѣсться: тутъ они неохотно прерываютъ свой обильный завтракъ и не летятъ прочь, а только перелетываютъ съ одного мѣста на другое. Если же по близости, иногда на тѣхъ же хлѣбныхъ десятинахъ, находятся деревья, то послѣ перваго выстрѣла они сейчасъ разсядутся на нихъ, чтобъ опять спуститься на кормъ, когда охотникъ удалится. Они къ этому привыкаютъ потому, что во время сноповой возки безпрестанно повторяютъ этотъ маневръ, то есть садятся на деревья, когда крестьяне пріѣдутъ за снопами, и слетаютъ опять на скирды, когда крестьяне уѣдутъ съ нагруженными телѣгами. Въ половинѣ сентября витютины сваливаются въ большія стаи, дѣлаются очень сторожки и вскорѣ совсѣмъ улетаютъ. Передъ отлетомъ они всѣ становятся очень жирны и очень вкусны, особенно молодые; во время же вывода дѣтей, мясо старыхъ вяхирей сухо и жестко.

6.

Клинтухъ, дикій голубь[1]).

Первымъ, не русскимъ именемъ зовутъ его охотники, а вторымъ — народъ. Клинтухъ очень похожъ на чистосизаго русскаго голубя; на всѣхъ его перьяхъ нѣтъ никакихъ отмѣтинъ, никакого пятнышка, даже подъ хвостомъ; когда клинтухъ сидитъ и даже летитъ надъ вами, ни малѣйшей бѣлизны не видно. Повторяю сказанное мною прежде, что его не вдругъ различишь съ чисто-сизымъ [2]) русскимъ молодымъ голубемъ, а стараго онъ будетъ нѣсколько поменьше. Перомъ клинтухъ темновато-сизаго матоваго цвѣта; на шеѣ примѣтенъ небольшой зеленоватый отливъ, если смотрѣть къ свѣту; носъ свѣтло-роговой, ноги блѣдно-бланжеваго или, какъ говорится въ охотничьихъ книжкахъ, *абрикосоваго* цвѣта. Во всѣхъ своихъ нравахъ, свойствахъ и образѣ жизни клинтухи совершенно схожи съ вяхирями: слѣдовательно, нѣтъ надобности говорить о нихъ особенно. Вся разница со-

[1]) Columba livia, Briss. Обыкновенно *клинтухомъ* называется иной видъ голубя: Columba oenas, Gm. *К. Р.*

[2]) Потому и не прилагаемъ изображенія. *К. Р.*

стоитъ, по моимъ наблюденіямъ, въ слѣдующемъ: клинтухи появляются чрезвычайно рано, задолго до всякой другой дичи, всегда въ мартѣ мѣсяцѣ, и даже одинъ разъ я нашелъ пару клинтуховъ на гумнѣ въ исходѣ февраля, что и замѣчено въ моихъ охотничьихъ запискахъ; но я не знаю, назвать ли это раннее появленіе прилетомъ. По большей части, находилъ я первыхъ клинтуховъ въ одиночку, иногда по парѣ и очень рѣдко по двѣ пары. Это появленіе бываетъ недѣли за двѣ, даже за три до настоящаго прилета, когда клинтухи начнутъ летать и опускаться на землю огромнѣйшими стаями. Впрочемъ, и этотъ прилетъ бываетъ гораздо ранѣе прилета витютиновъ. Я нахаживалъ въ исходѣ марта станицы клинтуховъ въ нѣсколько сотенъ, сидящія на рѣдкихъ еще тогда проталинахъ, и убивалъ однимъ выстрѣломъ по десятку; они гораздо смирнѣе вяхирей. Клинтухи устраиваютъ свои гнѣзда также на главныхъ сучьяхъ большихъ деревьевъ, но выбираютъ мѣста уединеннѣе, въ лѣсахъ обширнаго объема. Воркованья и вообще голоса клинтуховъ я не слыхалъ, а также и другіе охотники, которыхъ я объ этомъ спрашивалъ. Полетъ клинтуховъ не имѣетъ ничего особеннаго. Въ продолженіе лѣта они попадаются рѣдко; но съ половины августа до исхода сентября встрѣчаются уже станичками и вскорѣ начинаютъ пролетать огромными стаями. Странно, что во время осенняго валового пролета и даже послѣ него опять попадаются клинтухи въ одиночку и парами, и держатся до октября, то-есть точно такъ же пропадаютъ осенью, какъ появляются весной. Осеннихъ клинтуховъ я всегда считалъ отсталыми, по болѣзни или позднему выводу; но какъ объяснить раннее, одиночное ихъ появленіе въ мартѣ, иногда при 20-ти градусныхъ морозахъ, и даже въ февралѣ, который и по календарю считается зимнимъ мѣсяцемъ? Вотъ мое предположеніе: клинтухи начинаютъ летѣть съ сѣвера на югъ ранѣе, чѣмъ мы думаемъ, даже въ февралѣ; но летятъ по ночамъ и высоко, какъ многія породы дичи, почему никто о томъ не знаетъ; въ большихъ стаяхъ, вѣроятно, всегда есть усталые и слабые, которые отстаютъ отъ станицъ въ продолженіе дороги, гдѣ случится, и какъ некуда болѣе дѣваться, то поселяются, до настоящей весны, на гумнахъ; ихъ-то такъ рано встрѣчаютъ охотники.

Мясо клинтуха точно такого же качества, какъ и витютина, даже нѣжнѣе, слѣдственно лучше. Къ ружью они го-

раздо послабѣе старшихъ своихъ братьевъ — вяхирей. Охотники мало уважаютъ эту дичь, когда попадается она въ одиночку; но когда изъ большой стаи можно вышибить нѣсколько паръ, особенно съ прилета,—охотники не пренебрегаютъ клинтухами. Я уже говорилъ, какъ дорого раннее появленіе ихъ весною.

7.

Горлица или Горлинка [1]).

Третья голубиная порода называется горлицей—по книжному и горлинкой—по общенародному употребленію. Происхожденіе этого имени опредѣлить не умѣю; не происходитъ ли оно отъ пятна на горлѣ, которое имѣетъ горлица?—Горлинка не пользуется особеннымъ значеніемъ въ понятіяхъ народныхъ; она исчезаетъ въ общемъ значеніи голубя, но за то въ публикѣ нашей пользуется большою извѣстностью. Господа стихотворцы и прозаики, однимъ словомъ, поэты, въ концы прошедшаго столѣтія и даже въ началѣ нынѣшняго,

1) *Горленокъ, туркавка.* Columba turtur, L. *К. Р.*

много выѣзжали на страстной и вѣрной супружеской любви горлицъ, которыя будто бы не могутъ пережить другъ друга, такъ что, въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, другой лишаетъ себя жизни насильственно, слѣдующимъ образомъ: овдовѣвшій горликъ или горлица, отдавъ покойнику послѣдній долгъ жалобнымъ воркованьемъ, взвивается какъ можно выше надъ кремнистою скалой или упругою поверхностью воды, сжимаетъ свои легкія крылья, падаетъ камнемъ внизъ и убивается. Чувствительная публика вѣрила такому чувствительному разсказу... Горлицы не только служили идеаломъ вѣрной любви, но имѣли обязанность сочувствовать пламеннымъ и особенно несчастнымъ любовникамъ. Не краснѣя, а съ истиннымъ чувствомъ писалъ поэтъ:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя томно скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ.

И съ искреннимъ сочувствіемъ повторяла эти стихи публика... Но время это прошло, и я, къ сожалѣнію, долженъ сказать сущую правду, что повѣсть трогательнаго самоубійства не имѣетъ никакого основанія; я держалъ горлинокъ въ клѣткахъ; онѣ водили дѣтей; случалось, что одинъ изъ пары умиралъ, а оставшійся въ живыхъ очень скоро понимался съ новымъ другомъ и вмѣстѣ съ нимъ завивалъ новое гнѣздо.

Горлинка гораздо меньше клинтуха и слишкомъ вдвое или почти втрое меньше витютина. Перьями очень красива и рѣзко отличается отъ другихъ голубей, строго сохраняя всѣ ихъ стати. Что же касается до миловидности и нравственныхъ качествъ, то горлинку должно признать высшимъ ихъ выраженіемъ или, по крайней мѣрѣ, очевиднѣйшимъ, потому что она смирна, не боится человѣка, не прячется отъ него и даетъ полную возможность къ наблюденію своихъ нравовъ, даже нелюбопытному человѣку. Горлинки не только прилетаютъ въ сады или огороды, но нерѣдко садятся на широкіе зеленые дворы деревенскихъ помѣщичьихъ усадьбъ и ихъ простые заборы. Носикъ у нея съ пережабинкой, свѣтло-рогового цвѣта; голова, шея и зобъ сизо-розовые; около темныхъ, прекрасныхъ глазъ лежитъ ободочекъ, довольно широкій, изъ незаросшей перышками кожицы свѣтло малиноваго цвѣта; на обѣихъ сторонахъ шеи, на палецъ отъ глазъ, есть продолговатое, очень красивое, кофейное пятно, пересѣкаемое

бѣлыми полосками, или, лучше сказать,—три темно-кофейныя пятнышка, обведенныя бѣлою каемочкой; по крыльямъ отъ плечъ лежатъ темныя продолговатыя пятна, отороченныя коричневымъ ободочкомъ; длинныя перья въ крыльяхъ свѣтлокофейныя, такого же цвѣта и хвостъ, довольно длинный; два верхнія хвостовыя пера безъ каемокъ, а всѣ нижнія оканчиваются бѣлой полосой, въ палецъ шириною; по спинѣ видны небольшія, неясныя пестринки; хлупь чисто бѣлая и ножки розовыя.

Изъ этого описанія видно, что горлинки похожи перьями и величиною на египетскихъ голубей [1]); даже въ воркованьи и тѣхъ и другихъ есть что-то сходное; впрочемъ, горлинки воркуютъ тише, нѣжнѣе, не такъ глухо и густо; издали воркованье горлицъ похоже на прерываемое, по временамъ, журчанье отдаленнаго ручейка, и очень пріятно для слуха; оно имѣетъ свое замѣчательное мѣсто въ общемъ хорѣ птичьихъ голосовъ и наводитъ на душу какое-то невольное, нѣсколько заунывное и сладкое раздумье.

Горлинки прилетаютъ весною позднѣе всѣхъ голубей, по крайней мѣрѣ позднѣе оказываются. Мнѣ не случалось видѣть ихъ перелетными стаями, что, безъ сомнѣнія, бываетъ, и что многіе охотники видали. Я всегда встрѣчалъ ихъ уже парами, уже занятыхъ своими гнѣздами, которыя вьютъ они въ лѣсныхъ опушкахъ, въ перелѣскахъ и предпочтительно на деревьяхъ, растущихъ по рѣчкамъ и ручьямъ,—но никогда въ срединѣ густого и большого лѣса. Горлинки понимаются, вьютъ, или, лучше сказать, устраиваютъ гнѣзда, несутъ яйца, выводятъ дѣтей и выкармливаютъ ихъ точно такъ же, какъ витютины и клинтухи; я не замѣчалъ въ ихъ нравахъ ни малѣйшаго отступленія отъ общей жизни голубиныхъ породъ и потому не стану повторять одного и того же. Вся разница, если это только можно назвать разницей, состоитъ въ томъ, что горлинки несравненно смирнѣе другихъ голубей, такъ что къ нимъ не только можно близко подъѣхать, но всегда можно подойти пѣшкомъ; онѣ почти также смирны, какъ воробьи, галки и русскіе голуби. Сдѣлать ихъ ручными весьма легко, особенно если вынуть голубятъ изъ гнѣзда еще не совсѣмъ оперившихся; надобно только посадить ихъ въ просторную клѣтку, деревянную или изъ сѣтки (это все равно), и хорошенько

[1]) Съ которыми весьма охотно понимаются.

кормить хлѣбными зернами; достигнувъ полнаго возраста, онѣ начнутъ выводить дѣтей и жить какъ дворовые голуби.— Осенью горлинки улетаютъ довольно рано, въ августѣ, задолго до наступленія холодной погоды. Большими станицами передъ отлетомъ онѣ никогда мнѣ не попадались, но маленькими станичками, отъ трехъ паръ до пяти, я встрѣчалъ ихъ нерѣдко. Въ это время года онѣ бываютъ довольно жирны и очень вкусны, да и во всякую другую пору мясо ихъ лучше мяса прочихъ голубиныхъ породъ. Къ ружью онѣ не такъ крѣпки, и рябчиковой дроби для нихъ достаточно.

Горлинокъ стрѣляютъ мало; простые охотники не бьютъ ихъ, сколько изъ уваженія къ ихъ голубиной природѣ, столько же и потому, что онѣ мелки; а настоящіе стрѣлки пренебрегаютъ ими, какъ слишкомъ смирною дичью.

Надобно прибавить еще одну общую черту къ голубиной характеристикѣ: всѣ изъявленія ихъ чувствъ до такой степени мягки, кротки и робки, что даже любовь къ дѣтямъ, при угрожающей имъ очевидной опасности, не оказывается никакими стремительными, смѣлыми порывами. Мнѣ случалось много разъ подходить близко къ дереву, на которомъ находилось гнѣздо съ голубятами, даже взлѣзать на него,—и голубь съ голубкой не бросались на меня, какъ болотные кулики, не отводили въ сторону, прикидываясь, что не могутъ летать, какъ то дѣлаютъ утки и тетеревиныя курочки: голуби перелетывали робко съ дерева на дерево, тоскливо повертываясь, подвигаясь или переступая вдоль по сучку, на которомъ сидѣли, безпрестанно мѣняя мѣсто и приближаясь къ человѣку, по мѣрѣ его приближенія къ дѣтямъ; едва были слышны какіе-то тихіе, грустные, ропотные, прерывающіеся звуки, не похожіе на ихъ обыкновенное воркованье. Однимъ словомъ, голубиная, кроткая природа вполнѣ выражалась и тутъ.

8.

Дрозды.

Дроздовыхъ породъ семь: 1) *сѣрый дроздъ*, самый крупный изъ всѣхъ, величиною почти съ горлинку; онъ весь свѣтло-сѣрый; зобъ и брюшко бѣлесоваты и покрыты мелкими темноватыми крапинками; спина и верхняя сторона крыльевъ изсѣро-сизыя, даже какъ будто зеленоватыя; глаза темные; носъ свѣтло-рогового цвѣта. Этотъ дроздъ довольно рѣдокъ въ Оренбургской губерніи. 2) *Большой дроздъ-рябинникъ*, нѣсколько поменьше сѣраго дрозда; онъ очень любитъ клевать рябину, почему и названъ рябинникомъ; пестрины на немъ довольно крупны; онѣ лежатъ въ видѣ продолговатыхъ темно-коричневыхъ пятенъ по сѣрожелтоватому полю; спина и верхнія перышки на крыльяхъ коричневыя, съ темно-сизыми оттѣнками; глаза и клевъ темнаго, почти чернаго цвѣта. Водится вездѣ во множествѣ, особенно въ Оренбургской губерніи. 3) *Малый дроздъ-рябинникъ*, или *можжевельникъ*, совершенно похожъ перьями на большого рябинника, но вдвое его меньше и несравненно малочисленнѣе. Гдѣ растетъ можжевельникъ, тамъ онъ предпочтительно держится въ немъ и питается можжевеловыми ягодами, почему и называютъ его можжевельникомъ. Въ Оренбургской губерніи зовутъ его „малый рябчикъ“. 4-я и 5-я) породы—*черные дрозды*—величиною будутъ немного поменьше большого рябинника; онѣ различаются между собою тѣмъ, что у одной породы перья темнѣе, почти черныя, около глазъ находятся желтые ободочки, и носъ желто-розоваго цвѣта; а у другой породы перья темно-кофейныя, чистаго цвѣта, носъ бѣловатый къ концу, и никакихъ ободочковъ около глазъ нѣтъ; эта порода, кажется,

нѣсколько помельче первой [1]). Вообще у дроздовъ ножки темныя, а у черныхъ совсѣмъ черныя. 6) *Пѣвчій дроздъ* при первомъ взглядѣ очень похожъ перьями на сѣраго дрозда, но вдвое его меньше и пятна имѣетъ крупнѣе, круглѣе, почти черныя, но рѣдкія, отъ чего и кажется издали сѣрымъ; поетъ очень хорошо и передразниваетъ даже соловья. 7) *Водяной дроздъ*—почти такой же величины какъ пѣвчій, или немного поменьше, темно-пепельнаго цвѣта; ножки очень черны; подъ горломъ имѣетъ бѣлое пятно; онъ держится по маленькимъ рѣчкамъ и ручьямъ, и бѣгаетъ по ихъ бережкамъ; онъ нерѣдко перебѣгаетъ по дну рѣчки съ одного берега на другой, погружаясь въ воду, на аршинъ и болѣе глубиною, даже ловитъ мелкую рыбешку; носъ имѣетъ прямой и жесткій, свѣтло-рогового цвѣта.

Шестая и седьмая породы дроздовъ мнѣ мало знакомы. Пѣвчихъ дроздовъ я видалъ въ клѣткахъ, а водяныхъ—только издали, и потому описываю ихъ со словъ достовѣрнаго охотника,

Всѣ дрозды имѣютъ одинъ складъ, нѣсколько похожій на сорочій, и всѣ скачутъ, т. е. прыгаютъ обѣими ногами вмѣстѣ вдругъ. Этой *поскочи* не имѣетъ ни одна порода дичи; а потому, по народному понятію, дроздовъ не слѣдуетъ ѣсть, какъ скачущихъ воронъ, сорокъ, галокъ, воробьевъ и проч. Разумѣется, добычливые деревенскіе охотники дроздовъ не стрѣляютъ, не столько изъ уваженія къ народному предразсудку, сколько потому, что они мелки и не стоютъ заряда; около

---

[1]) Тотъ же почтенный профессоръ, о которомъ я говорилъ на стр. 26-ой, сдѣлалъ мнѣ слѣдующія замѣчанія: 1) что описанные мною черные дрозды, какъ двѣ породы, есть не что иное какъ самецъ и самка одной породы, и 2) что птица, описанная мною подъ именемъ „водяного дрозда", не принадлежитъ къ роду дроздовъ и называется „водяная оляпка". Я не могу съ увѣренностью опровергать перваго замѣчанія, потому что не имѣлъ случая наблюдать вблизи жизнь черныхъ дроздовъ, о чемъ мною и сказано; въ Оренбургской губерніи они не водятся. На замѣчаніе второе я могу только отвѣчать, что такъ думаютъ охотники и народъ. Вообще я долженъ сказать, что писалъ о томъ, что видѣлъ своими глазами, и называлъ птицъ, какъ называютъ ихъ народъ и охотники, мои туземцы. Ученая классификація уже не мое дѣло. *Авт.*

И мы согласны съ этими замѣчаніями; прибавимъ только, что дрозды темнокофейнаго цвѣта суть молодыя птицы черной породы, въ томъ видѣ, какъ они отъ насъ отлетаютъ на зиму. Вообще авторъ обращаетъ гораздо менѣе вниманія на мелкихъ птицъ изъ отряда пѣвчихъ, какъ не составляющихъ предмета охоты въ строгомъ смыслѣ, и потому мы не почли нужнымъ прибавлять къ ихъ описанію ни изображеній, ни замѣчаній, для которыхъ вообще намъ, кромѣ Науманна, Кейзерлинга и Блазіуса, служили источники, о которыхъ мы говорили въ третьемъ изданіи „*Записокъ объ уженьѣ*". *К. Р.*

же большихъ городовъ, особенно около столицъ, крестьяне стрѣляютъ дроздовъ очень много, а еще болѣе ловятъ, и выгодно продаютъ для роскошныхъ столовъ богатыхъ городскихъ жителей.

Дроздъ—живая, бодрая, веселая и въ то же время пѣвчая птичка. Большой рябинникъ, съ крупными продолговатыми пятнами, и черный дроздъ, съ желтыми ободочками около глазъ, считаются лучшими пѣвцами послѣ пѣвчаго дрозда. Про „чернаго“ ничего не могу сказать утвердительно; но „рябинника“ я держалъ долго въ большой клѣткѣ: онъ пѣлъ довольно пріятно и тихо, чего нельзя ожидать по его жесткому крику, похожему на какое-то трещанье, взвизгиванье и щекотанье. Каждому охотнику извѣстны звуки, всего чаще издаваемые дроздами [1]), которые я всегда слушалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, похожіе на слоги *«чокъ, чокъ, чокъ»*. Ими нерѣдко обличаетъ себя дроздъ, сидя въ густыхъ древесныхъ вѣтвяхъ и листьяхъ, или на вершинѣ высокаго дерева. Большая же стая дроздовъ, разсѣвшись по деревьямъ, поднимаетъ такое чоканье, что его услышишь издалека. Я всего болѣе знакомъ съ породами большого и малаго дрозда-рябинника, и потому, говорю вообще, буду говорить собственно о нихъ. Дрозды обѣихъ этихъ породъ появляются весною ранѣе почти всей дичи, обыкновенно въ исходѣ марта. Я всегда находилъ ихъ въ кустахъ, около обтаявшихъ родниковъ или теплыхъ навозныхъ кучъ. Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что дрозды не улетаютъ на зиму за море или въ теплѣйшій нашего климатъ, основываясь на томъ, что часто нахаживали ихъ зимою, изрѣдка даже въ немаломъ количествѣ, около незамерзающихъ ключей, но это ничего не доказываетъ, кромѣ того, что они могутъ выносить нашу зиму; утки, безъ сомнѣнія, отлетная птица, но по рѣчкамъ, незамерзающимъ зимою, всегда можно найти кряковныхъ и даже сѣрыхъ утокъ, которыя на нихъ зимуютъ. По моему мнѣнію, эти утки позднихъ выводокъ, отсталыя, запоздавшія къ отлету по какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствамъ: точно такими же отсталыми могутъ быть и дрозды, находимые зимой около родниковъ. Впрочемъ, я готовъ согласиться, что дрозды улетаютъ куда-нибудь недалеко, потому что они улетаютъ иногда очень поздно и нерѣдко держатся даже по снѣгу. Что же касается до меня,

[1]) Такъ кричатъ дрозды сѣрые, большіе рябинники и обѣ породы черныхъ.

то я никогда, нигдѣ зимою дроздовъ не встрѣчалъ. Какъ бы то ни было, дрозды появляются весною очень рано и сначала по одиночкѣ; но вскорѣ огромныя ихъ стаи разсыпаются по мелкому лѣсу и по кошеннымъ около него луговинамъ. Нельзя сказать, чтобы дрозды и съ прилета были очень дики; но во множествѣ всякая птица сторожка, да и подъѣзжать или подкрадываться къ нимъ, разсыпаннымъ на большомъ пространствѣ, по мелкому голому лѣсу или также по голой еще землѣ, весьма неудобно: сейчасъ начнется такое чоканье, прыганье, взлетыванье и перелетыванье, что они сами пугаютъ другъ друга, и много ихъ въ эту пору никогда не убьешь [1]), хотя съ прилета и дорожишь ими. Это я говорю про большихъ дроздовъ рябинниковъ, малые же появляются позднѣе и всегда въ небольшомъ числѣ; они гораздо смирнѣе и предпочтительно сидятъ или попрыгиваютъ въ чащѣ кустовъ, у самыхъ корней; ихъ трудно было бы замѣтить, еслибъ они сидѣли молча, но тихіе звуки, похожіе на слоги: „цу-цу“, помогаютъ охотнику разглядѣть ихъ.

Погостивъ съ недѣлю повсемѣстно и въ большомъ множествѣ во время весенняго валового пролета, дрозды вдругъ пропадаютъ, и во все лѣто уже рѣдко встрѣтишь ихъ холостыхъ. Они разбиваются на пары и устраиваютъ свои гнѣзда на древесныхъ сучьяхъ въ лѣсахъ и рощахъ, а около Москвы даже въ заброшенныхъ паркахъ и садахъ; самка кладетъ четыре яйца, немного меньше голубиныхъ, но продолговатой формы, зелено-пестраго цвѣта, и попеременно съ самцомъ, въ три недѣли, высиживаютъ молодыхъ, которыхъ и отецъ и мать кормятъ постоянно, до совершеннаго возраста, только что начинающими наливаться въ то время зелеными ягодами, всякими сѣменами и насѣкомыми. Отъ гнѣздъ съ яйцами, особенно отъ дѣтей, старые дрозды бываютъ еще смирнѣе или, вѣрнѣе сказать, смѣлѣе, и если не налетаютъ на охотника, то по крайней мѣрѣ не улетаютъ прочь, а только перепархиваютъ съ сучка на сучокъ, съ дерева на дерево, немилосердно треща и чокая и стараясь отвести человѣка въ другую сторону. Выводъ дроздятъ бываетъ довольно рано, въ первой половинѣ іюня, но они долго остаются въ гнѣздѣ и на сучьяхъ вывод-

---

[1]) Мнѣ сказывалъ одинъ достовѣрный охотникъ, что ему случилось въ одну, весьма холодную, зиму убить на родникахъ, въ одно поле 18 дроздовъ-рябинниковъ, почти всѣхъ въ летъ; но это дѣло другое.

ного дерева, пока не начнутъ летать, какъ старые; потомъ нѣкоторое время держатся весьма скрытно въ частыхъ и мелкихъ лѣсныхъ поростяхъ; потомъ начинаютъ небольшими станичками летатъ на ягоды, а потомъ уже къ осени сваливаются въ большія станицы. Ягоды всѣхъ родовъ — любимая пища дроздовъ, для чего они охотно и постоянно посѣщаютъ ягодные сады, и если послѣдніе оберегаются въ день сторожами, то они производятъ свои опустошительные налеты очень рано по утрамъ, даже до восхожденія солнца. Въ привольныхъ оренбургскихъ лѣсахъ, особенно въ обширныхъ рѣчныхъ уремахъ, самую лакомую и питательную пищу доставляетъ дроздамъ черемуха, рябина и калина; двѣ послѣднія ягоды послѣ морозовъ становятся слаще, и дрозды жадно лакомятся ими до самой зимы. Чѣмъ болѣе они употребляютъ въ пищу ягодъ, тѣмъ сами становятся вкуснѣе и бываютъ очень жирны. Стрѣлять ихъ должно рябчиковою дробью, потому что они, относительно къ своей величинѣ, довольно крѣпки къ ружью. Охота за дроздами, предпочтительно рябинниками, производится весной и осенью. Пожалуй, можно бить ихъ лѣтомъ отъ дѣтей, но они въ то время очень худы. Весенняя стрѣльба слишкомъ кратковременна, но осенняя продолжается иногда очень долго. Собаки тутъ не нужно. Вообще дрозды не дики, но они безпрестанно перелетываютъ съ сучка на сучокъ, съ дерева на дерево, и всегда сидятъ такъ, что ихъ не вдругъ разглядишь въ чащѣ вѣтвей и листьевъ. По большей части, стрѣляютъ ихъ съ подхода, сидячихъ или прыгающихъ. Было бы ловчѣе бить ихъ въ летъ, но въ лѣсу всегда мѣшаютъ деревья.

Въ Оренбургской губерніи ловятъ дроздовъ на пучки спѣлой рябины или калины, далеко краснѣющіеся, особенно на яркой бѣлизнѣ первыхъ снѣговъ; дрозды попадаютъ въ силья, которыми опутываютъ со всѣхъ сторонъ, повѣшенныя на дерево, ягодныя кисти; ихъ даже кроютъ лучками изъ сѣтки, приманивая на приваду тою же рябиной или калиной.

Около Москвы много черныхъ дроздовъ обѣихъ породъ; они исключительно водятся тамъ, гдѣ растетъ красный лѣсъ, и особенно любятъ ельникъ; они еще смѣлѣе и хищнѣе къ истребленію ягодъ, чѣмъ дрозды — большіе рябинники. Мнѣ не случалось находить гнѣздъ черныхъ дроздовъ, и я никогда не замѣчалъ, чтобы они соединялись въ стаи, хотя въ разсыпную ихъ бываетъ очень много. Они преимущественно дер-

жатся въ мелкомъ еловомъ лѣсу, по большей части садятся на нижнія вѣтви или прыгаютъ по землѣ, точно какъ малые рябинники. Стрѣлять ихъ очень легко, но разглядывать на еляхъ трудно.

Сѣрыхъ большихъ дроздовъ я убилъ только трехъ въ Оренбургской губерніи. Они находились въ стаѣ обыкновенныхъ большихъ рябинниковъ и, даже издали, казались крупнѣе тѣломъ и гораздо свѣтлѣе перомъ. Около Москвы я не встрѣчалъ сѣрыхъ дроздовъ и ничего болѣе о нихъ не знаю.

Жирный дроздъ считается лакомымъ кускомъ. Онъ славился своимъ изящнымъ вкусомъ еще въ древнемъ Римѣ, на пирахъ Лукулла, который плачивалъ баснословную цѣну за сѣрыхъ дроздовъ. Дроздъ одинъ изъ всей дичи пользуется знаменитою привиллегіей бекасовъ, то-есть его жарятъ въ кастрюлѣ непотрошеннымъ. За что онъ удостоивается этой чести — совершенно не знаю. Не за славу ли предковъ? Но во всякомъ случаѣ этотъ способъ приготовленія очень хорошъ, и я уже совѣтовалъ поступать такимъ образомъ со всѣми породами дичи. По моему мнѣнію, жирный дроздъ очень вкусенъ, но не лучше всякой другой жирной дичи. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что дрозды, питающіеся исключительно одпѣми ягодами, плодами или виноградомъ, какъ то бываетъ въ теплыхъ странахъ, должны имѣть превосходнѣйшій вкусъ.

9.

Вальдшнепъ, лѣсной куликъ, слука [1]).

По достоинству своему, это — первая дичь; но такъ какъ она, хотя по мѣсту жительства принадлежитъ къ отдѣлу лѣсной дичи, но въ то же время совершенно разнится съ нею во всемъ: въ устройствѣ своихъ членовъ, чисто-куличьемъ, въ пищѣ и нравахъ, — то я рѣшился говорить о вальдшнепѣ послѣ всѣхъ породъ лѣсной дичи.

Объ иностранномъ и русскихъ именахъ вальдшнепа я уже говорилъ довольно. Должно замѣтить, что по-польски и на югѣ Россіи его называютъ „слонка" или „сломка", и что это названіе, вѣроятно, имѣетъ одно происхожденіе съ именемъ „слука".

Какъ-то странно, что вальдшнепъ, съ своими длинными ногами и носомъ, однимъ словомъ, что куликъ живетъ въ лѣсу

---

1) *Ломка*, *сломка*, *слонка*; въ Харьковской губерніи — *славка*, *хаква;* въ Сибири—*кряхтунъ.* Scolopax rusticula L. *К. Р.*

и нерѣдко въ лѣсной чащѣ. Устройство членовъ его требуетъ простора, и съ понятіемъ о куликѣ соединяется болото или, по крайней мѣрѣ, берега рѣкъ, прудовъ и озеръ. Конечно, кроншнепъ живетъ же въ степи; но за то тамъ хотя сухо, да просторно, и притомъ онъ, въ извѣстныя времена года, бываетъ постояннымъ посѣтителемъ мокрыхъ и мягкихъ береговъ всякихъ водъ. Казалось бы, вальдшнепу неловко бѣгать и особенно летать въ лѣсу; онъ, кажется, долженъ цѣпляться за сучьи и вѣтви длиннымъ носомъ и ногами; но на дѣлѣ выходитъ не то: онъ такъ проворно шныряетъ по землѣ и по воздуху въ густомъ, высокомъ и мелкомъ лѣсу, что это даже изумительно.

Вальдшнепъ, безпрекословно, превосходнѣйшая, первая дичь во всѣхъ отношеніяхъ; онъ даже первенствуетъ въ благородномъ семействѣ бекасовъ, къ которому принадлежитъ по отличному вкусу своего мяса, по сходству съ нимъ въ пестротѣ перьевъ, красотѣ большихъ черныхъ глазъ, быстротѣ и увертливости полета, по способу добыванья пищи и даже по трудности стрѣльбы. Вальдшнепъ, несмотря на длинныя ноги, шею и носъ, тѣломъ круглъ и мясистъ: величиною будетъ съ крупнаго русскаго голубя. Складомъ членовъ особенно сходенъ съ дупельшнепомъ; да и самыя перья, кромѣ красноватаго или коричневаго цвѣта, своими пестринами нѣсколько похожи на дупелиныя. Вальдшнепъ очень красивъ. Всѣ пятна или пестрины его перьевъ состоятъ изъ смѣшенія темныхъ, красноватыхъ, сѣропепельныхъ оттѣнковъ, неуловимыхъ для описанія, какъ и у другихъ бекасиныхъ породъ. На головѣ у вальдшнепа сверху лежатъ четыре поперечныя полоски или растянутыя пятна темнаго цвѣта; красноты больше—на спинѣ и верхней сторонѣ крыльевъ, а нижняя, зобъ и брюхо — свѣтлѣе и покрыты правильными, поперечными, сѣро-пепельными полосками; хвостъ коротенькій, исподнія его перья подлиннѣе верхнихъ, очень темны, даже черны, и каждое оканчивается съ изнанки бѣлымъ пятнышкомъ, а сверху красно-сѣрымъ; верхнія же хвостовыя перышки помельче, покороче и свѣтло-коричневыя; носъ въ длину вершокъ съ четвертью; ноги для кулика такой величины коротки; цвѣтъ носа и ногъ свѣтло-роговой.

Первое одиночное появленіе вальдшнеповъ весною иногда бываетъ очень рано, такъ что и проталинъ нигдѣ нѣтъ. Непостижимо, гдѣ они могутъ держаться и чѣмъ питаться въ это

время? Вѣроятно, около какихъ-нибудь, незамерзшихъ зимою и еще болѣе оттаявшихъ съ приближеніемъ весны, родниковыхъ озерковъ и ключей. Не одинъ разъ случалось мнѣ поднять и убить вальдшнепа посреди глубокихъ, еще нетронувшихся снѣговъ: это бывало даже въ исходѣ марта. Замѣчательно, что всѣ ранніе вальдшнепы бываютъ довольно жирны.—Потомъ, съ наступленіемъ теплой погоды и дружной весны (почти всегда около 12-го апрѣля въ Оренбургской губерніи), начинается валовой пролетъ вальдшнеповъ. Высыпки ихъ бываютъ иногда чрезвычайно многочисленны, большею частью по лѣснымъ опушкамъ, по порубамъ, по мелкому лѣсу и по кустарникамъ, а около Москвы по плодовитымъ и ягоднымъ садамъ. Охотнику надобно пользоваться этими высыпками, потому что пролетные вальдшнепы рѣдко остаются, одни и тѣ же, болѣе трехъ сутокъ на одномъ мѣстѣ. Пролетающихъ или прилетающихъ вальдшнеповъ стаями никто никогда не видалъ: безъ сомнѣнія, они летятъ ночью. Въ недѣлю—пролетъ и высыпки кончатся; жилые, туземные вальдшнепы займутъ свои лѣса, и сейчасъ начинается тяга или *цугъ*. Я уже объяснялъ значеніе этихъ словъ, и впослѣдствіи, говоря о стрѣльбѣ вальдшнеповъ, займусь подробнѣе этою особенностью ихъ нравовъ. Въ половинѣ мая вальдшнепы садятся на гнѣзда, а въ половинѣ іюня выводятся молодые. Гнѣздо свивается въ большомъ и крупномъ лѣсу, на землѣ, изъ старой сухой травы и перышекъ. Самка кладетъ четыре яйца, немного побольше голубиныхъ, продолговатой куличьей формы, испещренныя коричневыми крапинками. Не могу ничего утвердительнаго сказать—разбиваются ли вальдшнепы на пары и раздѣляетъ ли самецъ съ самкою заботы въ устройствѣ гнѣзда и высиживаніи яицъ. Нѣкоторые охотники увѣряли меня, что при выводкахъ молодыхъ всегда бываютъ и самецъ, и самка; но мнѣ не случалось убѣдиться въ этомъ собственнымъ опытомъ. Точно также ничего не знаю о подробностяхъ и, можетъ быть, особенностяхъ ихъ совокупленія. Хотя я и сказалъ утвердительно въ первомъ изданіи этой книги, что тяга вальдшнеповъ не токъ, но нѣкоторыми охотниками были сдѣланы мнѣ возраженія, которыя я признаю столь основательными, что не могу остаться при прежнемъ моемъ мнѣніи. Вотъ наблюденія, сообщенныя мнѣ достовѣрными охотниками: 1) летающіе вальдшнепы, всегда самцы (какъ и мною замѣчено было), иногда внезапно опускаются

на землю, услышавъ голосъ самки, которому добычливые стрѣлки искусно подражаютъ, и вальдшнепы налетаютъ на нихъ очень близко; 2) если стоящій на тягѣ охотникъ, увидя приближающагося вальдшнепа, броситъ вверхъ шапку, фуражку или свернутый комомъ платокъ, то вальдшнепъ опустится на то мѣсто, гдѣ упадетъ брошенная вещь; 3) тамъ, гдѣ вальдшнепы дѣтей не выводятъ, хотя съ весны держатся долго и во множествѣ, тяги не бываетъ. Основываясь на такихъ убѣдительныхъ доказательствахъ, съ достовѣрностью можно заключить, что тяга—токъ вальдшнеповъ: самцы летаютъ по лѣсу и крикомъ своимъ зовутъ самокъ; послѣднія откликаются, самцы отыскиваютъ ихъ по голосу и совокупляются съ ними. Итакъ, принявъ тягу за токъ, уже нельзя сомнѣваться, что самки однѣ выводятъ дѣтей. Что же касается до того, что вальдшнепы на тягахъ ловятъ мошекъ и мелкихъ крылатыхъ насѣкомыхъ, толкущихся или порхающихъ около древесныхъ вершинъ,—въ чемъ иные охотники сомнѣваются,—то это обстоятельство не подлежитъ сомнѣнію: я нарочно и много разъ разрѣзывалъ зобы сейчасъ застрѣленныхъ на тягѣ вальдшнеповъ и всегда находилъ только-что проглоченныхъ мошекъ, большихъ комаровъ, сумеречныхъ бабочекъ и летающихъ жукалокъ. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ летающимъ на токахъ вальдшнепамъ ловить попадающихся имъ насѣкомыхъ.

Какъ скоро молодые вальдшнепята подростутъ, матка выводитъ ихъ изъ крупнаго лѣса въ мелкій, но предпочтительно частый; тамъ остаются они до совершеннаго возраста, даже до осени, въ началѣ которой перемѣщаются, смотря по мѣстности, или въ опушки большихъ лѣсовъ, около которыхъ лежатъ озимыя поля,—ибо корешки ржаныхъ всходовъ составляютъ любимую ихъ пищу,—или сваливаются прямо изъ мелкихъ лѣсовъ въ болотистыя уремы и потныя мѣста, заросшія кустами, особенно къ родникамъ, паточинамъ, гдѣ остаются иногда очень долго, потому что около родниковъ грязь и земля долго не замерзаютъ. Въ это время вальдшнепы охотно и смѣло приближаются къ человѣческимъ жилищамъ, къ мельничнымъ прудамъ и плотинамъ, особенно къ коноплянникамъ и огородамъ; днемъ скрываются въ густыхъ садахъ, паркахъ, рощахъ, ольховыхъ и таловыхъ кустахъ, растущихъ почти всегда около прудовъ, плотинъ и рѣчекъ, а ночью летаютъ въ огороды и капустники, гдѣ ловко имъ

въ мягкой, рыхлой землѣ доставать себѣ пищу. Они любятъ также посѣщать тѣ мѣста, гдѣ днемъ бродилъ или стоялъ рогатый скотъ. Они охотно клюютъ свѣжій коровій пометъ, состоящій изъ пережеванныхъ травъ и мелкихъ червячковъ, которые въ немъ сейчасъ заводятся. Въ лѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ много водится вальдшнеповъ, не найдешь вчерашняго помета, который не былъ бы истыканъ ихъ носами; но старый, крѣпко загустѣвшій сверху, остается неприкосновеннымъ [1]). Пища вальдшнеповъ, какъ и другихъ бекасиныхъ породъ, предпочтительно состоитъ изъ корешковъ разныхъ лѣсныхъ и болотныхъ травъ, которые они мастерски достаютъ своими длинными и довольно крѣпкими носами, а также изъ разныхъ насѣкомыхъ. Я уже сказалъ, что съ прилета вальдшнепы бываютъ довольно сыты, но потомъ скоро худѣютъ и до самой осени мясо ихъ становится сухимъ, черствымъ и теряетъ свое высокое достоинство; за то чѣмъ позднѣе осень, тѣмъ жирнѣе становятся вальдшнепы и, наконецъ, совсѣмъ заплываютъ саломъ. Впрочемъ, это бываетъ не каждый годъ: по большей части они пропадаютъ, не успѣвъ разжирѣть хорошенько. Мнѣ особенно памятенъ въ этомъ отношеніи 1822 годъ. Осень стояла долгая, сначала очень ясная и холодная, а потомъ теплая и мокрая; всѣ вальдшнепы безъ исключенія свалились въ мелкіе кусты, растущіе по сырымъ и потнымъ мѣстамъ, держались тамъ до 8-го ноября и разжирѣли до невѣроятности! Бросся всѣ другія охоты, я неутомимо, ежедневно, ходилъ за вальдшнепами: 6-го ноября я убилъ восемь, 7-го двѣнадцать, а въ ночь на 8-е выпалъ снѣгъ въ четверть глубиною и хватилъ морозъ въ 15 градусовъ. Предполагая, что не могли же всѣ вальдшнепы улетѣть въ одну ночь, я бросился съ хорошею собакой обыскивать всѣ родники и ключи, которые не замерзли и не были занесены снѣгомъ, и гдѣ наканунѣ я оставилъ довольно вальдшнеповъ; но, бродя цѣлый день, я не нашелъ ни одного; только подходя уже къ дому, въ корняхъ непроходимыхъ кустовъ, около родниковаго болотца, подняла моя неутомимая собака вальдшнепа, котораго я убилъ; онъ оказался хворымъ и до послѣдней крайности исхудалымъ, и вѣроятно на другой бы день замерзъ. Двадцать вальдшнеповъ, облитые са-

[1]) Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что вальдшнепы не ѣдятъ коровьяго помета, а только ищутъ въ немъ червячковъ.

ломъ, застрѣленные 6-го и 7-го ноября и висѣвшіе въ амбарѣ, замерзли какъ камень. Съ этого времени началась жестокая зима, и я до самаго великаго поста лакомился, отъ времени до времени, совершенно свѣжими вальдшнепами, что, конечно, можетъ считаться большою рѣдкостью. Осеннее разжирѣніе этой драгоцѣнной дичи, при оскудѣвающемъ ежедневно кормѣ, всегда меня удивляло, но не объясняется ли оно тѣмъ, что корешки травъ дѣлаются въ это время особенно питательными, потому что соки растеній устремляются въ корень? По большей части, вальдшнепы пропадаютъ около половины октября. Весенній и осенній пролеты ихъ, сопровождающіеся высыпками, бываютъ весьма различны: иногда чрезвычайно многочисленны и продолжаются осенью около двухъ недѣль, иногда такъ скудны, что въ цѣлый день не отыщешь и двухъ паръ. Случается и то, что вдругъ вездѣ появится множество вальдшнеповъ, и въ однѣ сутки всѣ пропадутъ; послѣднее обстоятельство считается вѣрнымъ признакомъ скораго наступленія постоянной зимы, что и справедливо; но временное выпаденіе даже большого снѣга, не сопровождаемое морозомъ, вальдшнепы выдерживаютъ безъ вреда, и часто не только дождутся времени, когда снѣгъ растаетъ, но и послѣ него остаются долго. Не одинъ разъ случалось мнѣ видѣть въ осеннюю, теплую, печатную, какъ говорится, порошу, весь снѣгъ, по мелкому лѣсу и кустамъ, испещренный узорами вальдшнеповыхъ слѣдовъ; подобное тому бываетъ и весной, при внезапныхъ выпаденіяхъ снѣга, какія случаются иногда даже въ первыхъ числахъ мая.

Стрѣльба вальдшнеповъ начинается съ самаго ихъ прилета. Покуда появляются они въ розницу, въ одиночку,— стрѣльба незначительна и случайна. Вдругъ поднимешь вальдшнепа тамъ, гдѣ и не думалъ его найти, и наоборотъ, въ самыхъ лучшихъ, *угодныхъ* мѣстахъ — нѣтъ ни одного. Въ это время вальдшнепъ—неожиданный и, конечно, драгоцѣнный подарокъ, но собственно за вальдшнепами охоты нѣтъ. Когда же начинается настоящій валовой пролетъ и окажутся высыпки вальдшнеповъ, стрѣльба ихъ получаетъ особенную важность и самый высокій интересъ для настоящихъ охотниковъ, тѣмъ болѣе, что продолжается очень не долго, и что въ это раннее время, послѣ шестимѣсячнаго покоя, еще не насытилась охотничья жадность; не говорю уже о томъ, что вальдшнепы — дичь сама по себѣ первоклассная, и что ни-

когда никакой охотникъ не бываетъ къ ней равнодушенъ. Весною, какъ скоро поднимешь въ одномъ мѣстѣ двухъ-трехъ вальдшнеповъ, навѣрно можно сказать, что тутъ высыпка, что тутъ ихъ много. Разумѣется, оставя всякую другую пролетную дичь, истинный охотникъ бросится за вальдшнепами, и добрая легавая собака, не горячая, преимущественно вѣжливая, будетъ очень ему полезна. Хотя на весеннихъ высыпкахъ вальдшнепы не такъ близко подпускаютъ собаку, и стойки можетъ она дѣлать только издали, но при всемъ томъ безпрестанно случается, что дальнiе вальдшнепы поднимаются, а ближайшiе, плотно притаясь, сидятъ такъ крѣпко, что, безъ собаки, пройдешь мимо ихъ; выстрѣлишь въ поднявшагося далеко, а сзади или сбоку поднимаются вальдшнепы въ нѣсколькихъ шагахъ. Собака съ долгимъ чутьемъ, не гоняющаяся за взлетающею дичью, много поправитъ неудобства этой стрѣльбы: она сейчасъ потянетъ и тѣмъ издали укажетъ, гдѣ сидитъ вальдшнепъ; охотникъ не пройдетъ мимо и поставитъ себя въ такое положенiе, чтобы кусты и мелкiй лѣсъ не помѣшали выстрѣламъ. Высыпки бываютъ иногда такъ многочисленны, что даже опытный и хладнокровный охотникъ смутится и растеряется, а молодой, горячiй, просто съ ума сойдетъ; и если къ этому присоединится собака, которая гоняется за птицей, то въ нѣсколько минутъ распугается и разлетится, Богъ знаетъ куда, сотенная высыпка. Когда случится нечаянно наткнуться на высыпку, вальдшнепы вдругъ начнутъ вскакивать, производя довольно сильный шумъ крыльями, и мелькая во всѣхъ направленiяхъ: впереди, съ боковъ и даже сзади. Если они еще не напуганы выстрѣлами, то, описавъ небольшую дугу, равную вышинѣ деревьевъ или кустовъ, сейчасъ садятся. За непремѣнное правило должно взять: не бѣгать къ тѣмъ вальдшнепамъ, которые пересѣли въ глазахъ охотника и которыхъ онъ сначала даже видитъ бѣгущихъ или стоящихъ неподвижно. Надобно подвигаться впередъ тихимъ, ровнымъ шагомъ, осматривая или заставляя собаку обыскивать всѣ мѣста направо и налѣво, стараясь держаться такъ, чтобы деревья и кусты, гдѣ всегда происходитъ эта стрѣльба, сколько можно менѣе мѣшали выстрѣламъ. Это правило очень важно: пересѣвшiе вальдшнепы въ первыя минуты такъ сторожки, что не подпустятъ охотника въ мѣру, а бѣгая къ нимъ понапрасну, онъ будетъ оставлять вальдшнеповъ позади и по сто-

ронамъ, — вальдшнеповъ, которые сидѣли крѣпко и близко около него. Если нужда заставляетъ охотиться съ собакой, которая гоняется, то какъ скоро она найдетъ высыпку, надобно сейчасъ привязать собаку, потому что гораздо больше убьешь безъ нея, особенно если нѣсколько человѣкъ, съ ружьями или безъ ружей, будутъ итти около охотника, не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, ровняясь въ одну линію. Надобно осматривать внимательно каждый отдѣльный кустъ, каждую рытвинку, каждое крѣпкое мѣстечко, всегда заранѣе становясь въ выгодное положеніе. Только такимъ образомъ производимая охота можетъ быть успѣшна и добычлива, во время весеннихъ высыпокъ. Всѣ затрудненія исчезаютъ, если стрѣльба производится въ мелкомъ, частомъ кустарникѣ или лѣсныхъ порасляхъ, вышиною въ пол-человѣка, не заслоняющихъ взлетающей птицы отъ глазъ охотника и отъ ружейнаго дула. Обширные ягодные сады около Москвы, состоящіе изъ малинника, крыжовника, смородинныхъ и барбарисовыхъ кустовъ, представляютъ самое богатое и выгодное мѣсто для стрѣльбы вальдшнеповъ во время весеннихъ и осеннихъ высыпокъ, которыя, какъ я слыхалъ, бываютъ иногда баснословно многочисленны. Въ этомъ случаѣ всего лучше нѣсколькимъ охотникамъ итти рядомъ, растянувшись въ какую угодно линію; даже безъ собакъ (если итти потѣснѣе) охота будетъ добычливая; но съ вѣжливыми собаками она будетъ еще успѣшнѣе и веселѣе. Вальдшнепъ не крѣпокъ къ ружью, и какъ довольно рѣдко случается стрѣлять его далеко, а по большей части близко, но за то въ вѣтвяхъ и сучьяхъ, то крупнѣе рябчиковой дроби употреблять не нужно; даже 8-го нумера весьма достаточно, а иногда и 9-го. Стрѣлять вальдшнеповъ и легко и трудно; на чистыхъ мѣстахъ онъ летитъ прямо и плавно, а въ лѣсу и кустахъ вертится и ныряетъ между сучьями очень проворно; безъ преувеличенія можно сказать, что онъ иногда мелькаетъ, какъ молнія, а потому стрѣльба въ лѣсу, довольно высокомъ и частомъ, требуетъ чрезвычайнаго проворства и ловкости. Надобно бить вальдшнепа на подъемѣ, когда онъ выбирается кверху и покуда частая сѣть вѣтвей не совсѣмъ закрыла его или если онъ летитъ діагонально, косвенно, надо ловить тѣ мгновенія, когда онъ вымелькнетъ на сколько-нибудь чистое мѣсто. Это ужь не то, что въ полѣ или голомъ болотѣ, гдѣ можно выпускать въ мѣру, тя-

нуть и прицѣливаться въ птицу на просторѣ: вальдшнепа, мелькающаго въ лѣсу, надобно такъ же быстро стрѣлять, какъ ныряющаго на водѣ гоголя. Много бываетъ промаховъ по вальдшнепамъ, но за то нигдѣ не бываетъ такихъ непостижимо удачныхъ выстрѣловъ, какъ въ охотѣ за ними. Часто случалось мнѣ не вѣрить глазамъ, когда, послѣ отчаяннаго выстрѣла, пущеннаго въ кустъ или въ чащу древесныхъ вѣтвей, по тому направленію, по какому юркнулъ вальдшнепъ,—вдругъ собака выносила мнѣ изъ кустовъ убитаго вальдшнепа. Какъ частые сучья, правда безъ листьевъ, за которыми не видно птицы, не мѣшаютъ иногда дроби попасть въ нее—не понимаю и теперь!...

Какъ скоро весной *слетятъ* высыпки, начинается стрѣльба вальдшнеповъ на тягѣ, которая происходитъ всегда въ лѣсу, черезъ поляны, просѣки и лѣсныя дороги. Высота полета зависитъ отъ вышины лѣса: вальдшнепы всегда летятъ надъ самыми верхушками деревьевъ. Весною тяга начинается на закатѣ солнца и продолжается до совершенной темноты или, справедливѣе сказать, во всю ночь и даже поутру до солнечнаго восхода, въ чемъ я имѣлъ случай не одинъ разъ убѣдиться. Чѣмъ болѣе весна переходитъ въ лѣто, тѣмъ позднѣе по вечерамъ начинаютъ тянуть вальдшнепы, такъ что въ началѣ іюля тяга начинается тогда, когда уже совсѣмъ стемнѣетъ и стрѣлять нельзя. Вальдшнепы сопровождаютъ свой полетъ особеннаго рода крикомъ или голосомъ: онъ похожъ на какое-то хрюканье или хрипѣнье и слышенъ задолго до появленія вальдшнепа, что очень помогаетъ стрѣльбѣ, ибо безъ этого предварительнаго звука охотникъ, особенно стоя въ узкомъ мѣстѣ, не замѣтитъ большей части пролетающихъ вальдшнеповъ, а когда и замѣтитъ, то не успѣетъ поднять ружья и прицѣлиться. Этотъ крикъ раздѣляется, такъ сказать, на двѣ ноты или на два колѣна: первое состоитъ изъ хриплыхъ, короткихъ звуковъ, повторяющихся раза три, а второе изъ нѣсколько продолженнаго звука, похожаго на слогъ *цсу*. Во всякое другое время, кромѣ тяги, вальдшнепы не издаютъ никакого голоса. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ водится много и гдѣ мѣста для стоекъ удобны, стрѣльба на тягѣ довольно весела, особенно цѣлымъ обществомъ охотниковъ. Только въ этомъ случаѣ можно допустить, что чѣмъ больше стрѣлковъ, тѣмъ лучше: разставленные по своимъ мѣстамъ, они другъ другу не мѣшаютъ, а помогаютъ, потому что испуганный

выстрѣломъ одного охотника вальдшнепъ налетитъ на другого, а отъ другого на третьяго и такъ далѣе, и кто-нибудь да убьетъ его. Если общество велико и вальдшнеповъ много, то выстрѣлы раздаются безпрестанно, какъ бѣглый ружейный огонь; иногда лѣсное эхо звучно повторяетъ ихъ въ тонкомъ, прохладномъ весеннемъ воздухѣ, раскатывая отголоски по лѣснымъ оврагамъ; съ изумленіемъ останавливается проѣзжій или прохожій, удивляясь такой частой и горячей стрѣльбѣ, похожей на перестрѣлку съ непріятелемъ въ передовой цѣпи. Ночная темнота прекращаетъ стрѣльбу. Сходятся охотники; съ напряженнымъ вниманіемъ устремляются глаза каждаго на ягдташи своихъ товарищей, стараясь разглядѣть въ темнотѣ: много ли добычи у другихъ? Громко и весело разсказываетъ про свою удачу одинъ, съ досадою—про свой неудачи другой. Впрочемъ, эта охота никогда не бываетъ очень добычлива, относительно къ числу охотниковъ, и нейдетъ въ сравненіе со стрѣльбою на высыпкахъ, даже весеннихъ, а объ осеннихъ и говорить нечего: самому счастливому охотнику рѣдко удастся убить на тягѣ болѣе двухъ паръ, а нѣкоторымъ не достанется ни одной штуки. Очевидно, что въ одиночку такая охота не заманчива, хотя очень спокойна: можно курить, сидѣть, прохаживаться, даже лежать, если угодно; но она уже слишкомъ недобычлива и даже можетъ быть скучновата, потому что иногда летъ вальдшнеповъ располагается весьма неудачно: во всѣхъ направленіяхъ слышны ихъ голоса, а именно на то мѣсто, гдѣ стоитъ охотникъ, не налетитъ въ мѣру ни одинъ, и, простоявъ часа три, охотникъ принужденъ будетъ воротиться домой, не разрядивъ даже ружья.—Но я любилъ изрѣдка стоятъ на тягѣ и одинъ, выбирая для этого ясные и тихіе майскіе вечера. Въ погоду сумрачную и вѣтреную вальдшнеповъ не разглядишь и не разслышишь, да они мало и тянутъ. Теплый, весенній или почти лѣтній вечеръ въ исходѣ мая, именно въ чернолѣсьѣ, имѣетъ невыразимую прелесть: деревья и кусты только что распустились, особенно липа и дубъ, которые распускаются поздно; по захожденіи солнца весь воздухъ наполняется тонкимъ благовоніемъ молодыхъ листьевъ, заглушаемымъ иногда густымъ потокомъ запаха цвѣтущей черемухи. Всякая птица, отъ соловья до голубенькаго крошечнаго бѣсочка, горячо и торопливо поетъ свои вечернія пѣсни, умолкая постепенно вмѣстѣ съ темнѣющими сумерками, которые въ лѣсу ложатся ранѣе и быстрѣе. На-

конецъ все утихнетъ, наступитъ совершенная тишина: слышны не только прыжки зайца, но даже шелестъ мелкихъ звѣрковъ. Невольно задумаешься иногда и вздрогнешь, услыхавъ хриплый голосъ вальдшнепа, который, съ приближеніемъ его, становится часъ отъ часу явственнѣе... Исчезли и распускающійся лѣсъ, и чудный вечеръ, и вся природа!... Съ какимъ волненіемъ, бывало, ждешь появленія вальдшнепа изъ-за вершинъ деревьевъ, и какъ обрадуешься удачному выстрѣлу!

Съ наступленіемъ настоящаго лѣта прекращается стрѣльба вальдшнеповъ до осени. Молодыхъ вальдшнепятъ отыскивать въ лѣсу трудно, да и бить такую славную дичь, не достигшую полнаго возраста, какъ-то жалко, а потому этого рода охотой никто не занимается; но въ исходѣ августа молодые выровняются и начнутъ попадаться въ мелкомъ лѣсу или въ опушкахъ большого; обо всемъ этомъ было говорено уже довольно. Около 6-го сентября, а иногда и позднѣе, начинается настоящая осенняя охота за вальдшнепами. Тутъ добрая легавая собака дѣлается главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: безъ ея помощи эта стрѣльба невозможна. Вальдшнепы сидятъ крѣпко и плотно таятся въ корняхъ деревьевъ и кустовъ, въ частыхъ, мелкихъ порösляхъ, въ крупной, высокой травѣ, и очень любятъ лѣсныя, сырыя опушки около озимей и небольшіе овражки съ рытвинами и водоеминами, густо поросшіе таловыми кустами и молодыми ольхами, особенно если по овражку бѣжитъ рѣчка или ручеекъ, а по берегамъ есть родниковыя паточинки. Послѣдняя мѣстность всего удобнѣе для двухъ охотниковъ: они пойдутъ по обѣимъ сторонамъ овражка, собака отправится въ кусты, а вальдшнепы будутъ вылетать направо и налѣво; по лѣснымъ же опушкамъ лучше ходить одному, разумѣется съ собакой. Если такихъ удобныхъ мѣстъ много, то охота бываетъ чудесная и чрезвычайно добычливая. Это все я говорю о тѣхъ вальдшнепахъ, которые вывелись въ сосѣднихъ лѣсахъ, свалились изъ нихъ въ мелкіе кусты и болотистыя уремы; но, независимо отъ нихъ, еще за долго до отлета вальдшнеповъ, такъ сказать туземныхъ, начинаются осеннія высыпки вальдшнеповъ пролетныхъ, предпочтительно по мелкимъ лѣсамъ и кустамъ; эти высыпки въ иные годы бываютъ необыкновенно многочисленны, а иногда совсѣмъ незамѣтны. Вотъ на этихъ-то осеннихъ высыпкахъ происходитъ самая горячая многодобычливая охота. Жаль только, что высыпки по большей части весьма кратко-

временны, и что нерѣдко, пострѣлявъ вдоволь одинъ день, на другой, на томъ же мѣстѣ, не найдешь ни одного вальдшнепа. Къ тому же пролетные вальдшнепы выбираютъ каждый годъ *разныя* мѣста для высыпокъ, а не одни и тѣ же; вѣроятно, это дѣлается случайно. Въ иной годъ потому и нѣтъ пролетныхъ вальдшнеповъ, что не попадешь вовремя на ихъ высыпки. Никакъ не умѣю объяснить, отчего, вслѣдъ за пролетѣвшими, сейчасъ же не улетаютъ туземные вальдшнепы, а, напротивъ, держатся иногда послѣ нихъ очень долго?

Иногда осенняя охота за вальдшнепами получаетъ особенный характеръ. Хотя они постоянно держатся въ это время въ частыхъ лѣсныхъ опушкахъ и кустахъ уремы, кромѣ исключительныхъ и почти всегда ночныхъ походовъ или отлетовъ для добыванія корма, но въ одномъ только случаѣ вальдшнепы выходятъ въ чистыя мѣста: это въ осеннее ненастье, когда кругомъ обложится небо сѣрыми, низкими облаками, когда мелкій, непримѣтный дождь сѣетъ, какъ ситомъ, и день и ночь; когда всѣ отдаленные предметы кажутся въ туманѣ, и все какъ будто свѣтаетъ или смеркается; когда начнется *капель*, то есть когда крупныя водяныя капли мѣрно, звонко и часто начнутъ падать съ обвисшихъ и потемнѣвшихъ древесныхъ вѣтвей. Эти-то капли, которыхъ паденія не любитъ и боится всякая птица и звѣрь, выгоняютъ вальдшнеповъ не только изъ лѣса, но даже изъ лѣсныхъ опушекъ и кустовъ. Въ самомъ дѣлѣ, однообразное, неумолкаемое паденіе капель въ лѣсу имѣетъ въ себѣ что-то печальное и пугающее. Сколько разъ случалось мнѣ вслушиваться въ этотъ странный шумъ, невольно задумываться и вздрагивать, когда крупная капля холодно и больно попадала мнѣ въ лицо... Итакъ, кромѣ пугающаго шума, капель внѣшнимъ образомъ безпокоитъ птицу и заставляетъ ее безпрестанно переходить съ мѣста на мѣсто. За то какая чудесная выходитъ стрѣльба вальдшнеповъ, когда они выбѣгутъ въ чистыя луговины около лѣса, или болотистыя мѣста около уремы. Впрочемъ, подъ словомъ *чистыя*, не должно разумѣть такихъ гладкихъ мѣстъ, на которыхъ негдѣ было бы спрятаться и притаиться. Вальдшнепъ не маленькая птичка; ему нужны кочки, некошенная крупная трава, межи, обросшія бобовникомъ и чилизникомъ, или глубокія борозды рослыхъ озимей, гдѣ бы можно было укрыться, и все это въ самомъ близкомъ разстояніи отъ лѣса или кустовъ. Какъ скоро, хотя на время, уймется дождь и

перемежится капель, вальдшнепы перемѣщаются въ лѣсъ, отъ котораго отдаляются рѣдко далѣе нѣсколькихъ саженъ и куда сейчасъ возвращаются, несмотря на дождь и капель, если будутъ спуганы. Въ это время вальдшнепы очень смирны, сидятъ крѣпко, подпускаютъ охотника близко и долго выдерживаютъ стойку собаки; очевидно, что тутъ бить ихъ весьма не трудно, особенно потому, что вальдшнепы въ мокрую погоду, сами мокрые отъ дождя, на открытомъ мѣстѣ летаютъ тихо, какъ вороны; только очень плохой или слишкомъ горячій охотникъ станетъ давать въ нихъ промахи. Можно подумать, что такая простая, легкая стрѣльба не доставитъ удовольствія настоящему, опытному и, разумѣется, искусному стрѣлку; но такая охота рѣдка, кратковременна, вообще малодобычлива, имѣетъ особенный характеръ, и притомъ вальдшнепъ такая завидная дорогая добыча, что никогда не теряетъ своего высокаго достоинства. Въ этой охотѣ еще пріятно то, что можно видѣть хорошую собаку во всей ея красотѣ и вполнѣ ею любоваться. Въ лѣсу, кустахъ, въ камышѣ, высокой травѣ и осокѣ охотникъ почти не видитъ собаки, но здѣсь она вся на виду. Вальдшнепъ издаетъ сильный запахъ, и всѣ собаки очень горячо по немъ ищутъ. Только истинные охотники могутъ оцѣнить всю прелесть этой картины, когда собака, безпрестанно останавливаясь, подойдетъ наконецъ вплоть къ самому вальдшнепу, поднимаетъ ногу и, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, устремивъ страстные, очарованные, какъ будто позеленѣвшіе глаза на то мѣсто, гдѣ сидитъ птица, станетъ изсѣченнымъ изъ камня истуканомъ, „*умреть на мѣстѣ*“, какъ выражаются охотники.

10.

Зайцы.

Къ числу дичи, какъ я уже сказалъ, принадлежатъ не однѣ птицы, но и звѣри, какъ-то: медвѣди, олени, кабаны, дикія козы и зайцы. Мнѣ хорошо извѣстны только зайцы, и о нихъ-то я намѣренъ поговорить теперь.

Въ Оренбургской губерніи, да кажется и во всѣхъ другихъ, зайцы водятся трехъ породъ: русаки, бѣляки и тумаки. Я не причисляю къ дичи *земляного зайчика* или *тушканчика*, котораго въ пищу не употребляютъ. Имя русака происходитъ, вѣроятно, не отъ того, что онъ живетъ на Руси, а развѣ отъ того, что и зимою хребетъ спины остается у него сѣрый, какъ будто русый. Бѣлякъ очевидно названъ по совершенной бѣлизнѣ своей шерсти въ зимнее время. Тумакъ, происходя отъ совокупленія русака съ бѣлякомъ, получилъ имя обличающее его происхожденіе: слово тумакъ значитъ помѣсь. Обыкновенное мѣстопребываніе русака и тумака — степь или безлѣсныя горы, бѣляка — лѣсъ. Но всегда есть исключенія; иногда и въ степи попадаются бѣляки, иногда и въ лѣсныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ около Москвы, водятся русаки, только они почти никогда не ложатся на дневку въ большомъ лѣсу, а всегда на открытыхъ мѣстахъ или въ мелкомъ кустарникѣ; старый русакъ, матерой, какъ говорятъ охотники, всегда крупнѣе и жирнѣе бѣляка одного съ нимъ возраста и, въ то же время, какъ-то складнѣе; уши у русака острѣе; лапки его, особенно переднія, поменьше и поуютнѣе, и потому русачій *маликъ* (слѣдъ) отличается съ перваго взгляда отъ бѣлячьяго. Всѣмъ извѣстно, что русакъ бѣжитъ несравненно рѣзвѣе бѣляка, кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній; но лихой тумакъ бываетъ рѣзвѣе самаго рѣзваго русака. Лѣтомъ русакъ такъ же сѣръ, какъ и бѣлякъ, и не вдругъ различишь ихъ, потому что лѣтній русакъ отличается отъ лѣтняго бѣляка только чернымъ хвостикомъ, который у него нѣсколько подлиннѣе, черною верхушкой ушей, большею рыжеватостью шерсти на груди и бокахъ; но зимой они не похожи другъ на друга: бѣлякъ

весь бѣлъ, какъ снѣгъ, а у русака, особенно стараго, грудь и брюхо нѣсколько блѣдно-желтоваты, по спинѣ лежитъ довольно широкій, весьма красивый, пестрый ремень изъ темныхъ, желтоватыхъ и красноватыхъ крапинокъ, въ небольшихъ завиткахъ, или, точнѣе сказать, вихряхъ, похожій на крымскую крупную мерлушку. Тумакъ сохраняетъ всѣ отличія русака отъ бѣляка, только въ слабомъ видѣ: желтизна на груди и брюхѣ едва замѣтна, ремень на спинѣ узокъ, безъ завитковъ, и цвѣтъ его не ярокъ, не пестръ, а сизовато-сѣръ. Зайцы необыкновенно *плодущи*, по простонародному и охотничьему выраженію, смыслъ котораго непосредственно относится къ бѣлякамъ; порода русаковъ несравненно малочисленнѣе, а тумаки даже рѣдки. *Течка* бѣляковъ [1]) начинается съ января, а въ исходѣ марта, еще по снѣгу, зайчиха уже мечетъ самыхъ раннихъ, первыхъ зайчатъ, которые и называются *настовики;* въ исходѣ іюня — вторыхъ, называемыхъ *лѣтниками* и *травниками* [2]), а въ исходѣ сентября — третьихъ, носящихъ имя *листопадниковъ:* такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ деревенскіе охотники. Я, съ своей стороны, ничего не могу сказать противъ этого мнѣнія. Могу только съ достовѣрностью подтвердить, что крошечные зайчата попадались мнѣ во всѣ три вышесказанные срока, но мечетъ ли одна и та же зайчиха три раза въ годъ—не знаю. Судя по скорому, иногда въ одинъ годъ совершающемуся, изумительному размноженію зайцевъ, такое мнѣніе допустить можно. Зайчиха, какъ говорятъ, *ходитъ сукотна* девять недѣль и зайчатъ мечетъ до девяти; говорятъ также, что они родятся слѣпые и до 12-ти дней сосутъ мать. Гг. ученые натуралисты думаютъ, что зайчиха ходитъ сукотна *четыре* недѣли, зайчатъ мечетъ отъ 3 до 6-ти и кормитъ ихъ своимъ молокомъ *одну* недѣлю. Кто правъ — не знаю; но въ четырехъ-недѣльномъ срокѣ сукотности зайчихъ очень сомнѣваюсь. Это время слишкомъ коротко. Заяцъ —первый годъ отъ рожденія—называется *прибылой*, а во всѣ послѣдующіе годы—*матерой*.

Наружность зайца извѣстна всѣмъ; но онъ имѣетъ въ себѣ

[1]) Время ихъ совокупленія.

[2]) Есть еще заячій пометъ, который въ губерніяхъ поюжнѣе называется *снытники*, т.-е. зайчата, родящіеся тогда, когда поспѣетъ трава сныть, вѣроятно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Вообще можно съ достовѣрностью предположить, что зайчихи мечутъ съ исхода марта до исхода сентября; странно, что зайцы самаго поздняго помета называются у охотниковъ *ярышами*.

замѣчательную особенность: это—устройство его заднихъ ногъ, которыя гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ и снабжены необыкновенно эластическими, крѣпкими, сухими жилами. Отсюда происходитъ диковинная легкость прыжковъ, иногда имѣющихъ въ длину до трехъ аршинъ [1]), и вообще чудная рѣзвость заячьяго бѣга. Присѣвъ на заднія ноги, т. е. сложивъ ихъ на сгибѣ, упершись въ какое-нибудь твердое основаніе, заяцъ имѣетъ способность съ такою быстротой и силой разогнуть ихъ, что буквально бросаетъ на воздухъ все свое тѣло; едва обопрется онъ о землю передними лапками, какъ уже заднія, далеко перепрыгнувъ за переднія, даютъ опять такой же толчокъ, и бѣгъ зайца кажется одною линіей, вытянутою въ воздухѣ. Безъ сомнѣнія, быстротѣ прыжковъ много способствуетъ крѣпость спинного хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бѣжать подъ гору, и наоборотъ, очень ловко—на гору или въ гору. Перваго онъ всегда избѣгаетъ; но вынужденный иногда къ тому преслѣдованіемъ враговъ, преимущественно борзыхъ собакъ, онъ нерѣдко скатывается кубаремъ съ вершины до самой подошвы горы. Заяцъ не ходитъ, а только прыгаетъ, онъ даже не можетъ стоять вдругъ на всѣхъ четырехъ ногахъ: какъ скоро онъ останавливается на своемъ бѣгу, то сейчасъ присядетъ на заднія ноги,—такъ онѣ длинны. Онъ особенный мастеръ вдругъ сѣсть на всемъ бѣгу, и охотники говорятъ, что заяцъ *садокъ*. Надобно еще замѣтить, что шея у зайца не повертывается, и онъ не можетъ оглянуться назадъ; услыхавъ какой-нибудь шумъ сзади или сбоку, онъ упирается на заднія ноги, перекидываетъ всего себя въ ту сторону, откуда послышался шумъ, садится на корточки, какъ сурокъ, и насторожитъ свои длинныя уши. Зайцы положительно травоядныя животныя, хотя имѣютъ очень острые зубы, которыми больно кусаются, если возьмутъ ихъ въ руки неловко: живого зайца должно всегда держать за уши и заднія ноги. Когда есть трава, зайцы питаются ею, также древесными листьями, всякими хлѣбными посѣвами, и особенно любятъ озимь. Зимою гложутъ они древесную кору, предпочтительно молодыхъ осинъ и таловыхъ кустовъ, а въ степяхъ всякую

---

[1]) Трехъ-аршинную мѣру заячьихъ прыжковъ можно найти на всякомъ взбудномъ слѣдѣ, но одинъ извѣстный охотникъ (А. С. Х.) сказывалъ мнѣ, что русакъ на бѣгу перепрыгиваетъ глубокія рытвины или разсѣлины до семи аршинъ шириною.

травяную ветошь, разгребая для того своими лапками довольно большіе снѣжные сугробы. Плодовые сады могутъ жестоко пострадать отъ зайцевъ въ продолженіи зимы, если не будутъ взяты извѣстныя предохранительныя мѣры. Заяцъ имѣетъ особенный, жалобный крикъ, похожій на плачъ младенца. Онъ испускаетъ его, будучи раненъ и попавъ въ когти, зубы или руки врага. На течкахъ же зайцы кричатъ особеннымъ образомъ и, подражая этому крику, манятъ ихъ охотники.

Заяцъ — самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицей: *труслив какъ заяцъ*. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зарямъ выходитъ изъ своего дневного убѣжища, *встаетъ съ логова*; ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіи ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ и *жируетъ*, то есть рѣзвится, и вообще исполняетъ всѣ требованія природы; съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своею мордочкой, опушенною рѣдкими, но довольно длинными, бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи, заяцъ исходитъ, особенно по открытымъ полямъ и горамъ, нѣсколько верстъ, что каждый охотникъ, *сходившій* русаковъ по *маликамъ*, извѣдалъ на опытѣ [1]).

Русскій народъ называетъ зайца косымъ. Его глаза, большіе, темные, на выкатѣ — не косы: это знаетъ каждый; но будучи пугливъ, тороплив и не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника, или на пенекъ, оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ неловкихъ движеній назвали его косымъ, и даже человѣка, пробѣжавшаго въ-торопяхъ мимо того предмета, который онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицаніемъ: „эхъ ты косой заяцъ", или: „куда забѣжалъ скосу?" Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ,

---

[1]) Сходить зайца по малику—терминъ охотничій и значитъ отыскать его по слѣдамъ. Вообще ружейные охотники держатся терминологіи псовыхъ охотниковъ, чему и я послѣдую.

закатываетъ подъ лобъ иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно, это дремота, но при первомъ взглядѣ заяцъ покажется косымъ. Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворныя и легавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки, о чемъ я имѣлъ уже случай говорить. Но кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ летаютъ и по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое *логово*; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется, въ чистыхъ поляхъ), то непремѣнно и тамъ увидитъ его, зоркій до невѣроятности, черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ,—увидитъ и, зашумѣвъ какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями. Мало этого, даже ночью сторожатъ зайцевъ, на мирныхъ гулянкахъ, большія совы и филины [1]). Сказывалъ мнѣ одинъ достовѣрный охотникъ, что орлы и беркуты сходятъ зайцевъ по маликамъ. Это довольно странно: орлы, беркуты—не пѣшеходныя твари, но дѣло доказывается тѣмъ, что эти хищники попадаются иногда въ капканы, которые ставятся на зайцевъ, именно на сплетеніи маликовъ. называемомъ *заячьею тропой* [2]).

Случайно можно застрѣлить бѣляка и даже русака во вся-

[1]) Мнѣ разсказывали охотники, что совы и филины ловятъ по ночамъ зайцевъ слѣдующимъ образомъ: они подстерегаютъ ихъ на тропахъ; одною ногой сова вкогтится въ зайца, другою ухватится за вѣтку куста или дерева и, такимъ образомъ, держитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ; тогда сова вкогтится въ него и другою лапой и окончательно задушитъ. Къ этому прибавляютъ, что заяцъ отрываетъ иногда вкогтившуюся въ него лапу (разумѣется, въ то время, когда сова другой лапой держится за кустъ), что охотникамъ случалось затравливать зайцевъ, на которыхъ висѣла вкогтившаяся въ тѣло, оторванная и уже высохшая, лапа совы. Признаюсь, послѣднее обстоятельство я считалъ выдумкою, но тотъ же охотникъ и знатокъ этого дѣла, на котораго я недавно ссылался (А. С. Х.), удостовѣрилъ меня, что это совершенно справедливо. То же подтверждаетъ и другой стрѣлокъ-охотникъ, Ю. Ѳ. С.

[2]) 1854 года, декабря 11-го, принесли мнѣ средней величины желто-бурую сову, попавшую въ капканъ, поставленный на заячьемъ маликѣ: очевидно, что и совы сходятъ зайцевъ по слѣдамъ. *Позднѣйш. примѣч. сочинителя.*

кое время года; но охота, особенно за бѣляками, начинается весной, около большихъ и среднихъ рѣкъ, на островахъ, залитыхъ со всѣхъ сторонъ полою водой. Эта охота очень добычлива; на иной небольшой островокъ набѣжитъ зайцевъ множество, и они, *взбуженные* [1]) охотниками, бѣгаютъ, какъ угорѣлые, взадъ и впередъ, подобно испуганному и разсѣянному стаду овецъ; которые отъ страха бросаются въ воду и переплываютъ иногда не малое пространство. Въ это время стрѣляютъ ихъ въ большомъ количествѣ; но я никогда не любилъ такой охоты, похожей на какую-то бойню загнанной въ загородъ скотины. Я предпочиталъ весною стрѣльбу бѣляковъ, обыкновенно ложащихся по снѣжнымъ сувоямъ, которые, когда все уже кругомъ растаяло, остаются неприкосновенными нѣсколько времени и тянутся длинными, бѣлыми гривами по лѣснымъ опушкамъ и кустамъ; снѣгъ скипится и окрѣпнетъ, какъ ледъ, и свободно поднимаетъ охотника. Зайцы любятъ лежать на сувояхъ днемъ, послѣ ночныхъ похожденій для добыванія корма. Эту стрѣльбу удобнѣе производить нѣсколькимъ охотникамъ вмѣстѣ; одинъ, двое или трое, смотря по ширинѣ снѣга, должны итти по самому сувою, а остальные около его краевъ; зайцы будутъ вскакивать въ мѣру и, неохотно оставляя снѣгъ, станутъ набѣгать на котораго-нибудь изъ охотниковъ. Этою весеннею охотой оканчивается настоящая стрѣльба зайцевъ до осени; впрочемъ и лѣтомъ, когда въ лѣсу нападутъ на зайцевъ клещи, они выбѣгаютъ, особенно по утрамъ и вечеромъ, на чистыя поляны, опушки и дороги; проѣхавъ по лѣсной дорогѣ или пройдя поляной и опушкой, всегда можно убить нѣсколько бѣляковъ, непремѣнно съ нѣсколькими клещами, которые плотно впились въ нихъ, насосались крови и висятъ, какъ синія моченыя сливы. Я никогда не хаживалъ въ эту пору нарочно за зайцами, а бивалъ ихъ, когда попадались нечаянно. Стрѣляютъ также зайцевъ (съ весны, въ концѣ лѣта, когда выкосятъ травы, и осенью) изъ-подъ гончихъ собакъ цѣлымъ обществомъ охотниковъ, и многіе находятъ эту стрѣльбу очень веселою, особенно въ глубокую осень, когда всѣ зайцы побѣлѣютъ, и вмѣстѣ съ ними можетъ выскочить на охотника изъ острова красный звѣрь: волкъ или лиса. Я не оспариваю удовольствія этой осенней стрѣльбы, но у всякаго свой вкусъ: я не люблю

---

[1]) То-есть испуганные, поднятые съ мѣста; отсюда—*взбудный слѣдъ*.

охоты, гдѣ надобно содѣйствіе постороннихъ людей, иногда вовсе не охотниковъ, и долженъ признаться, что не люблю ни гончихъ, ни борзыхъ собакъ и слѣдовательно не люблю псовой охоты.

Самая лучшая стрѣльба бѣляковъ производится по черностопу, въ позднюю осень, когда они выцвѣтутъ, побѣлѣютъ и сдѣлаются видны издалека. Эта стрѣльба называется *узеркъ* или *узерка*. Необходимое условіе для нея — долгая мокрая осень; въ сухую и короткую зайцы не успѣваютъ выцвѣсть; нерѣдко выпадаетъ снѣгъ и застаетъ ихъ въ лѣтней сѣрой шкурѣ. Въ ненастное же время зайцы, чувствуя непріятную мокроту, безпрестанно трутся о деревья, кусты, стоги сѣна, или просто валяются по землѣ. По мнѣнію охотниковъ, именно потому они бѣлѣютъ скоро, что отъ тренія лѣзутъ сѣрые, лѣтніе, слабые волосы и вмѣсто нихъ выходятъ бѣлые, зимніе, крѣпкіе. Зайцы выцвѣтаютъ не вдругъ: сначала дѣлаются чалыми, потомъ побѣлѣетъ внѣшняя сторона заднихъ ногъ или *гачи*, и тогда говорятъ: *заяцъ въ штанахъ*; потомъ побѣлѣетъ брюхо, а за нимъ всѣ прочія части, и только пятномъ на лбу и полосою по спинѣ держится красноватая, сѣрая шерсть; наконецъ заяцъ весь побѣлѣетъ, какъ *лунь*. какъ *колпикъ* [1]), какъ первый снѣгъ. Издалека мелькаетъ и сквозитъ на почернѣвшей землѣ какая-то неопредѣленная бѣлизна: въ лѣсу, въ чащѣ кустовъ, въ поляхъ и даже въ степи, гдѣ иногда ложатся бѣляки, — и, по какому-то тоже неопредѣленному чутью, издалека узнаетъ привычный, зоркій глазъ охотника, что эта бѣлизна — заяцъ, хотя бываютъ иногда и самыя смѣшныя ошибки. Странное дѣло: отчего стрѣльба зайцевъ въ узеркъ очень нравится почти всѣмъ настоящимъ охотникамъ высшаго разряда, не говоря уже о простыхъ добычливыхъ стрѣлкахъ? Повидимому, въ ней нѣтъ ничего заманчиваго. Зайца увидишь, по большей части, издали, можешь подойти къ нему близко, потому что лежитъ онъ въ мокрое время крѣпко, по инстинкту зная, что на голой и черной землѣ ему, побѣлѣвшему бѣдняку, негдѣ спрятаться отъ глазъ враговъ своихъ, что даже сороки и вороны нападутъ на него со

---

1) Лунь—чегликъ (самецъ) *бѣлохвостика*, довольно большой хищной птицы низшаго разряда: онъ весь бѣлый и нисколько не похожъ на свою темно-красноватую, пеструю самку, превосходящую его величиной почти вдвое; колпикъ — бѣлый аистъ съ красными ногами и носомъ: онъ водится около Астрахани.

всѣхъ сторонъ съ такимъ крикомъ и остервенѣніемъ, что онъ, въ страхѣ, не будетъ знать куда дѣваться, — и такъ подойдешь къ зайцу близко или подозришь его нечаянно, еще ближе, прицѣлишься, выстрѣлишь и убьешь. Вотъ и вся исторія. Что же тутъ есть особенно веселаго, возбуждающаго, *лестнаго*, какъ говорятъ простые охотники?... Рѣшительно нѣтъ ничего. Но я самъ, разсуждающій теперь такъ спокойно и благоразумно, очень помню, что въ старые годы страстно любилъ стрѣльбу въ узеркъ, и несмотря на безпрерывный ненастный дождь, отъ котораго часто сырѣлъ на полкѣ порохъ, несмотря на проклятыя вспышки (ружья были тогда съ кремнями), которыя приводили меня въ отчаяніе,—цѣлые дни, правда очень короткіе, отъ зари до зари, не пивши, не ѣвши, мокрый до костей, десятки верстъ исхаживалъ за побѣлѣвшими зайцами... То же дѣлали и другіе. Какія же тому причины? Я говаривалъ объ этомъ не одинъ разъ со многими охотниками. Всѣ соглашались, что, точно, это странность, и всякій объяснялъ ее по своему: одинъ говорилъ, что заяцъ — крупная штука, а на крупную штуку всегда охотникъ *зарится*, то есть жадничаетъ добыть ее; другой объяснялъ вопросъ тѣмъ, что весело бить зайцевъ *въ порѣ*, когда они выцвѣли, *выкунѣли*, что тутъ не пропадетъ даромъ и шкурка, а пойдетъ кому-нибудь въ пользу. Все это отчасти справедливо; но мнѣ кажется, что есть и другая, такъ сказать нравственная, прямая, чисто-охотничья причина: стрѣльба зайцевъ въ узеркъ совсѣмъ не такъ легка и проста, какою кажется съ перваго взгляда, что̀ и доказывается не малымъ числомъ промаховъ, особенно у новичковъ, покуда ону не примѣнятся къ дѣлу. Промахи же случаются оттого, что логово зайца почти всегда защищено: оно прикрыто сучками, прутьями (когда онъ лежитъ подъ срубленной вершиной, что очень любитъ), или пеньками деревъ, завялою крупною травой, вообще какимъ-нибудь дрязгомъ, всегда находящимся въ корняхъ кустовъ или въ лѣсной чащѣ. Не нужно объяснять, что дробь, касаясь какихъ-нибудь препятствій на своемъ пути, уклоняется отъ цѣли, и выстрѣлъ дѣлается невѣренъ. Но этого мало: промахи бываютъ по зайцамъ, лежащимъ въ степи на совершенно голыхъ и чистыхъ мѣстахъ. Послѣднее происходитъ, по моему мнѣнію, оттого, что въ травѣ виденъ только верхъ бѣлѣющей шерсти, которую заяцъ, обыкновенно сжимаясь въ комокъ на логовѣ, всегда приподнимаетъ: если цѣлить именно въ ту крайнюю черту

бѣлизны, которая граничитъ съ воздухомъ, то зарядъ ляжетъ высоко, и случается иногда (случалось и со мною), что дробь выдеретъ бѣлый пухъ и осыплетъ имъ полукругъ около логова, а заяцъ убѣжитъ. Впрочемъ, опытные охотники знаютъ секретъ, берутъ на цѣль пониже, подъ самую бѣлизну; кучнымъ зарядомъ вскинетъ убитаго зайца вверхъ, и въ мѣру, на чистомъ мѣстѣ, промаха никогда не будетъ. Прибавьте ко всему, мною сказанному, что подозривъ издалека нѣчто болѣе, подходишь съ сомнѣніемъ, высматриваешь, то убѣждаешься, что это заяцъ, то покажется, что совсѣмъ не заяцъ, а какая-то бѣлая кость; иногда вся бѣлизна пропадаетъ изъ глазъ, потому что на ходу уголъ зрѣнія охотника, заслоняемый и пересѣкаемый разными предметами, измѣняется безпрестанно; наконецъ, увѣрившись совершенно, что это заяцъ, очень рѣдко будешь имѣть терпѣніе подойти къ нему близко: все кажется, что какъ-нибудь зашумишь, испугаешь зайца, что онъ сейчасъ вскочитъ и уйдетъ, и охотникъ, особенно горячій, всегда выстрѣлитъ на дальную мѣру... Вотъ причины многихъ промаховъ; вотъ отъ чего эта стрѣльба горячитъ охотниковъ и за что они ее любятъ.

Въ долгую, мокрую, безморозную очень, въ плодородный на зайцевъ годъ, стрѣльба въ узеркъ бываетъ очень добычлива: мнѣ самому случалось убивать въ одно поле до 24-хъ зайцевъ,—а это цѣлый возъ. Въ постоянно дождливую погоду, капель съ деревьевъ выгоняетъ бѣляковъ въ опушки лѣса и даже въ чистыя поля. Я помню не одну такую осень; бывало, подъѣдешь къ небольшому отъемному острову или лѣсному острогу, и около него, даже по озимямъ, вездѣ виднѣются бѣловатыя пятна: это зайцы. Въ одну такую осень, именно въ 1816 году, октября 28-го, мнѣ случилось убить диковинной величины бѣляка. Онъ напугалъ меня не на шутку: ходя по лѣсу въ сѣрый, туманный день, я убилъ уже много зайцевъ и развѣсилъ ихъ по сучьямъ, чтобы собрать послѣ, вмѣстѣ съ другимъ охотникомъ; отъ наступающихъ сумерекъ становилось темно; вдругъ вижу я огромное подобіе бѣлаго зайца, сидящаго на корточкахъ, *въ воздухѣ*, какъ мнѣ показалось, на аршинъ отъ земли. Охотники нѣсколько суевѣрны, и я не хочу запираться, что сначала сильно испугался; долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ и думалъ, что мнѣ померещилось, что обманъ исчезнетъ. Наконецъ я успокоился, ободрился и разглядѣлъ, что огромный бѣлякъ сидѣлъ не на воздухѣ,

а на толстомъ липовомъ пенькѣ, что зайцы дѣлаютъ нерѣдко. Онъ сидѣлъ нѣсколько бокомъ ко мнѣ, шевелилъ ушами и передними лапками, прислушивался къ шуму и, повидимому, меня не замѣчалъ; разстояніе было не далекое; оба ствола моего ружья заряжены крупною гусиною дробью; я собрался съ духомъ, приложился, выстрѣлилъ,—заяцъ необычайно пронзительно и жалобно закричалъ и повалился, какъ снопъ, на землю... Я убѣжалъ, отыскалъ своего товарища и, вмѣстѣ съ нимъ и кучеромъ, пришелъ на то мѣсто, гдѣ выстрѣлилъ въ диковиннаго бѣляка: убитый наповалъ, онъ лежалъ у пенька, и въ самомъ дѣлѣ это было чудо! По крайней мѣрѣ въ полтора раза, если не вдвое, былъ онъ больше самаго матераго русака. По всему его тѣлу, подъ кожею, находились какія-то шишки, а на скулахъ, также подъ кожей, лежали твердые мясистые желваки, чуть не въ кулакъ величиною. Я долго сберегалъ этого зайца и показывалъ охотникамъ; но мяса такого урода никто ѣсть не сталъ. Одинъ крестьянинъ, стрѣлокъ, объяснилъ мнѣ, что это *заячій князекъ*, и что онъ появляется лѣтъ черезъ сто. Очень досадно, что я не сдѣлалъ чучелы, даже не взвѣсилъ и не смѣрилъ этого диковиннаго зайца, въ которомъ излишество животной растительности переходило даже въ болѣзненное уродство.

Но есть еще стрѣльба зайцевъ, которая, по-моему, въ охотничьемъ отношеніи, лучше стрѣльбы въ узеркъ, хотя она не только не добычлива, но даже бываетъ скудна и очень утомительна: это стрѣльба русаковъ *по порошь* [1]). Изрѣдка между ними попадаются и *тумаки*, въ правахъ своихъ совершенно сходные съ русаками. Тутъ надобно умѣнье сходить зайца, т. е. по малику дойти наконецъ до логова и застрѣлить его на лежкѣ или въ бѣгъ. Это умѣнье можно пріобрѣсть одною опытностью. Если *принять* рано утромъ вечерній маликъ русака, только что вставшаго съ логова, то въ мелкую и легкую порошу за нимъ, безъ сноровки, проходишь до полденъ: русакъ сначала бѣгаетъ, играетъ и грѣется, потомъ ѣстъ, потомъ опять рѣзвится, жируетъ, снова ѣстъ и уже на зарѣ отправляется на логово, которое у него бываетъ, по

---

[1]) Порошею называется каждый новый снѣгъ, выпавшій съ вечера или даже въ ночь, но переставшій къ утру: онъ точно запорошитъ всѣ старые слѣды, а новые, если погода теплая, отпечатаются на свѣжемъ снѣгу такъ отчетисто, что даже видны ноготки ходившаго звѣря. Если снѣгъ небольшой, то пороша называется *мелкою;* если большой—*густою*, если мокрый—*печатною*.

большей части, въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ особенныхъ исключеній: собираясь лечь, заяцъ *мечетъ петли* (отъ двухъ до четырехъ), т. е. дѣлаетъ кругъ, возвращается на свой маликъ, вздваиваетъ его, встраиваетъ и даже четверитъ, прыгаетъ въ сторону, снова немного походитъ, наконецъ, послѣ послѣдней петли, иногда опять встраиваетъ маликъ и, сдѣлавъ нѣсколько самыхъ большихъ прыжковъ, окончательно ложится на логово; случается иногда, что мѣсто ему не понравится, и онъ выбираетъ другое. Все это измѣняется, смотря по качеству пороши и по погодѣ: если пороша мелка и погода холодна, то заяцъ ходитъ много, а если напротивъ, то ходитъ мало. Сверхъ того, чѣмъ позднѣе перестанетъ итти снѣгъ, тѣмъ короче заячьи малики, такъ что если снѣгъ шелъ сильный и пересталъ на зарѣ (что случается довольно часто), то гдѣ увидишь маликъ, тамъ лежитъ и заяцъ, ибо всѣ его прежніе *ходы* запорошило снѣгомъ; само собою разумѣется, что малики тогда попадаются рѣдко. Пѣшкомъ эта охота слишкомъ тяжела, и потому для отысканія русачьихъ маликовъ надобно ѣздить верхомъ, а всего лучше въ легкихъ саняхъ; разбирать путаницы всѣхъ *жировокъ* или *жировъ* и ходовъ не должно, а надобно объѣзжать ихъ кругомъ и считать входы и выходы: если нѣтъ лишняго выхода, то русакъ лежитъ тутъ, въ *жирахъ*, что впрочемъ, бываетъ довольно рѣдко; отыскавъ же выходъ и увидя, наконецъ, что заяцъ началъ *метать петли*, охотникъ долженъ уже пѣшкомъ, съ ружьемъ наготовѣ и съ взведенными курками, итти по малику: логово гдѣ-нибудь недалеко, и надобно не зѣвать и не слишкомъ заглядываться на свѣжесть слѣдовъ, а смотрѣть, нѣтъ ли *сметки* въ бокъ и не лежитъ ли русакъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Случается иногда, что не услышишь ни малѣйшаго шороха и не увидишь, какъ онъ вскочитъ и уйдетъ; добравшись до логова, только по взбудному слѣду догадаешься, что добыча ускользнула. Впрочемъ днемъ заяцъ ходитъ мало и сейчасъ ложится; черезъ нѣсколько времени, давъ зайцу успокоиться, можно опять и ужь очень скоро сойти его; но на второй лежкѣ онъ не такъ крѣпко лежитъ, какъ на первой. Любимыя мѣста у русака для логова—сурчины, гдѣ онъ ложится у самой сурочьей норы и прячется въ нее при первой опасности; потомъ снѣжные *удулы* по межамъ и овражкамъ: въ нихъ онъ дѣлаетъ себѣ небольшое углубленіе, въ видѣ норы, въ которое ложится; если дуетъ погодка и тащитъ снѣжокъ,

то замететь совсѣмъ *лазъ* въ его логово. Тутъ онъ такъ крѣпко иногда лежитъ, что мнѣ самому случалось взминать снѣгъ ногами, чтобы взбудить русака... И что за красота, когда онъ вылетитъ изъ удула, на всѣ стороны разсыпавъ снѣжную пыль, матерой, цвѣтной, красивый, и покатитъ по чистому полю!.. Весело прекратить этотъ быстрый бѣгъ мѣткимъ выстрѣломъ, отъ котораго колесомъ завертится русакъ съ разбѣга и потомъ растянется на снѣгу!.. Покуда пороши еще мелки и снѣжной норы сдѣлать нельзя, русаки ложатся предпочтительно по горнымъ долочкамъ, поросшимъ какимъ-нибудь степнымъ кустарникомъ, также по межамъ, гдѣ обыкновенно придуваетъ снѣгъ къ нагнувшейся высокой травѣ: нерѣдко сходятъ они съ горъ въ замерзшія, камышистыя болота (если они есть близко) и выбираютъ для логова иногда большія кочки; въ чистой и гладкой степи русаки лежатъ подъ кустиками ковыля. Очевидно, что, по порошѣ, въ одинъ день немного сойдешь и убьешь зайцевъ; а когда первозимье устанавливается *безпутно*, говоря по-охотничьи, то есть снѣгъ идетъ днемъ, а не ночью, и пороши ложатся неудобно, и если скоро сдѣлается на снѣгу настъ, который поднимаетъ зайца, а не поднимаетъ охотника, хруститъ подъ его ногами и далеко вспугиваетъ русака, тогда этой заманчивой стрѣльбы вовсе не бываетъ.

Русаки — большіе охотники до хлѣбной пищи, и потому ближайшіе отъ деревень постоянно посѣщаютъ хлѣбныя гумна, даже ложатся въ нихъ на день, и такъ бываютъ смѣлы, что, несмотря на ежедневныя крестьянскія работы и на гамъ народа и стукъ цѣповъ, остаются спокойно на своихъ логовахъ. Такихъ русаковъ называютъ *гуменниками;* они сытѣе и рѣзвѣе другихъ. Я много разъ самъ нахаживалъ русаковъ на гумнахъ и бивалъ ихъ. Одинъ разъ, при мнѣ, поймали у самой риги русака въ огромной кучѣ длинныхъ дровъ, куда онъ залѣзалъ на день: крестьянинъ, сушившій ригу, замѣтилъ на зарѣ, что заяцъ влѣзъ въ дрова, и заставилъ лазею плахой. Около Москвы, гдѣ хлѣбъ обмолачивается съ осени, русаки ходятъ ѣсть сѣно въ сѣнные сараи. Иногда дѣлаютъ то же и бѣляки. Хлѣбный русакъ до того бываетъ жиренъ, что, не видавши, трудно повѣрить: отъ однѣхъ почекъ, изъ внутренности русачьей тушки, собирается иногда сала до двухъ фунтовъ. Сколько же его еще остается! Такой русакъ отлично вкусенъ, и бѣлякъ, даже очень сытый, никогда сравниться съ

нимъ не можетъ. Вообще заячье мясо имѣетъ сильный и пріятный вкусъ дичины: оно очень питательно, даже горячительно. Еще недавно, на моей памяти, народъ не ѣлъ зайцевъ; теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаютъ употреблять въ пищу *задки* или *почки*, а передки бросаютъ, говоря, что *передокъ у зайца—собачій*. Это я разсказываю о крестьянахъ отдаленныхъ, Симбирской и Оренбургской губерній, а подмосковные, вѣроятно, не такъ строги въ соблюденіи народныхъ предразсудковъ.

Самый сильнѣйшій истребитель заячьихъ породъ — человѣкъ, и ружье еще самое слабое оружіе къ ихъ истребленію: борзыя собаки и выборзки (до которыхъ большіе охотники Мордва, Чуваши и Татары), тенета, то есть заячьи сѣти, капканы—вотъ кто губятъ ихъ тысячами.

Для стрѣлянья зайцевъ надобно употреблять крупную дробь: 1-ый и 2-ой нумера. Кромѣ того, что иногда приходится стрѣлять далеко, зайцы, не будучи особенно крѣпки къ ружью, защищены пушистою шерстью, которая очень ослабляетъ дѣйствіе и крупной дроби, а мелкая въ ней завертывается. Впрочемъ, само собою разумѣется, что въ близкомъ разстояніи убьешь зайца всякою дробью.

Кромѣ описанныхъ мною трехъ породъ, въ Оренбургской губерніи изрѣдка попадаются черные зайцы, обыкновеннаго склада и величины; мнѣ никогда не удалось ихъ убить.

Мелкія птички.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о тѣхъ мелкихъ птичкахъ, которыя употребляются въ пищу и которыя очень не дурны вкусомъ, особенно если жирны. Ихъ никто не называетъ дичью, и настоящіе охотники рѣдко ихъ стрѣляютъ, развѣ такъ, чтобы разрядить ружье, или за совершеннымъ отсутствіемъ всякой настоящей дичи. Охотники же промышленники, по большей части, ловятъ ихъ для продажи. Я не стану описывать этихъ птицъ, а только назову нѣкоторыхъ: это скворцы, жаворонки, свиристели, овсянки, снигири и многія другія. Въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, можно почти всегда найти ихъ нанизанныхъ носами на снурки и висящихъ красивыми пучками. Повара употребляютъ ихъ въ соусы и паштеты, и гастрономы благосклонно отзываются о такихъ блюдахъ съ *мелкими птичками*. Нѣкоторые охотники стрѣляютъ *кукушекъ* и ѣдятъ; я отвѣдывалъ ихъ и нахожу, что онѣ довольно вкусны. — Несравненно лучше всѣхъ—*подорожники*. Эти птички, сходныя величиною и фигурою съ жаворонками, извѣстными всѣмъ и каждому, появляются въ Оренбургской губерніи зимою стаями и пропадаютъ весною, вмѣстѣ со снѣгомъ. Перомъ онѣ довольно красивы; всѣ пестрыя или пѣгія, съ весьма разнообразными оттѣнками, которые состоятъ изъ цвѣтовъ: голубовато-сизаго, сѣраго, темнаго и немного рыжеватаго, перемѣшанныхъ неправильно на ярко-бѣломъ основаніи; иные подорожники бываютъ почти чисто-бѣлые; въ мартѣ, къ веснѣ, они начинаютъ сѣрѣть и, вѣроятно, лѣтомъ дѣлаются совсѣмъ сѣрыми, но гдѣ проводятъ лѣто и гдѣ выводятъ дѣтей — не знаю. Имя свое получили отъ того, что всегда колотятся по дорогамъ станичками, иногда довольно большими, особенно около гуменъ; они очень охотно клюютъ всякія зерна, и я всегда находилъ ихъ зобы наполненные предпочтительно овсомъ. Подорожники, когда ихъ вспугнетъ проѣзжій, всегда перелетаютъ на небольшое разстояніе впередъ и опять садятся на дорогу, что повторяется много разъ; наконецъ, наскучивъ безпрестаннымъ перелетываньемъ, подорожники облетаютъ вкругъ проѣзжаго или прохожаго, возвра-

щаются назадъ и садятся на ту же дорогу. Я слыхалъ, что они поютъ, и пробовалъ держать ихъ въ клѣткахъ; но опыты были неудачны: подорожники ѣли очень хорошо кормъ, но черезъ нѣсколько времени начинали хромѣть, валяться на спинѣ и умирали. Я не могу рѣшить: теплота или тѣснота были тому причиною. Одинъ разъ наловили деревенскіе мальчики множество подорожниковъ лучками съ сѣткой; это случилось въ январѣ; я насажалъ ихъ съ сотню въ холодную комнату, и они жили благополучно до исхода марта, были очень жирны и вкусны: ихъ всѣхъ употребили для стола, и потому не знаю, какъ стали бы они жить въ тепломъ воздухѣ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Разрядъ I.

БОЛОТНАЯ ДИЧЬ.

Разрядъ II.

ВОДЯНАЯ ИЛИ ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ДИЧЬ.

Разрядъ III.

ДИЧЬ СТЕПНАЯ ИЛИ ПОЛЕВАЯ.

Разрядъ IV.

ЛѢСНАЯ ДИЧЬ.